

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

**Harvard College
Library**

**THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge**

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

4722

23-2

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ

за 1890 годъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1890.

PS/ar 381.60

~~Elar 25.20~~

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

1782

ОТЪ РЕДАКЦИИ СБОРНИКА.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ постановило издать въ 1890 г. сборникъ историческихъ статей, возложивъ его редактированіе на комитетъ, управляющій дѣлами Общества. Приступить къ составленію и печатанію сборника оказалось возможнымъ лишь въ концѣ сентября 1890 г. съ тѣмъ расчетомъ, чтобы изданіе было готово 1 янв. 1891 г. Въ виду этого комитету пришлось печатать лишь тѣ статьи, которыя ему были доставлены за это время, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ доставлялись. Къ сожалѣнію, за все это время въ его распоряженіи не было ни одной работы по русской исторіи, такъ какъ обѣщанныя ему или имъ заказанныя статьи, касающіяся исторіи Россіи или русской исторической литературы, не были имъ своевременно получены. По той же причинѣ отдѣлъ исторической хроники не могъ выйти такъ полонъ, какъ того желалъ бы комитетъ, и пришлось отложить до слѣдующаго тома библиографію историческихъ статей въ русскихъ журналахъ за 1890 г., составленіе которой было начато, но не могло быть доведено до конца къ назначенному сроку. Комитетъ Общества приметъ мѣры, чтобы въ слѣдующихъ томахъ сборника не было такихъ пробѣловъ, и рассчитываетъ въ этомъ отношеніи на помощь со стороны самихъ членовъ Историческаго Общества.

12 декабря 1890 г.

ОТДѢЛЪ I.

Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки ¹⁾.

Н. И. Каръева.

Среди задачъ, указываемыхъ Историческому Обществу при Петербургскомъ университетѣ его уставомъ, въ качествѣ совершенно самостоятельной задачи, значится *разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки*. Посвящая значительную часть своего времени изслѣдованіямъ въ области теоріи исторіи, я лично особенно былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы при организаціи нашего Общества ему, между прочимъ, была поставлена и такая цѣль, надѣясь, съ одной стороны, время отъ времени обмѣниваться съ его членами мыслями по указаннымъ вопросамъ, съ другой—вызвать къ этимъ вопросамъ большій интересъ у специалистовъ и тѣмъ самымъ подвинуть впередъ разработку теоріи нашей науки. На мнѣ, конечно, лежитъ поэтому и обязанность объяснить вамъ, что разумѣлъ я подъ теоретическими вопросами исторической науки, когда составлялся проектъ устава Историческаго Общества, и намѣтить въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ оно могло бы заниматься разработкой этихъ вопросовъ; вотъ этому-то и посвящаю я свое сообщеніе, тѣмъ самымъ приступая къ выполненію намѣченной задачи нашего Общества.

¹⁾ Рефератъ, читанный въ засѣданіи Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ 24 января 1890 г. Помѣщенный первоначально въ мартовской книгѣ *Русской Мысли* за 1890 г., онъ печатается здѣсь съ кое-какими измѣненіями и съ дополненіями, частью заимствованными изъ двухъ рефератовъ автора „Юриспруденція и теорія историческаго процесса“ и „Вопросъ о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“, читанныхъ имъ въ московскихъ Юридическомъ и Психологическомъ обществахъ въ апрѣлѣ 1890 г. См. № 7 и 8 *Юрид. Вѣстн.* и 4 книгу *Вопросовъ философіи и психологіи*.

Имѣя въ числѣ его членовъ представителей разныхъ научныхъ специальностей, я намѣренъ, кромѣ того, показать, въ какихъ случаяхъ они могли бы намъ помочь при разработкѣ теоретическихъ вопросовъ, а для этого мнѣ придется коснуться вопроса объ отношеніи другихъ наукъ къ теоретической части исторіи.

Позвольте мнѣ начать изложеніе своихъ мыслей о томъ, въ чемъ должна заключаться разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки, съ краткаго обзора того, какъ ставились до сихъ поръ эти вопросы въ научной и философской литературѣ. Литература эта достигаетъ громадныхъ размѣровъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается ¹⁾: въ ней, конечно, прежде всего, нужно разобратъся, опредѣливъ, что ею уже сдѣлано, и отмѣтивъ, чѣмъ она до сихъ поръ пренебрегала, дабы тѣмъ самымъ установить, въ чемъ же, главнымъ образомъ, должна заключаться дальнѣйшая разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки. Зажѣчу напередъ, что изъ послѣднихъ я выдѣляю теперь для нашего разсмотрѣнія одну только категорію, а именно вопросы, касающіеся самого историческаго процесса, какъ предмета науки, оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ писать ²⁾ или изучать ³⁾ исторію, и вопросы, относящіеся къ теоріи исторической критики ⁴⁾ или къ исторической методологіи ⁵⁾. Миръ явленій, къ которому принадлежитъ и исторія, представляетъ изъ себя совокупность весьма

¹⁾ Обзоры этой литературы существуютъ въ довольно значительномъ количествѣ, хотя и не всегда отличаются полнотою. Называемъ главнѣйшіе: *Flint*, „The philosophy of history in Europe“ (есть и франц. переводъ). *Marselli*, „Scienza della storia“. *Roeholl*, „Die Philosophie der Geschichte“. *Rougemon*, „Les deux cités. La philosophie de l'histoire aux différents âges de l'humanité“. *Стасюлевичъ*, „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“. Указанія на менѣе значительные обзоры см. въ началѣ первой главы первой книги моихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, въ концѣ есть, кромѣ того, также и обзоръ самой литературы (подробный въ 1 изд., сокращенный во 2). См. также новѣйшее (1889 г.) сочиненіе *Bernheim'a* „Lehrbuch der historischen Methode“.

²⁾ Первый извѣстный трактатъ объ этомъ предметѣ принадлежитъ жившему во II в. по Р. X. Лукіану Самосатскому: „Πῶς δεῖ τὴν ἱστορίαν συγγραφεῖν“.

³⁾ Объ этомъ предметѣ существуетъ обширная литература, начинала съ сочиненія *Бодена* (въ XVI в.) „Methodus ad facilem historiarum cognitionem“ и кончала названнымъ въ прим. I сочиненіемъ *Бертейма*. Указанія на нее въ *Осн. вopr. фил. ист.*

⁴⁾ Исторической критикѣ посвящались или отдѣльныя сочиненія (изъ новѣйшихъ см. *Smedt*, „Principes de la critique historique“), или главы въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія (см., напр., въ книгѣ *Бертейма* главу IV, стр. 202—389).

⁵⁾ Объ этомъ можно повторить то, что сказано въ предыдущемъ примѣчаніи. Изъ отдѣльныхъ сочиненій укажемъ здѣсь на русскую книгу *Стронина* „Исторія и методъ“.

разнообразныхъ процессовъ, изъ коихъ каждый, отличаясь отъ другихъ особенными, ему только свойственными, чертами, долженъ имѣть свою теорію, и вотъ въ этомъ-то смыслѣ я буду говорить въ настоящемъ моемъ рефератѣ о теоріи исторіи, о теоріи историческаго процесса.

Впервые съ идеей теоріи историческаго процесса мы встрѣчаемся у писателей XVIII вѣка и ранѣе всѣхъ у Вико, автора прославившейся только въ нашемъ столѣтіи *Новой науки*, которая вышла въ свѣтъ въ 1726 г. ¹⁾ Съ легкой руки первыхъ переводчиковъ и популяризаторовъ этой книги (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка ²⁾), значеніе итальянскаго мыслителя, оставшагося совершенно одинокимъ въ свое время, было нѣсколько преувеличено, хотя и несомнѣнно, что онъ былъ первый, кто поставилъ наукѣ новую задачу—ислѣдовать то, что въ послѣдствіи стали называть историческими законами. Въ исторіи отдѣльныхъ народовъ Вико подмѣтилъ нѣкоторое единообразіе, которое и объяснилъ себѣ, какъ результатъ ихъ общей природы и вытекающаго отсюда единства въ способѣ ихъ развитія: передъ его воображеніемъ даже носилась нѣкоторая „идеальная и вѣчная“, какъ самъ онъ выражается, исторія всѣхъ народовъ, ибо онъ думалъ, что дѣла человѣческія повторяются, когда націи возобновляются, и что потому вполне возможно установить „единообразный ходъ націй“. На его воззрѣніяхъ, какъ слѣдуетъ думать, сказалось вліяніе древней философіи: съ одной стороны, идеализмъ Платона внушилъ ему мысль о вѣчной исторіи, повторяемой всѣми народами, какъ объ „идеѣ“ исторіи; съ другой—у Аристотеля онъ заимствовалъ принципъ, что наука должна говорить лишь о вѣчномъ и общемъ. Вико не оказалъ никакого вліянія на современниковъ, и первую оцѣнку его мысли нашли только черезъ столѣтіе послѣ выхода въ свѣтъ его *Новой науки*. Въ томъ же XVIII вѣкѣ, только нѣсколько позднѣе, идея о томъ, что исторія должна имѣть свою теорію, стала встрѣчаться у французскихъ и нѣмецкихъ писателей, положившихъ начало цѣлой историко-философской литературѣ, но исходный пунктъ у нихъ былъ уже иной, чѣмъ у Вико: интересовало ихъ не то, какъ совершается исторія у каждаго народа, т.-е. не сущность историческаго процесса, отвлеченно взятаго, а то, что представляетъ изъ себя дѣйствительная исторія всѣхъ на-

¹⁾ *Giambattista Vico*. „Scienza nuova dell' origine delle nazioni“. 1726. Объ этомъ оригинальномъ мыслителѣ существуетъ цѣлая литература (книги *Ferrari*, *Werner'a*, *Flint'a* и масса статей).

²⁾ Нѣмецкій переводъ *Новой науки* сдѣланъ *Реберомъ* въ 1822 г., французскій—*Мишле* въ 1827 г. Кроме того, есть другой французскій переводъ 1844 г.

родовъ, образующихъ человѣчество, или философіи всемірной исторіи. Если писатели эти и касались вопросовъ, входящихъ въ составъ теоріи историческаго процесса въ его отвлеченной сущности, то вовсе не сознавая возможности положить этимъ начало особой теоретической наукѣ: ихъ занимала, главнымъ образомъ, идея прогресса въ приложеніи ко всему теченію всемірной исторіи, взятой въ цѣломъ, и именно съ этой точки зрѣнія писали свои извѣстные труды Тюрго и Кондорсэ во Франціи, Гердеръ въ Германіи ¹⁾. Въ эту эпоху, собственно говоря, и началось сознательное приложеніе философіи къ исторіи, и оно приняло, главнымъ образомъ, какъ разъ такое направление. Конечно, изъ общаго правила были исключенія, но они остались безъ замѣтнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе историко-философской литературы; въ ней на первомъ планѣ стояло не изслѣдованіе того, что такое историческій процессъ вообще и какъ онъ совершается, а обработка всемірной исторіи съ точки зрѣнія идеи прогресса.

Изъ философовъ такую именно задачу ставилъ Кантъ въ своей книжкѣ 1784 г. *Идея о всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія* ²⁾: онъ прямо говоритъ тутъ о необходимости и возможности въ настоящее время философской попытки представить всемірную исторію по плану природы, имѣющему цѣлью совершенное гражданское общество. Это была плодотворная мысль, но она заключала въ себѣ и вредную сторону: хотя великій философъ и оговаривался, что рекомендуетъ свою точку зрѣнія, какъ руководящую идею, однако, этимъ онъ не гарантировалъ предложенный имъ методъ отъ возможныхъ злоупотребленій, отъ примѣненія его не къ философіи исторіи, а къ самой исторіи, къ конструированію послѣдней не такъ, какъ она была, а какъ того требовалъ упомянутый планъ. Двѣ наиболѣе крупныя попытки философіи исторіи, сдѣланныя въ XIX в., представляютъ собою не что иное, какъ осуществленіе идеи Канта: и Гегель ³⁾, и Огюсть Контъ ⁴⁾ дали въ своихъ знаменитыхъ исто-

¹⁾ *Turgot*. „Sur les progrès successifs de l'esprit humain“. 1750. *Condorcet*. „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain“. 1794. *Herder*. „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“. 1785.

²⁾ *Kant*. „Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht“. 1784.

³⁾ *Hegel*. „Philosophie der Geschichte“. 1829. Объ этомъ сочиненіи писалось очень много, и у него было весьма много послѣдователей. См. *Springer*. „Die Hegel'sche Geschichtsanschauung“ и др.

⁴⁾ *Comte*. „Cours de philosophie positive“. Т. V—VI. „Système de politique positive“. Т. III, contenant la dynamique sociale ou traité général du progrès humain (la philosophie d'histoire). О Контѣ есть цѣлая литература, извѣстная и у насъ. Лучшее изложеніе въ книгѣ *Jules Rig'a*: „La philosophie positive“.

рико-философскихъ трудахъ обзоры всемірной исторіи, въ коихъ прошлое человечества конструируется по апіорному плану, такъ что къ нему, въ сущности, чисто-искусственнымъ образомъ и подгоняется дѣйствительная исторія. Отъ книжки Канта объ идеѣ исторіи и отъ современныхъ ей *Идей о философіи исторіи человечества* Гердера, *Очерка успѣховъ человѣческаго ума* Кондорсе и вызванныхъ идеей Канта *Основныхъ чертаній прагматической исторіи міра, какъ попытки свести ее къ одному принципу*, Пелитца ¹⁾, до нашихъ дней не прекращаются такіа попытки философскихъ обзоровъ всемірной исторіи ²⁾ и, вѣроятно, не прекратятся до тѣхъ поръ, пока люди не перестанутъ интересоваться вопросомъ, откуда и куда идетъ человечество въ своемъ историческомъ развитіи. Философію исторіи мы считаемъ поэтому вполне законнымъ явленіемъ въ литературѣ, лишь бы занимающіеся такимъ дѣломъ не нарушали главнѣйшихъ требованій научности; но философія исторіи, по нашему мнѣнію, не можетъ замѣнить того, что мы называемъ теоріей историческаго процесса.

Задача философіи исторіи есть задача синтетическая, тогда какъ теорія историческаго процесса можетъ быть лишь результатомъ анализа. Одна представляетъ намъ то, что было одинъ разъ въ извѣстной послѣдовательности, другая должна заниматься тѣмъ, что бываетъ всегда и вездѣ, гдѣ только совершается историческая жизнь. Одна немыслима безъ внесенія нѣкоторыхъ субъективныхъ элементовъ, заключающихся въ идеѣ прогресса, въ оцѣнкѣ исторіи съ точки зрѣнія нашего идеала, въ нашихъ нравственныхъ и общественныхъ взглядахъ; другая, какъ и всякая вообще теорія, стремящаяся понять, какъ происходятъ тѣ или другія явленія, не должна сходить съ почвы строго-научнаго объективизма.

Говоря о такой теоріи, мы обязаны, прежде всего, поставить вопросъ, возможна ли она? Въ XVIII в. или вѣрили въ ея возможность безъ доказательства, какъ наприм., Вико, или совсѣмъ не подымали этого вопроса. Послѣдній, по моему мнѣнію, сводится вотъ къ чему: могутъ ли вообще факты, изучаемые исторіей, быть предметомъ теоріи? Нѣмецкіе философы конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, впервые поставившіе такой вопросъ, разрѣшили его въ неблагопріят-

¹⁾ *Pölitik*. „Grundlinien zur pragmatischen Weltgeschichte, als ein Versuch sie auf ein Princip zurückzuführen“. 1795. Обзоръватели историко-философской литературы обыкновенно пропускаютъ эту книгу, несмотря на ея важность, какъ перваго опыта примѣненія идеи Канта.

²⁾ См. въ извѣстномъ повременномъ обзорѣ исторической литературы *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft*. Главныя указанія (до 1887 г.) можно найти и въ первомъ приложеніи къ I тому *Осн. вѣтр. фил. ист.* во второмъ изданіи.

номъ для историческихъ фактовъ смыслѣ. Особенно рѣзко по этому предмету высказался Шеллингъ ¹⁾: ставя вопросъ о самой возможности философскаго отношенія къ исторіи (ist eine Philosophie der Geschichte möglich?), онъ вырываетъ цѣлую пропасть между философіей и исторіей. „Что можно опредѣлить (berechnen) à priori,—говоритъ онъ,—что совершается по необходимымъ законамъ, не есть предметъ исторіи, и наоборотъ, то, что составляетъ предметъ исторіи, не можетъ опредѣляться à priori“. Противъ такого утвержденія въ общей его формѣ мы не можемъ ничего возразить, но философъ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что между философіей и исторіей нѣтъ и быть не можетъ никакихъ точекъ соприкосновенія: „для того, для чего возможна апіорная теорія, невозможна исторія, и наоборотъ, только то имѣетъ исторію, что не имѣетъ апіорной теоріи“. „Theorie und Geschichte sind völlig Entgegengesetzte“,—заявляетъ онъ еще. Съ высоты своей философіи Шеллингъ съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на занятіе исторіей, что предаваться послѣднему могли, по его мнѣнію, только самыя тупыя головы (die geistlosesten Köpfe). Самъ онъ допускалъ лишь философское конструированіе всемірной исторіи, и его послѣдователями сдѣлано было нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи ²⁾. Съ аналогической точки зрѣнія отрицалъ научность исторіи и Шопенгауэръ ³⁾. По его словамъ, исторія есть нѣчто, прямо противоположное и противное философіи, а потому существуетъ рѣзкая разница между философскими и историческими головами. Исходя изъ того принципа, что философъ долженъ заниматься только общими (φλοκιστικός γὰρ ὁ φιλόσοφος), онъ думаетъ, что философское (=теоретическое) знаніе прямо немислимо для историка. Исторія не можетъ войти въ рядъ наукъ, ибо ея матеріалъ неспособенъ къ субординаціи, а только къ координаціи: „потому нѣтъ системы исторіи, какъ всякой другой науки. Науки, будучи системами понятій, всегда говорятъ о родахъ, исторія всегда—объ индивидуумахъ, первая—о томъ, что

¹⁾ Влагди Шеллинга на этотъ предметъ см.: а) въ его статьяхъ „Aus der allgemeinen Uebersicht der neuesten philosophischen Literatur“ (подъ лит. В: ist eine Philosophie der Geschichte möglich?), далѣе б) въ „System des transcendentalen Idealismus“, в) въ „Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums“, именно въ 10-й лекціи, д) въ „Philosophie und Religion“, е) въ „System der gesamten Philosophie und der Naturphilosophie insbesondere“ и ф) въ „Einleitung in die Philosophie der Mythologie. Изъ одного этого перечня можно видѣть, какъ часто возвращался Шеллингъ къ вопросу.

²⁾ Шеллингистъ *Stutzmann* въ своей *Philosophie der Geschichte der Menschheit* (1808). Эмпирическая исторія подчинена философіи, ибо не можетъ быть философія у предмета, противорѣчащаго разуму.

³⁾ *Schopenhauer*. „Ueber Geschichte“ (Die Welt als Wille und Vorstellung) Т. II, гл. 38. Имѣется въ русскомъ переводѣ.

бываетъ всегда, вторая—о случившемся однажды и болѣе не существующемъ“. Взглядъ Шеллинга мы привели, какъ образецъ крайне неблагопріятнаго отношенія къ исторіи со стороны нѣмецкихъ метафизиковъ начала XIX вѣка: отрицая возможность теоріи исторіи, такъ какъ всякая теорія казалась имъ по существу дѣла необходимо апріорною, они не затруднялись, однако, проповѣдовать апріорное конструированіе всемірной исторіи, дискредитировавъ на долгое время самую идею философіи исторіи. Другое дѣло—Шопенгауэръ: онъ отрицалъ научное значеніе исторіи потому, что она не есть наука теоретическая, подобно наукамъ естественнымъ, и думая, что самый матеріалъ исторіи неспособенъ къ теоретической обработкѣ. Послѣдняго онъ, однако, не доказалъ: изъ того, что исторія не похожа на естественныя науки теоретическаго характера, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы матеріалъ ея не могъ быть предметомъ теоріи. Самъ же Шопенгауэръ высказалъ ту мысль, что „главы исторіи народовъ различны, въ сущности, только по именамъ и цифрамъ годовъ“, ибо „настоящее, существенное содержаніе вездѣ одно и то же“: вотъ это-то содержаніе, повторяющееся во всякой исторіи, и должно сдѣлаться предметомъ теоріи историческаго процесса.

Мысль о возможности и необходимости такой теоріи нужно считать прочно обоснованною впервые только въ позитивной философіи Конта. Во-первыхъ, онъ показалъ, что все подлежащее нашему знанію, можетъ быть изучаемо двоякимъ образомъ, а именно или абстрактно, или конкретно. „Однѣ науки,—говоритъ онъ,—абстрактныя, общія, имѣющія предметомъ открытіе законовъ, которые управляютъ разными родами явленій; другія—конкретныя, особенныя, описательныя, состоятъ въ примѣненіи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ“. Мы можемъ назвать абстрактныя науки номологическими, конкретныя—феноменологическими и сопоставить съ этимъ дѣленіемъ наукъ то, что Шопенгауэръ говоритъ объ исторіи въ сравненіи съ другими науками: ошибка нѣмецкаго философа состояла въ томъ, что онъ требовалъ отъ исторіи—науки феноменологической, конкретной—качествъ наукъ номологическихъ, абстрактныхъ. Во-вторыхъ, Контъ положилъ начало и для номологической науки объ обществѣ, которую назвалъ соціологіей, и, что особенно для насъ важно, раздѣлилъ эту науку на соціальную статику, изучающую общественныя явленія въ состояніи спокойствія (законы одновременныхъ явленій), и на соціальную динамику, изучающую тѣ же явленія въ состояніи движенія (законы послѣдовательныхъ явленій): динамическая часть соціологіи и должна была бы изучать *in abstracto* то, чѣмъ въ конкретныхъ проявленіяхъ занимается исторія. Къ сожалѣнію, Контъ отступилъ отъ собственной идеи, когда заду-

малъ дать соціальную динамику въ своемъ *Курсъ положительной философіи*: вмѣсто теоретическаго представленія о томъ, какъ происходитъ всякая исторія, онъ далъ философскій обзоръ всемірной исторіи съ точки зрѣнія своего ученія о трехъ фазисахъ міросозерцанія, т.-е. далъ науку, по его же опредѣленію, конкретную, такъ какъ только примѣнялъ въ ней соціологическій законъ трехъ фазисовъ къ дѣйствительной исторіи человѣчества.

На то, что соціальная динамика въ идеѣ и соціальная динамика въ осуществленіи вышли у основателя позитивизма совершенно разными, никто до сихъ поръ не обращалъ вниманія, а между тѣмъ, въ указанномъ обстоятельствѣ заключается одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ соціологіи Конта: невѣрное исполненіе было принято послѣдователями позитивизма за нѣчто совершенное, и ихъ мысль не направлялась поэтому на дѣйствительную теорію историческаго процесса, отвлеченно взятаго. И въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, бывшихъ вообще послѣ зарожденія историко-философской литературы и въ частности послѣ извѣстной намъ книжки Канта, философскій обзоръ всемірной исторіи принимался за единственно возможную и нужную историческую теорію. Впервые вполне сознательно отнеслись къ такому смѣшенію задачъ основатели такъ-называемой *Völkerpsychologie*, Лацарусъ и Штейнталь¹⁾, которые изложили свои мысли объ этомъ новомъ направленіи психологіи въ первомъ же выпускѣ своего журнала (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*) и, между прочимъ, указали на то, что „психологія народовъ“ должна сдѣлаться своего рода теоріей исторіи: „не думайте,—писали они здѣсь,—что задача эта разрѣшена философіей исторіи или что отсюда слѣдуетъ ждать ея разрѣшенія“, ибо, „вмѣсто того, чтобы открывать законы развитія народовъ, философія исторіи давала только квинтъ-эссенцію исторіи“. Лацарусъ и Штейнталь, правда, вовсе не имѣли въ виду соціальной динамики Конта, когда это писали, но ихъ слова вполне къ ней примѣнимы.

На нашъ взглядъ, такое смѣшеніе задачъ исторіи, науки феноменологической, и соціальной динамики, науки номологической, весьма вредило обѣимъ: первую весьма часто принижали за то, что она не похожа на науки теоретическія, т.-е. за то, что она не даетъ системы общихъ понятій и не открываетъ законовъ; вторую отождествляли съ философіей исторіи, которая становилась на мѣсто теоріи историческаго процесса in abstracto. Въ такомъ смѣшеніи можно обвинить и

¹⁾ *Lazarus und Steinthal*. „Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie“ (1860).

Бокля. Въ одномъ мѣстѣ своей *Исторіи цивилизаціи въ Англіи* ¹⁾ онъ жалуется на отсталость исторической науки, формулируя свою мысль слѣдующимъ образомъ: „Несчастливая особенность исторіи человѣка состоитъ въ томъ, что хотя искусно изслѣдованы ея отдѣльныя части, все же почти никто не пробовалъ слить ихъ въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь. Во всѣхъ другихъ сферахъ вѣдѣнія,—продолжаетъ Бокль,—необходимость обобщенія признана всѣми и сдѣланы благородныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами. Но историки такъ далеки отъ подобнаго взгляда, что между ними преобладаетъ мысль, будто все дѣло ихъ—разсказывать событія, оживляя по временамъ этотъ разсказъ нравственными и политическими соображеніями, которыя могутъ показаться имъ полезными“. Не касаясь вопроса о томъ, насколько вѣрно представляетъ Бокль современное ему состояніе исторической науки и насколько основательнымъ можно назвать его утвержденіе, будто почти никто не пытался слить отдѣльныя части исторіи въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь, нельзя не остановиться, приводя эти слова, именно на томъ смѣшеніи понятій, которое проявилъ англійскій мыслитель, формулируя свои требованія отъ исторической науки. Дѣло въ томъ, что „слить части исторіи въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь“ далеко не одно и то же, что „возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, ими управляющіе“: мы можемъ соединить частныя исторіи отдѣльныхъ народовъ и цивилизацій въ исторію всеобщую или всемірную, изслѣдовавъ при этомъ преемственность, между ними существовавшую, но это само по себѣ не даетъ намъ еще знанія сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго, силъ, его создающихъ, психологическихъ и соціологическихъ законовъ, въ немъ проявляющихся. Въ своей *Соціальной динамикѣ* Контъ какъ разъ, вѣдь, сливалъ въ одно цѣлое отдѣльныя части исторіи, а это-то, какъ мы осмѣливаемся утверждать, и отклонило его отъ настоящей задачи динамической части соціологіи, какъ науки абстрактной (номологической), отъ изслѣдованія того, что такое историческій процессъ самъ по себѣ, гдѣ бы и когда бы онъ ни совершался.

Идея о необходимости понять сущность этого процесса in abstracto не затеривалась, однако, и у тѣхъ писателей, которые, главнымъ образомъ, интересовались не столько этимъ предметомъ, сколько составленіемъ цѣльнаго взгляда на прошлыя судьбы человѣчества: само составленіе такого взгляда требовало отъ нихъ выработки нѣкоторыхъ теоретическихъ основъ. Такъ, наприм., Гегель дѣлаетъ введеніе въ

¹⁾ *Buckle. „History of civilisation in England“.* Два русскихъ перевода.

свою *Философію исторіи*, чтобы установить, объяснить и оправдать свою теоретическую точку зрѣнія. Равнымъ образомъ и Огюстъ Контъ стремился найти, какъ самъ онъ выразился, „основную теорію исторической эволюціи“, которая могла бы „стоять во главѣ построения философіи исторіи“. Гегель и Контъ не представляютъ собою исключеній: почти всѣ авторы философіи исторіи высказывались въ томъ же смыслѣ ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, теорія историческаго процесса у писателей этой категоріи играла роль подчиненную, служебную: она должна была служить именно цѣлямъ составленія общаго философскаго взгляда на историческія судьбы человѣчества. До извѣстной степени и самъ я, принимаясь за изслѣдованіе основныхъ вопросовъ философіи исторіи, понималъ сначала не иначе задачу теоріи историческаго процесса, пока пристальное, въ теченіе многихъ лѣтъ, занятіе теоретическими вопросами исторической науки не привело меня къ болѣе ясному пониманію самостоятельной важности этихъ вопросовъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на философію всемірной исторіи, несомнѣннымъ должно быть для всѣхъ, что лишь очень незначительный процентъ историковъ можетъ по своимъ склонностямъ, да и долженъ въ интересахъ самой исторической науки, предаваться занятію философіей исторіи: громадное большинство историковъ будетъ всегда работать въ области исторіи одного какого-либо народа, одной эпохи, одного явленія. Самые замѣчательные и самые вліятельные историки XIX вѣка были именно историками отдѣльныхъ націй, отдѣльныхъ періодовъ, отдѣльныхъ событій и движеній: за философскіи построенія прошлыхъ судебъ человѣчества брались большею частью философы, бывшіе только дилеттантами въ исторической наукѣ. Но если послѣдніе не могли сдѣлать ни одного шага безъ нѣкоторыхъ теоретическихъ воззрѣній,—все равно, были ли эти воззрѣнія истинны или ложны, развивались ли они подробно, или только вкратцѣ формулировались,—не могли безъ нихъ обходиться и крупные представители исторической науки XIX в., являющіеся иногда основателями цѣлыхъ школъ и направлений. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, почти даже всегда, постигнуть сущность ихъ теоретическихъ воззрѣній оказывается возможнымъ, только изучая ихъ историческіе труды: сами они

¹⁾ Привожу нѣсколько точныхъ указаній: *Altmeyer*. „Cours de philosophie de l'histoire“ (1840), стр. 12—13. *Iselin*. „Ueber die Geschichte der Menschheit“ (1786), I, 3. *Görres*. „Ueber Grundlage, Gliederung und Zeitfolge der Weltgeschichte“ (1830), стр. 56 (по изд. 1880 г.) *Jenisch*. „Universal-historischer Ueberblick der Entwicklung des Menschengeschlechts“ (1801), I, 31. *Krause*. „Die reine d. i. allgemeine Lebenlehre und Philosophie der Geschichte“ (1848), стр. 1—13. *Hermann*. „Philosophie der Geschichte“ (1870), стр. 647 и т. д.

пренебрегали изложеніемъ своихъ теорій, лишь изрѣдка, при случаѣ давая какое-либо общее разсужденіе, наприм., о роли великихъ людей въ исторіи, и, очень можетъ быть, даже не отдавали себѣ яснаго отчета въ принципахъ собственнаго своего пониманія исторической жизни. Къ сожалѣнію, за немногими исключеніями, и труды крупнѣйшихъ историковъ нашего вѣка не изслѣдовались ихъ біографами и критиками съ точки зрѣнія задачи опредѣлить, какое пониманіе сущности историческаго процесса лежитъ въ основѣ научной работы того или другого историка. Едва ли, однако, возможно, чтобы и впредь такъ было: съ середины текущаго столѣтія такъ часто и съ столь разнообразныхъ точекъ зрѣнія оспаривалось право исторіи называться наукой, предлагались столь многія и непохожія одна на другую „реформы“ исторіи, возникли въ ней такія новыя направленія и даны такіе новыя отвѣты на старые вопросы, что историкъ, желающій сознательно относиться къ своей работѣ, долженъ такъ или иначе разобраться въ этомъ настоящемъ подчасъ хаосѣ мнѣній. Дѣло уже не идетъ теперь о томъ, „какъ слѣдуетъ писать исторію“: эта тема, поднимавшаяся еще древними (Πῶς δαί τήν ιστορίαν συγγράφειν—Лукіана Самосатскаго во II в. по Р. X.), тема историческаго искусства (*artis historicae*) давно уже уступила мѣсто темъ историческаго изслѣдованія, т.-е. вопросамъ исторической критики и историческаго метода. Но не идетъ точно также дѣло и объ одномъ томъ, какъ слѣдуетъ изучать исторію, тѣмъ болѣе, что главныя основанія исторической методологіи (беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ) можно считать установленными прочно, по крайней мѣрѣ, практикой научныхъ изслѣдованій, если не ихъ теоріей¹⁾: дѣло идетъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать исторію. Наука наша достигла уже той степени развитія, на которой чувствуется потребность въ теоріи: исключительныя точки зрѣнія „искусства“ и „метода“, на мой взглядъ, ею пережиты, и доказательство этого можно видѣть и въ томъ, что самая жизнь все шире и шире начинаетъ пониматься въ современныхъ историческихъ трудахъ, и въ томъ, что замѣчается стремленіе къ теоретическому обоснованію такого пониманія. Я думаю, что историкамъ самимъ въ скоромъ времени предстоитъ заняться тѣмъ дѣломъ, за которое прежде брались большею частью философы, именно *den concreten Mechanismus der Geschichte in allgemeine (abstracte) Untersuchungen blosszulegen und zu erläutern*, говоря сло-

¹⁾ См. сочиненія по „историкѣ“, главнымъ образомъ въ нѣмецкой литературѣ: *Bernheim*: „Lehrbuch der historischen Methode“. *Droysen*: „Grundriss der Historik“. *Gervinus*: „Grundzüge der Historik“ и мн. др.

вами автора одной из неудачных, правда, попыток создать теорию истории¹⁾.

Теория исторического процесса, мысль о которой зародилась еще у Вико, или социальная динамика, как называл ее Контъ, въ руках философов и философствующих историков-дилеттантов не могла представлять из себя ничего болѣе, какъ идею науки еще не осуществленную, нѣчто вродѣ формы безъ содержанія. Историки, кониъ, главнымъ образомъ, слѣдовало бы превратить эту идею въ дѣйствительность, наполнить содержаніемъ эту форму, долго не чувствовали потребности въ такой теоріи, да и теперь многимъ кажется, что она—нѣчто, пожалуй, и лишнее. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно думать, что научнымъ движеніемъ XIX в. не создано никакого содержанія для теоріи исторического процесса, для социальной динамики, кому больше нравится терминъ Конта, или историологін, какъ недавно было передано въ одной исторической статьѣ то же понятіе²⁾: если не историки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то представители другихъ наукъ о человѣкѣ, какъ существѣ духовномъ и общественномъ, уже приготовили весьма большой матеріалъ для будущей постройки теоріи исторического процесса, если не по плану, то, по крайней мѣрѣ, по идеѣ философовъ и социологовъ, указавшихъ на изученіе законовъ исторической жизни, какъ на новую задачу для науки о человѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ я позволю себѣ слѣлать краткій очеркъ исторіи разработки отдѣльных, конечно, наиболѣе важныхъ теоретическихъ вопросовъ исторической науки: вы увидите, какіе вопросы уже понимались и такъ или иначе рѣшались и какіе почти еще совсѣмъ до сихъ поръ не затрогивались. Изъ этого обзора мы увидимъ также, на какого рода помощь мы имѣемъ право рассчитывать, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, со стороны представителей другихъ научныхъ специальностей.

Теоретическіе вопросы, о коихъ будетъ идти рѣчь, могутъ быть распределены на нѣсколько категорій. Довольно значительная ихъ часть, прежде всего, приводитъ нашу науку въ соприкосновеніе съ естествознаніемъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Монтескье³⁾ затронулъ

¹⁾ Dörgens. „Ueber das Bewegungsgesetz der Geschichte als Einführung in das Verständniß der Weltgeschichte“.

²⁾ Проф. Герье въ статьѣ о Тэнѣ въ янв. книгѣ *Вѣстн. Евр.* 1890 г. Замѣчу кстати, что такіа изслѣдованія объ отдѣльных историкахъ, какое представляетъ изъ себя статья проф. Герье, имѣютъ весьма важное значеніе при разработкѣ теоріи исторического процесса. То же можно сказать и по поводу статьи проф. Виноградова о Фюстелъ де-Куланжѣ въ янв. книгѣ *Русской Мысли* 1890 г.

³⁾ Montesquieu. „Esprit des lois“. Livres XIV—XVII.

интересную тему о влиянии природы страны на культуру и социальную организацию ее обитателей, а за нимъ и Гердеръ широко поставилъ вопросъ о значеніи для исторіи тѣхъ естественныхъ условій, при которыхъ она совершается. *Идеи о философіи исторіи человечества* были, какъ извѣстно, первымъ трудомъ, утвердившимъ мысль о необходимости для историковъ обращаться къ естествознанію, причеъ Гердеръ отчасти уже намѣчалъ задачу антропологіи, этой, по позднѣйшему опредѣленію Вайца ¹⁾, посредницы между естественно-исторической и исторической отраслями нашего знанія о человѣкѣ, имѣющей выяснять естественно-историческія основы исторіи. Въ XIX в. мысль Монтескье и Гердера сдѣлалась весьма популярной, перешедши даже въ учебники. Главнымъ ея представителемъ, сводившимъ къ климатическимъ и инымъ естественнымъ влияніямъ объясненіе существеннѣйшихъ культурныхъ и социальныхъ фактовъ, былъ, конечно, Бокль, но, и помимо него, ее раздѣляли многіе историки ²⁾, хотя теоріи этой была противопоставлена другая теорія, которую, въ отличіе отъ „теоріи среды“, называютъ „теоріей расъ“ ³⁾. Хотя уже Гердеръ обратилъ вниманіе на различія въ организаціи народовъ, но только XIX вѣку суждено было, съ одной стороны, выдвинуть въ исторической наукѣ вопросъ объ этнографическихъ условіяхъ исторіи, съ другой—создать цѣлую новую отрасль знанія о человѣкѣ, антропологію въ современномъ значеніи этого слова. Возникло даже столкновеніе между взглядомъ, приучавшимъ преувеличивать влияніе факторовъ внѣшней природы на исторію, и взглядомъ, не безъ пре-

¹⁾ Вайцъ. „Антропологія первобытныхъ народовъ“. Объ отношеніи исторіи къ естествознанію писалось очень много, но нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ предметъ истерпывался бы или которое, по крайней мѣрѣ, заключало въ себѣ подведеніе итоговъ подъ всѣмъ, что объ этомъ писалось съ разныхъ точекъ зрѣнія. Для примѣра отиѣтимъ нѣсколько книгъ и статей. *Bagehot*. „Physics and Politics“ (переведено по-русски). *Buckle*. „Hist. of civ. in England“. *Droysen*. „Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft“. *Du Bois-Reymond*. „Kulturgeschichte und Naturwissenschaft“ и т. д. См. также въ книгѣ *Бернштейна* стр. 70 и слѣд.

²⁾ Вопросъ подвергался теоретической обработкѣ, но общаго свода результатовъ и взглядовъ не существуютъ. См., напр., *Bertillon*. „De l'influence du milieu“. *Durand*. „De l'influence des milieux sur les caractères des races de l'homme“. *Беръ*. „О вліянніи внѣшней природы на социальные отношенія отдѣльныхъ народовъ и на исторію человечества“. *Peschel*. „Einfluss der Ländergestaltung auf die menschliche Gesittung“ и т. д. См. подробности въ *Осн. сопр. фил. ист.*, т. II, стр. 162 и слѣд. (117 и слѣд. по 2 изд.).

³⁾ И по вопросу о значеніи расъ въ исторіи не существуетъ общаго свода добытыхъ результатовъ и высказанныхъ мнѣній. Ср. *Осн. сопр. фил. ист.*, т. II, стр. 163 и слѣд. и 172 и слѣд. (118 и 144 и слѣд. по 2 изд.). Между тѣмъ, въ теоретическихъ представленіяхъ объ исторіи въ нашемъ столѣтіи идея племеннаго происхождения играетъ весьма важную роль.

увеличенія также ставившимъ исторію народа въ исключительную зависимость отъ его происхожденія или этнографическаго состава. Во всякомъ, однако, случаѣ, историки некомпетентны въ рѣшеніи весьма многихъ теоретическихъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ разсматриванія исторической жизни въ ея зависимости отъ естественно-историческихъ условій, именно, поскольку дѣло касается вліянія вѣшной природы и происхожденія на самого человѣка, а не на его привычки и нравы, на его вѣрованія и идеи, на его занятія и общественныя отношенія ¹⁾.

Въ XIX вѣкѣ естествознанію пришлось оказать и иного рода вліяніе на развитіе исторіологическихъ ученій. Не говоря уже о томъ, что, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ успѣховъ естествознанія основная задача теоріи историческаго процесса была опредѣлена, какъ задача открыть для исторіи такіе же непреложные законы, какіе открыты науками, изучающими природу, два естественно-историческихъ ученія особенно считались пригодными (положимъ, не среди самихъ историковъ) для выясненія самой сущности исторической жизни. Одно изъ этихъ ученій—біологическая теорія Дарвина, другое—новое воззрѣніе на индивидуальный организмъ, какъ на своего рода «общество» болѣе элементарныхъ живыхъ существъ. Дарвинизмъ оказалъ, несомнѣнно, громадное вліяніе на всѣ почти крупныя отдѣлы человѣческаго знанія, и, между прочимъ, сдѣлано было нѣсколько попытокъ свести главнѣйшія явленія исторической жизни къ «борьбѣ за существованіе», «естественному подбору», «наслѣдственности», т.-е. понять историческій процессъ, какъ повтореніе—въ новыхъ формахъ—процесса природы въ творчествѣ видовъ растительнаго и животнаго царства ²⁾. Многія изъ такихъ попытокъ были крайне грубы, пере-

¹⁾ Въ 1889 г. вышла въ свѣтъ любопытная книга *Л. Мечникова* *La civilisation et les grands fleuves historiques*. Авторъ, профессоръ географіи въ Лозаннѣ (нынѣ умершій), изложилъ свои взгляды и въ статьѣ „Географическая теорія развитія историческихъ народовъ“. *Вѣстн. Евр.* 1889 г. III.

²⁾ Это слишкомъ обширная тема для того, чтобы говорить о ней въ краткомъ по необходимости примѣчаніи. Отсылаемъ къ соч. *Роду*. „Le positivisme“, гдѣ перечислены ученые разныхъ спеціальностей, на которыхъ ученіе Дарвина оказало вліяніе, и къ статьѣ *Zitelmann'a* „Der Materialismus in der Geschichtsschreibung“ (*Preussische Jahrbücher*), а для примѣра отмѣтимъ: *Clémence Royer*. „Origine de l'homme et des sociétés“. *Bagehot*. „Lois scientifiques du développement des nations“. *Hellwald*. „Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung“. *Winwood Read*. „The martyrdom of man“. *Dean*. „History of civilisation“. *Trezza*. „Il darwinismo e le formazioni storiche“. *Gumplowicz*. „Grundriss der Sociologie“. *Финк*. „Теорія Дарвина на юридической почвѣ“. *Шлейхеръ*. „Теорія Дарвина въ примѣненіи къ наукѣ о языкѣ“ и т. п. У насъ критикой дарвинизма въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ занимались гг. *Михайловскій*, *Южаковъ*, и др., а въ послѣднее время *Данилевскій*. См. также *Осн. вопр. филос. ист.*, кн. III, гл. III

нося цѣликомъ въ объясненіе человѣческой исторіи понятія, обобщающія только явленія чисто-матеріальной жизни, но между писателями, усвоившими новую точку зрѣнія, были такіе, которые отнеслись къ своей задачѣ критически, поставивъ вопросъ о томъ, что и какъ можетъ быть взято изъ дарвинизма для объясненія исторіи, принимая въ расчетъ различіе между человѣкомъ и животными, между соціологіей и біологіей ¹⁾. Рядомъ съ попытками приложенія дарвинизма къ теоріи историческаго процесса развивалось другое направленіе въ соціологіи, которое, отождествляя «общественный организмъ» съ организмомъ индивидуальнымъ, въ исторіи, рассматриваемой, какъ жизненный процессъ общественнаго организма, усмотрѣло простое повтореніе жизненнаго процесса организма индивидуальнаго. Всѣмъ извѣстно, что главнымъ представителемъ этой идеи является Гербертъ Спенсеръ ²⁾: онъ теоретически понимаетъ исторію, именно какъ органическую эволюцію, какъ безличный процессъ развитія соціальнаго организма. Эта точка зрѣнія также нашла многочисленныхъ критиковъ даже среди лицъ, принявшихъ основную мысль о нѣкоторой аналогіи между организмомъ и обществомъ: цѣлю критиковъ было, между прочимъ, выяснить различіе, существующее между процессомъ историческимъ и развитіемъ индивидуальнаго организма ³⁾. Это направленіе соціологіи имѣетъ тѣмъ большее право на вниманіе со стороны историковъ, что мысль объ органичности культурнаго и общественнаго развитія высказывалась еще задолго до примѣненія

¹⁾ Къ сожалѣнію, общаго свода и разбора теоретическихъ воззрѣній на исторію, образовавшихся подъ вліяніемъ дарвинизма, тоже не имѣется въ научной литературѣ. Съ точки зрѣнія біологическаго эволюціонизма важное значеніе получаютъ изслѣдованія о животныхъ обществахъ. См., наприм., соч. *Espinas'a* „*Les sociétés animales*“ (переведено по-русски).

²⁾ *Herbert Spenser*. „*The principles of Sociology*“ (переведено по-русски). Кроме Спенсера, представителями біологической аналогіи являются *Lilienfeld*. „*Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft*“ (изъ пяти томовъ по-русски переведенъ только первый). *Schaffle*. „*Bau und Leben des socialen Körpers*“. Особое воззрѣніе представляетъ изъ себя ученіе о „договорномъ организмѣ“ въ книгѣ *Fouillée* „*La science sociale contemporaine*“.

³⁾ Больше всего критикой спенсерскаго воззрѣнія на общество въ нашей литературѣ занимался г. *Михайловскій* (см. Собраніе сочиненій этого автора). Съ своей стороны мы посвятили разбору органическаго взгляда статью *Общество и организмъ* (*Юридическій Вѣстникъ* 1883 г.) и значительную часть 3 главы III книги *Осн. вопр. фил. ист.* Изъ крупныхъ явленій иностранной соціологической литературы отмѣтимъ большой трудъ *Lester Ward'a* „*Dynamic Sociology*“, о которомъ была обстоятельная статья въ послѣднихъ книгахъ *Русской Мысли* 1889 г. Книга *Уорда* имѣетъ важное значеніе для теоріи историческаго процесса, и потому нельзя не порекомендовать, что будетъ русскій переводъ этой книги въ изданіи г. *Солдатенкова*.

къ социологін новѣйшихъ биологическихъ воззрѣній на организмъ, а историкамъ вторили и лингвисты, видѣвшіе въ языкахъ тоже своего рода организмы ¹⁾, и юристы, примѣнявшіе къ праву идею органическаго развитія (такъ называемая историческая школа ²⁾, и представители государствѣдѣнія (*die organische Staatslehre* ³⁾). Конечно, кому, какъ не историкѣ, судить о сущности историческаго прогресса, и историки не безъ основанія могутъ жаловаться на то, что въ сферу ихъ вѣдѣнія вторгаются натуралисты, сторонники биологическихъ аналогій, рѣшающіе безъ специальной подготовки вопросъ о сущности историческаго процесса, но это-то и обязываетъ историковъ самихъ заняться установленіемъ основъ правильной исторической теоріи и критикой попытокъ ея построенія, идущихъ со стороны некомпетентныхъ людей.

Биологическія аналогіи въ социологін грѣшатъ забвеніемъ того, что общественныя явленія вырастаютъ на почвѣ духовной жизни челоѣка и что потому «общественный организмъ» не можетъ быть разсматриваемъ, какъ нѣчто подходящее подъ одну категорію съ организмами растительными и животными: между биологіей и социологіей должна помѣститься психологія, которая и есть истинная основа второй изъ названныхъ наукъ. Попытки рѣшенія вопроса о сущности историческаго процесса дѣлались въ XIX в. и на почвѣ «наукъ о духѣ» ⁴⁾. Я уже упоминалъ выше о *Völkerpsychologie* Лацаруса и Штейнтала, поставившихъ своей науцѣ, между прочимъ, задачу открывать законы развитія народовъ, и совершенно съ тѣмъ же характеромъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія журнала для «психологін народовъ» явилась попытка основанія «психологін общества», сдѣланная Линднеромъ въ книгѣ *Ideen zur Psychologie der Gesellschaft* ⁵⁾. Лацарусъ, Штейнталь и Линднеръ прилагали къ дѣлу

¹⁾ См. указанную въ прим. стр. 16 брошюру Шлейхера и его книгу: „Die deutsche Sprache“, а также статью Штейнберга: „Органическая жизнь языка“ (*Вѣстникъ Европы* 1871 г.).

²⁾ Ср. статью нашу *Два взгляда на процессъ правообразованія въ Юридическ. Вѣстн.* 1889 г.

³⁾ *Van Krieken*. „Ueber die organische Staatstheorie“.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, вопросъ объ отношеніи психологін къ исторіи мало разработанъ. См., однако, *Vacherot*. „Essais de philosophie critique“ (кн. II: „La psychologie et l'histoire“). *Steinthal*. „Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen“. Важны нѣкоторыя статьи Лацаруса въ „*Zeitschrift für Völkerpsychologie*“, каковы напр., „Einige synthetischen Gedanken für Völkerpsychologie“, „Ueber die Ideen in der Geschichte“ и др. Вопросы касаемяся и ми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осн. вопр. фил. ист. и новой книги своей *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи*.

⁵⁾ Подробное изложеніе взглядовъ Линднера было сдѣлано г. Омскимъ въ журналѣ *Дѣло* 1872 г.

въ своихъ ученіяхъ взглядъ общаго своего учителя Гербарта, говорившаго, что психологія будетъ всегда оставаться наукою одностороннею, пока будетъ разсматривать человѣка, взятаго особнякомъ. Не касаясь вопроса о томъ, что дали для научной теоріи исторіи труды названныхъ лицъ и ихъ послѣдователей, отмѣчу здѣсь важность самой идеи о коллективной психологіи: историческій процессъ совершается при помощи психическихъ вліяній, оказываемыхъ одними людьми на другихъ, и вся историческая жизнь сводится въ послѣднемъ анализѣ къ психическому взаимодействию между индивидами и національностями. Къ сожалѣнію, эта сторона коллективной психологіи—психическое дѣйствіе человѣка на человѣка, единицы на массу и массы на единицу—совсѣмъ не разработана, и никто не могъ бы быть компетентнѣе историка въ рѣшеніи многихъ общихъ и частныхъ вопросовъ, касающихся этого предмета¹⁾. Психологія и исторія вообще слишкомъ далеко стоятъ одна отъ другой въ настоящее время. Недавно въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о свободѣ воли, и изъ рефератовъ по этому предмету составила даже порядочная книжка²⁾. При чтеніи этой книжки невольно обращаешь вниманіе на слѣдующія два обстоятельства: съ одной стороны именно, въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ обсужденіи вопроса о свободѣ воли, не упоминается ни одного спеціалиста по исторической наукѣ, съ другой же—въ самихъ рефератахъ не указывается на то, что вопросъ этотъ, интересующій философа и психолога, моралиста и криминалиста, не лишенъ интереса равнымъ образомъ и для историка. Эти два обстоятельства остались бы для меня незамѣченными, еслибы не представляли изъ себя новаго подтвержденія того явленія, что вообще въ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ нашей науки спеціалисты-историки принимали участіе въ неизмѣримо меньшей степени, нежели могли бы и должны были бы это дѣлать и нежели дѣлали это представители другихъ научныхъ областей. И теперь, когда Психологическое Общество въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ своихъ было занято обсужденіемъ вопроса о причинности и притомъ о причинности въ дѣлахъ человѣческихъ, ни одинъ историкъ не явился сказать свое слово по столь важному и для него предмету. Съ другой стороны, и представители разныхъ научныхъ спеціальностей, разсуждавшіе здѣсь о свободѣ воли и о причинности, ни разу не вспомнили о томъ значеніи,

¹⁾ Эту мысль я старался доказать, между прочимъ, въ рефератѣ „Къ вопросу о свободѣ воли“, изъ коего дѣлаются здѣсь выдержки.

²⁾ О свободѣ воли. Опытъ постановки и рѣшенія вопроса. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Москва. 1889.

какое онъ имѣетъ при разсматриваніи человѣческихъ поступковъ, складывающихся въ прагматическій процессъ исторіи, и все это для меня опять-таки не есть простая случайность. Дѣло въ томъ, что слишкомъ индивидуалистическое направленіе современной „науки о душѣ“ сказалось какъ въ рефератахъ, такъ и въ преніяхъ по вопросу о свободѣ воли, имѣвшихъ мѣсто въ Психологическомъ Обществѣ: и сторонники, и противники свободной воли въ разныхъ ея пониманіяхъ разсматривали человѣка, его душу, его волю, взятыхъ особнякомъ, внѣ прагматической и культурной зависимости единичной личности отъ другихъ личностей и внѣ прагматическихъ и культурныхъ вліяній, которыя она сама на нихъ оказываетъ. Вотъ почему, кажется мнѣ, никому изъ читавшихъ въ Психологическомъ Обществѣ рефераты о свободѣ воли и не приходило въ голову обратиться къ тому, что могло-бы дать для уясненія этого предмета разсмотрѣніе историческаго процесса, который—въ прагматической своей сторонѣ—состоитъ въ вызовѣ поступковъ однихъ людей поступками другихъ. Такимъ образомъ, на одномъ прижѣрѣ мы видимъ и безучастное отношеніе историковъ къ разработкѣ нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ, имѣющихъ громадное значеніе и въ изучаемой ими наукѣ, и отсутствіе особаго интереса у психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя возникаютъ на почвѣ психическаго взаимодействія индивидуумовъ.

Соціальныя науки въ современномъ своемъ состояніи также не могутъ считаться не имѣющими никакого значенія въ выработкѣ понятій и обобщеній для теоріи историческаго процесса. Сама социологія, какъ наука объ обществѣ, по сущности своей должна заниматься, между прочимъ, и этою теоріей, ибо исторія и есть жизнь общества во времени, въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній и эпохъ. Развитію соціальной динамики весьма много вредили ошибочное отождествленіе ея задачи съ философіей исторіи, внесеніе въ нее біологическихъ аналогій и нерѣдко пренебреженіе къ исторической наукѣ (напр., у Спенсера). Съ другой стороны, науки политическія, юридическія и экономическія уже тѣмъ самымъ готовятъ матеріалъ для теоріи исторіи, что все болѣе и болѣе ставятъ свои вопросы на почву историческаго изученія и поднимаютъ, кромѣ специальныхъ вопросовъ, вопросы общіе. За послѣднее время особаго вниманія заслуживаетъ та точка зрѣнія, съ которой главнѣйшія историческія явленія имѣютъ свою основную подкладку въ экономическихъ отношеніяхъ общественнаго тѣла, причѣмъ иногда отрицается всякое значеніе той психологической стороны исторіи, къ которой, наоборотъ, послѣдняя цѣликомъ сводится у Тэна ¹⁾. Не отрицая возможности

¹⁾ Осн. вопр. фил. ист., кн. III, гл. 1.

одностороннихъ взглядовъ на сущность историческаго процесса при выработкѣ его теоріи съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія государство-вѣдѣнія, юриспруденціи и политической экономіи, мы должны признать, что нѣкто такъ, какъ представители названныхъ спеціальностей, не можетъ считаться призваннымъ освѣщать соціологическую сторону исторіи: общій историкъ на то и долженъ существовать, чтобы производить синтезъ между спеціальными взглядами политиковъ, юристовъ и экономистовъ. Нечего говорить, что въ томъ же отношеніи онъ долженъ стоять къ историкамъ отдѣльныхъ элементовъ духовной культуры, каковы: религія, философія, литература, художества, и что представители такихъ исторій, равнымъ образомъ, создаютъ матеріалъ для теоріи историческаго процесса вообще, если только въ какой бы то ни было мѣрѣ заботятся о сведеніи результатовъ своей работы къ высшимъ теоретическимъ обобщеніямъ.

Особенно важными въ теоретическомъ отношеніи нужно признать тѣ историческія работы въ только-что указанныхъ областяхъ, которыя имѣютъ и общій, такъ сказать, философскій характеръ. Укажу для примѣра изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа о государственной жизни грековъ и римлянъ, воззрѣнія Геринга на силы, дѣйствующія въ исторіи права, взглядъ Маркса на процессъ первоначальнаго накопленія капитала и т. д. Такой характеръ приобретаютъ изслѣдованія по исторіи религій и вообще вѣрованій, идей, по исторіи нововъ и вообще искусства, по исторіи политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеній, когда дѣлаются съ эволюціонной точки зрѣнія, сравнительнымъ методомъ, при помощи не одного историческаго, но и этнографическаго матеріала. Эволюціонная точка зрѣнія есть по существу своему точка зрѣнія теоріи историческаго процесса: процессъ измѣненій въ духовномъ и общественномъ быту народовъ и есть культурно-соціальная эволюція, открытіе законовъ которой ставить себѣ задачей соціальная динамика. Но для открытія общихъ началъ въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ культуры и отдѣльныхъ сторонъ общественнаго быта лучшее средство — сравнивать исторію этихъ элементовъ и этихъ сторонъ въ жизни разныхъ народовъ: съ этой точки зрѣнія сравнительный методъ служитъ важную службу теоріи историческаго процесса, давая готовые обобщенія, какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ теоретическихъ операцій. Примѣненіе сравнительнаго изученія къ историческимъ явленіямъ, наконецъ, расширило область послѣднихъ, какъ предмета науки: изученіе народнаго быта въ смыслѣ „фольклора“, обычнаго права и т. п., а также изученіе первобытной культуры съ такъ называемыми „переживаниями“ внесли въ лабораторію теоретиковъ историческаго процесса массу новаго матеріала въ видѣ обобщеній, касающихся такихъ сторонъ жизни

и такихъ эпохъ, которыми историки не занимались. Литература сравнительнаго изученія отдѣльныхъ проявленій духовной, общественной и исторической жизни человѣчества достигла громадныхъ размѣровъ, и это обстоятельство даже затрудняетъ приведеніе ея научныхъ результатовъ къ одному знаменателю ¹⁾).

Изъ отдѣльныхъ социальныхъ наукъ я остановлюсь здѣсь нѣсколько подробнѣе лишь на юриспруденціи. Дѣло въ томъ, что устанавливаемому нами различію между исторіей и теоріей историческаго процесса въ области юриспруденціи соответствуетъ разница между исторіей права и тѣмъ, что можно назвать теоріей правообразованія: исторія права показываетъ, какъ развивалось право, наприм., у римлянъ, у германцевъ, у славянъ, или во Франціи, въ Англіи, въ Россіи, или же вообще у всѣхъ народовъ, тогда какъ задача теоріи правообразованія—выяснить, какія социальныя силы создаютъ право вообще, какъ оно вообще возникаетъ, упрочивается, развивается, измѣняется, разлагается и какіе законы управляютъ какъ отношеніемъ его къ другимъ областямъ социальной жизни и къ потребностямъ человѣка, такъ и его собственной эволюціей. Съ этой точки зрѣнія исторія права является частью исторической науки вообще, а теоріи правообразованія входитъ въ составъ теоріи историческаго процесса, какъ совокупности цѣлаго ряда культурно-социальныхъ эволюцій, каковы эволюціи религіозная, философская, научная, политическая, юридическая, экономическая. Уже этимъ однимъ опредѣляется значеніе историко-философской юриспруденціи для теоріи историческаго процесса: историко-философская юриспруденція можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ общей теоріей правообразованія, безъ научныхъ результатовъ которой въ теоріи историческаго процесса были бы весьма важныя пробѣлы, т.-е., во-первыхъ, потому, что въ составъ этого процесса входитъ и юридическая эволюція общества, а во-вторыхъ, и потому, что отвлеченное изслѣдованіе этой эволюціи въ состояніи освѣтить вообще историческій процессъ съ такихъ сторонъ, которыя могли бы остаться совсѣмъ незатронутыми, если бы мы ихъ разсматривали только съ точекъ зрѣнія другихъ специальностей. И, наоборотъ, думаю я, лишь при помощи общей теоріи историческаго про-

¹⁾ Эта литература такъ громадна, что мы затрудняемся дать здѣсь перечень хотя бы главныхъ ея явленій. Указываемъ, наприм., на сочиненія по первобытной культурѣ *Тэйлора*, *Макъ-Ленмана*, *Моргана*, *Мэна*, *Леббока*, *Бахофена*, *Зибера*, *М. Ковалевскаго* и др., на этнографическую социологію *Летурно* (нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ), на сравнительныя изученія религіи, права, политики и т. д. въ работахъ *Макса Мюллера*, *Поста*, *Фримана*, *Хearn'a* и др., на разныя общія исторіи культуры, каковы „Исторія общественности“ *Стронина*, особенно же „Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau“ *Диннерта* и пр., и пр.

песса, какъ синтеза теорій, вырабатываемыхъ историко-философскимъ изученіемъ религій, общественныхъ организацій, литературъ, экономическихъ формъ и т. п., можетъ надлежащимъ образомъ ставить и, какъ слѣдуетъ, рѣшать свои научные вопросы и теорія правообразования. Другими словами, теорія правообразования и теорія историческаго процесса должны находиться въ постоянномъ взаимодействіи. Весьма жаль, что, при возникновеніи современной социологіи какъ юридическія явленія, такъ и юридическія знанія были оставлены въ сторонѣ основателями новой науки. Когда критикуютъ социологію Конта, обыкновенно указываютъ на болѣе нежели странное отношеніе его къ политической экономіи, отъ коей онъ сторонился, какъ отъ доктрины метафизической, но таково же было, — на что обыкновенно не обращается достаточнаго вниманія, — и его отношеніе къ юриспруденціи. Контъ даже прямо выкидывалъ изъ науки объ обществѣ самую идею права, говоря, что *la notion du droit doit disparaitre du domaine public*. Юридическій элементъ, какъ извѣстно, отсутствуетъ и въ ученіи современнаго корифея социологической литературы, Герберта Спенсера. То же самое можно сказать о многочисленныхъ послѣдователяхъ позитивизма, дѣлавшихъ предметомъ своихъ изслѣдованій социальныя явленія, но не считавшихъ нужнымъ ни давать праву подобающаго ему мѣста въ жизни общества, ни обращаться къ юридической литературѣ. Съ другой стороны, и среди юристовъ идея социологіи, какъ положительной науки объ обществѣ, нашла не очень большое количество адептовъ. Между тѣмъ только чрезъ социологію, какъ общую науку объ обществѣ, можетъ юриспруденція приобщиться ко всѣмъ другимъ гуманитарнымъ и социальнымъ наукамъ въ позитивномъ смыслѣ этого слова, и только въ социологіи могутъ найти центръ своего тяготѣнія всѣ изслѣдованія въ области права, которыя производятся съ эволюціонной точки зрѣнія, при помощи сравнительнаго метода и на основаніи не только историческаго, но и этнографическаго матеріала ¹⁾.

¹⁾ Нѣтъ, разумѣется, правила безъ исключенія, и среди юристовъ можно указать на лицъ, воспринявшихъ — въ томъ или другомъ объемѣ — мысль о необходимости изученія социальныхъ явленій по типу положительныхъ наукъ. Благодаря такимъ ученымъ, съ одной стороны, въ область юриспруденціи проникаютъ новыя для нея идеи и давнина современной социологіи, а съ другой — область социологіи расширяется изученіемъ цѣлаго ряда общественныхъ явленій, коими пренебрегали и Контъ, и Спенсеръ и вся социологическая литература, къ нимъ непосредственно примыкающая. Указываю, нар., на „Лекціи по общей теоріи права“ проф. Коркунова, усвоившаго и примѣнившаго къ праву понятіе закона въ научномъ смыслѣ и вдвигнуvшаго изученіе права въ рамки современной социологіи, хотя основная точка зрѣнія, проходившая черезъ всѣ его „лекціи“, не есть точка зрѣнія историческая, такъ

Позволю себѣ указать еще на одинъ случай, гдѣ теорія историческаго процесса можетъ пользоваться выводами юриспруденціи. Исторія событій есть исторія дѣятельности людей, причемъ въ общемъ ходѣ событій дѣйствія однихъ людей вызываются дѣйствіями другихъ, какъ слѣдствія своими причинами, а это предполагаетъ, что одни люди оказываютъ вліяніе на другихъ или вмѣстѣ съ ними участвуютъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Какъ мы еще увидимъ, теорія историческаго процесса по отношенію къ явленіямъ этого рода совсѣмъ до сихъ поръ не разработана: мы не имѣемъ ни сколько-нибудь выработаннаго ученія о причинности историческихъ фактовъ, ни сколько-нибудь выработаннаго ученія о дѣйствіи человѣка на человѣка и о содѣйствіи однихъ людей другимъ въ генезисѣ историческаго прагматизма. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ историковъ опередили криминалисты, разрабатывавшіе и вопросъ о причинной связи въ уголовномъ правѣ, и вопросъ о степеніи многихъ лицъ въ одномъ преступленіи,—два вопроса, имѣющихъ отношеніе къ каузальному спѣвленію человѣческихъ дѣйствій, и къ вызову поступками одного человѣка поступковъ другого. Я не хочу сказать, чтобы наука уголовного права создала по обоимъ этимъ вопросамъ ученія, совсѣмъ пригодныя для того, чтобы быть включенными въ теорію историческаго процесса: юристы и въ дѣлѣ причинной связи въ уголовномъ правѣ, и въ дѣлѣ степенія многихъ лицъ въ одномъ преступленіи (или такъ-называемаго соучастія) преслѣдовали свои спеціальныя цѣли, которыя по необходимости суживали постановку вопроса и вносили въ его рѣшенія нѣкоторую условность, но съ такою оговоркою я готовъ защищать право криминалистическихъ ученій о причинности и содѣйствіи на большое вниманіе со стороны лицъ, болѣе или менѣе серьезно интересующихся теоріей историческаго процесса, ибо криминалисты даютъ намъ и нѣкоторыя идеи, которыя стоитъ только обобщить въ цѣляхъ этой теоріи для приданія имъ исторіологическаго значенія, и примѣры того анализа человѣческихъ дѣйствій и ихъ спѣвленія, безъ коего невозможно создать теорію прагматической причинности въ историческомъ процессѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь кримина-

какъ и курсъ его въ сущности представляетъ изъ себя курсъ по такъ называемой энциклопедіи права, а не по его исторіи: авторъ „Лекцій по общей теоріи права“ является въ нихъ юристомъ, продолжающимъ, на новыхъ только началахъ, традицію стараго философскаго правовѣдѣнія, и хотя я далеко не отрицаю важности послѣдняго для теоріи историческаго процесса, все-таки большее значеніе приписываю чисто исторической юриспруденціи, проникшейся новыми философскими стремленіями. Какъ на представителя послѣдней въ нашей литературѣ, указываю на *проф. Муромцева*, о трудахъ котораго съ этой стороны см. стр. 264 и слѣд. реферата объ „Юриспруденціи и теоріи историческаго процесса“.

листы стараются опредѣлить, когда вообще дѣйствія человека могутъ считаться причиною явленія, дабы послѣднее можно было вѣнчить ему въ вину, но та же самая задача ставится и теоріи историческаго процесса, когда въ ней возникаетъ вопросъ о роли личности въ ходѣ событій: когда, спрашивается тутъ, дѣйствія человека могутъ признаваться причинами событій, дабы послѣднія могли считаться произведенными этимъ человекомъ? Правда, если уголовное право и беретъ поступокъ, какъ причину, то какъ причину такого слѣдствія, которое есть явленіе, запрещенное положительнымъ законодательствомъ; но для теоріи исторіи весьма легко освободить общій вопросъ отъ такого ограниченія и затѣмъ воспользоваться для своихъ цѣлей результатами работы мысли цѣлаго ряда юристовъ, занимавшихся причиною связью въ уголовномъ правѣ. Вѣрно и то, что юристъ подъ явленіемъ, причину коего онъ ищетъ въ человѣческомъ поведеніи, разумѣетъ извѣстное запрещенное закономъ явленіе, тогда какъ съ точки зрѣнія теоріи прагматическаго процесса такимъ явленіемъ долженъ былъ бы быть другой поступокъ, вызванный первымъ, какъ своей причиною, но и такой точки зрѣнія не чужда наука уголовного права—именно, напримѣръ, въ ученіи о подстрекательствѣ къ преступленію. Уже оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что при рѣшеніи вопроса о причинности съ спеціальной точки зрѣнія криминалисты не могли обойти многихъ его сторонъ, имѣющихъ и общій интересъ, важнымъ мнѣ кажется, что и криминалистика, и теорія историческаго процесса интересуются вопросомъ о причинности по отношенію къ одному и тому же предмету, т.е. по отношенію къ тому, какое значеніе имѣютъ отдѣльные человѣческіе поступки въ мірѣ событій. Можно сожалѣть, что историки не шли въ этомъ отношеніи по стопамъ юристовъ, какъ ни схоластичны бывали подчасъ возникавшія между послѣдними контroversы. Въ исторіи, далѣе, мы имѣемъ дѣло съ совокупнымъ дѣйствіемъ людей, и съ теоретической точки зрѣнія интересно было бы опредѣлить и дѣйствіе каждаго человека въ отдѣльности, и способъ соединенія дѣйствія многихъ людей, но ни коллективная психологія, ни теорія историческаго процесса еще не приступали сколько-нибудь серьезнымъ образомъ къ разработкѣ этой научной темы, такъ что по отношенію къ человѣческимъ дѣйствіямъ вопросомъ о „составленіи причинъ“ занималась пока опять-таки одна лишь наука уголовного права, конечно, преслѣдовавшая при этомъ свои спеціальныя цѣли. Послѣдними-то и опредѣляется, что криминалисты изучаютъ не всѣ случаи стеченія преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи, а только соучастіе, какъ опредѣленную его форму, а всѣ случаи содѣйствія безъ соглашенія оставлены были ими внѣ изслѣдованія. Но и въ той преднамѣренно

суженной области, которая сдѣлалась предметомъ подробной разработки, наука уголовного права подняла массу вопросовъ, могущихъ представить общій интересъ при рѣшеніи вопроса о роли личности въ исторіи.—Весьма интересные вопросы возникаютъ—и получаются очень важныя соображенія и тогда, когда мы обращаемся къ изученію историками и экономистами хозяйственныхъ явленій, но эта тема такая, что удобнѣе будетъ здѣсь только ее намѣтить, для того, чтобы поговорить объ этомъ отдѣльно.

Не останавливаясь я равнымъ образомъ на отношеніи, которое должно существовать между теоріей историческаго процесса и теоріей исторіи литературы, такъ какъ разъ существуетъ исторія литературы, должна существовать и ея теорія, а послѣдняя, понятное дѣло, не можетъ не имѣть значенія для общей теоріи исторіи ¹⁾: разсмотрѣніе этого вопроса увлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Я повторю еще разъ, что и важный обобщенный матеріалъ, и интересныя отдѣльныя теоретическія положенія или общіе историческіе взгляды мы могли бы извлечь и изъ сочиненій главныхъ представителей исторической науки въ XIX вѣкѣ, но вмѣстѣ съ этимъ еще разъ приходится выразить сожалѣніе по поводу того, что эти историки рѣдко высказывались по теоретическимъ вопросамъ. Замѣчу мимоходомъ, что еще у насъ, въ Россіи, сравнительно чаще профессора исторіи хоть разъ въ жизни считали нужнымъ излагать свою научную profession de foi: для доказательства назову здѣсь К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Герье, Грановскаго, Кудрявцева, Куторгу, И. В. Лучицкаго, проф. Надлера, Петрова, Рославскаго-Петровскаго, Соловьева, М. М. Стасюлевича, А. С. Трачевскаго ²⁾, хотя боль-

¹⁾ Мысль эту мы проводимъ въ книгѣ *Литературная эволюція на Западѣ* (Воронежъ, 1886, стр. 335—337). Представители исторіи литературы начинаютъ различать между исторіей литературы и теоріей ея исторіи, которая, конечно, есть теорія не литературы (эстетическая), а именно ея исторіи. Наприм., въ петербургскомъ университетѣ на 1890—91 г. проф. А. Н. Веселовскій объявлялъ курсъ, прямо озаглавленный: „исторія литературы и ея теорія“.

²⁾ Называемъ указанныя работы: *Бестужевъ-Рюминъ*. „Русская исторія“, (введеніе). *Герье*. „Очеркъ развитія исторической науки“. *Грановскій*. „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“. *Кудрявцевъ*. „О современныхъ задачахъ исторіи“. *Куторга*. „Историческое развитіе понятія объ исторіи“. *Лучицкій*. „Отношеніе исторіи къ наукѣ объ обществахъ“. *Надлеръ*. „Мнѣніи элементъ въ исторіи“. *Петровъ*. „Новѣйшая національная историографія“. *Рославскій-Петровскій*. „Рѣшеніе вопроса: въ чемъ состоитъ истинное значеніе прагматической исторіи и какова должна быть ея обработка?“. *Соловьевъ*. „Историческія письма“. *Стасюлевичъ*. „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“. *Трачевскій*. „Современныя задачи исторической науки“ и *его-же* „Современныя задачи историческаго знанія“.

множеством упомянутых лиц написано было по теоретическим вопросам истории очень мало и больше или меньше случайно (большею частью публичные речи, вступительные лекции, небольшие статьи и т. п.). Последнее можно сказать и о западно-европейских историках, которые только затрогивали такъ-называемую у немцев „историку“ (теорию исторического знания). Следует прибавить и то, что опять-таки в громадном большинстве случаев, теоретические вопросы истории брались учеными историками и на Западе, и у нас в смысл именно теории исторического исследования, а не в смысл теории исторического процесса.

Между тем, есть такие вопросы в теории истории, которые с успехом могут быть разрешены только специальными представителями исторической науки: если по вопросам о влиянии природы на человека и о значении прирожденных способностей племени в истории историк зависит от натуралиста; если от психологов он должен ждать разработки явлений психического влияния человека на человека и психического взаимодействия, совершающегося в обществе; если в специальных вопросах духовного и общественного быта народов ему необходимо искать указаний у филологов, фольклористов, этнографов, историков литературы и искусства, у политиков, юристов, экономистов, — то есть у него и своя собственная область вопросов, не затрагиваемых представителями иных наук или затрагиваемых только философами, и притом, большею частью, с слишком общих точек зрения и с слишком общими результатами.

Я останавлиюсь на двух примѣрахъ. Примѣръ первый. Еще во II вѣкѣ до Р. Х. греческимъ историкомъ Полибиемъ поставлена была нашей наукѣ задача связывать изучаемые ею факты причинною связью: историческіе факты суть слѣдствія по отношенію къ однимъ и причины по отношенію къ другимъ, — это истина общепризнанная, и нѣкоторые историки даютъ наставленія относительно ошибокъ, въ какія можно впадать вслѣдствіе неумѣлаго примѣненія этого принципа. Но, спрашивается, изслѣдована ли историческая причинность сама по себѣ? Общій законъ связи причины со слѣдствіемъ проявляется въ разныхъ формахъ въ зависимости отъ характера причиняющихъ и причиняющихся явленій: человекъ не такъ повинуется своимъ желаніямъ, какъ камень — силѣ тяжести. Общую постановку вопросъ о причинности всегда, конечно, получалъ въ философіи, но послѣдняя, — что разумѣется также само собою, — въ своихъ рѣшеніяхъ равнымъ образомъ не выходила изъ области соображеній общаго свойства, не останавливалась на томъ, что специализируетъ проявленіе причинности въ механикѣ, въ химіи, въ психологіи или въ исторіи. Закономъ при-

чинности въ человѣческихъ дѣйствіяхъ занимались психологи, но они имѣли всегда въ виду человека, „взятаго особнякомъ“, тогда какъ въ исторіи дѣйствуютъ люди, взятые, наоборотъ, въ совокупности. Въ логикахъ наукъ (у Милля, у Бэна, у Джевонса и т. д.) причинность разсматривается съ особой точки зрѣнія въ связи съ теоріей наведенія и въ цѣляхъ открытія законовъ, и какъ-разъ такіа логики наукъ разсматриваютъ почти исключительно случаи причинности въ явленіяхъ матеріальныхъ, въ предметахъ естествознанія. Есть, какъ мы видѣли, еще одна специальность, представители коей тоже разрабатывали вопросъ о причинной связи, но опять-таки не имѣя въ виду цѣлей историческаго знанія: это, какъ было показано, — уголовное право, такъ какъ для криминалистовъ въ теоріи причинности только и можно было найти основанія для теоріи виѣненія. Конечно, и философы, и психологи, и логики, и криминалисты дадутъ кое-что пригодное и для историковъ, но историки-то имъ съ своей стороны ничего взаимно дать не могутъ по этому вопросу, такъ какъ сами теоретически совсѣмъ не занимались послѣднимъ.

Другой примѣръ — вопросъ объ историческомъ значеніи „героевъ“, великихъ людей, о роли личности въ прагматической исторіи. Объ этомъ предметѣ много говорилось въ ту или другую сторону — за героев противъ толпы и за массы противъ великихъ людей, за значеніе личности противъ непреодолимости историческаго рока и за значеніе силы вещей противъ самостоятельной роли личности, но какъ и что говорилось? На нѣсколькихъ строчкахъ, много если на двухъ-трехъ страницахъ, высказывались двѣ-три-четыре мысли, успѣвшія стать общими мѣстами, рѣдко когда приводились кое-какія соображенія, нѣсколько болѣе продуманныя, а еще рѣже, въ видѣ исключенія, предмету посвящалось то, что можно было бы назвать статьей съ самостоятельнымъ содержаніемъ ¹⁾. Впрочемъ, и тутъ, если подсчитать, что въ такой „литературѣ“ вопроса принадлежитъ собственно специалистамъ исторической науки, то придется сдѣлать кое-какія ограниченія, такъ какъ окажется, что эти строки, страницы, статьи

¹⁾ Не считая отдѣльныхъ мѣстъ, встрѣчающихся у историковъ (напримѣръ, у Гизо, Ранке, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Пыпина и др.) или у философовъ (у Гегеля, Кузена, Милля, Спенсера и др.), вотъ почти всѣ главныя книги (отдѣльныя главы) и статьи, въ конхъ затрогивается вопросъ о роли личности въ исторіи. *Carlyle*. „On heroes, hero-worship and the heroic in history“. *Гр. Л. Толстой*. „Война и миръ“. *Миртовъ*. „Историческія письма“ и нѣкоторыя журнальныя статьи. *Joli*. „Psychologie des grands hommes“. *Hennequin*. „La critique scientifique“. *Bourdeau*. „L'histoire et les historiens“. *Михайловскій*. „Герои и толпа“. *Lombroso*. „Tre tribuni studiati da un alienista“. *Ломисъ*. „Микрокосмъ“. *Tarde*. „Les lois de l'imitation“.

выражают мнѣнія людей, на которыхъ историки могутъ съ бѣльшимъ или меньшимъ правомъ смотрѣть, какъ на простыхъ дилеттантовъ историческаго знанія, даже какъ на профановъ въ „настоящей“ наукѣ. Роль личности въ культурной исторіи, роль личнаго творчества въ эволюціи матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта разъяснена еще менѣе, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что юристы, задававшіеся теоріей правообразованія, опередили здѣсь общихъ историковъ или философовъ, вообще мало работавшихъ надъ разрѣшеніемъ этого вопроса ¹⁾. Скажу даже болѣе: роюсь въ разныхъ спеціальныхъ литературахъ въ поискахъ за отвѣтами, какіе давались на вопросъ о роли личнаго творчества въ отдѣльныхъ культурныхъ и социальныхъ эволюціяхъ, я только въ области юриспруденціи и въ теоріи литературы и находилъ сколько-нибудь подробныя, хотя иногда и очень только поверхностныя разсужденія объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ для юристовъ можно даже сдѣлать почетное исключеніе, подающее надежду на то, что дальнѣйшее развитіе правильной теоріи правообразованія въ скоромъ времени приведетъ ихъ къ необходимости поставить и рѣшить цѣлую массу частныхъ вопросовъ, которые вытекаютъ изъ общаго вопроса о значеніи инноваторской инициативы и подражательнаго повторенія въ возникновеніи, распространеніи, сохраненіи, измѣненіи и исчезновеніи правовыхъ отношеній и постановленій. Если теорія историческаго процесса, дѣлающая свои выводы и на основаніи общихъ соображеній, и изъ данныхъ спеціальнаго изученія отдѣльныхъ элементовъ общественной культуры, можетъ во многихъ отношеніяхъ освѣтить путь юриста, работающаго въ историко-философскомъ направленіи, то и сама теорія эта ждетъ отъ его работы важныхъ результатовъ. Ставя теоріи правообразованія задачу изслѣдовать условія, при которыхъ проявляется психическая дѣятельность, участвующая въ правообразованіи, ея формы и послѣдствія, мы позволили бы себѣ здѣсь намѣтить рядъ вопросовъ, относящихся къ этой задачѣ. Въ чемъ заключается, какъ происходитъ и въ какихъ формахъ проявляется личная инициатива въ правовыхъ отношеніяхъ и правовыхъ постановленіяхъ? При какихъ условіяхъ возможно ея возникновеніе и какія слѣдствія она можетъ имѣть? Какъ другъ къ другу могутъ относиться въ личной инициативѣ личный мотивъ и сознаніе назрѣвшей общественной потребности? Какими путями въ области права личная инициатива дѣлается общественнымъ достояніемъ? Въ чемъ заключаются условія распространенія новизны путемъ подражанія, повиновенія приказанію и т. п.? Каковы общія

¹⁾ См. мою статью „Два взгляда на процессъ правообразованія“. *Юридич. Вѣстн.* 1889.

причины консерватизма въ области права? Въ чемъ заключается борьба новизны съ установленнымъ порядкомъ? Къ чему можно свести общія условія побѣды и пораженія инноваций, вводимыхъ въ право личною дѣятельностью и т. п.? ¹⁾).

Эти два примѣра, стоящіе въ связи съ новымъ моимъ сочиненіемъ *Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи* я могъ бы дополнить многими другими, но это значило бы начертать цѣлую программу теоретическихъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ обязаны, по моему мнѣнію, заниматься историки, такъ какъ кромя нихъ вопросами этими и некому заняться, размѣры же настоящаго обзора не позволяютъ этого сдѣлать. Подобныхъ вопросовъ—и крупныхъ, существенныхъ, и мелкихъ, менѣе важныхъ—наберется немало, и всѣ они могутъ остаться не только не рѣшенными, но даже и не затронутыми, если за нихъ не возьмутся сами историки, потому что для представителей другихъ, перечислявшихся нами наукъ многіе изъ указанныхъ вопросовъ не представляютъ интереса, или же они не обладаютъ необходимымъ для того матеріаломъ.

Я не говорю здѣсь ничего о философіи и о томъ, чего мы могли бы желать и ждать отъ нея въ смыслѣ постановки и рѣшенія исторіологическихъ вопросовъ, такъ какъ предметъ этотъ завлекъ бы меня слишкомъ далеко, и о немъ удобнѣе трактовать отдѣльно. Но нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, какія проблемы теорія историческаго процесса ставитъ логикѣ наукъ, въ которой видать одну изъ частей философіи. Система отвлеченныхъ научныхъ понятій и теорія научныхъ методовъ являются болѣе или менѣе выработанными только въ примѣненіи къ явленіямъ природы. Во всякой научной теоріи нашего времени большую роль играетъ понятіе закона, возникшее на почвѣ естествознанія, и способы изслѣдованія законовъ составляютъ важную сторону методологіи наукъ. Теорія историческаго процесса въ этомъ отношеніи не избалована вниманіемъ представителей научной логики, хотя они и пробовали писать логики соціальныхъ наукъ. Наприм., въ общемъ ученіи о законахъ, управляющихъ явленіями всякаго рода, существуетъ весьма важный пробѣлъ, который обнаруживается преимущественно при примѣненіи понятія „законъ“ къ явленіямъ исто-

¹⁾ Въ этихъ вопросахъ я вовсе не думаю дать цѣлую программу изслѣдованія: это, такъ сказать, примѣрные вопросы, установленіе же программы я считаю возможнымъ лишь на основаніи нѣкотораго общаго изслѣдованія. Одно время оно даже было у меня въ мысляхъ, но я его оставилъ, такъ какъ это отвлекло бы меня въ сторону отъ моихъ главныхъ занятій и потребовало бы цѣлаго ряда специальныхъ изысканій. Думалъ я объ этомъ именно, когда сдѣлалъ подобную работу по вопросу о роли личности въ исторіи литературы и изложилъ общіе свои взгляды на послѣдній вопросъ въ книгѣ о *Литературной эволюціи на Западѣ*.

рической жизни. По моему мнѣнію, нужно вообще различать два рода законовъ: законы причиненія, или каузальные, и законы развитія, или эволюціонные ¹⁾: наприимѣръ, по закону первой категоріи нагрѣваніе тѣла сопровождается его расширеніемъ (а не другимъ какимъ-либо явленіемъ), а по закону второй категоріи птичій организмъ измѣняется въ опредѣленномъ порядкѣ, проходя стадіи зародыша, вылупившагося изъ яйца птенца и т. д. (а не какія-либо другія формы). Весьма часто не дается точнаго опредѣленія, о какихъ законахъ идетъ рѣчь. Въ однихъ случаяхъ какъ бы общая формула закона гласитъ: при такихъ-то условіяхъ происходитъ то-то, но это есть только формула закона каузальнаго. Въ другихъ, наоборотъ, называется закономъ и такая формула, которая утверждаетъ, что въ жизни каждаго народа наблюдается одинаковая смѣна культурныхъ формъ, а это относится уже къ числу законовъ эволюціонныхъ. Впрочемъ, различеніе каузальныхъ и эволюціонныхъ законовъ сдѣлано мною самимъ очень недавно, и я указываю на это, какъ на новую задачу научной логики, такъ какъ теорія этихъ законовъ не отличается еще тою степенью выработанности, какую имѣетъ теорія законовъ каузальныхъ.

Дѣлаю еще исключеніе для философскаго вопроса о свободѣ воли, имѣющаго значеніе и для теоріи историческаго процесса, но лишь потому дѣлаю для него исключеніе, что выше уже пришлось упомянуть о немъ. Желательно было бы, чтобы философы, занимающіеся изслѣдованіемъ этого вопроса, обратили вниманіе на то, что личность человѣка въ его поведеніи и волѣ, при рѣшеніи вопроса о свободѣ или несвободѣ послѣдней, нельзя брать, какъ единичное я, рядомъ съ коимъ нѣтъ другихъ я, на него дѣйствующихъ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, когда ставится и рѣшается вопросъ о свободѣ или несвободѣ воли, отдѣльная личность берется особнякомъ отъ другихъ личностей, съ коими она всегда тѣсно связана тысячами часто неуловимыхъ узъ. Помимо этого, нельзя не высказаться и противъ введенія понятія о человѣческой личности, взятой не особнякомъ, къ простой суммѣ однородныхъ индивидуумовъ, т.-е. въ нашемъ случаѣ—къ совокупности людей, раздѣляющихъ однѣ и тѣ же идеи и проникнутыхъ одними и тѣми же чувствами: дѣло не въ томъ, чтобы—или статистически, т.-е. отвлеченно, или художественно, т.-е. конкретно—представить себѣ нѣкоторую сумму людей, имѣющихъ между собою нѣчто общее, а въ томъ, чтобы уловить процессы, происходящіе въ общественныхъ группахъ съ далеко не однороднымъ составомъ, представить себѣ отдѣльныя

¹⁾ „Сущность историческаго процесса“, стр. 419 и слѣд.

²⁾ Подробнѣе смотри въ упомянутомъ рефератѣ нашемъ „Къ вопросу о свободѣ воли“.

личности, ихъ образующія, не какъ слагаемыя извѣстной суммы, въ которой проявляется дѣйствіе какой-либо общей причины, или не какъ однородные экземпляры нѣкаго общаго типа, а какъ живыя личности—каждую съ ея индивидуальной фізіономіей и особою ролью, каждую въ ея особенной зависимости отъ другихъ и съ особеннымъ на другихъ вліяніемъ. Наконецъ, слѣдуетъ сохранить понятіе самостоятельной личности. Скажу даже болѣе: я хотѣлъ бы вообще отстоять это понятіе отъ научныхъ воззрѣній, сводящихъ его къ нулю. Последнее дѣлается въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ, имѣющихъ разные исходные пункты, но приводящихъ къ одному и тому же результату: одно направленіе разлагаетъ индивидуальное я на „вереницу совершающихся въ немъ событій“, дѣлаетъ изъ личности собирательное обозначеніе мелкихъ психологическихъ процессовъ, другое-же, наоборотъ, превращаетъ каждое такое я въ одно изъ отраженій духа времени или народа, видитъ въ личности простое созданіе окружающаго общества, всецѣло изъ него объясняющееся, и такимъ образомъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія личность не есть нѣчто единое и цѣльное,—будучи или суммою раздѣльных психическихъ явленій, или частицею нѣкаго высшаго духовнаго цѣлаго, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ мы наблюдаемъ это въ общео-исторической концепціи Тэна ¹⁾. За недостаткомъ времени я не могу также останавливаться на вопросѣ о томъ, что есть вѣрнаго въ обѣихъ воззрѣніяхъ, разрушающихъ понятіе единой и цѣльной личности, и въ чемъ заключается ошибочность сдѣланныхъ выводовъ о природѣ индивидуальной души.—Конечно, индивидуальный духъ зависитъ и отъ фізіологическихъ или психо-фізіологическихъ процессовъ организма, и отъ коллективно-психическихъ или соціальныхъ процессовъ общества, но при философскомъ рѣшеніи вопроса о свободѣ воли зависимость второй категоріи забывается: обсуждая вопросъ, вообще весьма часто ссылаются на зависимость, говоря коротко, духа отъ матеріи, совершенно почти упуская изъ виду зависимость одного духа отъ другого духа,—обращаютъ вниманіе на то, какъ воля обусловливается чѣмъ-то такимъ, что само по себѣ не есть другая воля, совсѣмъ почти игнорируя случаи опредѣленій одной воли другими волями или ихъ проявленіями, словомъ—говорятъ объ отношеніи я къ не-я и не говорятъ о взаимныхъ отношеніяхъ между собою разныхъ я. Нельзя, конечно, смотрѣть на человѣка, какъ на существо, въ своей жизни и дѣятельности соприкасающееся только съ предметами и явленіями одного матеріальнаго міра: разъ человѣкъ живетъ и дѣй-

¹⁾ См. статью В. И. Герье о Тэнѣ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1890 г., янв., стр. 54 и слѣд.

ствуешь въ обществѣ себѣ подобныхъ, онъ связанъ съ ними многочисленными и разнообразными отношеніями, подвергаясь въ своемъ поведеніи многостороннимъ вліяніямъ, идущимъ отъ другихъ людей, и собственнымъ поведеніемъ оказывая на ихъ поведеніе вліянія также весьма различнаго свойства. Въ сущности вѣдь и вопросъ о свободѣ воли въ той своей сторонѣ, которую онъ соприкасается съ практическими вопросами человѣческаго бытія, стоитъ въ тѣсной связи съ общественною жизнью людей: и этика, и криминалистика, принимающія столь дѣятельное участіе въ разработкѣ вопроса, берутъ человѣка не особнякомъ, а въ извѣстномъ отношеніи къ другимъ людямъ. Этому должно было бы соответствовать и чисто теоретическое обсужденіе того же предмета: ему именно не слѣдовало бы упускать изъ виду, что причинность въ дѣлахъ человѣческихъ состоитъ между прочимъ въ большей или меньшей зависимости поступковъ однихъ лицъ отъ поступковъ другихъ лицъ и что на этомъ основаніи при теоретическомъ рѣшеніи вопроса о свободѣ воли весьма важно брать человѣка въ его взаимоотношеніяхъ съ другими людьми.

Принявши дѣятельное участіе въ организаціи при Петербургскомъ университетѣ Историческаго Общества, я, между прочимъ, и имѣлъ въ виду, съ одной стороны, подвергать обсужденію своихъ товарищей по наукѣ собственныя работы въ области исторіологическихъ изслѣдованій, съ другой—доставить возможность и другимъ высказываться по этимъ вопросамъ, даже прямо вызвать болѣе дѣятельный обмѣнъ мыслей теоретическаго характера между нашими членами. Кромѣ рефератовъ на подобныя темы, мы могли бы прибѣгнуть и къ другимъ способамъ коллективной работы: наприимѣръ, мы могли бы ставить общіе и частныя вопросы по теоріи исторіи, на которые желательно было бы имѣть отвѣты, или представлять на обсужденіе тезисы, заключающіе въ себѣ какія-либо мысли теоретическаго характера. Что касается рефератовъ, то содержаніе ихъ можетъ быть весьма разнообразно: въ нихъ могли бы найти мѣсто и рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ исторической теоріи, и критика взглядовъ, высказывающихся въ литературѣ, и изслѣдованіе отдѣльныхъ направленій исторической науки, въ основѣ коихъ лежитъ то или другое пониманіе сущности историческаго процесса, и опредѣленіе историческаго міросозерцанія отдѣльныхъ историковъ, русскихъ и иностранныхъ, и разборъ книгъ или статей теоретическаго содержанія, появляющихся въ нашей и западно-европейской литературѣ, и т. п. Когда, наконецъ, намъ удастся осуществить нашу мысль о научно-историческомъ журналѣ, какъ органѣ нашего Общества, мы оказали бы важную услугу исторической наукѣ, если бы отвели въ немъ подобающее мѣсто статьямъ и рефератамъ по теоретиче-

скимъ вопросамъ. Съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, убѣжденный въ важности этого дѣла, я буду употреблять все усилія, чтобы поддерживать въ нашемъ Историческомъ Обществѣ интересъ къ теоріи исторіи, будучи увѣренъ въ томъ, что такое, пока еще совсѣмъ у насъ новое дѣло многими членами Историческаго Общества, дѣйствительно, считается за дѣло важное.

Новѣйшія работы по исторіи французской революціи ¹⁾.

Н. И. Карѣва.

Значеніе столѣтняго юбилея революціи для исторической науки.—Крупные историческіе труды передъ 1889 г.—Историческій журналъ французской революціи.—Общество исторіи французской революціи.—Историческія изданія города Парижа и французскаго правительства.—Историческіе журналы.—Состояніе Франціи при старомъ порядкѣ.—Новыя изданія *cahiers*.—Книги по исторіи революціи, вышедшія въ свѣтъ въ 1889 и 1890 гг.—Попытки подведенія итоговъ подъ послѣдними работами.—Заключеніе.

Въ 1889 г. французы отпраздновали столѣтній юбилей своей великой революціи. Это былъ годъ историческихъ воспоминаній. Рядомъ съ всемірной художественно-промышленной выставкой, устроенной въ 1889 году въ Парижѣ, французы и многочисленные иностранцы, пріѣзжавшіе въ этомъ году въ столицу Франціи, могли посѣщать разныя другія выставки, имѣвшія уже чисто историческій интересъ. Въ дни, ознаменованные какими-либо важными событіями 1789 г., организовались торжества, и газеты напоминали своимъ читателямъ, въ чемъ заключается историческое значеніе такихъ чиселъ, какъ 5 мая, 14 іюля или 4 августа. Тотъ же коммеморативный смыслъ имѣютъ и разныя популярныя изданія, посвященныя исторіи революціи, вышедшія въ свѣтъ по поводу знаменательной годовщины. Юбилей былъ отпразднованъ, выставленные предметы спрятаны, газетныя статьи и брошюры прочитаны, и послѣ торжествъ наступили будни. Мы не станемъ разсматривать, какія политическія послѣдствія можно приписать юбилейному празднованію 1889 г.: оно не прошло безслѣдно и для исторической науки. Дѣло въ томъ, что, кромѣ коммеморативныхъ статей и брошюръ, которыя были свое-

¹⁾ Сокращенное изложеніе этой статьи составляло содержаніе реферата, читаннаго въ Историческомъ Обществѣ 10 окт. 1890 г.

временно прочитаны и забыты, столѣтняя годовщина 1789 г. вызвала появленіе историческихъ трудовъ, авторы коихъ думали не объ удовлетвореніи мимолетныхъ потребностей текущей минуты, а о томъ, чтобы внести что-либо новое, по части матеріала или по части идей, въ научную разработку исторіи французской революціи. Эта эпоха, представляеть такой громадный интересъ вообще и, конечно, въ особенности для французовъ, что, по количеству изданныхъ источниковъ и написанныхъ книгъ, съ историческою литературою о французской революціи едва ли можетъ сравняться еще какая-либо литература, специально посвященная той или другой исторической эпохѣ. Немудрено поэтому, что во Франціи постоянно выходятъ въ свѣтъ научныя работы, относящіяся къ области историческаго изученія революціи 1789 г., такъ что юбилейная годовщина могла только оживить дѣятельность французскихъ историковъ, направленную на выясненіе хода событій конца прошлаго вѣка и ихъ историческаго смысла. Тѣмъ не менѣе съ положительною увѣренностью можно утверждать, что именно приближенію столѣтнаго юбилея революціи обязана историческая наука нѣкоторыми учеными предпріятіями, поставившими своею цѣлью содѣйствовать лучшему знанію и пониманію событій 1789 и слѣд. годовъ. Нѣкоторыя изъ предпріятій этихъ имѣють чисто личный характеръ, другія—характеръ коллективный, и среди послѣднихъ мы отмѣтимъ особенно специальный журналъ и специальное ученое общество, посвященные исторіи французской революціи и вызванные къ жизни именно празднованіемъ сотой ея годовщины. Вмеѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что было издано въ 1889 г. о французской революціи, этотъ журналъ и это общество останутся навсегда тѣмъ слѣдомъ, безъ котораго не могъ пройти юбилейный годъ въ области національной исторіографіи французовъ. Понитное дѣло, что многое изъ того, чему съ хронологической точки зрѣнія мы готовы приписать юбилейный характеръ, относится просто, такъ сказать, къ текущей литературѣ, и лишь случайное появленіе того или другаго изданія въ 1889 г. придаетъ ему этотъ характеръ, но это не мѣшаетъ намъ ставить ихъ рядомъ съ тѣмъ, что было написано и опубликовано *ad hoc*, тѣмъ болѣе, что труды подобнаго рода, какъ наименѣе похожіе на *pièces de circonstances*, особенно могутъ считаться важными въ научномъ отношеніи.

Въ настоящей статьѣ мы познакоимъ читателя со всѣмъ главнымъ, что сдѣлано исторической наукой по изученію французской революціи въ 1889 и 1890 г., указавъ предварительно на самыя важныя труды по исторіи той же эпохи, вышедшіе въ свѣтъ въ предыдущіе два-три года.

Послѣдними крупными историческими изслѣдованіями о французской революціи были передъ наступленіемъ юбилейнаго года сочиненія Тэна, Шереста и Сореля. Третій и послѣдній томъ „Революціи“ Тэна, составляющій вторую часть его „*Les origines de la France contemporaine*“ вышелъ въ свѣтъ въ 1885 году, и, доведши въ немъ исторію эпохи до 18 брюмера, авторъ обратился къ изученію наполеоновскаго времени, коему и посвятилъ уже извѣстные свои этюды въ „*Revue des deux mondes*“. Въ 1884—86 гг. вышло въ свѣтъ трехтомное, оставшееся неоконченнымъ за смертью автора сочиненіе Шереста о паденіи стараго порядка въ 1787—1789 гг. ¹⁾, въ коемъ изложеніе доведено до іюльскихъ событій 1789 г. Наконецъ въ 1885 и 1887 г. появились первые два тома замѣчательнаго труда Альберта Сореля „Европа и французская революція“ ²⁾, продолженія коего съ нетерпѣніемъ должны ожидать каждый интересующійся исторіей этой эпохи. Книга Сореля ³⁾ самое важное приобрѣтеніе исто-

¹⁾ *Aimé Chérest. La chute de l'ancien régime. Paris. 1884—1886.*

²⁾ *Albert Sorel. La France et la révolution française. Paris. 1885—1887.*

³⁾ О книгѣ Сореля мы предполагаемъ дать подробный отчетъ впоследствии, когда она будетъ закончена. Для общей характеристики книги дѣлаемъ здѣсь краткое изложеніе того, что говоритъ о своей задачѣ самъ авторъ во вступительной главѣ этого прекраснаго труда, отличающагося между прочимъ и увлекательностью формы. Авторъ ставитъ своей задачей собрать воедино главныя черты взаимныхъ отношеній между революціонною Франціей и монархической Европой съ 1789 г. до эпохи конвента, когда эти отношенія уже совершенно выяснились. Побѣда Франція была банкротствомъ „старога порядка“ и въ ея предѣлахъ, но въ этомъ смыслѣ особое значеніе имѣла эпоха Наполеона I. Указавъ на общій смыслъ и характеръ борьбы между Франціей и Европой съ 1792 г. по самый вѣнскій конгрессъ, Сорель отмѣчаетъ разное отношеніе къ принципамъ 1789 г. у разныхъ народовъ Европы. Всеобщность и отвлеченность этихъ принциповъ способствовали ихъ распространенію, но по той же причинѣ примѣненіе ихъ было неодинаковымъ въ зависимости отъ среды, въ которой она распространялись: усвоеніе принциповъ 1789 г. массами искажало ихъ сущность. „Чистый разумъ не дѣло политиковъ, которые руководятся государственной пользой, и не дѣло народовъ, которые управляютъ своими страстями. Какъ для государства, такъ и для народовъ существуютъ традиціи, столь же древнія, какъ ихъ исторія, ибо онѣ берутъ начало изъ одного съ нею источника и развиваются параллельно съ нею. Ихъ дѣйствіе на умы инстинктивное, и тѣмъ болѣе оно вѣдно, что умы менѣе всего думаютъ ему подчиняться. Въ кризисахъ, которые захватываютъ человѣка върасплохъ, онъ не находитъ въ себѣ много ресурса и волей-неволей, сознательно или безсознательно, уступаетъ или сопротивляется, онъ поддается неизменно вліянію унаслѣдованныхъ началъ и господствующихъ въ немъ самомъ и вокругъ него страстей. Съ этими-то данными онъ понимаетъ новыя идеи и пытается ихъ осуществить. Французъ и другіе европейскіе народы именно такъ истолковывали принципы революціи и приспособляли ихъ къ традиціямъ своего прошлаго“. Поэтому задачей своей Сорель ставитъ „показать, что французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ — возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе (*suite*) исторіи Европы, и доказать, что у революціи не было ни

рической литературы вообще о революціи—за всѣ восьмидесятиѣ годы, и нужна была бы отдѣльная статья для того, чтобы дать понятіе о ея научномъ значеніи.

Кромѣ этихъ трехъ крупныхъ трудовъ, во второй половинѣ восьмидесятиѣ годовъ появились нѣкоторыя сочиненія и менѣе важныя. Старый порядокъ и революція нашли въ этихъ же годахъ своего историка также еще въ лицѣ Рамбо, извѣстнаго нашей публикѣ по своимъ трудамъ въ области русской исторіи. Говоря это, я имѣю въ виду не маленькую его „Исторію французской революціи“ ¹⁾, вышедшую въ свѣтъ лѣтъ семь тому назадъ, а второй томъ его „Исторіи французской цивилизаціи“ ²⁾, заключающій въ себѣ исторію абсолютной монархіи въ XVII и XVIII вв., и служащую продолженіемъ этой работы „Исторію современной цивилизаціи во Франціи“ ³⁾, первая часть коей посвящена обзору идей, учреждений, общественныхъ отношеній, науки, образованности, искусства, промышленности и нравовъ въ революціонную эпоху. Рамбо подводитъ итоги (но самыя общіе) подъ новѣйшими изслѣдованіями въ этой области. Значеніе подведенія итоговъ подъ прежними работами по исторіи революціи могла бы имѣть вышедшая въ 1887 г. книжка Э. Шампіона „Духъ французской революціи“ ⁴⁾, если бы она не была книжкой своего рода полемической, направленной противъ „*récents détracteurs de la révolution*“ (стр. 2). Цѣль себѣ авторъ этотъ ставитъ почтенную—уяснить причину противорѣчія у историковъ и объяснить то, что ими необъяснено (стр. 1). Къ сожалѣнію, его изложеніе чисто отрицательное, какъ будто онъ далъ себѣ слово ничего не утверждать: „люди 89 г. вовсе не метафизики, отправившіеся въ походъ“ и пр. (стр. 8); у Руссо нѣтъ политическаго догмата (стр. 13); послѣдователи Монтескье и Руссо не составляли двухъ школъ (стр. 29) и т. п. Тѣмъ не менѣе мы можемъ представить

одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка“. Сорель блестящимъ образомъ разрѣшилъ задачу, которую не особенно удачно поставилъ себѣ Зибель въ извѣстномъ своемъ трудѣ, и съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Тэнъ, могъ бы сказать, что отнесся къ своему предмету, какъ натуралистъ, изучающій превращенія насѣкомаго.

¹⁾ *Alfred Rambaud*. Histoire de la révolution française. P. 1883. Въ книжкѣ около 800 страничекъ и 80 политинажей въ текстѣ.

²⁾ Histoire de la civilisation française. T. II, depuis la Fronde jusqu'à la révolution. P. 1887.

³⁾ Histoire de la civilisation contemporaine en France. Paris. 1888.

⁴⁾ *Edme Champion*. Esprit de la révolution française. Ему же принадлежитъ брошюра (1884 г.) L'instruction publique en France d'après les cahiers de 89.

себѣ вратцѣ общій взглядъ Шампіона на революцію. Указавъ на вліяніе, какое люди 1789 г. испытывали со стороны философовъ XVIII в. (гл. I), изобразивъ состояніе Франціи при Людовикѣ XVI (гл. II), авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что революція была неизбежна, что всѣ ея желали, не зная еще, чтѣ изъ нея выйдетъ. Онъ довольно интересно анализируетъ общественное мнѣніе въ 1789 г. (гл. III), опираясь на *cahiers*, брошюры и рѣчи, причемъ оправдываетъ первые отъ обвиненія ихъ со стороны Токвиля въ томъ, будто *cahiers* трехъ сословій заключали въ себѣ великій заговоръ противъ всѣхъ законовъ и учреждений страны (стр. 78 и слѣд.): „ужасъ Токвиля, говоритъ онъ, дѣлается совершенно непонятнымъ, разъ мы входимъ въ подробное разсмотрѣніе *cahiers* (стр. 80), ибо „во всѣхъ углахъ Франціи мы встрѣчаемся съ рѣшимостью удовольствоваться частными, неполными реформами“ (стр. 84), и за немногими исключеніями будущіе республиканцы были еще монархическаго образа мыслей (стр. 89). Non, ce n'est pas un cri de guerre ni de haine que pousa la France au printemps de 89 (стр. 99),—такъ можно резюмировать содержаніе этой главы. Учредительному собранію авторъ посвящаетъ три главы (IV—VI). Онъ отиѣчаетъ умѣренность и терпѣніе членовъ конституанты (стр. 104 и слѣд.); на дорогу революціи ихъ толкнули привилегированные и дворъ „своими необдуманнѣйшими поступками, своимъ сопротивленіемъ малѣйшимъ реформамъ, безумными вызовами по ихъ адресу и всякаго рода заговорами“ (стр. 109). Контръ-революція, не безъ основанія замѣчаетъ Шампіонъ, еще ждетъ своихъ историковъ (стр. 112), и онъ собираетъ факты (большею частью общезвѣстные) для доказательства своего тезиса, не всегда впрочемъ, критически относясь къ источникамъ (будто, напр., еще въ концѣ 1788 г. министры Людовика XVI черезъ эmissаровъ бунтовали народъ противъ дворянъ, стр. 120). Въ другой главѣ (*Méthode de l'assemblée constituante*) авторъ отвергаетъ то представленіе о дѣятельности учред. собр., будто оно хотѣло все разрушить, дабы все построить заново: если оно такъ и поступало, то лишь тогда, когда обстоятельства его принуждали (стр. 141). Давая интересный анализъ законодательства конституанты, онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что критиковать конституцію 1791 г. можно лишь слѣдя за исторіей ея выработки (стр. 163 и слѣд.), но нельзя сказать, чтобы онъ искусно защищалъ „гражданское уложеніе о духовенствѣ“ въ специально ему посвященной главѣ (VI), хотя исторія ея возникновенія рассказана интересно. Шампіонъ думаетъ, что собраніе было вообще компетентно устраивать по своему церковь, и только съ точки зрѣнія современнаго просвѣщенія (*éclairés comme nous le sommes aujourd'hui*) онъ находитъ, что, требуя присяги „гражданскому уложенію“, собраніе сдѣлало ошибку

(стр. 184). Причину оппозиціи духовенства этому уложенію онъ склоненъ видѣть (*peut-être*) въ недовольствѣ на конфискацію церковныхъ имуществъ (стр. 186 и слѣд.). Паденію королевской власти Шампiонъ посвящаетъ особую главу (VII), въ которой отвѣтственность за случившееся слагаетъ на того, кто палъ. Къ конвенту (гл. VIII) онъ болѣе, чѣмъ благосклоненъ: *je sais les titres de la Convention au respect, à la reconnaissance éternelle de la France et du genre humain; j'admire ses actes bienfaisants, cette extraordinaire liberté d'esprit* и т. д. (стр. 213). Но и для него исторія конвента, исторія Дантона, „наилучшимъ образомъ представляющаго политику этой эпохи“ (стр. 215), наполнены вопіющими противорѣчіями. По его словамъ, конвентъ—прямой наслѣдникъ конституанты, и все различіе между ними объясняется скорѣе обстоятельствами, чѣмъ какими-либо другими причинами (стр. 216): между эпохой свободы и эпохой равенства нѣтъ принципиальнаго различія. Въ своей оппозиціи принятому тезису онъ даже утверждаетъ, будто учредительное собраніе „съ Монтескье и Руссо“ уклонилось отъ свободы, а конвентъ „съ Вольтеромъ“ формулировалъ и узаконилъ ея истинные принципы (стр. 224, гдѣ дѣло идетъ о свободѣ совѣсти по конституціи III года). Шампiонъ даже сглаживаетъ различіе между Жирондою и Горой (гл. IX), находя, что исторія искажается, когда становятся на ту или другую изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ главѣ, посвященной этому предмету, онъ особенно злоупотребляетъ своимъ негативнымъ методомъ, хотя частныя его мысли заслуживаютъ вниманія, и во многихъ отношеніяхъ жирондисты и якобинцы оказываются въ изображеніи Шампiона болѣе сходными, чѣмъ принято ихъ представлять. Интересны взгляды автора на Дантона и Робеспьера. Терроръ тоже составляетъ содержаніе особой главы (X). „Видѣсто того, чтобы терять время, черня терроръ, говоритъ Шампiонъ (стр. 263), поищемъ его происхожденія“, начало же его онъ видитъ въ іюнѣ или іюлѣ 1789 г., возлагая отвѣтственность за его происхожденіе на контръ-революцію. Довольно сомнительно, чтобы страна дала свое согласіе (*le pays y consentit*) на терроръ 1793 г., „какъ на ужасную, но спасительную необходимость“, вслѣдствіе чего Шампiонъ знать не хочетъ объясненія террора общей трусостью и апатіей: признавать эту причину, говоритъ онъ, значитъ не понимать (*méconnaître*) истинный характеръ террора, не возбуждавшаго противъ себя всеобщаго неудовольствія (стр. 264). Террористы дѣлались таковыми „ни по вкусу, ни по системѣ“: ихъ создавали „неслыханныя обстоятельства“ (стр. 269), и для сматченія ихъ дѣлъ Шампiонъ вспоминаетъ драгонады, инквизицію и т. п.! Глава объ обыденной жизни во время революціи (XI) имѣетъ несомнѣнный интересъ по собраннымъ здѣсь фактамъ, но это—эпизодъ въ исторіи разыгрывавшейся политической драмы. Рес-

публика послѣ 9 термидора (гл. XII) представляется Шампиону въ слѣдующемъ видѣ. „Собственно говоря, термидоръ ничего не оканчивается, не оканчивается даже террора“ (стр. 295). Послѣдній не былъ дѣломъ ни единичной личности, ни отдѣльной партіи (стр. 298), и если Франція 1795 г. представляетъ изъ себя въ дѣйствительности контрастъ Франціи 1793 г., то менѣе всего въ этомъ виноватъ термидоръ: Шампионъ думаетъ, что все улеглось, благодаря побѣдамъ французовъ надъ союзниками (стр. 301). Директорія кажется ему совсѣмъ недурнымъ правительствомъ (стр. 306 и слѣд.). Мало того: переворотъ 18 фруктидора, по его мнѣнію, вовсе не имѣлъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, какія ему приписывали, но своего тезиса онъ не доказываетъ (стр. 313). Весьма рѣшительно высказывая свои мнѣнія по труднѣйшимъ вопросамъ исторіи, Шампионъ призываетъ нѣсколько „неразрѣшимыхъ вопросовъ“, коимъ посвящаетъ главу XIII. Слѣдующая глава уже говоритъ о „Бонапартѣ“, и въ ней авторъ оправдываетъ старыхъ революціонеровъ, сдѣлавшихся орудіями деспотизма, тѣмъ, что *«autre chose être dupe, autre renégat»*, и что столько уже дѣлалось *coups d'état* раньше 18 брюмера людьми, которые не считались врагами свободы (стр. 326).

Я остановился подробно на сочиненіи Шампиона потому, что 1) это образецъ довольно еще распространенной манеры трактовать революцію, казня и милуя, и что 2) мнѣ придется говорить далѣе еще объ одномъ подведеніи итоговъ, исходящемъ изъ другого лагеря, гдѣ и казнятся, и милуются уже не тѣ люди и событія, что у Шампиона.

Въ исторіографіи французской революціи еще до 1889 г. наступилъ періодъ детальнаго изученія и изданія архивныхъ матеріаловъ, но на это оказалъ вліяніе приближавшійся юбилей. Для исторіи французской революціи съ недавняго времени существуютъ специальный органъ, особое ученое общество и разныя издательскія предпріятія.

Историческій журналъ французской революціи (*La révolution française, Revue historique*) возникъ еще въ 1881 году. Его основатели Дидъ (сенаторъ и первый редакторъ журнала), Кольфаврю (депутатъ) и Шаравэ предприняли свое дѣло въ виду приближавшейся столѣтней годовщины 1789 г., и въ числѣ первыхъ его участниковъ мы встрѣчаемъ имя сенатора Ипполита Карно, сына „организатора побѣды“ въ эпоху революціонныхъ войнъ и отца теперешняго президента французской республики: первая статья въ журналѣ (*Unité de la révolution française*) вышла изъ подъ пера именно Ипполита Карно, который потомъ сдѣлался и основателемъ Общества исторіи французской революціи (*Société de l'histoire de la révolution française*). Въ журналѣ

этомъ печатаются детальныя изслѣдованія и документы ¹⁾, а съ 1889 года онъ расширилъ свою программу и сталъ обозначаться на заголовкѣ, какъ „журналъ новой и современной исторіи“, такъ какъ теперешній его редакторъ Оларъ (Aulard) поставилъ себѣ задачу помѣщать въ журналѣ статьи о событіяхъ, подготовлявшихъ переворотъ 1789 г., и особенно о тѣхъ, которыя происходили послѣ 1789 г., не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ Европы ²⁾.

Кромѣ журнала, въ настоящее время существуетъ съ марта 1888 г. и Общество исторіи французской революціи, которое возникло изъ особаго комитета, образованнаго по инициативѣ и подѣ предсѣдательствомъ Ипполита Карно изъ членовъ редакціи историческаго журнала французской революціи и имѣвшая своей первоначальной задачей историческую подготовку празднованія сотой годовщины. 1789 г. Карно былъ выбранъ въ предсѣдатели новаго общества, но въ томъ же мартѣ 1888 г. онъ умеръ и, не выбирая ему преемника, члены-учредители обратились къ его сыну, президенту республики, съ просьбою принять на себя почетное предсѣдательство въ Обществѣ, на что и получили согласіе. Такимъ образомъ комитетъ, рассчитанный только на временное существованіе, превратился въ постоянное ученое учрежденіе, въ скоромъ времени приступившее къ издательской дѣятельности. Въ самомъ началѣ именно рѣшено было издать знаменитую брошюру Сійеса о третьемъ сословіи, мемуары Фурнье-Американца (по предложенію Олара, секретаря общества) и списокъ членовъ конвента съ біографическими примѣчаніями. Эти изданія уже увидѣли

¹⁾ Для примѣра приводимъ существенное содержаніе первыхъ шести выпусковъ журнала за юбилейный годъ. *Январь*. Статья объ Archives Parlementaires, Республиканскія арміи отъ 1792 до 1800 г. Рязаръ, членъ конституанты отъ Гарда. Отчетъ Дантона. Списокъ императорской знати (продолженіе). *Февраль*. По поводу новаго изд. мемуаровъ маркиза де-ля-Рошжакеденъ. Ассигнаціи (продолженіе). Членъ Конвента Леонардъ Бурдонъ. Незад. докум. о чл. конв. Ле-Карпантиѣ и ориенталистѣ Лангиз. Списокъ импер. знати (прод.). *Мартъ*. Вопросъ объ Archives parlementaires. Революціонныя праздники въ Нижнихъ Альпахъ. Два письма Журдана къ Клеберу. Списокъ имп. знати (прод.). *Апрѣль*. Королевская программа на выборахъ 1789 г. Парижскія учрежденія въ 1789 г. Литературная оппозиція при консульствѣ. Конвентскій комитетъ замедлялъ. Списокъ импер. знати (оконч.). *Май*. Бернардъ де Сентъ. Колонны свободы на мѣстѣ Бастиліи. Миссія Кассани къ соединеннымъ итал. и альп. арміямъ. Оконч. статьи о литерат. оппозиціи. *Іюнь*. Переписка Пеллана (секрет. Мирабо) съ Ла-Маркомъ и Мерси. Воинственныя произведенія А. Шенье. Переписка сельской общины въ эпоху революціи. Засѣданіе 16 іюня 1789 г.

²⁾ Редакторъ этого журнала занимаетъ спеціальную катедру исторіи французской революціи, основанную при парижскомъ faculté des lettres муниципальнымъ совѣтомъ. —Замѣтимъ, кромѣ того, что во Франціи издается еще въ фанатическо-реакціонномъ направленіи Revue de la révolution (издатели—Bord и d'Héricault)

свѣтъ въ печати; къ нимъ успѣли присоединиться и другія, не считая тѣхъ, которыя Общество подготавливаетъ въ настоящее время. Впрочемъ, 1888 и начало 1889 г. прошли главнымъ образомъ въ устройствѣ исторической выставки французской революціи, открывшейся въ апрѣлѣ 1889 г. въ луврской *grande salle des états*, благодаря энергической дѣятельности одного изъ членовъ Общества (Кальмета) и встрѣченной имъ отовсюду помощи. Каталогъ этой выставки входитъ въ число изданій Общества. Первое общее собраніе членовъ состоялось только 2 марта 1890 г., за то комитетъ могъ представить на немъ уже цѣлый отчетъ о своей дѣятельности за истекшіе два года ¹⁾.

Уставъ общества весьма кратокъ: его можно было бы помѣстить на одной страницѣ. Въ первомъ параграфѣ цѣли Общества опредѣляются такимъ образомъ: на главномъ мѣстѣ ставится внесеніе научнаго духа въ изслѣдованіи о французской революціи; второю цѣлью является дать возможность всѣмъ занимающимся этой эпохой какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ, вступить между собою въ болѣе тѣсное единеніе; третья задача—публикація неизданныхъ или рѣдкихъ текстовъ или оригинальныхъ сочиненій, касающихся исторіи Франціи послѣ 1789 г.; далѣе идетъ устройство историческихъ лекцій въ столицѣ и въ провинціи, и, наконецъ, Общество должно было приготовить выпадавшую на его долю часть юбилейнаго праздника. Члены Общества раздѣляются на *membres fondateurs* и *membres adhérents*: первые дѣлаютъ единовременный взносъ *minimum* въ 500 франковъ, вторые платятъ ежегодно по 20 франковъ. Общество управляется особымъ комитетомъ (*comité directeur*), состоящимъ изъ 32 членовъ и назначаемымъ изъ своей среды бюро общества (предсѣдателя, трехъ товарищей предсѣдателя, секретаря, товарища секретаря и казначея). Составъ комитета въ 1889 г. былъ слѣдующій. Почетный предсѣдатель—Карно, президентъ республики; предсѣдатель—ваканція; товарищи предсѣдателя—депутатъ Кольфаврю, сенаторъ Дидъ, членъ французской академіи Жюль Клареси; секретарь—профессоръ исторіи французской революціи въ Сорбоннѣ Оларъ—товарищъ секретаря и казначей—архивистъ палеографъ Шаравэ; остальными членами комитета были шесть депутатовъ и одинъ сенаторъ, пять публицистовъ, три преподавателя исторіи ²⁾, затѣмъ идутъ лица, служащіе въ центральныхъ учрежденіяхъ, и лица разныхъ профессій, изъ коихъ нѣкоторые извѣстны своими публикаціями, относящимися къ исторіи французской революціи.

¹⁾ См. *Société de l'histoire de la révolution française. Compte rendu de l'assemblée générale du 2 mars 1890. Paris. 1890.*

²⁾ Проф. Рамбо и два лицейскихъ преподавателя (Monin и Thénard).

Своего рода *profession de foi* общества мы находимъ въ отчетѣ секретаря, прочитанномъ имъ въ общемъ собраніи 2 марта 1890 г. „То. чего мы дѣйствительно хотѣли,—сказано, между прочимъ, въ этомъ отчетѣ,—это прежде всего дѣлать научное дѣло. Намъ казалось, что давнымъ-давно было уже пора перестать смотрѣть на исторію революціи, какъ на матеріалъ для памфлетовъ, и примѣнить къ этой исторіи тѣ же правила исторической критики, какія употребляются при изученіи болѣе отдаленныхъ эпохъ“. Указавъ на то, что съ полной свободой заняться изученіемъ этой исторіи сдѣлалось возможнымъ только при третьей республикѣ, отчетъ отмѣчаетъ и другое, еще болѣе важное въ данномъ случаѣ обстоятельство. „Еще недавно, въ Собраніи и въ прессѣ были писатели и ораторы, которыхъ называли робеспьеристами, дантонистами, жирондистами... Теперь этотъ архаизмъ, къ счастью, вышелъ изъ моды, и смѣшно было бы къ нему возвратиться... Поэтому въ настоящее время историкъ можетъ, сколько ему угодно, критиковать Верньо, Робеспьера или Дантона, не заставляя тѣхъ или другихъ людей, либо тѣ или другія партіи нашего времени печалиться или радоваться по поводу какихъ-нибудь неблагоприятныхъ или льстивыхъ намековъ“. Родоначальникомъ новаго направленія въ изученіи французской революціи отчетъ называетъ Эдгара Кинэ, который, какъ тамъ сказано, „подавъ примѣръ смотрѣть на этотъ періодъ національной исторіи тѣми же глазами, какими смотрятъ и на другіе періоды, не въ качествѣ вѣрующихъ, а въ качествѣ критиковъ“. — „Мы, говорится нѣсколько далѣе, мы любимъ революцію, мы живемъ ея духомъ, но мы желаемъ, чтобы ея факты передавались вѣрно, безъ фанатическаго почтенія, передавались на основаніи документовъ, какъ будто бы дѣло шло о царствованіи Филиппа Августа или Людовика XIV. Будучи въ одинаковой степени непріятелями легендъ правой и легендъ лѣвой, мы и написали во главѣ нашего устава, что мы желаемъ содѣйствовать внесенію научности въ изученіе революціи“. Исходя изъ такихъ намѣреній, основатели Общества обратились съ приглашеніемъ пригласить къ нему—ко всѣмъ лицамъ, которыя занимались исторіей революціи «*sans esprit de dénigrement et de passion systématique*», и отвѣты получены были большею частью благоприятные. Самому соединенію этому всѣхъ такихъ лицъ въ *ученое общество* (слово это подчеркнуто въ отчетѣ) ставится въ послѣднемъ и соответственная цѣль — взаимная критика: Общество должно быть далеко отъ того, чтобы въ немъ могли увидѣть *une société d'admiration mutuelle*. Наконецъ, по словамъ отчета, Общество является необходимостью, какъ средство поощренія къ занятію новѣйшей исторіей Франціи, особенно въ провинціяхъ. „Нужно, говорится тамъ, пожить подальше отъ Парижа для того, чтобы понять, какой силой воли должны обладать разро-

знанные работники, изучающіе современные архивы. Другихъ поощряютъ мѣстныя ученые Общества, общество исторіи Франціи, Институтъ. Нашимъ друзьямъ рѣдко удастся сунуть какую-либо статью о революціи въ то или другое провинціальное изданіе; Общество исторіи Франціи самымъ уставомъ своимъ ограничено изслѣдованіями въ области исторіи до-революціонной Франціи, а что касается до Института, то онъ до сихъ поръ награждалъ только книги враждебныя революціи¹⁾.

Отчетъ перечисляетъ и работы членовъ Общества. Во-первыхъ, онъ называетъ нѣсколько провинціальныхъ ученыхъ, издававшихъ тексты или писавшихъ мѣстныя изслѣдованія, выдѣляя изъ нихъ Селестена Пора (Port), архивиста въ деп. Мэнъ-э-Луаръ, члена Института, рассказавшаго исторію de la Vendée angevine въ книгѣ, имѣющей значеніе окончательнаго приговора²⁾. Далѣе указаны труды, вошедшіе въ составъ большой коллекціи документовъ, издаваемыхъ подъ патронатомъ парижскаго муниципальнаго совѣта. Наконецъ отмѣчены нѣкоторыя работы, которыя только теперь приготавливаются къ печати. Отчетъ жалуется, однако, на недостатокъ средствъ, не позволяющій Обществу предпринять такія изданія, каковы публикаци, начатыя министерствомъ народнаго просвѣщенія и парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ казначейскаго отчета за 1888—1889 г. мы видимъ, что Общество имѣло къ 1 января 1890 г. дефициту около 600 франковъ (при 800 франкахъ недоимокъ по членскимъ взносамъ), и только выставка при валовомъ доходѣ въ 72 т. фр. дала чистой прибыли для Общества болѣе 17 т. фр.

Секретарскій отчетъ содержитъ въ себѣ нѣсколько страницъ и объ исторической выставкѣ 1889 г. Укажемъ только на то, что, выставя въ Луврѣ разные предметы, напоминающіе революцію, организаторы выставки руководились тѣмъ же духомъ научнаго безпристрастія. Ихъ цѣлью было—„показать во всемъ его цѣломъ, безъ одно-сторонней благосклонности къ одной какой-либо легендѣ, великій переворотъ, изъ коего вышла новая Франція. Мы, продолжая отчетъ, помѣстили враждебныя каррикатуры рядомъ съ лѣстивыми изображеніями. Мы представили въ одномъ и томъ же освѣщеніи Людовика XVI, жирондистовъ, монтаньяровъ, Дантона, Робеспьера, всѣ секты, всѣ акты, всѣхъ людей“. Оканчивается отчетъ указаніями на предпринятые членами Общества работы (кое-что уже вышло въ свѣтъ) и на дальнѣйшіе планы, изъ коихъ отмѣтимъ предположеніе собрать

¹⁾ Последнее не вполне вѣрно, не подходитъ, напр., къ книгѣ Сореля, которая получила академическую премію (grand prix Gobert).

²⁾ Книга эта вышла въ свѣтъ въ 1888 г.

для изданія *осн*, какіе найдутся въ архивахъ, *cahiers* 1789 г. и за- вести собственный періодическій органъ. До сихъ поръ Общество из- дало слѣдующія книги и брошюры:

1. Qu'est ce que le tiers état? par *Emmanuel Sieyès*, précédé de l' Essai sur les privilèges, édition critique avec une introduction par *Edme Champion*. P. 1888. Вполнѣ научное изданіе съ вариан- тами, комментариемъ и введеніемъ. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы сопоставить идеи автора брошюры съ идеями другихъ писателей, дабы выяснить ихъ генезисъ и обозначить ихъ мѣсто въ исторіи полити- ческихъ ученій, Шампильонъ ¹⁾ пускается въ полемику съ историками (до Тэна включительно), не очень высоко ставившими знаменитаго аббата.

2. Liste des membres de la noblesse impériale, dressée d' après les registres de lettres patentes conservés aux archives nationales par *Emile Campardon*. P. 1889. Этотъ списокъ имѣетъ значеніе для біо- графической стороны исторіи французской революціи.

3. Les conventionnels, listes par départements et par ordre alpha- bétique des députés et des suppléants à la Convention nationale, dressés d'après les documents originaux des archives nationales, avec nombreux détails biographiques inédits, par *Jules Guiffrey*. P. 1889. Самое заглавіе показываетъ, въ чемъ состоитъ содержаніе этой книги. Прежніе списки членовъ конвента были полны ошибокъ (между про- чимъ, въ орфографіи собственныхъ именъ), пропусковъ и противорѣ- чій. Гиффрѣ проверилъ списки по документамъ и по собственноручнымъ подписамъ членовъ конвента и собралъ массу біографическихъ по- дробностей, интересныхъ для историка той эпохи.

4. Catalogue des objets formant l'exposition historique de la révo- lution française. P. 1889 ²⁾).

5. Compte rendu de l'Assemblée générale du 2 mars 1890. Paris. 1890.

6. Mémoires secrets de *Fournier l' Américain* publiés pour la première fois d' après le manuscrit des Archives Nationales avec introduction et notes par *F. A. Aulard*. Paris. 1890. Фурнье игралъ роль въ народныхъ движеніяхъ революціонной эпохи, и мемуары его охватываютъ время отъ іюля 1789 по сентябрь 1792 г. Редакторъ изданія даетъ краткую біографію Фурнье, основанную на архивныхъ дан- ныхъ, списокъ его публикацій, краткую характеристику его мемуаровъ и многочисленныя примѣчанія къ ихъ тексту. Мемуары Фурнье не

¹⁾ Авторъ разсмотрѣнной выше книги.

²⁾ Независимо отъ этого см. Tableaux historiques de la révolution française. (A l'occasion de l'exposition historique). Предисловіе подписано *G. de Wailly*.

особенно обширны: съ примѣчаніями Олара и съ пробѣлами они занимаютъ менѣе ста страницъ. Читаются они съ интересомъ, но личность ихъ автора (*Fournier est un brutal*, говоритъ издатель) является же очень-то симпатичной, чтобы не сказать болѣе.

Изъ обѣщаній Общества особаго вниманія заслуживаетъ то, которое касается *cahiers* 1789 г. Известно, какое важное значеніе имѣютъ эти наказы избирателей депутатамъ генеральныхъ штатовъ 1789 г. и какое вниманіе обращено на нихъ въ современной исторической литературѣ ¹⁾. Изданъ, однако, далеко не весь этотъ матеріалъ ²⁾, и даже самое большое собраніе *cahiers*, сдѣланное Мавида-лемъ и Лораномъ ³⁾, заключаетъ въ себѣ болѣею частью только сводные наказы балъжей и сенешальствъ и самое ограниченное количество наказовъ приходскихъ. Въ этомъ дѣлѣ Обществу предстоитъ прежде всего привести въ извѣстность всю совокупность *cahiers* какъ изданныхъ, такъ особенно не изданныхъ, хранящихся въ архивахъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, во Франціи образовалось въ нынѣшнемъ году особое ученое Общество для изученія новѣйшей исторіи: *Société d'histoire contemporaine*. „Современная“ исторія начинается съ 1789 г., на которомъ останавливается старое *Société de l'histoire de France*, и такимъ образомъ новое общество не только будетъ конкурировать съ *Société de la révolution*, но и изучать вообще исторію XIX вѣка. Судя по фамиліямъ членовъ совѣта, Общество будетъ болѣе или менѣе аристократическимъ. Работы его еще впереди.

Въ дѣлѣ изданія новыхъ матеріаловъ по исторіи революціи съ 1889 года принимаютъ еще большое участіе парижскій муниципальный совѣтъ и само правительство.

Парижскій муниципальный совѣтъ постановилъ издавать собраніе документовъ, касающихся исторіи Парижа во время революціи, ассигновавъ на это большую сумму. Съ цѣлью изученія городскихъ архивовъ и изданія наиболѣе важныхъ матеріаловъ при городскомъ

¹⁾ См. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ (Москва 1879), гдѣ на стр. 376 и слѣд. дается также литература и библіографія *cahiers* до 1878 года, а также книгу *проф. Герье* „Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 г.“ (М. 1884), стр. 50 и слѣд.

²⁾ Послѣ 1878 г., до котораго изданы были *cahiers* и сочиненія о *cahiers*, отмѣченные въ моей книгѣ о франц. крестьянахъ, было напечатано еще не мало этого матеріала. Наже я указываю на тѣ изданія, которыя относятся къ 1889 и 1890 г., а въ скоромъ времени мы должны ожидать появленія полной библіографіи *cahiers*.

³⁾ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs des chambres françaises par *Laurent et Mavidal*. Всего вышло около ста томовъ, и обошлось изданіе чуть не въ два милліона. См. замѣтку *Guiffrey*'а въ *Rév. franç. (revue)*, 1889, 14 janvier.

управленіи французской столицы образовался даже особый „комитетъ историческихъ работъ“ ¹⁾. До послѣдняго времени обнародованы уже слѣдующія работы ²⁾: *Monin. Etat de Paris en 1789. Chassin. Les élections et les cahiers de Paris en 1789. Charavay. Assemblée électorale de Paris (1790—1791). Aulard. Société des Jacobins, documents pour servir à l'histoire du club des Jacobins de Paris. Robiquet. Le personnel municipal de Paris pendant la révolution.* Кроме того, благодаря содѣйствію муниципальнаго совѣта, вышли въ свѣтъ первые томы двухъ большихъ коллекцій по источниковѣдѣнію французской революціи.

Книга Монена заключаетъ въ себѣ описаніе административной, судебной и финансовой организаціи Париза съ статистическими данными и неизданными документами. Цѣлая половина труда посвящена парижскому парламенту. Что касается до труда Шассена, то въ немъ дано мѣсто даже *cahiers* (и другимъ аналогичнымъ заявленіямъ) отдѣльных лицъ, причемъ особенно любопытны анонимные *cahiers* духовныхъ лицъ изъ янсенистовъ, въ коихъ уже предчувствуется знаменитая *constitution civile du clergé* (см. т. II). Кроме *cahiers*, мы находимъ здѣсь исторію выборовъ въ генеральные штаты, представленную въ цѣломъ рядѣ документовъ (томъ I). Третье изъ названныхъ изданій заключаетъ въ себѣ протоколы парижскаго избирательнаго собранія: 91 т. активныхъ гражданъ назначили 913 избирателей, которые отъ 18 ноября 90 г. до 18 іюня 91 г. должны были выбрать массу разныхъ должностныхъ лицъ. Любопытно, что ⁹/₁₀ активныхъ гражданъ не пользовались своими правами, а изъ избирателей собиралась только треть общаго числа. Остальные относились къ дѣлу очень добросовѣстно. Изданіе будетъ продолжено до 1800 года. Особенно важна работа объ якобинцахъ, сдѣланная Оларомъ. Наиболѣе выдающимся сочиненіемъ до труда Олара по этому предмету была двухтомная работа Цинкейзена „*Der Jacobiner Klub*“, вышедшая въ свѣтъ еще въ 1852 и 1853 годахъ. Разумѣется, сочиненіе такого знатока исторіи французской революціи, каковымъ слѣдуетъ считать профессора этого предмета въ первомъ словесномъ факультетѣ Франціи, оставляетъ далеко за собою трудъ нѣмецкаго историка, вышедшій притомъ въ свѣтъ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Собственно то, что даетъ намъ Оларъ, представляетъ изъ себя систематическое собраніе документовъ съ постоянными примѣчаніями

¹⁾ La commission municipale des recherches sur l'histoire de Paris pendant la révolution.

²⁾ Collection de documents relatifs à l'histoire de Paris pendant la révolution française.

всякаго рода, съ обстоятельнымъ историческимъ введеніемъ и библиографическимъ указателемъ. Одинъ изъ рецензентовъ этого изданія, именно цюрихскій профессоръ Штернъ, самъ много занимавшійся исторіей этой эпохи ¹⁾, поставилъ въ вину Олару то, что онъ пользуется почти исключительно источниками только на французскомъ языкѣ, тогда какъ о французскихъ событіяхъ 1789 г. есть множество свидѣтельствъ на иностранныхъ языкахъ, благодаря пребыванію въ Парижѣ въ этомъ и слѣд. годахъ многихъ чужеземцевъ, отъ коихъ осталась переписка, дневники и т. п., причемъ кое-что изъ всего этого было оглашено въ печати: здѣсь тоже слѣдовало бы искать извѣстій о якобинцахъ. На одинъ изъ такихъ источниковъ на нѣмецкомъ языкѣ критикъ указалъ въ отдѣльной статьѣ, которая была помѣщена въ издаваемой Квидде „Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“ ²⁾, а въ своей критической замѣткѣ назвалъ и другіе Рецензентъ въ „Revue historique“ (1890, mai-juin, 92) отмѣтилъ нѣкоторыя неточности въ комментаріяхъ Олара. Все это не мѣшаетъ его труду быть весьма важнымъ и замѣчательнымъ. Наконецъ, Робике въ своей работѣ даетъ не только подробныя свѣдѣнія о личномъ составѣ парижскаго городского управленія во время революціи (пока за конституціонный періодъ), но дѣлаетъ много важныхъ извлеченій изъ протоколовъ городского совѣта. Любопытны и данныя, касающіяся исторіи дѣятельности парижскаго городского управленія: два года, состоя изъ цѣта парижской интеллигенціи, работалъ онъ надъ установленіемъ порядка и благосостоянія въ столицѣ, и если его усилія не увѣнчались успѣхомъ, виноваты въ этомъ были не столько люди, сколько „ужасныя обстоятельства“.

Вообще для исторіи Парижа въ эпоху революціи дѣлается очень много. Въ нынѣшнемъ году предпринято рассчитанное на пять томовъ изданіе библиографіи по исторіи Парижа за это время ³⁾. Первый томъ заключаетъ въ себѣ библиографію матеріаловъ для внѣшней исторіи Парижа въ періодъ революціи; дальнѣйшіе четыре тома будутъ посвящены: второй—организациі парижскаго управленія и выясненію ея политической роли; третій обниметъ матеріалы по исторіи нравовъ и учрежденій; четвертый—біографіи и мемуары; въ пятый будетъ напечатанъ сводный указатель. Въ вышедшемъ томѣ дается описаніе судьбы большихъ коллекцій печатнаго матеріала по исторіи

¹⁾ Въ № 11 Götting. gelehrte. Anzeig. за 1890. См. стр. 475.

²⁾ A. Stern. Konrad Engelbert Oelsner's Briefe und Tagebücher. Eine vergessene Quelle der Geschichte der französischen Revolution.

³⁾ Tournoux. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution française. T. I. Préliminaires. Evénements.

революції и свѣдѣнія о бібліотекахъ, въ коихъ находятся эти собранія. Здѣсь обозначено 5234 нумера. Параллельно съ этою бібліографією печатныхъ матеріаловъ по исторіи Парижа предпринято также изданіе свода и рукописныхъ матеріаловъ. Въ настоящее время вышелъ пока первый томъ этого собранія, обнимающій періодъ генеральныхъ штатовъ и эпоху учредительнаго собранія до провозглашенія конституціи 1791 г. ¹⁾). Документы сгруппированы по днямъ, къ коиъ они относятся. Важность ихъ не подлежитъ сомнѣнію въ виду того обстоятельства, что ими исправляются многія извѣстія мемуаровъ, оказывающіяся не вполнѣ точными. Кромѣ того, во введеніи даются указанія на архивы, гдѣ помѣщаются рукописные источники по исторіи революціи.

Другая коллекція, издаваемая государствомъ (по инициативѣ министерства народнаго просвѣщенія) и потому печатаемая въ національной типографіи, состоитъ прежде всего изъ собранія документовъ, редактируемаго Оларомъ. Оно имѣетъ несомнѣнно большой интересъ и необходимымъ образомъ дополняетъ одно громадное сочиненіе по эпохѣ конвента, которое было недавно издано въ цѣлыхъ пяти томахъ (см. ниже о книгѣ Валлона): это—„Собраніе актовъ комитета общественнаго спасенія и официальной корреспонденціи его съ конвентскими комиссарами и регистръ временного исполнительнаго комитета“ ²⁾). Въ 1889 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ этого изданія. Заключаетъ онъ въ себѣ документы, относящіеся ко времени отъ 10 авг. 1792 г. до 21 янв. 1793 г., т.-е. къ весьма интересной эпохѣ, когда во Франціи была установлена республика и въ то же время французы заняли Савойю съ Ниццей и Бельгію. Какъ и другія изданія, вышедшія подъ той же редакціей, это собраніе снабжено обстоятельнымъ введеніемъ и примѣчаніями редактора. Недавно (въ 1890 г.) появился второй томъ этого изданія, за которымъ въ весьма непродолжительномъ времени ожидается и третій.

Для эпохи законодательнаго собранія далъ важный матеріалъ Гильомъ, напечатавшій „Протоколы комитета общественнаго образованія“ ³⁾, который имѣлся въ легислативѣ и, кромѣ своего прямого дѣла, занимался многими другими. Между прочимъ, кое-что касается здѣсь того приѣма, какой былъ оказанъ населеніемъ провинцій церков-

¹⁾ *Tuetey*. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française.

²⁾ Recueil des actes du Comité de salut public avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du conseil exécutif provisoire. P. 1889. *Aulard* издалъ недавно еще мемуары о франц. рев. *Louvet de Couvrai*.

³⁾ *Guillaume*. Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de l'Assemblée législative. Paris. 1889.

нымъ новшествахъ революціи. Аналогичная работа ожидается и для конвентскаго comité d'instruction publique ¹⁾.

Укажу еще на то, что съ января 1889 г. сталъ выходить въ свѣтъ отдѣльными диврезонами „Dictionnaire parlementaire de la France depuis 1787 jusqu'à nos jours“, заключающій въ алфавитномъ порядкѣ имена и біографіи членовъ всѣхъ представительныхъ собраній Франціи за сто лѣтъ, равно какъ исторію самихъ собраній, политическихъ группъ, выборовъ по департаментамъ и округамъ, преній по законодательнымъ вопросамъ и законовъ за все столѣтіе.

Во французскихъ историческихъ журналахъ тоже появились новыя работы по исторіи революціи, но ихъ значеніе второстепенное. Въ „Revue historique“ въ 1889 и 90 гг. было мало статей, относящихся къ революціи. Въ выпускѣ за мартъ—апрѣль (стр. 282—322) цюрихскій профессоръ А. Штернъ помѣстилъ статью о клубѣ швейцарскихъ патриотовъ въ 1790—1792 гг. Статья эта имѣетъ интересъ, между прочимъ, по вошедшему въ нее неизданному матеріалу. Далѣе отмѣтимъ замѣтку Пейра (Peuge) объ одной пиренейской сельской общинѣ въ началѣ революціи (сент.—октябрь). Въ двухъ первыхъ выпускахъ этого журнала за 1890 г. помѣщена статья Функъ-Брентано о Бастиліи на основаніи архивныхъ документовъ, а въ выпускѣ 4—неизданные документы о революціи въ деп. Жиронды ²⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ кстати работу *Liard's Hist. de l'enseignement supérieur pendant la révolution*. О состояніи авиньонскаго университета въ 1789 г. вышла недавно книжка *Laval's*.

²⁾ Приводимъ списокъ главнѣйшихъ статей по исторіи революціи, помѣщенныхъ въ *Revue historique* за тринадцать лѣтъ (1876—1888). Les comités des Assemblées révolutionnaires, 1789—1795, le comité de l'Agriculture et du Commerce, par J.-J. Guiffrey.—La mission de Custine à Brunswick en 1792, par Albert Sorel.—Le parti Girondin dans le département de la Haute-Vienne, par L. Guibert.—La propagande révolutionnaire en 1793 et 1794, par H. von Sybel. Réponse, par Albert Sorel.—La paix de Bâle, étude sur les négociations qui ont précédé le traité du 15 germinal an III (4 avril 1795) entre la France et la Prusse, par Albert Sorel.—La diplomatie française et l'Espagne de 1792 à 1796, par Albert Sorel.—Henri Grégoire, évêque constitutionnel de Loir-et-Cher, 1791—1801, par A. Gazier.—Notre-Dame de Paris après la Terreur, d'après les registres originaux de la *Société catholique* de cette église, par A. Gazier.—Un volontaire de 1792, le général Chérin, par Bongier.—Hohenlinden et les premiers démêlés de Bonaparte et de Moreau, d'après les mémoires inédits du général Decaen, par J. Tessier.—Les idées politiques de Mirabeau, par Fr. Decrue.—L'Autriche et le Comité de Salut public, par Albert Sorel.—La neutralité de l'Allemagne du Nord en 1795, par Albert Sorel.—Le Comité de Salut public et la question de la Rive gauche de Rhin en 1795, par Albert Sorel.—La diplomatie française et le Comité de Salut public; les frontières constitutionnelles en 1795, par Albert Sorel. — La mission de Poterat à Vienne (1795—1796), par Albert Sorel. — Une correspondance politique de Mallet du Pan

Кромѣ того, въ послѣдней книжкѣ „Revue historique“ за 1889 г. редакторъ этого журнала, Моно, помѣстилъ небольшую статью подъ заглавіемъ „Le centenaire de 1789“ (стр. 329—347). Не представляя систематическаго отчета о юбилейной литературѣ, статья эта заключаетъ въ себѣ обзоръ нѣсколькихъ книгъ, въ коихъ, какъ говоритъ авторъ, наиболѣе серьезнымъ и безпристрастнымъ образомъ трактуются историко-политическіе вопросы, поднятые празднованіемъ юбилея. Какъ самый очеркъ Моно, такъ и книги, которыя онъ разбираетъ, имѣютъ болѣе значенія для характеристики историческаго момента, переживаемаго современной Франціей, чѣмъ для исторической науки, какъ таковой, хотя и этого значенія за ними совсѣмъ отрицать нельзя. Вотъ названія книгъ, разбираемыхъ Моно: *Guérault. Le centenaire de 1789. Évolution politique, philosophique, artistique et scientifique de l'Europe depuis cent ans.*—*Le livre du centenaire du Journal des débats.*—*Chaudordy. La France en 1889.*—*Goumy. La France du centenaire.*—*Ferneuil. Les principes de 1789 et la science sociale.* Оканчивается статья Моно двумя-тремя страничками, посвященными выставкѣ французской революціи. Такихъ сочиненій, какія разбираются въ статьѣ Моно, можно указать еще нѣсколько, и если почтенный историкъ ихъ не отмѣтилъ, то, конечно, лишь потому, что они не подходили подъ требованіе серьезности и безпристрастія. Напримѣръ, это замѣчаніе вполне приложимо къ брошюрѣ извѣстнаго Фреппеля „La révolution française à propos du centenaire de 1789“ ¹⁾. Характеръ памфлета имѣетъ и большой иллюстрированный томъ д'Эрико (d'Héricault), носящій названіе *La France révolutionnaire*. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать никакихъ свѣдѣній о книжкѣ *Ollivier* подъ заглавіемъ „1789 et 1889“, равно какъ о книжкахъ *Conny* „Un homme. Cent ans de révolutions“, *Pemjean* „Cent ans après“ и нѣк. друг. ²⁾.

Въ „Revue des question historiques“ за 1889 и 90 гг. мы находимъ статьи о французской и генуэзской республикахъ въ 1794—99 гг., о заключеніи Людовика XVI въ Тамплѣ, о французскомъ обществѣ наканунѣ революціи ³⁾, объ отношеніяхъ между француз-

avec la cour de Vienne (1794—1798), par A. Michel.—Grégoire et l'Eglise de France, par A. Gazier.—Le général Decaen aux Indes, par J. Tessier.—Sur le mouvement populaire du 14 Juillet 1789, par J.-J. Guiffrey.—Les mémoires de La Reveillère-Lépeaux, par J. Destrem.—Les déportations du Consulat, par J. Destrem.—Deux lettres de Mirabeau, par A. Stern.

¹⁾ Cp. *Trogan. L'équivoque sur la révolution française. Réponse à Monseigneur Freppel.*

²⁾ То же должны сказать о новомъ изданіи исторіи жироидистовъ *Guadet.*

³⁾ *Marius Sepet. La société française à la veille de la révolution въ апрѣльскомъ выпускѣ.*

ской и батавской республиками и нѣкоторыя другія. Кромѣ того, въ хроникѣ январскаго выпуска за 1889 г. есть 2½ страницы по поводу юбилея 1789 г.

Переходимъ къ обзору книгъ и брошюръ. Начнемъ съ тѣхъ, которыя посвящены „старому порядку“ и 1789 г.

Въ 1889 г. была переиздана важная книга Буато о состояніи Франціи въ 1789 г., первое изданіе коей было сдѣлано въ 1861 г.¹⁾ За смертью автора, въ новомъ изданіи сдѣланы кое-какія добавленія архивистомъ Грассорейлемъ. Книга украшена портретомъ Буато († 1886), краткая біографія котораго, написанная Леономъ Роке, знакомитъ насъ съ его личностью и сочиненіями. Далѣе, въ книгѣ Ипполита Готье „1789 годъ“²⁾ сдѣлана попытка воскресить 1789 г., такъ сказать, изо дня въ день. Это — исторія общественнаго мѣтнія и настроенія въ анекдотахъ, памфлетахъ, пѣсенкахъ и гравюрахъ того времени. Виконтъ де-Брокъ выпустилъ въ 1889 г. продолженіе своей работы о Франціи при старомъ порядкѣ³⁾, заключающее въ себѣ описаніе нравовъ и обычаевъ (*usages et mœurs*) старой Франціи (начало труда посвящено было правительству и учрежденіямъ). Неутомимый Альбертъ Бабо издалъ въ 1889 г. книгу о „военной жизни при старомъ порядкѣ“⁴⁾, а въ нынѣшнемъ году появился и второй томъ этого труда, оканчивающійся тремя главами о военномъ духѣ, о патриотизмѣ и о революціи. Но особенно интересна его юбилейная книжка о „Парижѣ въ 1789 г.“⁵⁾. Эти работы дополняютъ ту длинную серію книгъ, въ которыхъ Бабо даетъ намъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ картину дореволюціонной Франціи. Специально духовенству при старомъ порядкѣ посвящена книга Межа⁶⁾, написанная въ духѣ чисто ультрамонтанскомъ. Наконецъ, съ характеромъ юбилейнаго изданія является и „Исторія французскаго общества“ Гонкурровъ⁷⁾, знатоковъ XVIII вѣка со стороны свѣтской жизни. Книга роскошно иллюстрирована портретами, модными картинками, каррикатурами и т. п., вполне соответствующими тексту, который

¹⁾ *Boiteau. État de la France en 1789.* Книга эта слишкомъ извѣстна всѣмъ занимающимся эпохой. Отмѣтимъ здѣсь же *Levasseur. La population française. Hist. de la population avant 1789.*

²⁾ *H. Gautier. L'an 1789.*

³⁾ *Vic. de Broc. La France sous l'ancien régime. 1886.*

⁴⁾ *A. Babeau. La vie militaire sous l'ancien régime.*

⁵⁾ *Paris en 1789.* Съ 96 политипажамъ и фотогравюрами.

⁶⁾ *Elie Mège. Le clergé sous l'ancien régime. 1890.*

⁷⁾ *De Goncourt. Histoire de la société française.* См. еще *Gautier. Memorial du centenaire avec 60 reproductions des gravures de 1789.—Révolution française. Album de centenaire. Avec 436 gravures.*

изображаетъ общественную жизнь эпохи въ салонахъ, на улицахъ, въ кофейняхъ и театрахъ. Всѣ указанныя книги являются цѣнными вкладами въ исторію „старого порядка“, безъ которой непонятна исторія самаго переворота.

Мѣстная исторія во Франціи разрабатывается весьма успѣшно, и по поводу сотой годовщины революціи вышло большое количество сочиненій по исторіи этого событія въ отдѣльных мѣстностяхъ, и нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно имѣютъ общее значеніе. Не имѣя возможности представить здѣсь всю провинціальную литературу, я отмѣчу только новѣйшія изданія *cahiers* 1789 г.

Генеральный совѣтъ департамента Haute-Vienne „въ воспоминаніе перваго столѣтія французской революціи“ издалъ сборникъ „*Doléances provinciales de 1789*“ подъ редакціей мѣстнаго архивиста Альфреда Леру, и этимъ положено было начало цѣлой публикаціи „Революціоннаго архива Верхней-Вьенны“. Общій интересъ этихъ *doléances* заключается въ томъ, что означенный департаментъ входитъ въ составъ провинціи, которою въ концѣ царствованія Людовика XV управлялъ Тюрго. Приходскіе *cahiers* версальскаго и медонскаго бальяжей, сосѣднихъ съ Парижемъ, были изданы въ 1889 г. Тенаромъ¹⁾, собравшимъ ихъ два съ половиной десятка. Тенаръ же издалъ еще *cahiers* понтуазскаго бальяжа²⁾. Для Керси то же самое сдѣлано Комбарье³⁾. Къ числу такихъ же книгъ относится и „*Le Vivarais aux états généraux de 1789*“, появившійся въ прошломъ году (авторъ Henry Vasschalde): здѣсь разсказываются выборы въ депутаты, а также и біографіи послѣднихъ и даются интересныя „*pièces justificatives*“. Далѣе, драгиньянскіе *cahiers* 1789 г. нашли издателя въ лицѣ варскаго (Var) архивиста Мирёра⁴⁾, который снабдилъ ихъ комментаріями и указателемъ. Для Пуату въ 1789 г. важно изданіе избирательныхъ протоколовъ и *cahiers* духовенства, сдѣланное Г. и П. Боше-Фильо въ двухъ выпускахъ, изъ коихъ одинъ относится къ третьему сословію⁵⁾, а другой къ духовенству⁶⁾. Въ предисловіи къ изданію его появленіе объясняется приближеніемъ „centenaire’a“:

¹⁾ *Thénard*. Bailliages de Versailles et de Meudon. Les cahiers de paroisse, avec commentaires, accompagnés de quelques cahiers de curés.

²⁾ *Thénard*. Les élections et le cahier du bailliage de Pontoise en 1789.

³⁾ *Combarieu*. Assemblées du Quercy etc.

⁴⁾ *Mireur*. États généraux de 1789. — Cahiers des doléances des communautés de la séné. de Draguignan. Vœux du clergé et de la noblesse. P. 1889.

⁵⁾ *Beaucher-Filleau*. Tiers état du Poitou en 1789. Procès-verbaux, cahiers des doléances et liste des électeurs. 1888.

⁶⁾ *Beaucher-Filleau*. Clergé du Poitou en 1789. Procès-verbaux, cahiers des doléances etc. Introduction par l'abbé A. Largeault. 1889.

издатели нашли нужнымъ, какъ сами они заявляютъ, „воскресить истинныя стремленія прежнихъ населеній“, причемъ выдвигается на первый планъ то, что отъ одной только монархіи нація ожидала осуществленія всѣхъ реформъ и уничтоженія всѣхъ злоупотребленій. Поэтому издатели записываютъ 1789 годъ (не вполне основательно) на счетъ монархіи, оставляя на долю республики 1793 г. съ потоками крови, ею пролитой. Это указываетъ на то, что и въ изданіе документовъ все еще вносится партійность. Подъ заглавіемъ „Сѣверъ Франціи въ 1789 г.“¹⁾, Ардуенъ-Дюмазе издалъ книгу о *cahiers* тѣхъ мѣстностей, которыя составляли впоследствии департаменты Сѣвера и Па-де-Кале. Отмѣчу еще „Les cahiers et la Lorraine aux états généraux de 1789“ Жегу (Gegout) и публикацію Жадара, содержащую въ себѣ *cahier* реймсакаго юридическаго факультета въ 1789 г.²⁾ Нельзя еще не напомнить здѣсь о попыткѣ аббата Аллена сдѣлать сводъ изъ желаній *cahiers* относительно народнаго образованія³⁾. Все это составляетъ весьма обильный историческій матеріалъ. Къ этимъ же публикаціямъ я присоединяю статью (въ *Revue historique*) о „деревенской общинѣ въ Пиринеяхъ въ началѣ революціи“ Пейра (Peyre), представляющую извлеченія изъ регистровъ коммуны Артиглувъ въ деп. Нижнихъ Пиринеевъ въ 1789 и 1790 г. Они имѣютъ тотъ интересъ, что изъ нихъ видно, что и въ захолустныхъ мѣстностяхъ Франціи въ 1789 г. желали реформъ и относились сочувственно къ дѣятельности конститuantы, но что и тутъ заправленіе всѣми дѣлами все болѣе и болѣе переходило въ руки немногихъ лицъ.

Среди краткихъ исторій французской революціи, вышедшихъ по случаю юбилея, благодаря имени автора и внутреннимъ достоинствамъ, займетъ видное мѣсто книжка Жане, который рассказываетъ и обсуждаетъ событія революціи на 284 страницахъ⁴⁾. Отмѣтимъ еще появленіе французскаго перевода извѣстнаго сочиненія Зибеля по исторіи французской революціи.

Подъ заглавіемъ „Вокругъ 1789 г.“ Корантенъ Гюйо соединилъ рядъ статей, въ коихъ рѣчь идетъ о разныхъ временахъ—отъ С. Симона до нашихъ дней⁵⁾.

¹⁾ *Ardouin-Dumazet*. Le Nord de la France en 1789.

²⁾ *Jadart*. Cahier des dol. de la fac. de droit de Reims en 1789.

³⁾ *Allain*. Cahiers des états généraux relatifs à l'instruction publique.

⁴⁾ *Paul Janet*. Centenaire de 1789. Histoire de la révolution française. Изъ болѣе раннихъ краткихъ исторій революціи отмѣтимъ еще: *Carnot*. La révolut. franç., résumé historique. 1883. *M-me Ernest Duvergier de Hauranne*. Histoire populaire de la révolution française. 1885.

⁵⁾ *Corentin-Guyho*. Autour de 1789. P. 1889.

Три тома „Variétés révolutionnaires“ Пелле (Pellet), изъ коихъ первый вышелъ въ свѣтъ въ 1886 г., а послѣдній появился въ 1890 г., составлены изъ разныхъ журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ. Въ 1889 г. была переиздана „анекдотическая исторія французской революціи“ Жана-Бернара, носящая названіе „Les lundis révolutionnaires“ (первое изд. 1885 г.)

Одною изъ важнѣйшихъ сторонъ въ дѣятельности революціонныхъ собраній и правительствъ является отношеніе ихъ къ католической церкви. Всѣ безпристрастные историки этой эпохи указываютъ на то, что здѣсь были совершены крупныя политическія ошибки. Исторія такъ называемаго „гражданскаго уложенія о духовенствѣ“ во многихъ отношеніяхъ объясняетъ намъ тотъ ходъ, какой приняли революціонныя событія, и за послѣднее время она привлекала вниманіе изслѣдователей эпохи¹⁾. Не останавливаясь на не особенно важной книгѣ Робиду, посвященной этому предмету²⁾, и на третьемъ изданіи сочиненія Прессанса³⁾, отмѣтимъ здѣсь одну мѣстную исторію по дѣламъ церкви во время революціи⁴⁾. Еще знаменитый Грегуаръ задумалъ написать исторію конституціонной церкви и для этого въ 1796 г. опубликовалъ рядъ вопросовъ по этому предмету. Отвѣтомъ изъ коррезской епархіи воспользовался теперь Рене Фажъ для освѣщенія исторіи духовенства въ эпоху революціи. По исторіи религіознаго преслѣдованія въ департаментѣ Соны и Луары изданъ также громадный (900 стр.) томъ Бозономъ⁵⁾. Кромѣ того, Газье, авторъ статей о Грегуарѣ въ „Revue historique“, предпринималъ изданіе „Этюдовъ по религіозной исторіи французской революціи“, собравъ въ видѣ перваго выпуска воедино свои прежнія работы о Грегуарѣ⁶⁾.

Валлонъ, извѣстный своими трудами по исторіи террора⁷⁾,

¹⁾ Въ 1887 г. въ одномъ томѣ вышла въ свѣтъ „Histoire de la constitution civile du clergé et de la persécution révolutionnaire“ Л. Сий (*Ludovic Sciot*), представляющая сокращеніе четырехтомнаго труда, появившагося съ 1872 по 1882 г. Книга эта въ 1888 была увѣнчана французской академіей (second prix Gobert). Заимѣтимъ, что авторъ ея работаетъ въ клерикальной „Revue des questions historiques“.

²⁾ *B. Robidou*. Histoire du clergé pendant la révolution française. P. 1889 (I томъ) и 1890 (II томъ).

³⁾ *E. de Pressensé*. L'Eglise et la révolution française. 3 изд. 1890 г.

⁴⁾ *René Fage*. Le diocèse de la Corrèze pendant la Révolution. 1890.

⁵⁾ *Pauzon*. Recherches historiques sur la persécution religieuse dans le département de Saône-et-Loire pendant la révolution. 1889.

⁶⁾ *Gasier*. Études sur l'histoire religieuse de la révolution française. О статьяхъ Газье см. выше въ перечнѣ статей „Revue hist.“

⁷⁾ Вотъ названія болѣе раннихъ его сочиненій по исторіи революціи. Hist. du tribunal révol. de Paris avec le journal de ses actes, 6 томовъ.—La rév. du 31 mai et le fédéralisme de 1793, ou la France vaincue par la Commune de Paris,

началъ въ 1889 г. (и въ 1890 окончилъ) изданіе новаго обширнаго сочиненія „Représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II“, положивъ въ основу своего труда документы парижскихъ архивовъ. Обозрѣвъ вообще исторію „посылокъ“ (missions) представителей народа въ департаменты, авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію ихъ дѣятельности въ отдѣльных мѣстностяхъ, начиная съ Вандеи. Къ сожалѣнію, Валлонъ взялъ только одну сторону дѣятельности комиссаровъ, именно террористическую, упуская изъ виду, что комиссары совершали не однѣ только жестокости (въ родѣ знаменитаго Карье), но являлись и въ другихъ роляхъ, наприм., делегатами при арміяхъ, организаторами защиты, администраторами, а потому совершенно вѣренъ приговоръ критики, находящей, что и послѣ весьма цѣннаго труда Валлона полная и окончательная исторія конвентскихъ комиссаровъ ждетъ еще своего автора ¹⁾. Впрочемъ, въ документальномъ изданіи „Актовъ комитета общественнаго спасенія“ представлена уже и другая сторона дѣятельности конвентскихъ комиссаровъ, именно сторона дѣловая и полезная ²⁾. Въ вышедшемъ недавно пятomъ томѣ сочиненія Валлона говорится о посылкахъ на сѣверо-востокъ Франціи, а вторая часть этого тома заключаетъ въ себѣ исторію термидоріанской реакціи и преслѣдованія террористовъ со стороны ихъ бывшихъ товарищей, безъ попустительства которыхъ террористы не могли бы развернуть всей своей дѣятельности. Эта заключительная исторія называется у автора les châtimens. Въ общемъ Валлонъ даетъ массу выписокъ изъ архивныхъ документовъ.

Исторію революціонныхъ войнъ описываетъ Бонналь въ сочиненіи объ арміяхъ республики ³⁾, но критика не приписываетъ ему особаго значенія, чтобы не сказать болѣе. Тамъ самая тема затрогивается въ книгѣ Буассонада, касающейся волонтеровъ одной только мѣст-

два тома.—La Terreur. Études critiques sur l'histoire de la révolution française, 2 тома.

¹⁾ Замѣтимъ еще, что въ 1888 г. уже 3 изданіемъ *Eugène Despois* выпустилъ книгу „Le vandalisme révolutionnaire“, на заголовкѣ которой значится, что содержаніе ея касается „литературныхъ, научныхъ и артистическихъ фундацій конвента“; авторъ поставилъ себѣ задачей показать, что сдѣлалъ конвентъ для науки и образованія въ самые трудныя и бурныя времена своего существованія, и этимъ снять съ него обвиненіе въ вандализмѣ. О революціонныхъ судахъ см. еще книгу *Fayard*. Hist. des tribunaux rév. de Lyon et de Feurs. Для Парижа въ эпоху террора см. новую книжку *Biré* подъ этимъ заглавіемъ.

²⁾ *Revue historique*. 1890, sept.-oct., 102.

³⁾ *Bonnal*. Les armées de la République. P. 1889.

ности¹⁾. Общее значеніе этого труда въ подтвержденіи того, что было уже раньше высказано авторомъ работъ по исторіи революціонныхъ войнъ Шюке (Chuquet), который дѣлаетъ различіе между прекрасными волонтерами 1793 и 1794 гг. и добровольцами 1793 г., только по имени имѣвшимъ право на этотъ титулъ.

Эрнестъ Доде продолжаетъ свои начатые ранѣе изслѣдованія по исторіи эмиграціи²⁾, и новый томъ этой исторіи, недавно появившійся, носитъ названіе „Coblentz“. Къ дѣлу эмиграціи авторъ относится съ симпатіей, но сами эмигранты рисуются у него людьми не особенно высокаго полета и по уму, и по характеру, а также представлены и раздоры въ ихъ средѣ. Принцевъ (братьевъ Людовика XVI) Доде положительно винитъ въ печальной судьбѣ короля³⁾.

„Исторіи философіи въ эпоху революціи“⁴⁾ посвятилъ цѣлую книгу Ферразъ, авторъ трехтомной „Исторіи философіи во Франціи въ XIX в.“, выдержавшей отдѣльными томами по два и по три изданія. Оба сочиненія стоятъ въ тѣсной связи, и въ мало вообще изслѣдованной философіи революціоннаго періода (1789—1804) авторъ совершенно справедливо видитъ не только конецъ философіи XVIII вѣка, но и начало новой философіи, которая продолжаетъ старую, хотя и является совсѣмъ на нее непохожею. По его опредѣленію главнымъ философскимъ теченіемъ въ это время былъ сенсуализмъ, принимающій названіе идеологической философіи, и Ферразъ изучаетъ ее какъ въ ея теоріи (часть I), такъ и въ ея приложеніяхъ къ исторіи, морали, политикѣ и религіи (часть II). Какъ второстепенныя теченія философской мысли, представлены у него раціонализмъ, мистичизмъ и традиціонализмъ (часть III). Въ краткомъ введеніи Ферразъ дѣлаетъ характеристику философіи XVIII в., продолженіемъ коей была философія революціонной эпохи, и показываетъ, какъ эта философія въ качествѣ философіи воинствующей, перешла (во время революціи) изъ книгъ въ своды законовъ, и вышла во всеоружіи изъ головъ для того, чтобы проникнуть въ общественные факты. Зато въ наиболѣе бурные годы революціи, продолжаетъ авторъ, она почти совершенно исчезла, какъ умозрѣніе, что понятно само собою,

¹⁾ *P. Boissonade*. Hist. des volontaires de la Charente pendant la révolution. 1890.

²⁾ *E. Daudet*. Les Bourbons et la Russie.—Les émigrés et la seconde coalition.

³⁾ Для эмиграціи см. еще *Pingaud*. Correspondance du comte de Vaudreuil avec le comte d'Artois pendant la révolution. 1889. Недавно вышелъ въ свѣтъ третій томъ „Общей исторіи эмигрантовъ“ *Форнепона* (Les émigrés et la société française sous Napoléon).

⁴⁾ *M. Ferraz*. Histoire de la philosophie en France pendant la révolution. Paris. 1839.

если не считать „Les Ruines“ Вольнея и знаменитаго сочиненія Кондорсе. Только когда революція изъ періода борьбы вышла въ періодъ организаціи, и философія организуется, переживъ паденіе стараго порядка: это все таже философія XVIII вѣка. Ея представители рисуются намъ умѣренными сторонниками революціи и посредниками между энциклопедистами XVIII вѣка и либералами эпохи реставраціи. Но въ это же время зарождается и реакція традиціонализма, въ которой поэзіи побѣждала идеологію. Такова общая схема Ферраза, и въ этихъ общихъ рамкахъ онъ изображаетъ намъ ученія Гара, Ларомильера, Дестюта де-Траси, Кабаниса, де-Жерандо, Мэна де-Бирана, Ривароля, Кондорсе, Вольнея, С. Мартена, Ж. де-Местра, Бональда и Шатобриана.

„Дневникъ парижскаго буржуа во время революціи“ Монена ¹⁾ представляетъ изъ себя популярное изложеніе событій 1789 г. съ 1 января по 31 декабря. Авторъ задался представить въ этой книжкѣ, такъ сказать, средняго парижскаго гражданина, „просвѣщеннаго и чувствительнаго“, который ежедневно записываетъ крупныя событія и мелкія происшествія, свидѣтелемъ коихъ онъ былъ, и своимъ впечатлѣніемъ отъ всего видѣннаго и слышаннаго. „Этотъ дневникъ,—говоритъ о немъ самъ авторъ въ предисловіи,—фигуривный по формѣ, не можетъ быть однако названъ романомъ. Конечно, я не могу гарантировать абсолютную вѣрность всѣхъ анекдотовъ, всѣхъ разныхъ фактовъ, которые онъ въ себѣ содержитъ,—въ такомъ дѣлѣ сколько партій, столько версій,—но самая выбранная мною рамка налагала на меня обязанность, подъ страхомъ погрѣшности противъ вѣрности фактамъ, самое мелочное уваженіе къ исторіи въ разсказѣ о крупныхъ событіяхъ, въ изложеніи наиболѣе замѣчательныхъ политическихъ споровъ, наконецъ въ самомъ точномъ анализѣ постепеннаго развитія революціонныхъ идей“. Своею цѣлью авторъ ставитъ „оживить и приблизить къ общему пониманію крупную эпоху, облегчить ея научное и философское изученіе, возбудить интересъ къ чистой исторіи и подлиннымъ текстамъ“, имѣя въ виду главнымъ образомъ юныхъ читателей (Моненъ состоитъ преподавателемъ въ collège Rollin), но его книжка не безъ удовольствія и пользы прочтется и взрослымъ.

Другое значеніе имѣетъ вышедшій въ нынѣшнемъ году „Журналъ одного студента во время революціи“ ²⁾, въ которомъ напечатаны извлеченія изъ писемъ студента Жеро (Geraud), писавшаго ихъ изъ Парижа между концомъ 1789 и концомъ 1792 г. На письмахъ юноши отра-

¹⁾ H. Monin. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la révolution française (Année 1789). Paris. 1889.

²⁾ Maugras. Journal d'un étudiant pendant la révolution.

зились перипетіи общественнаго мнѣнія въ Парижѣ за первые три года революціи, и для исторіи настроенія сторонниковъ революціи въ эпоху конституанты и легистативы они очень важны. Издатель Могра снабдилъ текстъ своими примѣчаніями.

Окончимъ эту часть обзора указаніями на біографическую литературу.

Въ 1889 г. особенно посчастливилось въ исторической литературѣ главному политическому дѣятелю 1789 г., графу Мирабо. Обо всемъ родѣ этого замѣчательнаго человѣка нѣсколько лѣтъ тому назадъ было предпринято обширное изслѣдованіе членомъ французской академіи Луи де-Ломени, но за смертью автора, успѣваго, однако, выпустить въ свѣтъ два большихъ тома о предкахъ и отцѣ Мирабо ¹⁾, сочиненіе это оставалось неоконченнымъ. Въ 1889 г. оно не только было переиздано, но и продолжено третьимъ томомъ, содержащимъ въ себѣ біографію Мирабо-сына до 1789 г.: этимъ продолженіемъ мы обязаны сыну автора первыхъ двухъ томовъ Шарлю де-Ломени, которому отецъ подготовилъ большой матеріалъ ²⁾. Другой трудъ (въ двухъ томахъ), посвященный также біографіи революціоннаго трибуна, принадлежитъ профессору цюрихскаго федеральнаго политехникума Альфреду Штерну ³⁾, который прямо заявляетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что необходимо было *bei der hundertjährigen Wiederkehr der grossen Erinnerungstage des dämonischen Mannes nicht zu vergessen*. Ломени въ своемъ богатомъ новыми матеріалами трудѣ не дошелъ еще до событій 1789 и слѣд. годовъ, а у Штерна они составляютъ содержаніе второго тома. Можно даже сказать, что послѣдній представляетъ изъ себя цѣлую исторію первыхъ двухъ лѣтъ революціи (4 мая 1789—2 апр. 1791 г.), поскольку въ событіяхъ этихъ участвовалъ Мирабо. Въ другомъ мѣстѣ я даю подробный отчетъ объ этомъ трудѣ ⁴⁾. Оба эти сочиненія совершенно устраняютъ все то, что было писано о Мирабо во французской ⁵⁾ и нѣмецкой ⁶⁾ литературѣ. Оба они, кромѣ того, находятся въ нѣкоторой связи между собою: передъ выпускомъ въ свѣтъ своего труда Ломени напечаталъ о Мирабо нѣсколько статей, которыми очень пользовался Штернъ въ первомъ томѣ своей книги; вѣстѣ ст тѣмъ онъ сообщалъ кое-какіе матеріалы Штерну, который

¹⁾ *Louis de Loménie. Les Mirabeau*. Новое изданіе 1889.

²⁾ Объ этомъ томѣ см. рецензію въ *Русской Мысли* за апрѣль 1890 г.

³⁾ *Alfred Stern. Das Leben Mirabeaus* Berlin.. 1889.

⁴⁾ Большая статья моя объ этой книгѣ должна появиться въ одной изъ послѣднихъ книгъ *Русской Мысли* за 1890 г.

⁵⁾ *Merilhon* въ полномъ собраніи соч. Мирабо (1825—27), *Montigny* (1841), *Dumont* (1832), *V. Hugo* (1834), *Vermorel* (1864—66), *Raynald* (1872).

⁶⁾ Двухтомное соч. *Пунитца* (1850) и неоконченный трудъ *Лесутца* (1852).

въ свою очередь сообщалъ свои матеріалы Ломени и посылалъ ему корректурные листы своего труда.

Другой крупный дѣятель революціи, Дантонъ, также нашелъ біографа въ лицѣ Робине, посвятившаго ему, какъ государственному человѣку, большой томъ въ 450 слишкомъ страницъ, надъ заголовкомъ котораго поставлены слова: «centenaire de 1789» ¹⁾ и который представляетъ изъ себя „цивическое приношеніе“ автора муниципальному совѣту Парижа. Цѣлая половина книги занята документами и pièces justificatives, а тонъ текста нельзя иначе назвать, какъ панегирическимъ. Общій взглядъ автора проявляется, напр. въ слѣдующихъ строкахъ: «Son nom,—un des plus grands dans notre histoire,—sans autres taches que celles que lui ont infligées, pour un temps après tout bien preciaire, l'envie, la haine et l'iniquité des partis reste donc inséparable à jamais du souvenir de la république triomphante et de la patrie sauvée» (стр. 243).

Къ числу біографическихъ книгъ по исторіи революціи относятся еще новыя работы о Маріи-Антуанетѣ де ля Рошетери ²⁾, де Нольека ³⁾ и Голо ⁴⁾, а также книжка дю-Бле „Les grands causeurs de la Révolution» (1889), заключающая въ себѣ характеристики нѣсколькихъ дѣятелей и современниковъ революціи ⁵⁾. Но, собственно говоря, такихъ книгъ гораздо больше, чѣмъ мы имѣемъ возможности назвать ⁶⁾.

Критическое подведеніе итоговъ подъ такою массою научной работы составляетъ весьма заманчивую задачу, но ни одно изъ новыхъ изданій, дѣлающихъ попытки въ этомъ смыслѣ, не можетъ восполнить того пробѣла, который чувствуется въ исторіографической литературѣ.

¹⁾ *Robinet*. Danton, homme d'état. 1889. Съ портретомъ Дантона.

²⁾ *Maxime de la Rocheterie*. Histoire de Marie Antoinette. Два тома.

³⁾ *P. de Nothac*. La reine Marie-Antoinette.

⁴⁾ *Gaulot*. Un complot sous la terreur. Marie-Antoinette, Toulon, Jarjayes. 1889. См. еще *Chaix-d'Est-Ange*. Marie Antoinette et le procès du Collier suivi du procès de la reine Marie-Antoinette.

⁵⁾ Сюда вошли Ривароль, Мори, Делиль, Монлозье, Малле-дю-Панъ, Мирабо, Мармонтель, Талейранъ, Лафайетъ и т. д. Книга издана съ предисловіемъ герцога де Броля, которому она и посвящена авторомъ.

⁶⁾ См. напр., *Rabaud*. Un ministre chrétien sous la terreur. P. 1889. *Guillois*. Pendant la terreur. Le poète Roucher. 1890. *E. Carette et A. Sanson*. Thourret. 1890. *Franc. Mège*. Gaultier de Biauzat, sa vie et sa correspondance 1890. Изъ другихъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ очень недавно, назовемъ слѣдующія: *Fournel*. Les hommes du 14 juillet. Gardes françaises et vainqueurs de la Bastille. *Lambert*. Les fédérations en Franche — Comté et la fête de la Révolution du 14 juillet 1790.—*Henri de la Rochejaquelin* et la guerre de la Vendée d'après des documents inédits.—*Leroy-Beaulieu*. La révolution et le libéralisme. Essais de critique et d'histoire. *La Bouère*. La guerre de la Vendée (мемуары). *Trousset*. Histoire d'un siècle (иллюстрир. изд., вышло пока 3 тома до 1799 г.).

Примѣръ Поля Жане, выпустившаго въ свѣтъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ краткую историографію французской революціи ¹⁾, долженъ былъ бы найти подражателей, хотя, конечно, книжку Жане мы и не ставимъ въ образецъ: вѣдь послѣ того, какъ онъ писалъ (1875 г.), появилось много общихъ и частныхъ трудовъ по исторіи революціи, и французская историографія могла бы отпраздновать юбилей 1789 г. изданіемъ обзора трудовъ по исторіи революціи. Или, по крайней мѣрѣ, книжка Жане должна была бы быть дополнена: во время ея выхода въ свѣтъ послѣднимъ словомъ науки были сочиненія Кинэ, Токвиля, де-Ланерия ²⁾ и Зибеля. Замѣтимъ, впрочемъ, что книжка была переиздана въ послѣдній разъ (третье изданіе) въ 1888 г.

Переходимъ, однако, къ новѣйшимъ попыткамъ подведенія итоговъ.

Такой именно характеръ имѣетъ книжка Гастона Фёжера подъ заглавіемъ „Французская революція и современная критика“ ³⁾, изданная въ 1889 г. мало извѣстной фирмой Victor Lecoffre, которая, судя по анонсу на обложкѣ, занимается публикаціей сочиненій клерикальных авторовъ. И по духу это сочиненіе совершенно не напоминаетъ разсмотрѣнной нами книги Шампіона: это—два крайнія воззрѣнія. Однако, и на немъ мы остановимся подробнѣе въ виду того, что въ немъ все-таки подводятся итоги.

Книга Фёжера распадается на двѣ части. Въ первой авторъ рассказываетъ исторію революціи, ставя своей задачей выясненіе наиболѣе существенныхъ пунктовъ на основаніи новѣйшихъ и наиболѣе вѣрныхъ изслѣдованій историковъ и критиковъ. Эта часть содержитъ въ себѣ 245 страницъ. Вторая, меньшая (въ 150 стр.) состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ статей, написанныхъ (и, быть можетъ, раньше гдѣ-либо напечатанныхъ) по поводу выхода въ свѣтъ нѣкоторыхъ сочиненій, относящихся къ революціи, и это тоже придаетъ ей нѣкоторое значеніе, хотя мы не посовѣтовали бы по ней знакомиться съ „современной критикой“: книга неполна, и авторъ гнетъ все въ одну сторону, хотя и отмѣчаетъ въ самомъ началѣ предисловія „новый характеръ“ работъ по исторіи революціи: въ нихъ стало больше справедливости и правдивости, что нанесло сильный ударъ „революціонному апологетизму“. Въ настоящее время совершается пересмотръ исторіи революціи, и онъ, говоритъ Фёжеръ, „уже настолько подвинулся впередъ, что мы уже теперь можемъ собрать и упрочить нѣ-

¹⁾ *P. Janet. Philosophie de la révolution française. P. 1875.*

²⁾ *L. de Lavergne. Économie rurale de la France depuis 1789.* Другое сочиненіе того же автора (*Les assemblées provinciales sous Louis XVI. 1863*) не упоминается у П. Жане.

³⁾ *Gaston Feugère. La révolution française et la critique contemporaine. 1889.*

сколько главныхъ результатовъ, которые могутъ считаться окончательными. Таковъ и есть предметъ этой книги“. Подводя итоги подъ новѣйшими изслѣдованіями, авторъ нерѣдко полемизируетъ со взглядами, которые высказывались прежде. Первая глава (*la veille de la révolution*) прямо и начинается съ заявленія объ ошибочности раздѣленія исторіи Франціи на двѣ совсѣмъ не похожія одна на другую части, благодаря революціи 1789 г.

Въ своемъ взглядѣ на предреволюціонную эпоху Фёжеръ опирается на книгу де-Лаверня о провинціальныхъ собраніяхъ при Людовикѣ XVI ¹⁾, извлекая изъ нея тотъ главный выводъ, что „Франція по винѣ революціи скорѣе была остановлена въ своей преобразовательной работѣ, обманута и повреждена въ своихъ истинныхъ интересахъ“: въ 1789 г., говоритъ онъ, „почти всѣ важнѣйшія и рѣшительныя реформы были уже совершены или готовы были совершиться“, прибавляя, что „привилегіи повсюду уступали“, и что „сопротивленіе реформамъ началось лишь тогда, когда почувствовалось разрушительное дыханіе революціи“. Авторъ говоритъ даже о „братскомъ и истинно національномъ согласіи всѣхъ французовъ“ относительно дурныхъ сторонъ стараго порядка: мирному его преобразованію поощрять „революціонный духъ“. Лишь мимоходомъ и нехотя упоминаетъ онъ о „многочисленныхъ причинахъ, которыя погубили дѣло Тюрго и Неккера“.

Объ учредительномъ собраніи Фёжеръ говоритъ очень мало: ему посвящена одна только глава менѣе 30 страничекъ. Здѣсь опровергается тотъ тезисъ, что насилія революціи вызваны лишь сопротивленіемъ стараго порядка совершеннымъ ею реформамъ. Опирается авторъ, конечно, на Тэна, который дѣйствительно пролилъ много свѣта на происхожденіе анархіи въ 1789 г. Разбирая дѣятельность конституанты, Фёжеръ едва и ее затрогиваетъ, указывая только на прямые ошибки собранія или на слабыя стороны его реформъ. Вполнѣ Тэну же слѣдуетъ онъ въ изложеніи причинъ покоренія Франціи якобинцами и паденія монархіи (глава II). „Революціонный духъ“ и тутъ портитъ то, что начато было хорошо. Разбирая въ частности ошибки легислативы, авторъ пользуется и критикой Сореля, научный духъ коего мѣстами приходится, однако, повидимому, не по вкусу автору. Замѣтимъ кстати, что въ этой же главѣ Фёжеръ объясняетъ и оправдываетъ эмиграцію самосохраненіемъ отъ народнаго буйства, не дѣлая эмигрантовъ отвѣтственными за судьбу королевской власти. Книга Сореля доставила Фёжеру и матеріалъ для главы (IV) о разрывѣ революціи съ Европой, гдѣ между прочимъ одна изъ причинъ побѣды Франціи надъ коалиціей объясняется у автора тѣмъ, что въ арміи были эле-

¹⁾ *E. de Lavergne. Les assemblées provinciales sous Louis XVI. 1863.*

менты не тронутые революціоннимъ духомъ, съ ссылкою на сочиненіе Альберта Дюрюи, показавшее, что старый порядокъ завѣщалъ новой Франціи въ сущности очень хорошее войско. Кромѣ того, авторъ унижаетъ военное значеніе волонтиаріата 1792 г. „Романъ и исторія жирондистовъ“ — такъ называется слѣдующая (V) глава, на которой равнымъ образомъ сказывается вліяніе Тэна. Къ сожалѣнію, авторъ очень коротко рассказываетъ здѣсь исторію жирондистской легенды, которую раньше прослѣдилъ Эдмондъ Бире. Отвѣтъ на вопросъ, почему провинціальная Франція не оказала энергичной поддержки жирондистамъ, дается въ главѣ (VI) о „федерализмѣ въ 1793 г.“ Фежеръ приписываетъ весьма важное значеніе послѣднему и, пользуясь книгой Валлона ¹⁾, рассказываетъ его исторію, объясняя причины неудачи федерализма превосходствомъ якобинской организаціи и тѣмъ, что провинціи защищали дѣло жирондистовъ безъ всякаго энтузіазма. Въ этомъ отношеніи иное зрѣлище представляетъ собою Вандея, и ей вѣстѣ съ Бретанью авторъ посвящаетъ постоу особую (VII) главу, выдвигая на первый планъ исключительно религіозный характеръ вандейскаго возстанія. Онъ защищаетъ (ссылаясь на Валлона же) вандейцевъ отъ разныхъ нападокъ съ стороны „революціонныхъ историковъ“, которые сами „превратили въ репрессаліи жестокости, совершавшіяся революціонными арміями“. Вандея, какъ и Бретань, не была сначала враждебна революціи: вина возстанія падаетъ на революціонеровъ. Валлонъ руководитъ Фежеромъ и въ главѣ (VIII) о террорѣ. Новая глава (IX) объ отношеніи конвента къ церкви и о паденіи Робеспьера начинается ссылкою на архіеп. Фреппеля, который въ своей книжкѣ „La révolution française à propos du centenaire de 1789“ выдвигаетъ на видъ раціоналистическій характеръ революціи. Впрочемъ, ошибочность мѣропріятій революціи касательно церкви можетъ быть доказана и съ другой точки зрѣнія, нежели та, на которую становится Фреппель. Для главы (X) „Послѣ 9 термидора“ матеріалъ и сужденія доставляютъ автору, кромѣ Тэна, Тиро-Данженъ ²⁾ и мемуары и переписка Малле-дю-Пана, изданные Сайу лѣтъ сорокъ тому назадъ и представляющіе изъ себя дѣйствительно драгоцѣнный матеріалъ для исторіи эпохи, что признано, напр., и Тэномъ. Малле-дю-Панъ руководитъ Фежеромъ въ разборѣ исторіи директоріи до 18 фруктидора (глава XI). 18 фруктидора начался снова терроръ, исторія коего посвящаетъ цѣлое „ислѣдованіе Викторъ Пьеръ ³⁾, давшій этимъ матеріалъ для главы (XII) о „la seconde terreur“. Преніе

¹⁾ Wallon. La révolution de 31 mai et le fédéralisme de 1793.

²⁾ Thureau-Dangin. Royalistes et républicains.

³⁾ Victor Pierre. La terreur sous le directoire.

историки молчать или едва говорятъ объ этомъ предметѣ, и то, что даетъ тутъ Пьеръ, имѣетъ большой интересъ. Общій выводъ изъ этихъ двѣнадцати главъ авторъ дѣлаетъ въ особомъ заключеніи, сущность котораго сводится къ слѣдующему. Революція могла развиваться мирно, и нѣтъ надобности оправдывать анархію и войну роковою силой увлеченія, необходимостью сломить слѣпое сопротивленіе, узаваніемъ на достигнутые результаты. Эти результаты могли быть получены естественнымъ прогрессомъ идей, правильнымъ развитіемъ учреждений, особенно же лояльнымъ согласіемъ націи и монархіи. Какую бы пропасть ни вырывали между старой и новой Франціей, нельзя не признать, что Франція обязана своимъ бытіемъ христіанству и монархіи. Надъ этими-то двумя основами и одержала побѣду (хотя и частью только) революція, но нужно знать и цѣну, какою эта побѣда была куплена. Революція поставила все подъ вопросъ, и никто, говоритъ Фѣжеръ, лучше Гуми ¹⁾ не понялъ этой стороны дѣла. За Гуми идетъ Фреппель, которому авторъ и предоставляетъ чуть не послѣднее слово въ первой части своей книги.

Тѣ девять статейъ, изъ коихъ состоитъ вторая часть книжки (*Études diverses sur l'histoire de la révolution*) Фѣжеръ съ успѣхомъ могъ бы размѣстить между главами первой части. Книга Обертена о политическомъ и парламентскомъ краснорѣчии до 1789 г. ²⁾ даетъ автору случай наговорить много хорошаго о старомъ порядкѣ, такъ какъ онъ далеко не считаетъ возможнымъ „принять всѣ идеи Обертена“, „человѣка 1789 г.“. Одна изъ работъ Бабо ³⁾ представляетъ собою новую тему для разсужденія о старомъ порядкѣ, на счетъ котораго выстроено-де цѣлое „зданіе изъ лжи и клеветы“, причемъ Фѣжеръ сознательно отмѣчаетъ только одну сторону дѣла. Нѣкоторыя изъ излюбленныхъ имъ идей повторяются въ статейкахъ о Риваролѣ (по поводу изданія его *Oeuvres choisies*), о мемуарахъ Бриссо, о мемуарахъ герцогини де-Турзелъ (гувернантки дѣтей Людовика XVI), объ Андрѣ Шенье и якобинцахъ (по поводу работы Оскара де-Балле). Затѣмъ прямо авторъ могъ бы воспользоваться въ первой части своего труда работой Форнерона ⁴⁾ объ эмигрантахъ, которая даетъ матеріалъ для отдѣльной статейки во второй части, съ характеромъ критическаго разбора. То же можно сказать и о работѣ Андре Лебона „*L'Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801*“, трактующей о предметѣ, равнымъ образомъ составляющемъ содержаніе той главы въ книгѣ

¹⁾ *Goumy*. La France du centenaire.

²⁾ *Aubertin*. L'éloquence politique et parlementaire avant 1789.

³⁾ *Babeau*. L'ouvrier sous l'ancien régime.

⁴⁾ *Forneron*. Hist. des émigrés.

Туро-Данжена „Роялисты и республиканцы“, гдѣ разсматривается вопросъ о монархіи и республикѣ между 9 термидоромъ и 18 брюме-ромъ (Книга Лебона вышла съ предисловіемъ Сореля). Наконецъ по поводу книги аб. Сикара ¹⁾ авторъ говоритъ о „нравственномъ и гражданскомъ воспитаніи до и во время революціи“.

То, что Фезеръ хотѣлъ сдѣлать для исторіи революціи, для времени, непосредственно ей предшествующаго, предпринялъ Маріусъ Сепе (Sepet), авторъ книги „Préliminaires de la Révolution“, изданной въ 1889 г., но его трудъ неизмѣримо выше сочиненія Фезера. И онъ, впрочемъ, думаетъ, что Франція могла бы избѣжать революціи, но онъ недостаточно отмѣчаетъ злоупотребленія и недостатки организаціи, дѣлавшіе невозможнымъ дальнѣйшее существованіе стараго порядка. Съ другой стороны, у него выясняются причины паденія монархіи: погибла она не столько потому, что на нее нападали, сколько вслѣдствіе того, что ее мало защищали ²⁾.

„Франція до и во время революціи“ Эд. Оливье ³⁾ представляютъ изъ себя также общіе выводы изъ новыхъ работъ по исторіи революціи, но въ свою книгу авторъ вноситъ слишкомъ много полемики по современнымъ вопросамъ и, кромѣ того, до-нельзя сгущаетъ краски, почерпая изъ сочиненія Тэна все, что только характеризуетъ насилія и крайности революціи. Тэнъ въ этомъ отношеніи является неисчерпаемымъ источникомъ для многихъ новѣйшихъ историковъ.

Юбилейный интересъ къ 1789 г. не ослабѣлъ во Франціи и въ 1890 году. На торжественныхъ собраніяхъ, по окончаніи судебныхъ ваканцій, во многихъ мѣстахъ говорились рѣчи на историческія темы, среди коихъ переворотъ 1789 г. играетъ большую роль. Этому году посвятилъ свою рѣчь генераль-прокуроръ кассаціоннаго суда. Въ Канѣ (Caen) темой была уголовная процедура до 1789 г. и реформы, коихъ требовало въ своихъ cahiers канское третье сословіе. Въ Нанси мѣстный товарищъ прокурора произнесъ рѣчь о лотарингскихъ cahiers 1789 г., а въ Парижѣ одинъ адвокатъ — о парижскихъ выборахъ того же года. Реннскій товарищъ прокурора взялъ своимъ предметомъ бретанскій парламентъ въ 1789 г. ⁴⁾ и т. д. Болѣе прочное значеніе имѣютъ, конечно, тѣ ученныя предпріятія, которыя хотя и возникли въ связи съ юбилеемъ, но рассчитаны были на болѣе долгое время: таковыми являются журналъ и общество исторіи французской революціи и изданія министерства народнаго просвѣщенія и париж-

¹⁾ Sicard. Les études classiques avant la révolution. 1887.

²⁾ Rev. hist. 1890, mai—juin, 114.

³⁾ Ed. Olivier. La France avant et pendant la révolution. P. 1889.

⁴⁾ Rev. hist., 1890, sept.-oct., 215—216.

скаго муниципальнаго совѣта. Примеру столицы слѣдуютъ и провинціи, раскапывающія свои архивныя сокровища. Можно сказать, что съ восьмидесятыхъ годовъ начинается вообще новый періодъ въ историографіи французской революціи, и среди продолженія старыхъ традицій или возвращеній къ отжившимъ точкамъ зрѣнія все болѣе и болѣе замѣчается движеніе впередъ—къ болѣе научности въ пониманіи такого сложнаго и исполненнаго противорѣчій событія, какииъ была революція 1789 г. Только сопоставляя успѣхи, сдѣланные въ этой области исторической наукой, мы въ состояніи дать надлежащую оцѣнку тѣмъ новѣйшимъ исторіямъ революціи, которыя наиболѣе читаются въ наше время, хотя не всегда то, что наиболѣе читается, выражаетъ собою то, что соотвѣтствуетъ результатамъ кропотливаго научнаго труда и что долгимъ процессомъ элиминаціи противоположныхъ увлеченій и крайностей вырабатывается изъ хаоса пристрастныхъ сужденій.

Мы рассмотрѣли только одну новѣйшую французскую литературу (кроме книги Штерна), потому что въ другихъ литературахъ ничего замѣчательнаго по исторіи революціи не появилось. Юбилей 1789 г. вызвалъ въ Германіи нѣсколько популярныхъ изложеній этой исторіи съ весьма разныхъ точекъ зрѣнія да нѣсколько спеціальныхъ работъ по исторіи военныхъ событій ¹⁾. Приблизительно тоже самое можно сказать объ Англіи и объ Италіи ²⁾.

¹⁾ Ср. Deutsche Zeitschr. für Geschichtswissenschaft von L. Quidde. 1889, IV, 529.

²⁾ Отмѣтимъ появленіе въ 1889 г. новой переработки нѣм. перевода „Франц. револ.“ Карлейля, англійской исторіи франц. революціи Макъ-Карти и т. д. Въ 1890 г. вышла въ свѣтъ книга *Guglia. Die Conservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen.*

Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну. (Отношенія къ Франціи).

Г. В. Форстена.

Главною причиною, побудившей Швецію принять участіе въ 30-лѣтней войнѣ, было желаніе утвердиться на южномъ побережьи Балтійскаго моря, присоединить себѣ Померанію, Мекленбургъ и часть Пруссіи. Истинную причину своихъ стремленій шведскіе правители прикрывали болѣе высокими стремленіями—возстановить политическую и религіозную свободу Германіи.

Основаніемъ къ господству Швеціи на Балтійскомъ морѣ послужило занятіе шведами Ревеля въ 1561 году. Утвержденіе шведовъ на восточномъ побережьи Балтійскаго моря вызвало долгую борьбу съ Польшей, Россіей и Даніей. Являясь важной страницей въ исторіи борьбы протестантизма съ католицизмомъ, это столкновение сѣверныхъ и восточныхъ державъ было замѣчательно по своимъ слѣдствіямъ: оно подготовило періодъ величія Швеціи, періодъ ея европейскаго значенія. Господство на Балтійскомъ морѣ становится со второй половины 16 ст. яснымъ и опредѣленнымъ стремленіемъ государей изъ дома Вазы. Постоянныя войны создали Швецію военную силу, не имѣвшую себѣ равной въ тогдашней Европѣ по выправкѣ, дисциплинѣ, выносливости и патриотизму. Балтійское господство обезпечило за Швеціей первенствующее положеніе и въ сѣверной Европѣ.

Вступивши на престолъ въ 1611 году, Густавъ II Адольфъ все царствованіе свое провелъ въ войнахъ съ Даніей, Россіей, Польшей и Германіей; цѣлью всѣхъ этихъ войнъ было желаніе распространить господство Швеции на востокъ и югъ Балтійскаго моря. Упорнѣе всего была борьба съ Польшей, такъ какъ это была и борьба съ католической реакціей. Успѣху католической реакціи въ Европѣ содѣйствовало глав-

нымъ образомъ то обстоятельство, что католическіе государи Европы, за исключеніемъ одной только Франціи, были рѣшительно въ рукахъ іезуитовъ, были ихъ креатурой, исполнителями ихъ воли; вспомнимъ только Сигизмунда III Польскаго, Филиппа III Испанскаго, Максимилиана Баварскаго и Германскихъ Императоровъ, начиная съ Рудольфа: все это питомцы іезуитовъ, съ молокомъ матери всосавшіе въ себя ихъ принципы и идеи, доходившіе до экстаза въ своемъ поклоненіи Божьей Матери, Мадоннѣ, до фанатизма преслѣдовавшіе и губившіе каждое проявленіе свободной воли, останавливавшіе каждый шагъ къ прогрессу. Послѣ рѣшительной неудачи окатоличить Англію, іезуиты, опираясь на своихъ коронованныхъ питомцевъ, раскинули свои сѣти по всей сѣверной и сѣверо-восточной Европѣ. Но здѣсь, къ великому своему разочарованію, они не нашли такого гостепріимнаго пріюта, какъ въ южной и средней Европѣ, здѣсь свободный духъ націй не стерпѣлъ ихъ ига и сразу проявилъ свою силу, съ которою не справиться было іезуитскимъ фалангамъ. Въ Швеціи іезуиты въ началѣ царствованія Іоанна III надѣялись на успѣхъ своей пропаганды, но и онъ ради политическихъ разсчетовъ не считалъ возможнымъ поддаться своему сочувствію католицизму и, хотя даровалъ католикамъ полную религіозную свободу, однако самъ официально исповѣдывалъ лютеранство. Со смертью Іоанна, когда польскій король Сигизмундъ III—приверженецъ іезуитовъ—сдѣлался и королемъ Швеціи, іезуиты были твердо увѣрены въ томъ, что уже теперь навѣрно утвердятся въ Швеціи, откуда легко проникнуть и въ Россію. О самостоятельной національной политикѣ Польши въ первой половинѣ 17 столѣтія говорить нельзя: ея не существовало. Польша была форпостомъ іезуитизма и папизма на востокъ Европы. Польская національная политика обратилась въ іезуитскую, папистскую; всѣ стремленія Сигизмунда Вазы клонились только къ тому, чтобы въ Польшѣ окончательно искоренить ересь и изъ Польши распространить католическую церковь на страну схизматиковъ—русскихъ и шведовъ. О стремленіяхъ папистовъ и іезуитовъ много любопытныхъ подробностей раскрываютъ два политическихъ трактата, хранящіеся въ Ватиканской бібліотекѣ и вошедшіе въ нашъ сборникъ актовъ и писемъ для исторіи Балтійскаго вопроса подъ №№ 92 и 93, а именно: „Dello stato spirituale et politico del Regno di Suetia“ и „Discursus circa praesentem Regnorum Suetiae et Gothiae Statum“.

Для утвержденія католицизма въ Швеціи, говорится въ нихъ, необходимо завладѣть Кальмаромъ и Эльфсбургомъ и юго-западнымъ побережьемъ Финляндіи. Финляндія погранична съ Московіей, и нѣтъ сомнѣнія, что изъ этой провинціи, изобилующей инфантеріей, легко и безъ труда можно проникнуть въ Россію; ужъ если Стефанъ Ба-

торій одними своими силами успѣлъ сломить московскаго царя, то какого же успѣха должно ожидать отъ соединенія шведскихъ силъ съ польскими. Всѣ выгоды на сторонѣ Польши; завладѣвъ Финляндіей и двумя упомянутыми гаванями Швеціи, ей легко будетъ отрѣзать всякое сообщеніе Россіи съ Западомъ и захватить въ свои руки всю Балтійскую торговлю. А Россія, какъ скоро ея торговлѣ будетъ положена преграда, совершенно обѣднѣетъ. О важности занятія Кальмара и говорить нечего: Кальмаръ—это ключъ къ Балтійскому морю, и кто завладѣетъ имъ, безъ труда станетъ на этомъ морѣ господствовать. Даніи нанесенъ будетъ ударъ задержкою всѣхъ иностранныхъ кораблей на пути изъ Риги въ Зундъ, и опасаться датскаго короля не будетъ никакого основанія. Чтобы не зависѣть отъ Зунда, необходимо занять Эльфсбургъ, и тогда помимо Зунда возможно будетъ имѣть сношенія съ западной Европой. Въ Эльфсбургѣ въ короткое время можно построить многочисленный флотъ и имъ оберегать Балтійское море отъ датчанъ и голландцевъ; это море должно быть исключительнымъ владѣніемъ однихъ только католиковъ. Какъ скоро католики завладѣютъ Финскимъ побережьемъ и упомянутыми приморскими гаванями, все христіанство будетъ торжествовать великую побѣду.

Итакъ вотъ стремленія католиковъ: утвердиться въ Швеціи и отсюда распространить свое вліяніе и на Россію, и на Данію.

Въ Швеціи поднялось общее неудовольствіе противъ Сигизмунда и іезуитовъ. Все населеніе, какъ одинъ человекъ, стало около Карла Зюдерманландскаго, дяди Сигизмунда, и съ энергіей начало борьбу съ антинаціональными тенденціями іезуитовъ. Сигизмунда принудили удалиться изъ предѣловъ Швеціи, и тогда-то у іезуитовъ созрѣлъ другой планъ: утвердиться въ Россіи и отсюда уже дѣйствовать противъ Швеціи.

Густавъ II Адольфъ рѣшилъ воспользоваться временемъ борьбы Польши съ Россіей и объявилъ первой войну. Она удачно окончилась присоединеніемъ къ Швеціи Ливоніи и части Курляндіи. Владѣніе восточными балтійскими провинціями представляло Швеціи большія выгоды, главнымъ образомъ вслѣдствіе географическаго положенія на пути къ Россіи и Польшѣ и вслѣдствіе плодородія. Сюда доставляли изъ Польши и Россіи хлѣбъ, и эти остзейскія провинціи стали житницами Западной Европы, какъ Сицилія для Спарты древняго міра. Для торговли съ Россіей гавани Ингерманландіи и Эстляндіи были весьма важны; Рига также производила значительные торговые обороты съ Россіей, но еще больше съ Литвой. Вывозъ хлѣба изъ всѣхъ восточно-балтійскихъ гаваней былъ весьма значительный. Съ древнихъ временъ владѣтели этихъ провинцій присвоили себѣ право разрѣшать или не разрѣшать вывозъ хлѣба. Густавъ Адольфъ

широко воспользовался этимъ правомъ; только съ его разрѣшенія или съ разрѣшенія его канцлера можно было вывозить хлѣбъ за границу. Изъ Ревеля ежегодно вывозили до 120,000 тоннъ хлѣба, а изъ Риги до 200,000. Ливонцы смотрѣли на Густава Адольфа какъ на величайшаго героя освободителя и надѣялись, что онъ, добившись императорской короны, соединить Ливонію съ Германіей. Но не таковы были вовсе планы короля; въ его политикѣ Балтійскій вопросъ былъ главной движущей силой; господство на Балтійскомъ морѣ должно было служить ему основой для господства на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ. Не будь несчастной Люденской битвы, и ливонскому провинциализму никогда не достигнуто было того ненормальнаго развитія, какого онъ дѣйствительно достигъ. Въ разсужденіи о своихъ привилегіяхъ, какъ и о шведской редуціи, ливонцы до сихъ поръ допускаютъ рядъ софизмовъ и завѣдомой лжи.

Справившись съ Сигизмундомъ III, Густавъ-Адольфъ сдѣлалъ вызовъ его родственнику, императору германскому Фердинанду II, съ тѣмъ чтобы подчинить себѣ Померанію и Мекленбургъ, и въ іюнѣ 1630 г. высадился на нѣмецкой территоріи. Успѣшныя дѣйствія шведовъ сразу расположили въ пользу Густава нѣмецкихъ протестантскихъ князей и нѣкоторыхъ государей, въ началѣ относившихся къ нему съ недовѣріемъ. Шведскій король сдѣлался центральною личностью во враждебномъ Габсбургамъ лагерѣ, и Франція первая оцѣнила всю важность сближенія съ нимъ. Къ разбору этихъ шведско-французскихъ отношеній мы теперь и перейдемъ ¹⁾).

Во внѣшней политикѣ Бурбоновъ ясно сказалось стремленіе ослабить Габсбургскій домъ, расширить восточныя и южныя границы свои и приобрѣсти здѣсь нѣкоторые стратегическіе пункты, которые бы и обезпечивали Францію со стороны какъ нѣмецкихъ, такъ и испанскихъ Габсбурговъ. Бурбоны не упустили ни одного случая, когда только представлялась какая-нибудь возможность ослабить своихъ соперниковъ—Габсбурговъ. Такъ, еще при жизни Матіа, когда возникъ вопросъ объ избраніи ему наслѣдника, Франція указала на Максимилиана Баварскаго, какъ на достойнѣйшаго кандидата на императорскій престолъ. Его избраніе составитъ благо Германіи, говорили въ своихъ письмахъ и донесеніяхъ французскіе дипломаты; оно обезпечитъ въ Германіи будущность католической церкви и облегчитъ борьбу съ турками; Габсбургу князя не

¹⁾ Въ основаніи нашего разбора политическихъ отношеній Швеціи и Франціи лежатъ архивныя данныя, хранящіяся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Разборъ этихъ данныхъ въ нашей статьѣ: Архивныя занятія въ Парижѣ, Брюсселѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ. Журналъ М. Н. Пр., часть CCLI, отд. 4.

давали „Türkenpfennig“, боясь, что онъ расширить свои обширныя владѣнія еще пятою монархіей, а Максимилиану Баварскому они съ готовностью окажутъ помощь ¹⁾. Всего болѣе французское правительство опасалось универсальныхъ тенденцій Габсбургскаго дома; французскіе дипломаты сравнивали политику универсальной монархіи Габсбурговъ съ таковою же политикой римлянъ ²⁾. Стремленія Габсбурговъ къ универсализму такъ очевидны, что остается или рабски склонить голову подъ Испанско-Австрійское ярмо, или мужественно стряхнуть съ себя это ненавистное всѣмъ господство ³⁾. Французскіе дипломаты-публицисты указывали на то, что важнѣе всего на первыхъ же порахъ освободить Германію изъ-подъ вліянія Испаніи; Германія, по признанію самого императора, есть основаніе, на которомъ покоится августѣйшій домъ Австріи (le fondement de la très auguste maison d'Autriche). Потерять владѣнія Индіей было бы для Габсбурговъ менѣе чувствительно, нежели потерять Германію—это могущественное государство въ Европѣ, состоящее изъ многихъ славныхъ княжествъ, свободныхъ городовъ, богатыхъ своею торговлей. Въ Германіи, какъ центрѣ Европы, Габсбургамъ всего удобнѣе основать мѣстопробываніе своего монарха; получая отъ входящихъ въ составъ Имперіи князей и городовъ только по одной ротѣ кавалеріи, императоръ пріобрѣтетъ силу, достаточную для успѣха всѣхъ его предпріятій. Съ другой стороны, какъ скоро Габсбурги вполнѣ подчинятъ себѣ приморскіе города—Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Эмбденъ и др., у нихъ будетъ и морская сила, съ помощью которой легко будетъ удержатъ весь сѣверъ Европы въ своей власти. Они остановятъ всю торговлю Франціи, Англіи, Даніи и Швеціи; они покорятъ себѣ государства, еще не испытывшія на себѣ ихъ силы, и тогда они будутъ близки къ тому идеальному универсализму, къ которому стремятся уже два вѣка Габсбурги ⁴⁾.

¹⁾ Arch. du Ministère des aff. Etr. 48. M-r de Noyers à M-me la Baronne de Reekun. 1618. Ср. также Collection Godefroy въ Bibliothèque de l'Acad., Tome 269. Письмо графа Лотарингскаго къ Людовику XIII изъ Нанси 5 авг. 1622 г.

²⁾ См. Advis Salulaire sur l'estat present des affaires d'Allemagne. Arch. du Min. des Aff. Etr. „Il y a quelque centaines années que la maison d'Autriche aspire ambitieusement à la Monarchie universelle, et surtout la branche qui domine l'Espagne. Eux mêmes et leurs historiens n'en font point la petite bouche et l'aduoent par leurs parolles et par leurs escrits“.

³⁾ Il faut donc désormais que tous les Princes et peuples de l'un et l'autre monde ou subissent ce joug laschement, ou le secouent courageusement.

⁴⁾ L'Allemagne est encore bastante pour leur dessein, comme le plus ample, riche et puissant royaume de la Chrestienté, et auquel sout tant de grands Princes, Villes Imperialles, la plus part marchandes et opulentes sises sur grandes rivières, le tout au milieu de l'Europe; qui leur sera un grand avantage

То, что въ этомъ разсужденіи французскаго дипломата говорится о стремленіи Габсбурговъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ и въ Скандинавскихъ государствахъ, совершенно вѣрно. Императоръ Фердинандъ II дѣйствительно желалъ усилиться на берегахъ Балтійскаго моря, чтобы съ этой стороны дѣйствовать въ пользу Сигизмунда въ Швеціи ¹⁾. Къ усиленію на Балтійскомъ морѣ стремилась и Испанія: оба представителя Габсбургскаго дома—Фердинандъ II и Филиппъ III—надѣялись съ утвержденіемъ на Балтійскомъ морѣ безъ труда подчинить Швецію Сигизмунду III, унижить Данію, лишить голландцевъ выгодныхъ торговыхъ сношеній съ сѣверными и сѣверо-восточными государствами Европы, и такимъ образомъ открыть широкій доступъ въ еретическую Европу католической пропагандѣ, что составляло святую цѣль всѣхъ ихъ предпріятій.

Сначала Фердинандъ II и Филиппъ III надѣялись путемъ дипломатическихъ переговоровъ достигнуть утвержденія на Балтійскомъ морѣ, и агенты ихъ ѣздили изъ города въ городъ, указывая, какія выгоды послѣдуютъ для всѣхъ ганзейскихъ городовъ, какъ скоро они отдадутся подъ власть Имперіи, а именно: богатые торговые сношенія съ Португаліей и Испаніей, униженіе Голландіи, ихъ давнишней соперницы на сѣверѣ. Ихъ прельщали самыми заманчивыми привилегіями и льготами, обѣщали защиту противъ всѣхъ, кто бы посягнулъ на эти привилегіи. Но все это было тщетно! Тогда обратились къ силѣ: Валленштейнъ началъ осаду Стральзунда ²⁾. Всѣ

pour y établir le siege de la Monarchie; car quand ce pretendu Monarque ne tireroit de chacune bonne ville et de chaque puissant Prince que l'entretenement d'une compagnie de Cavallerie ou d'infanterie, cela suffira pour avoir tousiours en pied une grosse armee, suffisante pour tous leurs desseins, et de plus, si une fois ils ont en leur pouvoir les villes Anséatiques et maritimes, Hambourg, Lubec, Breme, Emden et autres qui sont tint plus proches du peril que les armes et armées ennemies en sont près, ils auront moyen dy dresser et equisper flottes et navires pour tenir en bride le septentrion et incommoder le Midy. non seulement pour empescher le commerce des Danois, Anglois et François, mais aussi pour conquerir ce qu'ils n'ont pas et reconquerir ce qu'ils auront perdu: c'est pourquoi on les voit si aspres et animez à attaquer de toutes leurs forces le Roy de Dannemark et les villes et pais de la basse Saxe, de laquelle ils ont ja occupé bonne partie et peu sen faut qu'ils ne soient tantost maistres du total si on les laisse faire et que leur Roy vienne a succomber et ainsi toute l'Allemagne subjuguée leur servira de marche pied pour monter ou plustost de fonnement ferme et assuré pour y esleuer leur bastiment monarchique et triompher en fin de toute la chrestienté.

¹⁾ Aduis d'un gentilhomme François amené de Pologne par M. de Char-nasse. 1626.

²⁾ О стремленіи Габсбурговъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ см. Reichard—Die Maritime Politik der Habsburger, Berlin. 1867 и прекрасное изслѣдо-

надѣялись на успѣхъ предпріятія, и рѣшено было уже вознаградить виновника морского могущества Габсбурговъ Пфальцскими владѣніями, а Италіи уступить всю южную бережную линію Балтійскаго моря. Послѣдней державѣ открывалась самая блестящая перспектива въ будущемъ, т.-е. господство на Балтійскомъ морѣ, совершенное униженіе Голландіи и окатоличеніе Скандинавскаго сѣвера.

Въ виду такихъ грандіозныхъ замысловъ Габсбурговъ, Франціи необходимо было подумать о средствахъ—остановить дальнѣйшее распространеніе ихъ власти. Лучшимъ средствомъ для Франціи казалось примирить Швецію съ Польшей, привлечь Густава-Адольфа къ обширному союзу противъ Испаніи и Австріи и сблизиться съ курфюрстами Баварскимъ, Саксонскимъ и Бранденбургскимъ. Такъ какъ взаимное недовѣріе Испаніи и Баваріи, явно уже обнаружившееся въ 1626 и 1627 гг., стало еще сильнѣе къ 1630 г., то послѣднее предположеніе и казалось вполне достижимымъ. 14 сентября 1630 года Максимилианъ Баварскій собралъ всѣхъ членовъ католической лиги, и они рѣшили между обою—не давать болѣе императору субсидій. Съ этихъ же поръ начинается сближеніе Баваріи съ Франціей ¹⁾. Франціи, по мнѣнію патера Іосифа, было бы весьма важно войти въ сношенія съ Саксоніей и Бранденбургомъ и увѣрить ихъ въ помощи Франціи, какъ скоро императоръ станетъ ихъ стѣснять. Полезно было бы также раздать нѣкоторымъ министрамъ германскихъ княжескихъ дворовъ пенсіи, чтобы тѣснѣе связать ихъ съ Франціей (на это можно было бы ассигновать 10,000 экю), такъ напр. въ Бранденбургѣ ни на что нельзя надѣяться, не подкупивши Шварценберга ²⁾.

Къ 1630 году замѣтно стало и разъединеніе интересовъ Вѣнскаго и Мюнхенскаго дворовъ: императоръ Фердинандъ II занятъ былъ мыслью разорвать лигу, Максимилианъ же стоялъ за поддержку ея. Въ Испаніи открыто говорили о симпатіяхъ Баваріи къ Франціи и о враждебномъ настроеніи курфюрста къ Испанской партіи; Максимилиана прямо обвиняли въ стремленіи сдѣлаться Римскимъ королемъ,

ваніе Mareš'a „Die Maritime Politik der Habsburger“ (Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichte. 1880—81).

¹⁾ См. наши акты и письма къ исторіи Балт. вопроса въ XVI и XVII ст., Спб. 1889, № 104 и № 107.

²⁾ Dépêche du père Joseph, 15 сент. Arch. du Min. des Aff. Etr.

³⁾ Il est necessaire que nous puissions assurer l'Electeur de Saxe et celui de Brandenbourg que l'empereur les moleste le Roy les assistera puissamment; nous le faisons bien desia, mais il est bon que nous ayons un ordre express, et qu'il nous soit permis de promettre quelques pensions a quelque ministre des princes iusqu'a 10000 escuz en tout. Il ne faut manquer de satisfaire le Comte de Schwartzembourg. Sans cela il n'y a pas moyen d'agir. Arch. du Min. des Aff. Etr.

Максимилианъ же въ лигѣ видѣлъ залогъ цѣлости и неприкосновенности германской имперіи, ея конституціи ¹⁾).

Недовольство императоромъ замѣтно было во всей курфюрстской коллегіи; такъ, курфюрстъ Саксонскій, въ присутствіи de Мазап, прямо сказалъ графу Гогенлоэ: „Укажите мнѣ, пожалуйста, хотя на одинъ пунктъ, который бы императоръ выполнилъ изъ всего имъ обѣщаннаго!“ Всѣ курфюрсты въ одинъ голосъ говорили, что императоръ заботится только объ увеличеніи владѣній своего дома и о томъ, чтобы сдѣлать своего сына Венгерскимъ королемъ. Поговаривали даже о томъ, что императоръ доволенъ вмѣшательствомъ Швеціи въ войну, такъ какъ имѣетъ теперь возможность всегда держать на-готовѣ войско. За достовѣрное выдавали тотъ фактъ, что императоръ не опасался ни Швеціи, ни протестантскихъ князей; одинъ изъ его приближенныхъ сказалъ: „если вмѣшается въ дѣло Франція -- мы погубимъ“ ²⁾. De Мазап доносилъ Ришелье, что во время его пребыванія въ Германіи, къ нему неоднократно обращались съ вопросомъ: „неужели вашъ король не воспользуется выгодными политическими обстоятельствами и не заступится за нѣмецкихъ князей? Послѣ Бога онъ одинъ можетъ возстановить дѣла Имперіи въ ихъ прежнемъ видѣ и даровать намъ миръ“.

Дипломатическія сношенія Франціи съ Швеціей начались во время польской войны Густава-Адольфа. Франція предложила королю свое посредничество для примиренія его съ Польшей, что было принято Густавомъ и приведено въ исполненіе. Въ январѣ 1630 года французскій посолъ Шарнассэ явился въ Стокгольмъ и, по порученію Ришелье, склонялъ короля начать войну съ Фердинандомъ II. „Стоитъ

¹⁾ L'empereur continue à vouloir rompre la ligue catholique, le Duc de Baviere sy oppose ouvertement. Les Espagnols disent tout haut que cette ligue est au Roy, que le duc se Baviere le retire de la faction de l'Empire et a quelque mauvais dessein et aspire a l'eslection du Roy des Romains. Cela fait qu'il ne se veut engager a prendre la charge de general, ny aussy l'Empereur ne la luy veut confier. Le Duc de Baviere ayme mieux faire subsister la ligue qui est le plus certain pour luy, et pour la seurete de l'empire, ce qui le pourra tenir dans la confiance du Roy et dans la defiance du Roy d'Espagne. Ibidem.

²⁾ Un brave homme et qui a chargé soubz l'Empereur a dit dernièrement ces mots à un de mes amis. Nous ne nous soucions du roy de Suede ni des protestants rebelles (c'est la qualité qu'ils donnent à ceux qui ont esté nouvellement assemblez a Leipzig); mais si le roy de France s'en mesle nous sommes perdus. Autant en a dit un officier de Tresues il ny a pas longtemps, Je me suis trouvé cent fois en compagnie ou on ma demande en ces mots: Est il possible, que le Roy vostre maistre n'ouvre jamais les yeux aux occasions qui se présentent? Il n'y a que luy apres Dieu qui puisse restablir les affaires et nous faire jouir de la paix que nous avons cy devant. Ibid.

королю явиться въ Германію, говорилъ Шарнассъ, какъ всѣ нѣмецкіе князья соберутся подъ его знаменіе; нѣмцы ожидаютъ его, какъ нѣкогда евреи ожидали Мессію. Король безъ труда покорить себѣ Померанію, Силезію, Моравію, Богемію и наслѣдственные австрійскія земли. Этого мало: съ помощью Франціи онъ утвердится и въ Турціи.

Шарнассъ сильно ошибался, когда думалъ, что подобными живыми рѣчами побудить Густава-Адольфа принять предложеніе Рихелье—за 300,000 экю служить интересамъ Франціи. Густавъ-Адольфъ съ достоинствомъ и тактомъ отвѣчалъ послу христіаннѣйшаго короля, что политическія конъектуры въ Германіи совершенно не соотвѣствуютъ тому, что онъ доносилъ. что курфюрстъ Баварскій враждебно настроенъ къ протестантамъ и что курфюрстъ Саксонскій скорѣе соединится съ императоромъ, нежели со Швеціей. Король выговаривалъ себѣ полную свободу дѣйствій въ Германіи и не желалъ вовсе быть орудіемъ въ рукахъ ловкаго французскаго дипломата. Рихелье потерялъ неудачу. Густавъ-Адольфъ безъ Франціи началъ войну съ Фердинандомъ II. Въ началѣ 1631 года Рихелье рѣшился возобновить переговоры съ шведскимъ королемъ и для этого отправилъ того же Шарнасса въ Бервальде, небольшой городокъ къ сѣверу отъ Кюстрина. На этотъ разъ переговоры привели къ формальному трактату, подписанному 23 января 1631 года. Цѣлю сближенія обоихъ королевствъ выставлялось желаніе помочь притѣсненнымъ нѣмецкимъ князьямъ, обезпечить свободу плаванія и торговли на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, возстановить политическія права нѣмецкихъ князей, уничтожить крѣпости и укрѣпленія на Балтійскомъ морѣ, въ Вальтелинѣ и Граубюнденѣ, наконецъ, привести Германію въ состояніе, въ которомъ она была до войны. Для достиженія всего этого шведскій король обязывался выставить въ Германіи армію въ 30000 чел. пѣхоты и 6,000 конницы, а Франція обязалась доставлять ему ежегодно субсидію въ одинъ миллионъ ливровъ. По отношенію къ католическимъ князьямъ Германіи, Баваріи и другихъ членовъ лиги рѣшено было сохранить полнѣйшій нейтралитетъ, если и они будутъ держаться такового по отношенію къ Швеціи и протестантамъ ¹⁾).

Въ концѣ 1631 года Густавъ-Адольфъ былъ господиномъ всей сѣверной Германіи. Никто не оказывалъ ему сопротивленія. Въ то время, какъ курфюрстъ Саксонскій углублялся въ Богемію и занималъ Прагу, Густавъ-Адольфъ вторгся въ Франконію, подчинилъ себѣ Вюрцбургъ и Майнцъ. Онъ твердою ногою стоялъ въ Германіи, число его союзниковъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, въ его рукахъ находились Одеръ, Эльба, Везеръ и Рейнъ. Оставалось утвердиться еще

¹⁾ Бервальдскій трактатъ неоднократно печатался. О немъ во всѣхъ исторіяхъ 30-лѣтней войны.

на Дунаѣ, завоевать Баварію, а тамъ путь былъ уже открытъ и къ Вѣнѣ. Зимѣ 1631—32 г. Густавъ провелъ частью въ Майнцѣ, частью во Франкфуртѣ на М.; здѣсь онъ давалъ по 20 аудіенцій въ день, принималъ иностранныхъ пословъ, распоряжался судьбой Германіи. Его пребываніе въ Майнцѣ сравниваютъ съ пребываніемъ Наполеона въ Эрфуртѣ.

Успѣхи шведскаго оружія сильно обезпечили Ришелье; онъ желалъ ослабить Австрію, лишить ее помощи лиги и обезпечить за католическими князьями Германіи полную политическую свободу; онъ стремился утвердить вліаніе Франціи въ Эльзасѣ и по всему лѣвому берегу Рейна, а тутъ Густавъ II Адольфъ, котораго онъ желалъ направить противъ Фердинанда II, начинаетъ тѣснить Баварію. Всего болѣе испугался Ришелье приближенія шведовъ къ Рейну и границамъ Франціи. Онъ рѣшился во что бы то ни стало убѣдить побѣдоноснаго короля перенести театръ войны на востокъ, въ наслѣдственные австрійскія земли и очистить западную Германію. Вотъ цѣль его дальнѣйшей политики по отношенію къ Швеціи. Въ ноябрѣ 1631 года Ришелье отправилъ Шарнассэ въ Мюнхенъ, чтобы убѣдить Максимилиана заключить съ Швеціей трактатъ о нейтральности отъ своего имени и имени всей лиги. Только этимъ путемъ, по его мнѣнію, возможно было достигнуть и заключенія общаго мира (*paix générale*) въ Германіи. Тѣснимый шведами, Максимилианъ Баварскій выразилъ готовность начать переговоры съ Густавомъ-Адольфомъ, но съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ всѣ земли, отнятыя имъ у католиковъ. Ришелье отправилъ 1 января 1632 г. de l'Isle въ Майнцъ. Посолъ долженъ былъ указать королю, что вторженіемъ въ Баварію или католическія епископства—Триръ, Майнцъ, Кельнъ—король нарушаетъ постановленія Бервальдскаго договора. Густавъ-Адольфъ отвѣчалъ, что принимаетъ предложеніе Франціи, если лигисты распускаютъ всѣ свои войска и воздержатся отъ всякой вражды съ нимъ. 9 января къ королю явился второй посолъ отъ Ришелье, Шарнассэ, но также мало успѣлъ. Дальнѣйшіе переговоры поручены были маркизу de Brézé и St-Etienne.

Первая аудіенція Brézé у короля состоялась 18 января 1632 г. Густавъ-Адольфъ соглашался на миръ съ католиками только при невысказанныхъ требованіяхъ, выполнить которыя было рѣшительно нельзя, писалъ Brézé 26 января изъ Франкфурта ¹⁾. О возстановленіи Майнца, Вюрцбурга, Вормса и Шпейера король не желалъ и слышать ²⁾. Brézé, въ переговорахъ съ Густавомъ 31 января, ука-

¹⁾ Quant à la paix le Roy de S. n'a pas intention de la faire qu'avec des conditions si aduantageuses que ie ne la voye point faisable de cette sorte. M. le marquis de Brézé, a Francfort, 26 Janv. a 8 heures du soir.

²⁾ Je vous supplie de vous souvenir sil vous plaist de ne rien poser sur

зываетъ ему на то, что отказъ даровать нейтралитетъ католическимъ князьямъ противорѣчитъ слѣдующему выраженію въ трактатѣ короля съ Франціей: „et ubi catholica Romana reperitur in integro remaneat“. Короли, однако, нельзя было ничѣмъ убѣдить и сказавши, что католикамъ и теперь еще слишкомъ хорошо, онъ перешелъ къ другой темѣ. Когда Brézé, въ переговорахъ съ королемъ 31 января, указалъ ему на желаніе своего правительства, чтобы Густавъ-Адольфъ перенесъ войну въ наслѣдственные земли Габсбурговъ, король отвѣчалъ ему, что раньше чѣмъ идти на востокъ въ наслѣдственные земли Австріи, ему необходимо обезпечить за собою обладаніе Мозелемъ; испанцы сильно вооружаются, и онъ ради дружбы съ Франціей рискуетъ потерпѣть пораженіе отъ нихъ. Пусть Франція обезпечитъ спокойствіе западной Германіи и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тамъ не начали вооружаться противъ него; только утвердившись на Мозелѣ и взявши Франкендаль, онъ двинется на Австрію. Относительно Людовика XIII Густавъ-Адольфъ выразился такъ: „а боюсь, что французскій король удовлетворится спасеніемъ своихъ священниковъ и герцога Баварскаго и дальше этого не пойдетъ“ ¹⁾. Brézé возразилъ ему на это, что король вовсе не намѣренъ бездѣйствовать, а къ марту соберетъ на западной границѣ 30,000 пѣшаго и 6,000 коннаго войска. „Время все покажетъ“, сказалъ король и попросилъ разрѣшенія набрать для себя въ тѣлохранители отъ 2 до 3 тысячъ французовъ.

При новомъ свиданіи съ Brézé Густавъ-Адольфъ сообщилъ ему

les fondements de la restitution de Mayence, Wirtzburg, Worms et Spire car absolument le Roy de Suede n'en fera rien au moins tant que la fortune luy ria..... 31 января: Je vous diroy que j'ay encore aujourd'hui parlé au Roy de Suede avec le quel il ny a point moyen de faire d'avantage pour le bien des ecclesiastiques que ce qu'on y a fait, car il ne veut point ouyr parler de restituer ny places ny biens et ne respond rien quand ie luy represente que laissant les choses en l'estat au quel elles sont quant a ce regard, que c'est absolument contrevenir a l'article du traité dans le quel il est porté и т. д.

¹⁾ Au reste le Roy de Suede ma dit quil craignoit fort que le Roy se contentast d'avoir sauvé ses prestres—ce sont les mesmes termes—et le Duc de Baniere et quil se tint la pour les regarder faire; ce a quoy je luy ay respondu que je n'avois point du tout ouy parler de cela, mais que je ne croyois pas que le Roy mist ensemble une si grande armee pour ce seul dessein, et ce que me confirmait dans cette opinion estoit que depuis que le Roy estoit asseuré de la Neutralité pour lesditz Electeurs Catholiques, que sa Majesté n'avoit pas laissé de donner ordre quil luy vint outre les troupes quil a qui estoient de 40 mil hommes de pied et 10000 chevaux—30 autres mil hommes de pied et 6000 chevaux lesquels debuient estre dans le 20 de mars tous joints en un seul corps d'armée, sur quoy il ne m'a rien dict sinon que fort peu de temps luy feroit scauoir ce qui en seroit d'autant quil estoit temps de travailler, si on le vouloit faire.

о больших денежных сборахъ, дѣлаемыхъ папою и герцогомъ Флорентійскимъ въ пользу императора, что французскій король могъ бы запретить. Вгрезэ указалъ королю, что еслибы онъ согласился возстановить католикамъ ихъ церкви и имущества, то французскій король гораздо дѣятельнѣе помогалъ бы ему: теперь ему это запрещаетъ голосъ совѣсти и чести. На это Густавъ-Адольфъ только отвѣтилъ: папу заботитъ, какъ бы Богъ не наказалъ его наравнѣ съ его епископами. Вгрезэ сказалъ королю, что папа, какъ викарій Христа, находится подъ Его покровительствомъ, и если всѣ католики погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ, все-таки, останется невредимъ: ему не такъ легко сбить тіару, какъ епископу Майнцскому ¹⁾. Король рѣзко перемѣнилъ разговоръ и справился о численности войскъ французскаго короля. Вгрезэ отвѣчалъ ему, что у короля 40,000 чел. пѣхоты и 10,000 чел. конницы. „И все одни только французы?“—спросилъ король. Получивши утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „какъ жаль, что такая армія бездѣйствуетъ; если бы я имѣлъ ее, я бы много успѣлъ сдѣлать. Богъ не даетъ такихъ силъ тѣмъ, кто имѣлъ бы охоту употребить ихъ въ дѣло“ ²⁾.

10 февраля Вгрезэ доноситъ французскому двору, что Густавъ-Адольфъ рѣшительно настаивалъ на продолженіи военныхъ дѣйствій; король увѣрялъ французскаго посла, что на слова курфюрста Баварскаго положиться нельзя, что онъ переговорами старается только выиграть время и приготовиться въ борьбѣ ³⁾.

¹⁾ Il m'a parlé des grandes leuées d'argent que le Pape et le Duc de Florence faisoient pour secourir l'empereur et qu'il seroit bon que le roy l'empeschast, sur quoy j'ay pris subject de luy dire quil ostoit tout moyen au Roy de luy rendre ces offices la par le mauvais traitement qui renuoient (?) les Ecclesiastiques et sur cela je me suis fort estendu et luy ay dit que sil auoit agreable de les restablir dans leurs Eglises—et tout ce que sen suit sur cette matiere conformement a mon instruction et memoire de Persode, quil donneroit bien plus de moyen au Roy mon maistre de l'assister plus puissamment quil n'ose faire par plusieurs raisons de conscience et dhonneur que jay desuites fort amplement et le plus patetiquement que j'ay peu, sur quoy il ne m'a rien respondu sinon que le Pape se prenne garde, que Dieu ne le veille aussi bien punir comme il a deja fait ces euesques, a quoy j'ay respondu que comme vicaire de Jesus Christ il estoit dans sa protection et qu'il falloit que tous les Catholiques mourussent les armes a la main, avant quil eust mal, et que son bonnet n'estoit pas sy aisé a abbattre que celui de l'Euesque de Mayence.

²⁾Mais Dieu ne donne pas ces puissances la a qui en auroit bien la volonté..... Le Roy de Suede n'avoit pas plus de 10 ou 12 mil hommes.

³⁾cessation d'armes et actes d'hostilité qui sont termes desquels le Roy de Suede ne veut point ouyr parler. Il croit qu'il (репортъ Баварскій) ne cherche tous ces destours que pour gagner autant de temps et avoir plus de moyen de tromper, lon a pris de ses lettres qu'il escrivoit a l'Electeur de Cologne les quelles le Roy de Suede m'a dit faire paroistre fort peu de sincerité.

Густавъ-Адольтъ, между тѣмъ, настойчиво требовалъ отъ епископа Майнцскаго уплаты ему 80,000 рейхсталеровъ, которые католическое духовенство обязалось доставить ему. Но большая часть клира развѣхалась, а оставшимся не подъ силу было произвести эту уплату; тогда имъ стали грозить конфискаціей всего ихъ имущества. Brézé попытался склонить Густава-Адольфа къ уменьшенію контрибуціи, но король оставался непреклоннымъ. Brézé прибѣгалъ ко всевозможнымъ уловкамъ; такъ, онъ выставлялъ передъ королемъ ревность своего государя къ дѣлу католической церкви. „Дѣла религін всего болѣе трогаютъ моего короля“, сказалъ онъ Густаву и предложилъ ему еще разъ перечитать заключительныя слова Бервальдскаго договора: „et ubi catholica Romana“ и т. д., которыя очевидно забыты. Король сказалъ, что отлично помнитъ ихъ и уже исполнилъ все имъ обѣщанное относительно католиковъ.

Брезе продолжалъ настаивать на своемъ, тогда король прервалъ его словамъ: отъ меня требуютъ больше, чѣмъ имъ даютъ; отъ Майнцскаго епископа „не получено еще ничего изъ той суммы, какую онъ обязанъ мнѣ дать“. Не желая продолжать разговора о вещахъ совершенно лишнѣхъ, король прибавилъ, что не понимаетъ, отчего такъ стремятся поддержать въ духовныхъ лицахъ ихъ привычку и склонность къ ничему недѣланію.

Послѣ свиданія съ королемъ, Brézé имѣлъ еще аудіенцію у Оксеншерны, но и отъ него не могъ ничего добиться въ пользу католиковъ ¹⁾. 14 февраля онъ доносилъ своему правительству, что

¹⁾ Le Roy de Suede sollicite grandement le payement des 80 mil richsdalles aus quelles le Clergé de Mayence s'est obligé vers luy, la plus part des quels s'en est enfuy et l'autre qui est restée comme pour garder les maisons, est grandement pressée dudit payement et menacée d'emprisonnement et embrasement de toutes leurs maisons, sur quoy allant trouver le Roy de Suede pour tacher de ralentir ceste violence a peine me voulut il escouter et moy luy disant que ce qui regardoit le faict de la religion estoit ce qui touchoit le plus sensiblement le Roy mon maistre (sic!) et que je le suplois de vouloir prendre la peine de relire le traitté quil avoit faict avec luy et que tres asseurement il en auoit oublie la clause „et ubi catholica Romana“ sur quoy il me respondit quil sen souvenoit fort bien et quil n'y contrevenoit point puisqu'il la permettoit, et moy la dessus luy ayant reparty des choses si pressantes et toute fois avec respect, quil ne scavoit que me respondre, il me dist qu'on vouloit exiger de luy plus de punctualitez qu'on ne luy en rendoit et quil avoit receu lettres du 16 du mois passé par lesquelles il aprenoit que son homme n'avoit encores rien touché de l'argent qu'on luy avoit promis. Enfin Monsieur pour ne Vous point ennyer de choses superflues je ne voy pas quil y ait moyen par quelque biais uen qu'on sy puisse prendre de rien faire a l'avantage des Ecclesiastiques. J'ay esté encore tout ce matin avec le chancelier avec le quel je n'ay pas faict d'avantage retenu par les sentiments du Roy de Suede.

нѣтъ никакой надежды склонить шведскаго короля къ принатію нейтралитета, хотя онъ поднималъ съ нимъ этотъ вопросъ и на публичныхъ, и на частныхъ аудіенціяхъ; часто говорилъ онъ съ нимъ о католическихъ церквахъ и монастыряхъ, о іезуитахъ Майнца, старался возбудить къ нимъ сочувствіе короля, но все напрасно: король нетерпѣливо слушалъ его, когда онъ заговаривалъ съ нимъ о католикахъ. Такъ, когда Brezé ему однажды сталъ говорить о Майнцскихъ іезуитахъ, Густавъ Адольфъ прервалъ его и сказалъ: „это вовсе не тема для дипломатическихъ переговоровъ съ иностраннымъ посломъ; я не касаюсь религіи французскихъ подданныхъ, нечего касаться и религіи моихъ подданныхъ“. Къ этимъ словамъ онъ присоединилъ просьбу больше съ нимъ не говорить при аудіенціяхъ на эту тему. Brezé отвѣчалъ королю, что онъ касается религіозныхъ вопросовъ по порученію своего короля, въ основѣ всей политики котораго лежитъ религія ¹⁾. На одномъ обѣдѣ у короля, гдѣ Brezé принималъ участіе, какъ частное лице, Густавъ Адольфъ сказалъ ему: Не дурно было бы вашему королю приняться за исправленіе вкрившихся въ вашу церковь заблужденій ²⁾. Brezé отвѣчалъ общими фразами, указывалъ на то, что въ католической церкви недостатковъ или погрѣшностей нѣтъ, что папа и епископы заслуживаютъ особеннаго уваженія, какъ представители этой церкви и т. д. „Неужели—возразилъ ему король—Вы хо-

¹⁾ Depuis ma derniere despesche que le sieur de la Saludie vous a portée iay ueu plusieurs fois le Roy de Suede quelques vnes en audience reglée, et dautres en particulier, pour luy parler de divers interets de plusieurs et monasteres et autres esglises, comme aussi de l'affaire des jesuites de Mayance et ce sans pouvoir faire quoy que ce puisse estre pour le bien des uns ni des autres non plus que pour les Teutoniques, pour lesquels javois faict toutes les instances possibles avant qu'avoit receu la lettre que vous mescrives sur leur sujet, laquelle ils mont gardée si longtemps quelle ne me fut randue qu'hier. A ma premiere audiance ie ne manqueray pas den reparler et dy faire tous mes efforts, mais ie ne croy pas de pouvoir rien obtenir, car le Roy de Suede porte si impatiemment quon luy parle de ce que regarde la religion, quil me dist unilour quil mavoit donné audience, luy parlant de l'affaire des jesuites de Mayence, que ce nestoient pas la des affaires dont un ambassadeur put parler avec bienséance, et cestoient des choses qui regardoient ses sujets et quil ne se mesloit point du tractement que ceux du Roy recevoient de luy, et quil me prioit de ne luy en parler plus. A quoy je respondis que sil ne minterdisoit de luy parler absolument de toutes choses, que ie ne pouvois pas mempescher de luy parler de celle la, puisque le Roy mon maistre m'en envoioit ordre expres, et que cestoient bien les veritables matieres dont les ambassadeurs devoient traiter puisquil ny en a point au monde de ci considerables que celles qui regardent la religion, et les choses portees dans les traites sont celles que les ambassadeurs doivent negocier principalement puisque tout ce qui s'execute soit en paix soit en guerre, doit estre sur le pied des traitez que l'on fait.

²⁾ Il seroit bon que votre Roy voulust oster les Erreurs de Vre Relligion.

тите сказать мнѣ, что образъ жизни, какой ведутъ всѣ эти епископы здѣсь и въ другихъ католическихъ государствахъ, не есть заблужденіе и грѣхъ? А развѣ не заблужденіе, не идолопоклонство оказывать Вашему папѣ столь великія почести? Онъ ни болѣе какъ обыкновенный смертный, а часто стоитъ и ниже. И почему это онъ почитается первымъ изъ всѣхъ епископовъ ¹⁾?

Густавъ Адольфъ хотѣлъ предложить Брезе еще рядъ вопросовъ, но онъ просилъ незатруднять его ими, такъ какъ вести споры съ королемъ считаетъ для себя невозможнымъ. Король взялъ Брезе за руку, крѣпко пожалъ ее и съ улыбкою сказалъ: „не думайте же на самоѣ дѣлѣ, что я такой врагъ Вашего папы, какимъ себя выказываю“. Разсвѣдлившись онъ прибавилъ: „безъ меня онъ былъ бы ни болѣе, чѣмъ капелланъ Испанцевъ“ ²⁾.

Brezé и въ концѣ переговоровъ своихъ съ Густавомъ Адольфомъ продолжалъ ходатайствовать о іезуитахъ; король—однако—не обращалъ на его старанія никакого вниманія и велѣлъ даже предать заключенію виперектора Майнцскихъ іезуитовъ. Брезе, между прочимъ, представилъ королю, что постоянно притѣсняемые шведами католики не могутъ собрать такой большой контрибуціи, какой онъ требуетъ отъ нихъ и предлагалъ королю рассмотреть цифры прихода Майнцской епископіи, чтобы убѣдиться, какая малая часть ихъ приходится на долю іезуитовъ; согласно съ ихъ доходами ихъ слѣдовало бы и таксировать. „Король не согласился на мое предложеніе—пишетъ Brezé,—какъ будто я предлагалъ ему самую несправедливую вещь въ мірѣ и сказалъ: если бы я зналъ, что Вы опять поведете со мной рѣчь о іезуитахъ, я бы Васъ не допустилъ до аудиенціи“ ³⁾.

¹⁾ Et me voules vous dire—me repliqua il que le fasson dont vivoient tous ces evesques dici et beaucoup dautres ailleurs ne soit pas une erreur? Et votre Pape me dist il, nest ce pas une Erreur que de luy rendre tant d'honneur et de respect; cela sent bien son idolatrie. „Mais dedist il ce nest quun homme comme les autres et bien souvent des moindres. Mais ie vous supplie pourquoy le faittes vous le premier euesque“?

²⁾ Et luy me reprenant la main quil mauoit quitée et me la serrant me dit en riant ne croies pas pour ce que ie vous ay dit que ie sois ennemi de vostre pape, et redoublant son rire continua, car sans moy il ne seroit que le Chapelain des Espagnols.

³⁾et ce apres avoir represente audit (Roy que le mauvais traitement que tous les Ecclesiastiques recevoient partout de ses armes, avoit faire fuir ceux de Mayence, et que les contributions quil tiroit de toutes les villes voisines, estoient cause que ces pauvres gens avoient de la peine et mesme de l'impossibilité a trouver de l'argent, quil n'y avoit personne dans toutes les maisons religieuses et quil me donnast du temps pour les rassembler, et faire que tous ensemble peussent donner des seuretez pour trouver de l'argent, que d'ail-

Онъ сталъ грозить сжечь Майнцъ. Brezé указалъ ему, что пожаръ Майнца и двадцати другихъ городовъ не прибавятъ въ его казну и рейхсталера. „Это для меня безразлично, сказалъ король,—я покрайней мѣрѣ отомщу имъ за себя. Когда гнѣвъ покинетъ Ваше Величество—отвѣчалъ посолъ,—Вы увидите, что такая месть была бы недостойною Вашей рыцарской натуры ¹⁾!

Въ концѣ февраля 1632 года Brezé вмѣстѣ съ другимъ посломъ Шарнассэ возобновили съ шведскимъ королемъ переговоры о нейтральности католическихъ князей Германіи, но встрѣтили такой отпоръ со стороны короля, что—какъ они доносили въ Парижъ—дальнѣйшія ²⁾ требованія легко могли бы повести къ объявленію войны Франціи. Первые вопросы Густава, съ войною или миромъ они явились отъ французскаго короля и не выступили-ли противъ него уже французскія войска ³⁾—такъ удивили пословъ, что они въ первую минуту не нашлись, что отвѣчать ему; они принялись говорить о расположеніи къ королю ихъ монарха и перечислять всѣ заслуги его передъ Швеціей; такъ желая отвлечь вниманіе Испаніи отъ шведскаго короля, Людовикъ XIII выставилъ свои войска на границѣ Люксембурга; постоянно старался разъединить императора и католическую лигу, поднималъ противъ Испаніи

leurs il leur en ostait le moyen ayant fait prendre tous les grains et vins et autres commodites, qui estoient chez eux, et que pour ce qui estoit des jesuites ny ayant personne dans les autres couvents, je luy offrois de luy faire veoir lestat du reueu entier de tout le clergé de Mayence, il qua proportion de celui que les jesuites y avoient, il les taxast luy mesme et quil estoient prêts de payer ce quil me reffusa comme si je luy eusse proposé la chose du monde la plus injuste, en me disant que sil eust creu que je ne luy eusse d'entreparder dautre chose, il ne m'eust accorde l'audiance.

¹⁾ „.....et se mettant a jurer me dit quil mettroit le feu aux 4 coins et au milieu de Mayence, sur quoy luy représentant d'un ton de voix respectueux que quand il auroit brusle 20 villes, comme celle la, il ne luy en viendrait pas une richsdalle et qu'au contraire, il en seroit blasmé tout autant de temps que lon parleroit de ces lieux la, a quoy il me respondit quil ne s'en soucioit pas pourveu quil se vangeast, a quoy je luy respondis, que quand il ne seroit plus en colere il verroit bien que cette vengeance la estoit bien basse pour un courage releve comme le sien.—„En un mot cela vous peut faire cognoistre quels sont les mouvements de son esprit et pour moy je croy que si on veut sauver la Religion en ce pays par negotiation quil fault la faire ailleurs, car vous pouvez bien preparer qu'on n'en scauroit faire icy selon les bonnes intentions du Roy“—такъ заключаетъ посолъ свое письмо отъ 20 февраля.

²⁾ Depuis mon dit sieur de Charnace et moy auons eu audience a la bord de la quelle nous trouvasmes le Roy de Suede si aigre que si nous eussions voulu rompre et luy declarer la guerre, nous l'eussions fait avec autant de facilité que je croy que nous aurons d'impossibilité de conclure la Neutralité.

³⁾ Dabord il demanda a M. de Charnace si le Roy avoit eu agreable les articles de la Neutralité et si il luy apportoit la paix ou la guerre et si les troupes du Roy s'advancoient contre luy.

Голландцевъ, чтобы лишить Испанію возможности помочь императору.—Король нѣсколько успокоился. Когда зашла рѣчь о курфюрстахъ, онъ назвалъ ихъ плутами и измѣнниками ¹⁾, съ которыми не желаетъ имѣть никакого дѣла; если къ нему явятся депутаты отъ нихъ, онъ велитъ ихъ повѣсить. Относительно нейтральности король сказалъ, что остается при прежнихъ условіяхъ своихъ; послы хорошо сдѣлаютъ, если примутъ ихъ, такъ какъ всякое замедленіе поведетъ за собою измѣненіе этихъ условій. Обратившись къ Шарнассъ, Густавъ Адольфъ спросилъ, что будетъ дѣлать Франція, если договоръ о нейтралитетѣ католическихъ державъ вовсе не состоится, чего ему ждать отъ нея ²⁾? Французскій король, сказалъ Густавъ, обмануть герцогомъ Баварскимъ, который ни чуть не думаетъ о нейтралитетѣ, а старается только выиграть время, чтобы снова сойтись ближе съ императоромъ. Франція должна бы теперь также объявить войну императору, такъ какъ болѣе удобнаго случая не представится и черезъ 400 лѣтъ ³⁾. Послы отвѣчали, что дѣйствія короля и кардинала будутъ зависѣть отъ результата переговоровъ съ королевемъ о нейтральности католическихъ князей. Шарнассъ, по увѣренію Brezé, съ такимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ повелъ рѣчь о религіи, что тронулъ бы всякаго, только не шведскаго короля. Густавъ Адольфъ прервалъ рѣчь посла и просилъ болѣе не говорить объ этихъ негодяхъ католикахъ, если желаютъ продолжать переговоры съ нимъ потому что ему тяжело слушать такіе доводы въ пользу католиковъ ⁴⁾.

Переимѣнивши разговоръ, Густавъ снова замѣтилъ, что французскій король долженъ былъ бы объявить и со своей стороны открытую войну императору; о возможности мирнаго разрѣшенія политическихъ дѣлъ Европы король не допускалъ и рѣчи, такъ какъ оно сопряжено съ большими потерями для всѣхъ участниковъ войны. Густавъ Адольфъ находился подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія: онъ то грозилъ вовсе

¹⁾ „Coquines et traitres“; s'ils venoient il les feroit pendre.

²⁾ A quoy le Roy de Suede respondit que cela (переговоры о нейтр.) estoit inutile n'estant besoin que de ratifications et non de contestations, luy estant bien loin d'en rabattre quelque chose, que sil estoit a donner les conditions, il les proposeroit bien autres, et que s'ils attendoient encore un peu, ils n'en seroient pas quittes a si bon marche. Puis se retournant vers M-r de Charnace luy demanda avec cholere ce que feroit le Roy en cas que le traitté neust point lieu et ce quil en debuioit attendre.

³⁾Apres cela il vint a nous parler des affaires presentes et si le Roy et M. le Cardinal ne se vouloient pas servir de l'occasion qui ne se retrouvera pas en 400 ans et peut estre jamais.

⁴⁾ Sur quoy luy representant ce a quoy les conventions du traitté l'obligeoient et moy luy aliguant mot a mot la close dudit traitté il me respondit quil estoit bien pesant a un Prince d'ouir semblables allegations.

покинуть Германію и вернуться въ Швецію, то говорилъ о неумѣстности княжескаго конвента въ Нюрнбергѣ, о томъ, что до императора ему нѣтъ никакого дѣла, что съ нимъ ему трактовать не о чемъ, то вдругъ разсмѣявшись спрашивалъ: а что бы сказали во Франціи, если бы я принялъ титулъ «Franciae rex» ¹⁾. Въ заключеніи этой аудіенціи король говорилъ съ послами о планѣ своихъ будущихъ дѣйствій, прежде всего онъ находилъ необходимымъ занять Гейдельбергъ, затѣмъ возстановить курфюрста пфальцскаго въ его владѣніяхъ, а тамъ уже возможно будетъ выступить и противъ императора. Въ Майнцѣ Густавъ Адольфъ занялся укрѣпленіемъ стѣнъ и построилъ мостъ черезъ Рейнъ; онъ соорудилъ также у города цитадель въ томъ мѣстѣ, гдѣ раньше находилось католическое аббатство, которое онъ велѣлъ уничтожить. Всѣ были удивлены этими шѣрами короля, и каждый по своему объяснялъ ихъ ²⁾. Число недовольныхъ королемъ все возрастало, всѣми овладѣлъ страхъ. Французскіе послы доносили въ Парижъ, что такъ дѣла не могутъ продолжаться, и нѣмцы ухватились бы за всякій исходъ изъ своего настоящаго положенія ³⁾. Король недостойно третировалъ каждаго, кто обращался къ нему съ предложеніемъ мира. Такъ принца Дармштатскаго, своего родственника, онъ поднялъ на смѣхъ, когда тотъ отъ имени императора обратился къ нему съ мирными предложеніями ⁴⁾ Густавъ Адольфъ присваивалъ себѣ титулъ принца и шефа Германскихъ протестантовъ, который ему далеко не всѣ склонны были давать ⁵⁾.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 20 февр. Brezé говоритъ, что Густавъ-Адольфъ называлъ себя „Protecteur perpetuel du bas Palatinat“.

²⁾ Toutte l'Allemagne est extremement estonnee de cette fortification et en chacun en fait de terribles conjectures.

³⁾ Les mescontentemens sont universels aussy bien que la terreur et je ne crois pas que cela puisse longtemps subsister en un mesme estat, si les Allemans avoient une refuite ils la prendroient volontiers..... Saxe et Brandenbourg font esclatter leur mescontentement, le duc de Mekelbourg n'en fait pas moins, le Palatin et l'Ambassadeur d'Angleterre ne sont pas plus contents que les autres, leur traité n'est pas plus avance que le premier jour et Suede s'en mocque.

⁴⁾ Le Prince Darmstat son gendre qui luy avoit porté quelques propositions de paix de la part de l'Empereur, il fut lautre jour traicté par le Roy de Suede en ridicule, l'appelant tout haut son pacificateur et apres quelques autres discours de raillerie.

⁵⁾ Gustave Adolphe ne pretendoit point traiter comme Roy de Suede, mais seulement comme Euesque de Mayence ou Prince et chef des Protestans d'Allemagne, que sont des qualitez que je ne crois pas que l'Empereur luy veille accorder ny les Princes d'Allemagne non plus.... Or cecy Monsieur je le scay du Prince Darmestat qui ma dict sur les assureances que je lui donnai que le Roy ne desiroit rien plus que la paix d'Allemagne, il n'est pas trop fin et eusse bien apres davantage de luy sil en eust sceu.

20 апрѣля французскій резидентъ въ Мюнхенѣ M. de St. Estienne явился къ Густаву Адольфу въ лагерь передъ Ингольштадтомъ, чтобы возобновить съ нимъ переговоры о примиреніи его съ Баваріей ¹⁾. Въ присутствіи короля Богемскаго, герцога Голштинскаго и др. высокопоставленныхъ лицъ St. Estienne передалъ королю порученіе своего правительства. Король холодно высказалъ свою увѣренность въ томъ, что герцогъ Баварскій не имѣетъ никакого желанія войти съ нимъ въ соглашеніе, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя его перехваченныя письма къ императору и обратно; въ нихъ императоръ обѣщалъ доставить герцогу черезъ три дня 50,000 человекъ подъ начальствомъ Валленштейна. Впрочемъ, прибавилъ король, это извѣстіе только радуетъ меня, потому что этимъ маневромъ страна герцога Баварскаго будетъ въ конецъ раззорена ²⁾.

St. Estienne говорилъ, что его правительство ничего такъ не желало, какъ нейтралитета для католическихъ князей Германіи. Густавъ Адольфъ указалъ ему на нападеніе Баварцевъ на Шведскую армію при Бамбергѣ. Резидентъ сталъ приводить въ оправданіе Максимилиана, что все это случилось безъ его вѣдома и что Тилли отъ него непосредственно не получалъ никакого приказанія атаковать Шведовъ, а поступилъ по настоятельнымъ просьбамъ одного жителя Бамберга. Король замѣтилъ, что въ этомъ слишкомъ явно кроется обманъ, и что если Тилли дѣйствовалъ помимо воли герцога, то его слѣдовало за самовольство наказать. Когда резидентъ снова сталъ восхвалять герцога и пересчитывать всѣ его хорошія качества и при этомъ замѣтилъ, что герцогъ всегда говоритъ о королѣ съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ, Густавъ Адольфъ прервалъ его и сказалъ: и я бы могъ пересчитать множество прекрасныхъ качествъ вши, этого полезнѣйшаго насѣкомаго, постоянного и вѣрнаго человѣку, у котораго она высасываетъ дурную кровь; но, сказалъ король, я слишкомъ хорошо знаю герцога Баварскаго и его подлыхъ поповъ, которые обманываютъ его и сами извѣстны своимъ легкомысліемъ и вѣроломствомъ. Герцогъ носить на себѣ двойную маску и показываетъ то синюю сторону ея, то красную, съ крестомъ Бургундіи, а иногда сразу оба цвѣта, но на этотъ разъ все его искусство бесполезно и меня онъ не обманетъ. Резидентъ сталъ довольно безцеремонно опро-

¹⁾ Discours de ce qui fust passe entre le Roy de Suede et Mr. de St. Estienne le 20 Aur. 1632 a Munich. Envoié par le Sr. de Mazan avec sa despesche du 24 May 1632.

²⁾de quoy le dit Roy estoit bien content, mesmes qu'il en estoit bien aise, veu que par ce moyen la Duché de Baviere seroit tant plus tost ruinee, et que son armee n'en recevroit nul desastre.

вергать короля, и тогда Густавъ Адольфъ прямо велѣлъ ему замолчать: я прощаю Вамъ Ваше невѣжество, сказалъ онъ, но Вы слишкомъ злоупотребляете свободой французовъ выражаться: я не привыкъ къ такому легкомыслию французовъ ¹⁾). Резидентъ просилъ извинить его и сказалъ, что имѣетъ сообщить ему одно предложеніе своего короля. Густавъ отвѣтилъ ему, что какъ скоро герцогъ Баварскій распуститъ свою армію и положить оружіе, онъ предпшетъ ему свои условія. Король видѣлъ, что цѣль резидента обмануть его и выиграть время, что онъ прямо и заявилъ ему, прибавивши: не найдетъ прощенія у Бога грѣшникъ, который безъ разскаанія будетъ молить его о прощеніи. Герцогъ Баварскій, подобно такому грѣшнику, ищетъ мира съ нами съ оружіемъ въ рукахъ ²⁾). „Если герцогъ Баварскій, сказалъ король, распуститъ свою армію и не передастъ ее императору и если онъ лично поклянется въ продолженіи трехъ лѣтъ не воевать съ нимъ, тогда король, какъ истинный рыцарь, обѣщаетъ не причинять никакого вреда ни герцогу, ни его подданнымъ. Если ему это неугодно, то пусть дастъ королю свободный проходъ черезъ Ингольштадтъ и пусть дастъ ему удостовѣреніе, что ни въ какой формѣ не будетъ помогать его врагамъ, что возвратитъ друзьямъ и союзникамъ короля все, что у нихъ захвачено и—наконецъ—что распуститъ все свое войско, оставивъ въ странѣ самое незначительное количество. Резидентъ отвѣчалъ королю, что герцогъ, какъ генераль императорской и лигистской арміи, не можетъ этого сдѣлать; короля это заявленіе не убѣдило, и онъ просилъ передать Максимилиану, что если черезъ день, т.е. къ 21 августу, онъ не приметъ его предложеній, то шведы произведутъ такой разгромъ въ Баваріи, что герцогъ увидитъ, что имѣетъ дѣло съ врагомъ: ничему не будетъ пощады, все будетъ предано огню и грабежу. Объ этомъ герцогъ можетъ дать знать французскому королю чрезъ Шарнасса, недавно бывшаго у него; но если и французскій король будетъ противъ него,

¹⁾ Comme le Resident voulut repartir et refuter ce que le Roy avoit dit, se faisant trop familier avec Sa Majeste, le Roy luy commanda de se taire, et dit je pardonne a vostre ignorance: vous abusez par trop de la liberte françoise en parlant et scaurez quil y a meilleure correspondance entre moy et vostre Roy, que vous ne pensez..... il vous convient de parler a moy avec plus grand respect, et vous souvenir, a qui et en quel lieu vous parlez: ie ne suis accoustumé de ceste legerete francoise.

²⁾le Roy donna ceste response, quil voyoit bien que le Resident estoit venu pour le tromper et chercher delay jusqu'à ce que son ennemy se fut renforcé: que luy mesme devoit penser, que si un povre pecheur se presenteroit devant la Maté divine la requerant avec despit et bravade de luy pardonner ses pechez, sans avoir au prealable fait penitence, il n'obtiendrait rien. Ainsi le Duc de Baviere vouloit maintenant faire accord avec luy, l'espee a la main.

онъ прибѣгнетъ къ союзу съ турками, которыхъ любить больше, чѣмъ папистовъ съ ихъ идолопоклонствомъ. Онъ твердо увѣренъ, что Все-вышній не оставитъ его, какъ это было и въ битвѣ подъ Лейпцигомъ ¹⁾).

Недовольство французскаго правительства поведеніемъ шведскаго короля все усиливалось; субсидіи, которыя Людовикъ XIII обязывался доставлять ежегодно Густаву, уплачивались не аккуратно, а къ осени 1632 года и вовсе прекратились. Спустя мѣсяцъ послѣ безплодныхъ переговоровъ St. Estienne съ королемъ, Ришелье обратился къ Густаву Адольфу съ вопросомъ, до какихъ поръ онъ будетъ продолжать свои завоеванія и когда онъ остановится. Густавъ лаконически отвѣчалъ ему: когда того потребуютъ мои интересы. На угрозу Ришелье выставить противъ короля французскую армію, Густавъ Адольфъ отвѣчалъ: „пусть французскій король не даетъ себѣ такого труда, а самъ явлюсь къ нему въ Парижъ во главѣ 100,000 арміи, и мы скоро сведемъ съ нимъ наши счеты“. Люденская битва предупредила открытую вражду Франціи и Швеціи.

¹⁾ Car il seavoit que le Tout puissant qui estoit par dessus luy, l'assistoit suivant sa promesse, comme il l'auoit experimenté devant Lipsic, ou il avoit eu sa revanche, et estimoit, que le soufflet quil avoit alors baillé a lempereur valoit bien le Castor, le quel il luy avoit enleve en Prussie.

Маколей, какъ историкъ ¹⁾.

П. Д. Погодина.

Ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появились произведенія Маколей, и самъ онъ сошелъ въ могилу, а блестящее впечатлѣнiе, произведенное обаятельнымъ авторомъ, продолжаетъ оставаться въ прежней, если не большей силѣ; кругъ его поклонниковъ растетъ съ каждымъ годомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и число его критиковъ. Въ ихъ глазахъ Маколей былъ раньше побѣдителемъ ²⁾; теперь же онъ превратился въ обвиняемаго, которому ставятъ въ упрекъ недодѣланное, а о сдѣланномъ умалчиваютъ.

Философы обвиняютъ его въ недостаткѣ глубокомыслия и въ отсутствіи философскаго образованія (Люисъ). Литераторы упрекаютъ его въ излишней любви къ реторикѣ, пристрастіи къ антитезамъ, однообразномъ построеніи фразъ. Историки порицаютъ въ немъ превратное изображеніе прошлаго съ моральной и партійной окраской,

¹⁾ Основаніемъ этого очерка послужили главнымъ образомъ сочиненія самаго Маколей (Tauch. Ed.): „The History of England“ 10 т., „Critical and Historical Essays“ 5 т., „Speeches“ 2 т., „Biographical essays“ 1 т., „Lays of ancient Rome“ vol. „William Pitt, Atterbury“ и его біографія „The life and letters of lord Macaulay“ by his nephew George Otto Trevelyan. 4 т. (Tauch. Ed.). Пособія: рецензія Крокера на исторію Маколей (Quarterly Review, 84 т., стр. 549—630, 1849 г.). A. French Critic on Milton. Quar. Rev., т. 143 стр. 186—191, 1877 г. Статья Гладстона по поводу біографіи лорда Маколей, ib. за 1876 г. т. 142, ст. 1—50. John Wilson Croker, 1876 г., т. 142, стр. 83—126 ibid. L. Macaulay. The Westminster Review т., 50 стр. 1—28, 1876 г. Вызвискій. Лордъ Маколей, его жизнь и сочиненія. Сиб., 1860. Taine. Hist. de la littér. angl. т. V. Léon Boucher. Lord Macaulay, sa vie et sa-personne d'après une publication récente (Rev. d. deux Mond. 16 т. 1876. 51—76). Delbrück рец. на біографію л. Маколей (Sybel's Hist. Zeitschr. 1877, 386. 347—358).

²⁾ Въ особенно хвалебномъ тонѣ писалъ объ немъ Вызвискій, выдающій въ немъ одни достоинства.

неумѣніе возвыситься отъ внѣшности событій до пониманія ихъ законовъ, ихъ внутреннихъ причинъ; въ громадномъ успѣхѣ, какой выпалъ на долю Бокля, они видятъ осужденіе Маколея, какъ историка, воспитавшаго читателей на описаніи прошлаго, а не на его объясненіи. Вопреки всему этому Маколей продолжаетъ оставаться любимцемъ публики; каждое его слово, каждый взглядъ, манера писать, историческій методъ приобрѣтають особое значеніе; они могущественно дѣйствуютъ на состояніе историческаго образованія въ обществѣ, на характеръ его историческихъ идеаловъ, потому что „произведенія несравненнаго историка“, какъ говоритъ Ранке, „распространены не только по всей Европѣ, но даже по всему свѣту“. Наряду съ Библіей и Шекспиромъ „Исторію Англіи“ можно найти повсюду у простыхъ колонистовъ въ Австраліи. Въ Германіи появилось одновременно шесть соперничающихъ переводовъ лорда Маколея; его сочиненія изданы на языкахъ польскомъ, датскомъ, шведскомъ, итальянскомъ, французскомъ, голландскомъ, испанскомъ, венгерскомъ, русскомъ, чешскомъ и даже персидскомъ (Trevelyan. The life of Macaulay. IV, 176). Только одинъ издатель въ Америкѣ распродалъ свыше 120.000 „Критическихъ и историческихъ опытовъ“. Въ количествѣ 130.000 разошлись они отдѣльными оттисками въ серіи, носящей названіе „Библіотека Путешественника“. Въ Англіи одинъ Лонгмэнъ до 1876 года въ теченіе 33 лѣтъ распродалъ свыше 135.000 полныхъ собраній сочиненій Маколея. Спросъ на нихъ на родной почвѣ, говоритъ Trevelyan, такъ великъ, такъ постояненъ, что онъ явственно повышается и понижается соразмѣрно общему состоянію народнаго благосостоянія (Tr. III, 149).

Какія же особенности снискали Маколею такой обширный кругъ читателей и сдѣлали его популярнѣйшимъ историкомъ изъ когда-либо писавшихъ? Отвѣтъ на это нужно искать въ его индивидуальныхъ особенностяхъ, какъ автора и человѣка, поскольку онѣ отразились въ его сочиненіяхъ, гдѣ онъ прямо о себѣ, впрочемъ, избѣгаетъ говорить, а главнымъ образомъ въ его письмахъ и въ дневникѣ, откуда его біографъ дѣлаетъ обширныя выписки. Между тѣмъ работа Trevelyan'a въ русскомъ языкѣ прошла безслѣдно; изъ нея не извлечены тѣ свѣдѣнія, которыя можно было почерпнуть для объясненій Маколемъ, какъ историка; Вышинскій писалъ по этому вопросу раньше. Если для направленія, принимаемаго ученымъ, какова бы ни была избранная имъ область, имѣютъ большое значеніе его индивидуальные особенности и его умственный обликъ, то по преимуществу въ историкѣ важно его отношеніе къ современности, ибо въ немъ коренятся его взгляды на прошлое. Въ біографіи, написанной, Trevelyan'омъ, Маколей предстаетъ предъ нами, какъ живой человѣкъ. Мы узнаемъ, что внушала

ему семья въ дѣтскіе годы, чему онъ научился въ школѣ, въ университетѣ, какія мысли почерпнулъ онъ изъ книгъ и что было ему навѣяно общеніемъ съ друзьями. Образование и развитіе его благороднаго характера совершается передъ нашими глазами; мы присутствуемъ при зарожденіи всѣхъ его литературныхъ особенностей и пристрастій; мы видимъ, какъ однѣ изъ нихъ измѣняются, другія исчезаютъ, третьи остаются постоянно ему свойственны въ продолженіе всей жизни. Одна изъ самыхъ любопытныхъ задачъ психологіи слѣдить, какъ за авторомъ стоитъ человѣкъ и какъ перѣдко совершенно внѣшнія обстоятельства въ жизни человѣка оказываютъ продолжительное вліяніе на всю его литературную дѣятельность.

Маколей прожилъ счастливо свой вѣкъ; онъ переходилъ отъ успѣха къ успѣху; постигавшія его неудачи были такъ рѣдки или такъ ничтожны, что ему самому приходилось про себя говорить: „счастливъ человѣкъ, который можетъ огорчаться такими пустяками“. Съ ранняго возраста, находясь подъ благотворнымъ нравственнымъ вліяніемъ своего отца Захарія, друга извѣстнаго Вильберфорса и такого же горячаго поборника освобожденія негровъ, обязанный первыми шагами на пути умственнаго развитія такой выдающейся женщиной, какъ Анна Моръ, Маколей былъ поставленъ въ самые счастливыя условія для образованія своего нравственнаго характера. Его выдающіяся умственные дарованія были воспитаны на основательномъ и широко изученіи классиковъ, дававшихъ полное удовлетвореніе его любви къ изяществу и къ обработанности формы, и скоро обратили на него всеобщее вниманіе. На 25 году жизни Маколей сдѣлался литературной знаменитостію; его опытъ о Мильтонѣ, юношеское произведеніе, сильнѣе другихъ окрашенное риторизмомъ, снискалъ ему извѣстность. Его другіе опыты оживили Единбургское Обзорѣніе, въ которомъ, несмотря на внѣшнее процвѣтаніе, уже сказывались признаки упадка. Его рѣчи въ пользу билля о парламентской реформѣ утвердили за нимъ на 31 году жизни славу, если не перваго оратора въ палатѣ общинъ, то перваго стилиста и реторика. Этотъ успѣхъ облегчилъ ему перенесеніе матеріальныхъ невзгодъ, постигшихъ его семью, которую онъ горячо любилъ и которой усердно помогалъ своими трудами. Впрочемъ, лишенія, переносимыя имъ, продолжались не долго, какъ разъ настолько, чтобы сообщить его характеру мужественность и развитъ въ немъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ—состраданіе къ нуждающимся и отзывчивость къ чужому горю. Въ 1835 году онъ получилъ выгодное мѣсто въ Индіи. Четыре года, проведенные тамъ, пошли на составленіе кодекса, борьбу съ злоупотребленіями и дальнѣйшее самообразование исключительно на образцахъ древнихъ. Его знаніе греческихъ и римскихъ писателей

не только эпохи процвѣтанія, но и упадка, важныхъ и второстепенныхъ, языческихъ и христіанскихъ, поражаетъ своею глубиною и основательностію. Чтеніе было его страстію, онъ самъ называетъ себя книжнымъ червемъ; читалъ онъ много и удивительно быстро; но ни одни писатели не имѣли для него такой притягательной силы, какъ греки. „Всякій разъ, говоритъ онъ, какъ я къ нимъ возвращаюсь, я чувствую, что не зналъ раньше, что такое умственное удовольствіе. О дивный народъ! нѣтъ искусства, нѣтъ знанія, про которое нельзя было бы сказать словами Лукреція *primus Graius homo* (Tr. II, 217). Всѣ побѣды истины и генія надъ предразсудкомъ и насиліемъ, во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка были побѣдами Аѳинъ. Ихъ могущество обнаруживается и въ судѣ, и въ народномъ собраніи, и на полѣ битвы, и въ философскихъ школахъ; но не тутъ ихъ слава. Тамъ, гдѣ литература утѣшаетъ горе и облегчаетъ страданія; тамъ, гдѣ она возвращаетъ веселіе глазамъ, истомленнымъ мукой, гдѣ отираетъ слезы и умѣряетъ страхъ предъ вѣчною смертію; тамъ въ благороднѣйшей формѣ обнаруживается безсмертное вліяніе Аѳинъ“ (On Mitfords History, of Greece. Misc. writ. ed. 1871, p. 101). И въ новой литературѣ Макколея предпочиталъ давнее современному. Таланты, выдающіяся способности, даже геній писателей XIX вѣка оставляли его холоднымъ, хотя онъ ихъ и признавалъ. Онъ зналъ, что Байронъ несравнененъ въ описаніяхъ и выраженіяхъ чувствъ, хотя не имѣетъ драматическаго дара (Es. I, 341, 342, 347), что имя его умретъ только вмѣстѣ съ англійскою литературою; онъ отдавалъ должное воображенію, богатству и мюзикальности Кольриджа и Шелли (Es. I, 325); онъ цѣнилъ заслуги Вальтеръ-Скотта; онъ даже въ нелюбимомъ Вордсвортѣ видѣлъ достоинства въ пониманіи внѣшней красоты (Tr. II, 215. Es. I, 337); но все это дѣйствовало на него меньше, чѣмъ старинныя произведенія Драйдена, Поппа, Свифта, Адиссона, Джонсона, Бѳніана, Ричардсона. Любая изъ шотландскихъ балладъ, которыхъ онъ былъ знаткомъ и любителемъ, служила для него источникомъ большаго удовольствія, чѣмъ самая совершенная изъ новѣйшихъ поэмъ.

Привычка заниматься наукой и литературою вкоренилась у Макколея такъ глубоко, она такъ полно удовлетворяла всѣмъ его наклонностямъ, давая пищу его воображенію, услаждая изыщество вкуса и освѣжая его умъ постояннымъ притокомъ новыхъ идей, что, вернувшись въ Англію, онъ уже не сталъ съ прежнимъ рвеніемъ заниматься политикой. Онъ всецѣло погрузился въ изученіе лѣтописей прошлыхъ временъ, находя, „что онъ однѣ въ состояніи предохранить людей отъ умственной узости, которую они съ трудомъ могутъ избѣжать, находясь въ общеніи съ однимъ поколѣніемъ и съ одной окружающей

средой, дѣлая выводы на основаніи недостаточнаго матеріала и потому постоянно перепутывая исключенія и правила, случайное и существенное“ (Ес. I, 398). Своимъ парламентскимъ мѣстомъ, министерствомъ онъ мало дорожилъ и для нихъ ничѣмъ жертвовать не хотѣлъ. Всю его политическую дѣятельность отличаетъ духъ благородной независимости, которую онъ умѣлъ проявлять въ отстаиваніи своихъ убѣжденій и отъ враговъ, и отъ друзей. Даже въ ту пору, когда онъ находился въ наиболѣе стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, онъ не колебался рисковать своимъ мѣстомъ въ случаѣ разногласія съ своими друзьями, стоящими у власти. Онъ не шелъ на уступки, онъ не заискивалъ у тѣхъ, кто можетъ давать и отнимать. Этимъ объясняется то пораженіе, какое онъ потерпѣлъ на выборѣ въ Единбургѣ въ 1847 году, отчего вся его партія и за ней Англія пришла въ справедливое негодованіе, ибо среди его единомышленниковъ не было человѣка, который бы такъ безкорыстно служилъ и такъ много оказалъ услугъ дѣлу свободы; ему принадлежитъ видное участіе въ дѣлѣ парламентской реформы (Sp. I, 1—112); онъ боролся за то, чтобы работа дѣтей на фабрикахъ не превышала 10 часовъ (Sp. II, 196); онъ говорилъ за уступки Ирландіи (Sp. II, 155); онъ содѣйствовалъ развитію и правильной постановкѣ образованія въ Индіи; онъ одинъ отстоялъ уничтоженіе судебныхъ преимуществъ, принадлежавшихъ тамъ англичанамъ въ сравненіи съ туземцами, (Тг. II, 175, 59, 181) и достигъ того, чтобы было уничтожено явное рабство (Тг. II, 244). Вообще Маколей былъ вигомъ по убѣжденіямъ, хотя его семейныя традиціи были иными. Въ ранней молодости, когда еще онъ былъ студентомъ Кембриджскаго университета, онъ встрѣтился съ однимъ молодымъ чело-вѣкомъ, который въ литературѣ не оставилъ имени только потому, что ео не занимался, но который, благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, сильной логикѣ и отиѣнному образованію, оказывалъ подавляющее вліяніе на всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался. Этого не избѣгъ и подружившійся съ нимъ Маколей (Тг. I, 92). Разъ принявши новыя убѣжденія, какъ государственный чело-вѣкъ и какъ историкъ, Маколей проводилъ ихъ въ жизни смѣло и рѣшительно, не пугаясь тѣхъ послѣдствій, какія они могли за собою повлечь. Онъ думалъ, что „единственное лѣкарство противъ несчастій, злоупотребленій недавно прибрѣтенной свободы, есть свобода, такъ какъ противоположныя мнѣнія взаимно исправляютъ другъ друга. Если людямъ ждать, говорилъ онъ, свободы до тѣхъ поръ, пока они не станутъ мудрыми и добрыми въ рабствѣ, имъ придется ждать вѣчно“. (Ес. I, 71). Онъ не видѣлъ въ монархіи и аристократіи цѣли государственнаго устройства, онъ считалъ ихъ только средствами. „Народы, говоритъ онъ, процвѣтали и безъ наслѣдственныхъ государей

или палатъ знатныхъ. Хотя мнѣ было бы чрезвычайно прискорбно видѣть Англію республикой, я не сомнѣваюсь, и республикой она можетъ пользоваться благосостояніемъ, спокойствіемъ и высокими значеніемъ. Страхъ и отвращеніе, питаемые мною къ всеобщей подачѣ голосовъ, уменьшились бы въ большей степени, еслибы я могъ думать, что худшія послѣдствія, которыя она можетъ произвести, выразятся въ замѣнѣ короля и палаты лордовъ избирательнымъ президентомъ и сенатомъ“ (Sp. I, 311). Въ 1840 г. онъ даже былъ увѣренъ, что палату лордовъ постигнетъ таже участь, что и Old Sagum и Гаттонъ. (Tr. III, 69). За противоудѣйствіемъ, которое она оказывала ирландскому церковному биллю, по его ожиданію, должно было послѣдовать столкновение крайнихъ взглядовъ; короткое время насильственный гнетъ, за нимъ реакція и съ ней гибель капитала, перства, церкви и трона. Этого достаточно, говоритъ онъ, для того, чтобы въ самомъ ревностномъ роялистѣ вызвать революціонныя мысли о томъ, въ какой зависимости находится общее спасеніе или общая гибель отъ одного человѣка, возведеннаго судьбой на такую высоту, куда навѣрное бы не подняли его добродѣтели и способности“ (Tr. II, 61). Такимъ образомъ, въ политикѣ взгляды Маколея были настолько же либеральны, насколько консервативны его литературные вкусы. Изъ взаимодѣйствія этихъ отчасти противоположныхъ, отчасти другъ друга порождающихъ теченій ¹⁾, образовался характеръ Маколея въ той области, которая была дороже всего въ его глазахъ.

Область эта была наука и литература. Не смотря на то, что онъ имѣлъ большой и заслуженный успѣхъ, какъ политическій дѣятель и какъ увлекательный ораторъ, не смотря на то, что повсюду въ обществѣ, гдѣ бы онъ ни появлялся, его принимали съ распростертыми объятіями, какъ знаменитость и какъ рѣдкаго по своей занимательности собесѣдника, его привлекала только одна извѣстность. „Что слава и могущество Цезаря и Александра въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ обладаетъ Гомеръ. Подумать только, чего стоитъ увѣренность, что обитатели Мономотапа будутъ плакать надъ чѣмъ-либо произведеніемъ въ 4551 г. отъ Р. X.“ (Tr. III, 250). Если ни одинъ родъ славы, кромѣ научно-литературной, не плѣнялъ Маколея, то ни одинъ родъ дѣятельности, кромѣ занятій научно-литературныхъ, не могъ дать ему полнаго удовлетворенія. Чтеніе, для нихъ необходимое, уже само по себѣ для него было источникомъ удовольствія, кабинетный трудъ, изрѣдка прерываемый бесѣдой съ друзьями за хорошимъ зав-

¹⁾ (Tr. I, 114). Объясняя отцу свою измѣну торійскимъ взглядамъ, Маколей ссылается на то вліяніе, которому онъ подвергся, читая Цицерона и Тацита.

тракомъ или объѣдомъ, исполнѣ отвѣчали его любви къ домашней обстановкѣ, въ тиши которой ему работалось такъ хорошо. Успѣхъ, постоянно сопровождавшій его труды, давалъ ему новыя силы къ продолженію начатаго пути, въ концѣ котораго стояла столь желанная ему слава. Ему не пришлось даже дѣлать особаго выбора въ научно-литературной области; выборъ намѣтился самъ собой. Естественныя науки оставляли его равнодушнымъ, математика возбуждала въ немъ отвращеніе, онъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человекомъ, когда приходилось выводить формулы или открывать логарифмическія таблицы (Тг. I, 105). Философія точно также мало его привлекала. Его уму было въ высшей степени чуждо созерцательное настроеніе. Его знакомство съ философами ограничивалось преимущественно древними, да и въ нихъ онъ больше цѣнилъ литературную форму, чѣмъ самое содержаніе. Въ Платонѣ его удивлялъ не ходъ разсужденій, въ которыхъ онъ тѣмъ болѣе разочаровывался, чѣмъ больше ихъ читалъ, а неподражаемость ироніи, которую онъ ставилъ выше Вольтеровской и даже Паскалевской (Тг. IV, 141). Вотъ что онъ говоритъ про Канта: „Сегодня я получилъ переводъ Канта. Я попытался прочесть его, но нашелъ въ высшей степени непонятнымъ, какъ будто бы онъ былъ написанъ по-санскритски. Ни одно его слово не пробудило во мнѣ и подобія мысли, кромѣ латинской цитаты изъ Персія. Мнѣ кажется, что истинную теорію метафизики можно было бы объяснить мнѣ словами, для меня понятными. Я могу понимать Локка, Беркли, Юма, Reid и Стиварта. Я могу понимать *academica* Цицерона и большую часть Платона. Мнѣ кажется страннымъ, что я не могу понять ни слова въ книгѣ объ основахъ метафизики“ (Тг. IV, 3).

Непониманіе Маколеемъ отвлеченныхъ теорій нѣмецкаго философа въ такой же мѣрѣ зависѣло отъ недостатка его образованія въ этой области, сколько отъ характера его умственныхъ способностей, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояли воображеніе и память, но то не было творческое воображеніе, отличающее поэта. Маколей не могъ черты, запавшія въ его душу изъ окружающей жизни, возводить самостоятельной духовной переработкой въ высокій художественный образъ, отражающій въ такой же степени дѣйствительность, какъ и личность своего творца. Не имѣя данныхъ, чтобы стать поэтомъ, Маколей обладалъ всѣми качествами, необходимыми для историка-художника. Ему было по преимуществу свойственно то воображеніе, которое по нѣсколькимъ чертамъ возстановляетъ полную картину прошлаго, дополняя ихъ, связуя и одухотворяя. „Задача историка, говоритъ онъ, не въ томъ, чтобы создавать новый міръ и населять его новыми существами. Цѣль историка — подражаніе не тому, что находится внутри его, а тому, что

внѣ. Историкъ изображаетъ не міръ внутренній, а внѣшній. Это не видѣнія красоты и величія, различаемыя только его собственными глазами, а постоянно существующіе образцы, которые не имѣютъ сдѣланы и не могутъ быть имѣ измѣнены. Но изображение не должно быть механическимъ. Торжество его искусства въ томъ, чтобы выбрать тѣ части, которыя производить впечатлѣніе цѣлаго, подчеркнуть характеристическія черты, положить свѣтъ и тѣнь такъ, чтобы эффектъ увеличивался⁴. (Ев. II, 282)¹). Искусству правильно писать исторію мѣшаегъ: какъ думаетъ Маколей, часто и охотно возвращающійся къ этой мысли (Hist. I, 3), превратное мнѣніе о какомъ то достоинствѣ, которомъ должны отличатся сочиненія въ этой области. „Историкъ не долженъ писать пустяковъ, онъ долженъ ограничиваться важнымъ, это совершенно вѣрно, говоритъ онъ, но многіе писатели, кажется, никогда не обращали должнаго вниманія на то, что имѣетъ историческую важность. Они, кажется, не замѣчаютъ, что значеніе факта, разсматриваемаго въ связи съ его ближайшими послѣдствіями, и значеніе того же факта, разсматриваемаго, какъ часть матеріала для построенія науки, двѣ совершенно различныя вещи. Количество добра и зла, произведеннаго извѣстнымъ событіемъ, отнюдь не стоитъ въ обязательной зависимости съ количествомъ свѣта, имѣ проливаемаго. Исходъ, напр., битвы при Деліонѣ былъ важнѣе для Аѳинянъ, чѣмъ судьба „Всадниковъ“ Аристофана. Для насъ значеніе перваго исчезло, между тѣмъ какъ знакомство со второй расширяетъ нашъ кругозоръ: общество представляется намъ подъ новымъ угломъ зрѣнія. Мы могли читать и много путешествовать. Мы можемъ посѣтить всѣ страны Европы и образованнѣйшихъ народовъ Востока. Мы можемъ наблюдать нравы нѣсколькихъ варварскихъ племенъ. Но тутъ нѣчто совершенно отличное отъ всего, что мы видѣли будь-то у образованныхъ народовъ или дикарей. Здѣсь община политически, умственно и нравственно непохожая на тѣ общины, о которыхъ понятіе мы можемъ составить. Это и есть истинно-драгоценная часть исторіи, зерно, которое, однако, нѣкоторые молотильщики тщательно отдѣляютъ отъ мякины, чтобы собрать мякину въ житницу, а зерно бросить въ огонь“. (Ев. III 163—165).

Никто, подобно Маколею, не обладалъ въ такой степени способностью выбирать эти характеристическія черты, потому что онъ жилъ въ прошломъ, онъ видѣлъ его какъ бы совершающимся передъ своими глазами, принималъ въ немъ участіе, совершенно какъ его современникъ.

⁴) Лучшіе портреты тѣ, въ которыхъ есть примѣсь каррикатуры, и я не увѣренъ, говоритъ Маколей, чтобы лучшими источниками не были тѣ, кто разумно пользуется преувеличеніемъ вымысловъ. (Ев. I, 109).

„Моей точностью въ фактахъ, говоритъ онъ, я обязанъ причинѣ, въ которой многіе не захотятъ признаться. Я обязанъ ей любви строить воздушные замки. Прошлое въ моемъ умѣ превращается въ романъ. Для людей въ моемъ родѣ маѳійская черта представляетъ большой интересъ и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ самыя замѣчательныя событія. Проводя столько времени въ одиночествѣ, мой умъ притупился бы отъ глазѣнія въ окна магазиновъ. А теперь, какъ только я на улицѣ, я переношусь въ Грецію, Римъ, въ эпоху французской революціи. Точность въ числахъ, день и часъ, когда кто нибудь родился, становятся для меня совершенно необходимыми. Незначительный фактъ, фраза, слово важны въ моемъ романѣ. Разговоры, которые я составляю для великихъ людей прошлаго, продолжительны и очень оживлены“ (Тг. I, 219).

„Въ каждой части громадныхъ кипъ индѣйскихъ дѣлъ, говоритъ Маколей про Барка,—что въ значительной степени можно примѣнить къ нему самому,—дѣлъ, отталкивающихъ всякаго иного читателя, его умъ, и политическій, и философскій находилъ себѣ поученіе и наслажденіе. Его анализъ разбиралъ и переваривалъ эту громадную и безобразную массу; его воображеніе одушевляло и раскрашивало ее; изъ мрака, тьмы, путаницы онъ образовывалъ множество остроумныхъ теорій и живыхъ картинъ. Онъ обладалъ въ высокой степени благородной способностію, посредствомъ которой человѣкъ способенъ жить въ прошломъ и будущемъ, отдаленномъ и несущемъ. Индія съ ея обитателями были для него, не такъ какъ для большинства англичанъ, простыми именами и отвлеченіемъ, но реальной страной и реальнымъ народомъ“ (Ев. IV, 316).

Здѣсь лежитъ источникъ силы Маколей и источникъ его слабости,—силы потому, что никто не можетъ съ нимъ сравниться въ яркости и увлекательности разсказа, гдѣ ключемъ бьетъ прошлая жизнь, слабости потому, что при такихъ условіяхъ невозможно было иное отношеніе къ прошлому, кромѣ въ высшей степени субъективнаго. Составляя свою исключительную цѣль въ вѣрной передачѣ исторической картины, сложившейся въ его воображеніи, Маколей не считалъ нужнымъ проверять и объяснять ея основу. Онъ самъ былъ по преимуществу наблюдателемъ: въ его умѣ было гораздо болѣе поверхностности, чѣмъ глубины. Его рѣдкая память, запечатлѣвая быстро, скоро и прочно цѣльные образы въ его мозгу, освобождала его отъ той кропотливой работы надъ источниками, отъ того утомительнаго сличенія множества различныхъ свидѣтельствъ объ одномъ и томъ же предметѣ, откуда только съ трудомъ и выясняется истина. Онъ не умѣлъ холодно и безпристрастно изслѣдовать причины и слѣдствія, ихъ относительный вѣсъ и взаимодѣйствіе. Его отталкивала утомительность критиче-

скихъ вопросовъ, которые по возможности онъ старался обходить. Внѣшняя связь событій представляется ему такъ ясно, что о внутренней и говорить много не приходится. Побужденія и свойства главныхъ историческихъ дѣятелей онъ видѣлъ такими, какими бы они могли показаться ихъ современнику, и такъ ихъ изображалъ. Въ этой области критика сдѣлала на Маколея всего больше удачныхъ нападеній. Ненавѣренно опорооченные имъ Импей, Варренъ Гастингсъ, даже Крокеръ оправданы передъ судомъ потомства, а главнѣйшіе его герои утратили большую часть своего блеска при безпристрастномъ изученіи другими изслѣдователями. Если Маколей что-нибудь исправлялъ въ своемъ сочиненіи, то никакъ не основу, а только внѣшность, форму; если онъ бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, то исключительно внѣшней, а не внутренней обработкой. А недоволенъ онъ бывалъ часто, ибо мѣтилъ, по собственному признанію, высоко; онъ стремился совершить нѣчто достопамятное; передъ его глазами носился 2000 и 3000 годъ, ни одной мысли, ни одного выраженія не приносилъ онъ въ жертву современной модѣ. Ему все казалось, что онъ недостаточно совершенно передалъ образъ, носившійся передъ его мысленнымъ взоромъ; ему все мнилось, что читателю не дано возможности такъ же живо чувствовать прошлое, такъ же ярко воображать его, жить въ немъ, какъ это дѣлалъ самъ авторъ.

Его сочиненія написаны такъ страстно, его картины такъ ярки, такъ цѣльны, свѣтъ и тѣнь наложены такъ явственно, что читателю ничего не нужно дѣлать; книга сама ложится въ его голову; она читается, выражаясь словами ея автора, съ тѣмъ малымъ умственнымъ трудомъ, который составляетъ истинное удовольствіе; изложеніе, въ которомъ нѣтъ равнаго Маколею, льется такъ плавно, такъ увлекательно, что читатель невольно отдаетъ себя его теченію, считая себя въ надежныхъ рукахъ. Какая разница съ другими хорошими историческими сочиненіями: тамъ кропотливая мозаика свѣдѣній, заимствованныхъ отовсюду, тамъ есть невольные пробѣлы, тамъ сухи и утомительны цѣлыя главы, тамъ приходится запоминать, мыслить, повѣрять, тогда какъ здѣсь, положились только на автора, и все готово.

Писать въ такомъ духѣ побуждали Маколея, кромѣ его умственныхъ особенностей, характеръ его образованія, носившаго исключительно классическій отпечатокъ. Историка выше Эукидида онъ не признавалъ; со всѣми другими еще могла быть надежда сравняться, съ нимъ никогда (Тг. IV, 4). Что было у него хорошо, то несравненно лучше всего того, что можно найти у другихъ (Тг. IV, 5). Его онъ зналъ чуть не наизусть и тѣмъ не менѣе перечитывалъ его, равно какъ и Геротода, для того, чтобы узнать насколько онъ ниже своихъ образцовъ (Тг. IV, 168. Тг. III, 281).

Даже Плутархъ удивительно какъ ему нравился. „Онъ не точенъ, говорить онъ, это вѣрно, и романтиченъ; но исторію онъ разсказываетъ очаровательно, а его описаніе и очерки характеровъ равны по достоинству лучшимъ образцамъ древняго краснорѣчія. До сихъ поръ я еще не оцѣнилъ его надлежащимъ образомъ“ (Тр. II, 226).

Между новѣйшими историками, которыхъ онъ плохо зналъ, по его мнѣнію, небыло ни одного, кто осуществилъ бы великій идеалъ, представляемый древними. Если свойства, отличавшія ихъ, передались кому-нибудь изъ позднѣйшихъ писателей, то никакъ не историкамъ ихъ профессіи, а мемуаристамъ въ родѣ герц. С. Симона. (Тр. IV, 38). Послѣ Фукидида и Геродота слѣдуетъ Ета Paolo, за нимъ Davila, „лучшій военный историкъ новыхъ временъ, разсказъ котораго о битвѣ при Иври достоинъ самого автора пелопонесской войны“ (Тр. II, 238).

Если на основаніи отмѣтокъ въ Маколеевъ дневникъ составить списокъ книгъ историковъ древнихъ и историковъ новыхъ, то отношеніе между ними будетъ замѣчательно. Насколько обширенъ, разностороненъ будетъ первый, настолько же ничтоженъ второй. Вольтеръ, Гиббонъ, Мармонтель, Сисмонди, Дарю, Ранке, отчасти Галламъ, Мавинтошъ, источники по новѣйшей исторіи Англіи, вотъ главное, что читалъ Маколей. Ни Монтескье, ни Тьерри, ни Токвиль, ни Карлейль, ни другія историческія звѣзды не могли оторвать Маколея отъ благоговѣйнаго созерцанія его излюбленныхъ свѣтилъ.

Нѣмцевъ онъ мало зналъ и не особенно цѣнилъ. Нѣмецкому языку онъ научился только на 39 году жизни (Трев., IV, 254) и потому его такъ забылъ, что пришлось возстановлять эти знанія (1858). „Прочитавши первыя книги Ливія, я перечелъ Нибура; мнѣ жаль сказать, что раньше я не безъ сомнѣнія относился къ его заслугамъ и что теперь я въ нихъ не вѣрю вовсе. Это не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ заслугъ. Его ученость громадна, его остроуміе велико. Но его умъ лишенъ способности отличать доказанную истину отъ шаткаго предположенія. Онъ не довольствуется тѣмъ, что допускаетъ возможность какого-нибудь событія, онъ увѣренъ, что оно случилось именно такъ, какъ онъ предполагаетъ. Ученость Нибура неизмѣримо выше моей, но я считаю себя такимъ же судьей очевидности, какъ и онъ. Даже болѣе: какую вѣру могу я имѣть къ его сужденію причинъ и слѣдствій во времена, мало намъ извѣстныя когда онъ пишетъ невозможный вздоръ относительно того, что происходитъ передъ нашими глазами“ (Тр. II, 223).

Тьера онъ не любилъ, и онъ ему не нравился. „Читалъ, пишетъ онъ, исторію австрійской кампаніи 1809 г. Тяжело“ (Тр. II, 88).

Не высокаго онъ былъ мнѣнія о своихъ соотечественникахъ. „У Юма, Робертсона, Гиббона есть заслуги, безъ сомнѣнія. Но это не то.

У меня болѣе вѣрное понятіе объ исторіи, чѣмъ у нихъ. Исполненіе— другое дѣло. Но я надѣюсь усовершенствоваться" (Тг. IV, 34). „Читалъ цѣлый день Бокля и кончилъ истомленный. Человѣкъ съ талантомъ и начитанный, но склонный къ парадоксамъ и непослѣдовательный. Онъ хочетъ строить теорію, не собравши матеріала" (Тг. IV, 257).

Классическіе идеалы, которыми былъ проникнутъ Маколей, могли внушить ему только внѣшнюю форму для изображенія прошлыхъ судебъ его родины; но самое содержаніе было до такой степени отлично отъ того, что писали Фукидидъ съ Геродотомъ, что сюда ихъ влияніе распространиться не могло: тутъ сказались самостоятельныя воззрѣнія Маколей, какъ они сложились изъ его врожденныхъ особенностей, литературныхъ вкусовъ, партійныхъ симпатій и національнаго характера. Воображеніе было главной чертой умственной организаціи знаменитаго историка; но рядомъ съ нимъ въ его головѣ отлично ужилась англійская практичность взглядовъ. Ему было совершенно непонятно, какъ можетъ писатель, желающій приносить пользу людямъ, заниматься устройствомъ будущихъ государствъ и забывать о существующихъ; для него звучала дико формула: *la science politique n'est pas la science de ce, qui est, mais de ce, qui doit être*. Онъ не хотѣлъ отрѣшиться отъ дѣйствительности для того, чтобы строить умозаключенія на отвлеченной почвѣ. Онъ не признавалъ справедливости для жизни ни одной апіорной мысли, разъ выводы изъ нея шли въ разрѣзъ съ опытомъ прошлаго или съ наличностію современныхъ историческихъ условій, какъ бы заманчива и убѣдительна она ни казалась на первый взглядъ. Ему представлялось страннымъ вѣрить въ непреложность какой-нибудь политической системы, родившейся въ головѣ отдѣльнаго мыслителя: онъ далеко былъ отъ мысли, чтобы исповѣдовать въ ней единственный истинный источникъ людскаго счастья, а все, съ ней несогласное, считать подлежащимъ уничтоженію, какъ ненужное, негодное, обветшалое, своимъ присутствіемъ отнимающее мѣсто у полезнаго. Люди въ его глазахъ были не отвлеченными единицами, надъ которыми удобно оперировать, а живыми существами съ различными умственными и нравственными свойствами, добродѣтелями и пороками, наклонностями и привычками. Онъ признавалъ, что жизнь не можетъ быть устраиваема по одной общей мѣрѣ, что противорѣчія, странно поражающія въ логикѣ, отлично примираются между собою въ дѣйствительности.

По его мнѣнію, „необходимо помнить, что аргументація строится на одинъ ладъ, а правительство — на другой. Въ логикѣ только идіотъ можетъ отрицать слѣдствія, допуская основанія. На практикѣ же мы замѣчаемъ, что великія и просвѣщенные общины,

поколѣніе за поколѣніемъ, упорно утверждаютъ извѣстные принципы и упорно отказываются по нимъ дѣйствовать. Сомнительно, чтобы настоящая политика, когда-либо существовавшая, соотвѣтствовала чистой идеѣ этой политики (Hist. VI, 125).

„Какъ краснорѣчіе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, существуетъ раньше синтаксиса и пѣсня—раньше пресодін, такъ правительство можетъ достигать высокой степени совершенства прежде, чѣмъ въ точности намѣтятся границы властей законодательной, исполнительной и судебной“ (Hist. I, 30).

Съ особенною любовію возвращается Маколей къ преимуществамъ, принадлежащимъ тѣмъ государственнымъ устройствамъ, которыя возникли путемъ продолжительнаго историческаго развитія и выработались изъ взаимодѣйствія и даже борьбы противоположныхъ силъ, наконецъ, другъ друга уравновѣсившихъ и нашедшихъ себѣ соотвѣтствующее мѣсто и кругъ дѣятельности. Къ числу такихъ государственныхъ устройствъ относится англійская конституція, имѣвшая въ глазахъ Маколей особую цѣну. Его счастливый характеръ, успѣхъ въ жизни, современное ему благосостояніе Англіи не могли вызвать въ немъ озлобленія противъ дѣйствительности. Въ его условіяхъ было бы странно съ любовію обращать взоры назадъ, въ глубь вѣковъ, когда Англія процвѣтала подъ сѣнью наслѣдственной монархіи и когда начала ея политической свободы находились еще въ зачаточномъ состояніи. Ему не приходилось съ озлобленіемъ отвертываться и отъ настоящаго, и отъ прошлаго и возлагать все упованіе на будущее, ожидая для возрожденнаго человѣчества новаго счастья на развалинахъ старины. По его мнѣнію, благосостояніе людей въ настоящемъ настолько же выше благосостоянія ихъ въ прошедшемъ, насколько ниже въ будущемъ. Благо той странѣ, гдѣ не было насильственныхъ переворотовъ, гдѣ всѣ учрежденія принимали сообразно измѣненію историческихъ условій иной видъ, сохраняя старую основу.

„Часто уже повторялось, говоритъ онъ еще, и никогда не должно быть забываемо, что наша политика въ значительной степени отличается отъ тѣхъ политическихъ ученій, которыя въ продолженіе послѣднихъ 80 лѣтъ методически составлялись, разбивались на правила и получали утвержденіе въ народныхъ собраніяхъ. Она развилась въ грубомъ вѣкѣ. Ея нельзя всецѣло найти ни въ одномъ отдѣльномъ органѣ. Пограничная волость, отдѣляющая область вѣдѣнія государя отъ области вѣдѣнія законодательной власти, долгое время была предметомъ споровъ. Постоянно совершались захваты, и если они были не особенно оскорбительны, ихъ охотно терпѣли. Нарушенія границъ часто оставались безъ послѣдствій. Только тогда, если эти нарушенія причиняли положительный вредъ, потерпѣвшая сторона отстаивала свое право и тре-

бовала, чтобы граница была обозначена столбами и чтобы оттолѣ разграниченія строго соблюдались". (Hist. VI, 240).

То необыкновенное уваженіе къ старинѣ, которое отличаетъ англійскихъ государственныхъ людей въ глазахъ Маколея, было одной изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ англійскихъ нравовъ. Онъ самъ не разъ изъ-за традиціи отступалъ отъ своихъ принциповъ (Sp. II, 295—314, Дѣло объ исключеніи судей изъ палаты общинъ) и въ другихъ съ особенною тщательностію выставлялъ на видъ подобный образъ дѣйствій. „Государственный человѣкъ, судящій на основаніи нашихъ принциповъ, вспомнить, что міръ переполненъ учрежденіями, которыя, хотя бы, быть можетъ, совершенно не должны были быть установленны, не должны быть рѣзко уничтожаемы, и что часто на практикѣ представляется мудрымъ довольствоваться уменьшеніемъ злоупотребленій, которыя, разсуждая отвлеченно, пріятно было бы поскорѣе устранить“ (Ев. III, 323). „Совершенный законодатель составляетъ середину между чистымъ теоретикомъ, не видящимъ ничего, кромѣ общихъ принциповъ, и дѣловымъ человѣкомъ, непризнающимъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ. Онъ совсѣмъ не долженъ заботиться о симметріи, больше всего онъ долженъ думать объ удобствѣ, никогда не устранять исключеній, только потому, что они исключенія“ (Hist. IV, 85). Хотя онъ долженъ быть практикомъ по преимуществу, но и отвлеченные вопросы философіи правительства не должны быть ему совершенно чужды. Въ тиши кабинета онъ долженъ продумать свою политическую программу, привести въ систему и обосновать свои политическіе взгляды: не то, когда онъ выступитъ неприготовленнымъ на арену общественной дѣятельности, застигнутый враслохъ, онъ станетъ высказывать такія мысли, отъ которыхъ впоследствии по зрѣломъ обсужденіи ему придется отречься (Ев. III, 253, 254). Изъ такихъ отвлеченныхъ вопросовъ для государственнаго человѣка важнѣе всего знать, гдѣ лежитъ граница правительственной дѣятельности.

Отъ правильнаго распредѣленія правъ и обязанностей государства и гражданъ зависитъ не только безпрепятственное развитіе жизненной энергіи народа, но также степень личной свободы, доступной гражданамъ, которые могутъ быть безвыходно поработченными при самомъ свободномъ государственномъ устройствѣ. Дѣйствительно, государство есть надежнѣйшій и вѣрнѣйшій оплотъ свободы; извнѣ оно охраняетъ отъ враговъ свою независимость какъ политическаго дѣлага; внутри оно мѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ поработать другъ друга. Но, охраняя свободу личности отъ постороннихъ посягательствъ, оно не можетъ охранить его отъ себя; стремясь къ полнѣйшему достиженію своей цѣли, оно, изъ желанія

увеличить къ тому свои средства, присвоиваетъ себѣ то, что раньше составляло неотъемлемое достояніе отдѣльныхъ лицъ. „Можетъ подлежать еще сомнѣнію“, говоритъ Спенсеръ (The Man versus the State), что человѣкъ зачатъ во грѣхѣхъ и рожденъ въ беззаконіи, но государство безспорно порождено захватомъ отъ захвата“. И даже не столько правители, сколько сами управляемые толкаютъ его впередъ по этому пути; заблуждаясь объ истинномъ его назначеніи, они видятъ въ немъ мощнаго проводника всего необходимаго для благополучнаго теченія народной жизни, надѣляя его безграничными правами и безграничными обязанностями; они не замѣчаютъ, что это идетъ въ ущербъ ихъ же самостоятельности и ихъ индивидуальной свободѣ. Только немногіе, въ сознаніи опасности, стремятся предотвратить ее, сгуживая до минимума кругъ государственнаго вѣденія. Оба эти теченія отразились въ двухъ противоположныхъ политическихъ теоріяхъ, задавшихся цѣлю ихъ объяснить и ихъ обосновать. Одна учитъ: „не управлять слишкомъ много“, „laissez faire, laissez passer“, „собственность, безопасность, свобода—вотъ весь соціальный порядокъ“, „il mondo va da se“; другая за государствомъ утверждаетъ безграничныя права и обязанности, называя его высшимъ проявленіемъ личности. Обѣ онѣ обратились къ исторіи и обѣ нашли себѣ доказательство, ибо обѣ одинаково коренятся въ формахъ, пережитыхъ обществомъ. А постепенность ихъ измѣненія, по Спенсеру, приблизительно такова. Человѣкъ первичный и человѣкъ мало цивилизованный не обладаетъ отъ природы необходимыми качествами къ тому, чтобы сознательно сдѣлаться участникомъ въ общемъ предпріятіи. Невозможно предположить въ немъ способности разумно соединять свои силы съ силами другихъ, ему подобныхъ, для совершенія дѣла, результатъ котораго лишенъ непосредственности и осязательности, а таково большинство предпріятій, отличающихъ новое время. Они были недоступны для человѣчества на первыхъ ступеняхъ его развитія, какъ по отдаленности цѣли, такъ и по недостатку средствъ къ ея осуществленію. Они предполагаютъ способность добровольнаго подчиненія участниковъ цѣлому ряду руководителей, а способность эта могла привиться только подъ вліяніемъ военнаго устройства, пережитаго обществомъ. Государство, какъ военная община, получало неограниченныя права надъ своими подданными; для успѣха борьбы необходима безусловная покорность вождю; если въ военное время ему привыкли повиноваться, какъ полководцу, то въ мирное ему стали подчиняться, какъ законодателю и судѣ. Къ военнымъ цѣлямъ было приспособлено все государственное устройство; народъ представлялъ войско, каждый гражданинъ—солдата, одинаково связаннаго дисциплиной и въ мирное, и въ военное время. Повиновеніе было безусловно, размѣры правительственной власти без-

предѣльны; она была тѣмъ сильнѣе, что опиралась еще на семейное начало,—отецъ былъ главою семьи,—и на божественное,—монархъ признавался богомъ или посланникомъ небесъ. 'Только тогда, когда, утвердивъ безопасность, государство исполнило свое главное назначеніе, индивидуальная свобода, ему порабощенная, во избѣжаніе худшаго рабства, подняла голову и стала отстаивать свои права. Отчасти подъ вліяніемъ промышленной и торговой дѣятельности, развивающей въ людяхъ самостоятельность, возникло иное понятіе о государствѣ, приспособленное къ новымъ потребностямъ; въ немъ стали видѣть не принудительное сотоварищество для борьбы съ виѣшними и внутренними врагами, съ безграничными правами надъ его участниками, а добровольный союзъ отдѣльныхъ лицъ для осуществленія цѣли вѣсьмъ одинаково важной, а между тѣмъ, недоступной разрозненными усилиями.

Для характеристики политическихъ воззрѣній всякаго историка, и Маколей въ томъ числѣ, представляется въ высшей степени важнымъ знаніе, какое положеніе занято имъ въ этомъ вопросѣ. Стоялъ ли онъ за всемогущество государства, за теорію, одинаково признаваемую такими противоположными началами, какъ *Contrat Social* и абсолютныя монархіи, повсюду въ Европѣ распространенную и утвердившуюся такъ прочно, что нѣтъ даже отдаленныхъ признаковъ ея упадка, или, наоборотъ, держался иного взгляда, своимъ голосомъ подкрѣпляя новое направленіе, осмѣливающееся слабо поднимать голову, если не въ политикѣ, то въ литературѣ, какъ противовѣсь крайностямъ, въ какія дѣломъ и словомъ впадаютъ его противники? Какъ выгъ и борецъ за свободу, Маколей примыкалъ ко второй теоріи скорѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, ибо рѣдко входилъ въ разсмотрѣніе отвлеченныхъ историческихъ вопросовъ. Только одинъ разъ, по поводу книги Гладстона „Государство и Церковь“, онъ коснулся отношеній между личностію и государствомъ. Это единственная статья, гдѣ его политическіе взгляды излагаются въ системѣ, а не случайно отрывками, какъ въ другихъ мѣстахъ его сочиненія. Вотъ въ какомъ видѣ представляется тамъ возникновеніе государства, кругъ его правъ и обязанностей.

Въ нѣкоторыхъ цѣляхъ государства (Ес. III, 259) вѣсь согласны. Неоспоримыми могутъ быть признаны тѣ положенія, что оно предназначено принуждать насъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей не грабежомъ, но предусмотрительною дѣятельностію, къ разрѣшенію нашихъ распрей не насиліемъ, а судомъ, къ единодушной защитѣ противъ нападеній чуждыхъ общинъ (ib., 268). Для достиженія этихъ цѣлей люди и образуютъ государства, поставляя въ его главу правительство, облеченное сильною властію и подлежащее строгой отвѣтственности. Способъ государственнаго устройства весьма различенъ

и въ большинствѣ случаевъ ему далеко до совершенства; во многихъ царятъ злоупотребленія, однако, каковы бы они ни были, полная анархія еще хуже (ib. 271). Государство должно преслѣдовать исключительно мірскія цѣли, ему свойственныя, хотя интересы отдѣльных лицъ, его составляющихъ, простираются за предѣлы земного, ибо жизнь человѣческая кончается не въ здѣшнемъ мірѣ (ib. 313). Если бы даже государство и было свѣдущимъ судіей въ вопросахъ вѣры, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ (ib. 283), оно не должно въ нихъ вмѣшиваться, потому что въ этой области безсильны тѣ средства, которыми оно дѣйствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, каковы они? Награда и наказаніе, но та и другое можетъ вліять только на одну внѣшность и совершенно неспособно коснуться сердца. Требуя благочестія со стороны подданныхъ, правительство развиваетъ только фарисейство и вредитъ добродѣтели (Ес. II, 155). Религіозныя преслѣдованія идутъ въ разрѣзъ съ главною цѣлію, которую призвано осуществить государство, охраняющее собственность и личность; религіозная нетерпимость его ослабляетъ, сокращая число людей, способныхъ ему служить. Государство можетъ расширять кругъ своего вѣденія не иначе, какъ если коренныя цѣли будутъ осуществлены. Только тогда религіозная пропаганда, имъ предпринятая, можетъ принести много добра и мало вреда (Ес. III, 317). Только тогда она можетъ выступить на путь покровительства промышленности, искусствамъ, наукамъ, народному воспитанію и образованію. Во всякомъ случаѣ законодатели должны помнить, что (Ес. I, 249) нѣтъ ничего болѣе раздражающаго народа, если только онъ не привыкъ къ этому отъ рожденія, какъ отеческое или иными словами во все вмѣшивающееся правительство, которое учить, что читать, что говорить, что ѣсть, что пить и что носить. „Не вмѣшательствомъ этого идола нѣкоторыхъ, всевѣдущаго и всемогущаго государства, но благоразуміемъ и энергіей народа Англія дѣлала успѣхи на пути прогресса; на это же самое благоразуміе и энергію мы смотримъ теперь съ увѣренностію и надеждой. Наши правители лучше станутъ содѣйствовать успѣхамъ народа, строго ограничивая себя въ предѣлахъ законодательной дѣятельности, предоставляя капиталу находить наивыгоднѣйшее обращеніе, удобствамъ ихъ высшую цѣну, промышленности и умственной дѣятельности соотвѣтствующее имъ вознагражденіе, лѣнности и безумію естественное наказаніе, поддерживая миръ, защищая собственность, уменьшая стоимость судопроизводства, соблюдая во всемъ строгую бережливость. Народъ сдѣлаетъ остальное“ (Ес. I, 266).

Въ этихъ краснорѣчивыхъ строкахъ, предостерегающихъ отъ излишняго распространенія круга государственныхъ обязанностей, сказалась несравненная способность Маколея въ передачѣ его историче-

ских впечатлѣній и вѣстѣ съ тѣмъ неумѣніе его и нелюбовь, по-
вѣрять эти впечатлѣнія и доказывать ихъ справедливость путемъ
разсудочнымъ. А между тѣмъ мысли эти, вѣрны ли онѣ или нѣтъ,
у лицъ, ихъ раздѣляющихъ, находятъ научное оправданіе. Вотъ напр.,
что говоритъ Ип. Тэнъ, такой же сторонникъ наибольшаго невмѣ-
шательства государства въ частную жизнь гражданъ. Учрежденіе
единственное въ своемъ родѣ, дѣйствующее сверху и надалека съ
принудительною властію, располагающее военною силою, государство
распространяетъ посредствомъ обязательныхъ предписаній кругъ сво-
ихъ дѣйствій сразу на цѣлую страну; отданные на основаніи общихъ
соображеній, не приспособленные къ мѣстнымъ обстоятельствамъ,
указы эти приводятся въ исполненіе чиновничьей іерархіей, дѣйствующей
въ тѣсныхъ предѣлахъ, заранѣе намѣченныхъ центральнымъ
правительствомъ. Чисто внѣшній двигатель, заставляющій работать
правительственную машину, слишкомъ слабъ и недостаточенъ для
предпріятій, нуждающихся въ побужденіяхъ, несравненно болѣе силь-
ныхъ. Ему не вызвать той энергіи, тѣхъ жертвъ, всего того, на что
рѣшаются люди и что они переносятъ, подстрекаемые надеждой на
личныя выгоды, возбуждаемые семейной привязанностію, движимые
ученою любознательностію или воспламененные вѣрой, состраданіемъ,
любовію къ ближнимъ. Тамъ, гдѣ нужны быстрота, глазомеръ, твердан
и увѣренная рука, неустанная настойчивость въ преслѣдованіи разъ
намѣченной цѣли, неизсякающая изобрѣтательность и неоскудѣвающій
починъ, государство дѣйствуетъ механически, его приемы рутинны,
медленны и неловки. Источникъ дѣйствія помѣщается черезъ-чуръ
высоко, его распоряженія, прощѣженные сквозь волокна іерархической
лѣстницы, замедляются формальностями и терятся въ перепискѣ.
Обезличенныя, обезцвѣченныя, рассчитанныя на среднее, не подходящія
въ точности ни къ одному опредѣленному случаю, неподвижны, хотя имъ
приходится имѣть дѣло съ вѣчно мѣняющимися фактами человеческой
жизни, распоряженія эти представляютъ родъ платья, сшитаго по
обязательному покрою, которое центральное правительство разсылаетъ
повсюду въ тысячахъ экземпляровъ, заставляя носить всѣхъ во
всякое время года. Поэтому государство плохой промышленникъ,
земледѣлецъ и купецъ, неумѣлый распредѣлитель труда и средствъ къ
жизни, неспособный посредникъ въ производствѣ, обмѣнѣ и употребле-
ніи, благотворитель, лишенный проницательности при отысканіи лицъ,
дѣйствительно нуждающихся. Въ этихъ областяхъ принесенная польза
и добытые результаты не могутъ искупить своей дорогой стоимости.
Такъ бываетъ всякій разъ, когда извѣстный социальный инструментъ,
созданный для одного назначенія, пытается вѣстѣ съ тѣмъ испол-
нить и другое. Изъ двухъ дѣлъ, которыя онъ совершаетъ, одного,

исключительно ему принадлежащего и другого, ему присвоенного, оба совершаются дурно, такъ какъ одно жѣлаетъ другому. Но вредъ расширения обязанностей государства этимъ не ограничивается. Оно не только плохо работаетъ въ области, ему несвойственной, стоитъ дороже и достигаетъ меньшаго, чѣмъ учрежденія, сами собой возникающія для удовлетворенія какой-нибудь потребности, оно своею подавляющею конкуренціей убиваетъ такія учрежденія, служивая кругъ дѣйствія личности и уменьшая индивидуальную свободу.

Если, какъ историкъ, Маколей признаетъ необходимымъ наибольшее ограниченіе круга государственныхъ обязанностей, то, какъ политическій дѣятель (см. его рѣчи), онъ охотно сходитъ съ этой точки зрѣнія. Распространеніе, напр., образованія и развитіе благосостоянія народныхъ массъ до такой степени важны въ его глазахъ, что ради ихъ достиженія онъ готовъ отступить отъ своего страха передъ всадѣющимъ и всемогущимъ правительствомъ. Непослѣдовательность эту нельзя ему ставить въ упрекъ; онъ самъ ее сознавалъ, и все-таки ее дѣлалъ, утверждая, что аргументація ведется на одинъ ладъ, а политическія дѣла на другой. Крайность совершеннаго государственнаго невмѣшательства въ сдѣлки между отдѣльными лицами тамъ, гдѣ затронуто благо народа, ему представляется столь же пагубной, какъ противоположное ей безмѣрное расширение круга его вѣдѣнія. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о здоровьѣ и нравственности, государственное вмѣшательство должно быть оправдываемо (Sp. II, 201—205). Если государство, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, имѣетъ право карать, то оно обязано также учить. Цѣль, достигаемая тутъ, одна; различны только пути; первый дѣлаетъ людей несчастіе, второй счастливе и мудреѣ (Sp. II, 238). Если наука о государствѣ есть наука опытная, то высшая степень образованности, достигнутая шотландскимъ простымъ народомъ, путемъ обязательнаго обученія (Hist. VIII, 240), должна служить убѣдительнымъ доводомъ и для Англіи (Sp. II, 252).

Если отсутствіе цѣльнаго историческаго міросозерцанія заставило Маколей высказывать противоположные взгляды на отношеніе личности и государства, смотря потому, что въ немъ одерживало верхъ, либерализмъ ли его партіи или участіе въ государственной жизни, искони протекающей по болѣе широкому руслу, чѣмъ то, въ которое хотятъ заключить ее сторонники наибольшей индивидуальной свободы, то въ оцѣнкѣ великихъ людей и ихъ значенія та же причина отдавала его мысль на произволъ двухъ началъ, боровшихся въ его умѣ. Съ одной стороны, въ немъ говорило художественное чувство, ни въ чемъ иномъ по своей природѣ не находящее себѣ предмета, болѣе достойнаго, чѣмъ величіе лицъ, системъ и событій, съ

другой, англійскій трезвый взглядъ на вещи, на практикѣ умѣрившій въ немъ крайности теоріи государственнаго невѣжества, показывалъ ему, что какъ бы ни былъ высоко поставленъ человекъ и какъ бы ни сильна была на видъ его власть, онъ все-таки связанъ по рукамъ и по ногамъ въ своихъ дѣйствіяхъ окружающей средой. Подъ вліяніемъ первыхъ началъ Маколей называетъ великихъ людей благодѣтелями человечества, виновниками важнѣйшихъ пережвѣвъ въ его судьбахъ, и онъ же, настроенный иначе наблюденіемъ хода обыденной жизни, говоритъ, что великіе люди своею мнимой ролью обязаны круговороту, случайно выбросившему ихъ впередъ. Въ отношеніи къ этому вопросу сказался талантъ Маколей до такой степени цѣлостный, что онъ накладываетъ неизгладимую печать какъ на все сочиненіе, такъ и на каждую отдѣльную его часть. Великіе люди и ихъ дѣятельность для него не предметъ разсужденія, но описанія. Ему чужды отвлеченныя мысли о томъ, какія эпохи наиболѣе благопріятствуютъ ихъ появленію, чѣмъ подготавливается ихъ величіе въ прошломъ, что берутъ они отъ окружающей среды и что ей даютъ взамѣнъ. Онъ не думаетъ заниматься повѣркой своихъ впечатлѣній въ этой области, сводить ихъ въ систему и обосновывать, производя надъ ними утомительную работу мысли, но за то какая неподражаемость въ передачѣ этого впечатлѣнія! Какъ тонки всѣ оттѣнки, какъ изященъ рисунокъ! Если искусство писать, по живѣнію Маколей, у него не достигаетъ до идеала, сложившагося въ его головѣ, то во всякомъ случаѣ стоитъ на такой высотѣ, куда немногіе могутъ подняться. Для того, чтобы не становиться между читателемъ и самимъ историкомъ, я обращаюсь къ выпискамъ, располагая ихъ въ такой системѣ, которая способна наиболѣе цѣльно передать взгляды Маколей. „Великіе люди тѣ, чья исторія полна великими событіями. „Гемпденъ, Пимъ, Венъ, Кроувель отличаются отъ искусстѣйшихъ политиковъ послѣдующаго поколѣнія тѣми рѣзкими чертами, которыми запечатлѣны люди, производящіе революцію въ отличіе отъ тѣхъ, которыхъ она производитъ. Руководитель во время великаго переворота, человекъ, пробуждающій уснувшее общество, ниспровергающій насквозь прогнившую систему, можетъ быть испорченнымъ человекомъ, но едва ли онъ можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ, которыя вызываютъ невольное удивленіе даже у враговъ настойчивость въ преслѣдованіи цѣли, твердость воли, энтузіазмъ, не менѣе гордый и постоянный, хотя онъ иногда и былъ прикрытъ призракомъ хладнокровія, порабащующій себѣ силы обстоятельствъ и сопротивленіе враждебно настроенныхъ умовъ). Эти качества, вошедшія въ различныя сочетанія съ добродѣтелями и по-

роками, могутъ быть открыты, думаемъ мы, въ большей части виновниковъ великихъ гражданскихъ и общественныхъ движеній, въ Цезарѣ, Магометѣ, Гильдебрантѣ, Доминикѣ, Лютерѣ, Робеспьерѣ; и эти качества не въ малой степени отличали руководителей партій оппозиціонной Карлу I" (Ев. III, 153).

Кромѣ этихъ признаковъ, общихъ великимъ людямъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, есть на нихъ еще особый отпечатокъ, какимъ они отличаются другъ отъ друга; его они получаютъ отъ того народа и отъ той среды, гдѣ имъ приходится дѣйствовать. „Кромвель, напр., говоритъ Маколей, обладалъ въ высокой степени той мужественной и зрѣлой силой здороваго и равномѣрно развитаго ума, которая, если національное пристрастіе не вводитъ насъ въ заблужденіе, особенно отличаетъ англійскихъ государственныхъ людей. Никогда еще ни одинъ правитель не былъ рожденъ въ такой мѣрѣ для престола. Чаша, опьянявшая другихъ, давала ему только трезвость. Его духъ безпокойный вслѣдствіе своей силы до тѣхъ поръ, пока онъ находился на низшихъ ступеняхъ, затихъ въ величественномъ покоѣ, лишь только достигъ родной ему высоты. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ обширнымъ классомъ людей, которые отличаются, занимая низшіе посты, но неспособность которыхъ ярко обнаруживается, какъ только общественный голосъ заставитъ ихъ принять руководство. Его значеніе росло быстро, но умъ развивался еще быстрѣй" (Ев. I, 181).

Величіе, сверхъ основныхъ чертъ, ему присущихъ внѣ различія временъ и народовъ, и національнаго отпечатка, налагаемаго на него средой, можетъ обладать свойствами, дѣлающими его наиболѣе способнымъ проявляться преимущественно въ той или другой области чело-вѣческой дѣятельности. Великими могутъ быть государственные люди¹⁾ и

¹⁾ „Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя и воспитаніе развило ихъ въ рѣдкой степени. Съ сильнымъ природнымъ умомъ, съ рѣдкой твердостью воли, онъ очутился, лишь только у него начались проблески сознанія, ребенкомъ безъ отца и матери во главѣ великой, хотя подавленной и лишенной предводителя партіи; онъ унаслѣдовалъ обширныя и неопредѣленныя права, которыя возбуждали страхъ въ олигархіи, царившей тогда въ Голландіи. Окруженный со всѣхъ сторонъ западнями, въ которыхъ погибъ бы обыкновенный юноша, Вильгельмъ научился дѣйствовать рѣшительно и твердо. Его положеніе способно было разслабить слабого, но оно закаляетъ твердаго. „History, III, 2. Битвы, въ которыхъ онъ предводительствовалъ, если не дають ему право на имя великаго тактика, то обличаютъ въ немъ великаго чело-вѣка. Никакое пораженіе не лишало ни на одну минуту твердости и обладанія всѣми его способностями“. Нis., III, 5.

поэты ¹⁾, полководцы ²⁾ и нравственные подвижники ³⁾, государи ⁴⁾ и ученые ⁵⁾; имъ только слѣдуютъ или подражаютъ остальные люди. „Ихъ удѣлъ быть руководителями человѣчества по пути прогресса, основывать на развалинахъ прежнихъ системъ болѣе счастливое и долговѣчное царство, пользоваться уваженіемъ потомства въ качествѣ славнѣйшихъ изъ благодѣтелей человѣчества“ (Ес. III, 56). Какъ бы ни было велико ихъ право на удивленіе и благодарность потомства, величайшіе люди двѣсти лѣтъ тому назадъ не могутъ во многомъ подняться до уровня міросоверпанія обыкновеннаго человека нашихъ дней. Но ужъ это было бы слишкомъ, если бы благодѣтели человѣчества, терпя отъ глупцовъ своего времени порицаніе за то, что они пошли слишкомъ далеко, стали терять порицаніе отъ глупцовъ ближайшаго поколѣнія за то, что не пошли довольно далеко. Тенденціи послѣднихъ лишить благодѣтелей человѣчества ихъ доброй славы и подвести подъ одинъ уровень лучшихъ и худшихъ людей прошлаго. Виновники великихъ преобразованій никогда не пользуются популярностію въ свое время. Въ безпокойствѣ и опасностяхъ про-

¹⁾ „Купера (Cowper) и Алфіери нельзя назвать великими поэтами; въ нихъ нѣтъ творчества въ высокой степени „видѣнія“ и божественной способности, но они обладаютъ сильной мыслию, горячимъ чувствомъ, и тѣмъ, что въ ихъ обстоятельствахъ нѣтъ особенную важность, мужественностью вкуса, приближающуюся къ грубости“ (Ес. I, 331).

²⁾ „Про Якова II думали, что онъ въ молодости обладалъ не только тѣмъ среднимъ сортомъ храбрости, которая позволяетъ солдату безъ позора совершить походъ, но и той высокой и спокойной (seene) неустрашимостію, которая отличаетъ великихъ полководцевъ“ (Нис. VI. 21).

³⁾ „Не въ нашемъ обычаѣ дѣлать идола изъ мертвыхъ или изъ живыхъ. На нашъ взглядъ, нѣтъ большаго доказательства, слабости и дурнаго направленія ума, чѣмъ эта склонность, которую за неимѣніемъ лучшаго имени мы назовемъ босвелизмомъ. Но есть нѣсколько характеровъ, которые устояли противъ пристальнѣйшаго разбора и сильнѣйшихъ испытаній, которые были испробованы огнемъ и оказались чистыми, которые были положены на вѣсы и явились полновѣсными, которые были съ общаго согласія человѣчества объявлены безукоризненными и которые видимо запечатлѣны образомъ Всемогушаго. Такихъ великихъ людей, думаемъ мы, что умѣемъ хвалить“ (Ес. I, 59).

⁴⁾ „Людовикъ XIV не былъ великимъ полководцемъ, онъ не былъ великимъ законодателемъ, но былъ великимъ королемъ. Онъ былъ окруженъ великими людьми, побѣдоносными полководцами, провидательными государственными людьми. Онъ до послѣдней степени пользовался ихъ услугами, обходя опасность ихъ соперничества“ (Тр. I, 102).

⁵⁾ „Время идетъ; накаплиются факты, зарождаются сомнѣнія: начинаются проявляться слабые проблески истины, разгораясь все сильнѣе и сильнѣе. Великіе умы, подобно вершинамъ горъ, первые освѣщаются и отражаютъ дальше свѣтъ. Они сіяютъ, пока все, что ниже ихъ, еще во мракѣ“ (Ес. II, 291).

ходить ихъ жизнь. Для пользы человѣчества память такихъ людей должна служить предметомъ уваженія; надежда имѣть великое и не-тлѣнное имя должна ихъ поддерживать противъ презрѣнія и ненависти современниковъ“ (Ев. II, 294).

Но если великія свойства, отличающія героевъ, направленные на добро, способны облагодѣтельствовать человѣчество, то они же дѣлаютъ несчетное зло, когда ими дурно пользуются. „Какъ будто, восклицаетъ Маколей, исторія не совершалась злодѣянными выдающихся лицъ, какъ будто самые извѣстные разрушители и обманщики нашего рода, основатели деспотическихъ государствъ и ложныхъ религій, не были необыкновенными людьми, какъ будто девять десятыхъ несчастій, постигшихъ человѣчество, имѣли иное начало, чѣмъ соединеніе высшаго ума съ низкими стремленіями“ (Ев. III, 54).

Какъ странно звучитъ послѣ такихъ рѣшительныхъ утвержденій, что столько добра и зла исходитъ отъ великихъ людей, полное и совершенное отрицаніе ихъ значенія въ исторіи; а между тѣмъ, сдѣлать это яснѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ сдѣлано у того же Маколей, трудно. Вотъ что мы у него читаемъ: „Главы партій, подобно головамъ змѣй, приводятся въ движеніе туловищами (Sp. I, 214). Надъ великими измѣненіями въ мірѣ нравственномъ, я думаю, мы имѣемъ власть столь же малую, какъ надъ великими измѣненіями міра физическаго. Мы не въ состояніи помѣшать тому, чтобы съ теченіемъ времени измѣнялось распредѣленіе собственности и образованія, мы не болѣе того можемъ помѣшать собственности и образованію стремиться къ политической власти, чѣмъ если бы стали пытаться воспрепятствовать смѣнѣ временъ года или остановить приливъ. Среди міра или разгрома, при помощи самихъ старыхъ учрежденій, если они поддаются измѣненію, или на ихъ развалинахъ, если они непокорно сопротивляются, совершается и долженъ совершаться великій прогрессъ общества. Слабыя усилія отдѣльныхъ личностей возратить его вспять пропадаютъ и считается мощнымъ стремленіемъ, съ какимъ совершается это движеніе. Тѣ, которые, повидимому, руководятъ движеніемъ, на самомъ дѣлѣ только выброшены круговоротомъ впередъ. Тѣ, кто дерзаютъ ему сопротивляться, падаютъ, раздавленные имъ. Столько великихъ и страшныхъ революцій измѣнили видъ общества только потому, что правители не обращали достаточнаго вниманія на степень этого великаго движенія, потому, что они не знали цѣны его силамъ и его законамъ“. Sp. I, 93.

„По всему представляется вѣроятнымъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, что тотъ, кто казался руководителемъ въ дѣлѣ убіенія Карла I, въ сущности принужденъ былъ только слѣдовать и, что какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ важномъ случаѣ, нѣсколькими годами

позже онъ пожертвовалъ своимъ мнѣніемъ и наклонностями убѣжденію арміи. Ибо власть, вызванная имъ къ бытію, была властію, которую онъ самъ не всегда могъ обуздывать. Чтобы повелѣвать ей въ обыкновенное время, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ былъ ей повиноваться" (Hist., I, 122).

Какъ бы внимательно ни изучали мы сочиненія Маколея, какъ бы ни вчитывались мы въ его дневникъ и въ его переписку, отъ насъ ускользаетъ тотъ путь, которымъ мысль его доходила до такихъ крайнихъ рѣшеній одного и того же вопроса. Только въ одномъ мѣстѣ его „Опытовъ“ можно найти слѣдъ, оставленный измѣненіями его мысли въ этой области. Вотъ что мы тамъ читаемъ:

„Мірская власть, долгое время незаслуженно подавленная, возвращала съ тревожной быстротой свое вліяніе и значеніе. Измѣненіе это, само собою, должно быть приписано отвращенію, возбужденному тѣмъ, какъ церковь злоупотребляла своею властію и своими успѣхами. Но нѣчто нужно приписать характеру и положенію отдѣльных лицъ. Человѣкъ, который принималъ главное участіе въ осуществленіи этого переворота, былъ Филиппъ IV, деспотъ по положенію, деспотъ по темпераменту, суровый, неумолимый, неразборчивый на средства, одинаково готовый на насиліе и на хитрости, окруженный преданнымъ войскомъ и юристами“ (Ев. IV, 108).

Вотъ какъ неустойчивы были общіе взгляды Маколея и какъ рѣзко измѣнялись они. Увлекался своимъ воображеніемъ и свою впечатлительностію, Маколей нерѣдко шелъ путемъ, далекимъ отъ логическаго вывода изъ слѣдствій имъ же установленныхъ принциповъ. Но за то другія, положительныя стороны его манеры письма, навсегда спасутъ „Исторію Англіи“ и „Опыты“ отъ зависти вѣковъ, всегда будутъ привлекать читателей, а невольныя увлеченія, пристрастность и ошибки простятся ради симпатичной личности автора.

¹⁾ „Вотъ какъ онъ высказываетъ ту же мысль по иному поводу. Питтъ младшій, говоритъ онъ, былъ во главѣ своихъ товарищей, далеко превосходилъ ихъ, и, казалось, велъ ихъ. На самомъ же дѣлѣ они силой толкали его, и если бы онъ сталъ упираться немного побольше того, нежели онъ это сдѣлалъ, они бы столкнули его съ дороги или раздавили бы подъ своими ногами. Онъ покорился потоку, и отсюда пошли всѣ его несчастія“. Wil. Pitt, 117. „Можетъ быть, Шафтсбери напорилъ свою партію такъ, что ужъ не могъ болѣе обуздать ее, и въ дѣйствительности былъ стремглавъ увлеченъ тѣми, которыми, казалось, руководилъ“. His. I. 257. „Шресбери былъ предводителемъ виговъ; подобно всѣмъ предводителямъ партій, онъ часто былъ подталкиваемъ впередъ противъ воли, тѣми, которыми онъ наружно предводительствовалъ“. His. V. 181.

Философія, історія и теорія прогресса.

Н. И. Карѣва.

I. Философія и наука.—II. Задача философіи исторіи.—III. Явленія, законы и принципы личной и общественной жизни.—IV. Бессознательная философія общества.—V. Теорія прогресса.

Въ статьѣ своей *Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки* я коснулся только *научной* стороны предмета, поскольку рѣчь шла у меня о теоріи историческаго *процесса*, взятаго отвлеченно и *объективно*, но въ числѣ этихъ же самыхъ вопросовъ есть и *философскіе*, особенно, когда дѣло идетъ о теоріи культурно-соціального *процесса*, не мыслимой безъ *субъективныхъ* элементовъ. Говоря довольно подробно, насколько это позволяли размѣры статьи, объ отношеніи исторіологіи къ другимъ наукамъ, я едва затронулъ вопросъ объ ея отношеніи къ философіи. Настоящая статья будетъ служить прямымъ дополненіемъ къ только что указанному реферату.

I.

Прежде всего условимся въ опредѣленіи понятія философіи, такъ какъ употребляется это слово въ довольно различныхъ смыслахъ, поэтому намъ нужно сначала будетъ разсмотрѣть главныя категоріи опредѣлений философіи.

Говоря вообще, категорій этихъ три: къ первой относятся всѣ тѣ опредѣленія, которыя рассматриваютъ философію, какъ *спеціальную науку* въ ряду другихъ такихъ же наукъ, различно, однако, обозначая ея предметъ; опредѣленія второй категоріи дѣлаютъ изъ философіи *науку универсальную*, опять-таки очень неодинаково понимая отно-

шеніе этой общей науки къ наукамъ частнымъ; наконецъ, по опредѣленіямъ третьей категоріи, понятіе философіи *противопоставляется понятію науки*, хотя точно такъ же въ довольно различныхъ смыслахъ. Изъ этихъ трехъ основныхъ способовъ пониманія философіи намъ и нужно сдѣлать выборъ, которымъ опредѣлится и то, въ какомъ значеніи съ точки зрѣнія исторической науки должна быть поставлена задача теоріи прогресса, которая имѣла бы философскій характеръ.

Первая категорія опредѣлений философіи видитъ въ ней одну изъ спеціальныхъ наукъ. Но что такое вообще спеціальныя науки? Каждому хорошо извѣстно, что обозначается этимъ именемъ: спеціальная наука состоитъ въ изученіи опредѣленной области познаваемыхъ нами вообще предметовъ, за границы которой ни одна научная спеціальность не выходитъ, какъ таковая, но въ предѣлахъ которой ничего по возможности не оставляетъ неизслѣдованнымъ. Другими словами, научныя спеціальности имѣютъ каждая свой предметъ, коимъ должны заниматься исключительно и вполне его исчерпывая: этимъ та или другая наука выдѣляется въ особую и самостоятельную отрасль знанія и получаетъ внутреннее единство объекта и задачи. Всѣ попытки ограничить подобнымъ образомъ и философію не имѣли до сихъ поръ успѣха: всегда оказывалось, что у философіи, какъ спеціальной науки, нѣтъ такого предмета, который она вѣдала бы исключительно и всецѣло. Не касаясь вопроса о познаваемости или непознаваемости сущности вещей, мы не можемъ отождествить философію съ метафизикой, которая дѣлаетъ своимъ предметомъ именно сущность вещей: не расширяя произвольно значенія слова *метафизика*, обозначающаго познание того, что лежитъ за предѣлами міра явленій, отождествленіе философіи съ метафизикой лишаетъ первую права заниматься многими изъ того, что до сихъ поръ входило въ область ея вѣдѣнія, наприм., моралью, правомъ, государствомъ. Особенно было бы странно такъ ограничивать область философіи, когда ея представители были главными творцами системъ именно нравственной философіи, или этики. Не болѣе удачна попытка опредѣлить философію, какъ науку о духѣ: во-первыхъ, и природа была всегда, хотя, быть можетъ, и въ меньшей степени, предметомъ, занимавшимъ философовъ, а во-вторыхъ, многія отрасли нашихъ знаній о духѣ, каковы, напр., психофизика или психіатрія, не обращали на себя вниманія философовъ, предоставлявшихъ разработку такихъ наукъ ученымъ специалистамъ. Еще болѣе специализируя задачу философіи, нѣкоторые думаютъ свести ее цѣликомъ на теорію познанія, но и тутъ оказывается, что философія въ своемъ историческомъ развитіи ставила себѣ болѣе широкія цѣли и далеко не всѣмъ интересовалась въ упомянутой теоріи. Наконецъ, философію

объявляли наукой о принципахъ, но сами-то принципы что такое, какъ не продукты уже самой философіи? Принциповъ, какъ предметовъ, подобныхъ тѣмъ, которыми занимаются науки, не существуетъ: предметы, дѣлающіеся объектомъ той или другой спеціальности, существуютъ раньше спеціальностей, ихъ изучающихъ, принципы могутъ явиться только въ качествѣ результатовъ нашего мышленія. Довольно этихъ примѣровъ отождествленія философіи съ спеціальной наукой: изъ нихъ уже можно видѣть, какія трудности возникаютъ, когда дѣлается попытка ограничить область философіи, какъ мы ограничиваемъ области дѣйствительно спеціальныхъ наукъ. Конечно, въ пользу каждаго ограниченія философіи, какъ спеціальной науки, говорится то или другое, и для него, слѣдовательно, имѣются извѣстныя основанія, но самое существованіе нѣсколькихъ различныхъ опредѣленій философіи, какъ спеціальной науки, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому, указываетъ на трудность задачи обозначить предметъ, подлежащій исключительному и всенерпывающему вѣдѣнію философіи. Съ другой стороны, противъ каждаго такого отрицанія—вся исторія философіи: если мы потрудимся поближе познакомиться съ тѣмъ, какія области знанія входили въ составъ философіи, то увидимъ, что она занималась почти всѣмъ, если не всѣмъ дѣйствительно,—и сущностью вещей, и природой, и духомъ, и познаніемъ, и моралью, и правомъ, и государствомъ, и исторіей, и принципами. Значитъ, приходится отказаться отъ мысли о философіи, какъ спеціальной наукѣ, и приписать ей характеръ универсальности.

Другія категоріи опредѣленій философіи и имѣютъ въ виду именно этотъ ея универсальный характеръ. Но и здѣсь дѣло не можетъ рѣшиться простой ссылкой на универсальныя задачи философіи, потому что возникаетъ новый вопросъ, вопросъ объ отношеніи между философіей и наукой, допускающій два рѣшенія и дающій начало двумъ новымъ категоріямъ опредѣленій нашего понятія. Одна изъ этихъ категорій находится въ родствѣ съ первой, опредѣляя философію все-таки, какъ науку, другая, хотя и сближается съ только что указанной, отрицая спеціальныя характеръ философіи, но одинаково удаляется отъ обѣихъ, прямо уже противопоставляя философію наукѣ вообще, т.-е. не считая философію за науку, а за нѣчто особое въ области знанія. Давая философіи значеніе универсальной науки, мы можемъ вкладывать въ это опредѣленіе весьма различный смыслъ, но въ сущности есть только два основныя рѣшенія вопроса: или философія есть не что иное, какъ простая сумма всѣхъ наукъ, и тогда это только синонимъ науки вообще, или же это—сумма конечныхъ выводовъ всѣхъ наукъ, и тогда она равнымъ образомъ не заключаетъ

въ себѣ ничего, что рѣзко отличало бы ее отъ наукъ, суммированіемъ выводовъ которыхъ она занимается. Первое рѣшеніе вопроса слишкомъ грубо и едва ли найдетъ серьезныхъ защитниковъ, второе не показываетъ, что же сами философы производятъ, если только на ихъ долю выпадаетъ лишь заносить въ свои реестры выводы специальныхъ наукъ. Съ другой стороны, одно рѣшеніе предполагаетъ немислимый въ наше время научный энциклопедизмъ, а другое предоставляетъ подведеніе научныхъ итоговъ самимъ специальностямъ, превращая всѣхъ ученыхъ, занимающихся научнымъ синтезомъ, въ философовъ. Оба эти возрѣнія возникли на общей почвѣ отрицанія чего бы то ни было внѣ науки и въ сущности упраздняютъ философію: защитники отождествленія философіи и науки съ предикатомъ универсальности для первой очень просто разрѣшаютъ вѣковой споръ между обѣими, объявляя, что нѣтъ философіи и науки, а есть только наука, которая и должна называться философіей.

Если мы сведемъ вмѣстѣ на одну ставку рассмотрѣнныя нами категоріи, то увидимъ, что кое-что изъ нихъ можно извлечь. Какъ, спрашивается, могло возникнуть такое крупное противорѣчіе въ опредѣленіи одного и того же понятія? Какъ случилось, что одной и той же вещи приписываютъ взаимно уничтожающіеся предикаты специальности и универсальности? Не могло же это произойти безъ всякаго основанія. Мнѣ кажется, что опредѣленія первой категоріи исходнымъ пунктомъ своимъ имѣютъ совершенно вѣрную мысль, именно мысль о необходимости обособленія философіи; ошибка сдѣлана только въ томъ отношеніи, что обособленіе это было понято въ такомъ смыслѣ, будто у философіи должна быть такая же специальная область вѣдѣнія, какъ и другихъ наукъ, тогда какъ основы для этого обособленія нужно искать совсѣмъ на иномъ основаніи въ виду несомнѣнной универсальности философіи, на которую напираютъ опредѣленія второй категоріи. Дѣйствительно, есть возможность обособить философію и въ то же время не лишить ее универсальнаго характера, если мы только обратимъ наши взоры къ третьей категоріи опредѣленій философіи, противопологающихъ ее наукѣ.

Противоположеніе философіи наукѣ, различіе между ними, то инстинктивно чувствуемое, что ясно выражаемое, нельзя игнорировать при опредѣленіи понятія философіи: въ силу существованія множества взглядовъ, сводящихся къ тому, что философія и наука—двѣ различныя вещи, не приходится опредѣлять философію, какъ науку—все равно, специальную ли, или универсальную. Въ этихъ взглядахъ существуетъ множество отгѣнковъ, начиная отъ мысли о нѣкоторомъ антагонизмѣ между философіей и наукой и кончая мыслью о возможности научной философіи и философскаго элемента въ наукѣ. Я опять не стану разсма-

тривать всѣ опредѣленія философій, относящіяся къ этой третьей категоріи, и возьму только три случая: первымъ будетъ крайній взглядъ на философію и науку, какъ на двѣ вещи непримиримыя, вторымъ—полюбовное между ними размежеваніе, которое отдаляетъ одну отъ другой, третьимъ—нахожденіе нѣкотораго высшаго единства, примиряющаго философію и науку и сближающаго ихъ между собою. Во всѣхъ трехъ случаяхъ мы постараемся найти общую основу для противоположенія философій и науки.

Съ точки зрѣнія опредѣленій этой категоріи удобнѣе всего рассмотретьъ сначала первый случай. Читателю, конечно, извѣстны толки объ антагонизмѣ между философіей и наукой, который нерѣдко приводилъ къ взаимнымъ пререканіямъ между ихъ представителями. Пререканія эти очень характерны, и общій смыслъ ихъ полезно уловить. Философы, говорятъ иногда люди науки, похожъ на человѣка, который, желая отправиться изъ Европы въ Америку, рѣшился бы идти туда пѣшкомъ на томъ основаніи, что пѣшее путешествіе по этичнѣ, чѣмъ ѣзда на пароходѣ; философъ—верхоглядъ и фантазеръ, строящій воздушные замки, нанизывающій на паутинную нить самыя тяжелые предметы, пытающійся въ пустыхъ словахъ найти „начало всѣхъ началъ“. Философы съ своей стороны въ долгу не остаются: нерѣдко для нихъ ученый—синонимъ буквоѣда и фактопоклонника, чернорабочаго, громаздящаго безформенныя кучи сырого матеріала, неспособнаго понять плана зданія, надъ которымъ работаетъ, думающаго, что перечислить всѣ видимыя признаки и наружныя части предмета—конецъ и вѣнецъ всякаго знанія: онъ воображаетъ, что колба и реторта—единственное средство рѣшать всякіе вопросы, на томъ основаніи, что эти инструменты дали ему возможность кое-что состряпать. Такъ или приблизительно такъ и вообще въ этомъ родѣ пререкаются и пререкались представители философій и науки, получавшіе въ этомъ спорѣ обидныя клички пустословія и крохоборства. Такого пререканія не могло бы возникнуть, если бы дѣйствительность не давала для него поводовъ, но читатель, конечно, понимаетъ, что тутъ берутся крайности, въ которыя нерѣдко впадали и философія, и наука: исказить можно все, но не слѣдуетъ судить о вещи по ея искаженному виду.

Другой случай представляетъ изъ себя, такъ сказать, полюбовный раздѣлъ между философіей и наукой: вотъ мое, вотъ твое, будемъ каждый владѣть своимъ, не мѣшая другъ другу и не ссорясь. На почвѣ такого дѣлежа возникло множество различныхъ взглядовъ, которые всѣ въ сущности сводятся къ слѣдующему: достояніе философій—отвлеченныя понятія, ея методъ—умозрѣніе, ея цѣль—общія истины, а на долю науки приходятся конкретныя предметы, опытъ и наблю-

деніе, частныя истины. Не думаю, чтобы такое размежеваніе было возможно и полезно. Въ самомъ дѣлѣ, мыслима ли какая-либо наука безъ отвлеченныхъ понятій, обобщающихъ отдѣльные классы дѣйствительныхъ предметовъ, и во что превратятся отвлеченныя понятія философій, если ихъ нельзя будетъ примѣнять къ разрядамъ дѣйствительныхъ предметовъ, существующихъ и возможныхъ въ мірѣ? Равнымъ образомъ, развѣ наука можетъ обойтись безъ усмотрѣнія и что станется съ умозрѣніемъ философій, если опытъ и наблюденіе будутъ его побивать на каждомъ шагѣ? Наконецъ, какъ это такъ разграничить истины частныя и общія? Вѣдь и наука стремится къ обобщенію своего знанія, и всякая общая истина предполагаетъ процессъ, который добываетъ ее изъ сумми истинъ частныхъ. Въ сущности эта размежевка есть тотъ же антагонизмъ, о которомъ сказано выше, только замаскированный: отвлеченности, не имѣющія корня въ фактахъ, умозрѣніе, не стѣсняющееся данными опыта и наблюденія, общія положенія, существующія независимо отъ частныхъ,—вотъ всѣ атрибуты фантазерства; одни конкретные предметы, одни данные опыта и наблюденія, одні частности безъ стремленія найти ихъ общую подкладку,—вотъ всѣ атрибуты фактопоклонства. Но въ этой замаскированной формѣ, антагонизмъ между философіей и наукой уже не такъ рѣзокъ и позволяетъ намъ проводить дѣйствительное между ними различіе. Замѣнимъ „фантазерство“ „творчествомъ“, „фактопоклонство“ „зависимостью отъ объекта“, и мы увидимъ, что подъ эти два понятія подойдутъ тѣ признаки философій и науки, которые приписываются имъ полюбовнымъ размежеваніемъ. Отвлеченныя понятія, отдаваемые въ собственность философій, суть продукты нашего творчества: это мы ихъ образуемъ, готовыми дѣйствительность ихъ намъ не даетъ; умозрѣніе есть одинъ изъ видовъ также нашего творчества, какъ процессъ, въ которомъ первая роль принадлежитъ уму, созидающему знаніе; добываніе общихъ истинъ изъ совокупности частныхъ относится равнымъ образомъ къ творческому процессу мысли. Съ другой стороны, видя только конкретные предметы, зная только то, что даетъ намъ опытъ и наблюденіе, довольствуясь самыми частными истинами, относящимися къ отдѣльнымъ фактамъ, мы находимся въ совершенномъ подчиненіи нашимъ объектамъ. Вотъ почему я полагаю, что и открытый антагонизмъ между философіей и наукой, отрицающій одну ради другой, и полюбовный раздѣлъ между ними, обрекающій каждую изъ нихъ на невозможное существованіе, суть только весьма несовершенныя указанія на то, что философій хотятъ вообще приписать предикатъ творчества, какъ наукъ—предикатъ подчиненія объекту. Съ этой точки зрѣнія можно установить третій способъ пониманія противоположности между философіей и наукой: считая

характернымъ признакомъ послѣдней подчиненіе объекту, но не отрицая значенія въ ней и творчества, мы можемъ сказать, что главное въ наукѣ подчиненіе объекту, въ предѣлахъ котораго долженъ оставаться и творческій процессъ мысли, а тогда на долю философіи останется творчество, ставящее себѣ тѣ же цѣли, что и въ наукѣ, но уже выступающее за предѣлы упомянутаго подчиненія. Такъ какъ этого именно положенія я и добивался всѣмъ предыдущимъ разсужденіемъ и такъ какъ изъ него я вывожу свое опредѣленіе философіи, то на немъ необходимо остановиться.

Что наука невозможна безъ подчиненія даннымъ своего объекта, понятно каждому, но мысль о творествѣ въ предѣлахъ подчиненія даннымъ объекта требуетъ объясненія. Говоря выше объ образованіи отвлеченныхъ понятій, которыми оперируетъ наука, объ умозрѣніи, имѣющемъ задачей построеніе знанія въ систему, объ общихъ истинахъ, которыя каждая наука ставитъ себѣ, какъ цѣль, я упомянулъ, что во всемъ этомъ дѣйствуетъ наше творчество, а потому безъ него наука невозможна. Но въ наукѣ творчество связано объектомъ изученія, т.-е. не имѣетъ права ничего создавать, что въ то же время не давалось бы дѣйствительностью, частныя истины о которой намъ открываютъ опытъ и наблюденіе. Высшій идеалъ науки — точность знанія, т.-е. полное соотвѣтствіе ея истинъ съ дѣйствительностью, котораго не можетъ быть безъ примѣненія къ изученію критическихъ пріемовъ мысли: научной истиной мы называемъ такую мысль, содержаніе которой добыто именно этимъ, а не какимъ-либо инымъ путемъ и можетъ быть постоянно провѣрено; точныя науки, обладающія такими истинами въ наибольшемъ количествѣ, мы ставимъ въ образецъ другимъ, менѣе совершеннымъ наукамъ и имъ, точнымъ наукамъ, наиболѣе довѣряемъ въ нашей практической дѣятельности. Само творчество во всѣхъ своихъ проявленіяхъ подчиняется здѣсь требованіямъ точности. Научныя представленія и понятія должны соотвѣтствовать даннымъ въ дѣйствительности предметамъ и ихъ классамъ; соединеніе разрозненныхъ элементовъ знанія въ систему должно изображать дѣйствительныя отношенія между данными предметами или ихъ классами; гипотезы, это угадываніе истины, къ которому вынуждена прибѣгать наука, должны выдерживать испытаніе провѣркой, чтобы получить научное значеніе, не говоря уже о добываніи общихъ истинъ путемъ обобщенія частныхъ. Но творческій процессъ мысли на этомъ не останавливается и, преслѣдуя тѣ же цѣли, что и въ наукѣ, начинаетъ дѣйствовать и внѣ той области, въ которой возможенъ строго-научный методъ, дающій намъ точное знаніе о дѣйствительныхъ предметахъ. Рядомъ съ научными понятіями умъ нашъ творитъ идеи,

какъ нѣкоторыя общія представленія, образованныя совѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ научныя представленія и понятія: послѣднимъ соотвѣтствуютъ дѣйствительные предметы или ихъ классы, тогда какъ въ идеяхъ и идеалахъ намъ дается нѣкоторое содержаніе, коему въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ, т.-е. это—представленія и понятія не о существующемъ, а о возможномъ или должномъ, к аковы всѣ принципы, которые мы кладемъ въ основу вещей, или идеалы, какъ разумные ихъ типы. Далѣе, творческій синтезъ построаетъ знаніе въ систему и за предѣлами того, на что насъ уполномочиваютъ опытъ и наблюденіе,—выбирая для этого построенія ту или другую форму изъ нѣсколькихъ, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ. Наконецъ, мы обобщаемъ наше знаніе и съ помощью такихъ гипотезъ, научная провѣрка которыхъ немислима. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ творчествомъ внѣнаучнымъ, хотя и ставящимъ себѣ тѣ же цѣли, что и наука, т.-е. познаніе. Эта внѣнаучность заключается въ невозможности строгой провѣрки нѣкоторыхъ идей, построеній и гипотезъ данными въ дѣйствительности предметами и классами предметовъ, ихъ взаимными отношеніями, ихъ причинами, а между тѣмъ такое внѣнаучное творчество вызывается потребностями того же знанія, хотя и стремится сообщить ему нѣчто иное, нежели то, что способна сдѣлать наука. Уже наука при всей своей заботѣ о точности хлопочетъ о полнотѣ, стройности и цѣлостности знанія, которыхъ можно достигнуть только путемъ творчества, но именно внѣнаучное творчество ставитъ себѣ задачею эту полноту, стройность, цѣлостность, хотя бы при этомъ и не достигалось точности. Вотъ такое-то творчество и создаетъ область философіи въ ея отличіе отъ науки, и въ этомъ именно смыслъ я противопоставляю философію наукѣ, говорю о творествѣ, какъ объ основномъ признакѣ первой, и о подчиненіи предмету, какъ о столь же основномъ признакѣ второй. Какъ красная нить, проходитъ творчество черезъ все многовѣковое развитіе философіи: характеромъ и направленіемъ творчества опредѣляются уже другіе, болѣе случайные и непостоянные признаки философіи. Она, сказали мы, заключается въ творествѣ идей, и уже для опредѣленія философіи вообще вопросъ второстепенный, какъ получаетъ она эти идеи и какое значеніе имъ приписываетъ: будутъ-ли это преобразованныя представленія и понятія изъ тѣхъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло и наука, или продукты чистой фантазіи, будемъ ли мы имъ приписывать лишь субъективное значеніе или ихъ объективировать внѣ себя, какъ нѣкія сверхчувственные сущности, во всякомъ случаѣ вырабатываетъ ихъ творческій процессъ мысли, имѣющій цѣлью полноту знанія, соединеніе реальнаго съ идеальнымъ, не знаніе одного того, что есть, но и того что должно быть

для удовлетворенія нашихъ субъективныхъ потребностей. Философія, далѣе, стремится внести въ знаніе стройность; и здѣсь возможны разные пути, слѣдованіе которымъ опредѣляетъ ту или другую философію уже дальнѣйшимъ образомъ: будемъ-ли мы добиваться порядка въ знаніи путемъ строгаго мышленія или путемъ чистаго воображенія, будемъ-ли только продолжать научныя построенія за предѣлами науки или исходить при этомъ изъ мысли о полномъ тождествѣ связи между нашими идеями и связи между вещами, насъ главнымъ образомъ будетъ занимать одно—внесеніе въ знаніе стройности. Наконецъ, цѣлостность знанія, къ которой стремится философія, требуетъ необходимо творчества нѣкоторыхъ обобщающихъ гипотезъ, и именно эту цѣлостность мы имѣемъ въ виду, сводя свое міросозерцаніе къ извѣстнымъ основамъ, станемъ-ли мы видѣть въ нихъ лишь наиболѣе вѣроятныя гипотезы или выдавать ихъ за самыя несомнѣнныя истины, будемъ ли создавать эти гипотезы методомъ мысли, постоянно провѣряющей свои основанія, или путемъ полнаго субъективнаго произвола, постараемся-ли свести этотъ гипотетическій элементъ до *minimum*а, заботясь въ то же время, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не противорѣчилъ наукѣ, или предпочтемъ громоздить гипотезы на гипотезы, не взирая на то, какую цѣну каждая изъ нихъ будетъ имѣть въ глазахъ науки. Итакъ, если идеаль науки — точность знанія, то полнота въ единомъ и стройномъ цѣломъ—идеаль философіи.

Пререканія между философами и учеными могли возникнуть лишь при взаимномъ отчужденіи философіи и науки. Когда первая видѣла въ своихъ идеяхъ нѣкоторыя сущности, лежація въ основѣ вещей, но научнымъ анализомъ не открываемыя, когда идеи эти плохо гармонировали съ соотвѣтственными понятіями науки; когда она связывала элементы знанія чисто фантастическою связью, полагаясь на одно умозрѣніе, на одну связь идей; когда она покидала міръ явленій, съ коимъ имѣетъ дѣло наука, чтобы возвращаться въ такой области, гдѣ знаніе безсильно, гдѣ царство вѣрованія и воображенія, давая одѣй гипотезы и претендуя давать достовѣрныя истины, стремясь къ знанію и игнорируя науку,—тогда именно вооружалась наука противъ философіи, протестуя противъ идеализаціи дѣйствительности, какъ невѣрнаго ея воспроизведенія, противъ идеологіи, какъ извращенія умозрѣнія, противъ метафизики, какъ незаконнаго вмѣшательства поэзіи въ дѣло познаванія міра. Съ своей стороны, представители философіи, имѣвшіе возвышенное понятіе о знаніи, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на науку, которая, коснѣя на конкретномъ, не создавала общихъ понятій, сколько-нибудь способныхъ обогатить содержаніе и освѣтить значеніе философскихъ идей, — которая,

не возвышаясь надъ эмпирическимъ, оставляла свою область въ хаотическомъ безпорядкѣ, не заботясь о систематизаціи своихъ истинъ, сколько-нибудь пригодной, чтобы служить цѣлямъ стройнаго знанія, — которая, наконецъ, занимаясь однѣми частностями, не хлопотала о выработкѣ общихъ теорій, могущихъ найти мѣсто въ цѣлостномъ міросозерцаніи послѣ своего свѣдѣнія къ еще болѣе общимъ гипотезамъ. Но это — крайности, при которыхъ философія начинаетъ превращаться въ особый видъ поэзіи, взявшей на себя роль познаванія міра, а наука едва замѣтными чертами отдѣляется отъ совокупности эмпирическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ каждомъ техническомъ дѣлѣ. Полюбовная размежевка между философіей и наукой, о которой мы говорили выше, также не рѣшаетъ вопроса о надлежащихъ между ними отношеніяхъ: отдавая философіи отвлеченныя понятія, эта размежевка не показываетъ, какія именно понятія — философскія, потому, что безъ нихъ и наука обойтись не можетъ; дѣлая философію обладательницей умозрѣнія, она не опредѣляетъ, что въ немъ нужно считать философскимъ, такъ какъ безъ умозрѣнія нѣтъ и науки; ставя философіи выработку общихъ истинъ, этотъ дѣлежъ молчитъ о томъ, чѣмъ же отличаются общія истины философіи отъ общихъ истинъ, которыя вырабатываются и наукой. Между тѣмъ, каждому хорошо извѣстно, что, напр., понятіе о государствѣ, какъ оно есть, и идея государства, какъ оно должно быть, — двѣ вещи разныя, и только нѣкоторая идеализація дѣйствительности позволяла отождествлять реальную основу вещи съ идеаломъ нашего разума. Или еще: мы хорошо знаемъ, что умозрѣніе, приходящее лишь на помощь опыту и наблюденію, и умозрѣніе, только пользующееся данными опыта и наблюденія, не одно и то же, и называемъ идеологами тѣхъ, которые думаютъ, что чистое умозрѣніе одно способно замѣнить опытъ и наблюденіе и совершенно безъ него обойтись. Наконецъ, не менѣе чувствуется нами разница между общими истинами, которыя мы можемъ провѣрить, и такими, которыя подобной провѣркѣ не подлежатъ, и только одна догматическая метафизика воображаетъ, что ея общія положенія о сущности вещей — не гипотезы, а истины, не нуждающіяся въ провѣркѣ и скорѣе сами сообщающія всякому знанію достовѣрность.

Если обобщить все, что можно сказать о понятіяхъ, построеніяхъ и общихъ положеніяхъ философіи, то существеннымъ ихъ признакомъ должно признать ихъ гипотетичность: каждая философская идея есть гипотеза, говоримъ ли мы о принципѣ чего-нибудь или какомъ-либо идеалѣ, ибо приписать какому-нибудь явленію тотъ или другой принципъ значитъ предположить, что въ основѣ его лежитъ та или другая цѣль, которой оно служитъ, ибо создать идеалъ зна-

читать равнымъ образомъ предположить возможность существованія нѣкотораго явленія; гипотетическій характеръ имѣтъ и каждое философское построеніе, ибо въ основѣ его лежитъ предположеніе, что изъ всѣхъ возможныхъ формъ построенія, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ, избранная нами форма наиболѣе удовлетворительна; наконецъ, именно отсутствіе провѣрки отличаетъ философскія положенія отъ положеній науки, и въ основѣ каждой философской системы лежитъ всегда гипотеза или рядъ гипотезъ, какъ бы при этомъ ни былъ малъ научно недоказуемый элементъ каждой гипотезы и какъ бы ни незначительно было количество такихъ исходныхъ предположеній. Чѣмъ сильнѣе развитъ этотъ основной признакъ философіи, тѣмъ она дальше стоитъ отъ науки, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ здѣсь откровенно идеалистическимъ системамъ, видящимъ въ идеяхъ дѣйствительныя сущности внѣ міра явленій или воплощенныя въ явленіяхъ, признающимъ возможность построенія знанія одной умственной операцией надъ этими идеями, сводящимъ всѣ явленія міра къ одной или нѣсколькимъ сущностямъ. Весь идеализмъ есть не что иное, какъ творчество разнообразныхъ гипотезъ, и если только мы стремимся къ примиренію философіи и науки, мы должны опредѣлить законныя границы идеализма, творчества, гипотетическаго элемента философіи. Только такое опредѣленіе дастъ намъ возможность устранить антагонизмъ между философіей и наукой и произвести между ними не обидную ни для той, ни для другой размежевку.

Наука имѣтъ весьма многое сказать противъ идеалистической философіи: ея гипотезы, вносящія въ знаніе цѣльность, либо противорѣчатъ научнымъ теоріямъ явленій, либо не имѣютъ съ ними точекъ соприкосновенія, а потому наука отворачивается отъ метафизики, основываясь сама на реализмѣ въ смыслѣ ученія о познаваемости одного феноменальнаго міра; вмѣстѣ съ этимъ наука возстаетъ противъ идеологіи, вносящей въ знаніе стройность безъ всякаго руководства со стороны опыта и наблюденія, на которыхъ основанъ реализмъ науки въ смыслѣ воспроизведенія отношеній, данныхъ въ дѣйствительности; и идеализація противорѣчитъ трезвому реализму науки, признающей въ дѣйствительности только то, что открыто научнымъ анализомъ. Но есть одна область, гдѣ идеализмъ неприступенъ: это творчество идеаловъ, оцѣнка явленій съ принципиальной точки зрѣнія, и такой идеализмъ всегда будетъ имѣть мѣсто въ философіи. Однако и сами идеи, принципы, идеалы должны не находиться въ противорѣчій съ наукой, если только философія хочетъ быть научной: каждая идея должна быть преобразованнымъ научнымъ понятіемъ при помощи возведенія въ принципъ одного изъ элементовъ его содержанія, а идеалы должны имѣть за себя хотя бы самую общую вѣроятность,

по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы относились къ явленіямъ, съ которыми наука имѣетъ дѣло. Идея, для которой въ наукѣ нѣтъ соотвѣтственнаго понятія, идеаль, осуществимый только внѣ міра явленій, не имѣютъ пунктовъ соприкосновенія съ тѣмъ, чѣмъ занимается наука.

Въ томъ же смыслѣ наука опредѣляетъ роль творчества въ философіи: оно получаетъ право создавать идеи, которымъ не приписывалось бы ничего, кромѣ того, что въ нихъ мы выражаемъ наши субъективныя требованія отъ вещей; оно получаетъ право вносить стройность въ знаніе, продолжая этимъ дѣло науки за ея предѣлами, но не вводя существенно новыхъ пріемовъ мысли въ эту работу; оно получаетъ право создавать внѣнаучныя теоріи, но не выходя за предѣлы того міра явленій, которымъ занимается наука, и пользуясь послѣдними выводами самой науки.

Говоря другими словами, тамъ, гдѣ философія не превращается въ идеализированіе дѣйствительности, не разрѣшается въ идеологическія построенія, не сводитъ свою задачу къ полученію цѣлостнаго міросозерцанія при помощи недоступной познаванію сущности вещей, — тамъ философія можетъ дѣйствовать свободно, не мѣшая наукѣ дѣлать свое дѣло и не встрѣчая съ ея стороны недоброжелательства. Такая философія только предвосхищаетъ то, что стремится узнать наука и что можетъ осуществить дѣйствительность: она не ставитъ себѣ задачъ, которыя наука по существу считаетъ неразрѣшимыми, и не выходитъ за предѣлы того міра явленій, который дѣлаетъ наука предметомъ своего изученія. Съ этой точки зрѣнія всю философію въ ея вѣковомъ развитіи мы можемъ разсматривать какъ творчество, колеблющееся между двумя полюсами — полюсомъ вѣры и полюсомъ знанія, откуда два противоположные вида философіи — философія религіозная и философія научная съ цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней, средній моментъ между которыми занимаетъ метафизика, никогда не бывшая въ состояніи дать ни вѣры жаждущей душѣ, ни знанія любознательному уму. Во всякой, однако, философіи полнота, стройность и цѣлостность міросозерцанія ради удовлетворенія субъективныхъ стремленій духа стояли всегда на первомъ планѣ, и ни въ чемъ до такой степени не сходились между собою религіозная, метафизическая и научная философіи, какъ именно въ творчествѣ идеаловъ. Дѣйствительность — область науки, только философія творитъ тѣ гипотезы, которыя мы называемъ идеалами.

Не считая философію ни спеціальной, ни универсальной наукой, противопоставляя ее вообще наукѣ, мы находимъ, что противоположеніе это не ведетъ непременно къ ихъ антагонизму или разобщенію и что возможно между ними примиреніе и сближеніе. До сихъ поръ

мы рассматривали то приближеніе философіи къ наукѣ, которое дѣлаетъ первую научной, не лишая ее характерныхъ и отличительныхъ ея признаковъ. Теперь намъ предстоитъ рассмотреть другую сторону дѣла. Если философія можетъ приближаться къ наукѣ и включать въ себя ея переработанныя данныя, то нельзя-ли признать необходимымъ, чтобы и наука приближалась къ философіи и вносила въ себя философскій элементъ? Мы ограничимся пока первой половиной вопроса, общаясь возвратиться ко второй въ другомъ мѣстѣ.

Мы видѣли, что безъ творчества не обходится и наука, и указали, какими гарантіями оно въ ней обставлено. Согласно съ нашимъ опредѣленіемъ философіи, тѣмъ болѣе приближается къ ней наука, чѣмъ значительнѣе въ ней элементъ творчества. Въ этомъ отношеніи можно раздѣлить всѣ науки прежде всего на конкретныя и абстрактныя, по преобладанію въ нихъ описательно-повѣствовательнаго элемента или отвлеченія: первыя имѣютъ дѣло съ единичными фактами, вторыя—съ фактами, обобщенными, съ общими представленіями и понятіями. Простое описаніе единичныхъ фактовъ, собственно говоря, не наука даже, а лишь научный матеріалъ, обладаніе которымъ мы называемъ ученостью, а не научностью. Съ иной точки зрѣнія это раздѣленіе получаетъ новый характеръ, изучаемъ-ли мы самыя явленія или ихъ законы: науки объ явленіяхъ можно назвать феноменологическими, науки о законахъ—номологическими. Каждая феноменологія можетъ быть конкретной и абстрактной, смотря по тому, изучаемъ ли мы явленія, стремясь къ точному, полному, всестороннему изображенію ихъ въ ихъ конкретности, или довольствуемся болѣе отвлеченными схемами, общими характеристиками, краткими формулами, существенными признаками и т. д.; напр., исторія есть наука феноменологическая, что не мѣшаетъ намъ различать конкретныя историческія изображенія, способныя при художественномъ талантѣ историка, возвысить исторію на степень искусства, и абстрактныя историческія изображенія, въ которыхъ многіе и полагаютъ сущность философіи исторіи. Что касается до наукъ номологическихъ, то онѣ, занимаясь общими отношеніями между явленіями, которыя мы называемъ законами, абстрактны уже по самой своей сущности. Наконецъ, возможно еще дѣленіе наукъ на болѣе спеціальныя и болѣе общія. Въ каждой категоріи между обоими типами наукъ существуютъ постепенные переходы: конкретность и абстрактность могутъ имѣть разныя степени, и чѣмъ абстрактнѣе наука, тѣмъ она дальше отъ простаго собиранія научнаго матеріала; между чистой феноменологіей, изучающей причинную связь опредѣленныхъ по мѣсту и времени явленій, и номологіей, изслѣдующей ихъ необходимыя отношенія гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, стоятъ науки классификаціонныя, распредѣляющія предметы

по группамъ; наконецъ, существуетъ масса переходовъ между мелкими спеціальностями, ставящими себѣ задачей изслѣдовать часть предмета, и общими науками, стремящимися охватить цѣлыя большія области предметовъ. То различіе между конкретнымъ и абстрактнымъ, эмпирическимъ и умозрительнымъ, частнымъ и общимъ, къ которому хотѣли свести противоположность между наукой и философіей, имѣетъ несомнѣнное существованіе въ наукѣ. Не разбирая вопроса въ подробности, мы не ошибемся, если скажемъ, что если философія когда-либо пренебрежительно относилась къ наукѣ, то именно только къ такой наукѣ, которая отождествляла себя съ простой эрудиціей, или обладаніемъ конкретными представленіями научнаго матеріала, сводила свою задачу къ констатированію чисто эмпирической связи между предметами и къ исчерпывающему ихъ „перечисленію до конца“ и, зарывшись въ своей маленькой области, игнорировала все остальное. Философія, имѣвшая сколько-нибудь высокое мнѣніе о наукѣ, всегда требовала, чтобы послѣдняя давала общія понятія, открывала законы, обобщала болѣе или менѣе обширныя области знанія,— и только къ одной феноменологической наукѣ относилась съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ смотрѣла на науки номологическія, именно, къ исторіи въ виду того, что ея удовлетворяются извѣстныя субъективныя потребности нашего духа, да и тутъ философія требовала извѣстной абстрактности и цѣльности, находя излишними мелочныя подробности и недостаточными монографическія обработки. Требованиямъ философій наука удовлетворяетъ, когда заботится о полнотѣ своего знанія, которая заключается не въ „перечисленіи до конца“, конечно,— о стройности, которую наиболѣе способны представить изъ себя науки номологическія, какъ системы законовъ,— о цѣлостности знанія, когда обобщаетъ его элементы въ одну теорію той или другой частной области міра. Особенно же всегда приближались къ философій и иногда даже долго сначала именно въ формѣ философій только и существовали тѣ науки, которыя должны имѣть дѣло съ явленіями, затрагивающими субъективную сторону нашего бытія: это явленія, изучаемыя феноменологически въ исторіи, номологически—въ психологій и соціологій, наукахъ о духовной и общественной жизни человѣка,—явленія, имѣющія для насъ принципиальную сторону и пункты соприкосновенія съ нашими идеалами. И въ эти-то самыя науки, какъ мы увидимъ, наиболѣе возможно внесеніе философскаго элемента, какъ, съ другой стороны, наиболѣе годны для объединительнаго творчества философій бываютъ только отвлеченныя понятія, номологическія построенія, самыя общія теоріи.

Таково значеніе философій, какъ творческаго процесса, объединяющаго знаніе въ полное, стройное и цѣлостное міросозерцаніе. По

существу своему философія єдина, а наукъ много, но когда философской обработкѣ мы подвергаемъ какую-либо частную область, внося въ нее единое связующее начало, особенно если оно имѣетъ нѣкоторое соприкосновеніе съ вопросами нашего духа, возникаютъ частныя философіи природы, духа, исторіи, морали, права, государства, общества, прогресса.

II.

Весьма часто приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто исторія не есть наука. Разсматривая аргументы, которые обыкновенно приводятся въ пользу такого положенія, можно придти къ тому заключенію, что въ основѣ ихъ лежитъ условный и односторонній взглядъ на науку: подъ послѣдней разумѣютъ въ такихъ случаяхъ, собственно говоря, только извѣстный видъ науки, а не науку въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы видѣли, что характерный признакъ науки вообще есть подчиненіе знанія своему объекту, и съ этой стороны противъ научности исторіи сказать ничего нельзя. Во-первыхъ, исторія только воспроизводитъ факты, данные въ дѣйствительности, и ихъ только обобщаетъ; во-вторыхъ она построяетъ свое знаніе, слѣдуя дѣйствительной связи между отдѣльными фактами и ихъ группами; въ-третьихъ, свои общія положенія она выводитъ изъ фактовъ же, а если прибѣгаетъ къ догадкамъ, то провѣряетъ ихъ опять-таки на матеріалѣ, данномъ въ дѣйствительности. И для исторической науки точность знанія представляетъ собою высшую цѣль, а точность есть именно соотвѣтствіе знанія съ дѣйствительностью, которое достигается его подчиненіемъ объекту изученія. Отрицающіе научность исторіи только одно доказываютъ, что исторія занимается самими явленіями, взятыми каждое въ отдѣльности или обобщенными, а не ихъ законами, т. е. что исторія есть наука феноменологическая. Въ силу особаго значенія историческихъ явленій мы изучаемъ прилежнѣе отдѣльные, конкретные факты изъ этой области, нежели такіе же одиночныя явленія изъ другихъ областей, цѣнимъ знаніе ихъ индивидуальной, неповторяющейся стороны. И историческая наука, какъ и всякая другая, можетъ такъ обрабатывать свой матеріалъ, чтобы все ближе и ближе подходить къ философіи. Этого она достигаетъ, во-первыхъ, посредствомъ обобщенія отдѣльных фактовъ, во-вторыхъ, чрезъ внесеніе нѣкоторой стройности въ изображеніе ихъ связи, въ-третьихъ, соединяя всю ихъ область въ одно цѣлое.

Первыя явленія, на которыя обратила вниманіе и которыми стала заниматься исторія, были выдающіеся „дѣянія“, *res gestae*, потомъ

вообще дѣятельность людей, и такое направленіе исторической науки можно назвать прагматическимъ. Позднѣе обращено было вниманіе науки на явленія другой категоріи, на „быть“ людей, на то, что называется культурой, и въ этомъ смыслѣ возникло другое направленіе исторической науки—культурное. Въ интересахъ научной спеціализаціи возможно отдѣльное существованіе прагматическаго и культурнаго направленій, исторіи „дѣяній“ и исторіи „быта“, но каждое въ отдѣльности взятое не даетъ полнаго историческаго знанія и можетъ существовать только, какъ ступень къ нему. Полнота историческаго знанія достигается только объединеніемъ обоихъ направленій, но не въ смыслѣ механическаго соединенія прагматическаго разсказа съ культурнымъ описаніемъ, а въ мыслѣ стремленія узнать значеніе „дѣяній“ для „быта“ и „быта“ для „дѣяній“. Съ этой точки зрѣнія мы въ дѣятельности людей видимъ рядъ фактовъ, которые имѣли вліяніе на культуру, а въ культурѣ другой рядъ фактовъ, которые обуславливали людскую дѣятельность. Иными словами, задачей наукъ ставится изображеніе взаимодѣйствія между „дѣяніями“ и „бытомъ“, въ которомъ и состоитъ историческій процессъ: здѣсь историкъ не имѣетъ уже права строго отдѣлять прагматическій разсказъ отъ культурнаго описанія; онъ долженъ изображать жизнь общества во всей ея полнотѣ, исходя изъ того взгляда, что эта жизнь состоитъ въ дѣятельности его членовъ, результатомъ коей являются перемѣны въ его культурѣ,—и въ измѣненіи этой самой культуры, отражающемся на характеръ дѣятельности членовъ общества. Не прагматическія или культурныя явленія дѣлаются тутъ предметомъ науки, а явленія общественныя съ ихъ прагматически-культурнымъ содержаніемъ. Человѣческое общество есть совокупность индивидуумовъ, объединенныхъ въ цѣлое активными взаимодѣйствіями и общими культурными формами: общественныя явленія,—лишь разныя стороны которыхъ представляютъ изъ себя поступки людей и культурныя формы народовъ,—и составляютъ предметъ исторической науки въ ея высшемъ направленіи, примирающемъ односторонности прагматизма и описанія быта, къ направленію, которое можно назвать культурно-прагматическимъ. Имъ только и достигается полнота историческаго знанія посредствомъ обобщенія двухъ бросающихся въ глаза категорій историческихъ явленій подъ одной болѣе общей категоріей явленій социальныхъ.

Историческая наука стремится внести и извѣстную стройность въ свое знаніе. На первыхъ порахъ прагматическое направленіе не шло далѣе простой хронологической связи между „дѣяніями“ и только съ теченіемъ времени выработало и развило въ себѣ привычку къ изображенію послѣдовательности фактовъ, какъ длинной цѣпи причинъ и слѣдствій: nihil sine causa sufficiente, ничто безъ достаточнаго

основанія, — таковъ девизъ историческаго прагматизма, разсматривающаго каждый фактъ, какъ слѣдствіе одного и причину другого. Съ другой стороны, и культурное направленіе свои явленія разсматривало только въ хронологическомъ порядкѣ, пока не стало доискиваться связи между двумя послѣдовательными совокупностями культурныхъ формъ, какъ возникающими одна изъ другой: *natura non facit saltus*, природа скачковъ не дѣлаетъ, — это изреченіе было распространено и на исторію, и культурное направленіе нашей науки стало на точку зрѣнія постепеннаго трансформизма всего того, что мы называемъ культурой, исключая всякую мысль о новомъ, которое не было бы преобразованіемъ стараго или не имѣло бы въ немъ корней. Послѣдовательность фактовъ, основанная на причинной связи, послѣдовательность явленій, основанная на постепенномъ трансформизмѣ, — вотъ тѣ двѣ формы, которыми пользуются два направленія исторической науки, чтобы расположить элементы своего знанія въ болѣе или менѣе стройномъ порядкѣ. Но въ предѣлахъ самой науки дѣло на этомъ остановиться не можетъ.

Изображеніе причинной связи послѣдовательныхъ человѣческихъ дѣйствій необходимо предполагаетъ и описаніе измѣненія тѣхъ условій, среди которыхъ совершается эта дѣятельность, условіями же этими являются культурныя формы общества: значить, чистый прагматизмъ не принимаетъ въ расчетъ, что причинная послѣдовательность въ разные моменты обусловлена различно, что каждый фактъ нужно брать не только въ связи съ его причиной и слѣдствіемъ, но и съ условіями, среди которыхъ онъ совершается. Притомъ каждое „дѣяніе“ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ не одно другое „дѣяніе“, но и какую-либо перемѣну въ культурной обстановкѣ послѣдующихъ „дѣяній“. Съ другой стороны, изобразить послѣдовательность культурныхъ явленій, какъ ихъ трансформацию, невозможно, не указавъ на тѣ дѣятельности, которыя участвуютъ въ этой трансформациі: не сами же собою измѣняются культурныя формы, а дѣйствіями людей, и потому понять измѣненіе формъ можно, только обратившись къ разсказу о тѣхъ „дѣяніяхъ“, которыя производили перемѣны. Чисто культурное направленіе, такъ сказать, должно игнорировать, что культурный трансформизмъ имѣетъ корень въ измѣняющейся дѣятельности людей, что каждую культурную форму нужно брать не только въ связи съ той, изъ которой она возникла, и съ той, въ которую превратилась, но и въ связи съ тѣми причинами, безъ участія коихъ не могло бы быть измѣненія, а послѣднія суть человѣческія дѣятельности. Притомъ каждая культурная форма не только перерабатывается въ новую, но и обусловливаетъ человѣческія дѣянія. Съ этой точки зрѣнія историческій процессъ представляется намъ не какъ причинная послѣдовательность

дѣйствій и постепенный трансформизмъ культуры, взятые въ отдѣльности или рядомъ другъ съ другомъ существующіе, но какъ взаимодѣйствіе двухъ процессовъ: процесса дѣятельности людей, подчиненнаго причинности, и процесса измѣненія культуры, совершающагося постепенно. Эта послѣдовательность общественныхъ явленій съ ихъ прагматическимъ и культурнымъ содержаніемъ, подчинена одновременно самымъ общимъ законамъ всѣхъ явленій въ мірѣ, закону причинности (*nihil sine causa sufficiente*) и закону постепенности всякихъ измѣненій (*natura non facit saltus*), а оба они обобщаются въ понятіи эволюціи, развитія: историческая наука вноситъ стройность въ свое знаніе, изображая жизнь общества, какъ его эволюцію, состоящую во взаимодѣйствіи дѣятельности его членовъ съ существующими въ немъ культурными формами. Если полнота знанія въ исторической наукѣ достигается соединеніемъ знанія о „дѣяніяхъ“ членовъ общества съ знаніемъ его „быта“, то стройность получается только при изображеніи развитія общества, какъ результата взаимодѣйствія между этими „дѣяніями“ и „бытомъ“.

Историческая наука можетъ дѣлать своимъ предметомъ эволюцію каждаго общества, взятаго въ отдѣльности, но вслѣдствіе этого получаютъ только частныя исторіи тѣхъ или другихъ народовъ. Знаніе исторіи только тогда сдѣлается цѣльнымъ, когда оно обратится ко всѣмъ когда-либо существовавшимъ и нынѣ существующимъ обществамъ и соединитъ частныя исторіи въ общую исторію, поставивъ ей задачу—изобразить эволюцію всѣхъ человѣческихъ обществъ, дать полное, стройное и цѣлостное знаніе всѣхъ историческихъ явленій, болѣе конкретное или болѣе абстрактное. Чѣмъ абстрактнѣе будетъ это изображеніе всемірной исторіи, тѣмъ легче будетъ достигнуть полноты, стройности и цѣлостности знанія, и вотъ почему. Во-первыхъ, понятіе „жизнь общества“ абстрактнѣе, чѣмъ понятія „дѣяній“ и понятія „быта“, но оно полнѣе, ибо объединяетъ оба послѣднія; во-вторыхъ, при болѣе абстрактномъ изображеніи эволюціи мы упрощаемъ это изображеніе, сводя, такъ сказать, перепутывающіяся и хаотическія нити исторіи къ немногимъ болѣе простымъ господствующимъ и менѣе изъ стороны въ сторону колеблющимся, а потому болѣе правильнымъ линіямъ; въ-третьихъ, знаніе наше дѣлается болѣе цѣлостнымъ, какъ скоро мы соединяемъ совокупность конкретныхъ, но разрозненныхъ народовъ, какъ части одного абстрактнаго цѣлаго человѣчества.

На этой ступени своего объединенія историческое знаніе можетъ съ наибольшимъ удобствомъ сдѣлаться предметомъ обработки философской, цѣлью которой должны быть еще бѣльшая цѣлостность, стройность и полнота знанія. Вполнѣ цѣлостнаго историческаго зна-

нія наука, какъ таковая, дать не въ состояніи: мы научно можемъ знать только исторію прошедшаго, исторію настоящаго, но не исторію будущаго, потому что наукѣ дается не вся исторія отъ ея начала до ея конца. Будущее есть область внѣнаучная, и съ этой-то именно стороны историческая наука не даетъ вполне цѣлостнаго знанія. Она не можетъ дать и совершенной его стройности, если не представитъ себѣ естественнаго предѣла того взаимодѣйствія между человѣческой дѣятельностью и ея культурными условіями, которое лежитъ въ основѣ всякаго историческаго процесса, а такой естественный предѣлъ мыслить лишь подъ условіемъ цѣли, достиженіе которой мы можемъ приравнять наступленію такого момента, когда культурныя формы вполне будутъ соответствовать основнымъ мотивамъ человѣческой дѣятельности. Наконецъ, наука, изучая дѣйствительныя общественныя явленія, какъ они есть, не имѣетъ цѣлю изслѣдовать, какими они должны быть, достигши высшей степени своего развитія. Такимъ образомъ историческая наука на послѣдней ступени объединенія своего знанія приводитъ насъ къ философіи, которой мы въ данномъ случаѣ имѣемъ право дать названіе исторіософіи, на томъ же основаніи, на какомъ философію природы называютъ натурфилософіей. Здѣсь начинается область творчества. Первый его моментъ—творчество идеала общественныхъ явленій, возводящее научное понятіе общества, какъ оно есть, на степень идеи общества, какъ оно должно быть. Этотъ идеалъ, въ построеніи коего должны участвовать наши субъективные принципы и наше знаніе законовъ общественныхъ явленій, представленіе о томъ, чѣмъ общество должно быть, и знаніе о томъ, чѣмъ оно быть можетъ и чѣмъ не можетъ, мы разсматриваемъ, какъ цѣль нашей разумной общественной дѣятельности и всѣхъ желательныхъ культурныхъ измѣненій. На этой почвѣ у насъ возникаетъ идея прогрессивныхъ дѣятельностей и измѣненій культуры, какъ ведущихъ насъ къ этой цѣли. Второй моментъ упомянутаго творчества заключается въ построеніи того общаго порядка, въ которомъ можетъ осуществляться прогрессъ, въ созданіи формулы прогресса: идеалъ общества можетъ быть осуществленъ только историческимъ процессомъ, и мы для полученія формулы прогресса начинаемъ смотрѣть на идеалъ, какъ на цѣль историческаго процесса, а въ законахъ послѣдняго искать тѣ средства, которыя дѣлаютъ возможнымъ его осуществленіе, создавая такимъ образомъ представленіе объ идеально-прогрессивномъ историческомъ процессѣ. Третій моментъ указаннаго творчества заключается въ такомъ объединеніи исторической науки, чтобы на дѣйствительный ходъ исторіи можно было взглянуть съ точки зрѣнія формулы прогресса, т. е. подойти къ реальной исторіи съ предположеніемъ для нея извѣстной идеаль-

ной цѣли, достигающейся извѣстнымъ образомъ, и, изслѣдовавъ, насколько эмпирическій ходъ исторіи не соответствуетъ формулѣ прогресса, произвести судъ надъ доселѣ совершившимися историческими явлениями, сдѣлать оцѣнку всего хода исторіи, какъ его намъ изображаетъ наука, понять общій смыслъ всѣхъ уже извѣстныхъ намъ перемѣнъ въ судьбахъ человѣчества. Такое субъективное отношеніе къ научному изображенію эволюціи всѣхъ человѣческихъ обществъ и создаетъ философію исторіи. Философія исторіи есть изображеніе исторіи съ точки зрѣнія гипотезы, что у жизни человѣчества должны быть только одна разумная цѣль, одна разумная послѣдовательность въ ея достиженіи, одна общая всѣмъ людямъ основа этой послѣдовательности. Къ такой задачѣ можно отнести научно и не научно: не научное отношеніе заключается въ идеализаціи исторіи, т. е. въ представленіи дѣйствительнаго ея хода, какъ совершенно разумнаго, въ идеологін, стремящейся умозрѣніемъ построить самый ходъ исторіи, въ метафизикѣ, которая подъ покровомъ реальной исторіи желаетъ открыть какой-то идеальнѣйшій процессъ развитія самой сущности вещей. Научная философія исторіи не идеализируетъ дѣйствительность, но судитъ ее съ точки зрѣнія идеала; научная философія исторіи не построяетъ ея хода, а беретъ его такимъ, какимъ намъ даетъ его наука, и только оцѣниваетъ его съ точки зрѣнія нѣкоторой умозрительной формулы; научная философія исторіи ищетъ смыслъ исторіи, но не какъ ея сверхчувственную сущность, а какъ значеніе ея перемѣнъ для человѣчества. Чтобы философія исторіи была научной, необходимо соблюденіе двухъ условій: во-первыхъ, матеріаль ея—факты, ихъ послѣдовательность, ихъ соединеніе—долженъ быть ей доставленъ наукой; во-вторыхъ, та формула прогресса съ точки зрѣнія коей она объединяетъ историческое знаніе, должна играть роль только мѣрки, которую мы прикидываемъ къ дѣйствительной исторіи, а не планомъ, по которому она происходитъ, и сама мѣрка эта должна соответствовать измѣряемому предмету, т. е. не заключать въ себѣ такого идеала, чтобы его не могла осуществить исторія, не указывать къ нему путей, не находящихъ себѣ мѣста среди условій историческаго процесса вообще, не искать основы движенія къ этому идеалу внѣ міра явленій человѣческой жизни. Ненаучная философія исторіи не только произвольно распоряжается съ данными исторической науки, но пользуется и ненаучной исторіософіей, создавая фантастическій идеалъ, построяя научно невозможный путь его осуществленія, принимая чисто фиктивную основу историческаго движенія.

Въ каждой философіи исторіи необходимо соединены два элемента—научный и философскій, элементъ подчиненія объекту знанія и элементъ чистаго творчества. Философія исторіи въ томъ научномъ

смыслъ, о которомъ мы говоримъ, не должна вносить въ исторію ничего, чего не дала бы сама наука, кромѣ точки зрѣнія, руководящей идеи, объединяющаго принципа; это та же историческая наука только съ философскимъ элементомъ суда надъ историческими явленіями, оцѣнки ихъ послѣдовательности, исканія смысла въ ихъ совокупности, съ извѣстнымъ освѣщеніемъ фактовъ. Эту руководящую идею даетъ исторіософическая формула прогресса, т.-е. есть гипотетическое построение его законовъ основанное на внесеніи въ научное изслѣдованіе духовной и общественной эволюціи—объединяющаго принципа разумной цѣли, къ которой должна стремиться эта эволюція: существенное содержаніе исторіософіи то же, что и въ номологическихъ наукахъ, изучающихъ законы развитія духовной и общественной жизни, т.-е. въ психологіи и соціологіи, только построенное съ особенной точки зрѣнія идеала, который должно осуществлять это развитіе. Самый идеалъ этотъ есть не что иное, какъ особый видъ отношенія къ явленіямъ духовной и общественной жизни, не описаніе ихъ или рассказъ о нихъ, не изслѣдованіе ихъ законовъ, а построение идеальной жизни съ точки зрѣнія извѣстныхъ принциповъ или принципа. Эти принципы ипредставляютъ исходный пунктъ философствованія: они лежатъ въ основѣ идеаловъ личнаго и общественнаго бытія, создаваемыхъ индивидуальной и соціальной этикой; послѣдніе лежатъ въ основѣ той формулы прогресса, которую вырабатываетъ исторіософія; эта формула, наконецъ, лежитъ въ основѣ философскаго отношенія къ исторіи, дающаго начало философіи исторіи. Выше мы раздѣлили науки на феноменологическія и номологическія, отнесши къ первымъ исторію, ко вторымъ психологію и соціологію: философія исторіи есть философская феноменологія, исторіософическая формула прогресса—философская номологія, и въ обоихъ случаяхъ философскій характеръ историческимъ или психологическимъ и соціологическимъ занятіямъ сообщается деонтологическимъ элементомъ, понимая подъ деонтологіей знаніе должнаго въ отличіе отъ онтологіи не въ старомъ метафизическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ знанія о дѣйствительномъ, будетъ ли—это знаніе явленій (феноменологія) или знаніе ихъ законовъ (номологія). Деонтологія, изслѣдованіе вещи, какъ она должна быть съ точки зрѣнія того, что мы отъ вещи требуемъ, можетъ быть только продуктомъ, нашего творчества: здѣсь творчество со стороны науки ограничено только, такъ сказать, отрицательно указаніями на то, чѣмъ данная вещь по самой своей природѣ не можетъ быть, иначе идеалы наши будутъ невѣроятны, фантастичны. Уже слабѣе творчество въ философской номологіи, въ формулѣ прогресса: здѣсь оно получаетъ новое ограниченіе со стороны науки, указывающей на тѣ познанные ею законы, дѣйствіе которыхъ въ состояніи вести къ осуществленію идеала, иначе наша фор-

мула прогресса будетъ произвольна, не правдоподобна. Еще болѣе ограничивается роль творчества въ философіи исторіи: явленія, о которыхъ она говоритъ, ихъ послѣдовательность, которую она изображаетъ, ихъ совокупность, которой она занимается, даны намъ самимъ опытомъ, и только точка зрѣнія на эти явленія, руководящая идея въ разсмотрѣніи ихъ послѣдовательности, объединяющій принципъ въ обзорѣ ихъ совокупности суть продукты нашего творчества, а самихъ явленій, ихъ послѣдовательности и совокупности мы не придумываемъ, ибо иначе исторія будетъ совершенно фиктивная, никогда на самомъ дѣлѣ не существовавшая. Узнать *a priori* реальные факты исторіи, ея настоящий ходъ, все ея дѣйствительное содержаніе—невозможно, но вполне возможно отнестись ко всему этому съ апріорной точки зрѣнія, подойти ко всему этому съ апріорной руководящей идеей, внести въ знаніе всего этого апріорный объединяющій принципъ. Точно также *a priori*, однимъ идеологическимъ умозрѣніемъ нельзя узнать законовъ развитія духа и общества, не изучая дѣйствительныхъ психическихъ и социальныхъ явленій: *a priori* можно только поставить этому развитію цѣль и изслѣдовать, какъ это развитіе могло бы осуществлять указанную цѣль, нисколько не предрѣшая того, что вообще на самомъ дѣлѣ производитъ это развитіе. Вполнѣ апріорны только тѣ принципы, которые мы кладемъ въ основу нашихъ идеаловъ, они одни—продукты наиболѣе чистаго творчества: идеалы личной и общественной жизни находятся въ постоянномъ противорѣчьи съ дѣйствительностью, и съ ихъ точки зрѣнія эту дѣйствительность мы судимъ и стремимся преобразовать прогрессивною дѣятельностью; дѣйствительный ходъ исторіи также не совпадаетъ съ нашимъ требованіемъ, чтобы онъ былъ всегда прогрессивенъ, и въ идеѣ прогресса мы имѣемъ руководящую идею при оцѣнкѣ дѣйствительнаго хода исторіи и при предъявленіи требованій нашихъ къ имѣющей еще совершаться исторіи; вся совокупность дѣйствительной исторіи не укладывается въ рамки цѣлостнаго процесса, имѣющаго одну только основу, но съ объединяющимъ принципомъ мы вносимъ въ историческое знаніе цѣлостность, стремясь узнать общій смыслъ всей совокупности историческихъ фактовъ, имѣющихъ столь разнообразныя основы. Съ эмпирической точки зрѣнія исторія должна представляться необозримымъ множествомъ отдѣльныхъ фактовъ, и высшее единство въ эту совокупность разрозненныхъ элементовъ возможно внести только двумя путями, либо предположивъ нѣкоторое объективное единство въ ихъ основѣ, какъ поступала метафизика, стремившаяся вывести всю исторію изъ одного начала, что приводило ее въ концѣ концовъ къ фиктивнымъ пантеистическимъ концепціямъ, либо ставя себѣ задачу создать субъективное единство разсмотрѣнія исторіи,

опредѣляя ея смыслъ для человѣка. Съ эмпирической точки зрѣнія ходъ исторіи долженъ представляться намъ крайне хаотическимъ, и стройности историческаго знанія можно достигнуть, лишь предположивъ, что хаосъ этотъ лишь одна видимость, но что въ основѣ его лежитъ гармоничный планъ, какъ это и дѣлала метафизика, думавшая найти этотъ планъ своей идеологіей и потомъ искажавшая дѣйствительный ходъ исторіи, чтобы подогнать его къ своимъ измышлениямъ, или же требуемый стройности знанія можно достигнуть, оцѣнивая дѣйствительный ходъ исторіи съ точки зрѣнія нѣкоторой воображаемой, а потому чисто-субъективной гармоніи прогрессивнаго процесса. Съ эмпирической точки зрѣнія явленія исторіи не заключаютъ въ себѣ всей полноты знанія о судьбахъ человѣка; полноту эту метафизика думала найти, идеализируя дѣйствительность, т.-е. приписывая каждому явленію воплощеніе идеала на той или другой ступени его развитія, но научная философія не перекрашиваетъ дѣйствительность въ цвѣта оптимистической фантазіи, а достигаетъ полноты знанія, беря явленія такими, каковы онѣ суть на самомъ дѣлѣ, чтобы судить ихъ съ точки зрѣнія того, чѣмъ онѣ должны быть: она не отождествляетъ необходимое, какъ имѣющее достаточныя основанія для своего существованія, съ должнымъ, какъ имѣющимъ достаточныя основанія, чтобы быть желательнымъ.

Всѣмъ этимъ и опредѣляется взаимное отношеніе научнаго и философскаго элементовъ въ философіи исторіи: наука даетъ знаніе исторической дѣйствительности, какъ совокупности множества явленій, ихъ хаотической послѣдовательности и необходимости этой послѣдовательности въ зависимости отъ разныхъ случайностей, стремясь объединить многое, насколько это возможно, найти въ хаосѣ относительные порядки, свести случайности къ условнымъ necessities; въ изображеніе обработаннаго такимъ образомъ матеріала философія вноситъ исканіе субъективнаго смысла въ томъ единствѣ, къ которому наука сводитъ многое,—стремленіе оцѣнить тѣ относительные порядки, которые наука находитъ въ хаосѣ своего матеріала, съ точки зрѣнія порядка идеальнаго,—желаніе произнести свой судъ надъ условными necessities, къ коимъ наука сводитъ все случайное, съ точки зрѣнія безусловно должнаго. Такимъ образомъ если высшая задача исторической науки состоитъ въ томъ, чтобы представить объективно эволюцію всѣхъ человѣческихъ обществъ, то философія исторіи есть не что иное, какъ субъективное отношеніе къ этой эволюціи, разсмотрѣніе ея съ точки зрѣнія прогресса въ жизни единаго по своей природѣ человѣчества.

Историческая наука есть объективная феноменологія жизни человѣчества; философія исторіи есть также феноменологія съ субъектив-

нымъ элементомъ суда, оцѣнки, критики явленій. Только къ феноменологій духовной и общественной жизни человѣчества въ ея развитіи можетъ существовать такое субъективное отношеніе безъ всякой метафизики. Философія исторіи природы (не сама философія природы, объединяющая наши физическія знанія при помощи общихъ гипотезъ) въ такомъ смыслѣ невозможна, по крайней мѣрѣ, на научной почвѣ. Если провести черту между міромъ природы и міромъ исторіи и между соответственными науками, то и въ философіи можно создать двѣ особыя области, философію міра природы, или натурфилософію, и философію міра исторіи, или исторіософію: обѣ онѣ, какъ философскія теоріи природы и исторіи, будутъ преслѣдовать одні и тѣ же цѣли, внося полноту, стройность и цѣлостность въ свое знаніе, но есть и коренное различіе между ними, состоящее въ томъ, что натурфилософія имѣетъ дѣло съ однимъ дѣйствительно существующимъ, тогда какъ исторіософія, сверхъ того, занята вопросомъ и о должномъ, т.-е. первая имѣетъ характеръ чисто онтологическій, а во второй есть и деонтологическій элементъ. Поэтому исторію природы (а не вообще ея міръ) нельзя дѣлать предметомъ философской обработки въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы философски обрабатываемъ не только міръ исторіи въ исторіософіи, но и самое исторію въ философіи исторіи. Человѣческой дѣятельности и измѣненіямъ культурныхъ формъ, составляющихъ историческій процессъ, мы можемъ поставить идеальную цѣль, не выходя за предѣлы міра явленій; дѣйствию слѣпыхъ силъ природы и измѣненіямъ въ ея существахъ, составляющимъ процессъ природы, мы не можемъ поставить цѣли, не выходя за предѣлы міра явленій, т.-е. не становясь на ненаучную точку зрѣнія метафизики. Человѣческая исторія изучаетъ дѣятельность людей и ихъ результаты, но человѣческая дѣятельность ставитъ себя вообще цѣли, между которыми мы можемъ найти цѣли разумныя, какъ истинные принципы, долженствующіе руководить поведеніемъ людей и примѣненіе которыхъ создаетъ благо; исторія природы изучаетъ дѣйствіе слѣпыхъ ея силъ и результаты этого дѣйствія,—дѣйствіе, цѣлей себя не ставящее и такъ сказать, равнодушное къ добру и злу, которое можетъ происходить для кого бы то ни было отъ его результатовъ. Человѣческая исторія слѣдитъ за измѣненіями духовной культуры и соціальной организациі, но и та, и другая существуютъ не сами для себя, а создаются людьми для удовлетворенія ихъ потребностей, а потому мы имѣемъ право оцѣнивать дѣйствительныя культурныя и соціальныя формы съ точки зрѣнія идеальныхъ, т.-е. вполне удовлетворяющихъ человѣка, ихъ бессознательно или сознательно творящаго. И исторія природы можетъ слѣдить за измѣненіемъ формъ ея бытія, формъ механическихъ и органическихъ, но такъ какъ

мы не знаемъ, для кого объективно онѣ существуютъ, то въ разсказѣ, напр., о томъ, какъ одни животные виды смѣнялись другими, мы не можемъ дѣлать оцѣнки этихъ измѣненій съ точки зрѣнія цѣлей, коими эти формы служатъ. Только и возможенъ тутъ научно одинъ взглядъ: это—взглядъ на исторію природы, какъ на подготовленіе міра исторіи, и тогда только исторія природы можетъ быть разсмотрѣна съ субъективной точки зрѣнія; но это точка зрѣнія не натурфилософін, а исторіософін, вынесеніе историческихъ идей за предѣлы міра исторіи въ міръ природы, разъ мы видимъ въ послѣднемъ лишь подготовленіе исторіи, процессъ, приводящій къ моменту, когда возникаютъ нѣкоторыя существа, способныя создавать себѣ идеалы и стремиться къ ихъ осуществленію. Исторіософія естественно становится на антропоцентрическую точку зрѣнія, ибо и на самомъ дѣлѣ человекъ—центръ міра исторіи, чрезъ котораго и для котораго происходитъ все совершающееся въ исторіи. Антропоцентрическая точка зрѣнія въ натурфилософін, наоборотъ, есть только фикція, законная лишь въ субъективномъ смыслѣ: объективно природа существуетъ не только не чрезъ человека, но и не для человека.

Занимаясь науками, изучающими какую бы то ни было категорію предметовъ, мы имѣемъ въ виду не одно удовлетвореніе нашей любознательности, но и добываніе знаній, необходимыхъ въ практической жизни. Такія знанія имѣютъ характеръ правилъ, коими долженъ руководиться человекъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, и совокупность извѣстныхъ правилъ представляетъ изъ себя теорію того или другаго искусства, то-есть той или другой дѣятельности, направленной на приспособленіе природы или человека къ тѣмъ или инымъ цѣлямъ. Такихъ теорій столько же, сколько разныхъ родовъ дѣятельности: онѣ изслѣдуютъ средства, ведущія къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ, но цѣли существуютъ такъ или иначе уже раньше, нежели возникаютъ соотвѣтствующія теоріи. И опытомъ исторіи или вообще духовной и общественной жизни пользуется человекъ во всѣхъ своихъ дѣятельностяхъ, во всѣхъ своихъ теоріяхъ: не даромъ говорятъ, что исторія есть наставница жизни. И въ областяхъ, гдѣ искусство не состоитъ въ прямомъ воздѣйствіи на природу, возникаютъ такія теоріи, теорія воспитанія людей, теорія управленія ими, теорія занятія науками и т. п. Сами по себѣ, однако, онѣ не заключаютъ въ себѣ разработки вопроса о цѣляхъ воспитанія, управленія, занятія науками и т. п., ибо эти цѣли онѣ принимаютъ, какъ нѣчто извнѣ данное, готовое: разработкой самыхъ цѣлей дѣятельности занимается особое направленіе критической и творческой мысли, изслѣдующее вопросы о должномъ, деонтологія. Намъ недостаточно знать, какими средствами долженъ пользоваться воспитатель или правитель для достиженія

своихъ цѣлей, необходимо еще подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какія цѣли воспитанія или управленія нужно считать цѣлями разумными и хорошими. Примѣняя все сказанное къ историческому процессу, какъ дѣятельности человѣчества, мы создаемъ, такъ сказать, теорію жизни въ виду разумныхъ цѣлей исторіи, теорію, которая есть только совокупность правилъ, какія только можно извлечь изъ формулы прогресса и поддержити примѣрами изъ философіи исторіи. Во всѣхъ теоріяхъ искусствъ, имѣющихъ предметомъ человѣческія отношенія, все зависитъ отъ основного принципа, во имя котораго ставится та или другая цѣль, которымъ опредѣляется то или другое правило, которымъ указывается, что подлежитъ переработкѣ нашей дѣятельностью: мы различаемъ между цѣлями хорошими и дурными, оцѣниваемъ правила не только со стороны ихъ цѣлесообразности, но и со стороны ихъ нравственнаго значенія, разсматриваемъ предметы не только, какъ удобные для воздѣйствія нашего, но и какъ его достойные и его требующіе. Другими словами, въ извѣстнаго рода дѣятельностяхъ мы находимъ принципиальную сторону, изслѣдуя основной принципъ поставленныхъ нами себѣ цѣлей, основной принципъ правила, коимъ хотимъ руководствоваться, основной принципъ вещи, подлежащую нашему преобразованію, т.-е. принципъ вещи, въ развитіи коего должно состоять ея преобразование. Эта принципиальная сторона существуетъ только въ дѣятельностяхъ, направленныхъ на міръ человѣческихъ отношеній: наши цѣли при воздѣйствіи на природу могутъ быть только достижимыми или недостижимыми, въ родѣ, напр., жизненнаго эликсира или философскаго камня, дающихъ безсмертіе и превращающихъ все въ золото, но не имѣютъ значенія дурныхъ или хорошихъ, если только чрезъ воздѣйствіе на природу мы такъ или иначе не задѣваемъ человѣка; равнымъ образомъ и техническія правила переработки природы бываютъ цѣлесообразными или нецѣлесообразными, не имѣя никакого отношенія къ нравственности, какъ соответствующія или несоответствующія ея требованіямъ; наконецъ, преобразование предметовъ природы состоитъ въ измѣненіи тѣхъ или другихъ ихъ признаковъ, которымъ мы не приписываемъ принципиальнаго значенія. По отношенію къ природѣ всѣ наши цѣли одинаково хороши, всѣ наши правила одинаково нравственны, всѣ предметы въ природѣ для насъ имѣютъ одинаковое внутреннее достоинство, ибо къ природѣ у насъ нѣтъ нравственнаго отношенія. Вотъ почему въ теоріяхъ искусствъ, имѣющихъ цѣлью прямое воздѣйствіе на природу, не возникаетъ вопроса о достоинствѣ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ: медицина принимаетъ здоровье, какъ свою цѣль, безъ дальнѣйшихъ разсужденій и создаетъ въ виду этой цѣли научную теорію своихъ правилъ. Иное дѣло съ искусствами другого рода: тутъ недостаточно

знать, что необходимо соблюдать такі-то правила, дабы достигнуть такой-то цѣли, нужно еще изслѣдовать, какія же цѣли изъ всѣхъ ставившихся, напр., государству или праву слѣдуетъ принять, какъ разумныя, истинныя, нравственныя. Въдѣ въ пониманіи, положимъ, государства человѣчество колебалось между діаметрально-противоположными воззрѣніями на его сущность, а потому и на тотъ идеалъ, осуществленію котораго слѣдуетъ содѣйствовать. Одна научная теорія правилъ поведенія, имѣющихъ цѣлью осуществленіе идеала, насъ удовлетворить не можетъ: мы противопоставляемъ такой научной теоріи политическаго искусства философскую теорію политическаго идеала.

Это, я думаю, объясняетъ, почему отношеніе философіи къ міру духовной и общественной жизни, а слѣдовательно и къ міру исторіи, должно быть инымъ, чѣмъ къ міру матеріальнаго бытія, къ міру природы. Этимъ же объясняется и значеніе философіи въ историческомъ знаніи.

Во-первыхъ, занятіе исторіей, какъ и всякая искусственная дѣятельность, должно имѣть свою теорію, дающую извѣстныя правила, коими долженъ руководствоваться историкъ. Совокупность этихъ правилъ мы называемъ историкой, а къ ней можно отнести просто научно или философски, когда мы начертываемъ при помощи философскихъ идей идеалъ историческаго знанія: тогда историка превращается въ исторіософію.

Во-вторыхъ, теорія исторической науки немислима безъ теоріи тѣхъ явленій, коими наука эта занимается, т.-е. безъ знанія законовъ психологіи и соціологіи; равнымъ образомъ и исторіософія немислима безъ изслѣдованія того, что выше было названо формулой прогресса. Исторіософію создаетъ такимъ образомъ внесеніе философскаго элемента въ исторіку, какъ теорію историческаго знанія, и въ психологію съ соціологіей, какъ теорію историческихъ явленій.

Въ-третьихъ, на историческую науку мы смотримъ, какъ на наставницу жизни, но въ научныхъ предѣлахъ она можетъ давать только чисто эмпирическія указанія; наставницей жизни должна быть и философія, которая ставитъ жизни цѣли и создаетъ формулу прогресса, какъ планъ жизни въ виду идеальной цѣли исторіи.

Въ-четвертыхъ, историческое знаніе только тогда можетъ быть полно, стройно и цѣлостно, когда мы пользуемся матеріаломъ науки не ради удовлетворенія одной любознательности чисто объективной, но и для удовлетворенія потребности нашей судить явленія, какъ дурныя и хорошія, оцѣнивать ихъ смѣну, какъ переходъ къ худшему или къ лучшему, находить во всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ тотъ или другой общій смыслъ, поддержку безсознательнаго пессимизма или оптимизма, съ которыми мы относимся къ жизни человѣчества

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вопросъ о прогрессѣ занимаетъ центральное мѣсто. Исторіи, какъ наукѣ, ставится задача изображенія эволюціи, но что такое эта эволюція, если ей не поставитъ идеальной цѣли? Не все ли равно она, что смѣна фигуръ калейдоскопа? Какъ можно внести въ историческую науку философскій элементъ, который позволилъ бы смотрѣть на эволюцію, какъ на прогрессъ? Что далѣе въ эволюціи заключается такого, что позволяетъ ей быть прогрессивной и какія отсюда могутъ быть выведены правила для нашего поведенія, какъ историческихъ дѣятелей? Наконецъ, если стать на эту точку зрѣнія, какой смыслъ имѣетъ для человѣчества все, что доселѣ осуществлено исторіей, какую оцѣнку можно сдѣлать ея ходу въ прошломъ, какой приговоръ произнесетъ судъ надъ исторической дѣйствительностью съ точки зрѣнія прогресса? Есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ въ прошломъ доказательство того, чтобы прогрессъ въ немъ сколько-нибудь осуществился, малѣйшее ручательство того, что наши попытки располагать свою дѣятельность по формулѣ прогресса продвинутъ насъ хоть немного впередъ?

Но что такое прогрессъ самъ въ себѣ, въ своей идеѣ, т. е. какъ историческій процессъ съ опредѣленной основой, формой и цѣлью, безотносительно къ тому, что въ дѣйствительной исторіи можно назвать прогрессивнымъ. Этотъ вопросъ есть исходный пунктъ философіи прогресса, которую мы просимъ не смѣшивать ни съ научной теоріей развитія, ни съ философіей исторіи: отъ первой она отличается св. имѣ философскимъ характеромъ, сохраняя ея номологическое направленіе, отъ второй—своимъ номологическимъ направленіемъ, сохраняя ея философскій характеръ. Взглядъ свой на сущность и задачу философіи исторіи и научныя основы теоріи прогресса мы изложили въ другомъ мѣстѣ: считаемъ исчерпаннымъ вопросъ объ отношеніи философіи къ исторіи въ философіи исторіи и достаточно уясненными тѣ научныя данныя, которыми мы уже имѣемъ право пользоваться въ теоріи прогресса, и идемъ далѣе.

III.

Въ предыдущемъ мы говорили между прочимъ о деонтологическомъ знаніи, въ основѣ котораго лежитъ то, что мы называемъ принципами: принципъ вещи не есть совокупность ея признаковъ, не есть законъ, ею управляющій, не есть ея вѣчная и неизмѣнная основа, а выражаетъ собою лишь наше къ ней субъективное отношеніе или ея значеніе для насъ,—такъ сказать, внутренній смыслъ вещи. На почвѣ нашихъ субъективныхъ требованій отъ вещи возникаетъ ея идея, которая состоитъ не въ понятіи вещи со всѣми ея признаками, а въ возведеніи въ принципъ одного изъ ея при-

знаковъ, принимаемаго нами за самый существенный съ чисто объективной точки зрѣнія. Только на почвѣ метафизики возможно было отождествить этотъ принципъ съ неизмѣнною сущностью вещи, съ закономъ, господствующимъ въ извѣстныхъ явленіяхъ: тогда наше субъективное требованіе отъ вещи объявлялось ея дѣйствительною сущностью, хотя бы и искаженною въ дѣйствительности, ея закономъ, хотя бы и имѣющимъ массу исключеній, научнымъ понятіемъ, хотя бы подъ него и нельзя было подвести дѣйствительные факты, т.-е. то, чѣмъ вещь должна быть, признавалось за ея дѣйствительную основу, за ея законъ, за ея объективно-существенный признакъ. Результаты приемовъ, годныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, каковы, напр., должны быть мораль, право, государство, принимались за нѣчто, существующее внѣ нашего сознанія, какъ законъ, управляющій бытіемъ положительныхъ морали, права, государства, какъ неизмѣнная основа всякой положительной морали, права, государства. Идеальное считалось реальнымъ, и не обращалось вниманія на то, что дѣйствительныя мораль, право и государство могутъ имѣть и на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ основѣ разные припципы, что законы, управляющіе взаимными отношеніями членовъ общества, далеко не соотвѣтствуютъ принципамъ идеальнаго поведенія, что объективная сущность, т.-е. главные реальные признаки моральныхъ доктринъ, правовыхъ системъ, государственныхъ учрежденій въ дѣйствительности крайне измѣнчивы, и что неизмѣнными остаются только чисто формальные признаки, которые позволяютъ намъ создать научное понятіе государства. Только сравнительно очень недавно вопросъ о такихъ предметахъ былъ поставленъ на научную почву и сдѣлано было различіе между вещью, какова она есть, и вещью, какова она должна быть, между законами, управляющими явленіями, и правилами нашего поведенія, предписаніями долга, между реальною подкладкой явленія и идеальнымъ требованіемъ разума: прежде не обращали достаточнаго вниманія на это различіе. Правда, метафизики, идеологи и идеализаторы, изучавшіе духовную и общественную жизнь человека, говорили, что идеи вещей существуютъ внѣ конкретныхъ явленій, что естественный ихъ порядокъ прямо не наблюдается, что въ дѣйствительности онѣ искажены,—и такимъ образомъ переводили вопросъ изъ области міра явленій въ область законовъ, но только развитіе положительной науки показало, что такой методъ не годится для познанія дѣйствительности, хотя бы и не въ ея конкретныхъ явленіяхъ, а въ законахъ, которыми эти явленія управляются. Гуманныя и социальныя науки въ этомъ дѣлѣ стали подражать естествознанію: для образованія научныхъ понятій онѣ стали изучать самые предметы, данные въ дѣйствительности, и ихъ классифицировать; для открытія законовъ онѣ прибѣгли къ срав-

нительному изученію явленій и къ другимъ методамъ, употреблявшимся въ естествознаніи; для отысканія основы вещи, онѣ обратились къ изученію реальныхъ причинъ ея существованія. Чистый анализъ идей, изслѣдованіе ихъ логической связи, обращеніе къ принципамъ, которые должны осуществляться вещами, какъ къ ихъ дѣйствительнымъ основамъ, оказались безсильными открыть законы явленій въ томъ же научномъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о законахъ паденія тѣла, отраженія звука, преломленія свѣтового луча. Разныя „естественныя“ состоянія, порядки, права, законы, какъ основы явленій оказались чистыми фикціями, если только имъ не приписывалось деонтологическаго характера: въ основѣ, напр., каждаго положительнаго права мы не находимъ какого-то естественнаго права, разумное право не есть нѣчто, изначала вложенное во всякое положительное, а только идеаль, приближенія къ которому мы отъ него требуемъ. Въ результатъ такого познаванія духовнаго и соціальнаго міра получались построенія, которыя изъ одной и той же идеи думали объяснить дѣйствительность и вывести моральныя и соціальныя предписанія. Вотъ почему гуманныя и общественныя теоріи такъ долго не были науками, а оставались философіями и притомъ ненаучными: только недавно онѣ стали эманципироваться отъ чистаго творчества мысли и подчиняться дѣйствительнымъ даннымъ своихъ объектовъ.

Такое смѣшеніе двухъ задачъ, каковы задача найти законы поведения людей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы находимъ законы распространенія, отраженія и преломленія свѣтовыхъ лучей, и задача установить принципы этого поведения въ смыслѣ правилъ идеальной нравственности, или каковы задача найти законы возникновенія, существованія, развитія и трансформизма соціальныхъ организацій и задача выяснить принципы идеальной соціальной организаціи,—такое смѣшеніе не было однако случайнымъ. Почему въ самомъ дѣлѣ это смѣшеніе и чаще проявлялось, и дольше держалось именно по отношенію къ моральной и соціальной жизни? Значитъ, есть въ ней нѣчто такое, что способствуетъ этому смѣшенію.

Съ самаго начала возникновенія философіи и науки ради чистой любознательности, обѣ онѣ не удовлетворялись простымъ эмпирическимъ знаніемъ явленій, а стремились узнать ихъ сущности, не единое являющееся (τὸ φαίνμενον), но и мыслимое (τὸ νοούμενον), какъ его основу. Это стремленіе и породило метафизику. Знаніе, направленное на природу, ранѣе освободилось отъ этого внѣнаучнаго стремленія за предѣлы явленій и ограничилось задачей открытія постоянныхъ, неизмѣненныхъ, безусловныхъ, правильныхъ между ними отношеній, которыя были названы законами явленій, или иначе знаніе тутъ было либо описывающее явленія, почему-либо интересныя (феноменологія)

либо изслѣдующее ихъ законы (номологии), а призракъ сущностей (нуменология) сталъ отходить на задній планъ, пока сама критическая философія не объявила ихъ непознаваемыми. Въ иномъ положеніи находились науки, имѣвшія предметомъ моральный и соціальный міръ: законы его въ научномъ смыслѣ по крайней сложности явленій открываются съ превеликимъ трудомъ, и самая мысль о томъ, что должны же и тутъ существовать законы, ясно была сформулирована лишь въ XIX вѣкѣ, да и то дала поводъ къ массѣ недоразумѣній; съ другой стороны, въ этихъ явленіяхъ обнаруживали такую особенность, которой въ явленіяхъ природы не находили, именно принципы, т.-е. субъективное пониманіе сущности вещи въ смыслѣ ея значенія для нашего внутренняго міра, не то, что въ вещи для насъ является, но и то, что въ ней нами мыслится, какъ ея *raison d'être*. Вотъ эта-то сущность вещи, при ближайшемъ ея разсмотрѣніи оказывающаяся лишь той ея стороною, коей мы наиболѣе дорожимъ, утвержденія коей желаемъ, къ развитію коей стремимся для удовлетворенія нашихъ субъективныхъ потребностей, и принималась за сущность вещи, какъ ея реальная подкладка, ея истинное содержаніе, ея объективно-обязательный типъ. Другими словами, при метафизическомъ настроеніи мысли, при вѣчномъ стремленіи духа къ полному, стройному и цѣлостному знанію субъективный принципъ, по которому вещь должна быть такой-то и такой-то (деонтология), принимался за ея объективную подкладку, за ея объективный *raison d'être*, за ея объективно-мыслимое содержаніе, за ея нумень, сущность. При этомъ дѣйствительныя вещи либо игнорировались, либо объявлялись искаженіемъ ихъ истинной, изначальной природы, либо идеализировались, т.-е. возводились на степень идеала, вполне якобы осуществляющаго принципъ: одни витали въ сферѣ идей, думая, что это только и есть истинное знаніе, а дѣйствительность не заслуживаетъ вниманія; другіе объявляли, что дѣйствительность есть искаженіе естественнаго порядка; третьи доказывали, что все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно. Въ сущности же деонтологическимъ идеямъ придавалось во всѣхъ этихъ случаяхъ нуменологическое значеніе.

Изъ всего сказаннаго можно установить четыре основныя формы знанія: знаніе нуменологическое, ищущее сущности явленій, феноменологическое, имѣющее дѣло съ самими явленіями, номологическое, открывающее ихъ законы, и деонтологическое, дающее принципы нашихъ идеаловъ. Нуменология въ нашъ вѣкъ критической философіи и положительной науки можетъ считаться только областью вѣры и воображенія, а не знанія: она выдаетъ продукты нашего творчества за объективно данныя сущности, и будемъ ли мы объявлять за основу міра матерію или духъ, мы только примемъ за сущность міра

одинъ изъ результатовъ нашего обобщающаго творчества, не объяснивъ себѣ происхожденія ни духа изъ матеріи, ни матеріи изъ духа. Знанію приходится ограничиться только явленіями и ихъ законами да принципиальною ихъ стороною, дозволяющей намъ творить идеалы, какъ представленія о должномъ, а не въ смыслѣ сущностей, имѣющихъ бытіе внѣ нашего сознанія, какъ истинныя основы явленій и управляющихъ ими законовъ.

Явленія, законы и принципы—вотъ три объекта нашего знанія, и мы видѣли значеніе ихъ, напр., въ философіи исторіи: въ основу идеальной цѣли исторіи мы кладемъ извѣстные принципы, которые должны осуществляться явленіями личной и общественной жизни (деонтологія); эти идеалы мы ставимъ цѣлью, достиженіе коей можетъ совершиться лишь въ порядкѣ, указываемомъ законами развитія духа и общества, и получаемъ формулу прогресса (философская номологія); судъ надъ историческими явленіями, оцѣнка ихъ дѣйствительной послѣдовательности, исканіе смысла во всей ихъ совокупности съ точки зрѣнія этой формулы создаетъ философію исторіи (философская феноменологія).

Въ пониманіи того, что такое явленія и въ чемъ состоитъ ихъ знаніе, не можетъ возникнуть недоразумѣнія; правильному пониманію того, что такое законы и какъ они могутъ быть открываемы, я въ другомъ мѣстѣ посвятилъ немало страницъ; но что такое принципы или, какъ иначе сказано, принципиальная сторона явленій личной и общественной жизни, это я считаю еще недостаточно выясненнымъ. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ здѣсь заняться выясненіемъ поставленнаго вопроса такъ, какъ я этого хотѣлъ бы, вслѣдствіе чего приходится отложить его разсмотрѣнія до другого раза.

IV.

Если мы будемъ разсматривать принципиальную сторону явленій культурнаго и соціальнаго свойства у какого-нибудь народа въ ту или другую эпоху его историческаго бытія, то получимъ право говорить о нѣкоторой бессознательной философіи общества, къ которой можно свести эти явленія. Дѣло въ томъ, что въ силу взаимодѣйствія, происходящаго между членами общества, въ немъ вырабатываются нѣкоторыя распространенныя міровоззрѣнія, нѣкоторыя господствующія моральныя идеи, нѣкоторыя общепринятые и защищаемыя нормы взаимныхъ отношеній между людьми, ихъ поведенія, соедине-

нія въ группы и пр. и пр. Совокупность этихъ идей и нормъ проявляется такъ или иначе во всѣхъ элементахъ культуры и соціальныхъ формахъ, въ дѣятельностяхъ членовъ общества и въ крупныхъ историческихъ теченіяхъ. Она не имѣетъ одного систематическаго выраженія, но наблюдается въ разныхъ фактахъ культурной и соціальной жизни, составляя то, что называется духомъ времени или безсознательной философій общества: часто эти общераспространенныя міровоззрѣнія, господствующія идеи, общепринятые и защищаемыя нормы ясно не сформулированы, не приведены въ стройную систему, не объединены въ какомъ-нибудь общемъ началѣ, и это именно большею частью такъ и бываетъ, но даже ясно не сформулированныя, разрозненныя и необъединенныя, онѣ проявляются рѣшительно во всемъ: съ разныхъ сторонъ эти принципы, которыми живетъ общество, мы наблюдаемъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ философіи, и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ политическихъ учрежденіяхъ, и въ правѣ, и въ экономическомъ строѣ. Историкъ, дѣлая характеристику какой-либо эпохи, въ сущности только формулируетъ, систематизируетъ, обобщаетъ ея безсознательную философію, пользуясь конкретными явленіями, какъ примѣрами, иллюстрирующими то или другое общее положеніе, ища основные принципы всѣхъ наблюдаемыхъ имъ культурныхъ и соціальныхъ явленій въ мнѣніяхъ членовъ даннаго общества, такъ или иначе выраженныхъ, или въ самихъ фактахъ, такъ или иначе намъ извѣстныхъ. Самый богатый матеріалъ для историка въ этомъ отношеніи представляютъ собою факты изъ исторіи мысли во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и въ объективныхъ фактахъ, каковы взаимныя отношенія между членами общества, ихъ группировки, вся ихъ дѣятельность, онъ ищетъ также принциповъ, которыми живетъ данное общество, хотя бы эти принципы въ свое время никѣмъ не были сформулированы.

Вотъ почему до извѣстной степени исторія человѣчества можетъ быть сведена къ изображенію смѣны тѣхъ принциповъ, коими оно жило, къ изображенію эволюціи его безсознательной философій,—потому именно, что всѣ общія явленія исторіи могутъ быть сведены къ принципамъ, хотя бы послѣдніе современниками ясно не высказывались и даже не существовали въ ихъ сознаніи въ формѣ идей съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Историкъ, въ этомъ смыслѣ доходящій до корня вещей, уже философствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ беретъ не просто явленіе, но усматриваетъ за нимъ принципъ, что позволяетъ эту представить болѣе полное знаніе этого явленія; онъ не просто построаетъ взаимныя отношенія между отдѣльными фактами, но и изучаетъ связь между лежащими въ ихъ основѣ принципами; онъ не просто даетъ намъ изображеніе всей совокупности того, что называется ис-

торической дѣйствительностью, но характеризуетъ и общій духъ эпохи. Въ этой работѣ историкъ выпадаетъ задача опредѣленно формулировать то, что членами общества часто прямо не высказывалось и даже ясно не сознавалось, т.-е. возсоздавать отдѣльные принципы безсознательной философіи общества; вмѣстѣ съ этимъ ему приходится найти систему этихъ принциповъ и ихъ общую основу.

Но что такое эта система и эта общая основа? Дѣло въ томъ, что связь между отдѣльными принципами, которыми живетъ общество, должна быть основана на извѣстной логикѣ. Возьмемъ для примѣра социальную организацію. Она распадается на разныя системы отношеній, въ каждой изъ которыхъ въ данное время господствуетъ извѣстный принципъ: понятно, что социальныя принципы даннаго общества въ данное время не могутъ находиться между собой въ противорѣчій, потому что странно было бы допустить, чтобы множество людей и очень долгое время могло въ разныхъ направленіяхъ своего общественнаго поведенія руководиться діаметрально-противоположными принципами. Говоря вообще, въ социальной организаціи можно обнаружить три главныя системы отношеній, которыя мы называемъ политическими, юридическими и экономическими. Представьте себѣ, что эти три системы несогласованы между собою по своимъ принципамъ, вообразите себѣ, напр., демократическую республику съ распространеніемъ права голоса и на женщинъ, въ которой существовали бы сословія съ различными юридическими правами и юридическое неравенство половъ, и вся территорія которой со всѣми капиталами принадлежала бы одному сословію и непремѣнно лицамъ одного пола, — и вы получите нѣчто немыслимое. Или представьте себѣ государство съ деспотомъ во главѣ, цѣликомъ поглощающее личность и въ то же время въ основу частнаго права кладущее принципъ индивидуализма, строго его защищая, но не вмѣшивающееся въ экономическія отношенія ни ради своихъ интересовъ, ни ради интересовъ единицъ: опять получится нѣчто немыслимое. Рядомъ съ социальной организаціей въ обществѣ мы видимъ духовную культуру, область вѣрованій, идей, знаній. Возможно-ли, чтобы эта область находилась въ противорѣчій съ социальной организаціей, чтобы въ обществѣ, въ которомъ господствуетъ религія, проникающая собою его поэзію, искусство, философію и т. д., социальная организація была совершенно свѣтская, чтобы власти не приписывалось непосредственно-божественное происхожденіе, чтобы въ основу права не была положена воля божества, чтобы весь экономическій строй не считался получившимъ освященіе свыше? Такимъ образомъ между принципами отдѣльныхъ элементовъ культуры существуетъ извѣстный consensus: единица, подвергаясь многоразличнымъ и разнообразнымъ вліаніямъ, еще можетъ жить,

безпрестанно себѣ противорѣча, но долговременное противорѣчіе множества людей съ самими собою немислимо. Но если между всѣми принципами даннаго общества существуетъ нѣкоторая связь, то мыслить ее можно, лишь принявъ нѣкоторый принципъ, ихъ объединяющій, нѣкоторую общую ихъ основу.

Само собою разумѣется, что формулированіе такихъ принциповъ, построение такой системы, нахожденіе такого объединяющаго принципа для характеристики даннаго общества въ извѣстную эпоху его исторіи, все это имѣетъ значеніе чисто идеальнаго построенія. Во-первыхъ, не всѣ принципы, въ томъ видѣ, какъ ихъ формулируетъ историкъ на основаніи изучаемыхъ имъ явленій, были дѣйствительными фактами сознанія; еще менѣе мы имѣемъ право говорить о системѣ принциповъ, какъ о чѣмъ-то существовавшемъ въ сознаніи всѣхъ членовъ общества, а основной принципъ, къ которому мы сводимъ систему, еще того менѣе можетъ быть разсматриваемъ, какъ таковой фактъ. Во-вторыхъ, явленіе не исчерпывается своей принципиальной стороной, а потому дѣйствительная связь между явленіями не управляется одними чистыми законами логики, и вся совокупность явленій не можетъ быть выведена изъ одного основнаго принципа. Мы говоримъ, наприм., что принципомъ античной государственной жизни было поглощеніе личности государствомъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ греки имѣли этотъ принципъ ясно сформулированнымъ въ своемъ сознаніи: о существованіи принципа мы узнаемъ изъ фактовъ государственной жизни Греціи да изъ кое-какихъ теорій, возводившихъ въ идеаль ея отличительный признакъ. Еще меньше фактами сознанія античныхъ народовъ была связь этого принципа съ другими, каковы тѣ, на которыхъ были основаны, наприм., римская *potestas patria*, рабство и т. п., съ одной стороны,—и основа этой связи въ принципѣ, отрицавшемъ полную самостоятельность каждой личности, съ другой. Слѣдовательно, историкъ, сводящій явленія политической жизни античнаго міра къ принципамъ, связывающій между собою эти принципы и находящій ихъ общее начало, разсматриваетъ нѣчто, не имѣющее значенія дѣйствительнаго факта, а создаетъ лишь нѣкоторую идеализацію явленій, которая отличается отъ настоящей идеализаціи дѣйствительности съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и отличается именно тѣмъ, что мы не считаемъ идеалы, воплощенные въ античной политической дѣйствительности, истинными, соответствующими нашимъ принципамъ. Притомъ никогда принципъ не можетъ быть осуществленъ въ дѣйствительности цѣликомъ, ибо ему приходится считаться съ массой противоположныхъ тенденцій, а потому проявляться не въ чистомъ видѣ и подвергаться множеству исключеній. Поэтому античное государство, дѣйствительно, не было только чѣмъ-то поглощающимъ личность, не

могло поглощать все ея бытіе и распространять одинаково свою силу на всѣхъ: въ немъ были другія стороны, съ указанной точки зрѣнія не имѣвшія принципиальнаго значенія, были сферы жизни, подчинить которыя себѣ оно было безсильно, являлись личности, подымавшія знамя индивидуализма. Выѣстъ съ этимъ отношеніе политической жизни античныхъ народовъ къ другимъ сторонамъ общественнаго ихъ бытія не исчерпывалось однимъ родствомъ принциповъ, лежавшихъ въ ихъ основѣ: государство не только поглощало личность, но имѣло и другія стороны, наприм., защищало свое существованіе отъ враговъ; рабство не было только отрицаніемъ личности, но и играло извѣстную роль въ экономической жизни, и потому тутъ возникали другія отношенія, не объясняющіяся логикой принциповъ, наприм., извѣстное отношеніе между внѣшней силой государства и его экономическимъ состояніемъ. Наконецъ, если многія явленія античнаго общества, которыхъ не знаетъ современность, каковы неограниченная власть государства, *potestas patria*, рабство и т. п., могутъ быть сведены къ нѣкоторому основному принципу, къ отрицанію правъ человѣка во имя чего бы то ни было, то изъ этого принципа не можетъ быть выведена вся античная социальная дѣйствительность: въ ней была масса явленій, не имѣвшихъ никакого отношенія къ этому принципу, ни положительнаго, ни отрицательнаго, т.-е. не бывшихъ ни случаями общаго правила, ни исключеніями изъ него.

Итакъ то, что мы назвали безсознательной философійю общества, есть союкупность принциповъ, лежащихъ въ основѣ его отношеній и между собою родственныхъ, а потому сводимыхъ къ одному общему началу, но не существующихъ въ сознаніи членовъ общества ни какъ опредѣленные идеи, ни въ видѣ стройной системы, объединенной однимъ принципомъ, и, кромѣ того, не исчерпывающихъ всѣхъ явленій общества. Тѣмъ не менѣе для историка возможность вкладывать смыслъ въ обобщенныя явленія исторической жизни, формулировать безсознательную философію даннаго общества въ данную эпоху имѣетъ важное значеніе: только съ помощью такого способа онъ можетъ давать общія характеристики жизни, полныя, стройныя и цѣлостныя ея изображенія, заключающія въ себѣ и приговоръ надъ нею. Въ такихъ характеристикахъ, какія мы и находимъ у многихъ историковъ, отдѣльные факты приводятся въ видѣ доказательствъ (ссылки на прямо выраженные принципы въ произведеніяхъ слова) или въ видѣ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ, частныхъ случаевъ общаго правила. Надъ историческими явленіями нельзя произнести приговора, не указавши на ихъ принципиальную сторону: историкъ только судить и оцѣниваетъ безсознательную философію даннаго общества съ точки зрѣнія своей общественной философіи, подобно тому, какъ каждый философъ или

ученый критикуетъ философію или науку своихъ предшественниковъ.

Бессознательная философія общества не остается неизмѣнной: она измѣняется, и высшій интересъ историческаго знанія заключается въ томъ, чтобы слѣдить за измѣненіями этой философіи, отмѣчая ея движеніе впередъ или назадъ, ея прогрессъ или регрессъ. Понятно, что это движеніе не можетъ быть чисто логическимъ развитіемъ принциповъ, поскольку, какъ сказано выше, содержаніе явленій не исчерпывается ихъ принципиальной стороною, связь между ними не обуславливается одной логикой, и вся ихъ совокупность не есть выводъ изъ одного начала, а результатъ множества разнообразныхъ причинъ. Измѣненія въ культурѣ и въ соціальной организаціи являются не вслѣдствіе того только, что ихъ желали люди, но и вслѣдствіе независимыхъ обстоятельствъ, съ коими желаніямъ приходится имѣть дѣло: верѣдко наши дѣйствія приводятъ къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ мы стремились достигнуть. Критика принциповъ является и тогда, когда ихъ развитіе дѣлаетъ слишкомъ очевиднымъ ихъ односторонность или когда постепенно начинаютъ возникать и выясняться принципы прямо противоположные: но и то, и другое зависитъ отъ условій, въ данномъ принципѣ не заключающихся. Но если взять принципы въ ихъ абстрактности, то можно представить себѣ идеальный порядокъ процесса ихъ измѣненій, идеальный порядокъ эволюціи бессознательной философіи общества, хотя и тутъ одна логика дѣлу помочь не можетъ: указанія на то, какіе принципы могли и должны были развиваться раньше другихъ, при какихъ условіяхъ и когда могли и должны были возникнуть принципы, вытѣснившіе болѣе ранніе и т. д.,—указанія на все это можно найти только въ общихъ законахъ развитія духа и общества. Наприм., явленія, болѣе или менѣе сводимыя къ отрицанію личности, необходимо предшествовали явленіямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ утвержденіе правъ личности: это будетъ совершенно понятно, если мы примемъ въ расчетъ степень индивидуальнаго развитія и единственно возможныя формы соціальнаго быта при переходѣ изъ чисто зоологическаго существованія въ существованіе историческое. Безъ этого мы впадемъ въ чистѣйшую идеологію, воображающую, что діалектическій порядокъ идей,—синтетическій или аналитическій,—есть порядокъ и вещей. Въ образованіи того идеальнаго порядка, о которомъ идетъ рѣчь, должна участвовать не одна логика идей, но, такъ сказать, и механика законовъ, да и въ дѣйствительности порядокъ этотъ не можетъ осуществиться въ чистомъ видѣ, такъ какъ для дѣйствія того или другого закона необходимы извѣстныя условія, которыя сами суть результаты множества частныхъ причинъ въ ихъ хаотическомъ взаи-

модѣйствіи. Возникновеніе того или другого принципа въ жизни общества есть результатъ дѣйствія того или другого закона, но для того, чтобы это дѣйствіе наступило, необходимы извѣстныя условія, числу которыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ нѣтъ конца.

Если мы сводимъ явленія, совершающіяся въ обществѣ, къ нѣкоторой безсознательной философіи его членовъ, то этимъ мы не идеализируемъ дѣйствительности: правда, въ ней мы видимъ воплощеніе извѣстныхъ идей, идеаловъ, но эти идеи мы критикуемъ, идеалы эти не наши. Напр., въ фактахъ, представляемыхъ социальными организациями античнаго міра, мы находимъ воплощенными идеалы грековъ и римлянъ, но къ нимъ мы относимся отрицательно во имя высшаго принципа, выработаннаго исторіей. Равнымъ образомъ мы не занимаемся идеологіей, если стремимся дать абстрактную формулу эволюціи безсознательной философіи общества и ея улучшенія, разъ утверждаемъ, что въ построеніи такой формулы должно играть роль знаніе законовъ духовной и общественной жизни, основанное на изученіи дѣйствительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы снимаемъ съ себя обвиненіе и въ идеализаціи хода исторіи, когда заявляемъ, что дѣйствительная исторія зависитъ отъ массы причинъ, въ этой формулѣ не содержащихся.

Придавая важное значеніе въ историческомъ знаніи формулированію безсознательной философіи человѣческихъ обществъ на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія, я долженъ былъ сдѣлать эти двѣ оговорки относительно идеализаціи и идеологіи, отвергнутыхъ мною за ихъ ненаучность. Но я предвижу еще возможность одного упрека, т. е. обвиненія въ томъ, что указываемое мною сведеніе принциповъ, построенныхъ въ систему, къ одному принципу ничѣмъ не отличается отъ метафизики въ исторіи, противъ которой я такъ возстаю. Обвиненіе это было бы основательно, если бы я полагалъ этотъ объединяющій принципъ внѣ міра явленій, какъ нѣкоторую *Ding an und für sich*, но именно этого-то у меня и нѣтъ. Каждый мыслящій человѣкъ ищетъ внутренняго смысла во всемъ, что его окружаетъ: метафизическіе вопросы о сущности и цѣнности бытія, считаемыя мною на основаніи всей критической философіи послѣ Канта за неразрѣшимые, возникаютъ именно на почвѣ этого исканія, которое могутъ удовлетворить только вѣра или воображеніе. Но въ мірѣ есть разрядъ явленій, исканіе смысла коихъ удовлетворяется творчествомъ идеаловъ: это явленія, обязанныя бытіемъ своимъ дѣятельности людей. Напр., естественно возникаетъ извѣстный рядъ явленій, и причины ихъ мы можемъ научно указать, не выходя изъ феноменальнаго міра вообще въ туманныя области *вещи самой въ себѣ*; этотъ рядъ явленій и аналогичные ему мы обобщаемъ

подъ именемъ государства и вотъ у насъ естественно возникаетъ вопросъ о смыслѣ существованія государства, т. е. почему и для чего оно существуетъ. На первый вопросъ давались разные отвѣты, ненаучные и научные, но вообще на научной почвѣ вопросъ этотъ разрѣшается удовлетворительно. На второй вопросъ *зачѣмъ?*—также давались весьма неодинаковые отвѣты, либо выраженные въ формѣ разсужденія политическими писателями, либо выраженные въ отдѣльныхъ поступкахъ или въ цѣломъ поведеніи гражданъ. Государство не только существовало объективно съ своими существенными признаками, отличающими его отъ всего остального, но и мыслилось, какъ нѣчто имѣющее опредѣленный смыслъ по своей цѣли, причемъ смыслъ ему придавался различный, смотря по тому, находилъ-ли гражданинъ, что пріятно умереть, защищая государство, или возвѣщалъ, что оно должно только оберегать насъ отъ воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ. Объективная сущность государства (конечно, въ значеніи совокупности существенныхъ признаковъ) оставалась та же, но внутренній смыслъ его измѣнялся съ каждымъ новымъ отвѣтомъ на вопросъ: *зачѣмъ?* Массою людей рѣдко давался отвѣтъ на этотъ вопросъ, выраженный въ мысли и словѣ: она отвѣчала своимъ поведеніемъ, своими поступками; пониманіе смысла государства выражалось въ инстинктѣ, въ привычкѣ, въ образѣ дѣйствій. Если мы говоримъ о принципѣ, то лишь представляя себѣ, какая сознательная мысль могла бы лежать въ основѣ отдѣльныхъ поступковъ и всего поведенія. Но такъ же точно рѣшался вопросъ о правѣ, объ экономическихъ отношеніяхъ и т. п.: смыслъ ихъ опредѣлялся по цѣли ряда явленій, существующихъ чрезъ человѣческую дѣятельность, причемъ это опредѣленіе давалось поступками, поведеніемъ, основу для которыхъ уже самъ историкъ подыскиваетъ, формулируя мысль, имъ соотвѣтствующую. Итакъ, всему существующему чрезъ чѣловѣческую дѣятельность мы опредѣляемъ цѣль, сообщающую ему смыслъ, хотя бы на цѣль эту указывали только людскіе поступки. Но сами. цѣли имѣютъ для насъ смыслъ только въ виду одной обобщающей ихъ цѣли. Это обобщеніе совершается нами въ пониманіи смысла нашей жизни, которое опять-таки можетъ быть формулировано въ словахъ или проявляться во всемъ нашемъ поведеніи. Объективная сущность процесса жизни (опять въ значеніи существенныхъ его признаковъ) остается неизмѣнной, но внутренній смыслъ жизни измѣнялся съ каждымъ новымъ отвѣтомъ на вопросъ *зачѣмъ?* Пониманіемъ смысла жизни, существующимъ въ обществѣ, выражаемомъ въ словѣ или проявляемомъ въ поведеніи, и объединяются принципы государства, права, экономическихъ отношеній и пр. и пр.: это и есть общій основной принципъ безсознательной философіи общества, инстинктивно принимаемый его членами въ зависимости отъ

множества разныхъ условій. Пониманіемъ смысла жизни обусловливались у средневѣковаго аскета его взглядъ на государство, какъ на орудіе церкви; пониманіемъ смысла жизни обуславливался взглядъ древняго грека на государство, какъ на такую вещь, за которую нужно умирать; пониманіемъ смысла жизни объясняется взглядъ буржуа, что роль государства—оберегать общество отъ воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ. То или другое пониманіе этого смысла обусловлено, говоря общо, переживаемымъ историческимъ моментомъ, степенью нашего развитія, воспитаніемъ въ извѣстной обстановкѣ и т. п. Это не есть „идея народа“ или основа жизни, почему она существуетъ, какъ говорятъ метафизики, а лишь субъективное отношеніе людей къ своему существованію, сообразно съ которымъ человѣкъ даетъ въ словахъ и поступкахъ своихъ свою безсознательную философію жизни. Что обще въ этомъ отношеніи всѣмъ индивидуумамъ, находящимся въ духовномъ и социальномъ взаимодействіи, или громадному ихъ большинству, то составляетъ безсознательную философію общества, и то или другое рѣшеніе ея основного вопроса—о смыслѣ жизни—ложится въ основу всей системы принциповъ, которые проявляются въ разныхъ сторонахъ общественнаго бытія. Это-то и даетъ намъ право говорить, не впадая въ метафизику, объ основномъ принципѣ безсознательной философіи даннаго общества въ данную эпоху и заставляетъ насъ приписывать такую важность изученію исторіи религіи, философіи, науки, литературы, искусства, политической, юридической, социальной мысли, въ которыхъ яснѣе всего проявляется взглядъ на смыслъ жизни, какъ изученіемъ исторіи социальной организаціи, государства, права, экономического строя мы дорожимъ, чтобы найти, какой результатъ давалъ тотъ или другой взглядъ на смыслъ жизни для самой жизни въ зависимости отъ всѣхъ природныхъ и историческихъ условій, въ которыя она поставлена.

Въ исторіи человѣчества главный вопросъ, который мы себѣ ставимъ, есть вопросъ о смыслѣ исторіи. Объективная сущность историческаго процесса (признаки, отличающіе его отъ всякаго иного процесса) остается неизмѣнною, но смыслъ исторіи измѣняется, смотря по тому, куда она насъ ведетъ, какое пониманіе смысла жизни въ насъ вырабатываетъ, низшее или высшее, ложное или истинное, и смотря по тому, удовлетворяетъ ли или не удовлетворяетъ все вырабатываемое исторіей самыя общія и основныя цѣли жизни. Взглянуть на дѣйствительную исторію съ этой точки зрѣнія есть задача философіи исторіи. Идеальный порядокъ уясненія смысла жизни и удовлетворенія ея требованій есть задача философіи прогресса, ибо прогрессъ есть не что иное, какъ уясненіе смысла жизни чрезъ постановку ей все высшихъ и высшихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ цѣлей съ по-

мощью совершенствующейся культуры и социальной организации, позволяющих намъ съ большимъ успѣхомъ оказывать воздѣйствіе и на природу.

V.

Человѣкъ не только живетъ, онъ вкладываетъ въ свою жизнь извѣстный смыслъ: выясненіе смысла жизни составляетъ одну изъ выдающихся сторонъ духовной исторіи человѣчества, составляя содержаніе религіи, философіи, науки, публицистики, поэзіи и художествъ. Человѣкъ не только ставитъ своей жизни цѣли, но создаетъ для ихъ удовлетворенія цѣлыя системы средствъ, въ числѣ которыхъ однимъ изъ видныхъ является социальная организациа, равно какъ разныя техническія искусства и ихъ теоріи, возникающія на почвѣ философіи и науки. Въ историческомъ знаніи съ философской точки зрѣнія мы ищемъ отвѣтовъ на вопросы о томъ, какъ уяснялся смыслъ жизни и насколько удовлетворялись безсознательно или сознательно ставившіяся ей цѣли: когда мы замѣчаемъ большее уясненіе смысла жизни, лучшее удовлетвореніе ея потребностей, мы говоримъ о прогрессѣ; когда, наоборотъ, обнаруживается возвращеніе къ менѣе полному, стройному и цѣлостному пониманію жизни, паденіе болѣе совершенныхъ средствъ удовлетворенія ея потребностей, мы говоримъ о регрессѣ. Но для того, чтобы имѣть право говорить о прогрессѣ или регрессѣ въ этомъ значеніи, необходимо намъ самимъ имѣть нѣкоторое представленіе о смыслѣ жизни, которое мы считаемъ за самое истинное, нѣкоторое представленіе о системѣ средствъ, служащихъ для удовлетворенія ея цѣлей, которую мы принимаемъ за наилучшую. Только на почвѣ такого идеализма возникаютъ идеи прогресса или регресса, безотносительно къ усовершенствованію чего бы то ни было нашею дѣятельностью, ибо часто совершенствоваться могутъ предметы, которые соотвѣтствуютъ не высшему, а низшему пониманію жизни. Эти двѣ вещи часто смѣшиваются: совершенствованіе искусства повальнаго истребленія людей на войнѣ не составляетъ прогресса, поскольку прогрессъ именно и состоитъ въ установленіи отношеній между людьми на принципахъ солидарности, коопераціи и права. Совершенствованіе военнаго искусства заключается въ пользованіи плодами прогресса въ наукѣ для непрогрессивныхъ цѣлей, именно лучшимъ знаніемъ законовъ природы и большею властью надъ нею, сообщаемомъ этимъ знаніемъ, для цѣлей, которыя нисколько не возвышаютъ насъ надъ дикарями, также имѣющими кое-какія средства для истребленія людей. Тогда, напр., и замѣну простой стрѣлы отравленною пришлось

бы назвать явленіемъ прогрессивнымъ. Совершенствованіе какого-либо искусства заключается въ замѣнѣ средствъ менѣе цѣлесообразныхъ болѣе цѣлесообразными, и въ этомъ совершенствованіи дѣйствительно есть указаніе на происшедшій прогрессъ въ нашемъ умѣніи подчинять природу цѣлямъ нашей жизни, но въ замѣнѣ простой стрѣлы отравленною, стараго ружья скорострѣльнымъ не сдѣлано ни малѣйшаго шага впередъ въ уясненіи смысла жизни. Прогрессомъ въ военномъ дѣлѣ можно назвать только подчиненіе побѣдителей извѣстнымъ обычаямъ или законамъ, указывающимъ на болѣе высокій принципъ, положенной нами въ основу пониманія смысла жизни. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на совершенствованіе всѣхъ искусствъ, принимая въ расчетъ, какому пониманію смысла жизни—высшему или низшему, какому принципу соответствуетъ цѣль искусства. Есть цѣли и цѣли, только о совершенствованіи такихъ искусствъ, цѣли коихъ соответствуютъ принципамъ высшаго пониманія смысла жизни, можно говорить, какъ о прогрессѣ. Совершенствуется, напр., искусствомъ добывать отъ природы средства, необходимыя для жизни, когда мы получаемъ большее количество нужныхъ намъ предметовъ и предметовъ лучшаго качества при меньшей затратѣ нашихъ силъ и нашего времени, но это совершенствованіе не будетъ прогрессивнымъ, если сдѣлается только орудіемъ большей эксплуатаціи одной части общества другою, т. е. будетъ служить такой цѣли, принципъ которой соответствуетъ низшему пониманію смысла жизни. Вообще можно сказать, что простое совершенствованіе того или другого искусства само по себѣ не составляетъ прогресса, если не дѣлается орудіемъ достиженія цѣлей прогрессивныхъ, а это можно сказать именно обо всѣхъ искусствахъ, въ которыхъ человѣкъ подчиняетъ себѣ силы природы: въ этомъ подчиненіи заключается только возможность прогресса или указаніе на нѣкоторый прогрессъ въ области объективнаго знанія, насколько не свидѣтельствуя объ уясненіи смысла жизни и о достиженіи именно тѣхъ цѣлей, которыя и сообщаютъ ей этотъ самый смыслъ. Въ пользованіи силами природы для повального избіенія людей или для эксплуатаціи однихъ людей другими заключается именно только возможность прогресса, т. е. употребленія своихъ техническихъ знаній для лучшихъ цѣлей, и указаніе на нѣкоторый прогрессъ міросозерцанія, но для уясненія смысла жизни и для самой жизни, сообразной съ ея субъективнымъ пониманіемъ, этимъ ничего не сдѣлано. Вотъ почему, строго говоря, усовершенствованія въ искусствѣ пользоваться силами природы не только не составляютъ основы идеи историческаго прогресса, но даже не входятъ въ его содержаніе, ибо сущность историческаго процесса не во взаимодействіи человѣка съ природою: тутъ мы имѣемъ въ природѣ и умѣніи подчинять

ее себѣ одни только условія исторической жизни и совершающагося въ ней прогресса.

Дѣятельности человѣка, направленныя на природу, не имѣютъ принципиальнаго значенія: здѣсь господствуетъ одинъ девизъ—извлекай изъ природы все, что можешь. Принципиальное значеніе этимъ дѣятельностямъ сообщается только тогда, когда чрезъ нихъ мы дѣйствуемъ на жизнь людей (и на свою собственную въ томъ числѣ), сообразно съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ смысла этой жизни. Поэтому принципиальное значеніе сами по себѣ имѣютъ лишь дѣятельности, направленныя непосредственно на жизнь людей, ибо въ нихъ прямо заключается то или другое пониманіе смысла жизни вообще и въ частности нашей собственной или чужой. На почвѣ этихъ дѣятельностей возникаютъ всѣ тѣ продукты общества, которые мы называемъ культурными и социальными, т.-е. религія, философія, наука, искусство, государство, право, экономическая кооперація: совершенствованіе только этихъ вещей, въ основѣ которыхъ лежатъ извѣстные принципы истины, справедливости, всеобщаго блага, и составляетъ настоящее содержаніе историческаго прогресса; совершенствованіе ихъ заключается въ уясненіи смысла жизни и въ подчиненіи требованіямъ высшаго пониманія этого смысла, которое само есть результатъ указаннаго уясненія. Но и здѣсь весьма часто подъ совершенствованіемъ разумѣется нѣчто особенное, о чемъ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Всѣмъ упомянутымъ дѣятельностямъ, направленнымъ не на природу, а на людей (а въ томъ числѣ и на самихъ себя), соотвѣтствуютъ разнаго рода искусства, раздѣляющія людей на профессіи, занятіе которыми имѣетъ цѣлью не производство матеріальныхъ предметовъ, а оказываніе разнаго рода услугъ (подъ категорію услугъ, замѣчу мимоходомъ, я ставлю и передачу произведеннаго предмета лицомъ, его произведшимъ, другому, которому онъ нуженъ, хотя бы въ основѣ такой передачи лежалъ принципъ *do ut des*). Каждая профессія требуетъ извѣстнаго искусства, и каждое такое искусство можетъ совершенствоваться. Спрашивается, можно-ли назвать всякое совершенствованіе всякой такой профессіи прогрессомъ? Съ той точки зрѣнія, съ которой всякое совершенствованіе есть прогрессъ, прогрессомъ слѣдовало бы назвать всякій успѣхъ въ оказываніи фактически требуемыхъ услугъ, но весь вопросъ именно въ томъ, каковы эти услуги. Есть такія профессіи, которыя возможны только при низкомъ уровнѣ безсознательной философіи общества, и совершенствованіе соотвѣстныхъ имъ профессій никакъ уже нельзя назвать прогрессомъ: иначе пришлось бы называть прогрессомъ совершенствованіе въ такихъ мерзостяхъ, что не приведи Богъ. Или возьмемъ другой примѣръ:

представимъ себѣ государство, основанное на принципѣ поглощенія личности цѣлымъ; выполняя свою задачу, государство создаетъ разныя профессіи, каждая изъ которыхъ будетъ оказывать ему ту или другую услугу, а каждая изъ нихъ и вся ими образуемая государственная машина могутъ совершенствоваться, т.-е. полнѣе и легче достигать своихъ цѣлей, но этого мы не назовемъ совершенствованіемъ государства, политическимъ прогрессомъ: это будетъ только совершенствованіемъ правительственной машины, политическаго искусства, обусловливающимъ только возможность прогресса, если эта машина и это искусство будутъ направлены на другія цѣли, и указывающимъ лишь на нѣкоторый прогрессъ объективнаго знанія общественной жизни. Совершенствованіе государства, политическій прогрессъ состоитъ въ улучшеніи государства въ виду той цѣли, ради которой только и мыслимо его разумное существованіе какъ соответствующее основному мотиву, заставившему общество людей подчиниться общей власти. Совершенствованіе это состоитъ въ уясненіи принципа государства и въ его постепенной перестройкѣ сообразно съ уясняющимся принципомъ. Въ такомъ уясненіи принциповъ и всего остального культурнаго и соціальнаго содержанія жизни человѣка и въ переработкѣ этого содержанія согласно уясняющимся принципамъ состоитъ прогрессъ и философіи, и науки, и права, и экономическихъ отношеній.

Опять мы встрѣчаемся съ идеей уясненія принциповъ и съ идеей удовлетворенія ихъ формами мысли и жизни. Для историка весь вопросъ въ томъ, въ какомъ порядкѣ это происходитъ. Одна логика разрѣшить не можетъ вопроса: уясненіе это происходитъ въ зависимости отъ множества условій, послѣдовательная смѣна которыхъ сама обусловлена множествомъ причинъ. Во-вторыхъ, формы мысли и жизни не могутъ измѣняться въ совершенно произвольномъ порядкѣ: въ ихъ смѣнѣ должна быть извѣстная закономѣрная послѣдовательность. Возьмемъ, напр., соціальную организацію: прямого скачка отъ простѣйшей своей формы до самой сложной она сдѣлать не можетъ, и ея усложненіе должно совершаться въ извѣстномъ порядкѣ, который опять-таки видоизмѣняется въ частности въ зависимости отъ разныхъ условій, въ различныхъ отношеніяхъ благоприятныхъ или неблагоприятныхъ для усложненія общественной организаціи.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ быть формула прогресса, его теорія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, какое значеніе можетъ имѣть вообще подобная формула. Объ одномъ ея значеніи нами было сказано достаточно. Она должна дать идеальную мѣрку для оцѣнки хода исторіи, безъ каковой оцѣнки невозможенъ судъ надъ дѣйствительной исторіей, невозможно отысканіе ея смысла. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ судить прошлое

съ современной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ, то постановимъ, очень произвольный приговоръ: то, что теперь представляется намъ несовершеннымъ, въ свое время было высшимъ пунктомъ, до котораго дошелъ прогрессъ, относительнымъ и сравнительнымъ совершенствомъ,—относительнымъ именно по своему значенію для людей, иначе понимавшихъ жизнь и предъявлявшихъ ей иныя требованія, нежели мы, сравнительнымъ въ ряду другихъ еще менѣе совершенныхъ явленій. Напр., заѣзна убіенія военно-плѣнныхъ обращеніемъ ихъ въ рабство для насъ не имѣетъ значенія совершенства людскихъ отношеній, насъ вполне удовлетворяющаго, но въ свое время для людей, которые брали въ плѣнъ и въ него попадали при неразвитомъ пониманіи смысла жизни, было великимъ благомъ въ сравненіи съ временами, когда производилось избіеніе плѣнныхъ и даже насыщеніе побѣдителей ихъ кровью и мясомъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего абсолютно совершеннаго: есть только именно такіа относительныя и сравнительныя совершенства, а ихъ мы можемъ расположить въ извѣстномъ порядкѣ 1) по степени ихъ удаленія отъ несовершеннаго и приближенія къ совершенному съ нашей точки зрѣнія и 2) по отношенію къ тому, какъ уяснялся смыслъ жизни. Примѣняя этотъ идеальный порядокъ къ послѣдовательности историческихъ фактовъ, мы оцѣниваемъ ходъ исторіи, какъ совпадающій или несовпадающій съ этимъ идеальнымъ порядкомъ, т.-е. какъ прогрессивный или регрессивный и, подводя общій итогъ, высказываемъ свой судъ надъ цѣлымъ дѣйствительной исторіи, опредѣляемъ его смыслъ. Итакъ, желаніе имѣть философію исторіи, т. е. философски понять исторію приводитъ насъ къ необходимости создать нѣкоторую формулу, какъ мѣрку, и по существу дѣла намъ остается представить общее совершенствованіе въ видѣ переходовъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному.

Другое значеніе теоріи прогресса слѣдующее. Мы, формируя свои убѣжденія, объединяемъ частныя цѣли своей нравственной дѣятельности въ общій планъ жизни, согласный съ убѣжденіемъ. Здравое убѣжденіе требуетъ своего дальнѣйшаго развитія, т.-е. такого плана жизни, который осуществлялъ бы личное развитіе. Такъ какъ мы члены общества, культурою и организаціей котораго обуславливается жизнь личности, и измѣненіе этой культуры и организаци зависить отъ нашей дѣятельности, то возможно расширеніе плана жизни въ виду личнаго развитія въ планъ жизни въ виду прогресса того общества, къ которому мы принадлежимъ. Но наше общество есть лишь элементъ въ цѣломъ человѣчествѣ и моментъ въ цѣломъ его исторіи: тутъ возникаетъ планъ жизни въ виду прогресса всего человѣчества и представленіе о нѣкоторомъ идеальномъ планѣ, по

которому должна (должна не въ смыслѣ необходимости, а въ смыслѣ обязательности) совершаться людьми дальнѣйшая исторія. Разумѣется, въ общихъ своихъ чертахъ планъ этотъ не можетъ быть тѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же переходомъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному. Но того же требуетъ формула прогресса и въ смыслѣ мѣрки, прилагаемой къ ходу исторіи въ философіи исторіи. Это совпаденіе объясняется очень просто: и въ обыденной жизни однимъ и тѣмъ же принципомъ мы руководимся и въ нашемъ нравственномъ поведеніи, и въ судѣ надъ поведеніемъ другихъ.

Этимъ опредѣляется деонтологическій элементъ теоріи прогресса: чтобы выйти изъ-подъ суда съ нѣкоторымъ оправданіемъ, чтобы получить сколько-нибудь удовлетворительную оцѣнку, чтобы не быть признанной за совершенно бессмысленную смѣну явленій, дѣйствительная исторія должна сколько-нибудь соответствовать постепенному переходу отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному; съ другой стороны, чтобы наша дѣятельность не противорѣчила плану жизни въ виду прогресса человѣчества, мы себя вмѣняемъ въ долгъ, и другимъ на него указываемъ—дѣйствовать въ смыслѣ осуществленія все большаго и большаго совершенства. Но въ теоріи прогресса долженъ быть и элементъ номологическій: необходимо знать природу человѣческаго духа и общества, чтобы понять, какъ возможны эти отдѣльные переходы отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному ибо недостаточно указать цѣль, нужно еще указать средства, а это возможно только при формулировкѣ законовъ. Каждый законъ въ научной формѣ есть прежде всего выраженіе связи причины съ слѣдствіемъ: если произошло А, должно произойти В, а отсюда выводъ тотъ, что для полученія В нужно произвести А. То, что съ одной точки зрѣнія есть причина и слѣдствіе, съ другой есть средство и цѣль: отъ слѣдствія мы заключаемъ къ причинѣ, отъ цѣли—къ средству. Слѣдовательно, если мы желаемъ имѣть формулу прогресса, какъ руководство въ разумной дѣятельности, мы должны отъ цѣли заключать къ средствамъ, а для полученія той же формулы, какъ общаго объясненія уже совершившагося прогресса, заключать отъ слѣдствій къ причинамъ. Но связь причины съ слѣдствіемъ и есть законъ въ научномъ значеніи этого слова: цѣль есть только неосуществленное слѣдствіе еще не созданной причины. Съ этой точки зрѣнія ни одинъ частный переходъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному не можетъ не быть слѣдствіемъ извѣстной причины. Послѣдовательно разсуждая, для каждаго перехода мы должны указать его причину: если необходимая причина дана, переходъ будетъ результатомъ ея дѣйствія. Назовемъ буквами А, В, С, D..... рядъ возрастающаго совершенства, идеально построенный, такъ что переходъ отъ А къ В, отъ В къ С и т. д.

будетъ переходомъ отъ меньшаго совершенства къ большему. Но каждый переходъ есть слѣдствіе какой-либо причины: назовемъ причину перваго перехода (отъ А къ В) буквой *x*, второго (отъ В къ С)—буквой *y*, третьяго (отъ С къ D)—буквой *z* и т. д. Этими опредѣлится необходимая для послѣдовательности переходовъ послѣдовательность ихъ причинъ, а отсюда мы получимъ такой рядъ: необходимо, чтобы самъ *x*, производя переходъ отъ А къ В, или сопровождающій переходъ этотъ обстоятельства создали и *y*, какъ необходимое условіе перехода В къ С; равнымъ образомъ необходимо, чтобы самъ *y*, создавая переходъ отъ В къ С, или сопровождающій переходъ этотъ обстоятельства произвели *z*, какъ необходимую причину перехода С къ D и т. д. Другими словами, чтобы возможна была послѣдовательность А, В, С, D....., необходима послѣдовательность *x*, *y*, *z*... , чѣмъ бы эта послѣдняя ни была обусловлена, т.-е. мы утверждаемъ только, что для послѣдовательности переходовъ нужна извѣстная послѣдовательность причинъ, слѣдствіями которыхъ они являются. Разъ законъ есть главнымъ образомъ связь причины съ слѣдствіемъ, то остается только признать, что для послѣдовательности переходовъ нужна извѣстная послѣдовательность дѣйствія законовъ, а она, отдѣльно взятая отъ переходовъ, не можетъ быть совершенно случайной: для рѣзкости примѣра скажемъ, что законы психологическіе не могли дѣйствовать раньше біологическихъ, біологическіе—раньше химическихъ и т. п. Въ томъ же смыслѣ невозможно, напр., образованіе сложной соціальной организаціи безъ предварительнаго развитія нѣкоторой духовной культуры.

При этомъ еще и то необходимо принять въ расчетъ, что одновременно въ обществѣ дѣйствуетъ не одинъ законъ, а цѣлая ихъ масса, и что комбинаціи ихъ бываютъ весьма разнообразными въ зависимости именно отъ условій, представляемыхъ дѣйствительностью: при разныхъ побочных условіяхъ одна и таже причина будетъ давать не совсѣмъ одинаковыя слѣдствія. Дѣйствіе одной и той же причины, по которой тѣла падаютъ на землю, при разныхъ условіяхъ будетъ имѣть различные результаты: пузырь, наполненный воздухомъ, падаетъ внизъ по вертикальной линіи при безвѣтріи, при вѣтрѣ будетъ отнесенъ въ сторону, опущенный на дно рѣки поднимается вверхъ на поверхность воды и т. п. То же самое и въ дѣлахъ человѣческихъ: дѣйствіе какой-либо причины *x*, чтобы привести къ переходу отъ А къ В, а не что-либо иное, нуждается въ помощи побочных благоприятныхъ условій, или можетъ случиться, что данныя условія при желательномъ переходѣ отъ В къ С будутъ такого рода, что вызовутъ дѣйствіе не закона *y*, которое имѣетъ слѣдствіемъ переходъ отъ В къ С, а дѣйствіе закона *z*, которое, будучи примѣнено къ С,

обуславливаетъ переходъ къ D, т.-е. осуществляетъ прогрессъ, а будучи примѣнено къ B, возвращаетъ его къ A, т.-е. производитъ регрессъ. Правительственная опека, способствовавшая въ XVII вѣкѣ развитію промышленности, убила бы ее въ XIX вѣкѣ: дѣйствіе одно, результаты разные. Пустой пузырь падаетъ въ воздухъ и поднимается въ водѣ. Что приноситъ пользу при одномъ состояніи общества, то при другомъ можетъ оказаться вреднымъ. Одно и тоже въ разное время, въ разныхъ количествахъ, по разнымъ своимъ сторонамъ и т. п. можетъ быть и причиной прогресса, и препятствіемъ къ нему. Все это, собственно говоря, крайне усложняетъ номологию прогресса и дѣлаетъ выработку ея теоріи особенно въ подробностяхъ и въ виду практическихъ наставленій для жизни, въ высшей степени затруднительнымъ. Какъ историкъ, такъ и практическому дѣятелю приходится для каждаго отдѣльнаго случая постановлять особое рѣшеніе вопроса, но несомнѣнно, что оба они должны, во-первыхъ, говоря о прогрессѣ или желая прогрессивно дѣйствовать, опираться на какую-либо деонтологию, а во-вторыхъ, въ обоихъ указанныхъ случаяхъ имѣть общее знаніе законовъ, первый для того, чтобы, отмѣчая какое-либо прогрессивное явленіе, показать, что вообще оно не могло произойти инымъ какимъ-либо путемъ или путемъ неаналогичнымъ, не эквивалентнымъ, второй—для того, чтобы найти средство для своей цѣли наиболѣе подходящее или ему равносильное. Во всякомъ случаѣ въ теоріи прогресса должны находиться оба элемента—деонтологическій и номологическій и быть въ извѣстномъ взаимодействіи, чтобы не давать знанія цѣлей безъ знанія средствъ, такъ какъ первое превратилось бы тогда въ простую идеологию, равно какъ не давать знанія средствъ безразлично для какихъ бы то ни было цѣлей,—знанія, которое не будетъ имѣть никакой стройности. Вотъ почему, изображая единственно возможный порядокъ прогресса, его общая формула должна ограничиться только самыми общими указаніями, не предрѣшая вопроса о томъ, какъ происходилъ прогрессъ въ дѣйствительности въ зависимости отъ разныхъ условій, и что при всякихъ обстоятельствахъ долженъ предпринимать прогрессивный дѣятель. Формула прогресса можетъ только показать, достиженіе чего дѣлаетъ возможнымъ достиженіе и дальѣйшаго: достиженіе какого-либо пункта только тогда становится прочнымъ приобрѣтеніемъ прогресса, когда одновременно приобрѣтены и многія другія вещи, когда оно не преждевременно. Практическій вопросъ о своевременности и вообще цѣлесообразности того или другого поступка и научный вопросъ о положительномъ значеніи того или другого факта въ исторіи прогресса имѣютъ общую подкладку въ вопросѣ о томъ, какой порядокъ дѣйствія законовъ можетъ считаться ближе ведущимъ къ цѣли:

сравнивая съ этимъ идеальнымъ порядкомъ дѣйствительный ходъ исторіи, мы разрѣшаемъ одну изъ задачъ философіи исторіи; подчиняя ему свою дѣятельность при постоянномъ руководствѣ данными опыта, т.-е. указаніями дѣйствительности, создаваемой нашею дѣятельностью въ соединеніи съ теченіемъ вещей, не отъ насъ зависящихъ, мы выполняемъ программу жизни въ виду прогресса какъ нашего общества, такъ и всего человѣчества.

Постановка вопроса о прогрессѣ на такую точку зрѣнія устраняетъ всякую узкость взгляда въ его рѣшеніи: оно не указываетъ прогрессу тождественнаго вездѣ пути, но только намѣчаетъ одинъ путь въ смыслѣ множества аналогичныхъ или эквивалентныхъ. Если мы открываемъ, что для перехода отъ a къ b нужно дѣйствіе причины x , мы не говоримъ, что это x существуетъ только въ единственной формѣ, а допускаемъ ея проявленія въ различныхъ формахъ или указываемъ на нѣяя сочетанія, дѣйствіе которыхъ можетъ быть равносильно дѣйствию x , или на какую-либо другую причину w , которая способна дѣйствовать въ смыслѣ x , хотя бы не такъ быстро и не съ такимъ вѣрнымъ успѣхомъ, какъ x : если послѣднее по даннымъ обстоятельствамъ не могло существовать въ прошломъ или не можетъ существовать въ будущемъ, приходится довольствоваться существованіемъ или возможностью w и видѣть въ немъ причину совершившагося прогресса или средство для долженствующаго совершиться. Но вообще формула прогресса должна имѣть въ виду главнымъ образомъ такія причины, которыя быстрѣе, вѣрнѣе и прочнѣе другихъ осуществляютъ прогрессъ. Дѣло теоретика прогресса—вообразить, въ какомъ порядкѣ дѣйствіе законовъ, т.-е. возникновеніе причинъ, необходимо приводящихъ къ извѣстнымъ слѣдствіямъ, лучше всего осуществляетъ прогрессъ: какъ онъ осуществлялся въ дѣйствительности и осуществлялся ли вообще въ разныя времена и насколько можно проводить въ жизнь вполне, т.-е. безъ всякихъ излишнихъ уступокъ дѣйствительности, найденную формулу, будетъ зависеть уже отъ разныхъ условій: чѣмъ благоприятнѣе были эти условія для полного, быстрого и прочнаго прогресса, тѣмъ прогрессъ долженъ былъ ближе подходить къ этой формулѣ, не совпадая однако съ нею совершенно, поскольку никогда и нигдѣ не складывались абсолютно благоприятныя для него условія. Другими словами, теорія прогресса должна представить, какъ совершался бы онъ при абсолютно благоприятныхъ условіяхъ, подобно тому, какъ физикъ говоритъ о томъ, какъ должно было бы падать тѣло въ абсолютно пустомъ пространствѣ. Чередуваніе абсолютно благоприятныхъ условій и должно было бы дать рядъ причинъ и слѣдствій, въ которомъ каждая причина именно имѣла бы своимъ слѣдствіемъ переходъ отъ меньшаго совершенства къ большому.

Въ выводѣніи закона паденія тѣлъ въ физикѣ мы имѣемъ болѣе простой примѣръ построенія подобной же формулы.

Выводя формулу паденія тѣла, мы называемъ паденіемъ движеніе тѣла по направленію къ центру земнаго шара, являющемуся цѣлью, къ коей стремится всякое падающее тѣло. Такую же цѣль мы можемъ поставить прогрессу, разумѣя подъ нимъ поступательное движеніе къ идеалу. Разница вся въ томъ, что первая цѣль есть нѣчто объективно данное, вторая—нѣчто субъективно построенное: нужно только, чтобы вторая цѣль представляла изъ себя нѣчто возможное вообще и не была бы по отношенію къ прогрессу тѣмъ, чѣмъ была бы для падающаго тѣла какая-либо точка, находящаяся внѣ пространства вообще, т.-е. нѣчто немислимое, ибо совершающееся въ пространствѣ движеніе тѣла не можетъ быть движеніемъ къ точкѣ, положеніе которой намъ не было бы дано въ пространствѣ. Далѣе, причина стремленія падающаго тѣла къ земному центру объясняется изъ общаго закона всемірнаго тяготѣнія, и тутъ указанная разница получаетъ большое значеніе: паденіе тѣла съ необходимостью объясняется изъ этого закона, тогда какъ для прогресса такой ссылки на нѣкоторый общій законъ сдѣлать нельзя. Тутъ идетъ только рѣчь о возможности достиженія извѣстной цѣли, и аналогію этому представляетъ тотъ случай, когда математикъ самъ ставитъ точку, къ которой должно двигаться тѣло, и вычисляетъ путь этого движенія, указывая на количество и направленіе силы, которая должна отклонить движущееся тѣло отъ стремленія къ центру земнаго шара: такъ, вычисляется, напр., полетъ ядра. Въ сущности, однако, задача изслѣдователя формулы движенія тѣла въ обоихъ случаяхъ одна и та же: только говоря о паденіи, мы принимаемъ въ расчетъ дѣйствіе одной силы, въ другомъ—комбинируемъ дѣйствіе двухъ силъ. Въ дѣлѣ прогресса основу движенія составляетъ стремленіе человѣка къ улучшенію своего состоянія: это то же, что въ случаѣ движенія тѣла стремленіе къ центру земли, и если отвѣчаться отъ представленія другихъ силъ, содѣйствующихъ человѣку въ этомъ его стремленіи, то мы въ сущности и въ случаѣ прогресса будемъ имѣть то же, что и въ случаѣ паденія тѣла: тѣло постоянно притягивается землей, человѣкъ постоянно стремится улучшить свое положеніе; если тѣло не падаетъ, значить, его что-либо поддерживаетъ, если человѣкъ не улучшаетъ своего состоянія, значить, что-либо его задерживаетъ. Для вывода закона паденія тѣла, физика беретъ тѣло, на которое дѣйствуетъ только одна сила притяженія, и представляетъ себѣ паденіе въ безвоздушномъ пространствѣ, т.-е. при отсутствіи условій, задерживающихъ паденіе (сопротивленіе воздуха, вообще среды); точно также и формула прогресса

можетъ взять человѣка или общество людей, дѣятельность которыхъ обуславливается однимъ стремленіемъ къ улучшенію своего положенія, и разсматривать ихъ движенія при условіи отсутствія всего, что ему препятствуетъ. Но тутъ-то и выступаетъ различіе: такъ какъ падающее тѣло имѣетъ опредѣленную точку, какъ цѣль, къ которой стремится,—и подчиняется дѣйствію одной только силы, то всякое падающее тѣло въ концѣ концовъ падаетъ въ одномъ направленіи, какъ бы ни отклонялось оно отъ линіи движенія въ безвоздушномъ пространствѣ: тѣло, говоря метафорически, знаетъ, гдѣ конецъ его движенія. Такого знанія нѣтъ у человѣка: улучшая свое состояніе, онъ ставитъ себѣ весьма неодинаковыя цѣли и для достиженія однихъ и тѣхъ же цѣлей пользуется очень нецѣлесообразно разными средствами. Должны же, однако, существовать единственное состояніе, которое удовлетворило бы всѣхъ людей, и единственный вѣрный путь, къ нему ведущій: изъ того, что ядро, летающее изъ пушки, движется не къ центру земли, а летитъ снизу вверхъ и останавливается на верху высокой насыпи, не слѣдуетъ, что центръ земли въ концѣ концовъ не есть пунктъ, къ которому ядро стало бы стремиться, если бы оно не застряло въ высокой насыпи. Слѣдовательно, *mutatis mutandis*, формула прогресса можетъ быть построена, какъ формула паденія тѣла: для обоихъ процессовъ мы можемъ указать цѣль, въ обоихъ случаяхъ необходимость движенія вывести изъ нѣкоторой основной причины, въ обоихъ же случаяхъ представить путь, по которому должно идти движеніе при благопріятныхъ условіяхъ. Но паденіе тѣла мы можемъ представить себѣ внѣ всякой матеріальной среды, тогда какъ говорить объ улучшеніи состоянія человѣка, какъ о процессѣ, совершающемся внѣ всякой среды, немыслимо. Представить прогрессъ въ идеальной благопріятной средѣ значило бы представить прогрессъ уже совершившимся: остается, слѣдовательно, вообразить себѣ именно постепенное улучшеніе самой среды, или такое ея движеніе, которое было бы наиболѣе благопріятно и для улучшенія состоянія самого человѣка, и для дальнѣйшаго движенія самой среды въ смыслѣ созиданія ея все болѣе и болѣе благопріятныхъ условій для прогресса. Какъ видитъ читатель, выработка формулы прогресса посложнѣе выведенія закона паденія тѣлъ, но умственные операціи и первую, и вторымъ требуется одинаковыя: нужно найти цѣль обоихъ движеній, объяснить ее изъ природы того, что находится въ движеніи, а послѣднее представить совершающемся при отсутствіи препятствующихъ условій. Вся разница въ томъ, что цѣль прогресса можетъ быть построена только субъективно, что историческое движеніе не выводится изъ дѣйствія одной силы, какъ движеніе падаю-

наго тѣла, и что сами благоприятныя условія въ дѣйствительности
бываютъ таковыми только сравнительно и относительно: каждое усло-
віе жизни есть многосторонняя сложность, въ которой одно благо-
приятствуетъ прогрессу, другое ему препятствуетъ, и не одно и то же
бываетъ одинаково благоприятно въ разные моменты прогресса.

Новыя явленія въ области разработки древнегреческой исторіи.

А. И. Покровскаго.

Нерѣдко приходится слышать, и даже читать, что историческія судьбы античнаго міра достаточно извѣстны, что въ будущемъ возможно лишь выясненіе подробностей, не имѣющихъ существеннаго значенія, что роль еллиновъ и римлянъ въ исторіи человѣчества окончательно опредѣлилась¹⁾. Нижеслѣдующій очеркъ покажетъ, что дисциплина античной исторіи не только не выродилась, не только не отжила свой вѣкъ, а, напротивъ, недавно лишь начала жить настоящей жизнью. Авторъ не имѣлъ, конечно, возможности ставить на счетъ все состояніе дисциплины: онъ ограничивается лишь древнегреческой исторіей, и отмѣчаетъ лишь главные направленія, указываетъ лишь наиболѣе яркія явленія въ области ея разработки за послѣднее время.

I.

Начать съ того, что съ каждымъ днемъ растетъ матеріалъ, надъ которымъ имѣетъ оперировать древнегреческая исторія,—и ма-

¹⁾ Не дальше какъ въ прошломъ году, въ той самой книгѣ *Historische Zeitschrift*, гдѣ напечатана замѣчательная по новизнѣ приѣмовъ и выводовъ статья В. Niese (Zur Verfassungsgeschichte Lakendämons), было заявлено, что не долго ждать—и средневѣковыя будутъ лежать позади насъ, ähnlich abgeschlossen wie das klassische (Griechenthum und Römerthum (LXII, 101). Любятъ указывать на подавляющую массу работъ (особенно нѣмецкихъ диссертаций и программъ) по самымъ мелочнымъ вопросамъ античной исторіи, и въ этомъ явленіи видятъ вырожденіе дисциплины. Нельзя не согласиться,—многія изъ этихъ работъ, дѣйствительно, представляютъ собою переливанье изъ пустого въ порожнее; но во 1-хъ, въ большинствѣ случаевъ это работы не историческія, а филологическія, а во 2-хъ, ими одними не исчерпывается, къ счастью, все состояніе дисциплины.

теріалъ первой важности и солидности; въ полномъ смыслѣ слова dies diem docet. Все еще отыскиваются папирусы, палимпсесты съ остатками неизвѣстныхъ доселѣ, но важныхъ для исторіи произведеній античной литературы. Не буду говорить о томъ, какія драгоценныя данныя для исторіи Египта при Птолемахъ получаемъ мы изъ египетскихъ папирусовъ, полного собранія которыхъ, обѣщаннаго U. Wilken'омъ, мы ждемъ съ нетерпѣніемъ; не буду распространяться и о найденномъ 10 слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ Фаууѣ знаменитомъ „Берлинскомъ папирусѣ № 163“, который даетъ — почти несомнѣнно — отрывки Аристотелевской 'Αθηναίων πολιτεία ¹⁾... Въ 1888 г. R. Reitzenstein надалъ найденные имъ на двухъ листкахъ одного ватиканскаго палимпсеста обрывки VII книги Арріановскихъ τῶν μετ' 'Αλέξανδρον: здѣсь сообщаются нѣкоторыя подробности ²⁾, неизвѣстныя намъ, въ такой связи, изъ другихъ источниковъ... Увы, правъ Reitzenstein, — его находка въ большей степени возбуждаетъ doloris irritamentum, нежели solacium. Сами по себѣ эти два жалкіе фрагмента даютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія; но зато они ясно показываютъ, какъ неточны и не обстоятельны остальные источники по исторіи этого чреватаго событіями времени, и какъ много мы потеряли съ утратой Арріановской исторіи діадоховъ ³⁾.

Можно, конечно, питать хоть слабую надежду и на дальнѣйшія находки рукописныхъ матеріаловъ по греческой исторіи; но есть у насъ и другой источникъ новыхъ свѣдѣній въ этой области: живымъ ключемъ быть этотъ почти неизскаемый источникъ. Давно миновало то время, когда исторія еллинскаго міра разрабатывалась за глаза, исключительно на основаніи античныхъ писателей, которымъ вѣрили на-слово. Мало-по-малу поняли, какъ и въ этомъ дѣлѣ важно разслѣдованіе на мѣстѣ. Сначала, конечно, это разслѣдованіе шло

¹⁾ Тутъ мы имѣемъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія по исторіи аттическихъ сословій и ихъ социальныхъ отношеній, архонтата, реформы Клисѳена и еемистокловой реорганизациіи флота; тутъ мы воочію видимъ, что слишкомъ пенадежна наша традиція о болѣе раннихъ эпохахъ, что нельзя уже рисовать древнѣйшую исторію Аттики такъ, какъ она представлялась воображенію и соображеніямъ атендографовъ и хронографовъ. (Новѣйшая литература: Diels въ *Abhandl. d. Berl. Akad.* 1885, S. 11 ff. Wilken въ *Hermes* XXII (1888), S. 464 ff; *Rose, Aristotelis qui fereb. libr. fragm.*, 1885, p. 270, отрицаетъ принадлежность Аристотелю).

²⁾ Объ отношеніяхъ Пердикки къ Птолемию сыну Лаги, Антигону и разнымъ малозвѣстнымъ сатрапамъ въ 322—1 гг.

³⁾ Arriani τῶν μετ' 'Αλέξανδρον l. VII fgm. ed. *Reitzenstein*. Breslau 18-8. — U. Köhler въ *Sitz.-Ber. d. Berl. Ak.* 1890, S. 557—588, хорошо выяснилъ характеръ этого сочиненія. Русскую читающую публику съ новонайденными отрывками познакомилъ г. Жебелевъ, *Ж. М. Нар. Просв.* 1889 г.

не глубоко: довольствовались тѣмъ, что жили подъ тѣмъ небомъ, что и древніе еллины, дышали тѣмъ же воздухомъ; сами не искали античныхъ памятниковъ, но не пренебрегали уже тѣмъ, что попадалось на глаза; потомъ сами стали искать, но кое-гдѣ и кое-какъ. Лишь въ очень недавнее время пришли къ мысли о необходимости строго-систематическихъ раскопокъ. Слишкомъ популярно имя того, кто положилъ начало этимъ раскопкамъ¹⁾. Теперь разслѣдованія, раскопки и находки производятся во всѣхъ предѣлахъ еллинскаго міра²⁾.

Чтобы наглядно показать, чего можемъ мы ожидать отъ систематическихъ изысканій, я позволю себѣ остановиться на вышедшемъ въ прошломъ (1889) году роскошномъ изданіи: *Reisen in Lykien, Milyas, und Kibyratis*, von E. Petersen и F. v. Luschan. Здѣсь сообщаются результаты австрійскихъ экспедицій въ Ликию въ 1882 г.; результаты экспедицій 1881 г. изложены въ I томѣ, изданномъ въ 1884 г.³⁾ Къ этому I тому приложена карта Ликии Киперта, куда внесены и поправки 1882 г. Уже по этой картѣ—если сравнить ее съ прежними картографическими изображеніями Ликии—можно судить о значеніи новыхъ изысканій для исторической географіи; но

¹⁾ Правда, Шлиманъ плохой ученый: добывая матеріалъ онъ достоинъ всякаго уваженія, разработывая его онъ достоинъ, иногда, чуть не смѣха; но склонность къ комбинаціи—качество драгоцѣнное для производящаго раскопки, и популярность Шлимана находятъ, конечно, полное оправданіе въ его козвенныхъ услугахъ наукѣ. Болѣе удачно послѣднее изданіе Шлимана: „*Tiryns*“ Lpz. 1885 (обстоятельно разобранное G. Perrot, въ *Journal des Savants*, 1890, pp. 107—112, 233—246, 333—348). См. *Schuchhardt*, „*Schleemanns Ausgrabungen im Lichte der heutigen Wissenschaft*“, Lpz. 1890. И теперь трудятся неутомимый археологъ: такъ, въ нынѣшнемъ году, чтобы опровергнуть теорію Беттихера, онъ произвелъ новыя, самыя тщательныя изслѣдованія Иссарлика (см. *Hissarlik-Ilion. Protokoll der Verh. zw. Schliem. u. Bött.* Lpz. 1890; *Niemann* въ *Kunstchronik* 1890 № 16, S. 241—254; P. Habel въ *N. Jahrb. f. cl. Phil.* 1890, CXLI, 563—567; *Academy*, 1890, № 950, p. 56). Массу практическихъ услугъ греческой археологіи оказалъ и ученый архитекторъ Дерпфельдъ. Всѣмъ извѣстны также раскопки—не говоря уже объ аѳинскомъ акрополѣ (ср. *Collignon* въ *Rev. d. d. Mondes*, 1890, XCVII, 835—863)—въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на Дилосѣ, въ Пергамѣ и т. п.

²⁾ Греческая *ἀρχαιολογική Ἑταιρία*, нѣмецкій археологическій институтъ, французская и американская школы въ Аѳинахъ, австрійскія экспедиціи соревнуютъ другъ другу на этомъ поприщѣ. Всѣ эти ученныя учрежденія издаютъ свои журналы и сборники. Теперь въ Аѳинахъ устраивается и британская археол. школа (*Athenaeum*, 1890, № 3272, p. 72).

³⁾ *Benndorf u. Niemann*, *Reisen im südwestlichen Kleinasien*, Wien 1884. Ими же издава *Das Heroon von Gjölbashi-Trysa*. I. Wien 1889. Очень обстоятельную исторію ликійцевъ написалъ O. Treuber, *Geschichte der Lykier*. Stuttgart. 1887 (ср. его же *Beiträge z. G. d. L. Tabing*, 1886, и *Weitere Beiträge z. G. d. E. Tab.* 1887).

во II томѣ находимъ еще кое-какія поправки (въ распредѣленіи античныхъ географическихъ названій). Выдающіяся въ географическомъ отношеніи мѣстности, физическія свойства страны, мѣстныя явленія природы, растительность, дороги, внѣшній бытъ нынѣшнихъ жителей, этнографическія и антропологическія отношенія—все это тщательно изслѣдовано. Обращено вниманіе и на топографію: отъ пониманія ея много зависитъ и пониманіе древнихъ сооружений; этимъ путемъ получается, напр., основаніе для знакомства съ строеніемъ ликійскаго города. Раскапывать австрійскія экспедиціи не имѣли права; приходилось довольствоваться тѣмъ, что не было слишкомъ засыпано. Такъ, напр., удалось обследовать сооруженіе Опромоаса въ Родіополѣ, хлѣбныя магазины Адріана въ Андравахъ, стѣны Иноандскихъ укрѣпленій ¹⁾. Особенно обстоятельно изслѣдованы ликійскія надгробныя сооруженія ²⁾. Болѣе древнія и лучше выполненныя гробницы расположены близъ берега моря и въ долинѣ Ксанеа; дальше внутрь страны гробницы ликійскаго стиля встрѣчаются рѣже, да и то въ недоудѣланномъ видѣ. Точно также и епихорическія надписи найдены почти исключительно въ Мирѣ и Лимирѣ. Изъ греческихъ надписей, нѣкоторыя восходятъ до IV в. до Р. Х.; но большинство относится къ римской эпохѣ ³⁾. Изъ болѣе обширныхъ документовъ назову остатки разныхъ постановленій Трисійскаго народа, отрывки болѣе подробнаго, нежели извѣстный уже раньше ⁴⁾, сборника оракуловъ по востямъ, большія иноандскія и вальвурскія надписи родовъ, изъ которыхъ ясно видно, какъ извѣстные роды чрезъ нѣсколько поколѣній играли выдающуюся роль въ своихъ городахъ. Но

¹⁾ Последнія, по своей структурѣ, представляютъ поразительное сходство съ стѣнами пергамскихъ укрѣпленій Евмена II: отсюда является предположеніе, что этотъ городъ, въ верхней области Ксанеа, образовалъ собой, послѣ битвы при Магнисіи, звено въ цѣпи укрѣпленныхъ пограничныхъ пунктовъ пергамскаго царства противъ Ликіи или противъ родосцевъ.

²⁾ Наблюденно, между прочимъ, что надгробныя надписи не дѣлались на гробницахъ, а вырѣзались или на особыхъ стѣлахъ, или на соседнихъ скалахъ; выяснилось, что ликійскіе саркофаги представляютъ собою архитектурный типъ деревянныхъ построекъ. Скульптурныя украшенія гробницъ знакомы намъ и съ домашнимъ бытомъ, и съ вѣрованіями ликійцевъ.

³⁾ Это преимущественно надгробныя надписи (иныя изъ нихъ выражаютъ запрещеніе постороннему пользоваться усыпальницей подъ угрозой денежнаго штрафа); затѣмъ слѣдуютъ почетныя надписи на базисахъ статуй. Всѣ эти, на первый взглядъ ничтожныя, документы дороги для опредѣленія античныхъ мѣстностей и ихъ предѣловъ, для религіозной и культурной исторіи страны, для знакомства съ правовыми и семейными отношеніями того времени, а также для исторіи языка.

⁴⁾ Ср. Kaibel, *Hermes* XXIII (1888), 583; Keil, *ib.* XXV (1890), 313.

все это оставляется въ тѣни надписями съ сооруженія Опрамоаса въ Родіаполѣ. Это самый обширный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ доселѣ эпиграфическихъ памятниковъ на греческомъ языкѣ. На внѣшнихъ стѣнахъ целлы небольшого храмообразнаго зданія были высѣчены въ 20 колоннахъ около 70 документовъ, относящихся къ біографіи ликіарха Опрамоаса, и расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Большихъ усилій стоило возстановить это теперь развалившееся строеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и надписи; зато результатъ оказался блестящій. Серія документовъ открывается на зап. стѣнѣ письмами римскихъ намѣстниковъ Помпея Falco и Юлія Frugi къ родіаполитамъ относительно почетныхъ наградъ Опрамоасу за прохожденіе городскихъ должностей и архифилакіи Ликии (письма относятся, вѣроятно, къ 20-мъ годамъ II стол. по Р. X.). Далѣе слѣдуютъ рѣшенія союза (κοινόν) относительно прохожденія архифилакіи, письма намѣстника Требія Максима и прокуратора Цалія Флора; послѣднее относится къ путешествію по Востоку импер. Адріана (вѣр. 12⁸/, г.). Затѣмъ идутъ рѣшенія союза и подтвердительные декреты римскихъ намѣстниковъ, утверждающіе Опрамоаса въ разныхъ почетныхъ должностяхъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, до союзнаго жречества и ликіархіи. Пожертвованіе 55000 денаровъ доставило Опрамоасу почетное гражданство всѣхъ ликійскихъ городовъ: дальнѣйшія крупныя пожертвованія, дорогія сооруженія и учрежденія, щедрыя литургіи въ разныхъ союзныхъ городахъ снискали ему глубокую признательность ликійцевъ. Союзъ рѣшаетъ представить заслуги Опрамоаса черезъ намѣстника, потомъ съ согласія намѣстника черезъ особое посольство, на благоусмотрѣніе императора. Тутъ прерываются постановленія союза; на южной стѣнѣ, т.-е. на фасадѣ строенія, нѣсколько нарушая общую связь, вырѣзаны, кругомъ входа, свыше 12 грамотъ импер. Антонина Пія (140—150 гг.) съ признаніемъ заслугъ Опрамоаса, причемъ рядомъ съ римской датой документовъ указывается по ликійскому календарю день внесенія въ союзный архивъ. Дальше опять продолжаются постановленія союза, покрывающія и половину восточной стѣнны целлы. Тутъ говорится о новыхъ громаднхъ пожертвованіяхъ Опрамоаса ликійскимъ городамъ на возстановленіе разрушеннаго землетрясеніемъ 141 или 142 г. Уже изъ этого краткаго изложенія видно, какія неоцѣненныя свѣдѣнія по внутренней исторіи ликійскаго союза во II в. по Р. X. даетъ новонайденный архивъ Опрамоаса; затѣмъ—не говоря уже о каталогѣ римскихъ намѣстниковъ Ликии за 30 почти лѣтъ—здѣсь хорошо выясняется, каковы были формы сношенія провинціаловъ съ императоромъ, какъ рѣшенія союзнаго совѣта исполнѣ зависѣли отъ пласетъ намѣстника, и т. п.¹⁾

¹⁾ Мы еще разъ встрѣчаемся здѣсь также съ явленіемъ, знакомымъ изъ

На этомъ примѣрѣ ясно видно, какія разнообразныя свѣдѣнія даетъ намъ систематическое разслѣдованіе на мѣстѣ. Не говорю уже объ общемъ впечатлѣніи еллинской природы, о томъ, что для историка, собственно говоря, можетъ имѣть значеніе каждый античный памятникъ, напр., хотя бы недавно раскопанная могила павшихъ подъ Мараономъ ¹⁾. Какъ много уясняетъ дѣло изученіе самаго театра событій,—это, конечно, всѣмъ понятно ²⁾. Историческая географія и топографія Греціи сдѣлали за послѣднее время много успѣховъ ³⁾. Топографическія изысканія подтвердили, напр., еукидидовскій рассказъ объ осадѣ афинянами Сиракусъ и болѣе точно опредѣлили линію отступленія афинянъ ⁴⁾; точно также послѣднія раскопки

другихъ надписей: съ объединеніемъ городскихъ общинъ и обогащеніемъ пѣкаторыхъ отдѣльныхъ гражданъ.

¹⁾ Болѣе чѣмъ подробный отчетъ о раскопкахъ даетъ г. Селивановъ въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, ССХХІ, кз. ф., 2—11. Эти раскопки имѣютъ значеніе и для опредѣленія мѣста битвы (противъ теоріи *Eschenburg'a*, *Topogr., arch. u. milit. Betracht. auf dem Schlachtfeld v. Marathon*, Berlin 1887). *Athenaeum*, 1890, № 3272, p. 70.

²⁾ Представимъ себѣ небольшой Сароническій заливъ: въ центрѣ его Эгина, а кругомъ Тризину, Епидавръ, Коринъ, Мегары и Афины. Очевидно, отношенія этихъ политій обусловливаются не столько племенной рознью, сколько слишкомъ тѣснымъ сосѣдствомъ. Кто смотритъ съ афинскаго акрополя, для того Саламинъ естественная принадлежность Аттики; перейдетъ онъ на мегарскій акрополь—и для него такъ же понятны и законны притязанія на этого города; точно также и прочіе сосѣдніе города могли преуслѣваться только на счетъ другъ друга. (Ср. Н. Nissen въ *Hist. Zeitschr.*, 1889, LXIII, 388 ff). Или, напр., нашествіе галатовъ въ III в. на М. Азію для насъ неясно въ своемъ общемъ значеніи; можно подозрѣвать, что памятники литературы и искусства слишкомъ ужъ преувеличиваютъ дѣло. Но взглянемъ на Галатію: это самая пустынная, самая непріютная область М. Азіи. Едва ли удовольствовались бы ею галаты, сдѣлавшіе М. Азію своей данничей: скорѣе можно допустить, что эта скудная земля была уступлена наемникамъ, а войны ихъ были только попытками выбиться оттуда или достать себѣ добычу (*Humann u. Puchstein*, *Reisen in Kleinasien u. Nordsyrien*, Berl. 1890, S. 50). Много важныхъ замѣчаній историкъ найдетъ у *Neumann u. Pertsch*, *Physik. Geogr. v. Griechenland mit bes. Rücksicht auf d. Alterthum*, 1885.

³⁾ Въ прошломъ году издана Кипертомъ превосходная карта персидскаго и македонскаго царства; въ этомъ году онъ подарилъ наукѣ большую специальную карту зап. части М. Азіи. Для греч. топографіи особенно много потрудился Lolling. Изъ новѣйшихъ сочиненій укажу: *Pomtow*, *Beiträge z. Topographie v. Delphi*, Berl. 1889.—*Stein*, *Topogr. d. alt. Sparta*, Glatz 1890.—*Fabricius*, *Theben*, *Unters. üb. die Topogr. u. Gesch.*, Freiburg 1890.—*C. Wachsmuth*, *die Stadt Athen im Alterthum*, II, 1. I. pz. 1890.—*Gr. Lanckoronski*, *Städte Pamphiliens u. Pisidiens*, I. Wien, 1890.—*W. Gurlitt*, *Ueber Pausanias*, *Untersuchungen*, Graz 1890.

⁴⁾ *Holm*, *Zur Topogr. d. Rückzugs der Athener v. Syrakus*, *Verhandl.*

въ Киликіи дали новое опредѣленіе дорогъ Александра на Иссъ¹⁾. Топографическое изслѣдованіе Аттики показало, какой трудолюбивый народъ населялъ эту неплодородную страну: она почти вся была культивирована; даже въ скалистой области Эгалея сѣмѣли—хоть по склонамъ лощинъ—искусственно создать доступную плугу почву²⁾. Тщательныя изслѣдованія остатковъ разныхъ аѳинскихъ стѣнъ дали много важныхъ для исторіи Аѳинъ данныхъ³⁾. Иродотъ рассказываетъ (II, 30) о двухъ „лагеряхъ“, устроенныхъ Псаммитихомъ I на обоихъ берегахъ самаго восточнаго рукава Нила для іонійскихъ и карійскихъ наемниковъ (въ его время здѣсь находились лишь обломки кораблей да развалины домовъ); теперь разрытъ одинъ изъ этихъ лагерей. Посрединѣ обширнаго, образованнаго двойнымъ валомъ прямоугольника открытъ фундаментъ большого форта, самой прочной постройки, основаннаго, какъ видно изъ положенныхъ при закладкѣ подъ углы дощечекъ, Псаммитихомъ I; вокругъ форта ютились другія, болѣе мелкія, зданія, и въ нихъ, или около нихъ, найдены обломки древне-греческихъ расписанныхъ вазъ, весьма драгоцѣнные для внѣшней исторіи древнѣйшей греческой культуры. Открыты также кучи оружія, стрѣлы, золото и серебро, и слѣды обширной обработки здѣсь мѣди и особенно желѣза; вообще многіе признаки, напр., найденные въ большомъ количествѣ вѣсы, показываютъ, что здѣсь былъ одинъ изъ центровъ ремесленной и меркантильной дѣятельности грековъ: къ военному поселенію тотчасъ примкнуло и ремесленное производство. Найденные здѣсь датированные предметы относятся ко времени

der 36. Philologenvers. S. 262 ff. См. также *Holm*, *Topogr. arch. di Siracusa*, Palermo 1883 (пѣм. пер. *B. Lupus'a*, Strassb. 1887) и ст. *Lupus'a* въ *N. Jahrb. f. cl. Ph.*, 1890, CXLI, 33—50.

¹⁾ *Athenaeum*, 1890, № 3273, p. 104—105. Какъ ясно и живо представляемъ мы себѣ военныя операціи Цезаря въ Греціи, благодаря тому, что французская экспедиція шагъ за шагомъ прослѣдила на мѣстѣ всю его кампанію (*L. Heuzey*, *Les opérations milit. de J. César ét. par. la mission de Macéé*. Paris 1886). Ср. *Strecker-Pascha*, *Ueb. d. Rückzug der Zehntausend*. Berl. 1886, и *Tomasehek*, *Topogr. Erläut. der Küstenfahrt Nearchs*. Wien, 1890.

²⁾ *Curtius u. Kaupert*, *Karten von Attika* (текстъ *Milchhöfer'a*); послѣдній выпускъ (1889) посвященъ Мараѳону (Н. 3—6). Теперь выясняется расположеніе большинства атт. димовъ. Въ настоящемъ году въ Аттикѣ производятся систематическія изслѣдованія могильныхъ холмовъ (результаты въ *Δελτίον ἄρχ.*). См. еще *Milchhöfer*, *Antikenbericht aus Attika*, въ *Mitth. d. athen. Instit.*, XII, 81 ff, 277 ff; XIII, 337 ff.

³⁾ Дерпфельдъ въ *Mitth. d. athen. Inst.* XIII, 224 f. 430 ff.—Ср. *Wilamowitz-Moellendorff*, *Philol. Unters.*, I, 97 ff.—Древній Пирей теперь тоже намъ довольно хорошо извѣстенъ (отчасти благодаря надписямъ). Ср. *Gurlitt*, *Ueb. Pausanias*, Graz. 1890, S. 221 ff.—Планъ акрополя въ *Δελτίον*, 1889, № 3.

отъ Псаммитика I до Амасиса ¹⁾. Амасисъ, по Иродоту (II, 178) уничтожилъ эти (и подобныя) греческія факторіи, и указалъ еллинамъ для поселенія городъ Naukratis. Flinders Petrie открылъ теперь этотъ знаменитый городъ ²⁾. Онъ лежалъ на берегу самого западнаго рукава Нила, на высокомъ холмѣ—по обычаю египетскихъ поселеній: разливъ не доходилъ до его площади. Узкія улицы пересѣкали этотъ небольшой городъ вдоль и поперекъ, хотя не по прямой линіи. Южную треть холма занимало сильно-укрѣпленное Ἐλλάμιον; внутри стѣнъ сохранились здѣсь развалины огромнаго зданія съ мелкими подраздѣленіями, въ нѣсколько этажей; входъ въ него лежалъ на высотѣ 17'. Очевидно, это было зданіе для склада товаровъ. Теперь для насъ ясно, почему Иродотъ называетъ Елланій ὑπομίστατον τέμενος, и почему здѣсь была установлена должность проστάται τοῦ ἐμπορίου. Посерединѣ западнаго края холма, гдѣ скрещивались улицы, лежала древняя святилища Афродиты; на сѣверѣ расположились обнесенные крѣпкими стѣнами свящ. округи Диоскуровъ, Аполлона Милитскаго и Иры самосской ³⁾; въ свящ. округѣ Аполлона найдено много обломковъ глиняныхъ сосудовъ съ посвященіями богу ⁴⁾... Найденные въ Этруріи, Кампаніи и Сициліи сосуды наглядно показали, что торговыя сношенія Аѳинъ съ западомъ были значительны еще въ VI столѣтіи ⁵⁾. Особенное значеніе имѣютъ для насъ, конечно, археологическія находки такъ наз. доисторической эпохи: кромѣ данныхъ діалектологівъ, это единственный для той эпохи источникъ. Недавно опубликованы

¹⁾ H. Petrie, Tanis. II. Nebesheh and Defenneh. London. 1888.

²⁾ Fl. Petrie, Naukratis Part. I.—E. Gardner, Part. II. London 1888.

³⁾ Тутъ же, вѣроятно, находилась и названная Иродотомъ (II, 178), но еще не отысканная египетская святилища Зевса; зато Иродотъ не называетъ святилища Афродиты и Диоскуровъ, — можетъ быть потому, что это были, первоначально, исконныя святилища навкратитовъ.

⁴⁾ При помощи этихъ обломковъ съ надписями и другихъ находокъ (фрагмента скарабеевъ у храма Афродиты, существ. до 580 г.) пытались было опредѣлять время поселенія здѣсь еллиновъ, т.-е. сдѣлать выборъ между продотонской (II, 178) и stravonovskoy (p. 801) традиціей; но, къ сожалѣнію, не привели пока къ твердымъ результатамъ. (Hirschfeld въ Rhein. Mus. 1887, XLII, s. 209 ff., 1889, XLIV, 467 ff.; „Naukratis“, I p. 5, 67 etc.); сама по себѣ вѣроятіе, конечно, иродотовская традиція, и новыя находки нисколько не противорѣчаютъ ей. Процвѣтаніе Навкратиса, по обыкновенію греч. далекихъ поселеній, падаетъ на первое время его существованія, какъ это видно изъ Иродота, и какъ съ полною ясностью подтвердили раскопки.—Обломки древнѣйшей эгейской культуры (?) въ Fayûm'ѣ, — Academy, 1890, № 935, p. 242.

⁵⁾ Ср. H. Droysen, Athen und der Westen vor d. sicil. Expedition Berlin. 1882. Приведенныя теперь въ извѣстность (см. C I A, IV, 2, ed. 1887) надписи съ посвященныхъ въ аѳинскія святилища статуи свидѣлствуютъ о томъ, какъ много иноземныхъ ваятелей работало въ Аѳинахъ еще до персидскихъ войнъ; слѣдовательно, тогда уже подготавлилась руководящая роль Аѳинъ.

новыя находки этого рода: въ куполообразной гробницѣ Вафіо близъ Амиклъ нашли золотые кубки съ превосходно выполненными изображеніями ловли туровъ: это тоже произведенія такъ-наз. „микинской культуры“... ¹⁾

Болѣе непосредственныя свѣдѣнія даютъ историку нумизматическія находки. Теперь приведено въ извѣстность очень много монетъ эллинскаго міра ²⁾. Какіе широкіе вопросы можетъ захватывать нумизматика, показываетъ, хотя бы, статья I. G. Droysen'a, *Zum Münzwesen Athens* ³⁾. Монеты много помогаютъ, напр., установить

¹⁾ 'Εφημερίς ἀρχαιολογική, 1889, σ. 129—172 (π. 7—10). Ср. Wolters въ *Mith. d. ath. Inst.*, XIV (1889), S. 204 ff. — Теперь мы имѣемъ много крупныхъ и мелкихъ произведеній этой культуры, и пора уже подвести имъ итогъ. „Микинская“ культура древнѣ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ греческихъ памятниковъ, древнѣ гомеровской культуры. Соотношенія съ искусствомъ передней Азіи (Фригіи, Лидіи, Каріи), Египта, Вавилоніи и народа сѣв. Сиріи (можетъ быть хетитовъ) замѣтны; но, при всемъ томъ, сохранился и своеобразный отпечатокъ. „Микинское“ искусство создало оригинальные царскіе дворцы и куполообразныя гробницы, создало собственную систему декораціи; оно живѣе и вѣрнѣе изобразило одушевленную и неодушевленную природу. Въ послѣднее время былъ опять поднятъ вопросъ, — кто были носители этой культуры? Путемъ весьма остроумныхъ соображеній Тревделенбургъ приходитъ къ мысли, что тѣ были пеласги (*Berl. Phil. Wochenschr.*, 1890, S. 1264 ff.)... И, въ самомъ дѣлѣ, не пора ли историкамъ перестать — по примѣру филологовъ — дѣлать изъ этого народа *Noli me tangere!* Въ этомъ смыслѣ высказывается и Ed. Meyer въ *Philologus* 1889, XLVIII, 486.

²⁾ Изъ послѣднихъ работъ укажу: C. Greenwell, On a find of arch. Greek coins in Egypt, *Num. Chronicle*, III (1890), p. 1—32 (w. pl.). — *Svoronos*, Numismatique de la Crète ancienne. Paris 1890 (Дополненія — въ 'Εφημ. ἀρχ. 1889, σ. 193—212, π. 11—13). *Catalogue of Greek coins in the Brit. Museum. Corinth, colonies etc.* ed. by Head. Lond. 1889. — Pontus, Bithynia, Bosphorus, ed. by Wroth. Lond. 1890. — *Imhoof-Blumer*, Griech. Münzen (Neue Beitr. u. Unters.), въ *Abh. d. bayer. Akad. d. W.*, 1889, S. 525—798.

³⁾ *Sitz.-B. d. Berl. Ak.* 1882. Здѣсь, напр., выставлена (S. 1204) слѣдующая альтернатива: „Или это („Warrenmünzen“) аттическія монеты; тогда придется понимать солововское устройство иначе, нежели какъ его привыкли понимать на основаніи литературныхъ свидѣтельствъ, и была бы заслуга Писистратидовъ, что они подвинули впередъ идею *μία πόλις* и въ дѣлѣ самостоятельной чеканки общеаттическихъ монетъ (какъ въ другихъ отношеніяхъ, напр. возвышеніемъ Панаэней до большаго государств. праздника); или это монеты не аттическія: тогда Атика до Писистратидовъ не имѣла собственныхъ денегъ, и редукція Солона состояла въ томъ, что онъ чужія деньги, — еввійскія, или вычеканенныя по еввійской системѣ другихъ городовъ, — принялъ вмѣсто доселѣ употреблявшихся эгинитскихъ“. — Монеты проливаютъ, напр., новый свѣтъ и на восточныя отношенія Селевки (Ср. ст. Howorth'a въ *Numism. Chr.* 1889). Нумизматика помогла, хотя случайно, хронологическому опредѣленію знаменитыхъ гортинскихъ законовъ (*Bull. de corr. hell.*, 1888, XII, 405—418.

отношенія городовъ „аѳинской державы“ (т.-е. 1-ой аѳинской сим-пахіи)¹⁾, ахейскаго союза²⁾, существованіе торговыхъ (и иныхъ) связей отдѣльныхъ городовъ, и т. п. Но особенное значеніе имѣтъ нумизматика для исторіи мелкихъ еллинизованныхъ державъ: только благодаря нумизматикѣ выясняется исторія тѣхъ мелкихъ государствъ Азіи, которыя играли роль въ періодъ паденія Еллады и возвышенія Рима³⁾. Не говорю уже о томъ, что монеты даютъ важныя данныя для исторіи искусства, культовъ, нарѣчій.

Но прежде всего историкъ Еллады долженъ, конечно, считаться съ эпиграфическими находками. Число извѣстныхъ греческихъ надписей очень велико, и растетъ съ каждымъ днемъ, благодаря неутомимымъ розыскамъ ученыхъ⁴⁾.

Надписи представляютъ собою историческій источникъ во многихъ отношеніяхъ стоящій выше литературной традиціи. Въ большинствѣ случаевъ это официальные документы, и потому здѣсь мы имѣемъ самыя точныя показанія, безъ всякой тенденціозности, отъ которой не могли быть свободны самыя лучшіе античныя историки⁵⁾. Такимъ образомъ надписи очень часто иллюстрируютъ или исправляютъ традицію и еще чаще ее пополняютъ. Лишній разъ съ полною

¹⁾ Разнообразіе монетъ было здѣсь очень незначительно: объ этомъ заботились трапезиты. Аѳиняне естественно старались распространять, по возможности, свою серебряную монету; но, конечно, они не могли отнять у союзниковъ право чеканки (о чемъ впрочемъ имъ много жалѣть не приходилось, такъ какъ серебро добывалось у нихъ же, изъ лаврійскихъ рудниковъ). Изъ Кликладовъ только Сифъ чеканилъ монету; сѣдовательно эти острова были въ большей зависимости отъ Аѳинъ, нежели еракійскіе и малоазійскіе города (впрочемъ Милитъ—славившійся въ VI ст. богатымъ производствомъ монетъ изъ электра—теперь такъ тѣсно примкнулъ къ Аѳинамъ, что не имѣлъ своей чеканки). *Holm, Gr. Gesch. II (1889), 259 ff. Cp. Head, Doctrina nummorum. Oxf. 1887.*

²⁾ Weil, D. Münzwesen d. ach. B., *Ztschr. f. Numism.*, IX, 199 ff.

³⁾ Не могу не отмѣтить здѣсь и русской книжки г. *Ортиникова*,—Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надп. и ц. монетамъ. М. 1884.

⁴⁾ Вновь находимыя надписи публикуются въ 'Αρχαιολ. Δελτίον, 'Εφημ. ἀρχαιολογική, Bulletin de corr. hell., Mitteilungen d. deutsch. arch. Inst. in Athen, и т. п. Много надписей издано русскими учеными (проф. Соколовымъ и учениками его гг. Латышевымъ, Корольковымъ, Никитскимъ, Новосадскимъ и Щукаревымъ). Г. Латышевъ печатаетъ теперь II-й томъ своего превосходнаго сборника надписей сѣв. побережья Чернаго м., посвященный Востору (ок. 500 ндн.). Берлинская Академія наукъ издаетъ теперь Supplementa (IV) къ С. I. А.; въ настоящее время готовятся къ печати дополненія ко II тому; та же Академія печатаетъ и сборники гр. надписей сѣв. Греціи и всего Запада (т.-е. греч. надписи, найденныя въ Италіи, Сициліи, Франціи, Германіи и Англіи).

⁵⁾ Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ и официальные документы могутъ прикрашивать или скрашивать дѣло, но тутъ всегда легко отличить прямиъ.

очевидностью показали это недавнія статьи U. Köhler'a ¹⁾. Въѣшняя и внутренняя исторія аѣинскихъ союзовъ довольно точно извѣстна намъ лишь изъ эпиграфическихъ документовъ ²⁾. Исторія III-го столѣтія, гдѣ насъ окончательно покидаетъ сколько-нибудь связанная традиція, выясняется теперь лишь изъ надписей ³⁾. Разсказывая о нападеніи галловъ въ 279—8 г. на дельфійскую святию, авторы тенденціозно умалчиваютъ о пожарѣ храма; между тѣмъ въ надписяхъ мы читаемъ, что храмъ сгорѣлъ, причѣмъ погибли и важные документы ⁴⁾. Превосходно характеризуетъ политическія воззрѣнія Филиппа V македонскаго обширное письмо его къ дарисейцамъ, сохраненное намъ на камнѣ ⁵⁾. Изъ авторовъ мы уже знали о торжественномъ объявленіи Нерономъ „свободы Еллады“; недавно найденная акрефійская надпись сообщаетъ подлинный текстъ какъ предложенія императора еллинамъ собраться въ Коринѣ, такъ и рѣчи держанной имъ предъ собравшимися „толпами“. „Вы всѣ, еллины, примите—говорилъ императоръ—свободу, съ освобожденіемъ отъ податей,—свободу, которой вы всѣ не имѣли даже въ счастливейшія времена, подчиняясь то иноземцамъ, то другъ другу... Города освобождали и другіе вожди,

¹⁾ Köhler, Z. Gesch. d. Pentekontaetie, *Hermes*, 1889, XXIV, 85—100; Id. Boiot. Inschr. aus d. theb. Zeit, *Ibid.*, S. 636—643.

²⁾ Вотъ, напр., какія, совершенно новыя, свѣдѣнія по исторіи аѣинской политики нач. IV в. даетъ атт. постановленіе о Клазоменахъ въ связи съ двумя другими обломками. — Послѣ уничтоженія спарт. флота при Книдѣ, Аѣины пытаются восстановить свое морское господство; онѣ взимаютъ съ гоѣ родовъ, подчиняющихся имъ, $\frac{1}{2}$ ввозной или вывозной пошлины ($\tau\acute{\alpha}\nu\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \Theta\rho\alpha\sigma\upsilon\text{-}\beta\omicron\lambda\omicron\upsilon\ \epsilon\iota\sigma\omicron\tau\acute{\eta}\nu$) и ставятъ тамъ гарнизоны; во Фракіи также восстанавливается авторитетъ Аѣинъ еще съ 390 г. Такимъ образомъ Аѣины перешли отъ прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ (которые отдаются на откупъ). Дата клазоменскаго постановленія точнѣе опредѣляетъ и время заключенія „царскаго“ (анталкидова) мира (386 г., т.-е. позднѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ). *Mith. d. ath. Inst.*, VII, 174 ff. 313 ff. — Любопытныя для исторіи 2-го аѣ. союза свѣдѣнія находимъ и въ аркесинской надписи, *Bull. de corr. hell.* XII, 224. Недавно сдѣлалась намъ точнѣе извѣстна и надпись о симмахіи аѣинянъ и керкирейцевъ, 375 г. (*B. c. h.*, XIII, 1889, 354—363).

³⁾ Ср. ст. проф. Соколова въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1886, CCXLVI, 2, стр. 1 сл. — Между прочимъ, аттическія надписи III в. разработаны въ этомъ смыслѣ проф. Соколовымъ (*Ж. М. Н. Пр.* 1879 г., № 11) и г. *Щукаревымъ* (Изсл. въ обл. кат. аѣ. арх., Спб. 1889). Благодаря надписямъ выясняется, напр., и роль острововъ въ политической исторіи съ III столѣтія.

⁴⁾ Dittenberger въ *Hist. u. phil. Aufsätze f. E. Curtius*, Berl. 1884. S. 294.

⁵⁾ *Mith. d. athen. Inst.* VI, 61 ff. Ср. *Bull. de corr. hell.* VI, 140 Mommsen u. Robert въ *Hermes* XVII, 479 ff. Изъ писемъ видно также, какъ еллинскіе города формально сохраняютъ полную демократію при безусловномъ подчиненіи Македоніи.

а Неронъ даетъ свободу цѣлой провинціи¹⁾. Массу драгоценныхъ, для исторіи отношеній Рима къ Елладѣ, документовъ далъ намъ новонайденный архивъ митилинскаго асклипіона²⁾.

Но не въ однихъ только частностяхъ эпиграфика существеннымъ образомъ пополняетъ литературную традицію. Античная историография интересуется почти исключительно важными политическими и военными событіями, не останавливаясь ни на чемъ пребывающемъ. Но, вѣдь, народная жизнь слагается не изъ того только, что невольно бросается въ глаза всѣмъ и каждому. Надписи, напротивъ, рисуютъ намъ не только политическую, но и социальную жизнь еллиновъ и весь, какъ праздничный, такъ и будничны, ихъ бытъ. Античная историография—по скольку она дошла до насъ—имѣетъ дѣло почти исключительно съ видными политическими центрами, съ театромъ важнѣйшихъ событій; надписи отыскиваются во всѣхъ предѣлахъ еллинскаго міра, вездѣ гдѣ только произносилось еллинское слово. Благодаря эпиграфикѣ выясняется вѣшняя и внутренняя исторія отдѣльных областей и городовъ,—напр. о. Дилоса³⁾. Недавно открытая, въ большомъ количествѣ, любопытныя аресинскія надписи хорошо знакомятъ насъ съ бытомъ скромнаго еллинскаго города⁴⁾. Исключительно изъ надписей мы узнали, напр., и организацію еессалийскаго⁵⁾ и магнитскаго⁶⁾ союзовъ. Лампсакскія надписи сообщаютъ

¹⁾ Надпись содержитъ въ себѣ также постановленіе акрэфійцевъ воздвигнуть въ честь императора-филеллина, „новаго солнца, озаряющаго еллиновъ“ алтарь „Нерону Зевсу Освободителю“ возлѣ алтаря Зевса Спасителя, и статуи (его и богини Августы Мессаины) въ святилѣ Аполлона. *Bull. de corr. hell.*, XII (1888), 510—528. Ср. *Callegari*, l'is crizione di Akraephiae. Torino. 1890.

²⁾ Ср. *Fabricius*, Rom und Mytilene, Lpz. 1889. Cichorius въ *Sitz.—b. d. Berl. Ak.* 1889, S. 9—45.

³⁾ Ср. превосходный трудъ московскаго ученаго *V. v. Schöffer*, De Deli insulae rebus (Berl. Stud. XVI, 1) 1889.

⁴⁾ Ср. *Bull. de corr. hell.* VII, 23 сл., 372 сл., 447 сл., *Museo italiano* 1885, I, 227 сл.; *Mith. d. ath. Inst.* XI, 99 сл., *B. c. h.* XII, 224—236; 326—327; XIII, 342—345, и пр. Въ *Bull. de corr. hell.* 1890 (XIV) изданы надписи акрэф. святилищ (р. 1—64, 181—203), Аликярнасса (90—121), Тельмесса (162—176), области Меандра (224—289), Родоса (275—291) и пр. Для характеристики того что даютъ надписи для мѣстной исторіи, любопытна тризинская надпись (*B. c. h.* X, 139—143, 335—338). Здѣсь сообщается, какъ въ виду опасности отъ не-пріятеля (вѣроятно, Клеомена III) городъ постановляетъ, чтобы граждане пожертвовали своимъ имуществомъ на сооруженіе стѣнъ и укрѣпленій; для исполненія постановленія и приема вкладовъ избирается коммиссія; тутъ же сообщаются рѣшенія патрій и родовъ относительно пожертвованій; каждая корпорація имѣетъ своихъ представителей.

⁵⁾ Monceaux въ *Revue archeol.*, 1888, X, 221 et suiv. *B. de c. h.* 1889, XIII, 378—406.

⁶⁾ *Mith. d. ath. Inst.* VII, 71—75. 335—341. *Bull. de corr. hell.*, XIII,

намъ интересныя свѣдѣнія о существованіи здѣсь ежегоднаго праздника въ честь Θεμιστοκля, и о посольствѣ лампсацевъ, встрѣтившемся въ 196 г. въ Коринѣ съ Фламиніемъ, доѣзжавшемъ до Массалии и всюду завязывавшемъ сношенія и связи съ своимъ городомъ ¹⁾. Недавно найдена, на дорогѣ изъ Траллъ въ Магнисию, увѣковѣченная на камнѣ грамота царя царей Дарія сына Истаспа въ Гадатѣ рабу. Дарій хвалитъ Гадату за то, что онъ акклиматизировалъ экзотическія деревья въ М. Азіи: „великая благодарность ожидаетъ тебя во дворцѣ царя“. Но Гадата не угодила царю тѣмъ, что заставилъ священныя (ἱεροὺς) садовниковъ святыни Аполлона воздѣлывать мірскую (βέβηλον) землю, и царь грозитъ ему своимъ гнѣвомъ, если онъ не отмѣнитъ своего распоряженія ²⁾. Изданная въ этомъ году интереснѣйшая надпись съ ἱεροῦσιον Антиоха I коммаченскаго († 38 до Р. X.) прекрасно знакомитъ насъ съ характеромъ апофеозы еллинистическихъ царей, съ культурой послѣднихъ временъ еллиназма, представлявшей собою такую странную смѣсь греческихъ и восточныхъ элементовъ ³⁾.

Такъ надписи даютъ намъ культурную исторію еллинскаго міра, чуть не на всемъ ея хронологическомъ и географическомъ протяженіи. Исторія еллинской религіи, особенно внѣшней стороны культовъ, извѣстна намъ преимущественно по лапидарнымъ извѣстіямъ ⁴⁾. Раскопки въ епидаврійской святынѣ Аскліпіи познакомили насъ съ практикой святынь-лечебницъ ⁵⁾. Только-что найдена въ Магнисіи (на Меандрѣ) над-

271—279. Новые документы по исторіи вѣотійскаго союза, В. с. h., XIII 1—23, 225—229.

¹⁾ *Mith. d. ath. Inst.* VI, 95 ff.

²⁾ *Bull. de corr. hell.* XIII (1889), p. 529—542.

³⁾ *Humann u. Puchstein*, Reisen in Kleinasien u. Nordsyrien, Berl. 1890. S. 228—371. Недавно напечатанъ и указъ ц. Антиоха II сир., устанавлиющій во Фригіи культъ царицы Лаодики (В. с. h. XIII, 523—529). Очень любопытны и новонайденныя въ Египтѣ греческія надписи (*Academy*, 1890, № 932 p. 194 и 934 p. 227).

⁴⁾ Епиграфическіе документы говорятъ намъ, какія божества и какъ почитались въ данной мѣстности, какія совершались въ честь ихъ празднества, какія имъ дѣлались приношенія, какіе и на какихъ условіяхъ состояли въ ихъ святыняхъ жрецы и служители, какъ мѣстное управленіе относилось къ культу, и т. п.

⁵⁾ О раскопкахъ см. ст. г. Александровскаго въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, № 7. (Надписи теперь у Collitz, *SGDI*, III, 3, № 3324 ff) Напрасно изслѣдователи относятся съ такимъ пренебреженіемъ къ большимъ надписямъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ Аскліпіемъ чудесныхъ болѣзней (вродѣ пятилѣтней беременности). Конечно не абсолютную истину будемъ мы искать въ этой тенденціозной кодификаціи возникшихъ подъ вліяніемъ практики аскліпіона легендъ, приправленныхъ и непосредственными измышленіями жрецовъ; но если мы вниматель-

пись, рассказывающая о возникновении здесь культа Діониса ¹⁾. Около тегейской святыни Аѳины Аѳей въ прошломъ году найдена была надпись, IV в., содержаніе которой я здѣсь намѣчу. Жрецу отводится пастбище для 25 овецъ, пары воловъ и одной козы... Совершающій жертву долженъ заколоть только животныхъ безъ всякаго порока; животныхъ съ порокомъ онъ отдаетъ іеромнамону (который самъ не можетъ однако отыскивать таковыхъ въ стадѣ). Въ теченіе трехдневнаго праздника (τρίημέρου) жертвеннымъ животнымъ отводится пастбище внѣ свящ. округа; если же на землѣ святыни будетъ пойманъ скотъ, его можетъ взять себѣ іеромнамонъ. Оставляющемуся въ Аѳей прїѣзжему дается пастбище для его упряжки на одну ночь и одинъ день, подѣ угрозой штрафа въ случаѣ злоупотребленія. Жертвенныя животныя, прогоняемыя мимо, пользуются тѣмъ же правомъ пастбища; въ случаѣ нарушенія Пятьдесятъ и Триста назначаютъ денежные пени. Кто осмѣлится приблизиться съ огнемъ къ храму, — платитъ 12 драхмъ; половина идетъ въ кассу святыни, другая іеромнамонамъ; точно также изъ платы за проѣздъ (по 3 овола съ каждой повозки) половину получаетъ касса святыни, другую — іеромнамонъ. Во время праздничнаго сборища іеромнамоны вмѣстѣ съ дамїоргами должны имѣть наблюденіе за лавками, т.-е. за ярмаркой... Къ сожалѣнію, надпись эта пока не можетъ быть понята вполне точно ²⁾, а конецъ ея окончательно погибъ для насъ; но уже и то, что въ ней понятно, даетъ много любопытнаго: мы видимъ, что

нѣе приглядимся къ этимъ рассказамъ (вспомнивъ и направленіе медицины въ тѣ времена), то различимъ здѣсь и реальныя черты. Надпись Аѳей (II в. по Р. Х.) даетъ уже прямо фактическія свѣдѣнія (освѣщая собой извѣстныя рѣчи риторы Аристиды). Недавно найдена на мѣстѣ критскаго асклипіона надпись, такъ же обстоятельно описывающая лѣченіе отъ кровохарканія (*Philologus*, 1889, XLVIII, 401 ff. 576).

¹⁾ Молнія расщепила платанъ, — и въ дуплѣ нашли изображеніе Діониса. Тогда жители Магнисиі послали въ Дельфы посольство, и оракулъ отвѣчалъ имъ 14-ю гексаметрами, что магнисійцы должны воздвигнуть святыню Діонису, а за жрицами обратиться въ Оивы. На обратномъ пути посольство пригласило уже трехъ еиванскихъ мѣнадъ: Коско, Вуво и Оетталу, которыя и учредили въ Магнисиі три діонисіастическихъ коллегій, а послѣ смерти сподобились геройскихъ почестей. Новый свѣтъ на культъ Артемиды и Аполлона проливаютъ найденныя во Фригіи надписи (изд. въ *Journ. of hell. St.*, X, 1889, p. 216—230). Или вотъ, напр., найденная въ Додоми дощечка: на одной сторонѣ ея, послѣ обычной формулы („Боги, доброе счастье“), читаемъ: „Спрашиваетъ Антіохъ Зевса и Діону о здоровьѣ своемъ, отца своего и сестры: какого Бога или героя ему лучше было бы почитать?“ На другой сторонѣ отвѣтъ оракула: „Идя въ Ерміюу“ (*B. c. h.*, XIV, 1890, 155).

²⁾ *Bull. de corr. hell.* XIII (1889), p. 281—293; Meister въ *Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss.*, 1889, S. 71—98; *Danielsson*, *Epigraphica*, Upsala 1890.

около театрской святыни Ален группируется аркадская амфиктионія. Упомянутый въ алейской надписи совѣтъ Трехсотъ—вѣроятно совѣтъ Теген, существованіе котораго засвидѣтельствовано уже другими надписями. Вообще надписи сообщаютъ намъ о разныхъ совѣтахъ, собраніяхъ, ихъ компетенціи, самой процедурѣ ихъ, о разныхъ должностяхъ и т. п. Эти извѣстія имѣютъ не одно частное, мѣстное значеніе: сопоставленіе ихъ можетъ дать важные результаты общаго порядка; такъ, если мы знаемъ, что какой-либо институтъ существовалъ въ нѣсколькихъ областяхъ,—мы получаемъ возможность судить по этому и о взаимномъ отношеніи этихъ областей, и объ основномъ характерѣ самаго института ¹⁾. Больше всего свѣдѣній мы имѣемъ, конечно, о государственныхъ установленіяхъ Афинъ: такъ—не говоря уже о совѣтѣ, народномъ собраніи и должностяхъ ²⁾—надписи выясняютъ намъ устройство аттическихъ димовъ, фратрій ³⁾, родовъ, исторію финансовъ и финансовыхъ установленій, социально-экономическаго быта, и т. п. ⁴⁾. Недавноизданныя митилинскія надписи даютъ намъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, какъ велось поземельное хозяйство на Лесвѣ ⁵⁾. Эпиграфическіе памятники знакомятъ насъ

¹⁾ Недавно изъ надписей мы узнали, м. пр., о илѣтѣ въ Арголидѣ (*B. c. h.* IX, 352; 'Εφ ἀρχ. 1888, 155; Ср. *Philologus* XLVIII, 185 ff. 762 f).

²⁾ Ср. ст. Swoboda, *Bem. z. polit. Stellung d. athen. Strategen*, въ *Rhein. Mus.*, 1890, XLV, S. 288 ff.

³⁾ Недавно отыскался новый обломокъ знаменитой надписи Демогеноидовъ. Ср. *Wien.-St.*, XII (1890), S. 70.

⁴⁾ Мы, напр., знали уже кое-что о сильномъ повышеніи цѣнъ въ Атикѣ незадолго до смерти Александра М.: болѣе точныя свѣдѣнія даетъ намъ большая (въ 80 строкъ) надпись, содержащая въ себѣ пять документовъ относящихся къ Ираклиду, крупному хлѣбопромышленнику изъ (кипрскаго) Саламина. Сначала читаемъ народное постановленіе отъ 325—4 г. въ честь Ираклида, который при покупкѣ зерна въ 328—7 г. внесъ отъ себя 300 др.; онъ увеличиваетъ золотымъ вѣнкомъ и признается проксеномъ и благодѣтелемъ народа. Затѣмъ идетъ другое народное постановленіе отъ 329—8 г. Здѣсь Ираклидъ тоже получаетъ золотой вѣнокъ за то, что онъ во время голода по дешевой цѣнѣ поставилъ въ Аены зерновой хлѣбъ (3000 медимновъ по 5 др.); такъ какъ въ дорогѣ на Ираклида напали иракліоты и захватили паруса съ его судовъ,—рѣшено послать къ тиранну ираклійскому Діонисию ае. посла, съ просьбой выдать Ираклиду паруса и на будущее время не трогать кораблей идущихъ въ Аены. Дальше слѣдуетъ народное рѣшеніе, предлагающее совѣту внести пробоулеура относ. Ираклида, самое пробоулеура, и наконецъ пробоулеура относящееся къ тому народному постановленію, съ котораго начинается надпись. Между прочимъ, надпись Ираклида устанавливаетъ и хронологію рѣчи Демосеена пр. Форміона (*Mith. d. ath. Inst.* VII, 211 ff.; ср. *Hermes*, XXIV, 1889, S. 136 ff. 146 ff). Превосходно рисуетъ общественный бытъ афинянъ надпись 352 г., изд. въ *Bull. de corr. hell.*, XIII (1889). 433—467.

⁵⁾ *Mith. d. ath. Inst.*, XIII (1888), 43—53. Ср. также *B. d. c. h.* XIV (1890), 389—511.

и съ мѣстными умственными интересами и литературными вкусами. Такъ одна надпись нач. II в. до Р. X. знакомила посѣтителѣй эпидаврійской святилища Асклепія съ поэтическими произведеніями, религіознаго и политическаго содержанія, довольно посредственнаго мѣстнаго поэта Исилла ¹⁾; другая, почти современная, надпись сохранила намъ начало историческаго сочиненія нѣкоего Филиппа, сына Аристиды, изъ Пергама ²⁾. Эпиграфика дала намъ также свѣдѣнія крайне важныя для исторіи драмы и драматическихъ состязаній (особенно въ Афинахъ), для исторіи архитектуры, пластики. Надписи выясняютъ и исторію воспитанія (напр. характеръ афинскаго института ефиевъ). Нѣкоторыя надписи представляютъ собою частные документы: контракты, долговныя обязательства, закладныя, завѣщанія, и т. п. Какое значеніе имѣютъ надписи для діалектологівъ,—это само собою понятно, а историкъ долженъ, конечно, считаться съ ея данными, особенно при изученіи древнѣйшей исторіи еллинскихъ племенъ ³⁾. Наконецъ благодаря надписямъ устанавливается хронологія: особенно важны въ этомъ отношеніи прескрипты документовъ ⁴⁾.

¹⁾ *Wilamowitz-Möllendorff* написалъ цѣлую книгу объ этой надписи („*Isyllos v. Epid.*“ *Phil. Unters.* IX. Berl. 1886); вѣроятно только онъ относитъ ее не ко II, а къ нач. III стол.

²⁾ Вотъ это начало: „Чистой рукой, неповинной ни въ разныхъ несчастіяхъ, ни въ непрерывной рѣзнѣ, которая происходитъ теперь и въ Азіи, и въ Европѣ, и у ливійскихъ племенъ, и въ городахъ Островитанъ, я изложилъ еллинамъ исторію новыхъ событій, дабы, узнавъ и отъ меня, сколько зла порождаетъ заискиваніе предъ народомъ, безмѣрное корыстолюбіе, внутренніе раздоры, нарушеніе вѣрности, они, видя чужія несчастія, сами стремились бы къ исправленію“. Въ четверостишіи Филиппъ называется „царемъ исторіи“. *Bull. de corr. hell.* III, 274. Въ аркесивской надп. (*Mith. ath. Inst.* XI, 102) упоминается, какъ должность, „философъ эпикурейскій“. Одна найденная на ае. акрополѣ надпись даетъ намъ систему стенографическаго письма изъ IV ст. до Р. X. (Ср. *Mitschke, griech. Kurzschrift*, Lpz. 1885, и *Landwehr* въ *Philolog.*, XLIV, 193 ff.).

³⁾ Какъ важны въ этомъ отношеніи даже надписи на монетахъ,—можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: легенды монетъ елиньскихъ городовъ показываютъ, что елины говорили на малоазійскомъ, или островномъ іоническомъ нарѣчій, а это убѣждаетъ насъ въ томъ, что греки, вошедшіе въ составъ этого сицилійскаго племени, были не изъ Фокиды (какъ читаемъ у Фукид. VI, 2), а изъ Фокій. *Zeitschr. f. Numism.* XVI (1889), 187—207. Изданіе Collitz'a *Sammlung der griech. Dialektinschriften*, заключающее въ себѣ всѣ главныя надписи въ обработкѣ специалистовъ, принесетъ, конечно, большую практическую пользу и историкамъ (послѣдніе выпуски: III, 3. *Argivische Inschriften*; II, 2. *Orakelinschr. aus Dodona. Inschr. Achaïas*).

⁴⁾ Теперь пополняются каталоги афинскихъ, дельфійскихъ архонтовъ, эолийскихъ и аеонскихъ стратиговъ и т. п. Новыя работы: *Pomtow, Fasti Delphici*, *N. Jahrb. f. Phil.*, CXXXIX (1889), 513—578. *Щукаревъ*, Иссл. въ обл. кат. ае. арх. III в. Спб. 1889.

II.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ указаній видно, что надписи чрезвычайно живо рисуютъ намъ всю жизнь еллиновъ. Не будь ихъ, мы знали бы лишь наиболѣе крупныя явленія въ области мысли, знали бы—и то не совсѣмъ точно и полно—только исторію важнѣйшихъ политическихъ событій, ходъ разныхъ военныхъ предпріятій, да развѣ еще, изъ ораторовъ и лексикографовъ, кое-какія частныя подробности. Невольно удивляешься, почему античныя историки такъ мало удѣляли вниманія эпиграфическимъ документамъ: Фукидидъ хотя пользовался ими, но былъ слишкомъ далекъ отъ нашей дипломатической точности, и подлинныя акты теперь едва можно узнать въ его обработкѣ ¹⁾; Поливій сознательно занимается въ архивахъ ²⁾; но большинство античныхъ историковъ не восходитъ до первоисточниковъ, довольствуясь компиляціей своихъ предшественниковъ, изрѣдка развѣ вставляя сюда документы изъ какого-нибудь кратеровскаго свода псифисмъ ³⁾; матеріалъ не подвергается критикѣ,—развѣ въ случаѣ явной несообразности или противорѣчія; взаимѣ того являются иногда искусственныя комбинаціи. Вѣдь цѣль античнаго историка не столько объективное возсозданіе прошедшаго, сколько художественное описаніе великихъ событій, въ назиданіе и въ наслажденіе читателямъ ⁴⁾. Оттого „древній историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ рассказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи собственнаго воззрѣнія на данный предметъ“ ⁵⁾.

Такой характеръ античной историографіи заставляетъ насъ съ крайней осторожностью относиться къ ея показаніямъ, брать отъ нихъ не больше чѣмъ они даютъ. Еще до Нибура началось критическое изслѣдованіе античной традиціи и теперь, благодаря совокупнымъ усиліямъ историковъ и филологовъ, разрослось до громадныхъ

¹⁾ См. особ. Herbst въ *Hermes* XXV (1890), 374—399.

²⁾ *Scala*, Studien d. Polybios, I (Stuttg. 1890), 268.

³⁾ Ср. *Krech*, de Crateri φηφ. συν. Greifsw. 1888.—Что въ сборникѣ Кратера были не одни псифисмы, показалъ Köhler, 'Hermokopiden-Inschriften' въ *Hermes*, XXIII, 392 ff.

⁴⁾ Оттого рассказъ идетъ такъ плавно, въ неизмѣнно-хронологическомъ порядкѣ: только когда ужъ нельзя обойтись безъ объясненія мотивовъ, на помощь являются или, въ большей или меньшей степени измышленныя, рѣчи, или, въ крайнемъ случаѣ, диатрисы.

⁵⁾ Слова Гравовскаго.

размѣровъ. Масса специальныхъ работъ занимается изслѣдованіемъ взаимныхъ отношеній разныхъ античныхъ авторовъ, выясненіемъ генезиса ихъ показаній; почти ни одно сочиненіе по древней исторіи не обходится безъ предварительнаго сопоставленія источниковъ во всемъ ихъ объемѣ. Разумѣется, не удалось уберечься отъ недоразумѣній, крайностей, излишествъ. Такъ, центръ тяжести очень многихъ изслѣдованій лежитъ не на оцѣнѣ того, что сохранилось, а на проблематическомъ возстановленіи того, что утеряно: подобныя работы могутъ, конечно, показать остроуміе изслѣдователей, но даютъ слишкомъ мало практическихъ результатовъ для историка. Параллельныя мѣста подыскиваются такъ старательно, что очень часто достаточно самого незначительнаго, совершенно-случайнаго сходства,—и изслѣдователь выводитъ уже заключеніе о зависимости одного писателя отъ другого, и, выдавая вѣроятное за вѣрное, возможное за несомнѣнное, строятъ на этой шаткой почвѣ дальнѣйшія обобщенія и выводы ¹⁾. Но особенно ярко механическое отношеніе къ дѣлу выказалось въ такъ наз. „Einquellenlehre“, т.-е. ученіи, по которому античные историки—особенно поздніе—клали въ основаніе каждаго отдѣла одинъ какой-либо главный источникъ, и къ нему дѣлали только дополненія и поправки, преимущественно риторическаго свойства,—подобно средне-вѣковымъ лѣтописцамъ, или какимъ-нибудь Saggi и Pallavicino ²⁾.

Такъ произвольный и бесполезный схематизмъ сильно сковалъ собою живое изслѣдованіе античной литературной традиціи. Но, къ счастью, нѣтъ недостатка и въ попыткахъ выбиться изъ этихъ оковъ ³⁾,

¹⁾ Напр., до насъ дошли фрагменты историковъ III стол.—Иеронима, Дурнда и Филарха, которые даютъ, разумѣется, понятіе объ ихъ сочиненіяхъ, и Плутархъ, конечно, пользовался ими, посредственно или непосредственно; и вотъ всѣ хорошо написанные пассажи плут. біографій III в. приписываютъ несомнѣнно Иерониму, всѣ анекдоты Дурнду, всѣ рассказы о женщинахъ Филарху и т. п. (Ср. напр., R. Schubert, Gesch. d. Agathokles, Breslau 1887).—Не свободенъ отъ подобнаго механизма и Scala, Studien des Polybios, I. Stuttgart. 1890.

²⁾ Исходнымъ пунктомъ послужили изысканія Ниссена объ источникахъ 4-й и 5-й декады Ливія; потомъ стали примѣнять эти приемы къ позднимъ греческимъ историкамъ: напр., доказывали, что Плутархъ въ біографіяхъ III ст. не прямо пользовался Иеронимомъ, Тимеемъ, Филархомъ, а чрезъ Агаеархиды Книдскаго, или что Діодоръ для исторіи Александра пользовался лишь Клитархомъ, для исторіи діадочовъ Иеронимомъ и т. п.; постепенно эта точка зрѣнія получала все большее распространеніе: ее примѣняли даже на перигитическихъ партійхъ Павсанія. Въ послѣднее время обратили вниманіе и на изслѣдованіе источниковъ Полиана, Фронтинна, Эліана; но и тутъ явились „посредствующія пособія“ („компендіи“, „руководства“ и т. п.).

³⁾ Противъ „карточныхъ домиковъ“ возстаетъ Bröcker, Moderne Quellenforscher und antike Geschichtsschreiber, Insbr. 1882.—Ср. Evers, Ein Beitrag z. Unters. d. Quellenben. bei Diodor, Berl. 1882; Haake, Ein Beitrag z.

а также нѣтъ недостатка и въ трезвыхъ, чуждыхъ всякой предвзятости работахъ по источниковѣдѣнію. Если не считать указанныхъ мною уродливыхъ отклоненій,—источниковѣдѣніе идетъ теперь къ своей цѣли тремя путями. Или изслѣдуется, поскольку отразилось на историческихъ сочиненіяхъ цѣлое направленіе эпохи, т.-е. современное умственное или общественное движеніе, и ставится вопросъ о томъ, что сдѣлали греческіе мыслители для методическаго изученія и философскаго пониманія исторіи. Оказывается, напр., что уже древніе хорошо понимали связь между природой и исторіей ¹⁾; выяснено также, какъ—вѣроятно подъ вліяніемъ эпохи Александра и діадочовъ—стали считать главной дѣйствующей силой въ исторіи—притомъ силой, которой можно только слѣпо подчиняться,—судьбу ²⁾)... Такая постановка вопроса имѣетъ значеніе, конечно, для пониманія не столько изображаемой, сколько изображающей эпохи: историческое сочиненіе разсматривается здѣсь не какъ сумма историческихъ показаній, а какъ продуктъ умственнаго движенія своего времени.

Или изслѣдованіе обращается на самого историка и на внѣшнюю исторію его сочиненія, съ цѣлью выяснить степень его общей достовѣрности. Такъ напр., защищена теперь отъ навіта скептиковъ подлинность уцѣлѣвшихъ фрагментовъ Акусилая, Ксанеа, Иппія, Екатыя ³⁾.

Historiographie D.'s. Hagen 1884; *Neuber*, Spuren selbstst. That. b. Diodor, Bautzen 1890.—*Graf*, 'Plutarchisches' въ Comm. phil. f. O. Ribbeck. Lpz. 1888, S. 57 ff.

¹⁾ Въ иппократическомъ трактатѣ περί ἀέρων со всею рѣзкостью и односторонностью научной аксіомы выставляется ученіе о зависимости физическихъ и духовныхъ свойствъ народа отъ климата населяемой имъ страны; историки, хотя развиваютъ это ученіе, присоединяя сюда и другія вліянія природы, но указываютъ на судьбы и роль самихъ народовъ. Стравонъ уже прямо выставляетъ преобладающее значеніе нравственныхъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ жизни народовъ. *Pöhlmann*, Hell. Ansch. üb. d. Zusammenh. zw. Natur u. Geschichte, Lpz. 1879.

²⁾ *Rösiger*. Die Bedeutung der Tyche bei d. spät. Histor. Pgr. Konstanz 1880. Ср. *R. Scala*, Die Studien des Polybios. I. Stuttg. 1890, S. 159 ff. Работъ по древней историографіи съ вышеуказаннымъ направленіемъ вообще мало. Кромѣ книги Скалы, отмѣчу еще *Eiers*, Die Theorie der Geschichtschreib. d. Dionys v. Halic. Pgr. Waldenburg. 1886; *Busolt*, Diodor's Verhältniss zum Stoicismus, *N. Jahrb. f. Phil.* 1889, CXXXIX, 297—314; *Schwartz*, Hekataeos von Teos, *Rhein. Mus.*, 1885, XL, 223—262 (последній идетъ, впрочемъ, очень далеко въ отысканіи у Діодора фрагм. Екатыя).

³⁾ *Lipsius*, Quaestiones logograph. Lips. 1885—6. Diels, Herodot u. Hekataios, въ *Hermes* XXII, 411 ff. По всей вѣроятности, Иродотъ пользовался этими авторами. Правда Нейл доказывалъ, что Иродотъ нѣкогда ничего не читалъ; зато *Panofsky* (De hist. Herod. fontibus. Berl. 1884) считаетъ Иродота за плагиатора, и притомъ за самаго безсовѣстнаго, такъ какъ выписанное изъ разныхъ книгъ ояъ выдавалъ за слышанное и видѣнное имъ самимъ; дже-

Θουκιδиду, какъ извѣстно, былъ „воздвигнуть культъ, равнаго которому нельзя встрѣтить во всей исторической литературѣ“ ¹⁾; но теперь культъ этотъ разрушается. Больше внимательное знакомство съ текстомъ и композиціей исторіи Θουкидида убѣдило въ томъ, что сочинение это не было окончательно отдѣлано авторомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оказались нѣкоторыя несогласія въ хронологическихъ указаніяхъ, нѣкоторыя ошибки сравнительно съ эпиграфическими данными и т. п. Чтобы объяснить эти погрѣшности и вмѣстѣ спасти культъ Θουкидида, стали все неточное, неясное, запутанное ставить на счетъ не самому Θουкидиду, а его издателямъ и интерполаторамъ; постепенно интерполяцію стали отыскивать вездѣ, въ каждомъ отступленіи, — и въ тѣхъ пассажахъ, которые недостойны Θουкидида, и въ тѣхъ, которыхъ Θουкидидъ недостойнъ (напр., въ знаменитомъ описаніи аттической чумы) ²⁾. Иные, впрочемъ немногочисленные, изслѣдователи приписывали Θукидиду умышленную неполноту и неясность, даже умышленную ложь... ³⁾ Но всѣ эти изслѣдователи, и такъ строго судившіе Θукидида, и тратившіе столько остроумія въ погонѣ за разными интерполяціями, забывали одно, — что Θукидидъ былъ человѣкъ, афинянинъ конца V в., описывавшій современныя войны. Совершенно трезво смо-

домъ и выдумщикомъ считаетъ Иродота, какъ извѣстно, и Сэйсъ; но противъ этого „черезъ мѣру строгаго суда“ справедливо возстали многіе ученые (въ томъ числѣ и проф. Мищенко). Во время путешествій Иродотъ разспрашивалъ обо всемъ кого попалъ и вѣрилъ всѣмъ разсказаніямъ, особенно въ Дельфѣхъ и въ Египтѣ (Croiset, *La veracité d' H.* въ *Revue d. Etudes grecques* I, 133); своихъ предшественниковъ онъ слишкомъ низко цѣнилъ, и потому не считалъ нужнымъ основательно изучать ихъ (A. Naudeau, *H. et les Joniens*, *ibid.* p. 257); наконецъ, трудъ его носить на себѣ и кое-какіе слѣды политическихъ воззрѣній автора (Nissen въ *Hist. Ztschr.*, 1889, LXIII, 419 ff.): все это говорить, конечно, противъ абсолютной достовѣрности Иродота, но не противъ его добросовѣстности; онъ самъ обманывался, но и не думалъ обманывать другихъ... (Изъ послѣднихъ работъ укажу на кн. *Schubert's H's Darstellung der Cyrus-sage*. Bresl. 1890).

¹⁾ *Schmidt*, *Perikl. Zeitalt.*, II, 289. — Нибуръ такъ благоговѣлъ предъ Θукидидомъ, что называлъ дураками собиравшихся писать греческую исторію, „гдѣ мы имѣемъ Θукидида“. Гротъ тоже слѣпо вѣрилъ его разсказу, рассматривая даже рѣчи какъ подлинныя акты (хотя, впрочемъ, въ оцѣнѣ политическихъ событій и дѣловъ. лѣтъ иногда расходился съ нимъ).

²⁾ Новѣйшее изслѣдованіе съ этой тенденціей — *Junghahn, Agos-Sühne bei Thuk.* I 126—139. Berl 1890.

³⁾ *Lange, Z. Fr. üb. d. Glaub. d. Thuk., N. Jahrb. f. Ph.*, CXXXV, 721 ff. — Особенно нападаетъ на Θукидида Мюллеръ-Штрюбингъ, у котораго „кровожадный интерполаторъ“ постепенно замѣняется кровожаднымъ Θукидидомъ, а этотъ, въ свою очередь, обращается то въ автора военно-дидактической эпопеи, или военной новеллы, то въ навязчиваго доктринара, даже въ „профессора“. Ср. *Bauer, Thukydides und H. Müller-Strübing*, Nördl. 1887.

трить на дѣло, въ прошлогодней статьѣ своей, Ниссенъ. По его словамъ, съ именемъ Фукидида связано идеальное представленіе, противорѣчащее дѣйствительности; правдивости Фукидида предъявляются настолько высокія требованія, что имъ не въ силахъ удовлетворить несовершенная человѣческая природа. Чтобы выяснитъ свою мысль, Ниссенъ подробно изслѣдуетъ возникновеніе пелопоннесской войны—сравнительно съ еукидидовскимъ разсказомъ, который по своему искусственному расположенію представляетъ собою драму въ 5 актахъ. Ошибка современной критики заключается въ томъ, что она выработанные ею принципы считаетъ безусловно-обязательными и для древняго писателя. Хотя Фукидидъ и насиловалъ иногда факты, все же онъ правдивый повѣствователь: античный читатель не могъ ожидать отъ него разсказа безъ афинской окраски; онъ былъ убѣжденъ, что всякій историкъ имѣетъ право представлять въ благопріятномъ свѣтѣ дѣло своей родины, своей партіи; это понималъ и Поливій (XVI, 14), не допускавшій только, чтобы историки разсказывали о своей родинѣ не то, что было. И Фукидидъ можетъ-быть замалчиваетъ факты, но никогда ихъ не измышляетъ ¹⁾.

Третій путь, которымъ идетъ источниковѣдѣніе, имѣетъ наибольшее для историка практическое значеніе, ведетъ къ непосредственно-важнымъ для него результатамъ: это путь, на который поименно приходится вступать изслѣдователю исторіи, путь, въ которомъ, собственно, сходятся и два первые пути. Я говорю о критическомъ разборѣ отдѣльныхъ свидѣтельствъ античной литературы. Напр., Белохъ сдѣлалъ очевиднымъ, что разсказъ Филохора и Плутарха о лишеніи Перикломъ гражданскихъ правъ 4,760 гражданъ—основанъ на недоразумѣніи ²⁾. Тщательная критика свидѣтельствъ нашихъ

¹⁾ *Historische Zeitschrift*, LXIII (1889), 385—427. Живое отношеніе къ Ф. находимъ и въ трудѣ проф. Мищенко: Фукидидъ и его сочиненіе. (Послѣд. къ перев. М. 1888 (см. особ. стр. ССII и сл.); ср. его же статью: Фукидидъ какъ сторонникъ ае. демократіи въ *Ж. М. Н. Пр.*, CCLXX (1890), кн. ф., 33—48. Изъ работъ, интересующихся Плутархомъ, а не тѣмъ, какіе изъ недодешедшихъ до насъ авторовъ легли въ основаніе той или другой его біографіи, укажу: *Simon*, Quomodo Plutarchus Thucydidem legerit. Berl. 1881 (Ср. *Heidlingsfeld*, Quomodo Plutarchus Thucydidem usus sit in comp. Niciae v. Liegn. 1889); *Graff*, „Plutarchisches“ въ *Comm. philol. f. O. Ribbeck*, Lpz. 1888, S. 57 ff; ср. *N. Jhrbb., Ph.*, CXXXVII, 557 ff; *Chenevière*, De Plutarchi familiaribus. Paris 1886 (*Hanske*, Plutarch als Bööter Wurz. 1884, ограничивается, къ сожалѣнію, Пелопидомъ); *Holzapfel*, Ueb. die Echth. d. plut. Schr. de Herod. malign., въ *Philologus*, XLII, 23 ff.

²⁾ *Beloch*, Die Bevölkerung d. griech. röm. Welt, Lpz. 1886, S. 75 ff. Напрасно, слѣдовательно, эта „страшная сказка“ (ср. *Schenkl* въ *Wien. St. II*, 170 ff) повторяется въ руководствахъ (ср., напр., *Латышевъ*, Оч. греч. др.,

источниковъ для древней исторіи Аттики—особенно разныхъ атендографовъ, хронографовъ, лексикографовъ,—показала, что нельзя относиться къ нимъ съ безусловнымъ довѣріемъ¹⁾.

Особенно важна тщательная критика традиціи для древнѣйшихъ эпохъ еллинской исторіи. Эпосъ и трагедія черпали, конечно, свое содержаніе изъ народныхъ преданій; но слишкомъ многое нужно отнести и на долю самихъ поэтовъ,—какъ это выясняется теперь, особенно послѣ изслѣдованій Niese²⁾; да и вообще въ эпосѣ (и въ

Гр. 197. 204; также у *Бузескула*, Периклъ, 241—243). Philippi показалъ, что извѣстія Исократъ объ Алексивадѣ, возникшія заднимъ числомъ, не заслуживаютъ полнаго довѣрія (*Hist. Ztschr.*, LVII, 1887, S. 398 ff); опирался на Аристотеля, Baas доказываетъ, вопреки общей античной традиціи, знатное происхожденіе Діонисія I сиракусскаго (*Wien. Stud.* III, 151 ff.), и т. п. Укажу здѣсь еще нѣсколько новыхъ работъ: Herbst, Zur 'Urkunde in Thuk. V, 47, *Hermes*. XXV (1890), 374—399; Nissen, D. Ausbruch d. peloponn. Krieges. *Hist. Ztschr.*, LXIII (1889), 385—427; Abbot, The siege of Plataea, *Class. Review*, IV (1890), 1—3, Rohrmoser, Zeugenverhör ab. die Befreiung Thebens 379 v. Chr., *Ztschr. f. d. österr. Gymn.* XLI (1890), 581—593; Funch, de Thebanorum ab a. 378 u. ad a. 362 actis. Berl. 1890; Punt, Quaestiones Corinthiacae sive de auctoritate qua in Peloponn. societ. Corinthii valuerint, praecipue belli Archidamici tempore. Leid. 1889; Niehues, de Pausania, Cleombroti filio, Laced. Münst. 1890; Klatt, Chr. Unters. ab. d. Regierungszeit d. K. Kleom. III, *Rhein. Mus.*, XLV (1890), 335—360; Robert, Die Schlacht bei Sinoa, *Hermes* XXV (1890), 412 ff.; *Jmmervahr*, Die Lakonika des Pausanias. Berl. 1889; Zeller, ab. die ältesten Zeugnisse z. Gesch. d. Pythagoras, въ *Sitz.-B. d. Berl. Akad.* 1889, S. 985—996.

¹⁾ Критическія работы въ этой области начались уже давно (Шеманъ, Гильбертъ, Любевиль, Ланге, Филиппи, Вилламовицъ-Меллендорфъ, Дункеръ) и особенно оживились послѣ изданія „Берлинскаго папируса № 163“. Н. Landwehr въ своихъ Forschungen z. ält. att. Geschichte (*Philologus* V, V. S.—B 1884, S. 97—196) слишкомъ преувеличиваетъ, конечно, значеніе папируса и особенно своихъ въ немъ восстановленій; зато онъ ясно показываетъ, „что нельзя дальше идти по обычной дорогѣ“; (поправка къ нему даетъ Diels, *Abh. d. Berl. Ak.* 1885, S. 11 ff). Традицію о Солонѣ подвергаетъ критикѣ В. Niese (*Hist. Unters. A. Schäfer*, *gewidm.*, Bonn 1882, S. 1 ff), также Stettirne (Ad Solonis aet. quaestt. crit. Königsb. i. P. 1885), и др. Изъ болѣе новыхъ изслѣдованій укажу Toepffer, Quaestt. Pisistr. Dorp. 1886; Holzapfel въ *Berl. Stud.*, VII, 3 (1888); F. Cauer Parteien u. Politiker in Meg. u. Ath., Stuttg. 1890, S. 45—97. Вообще съ точки зрѣнія новой критики изложеніе соответствующихъ отдѣловъ въ курсахъ проф. Трачевскаго (Учебникъ исторіи, I², 1889, с. 150—158), проф. Петрова (Лекціи по всем. ист. I, 1888, с. 129—136) и г. Латышева. (Оч. греч. древн., I², 1888, с. 137—164) представляется теперь совершенно ненаучнымъ.

²⁾ В. Niese, Die Entwicklung der Homer. Poesie. B. 1882. Что касается до послѣднихъ работъ по гомеровскому вопросу, то и здѣсь замѣтно болѣе живое отношеніе къ дѣлу (напр., у *Bärwinkel*, Zur Odyssee, Sondersh. 1889). По *Bougot*, Étude sur l'Iliade, Paris 1888, Илиада—произведеніе одного поэта; несогласія, недочеты неизбежны въ поэт. импровизаціи. *Weissenborn*, Achilleis

трагедіи) больше отражается бытъ изображающей, нежели изображаемой эпохи ¹⁾). Собственно историческая литература первоначально (до Иродота) имѣетъ мѣстный характеръ, и синхронизмы возникли уже впоследствии, путемъ вычисленія; разрабатывавшіе древнѣйшую исторію не ограничивались простымъ сообщеніемъ преданія, но часто исправляли и измѣняли его путемъ спекуляціи, комбинацій и риторики. Мы не знаемъ собственно, гдѣ начинается сколько-нибудь достовѣрная исторія: „die Lust am Fabuliren“ никогда не покидала грековъ, и мѣсто сагъ заступили политическія легенды, новеллы ²⁾ и анекдоты; съ другой стороны, хотя мы и имѣемъ надписи VII—VI в., но онѣ такъ незначительны въ качественномъ и количественномъ отношеніи, что едва ли на нихъ могла основываться древняя исторіографія ³⁾). Такимъ образомъ для древнѣйшихъ эпохъ мы должны собственно довольствоваться лишь общими картинками,—опираясь при томъ не столько на литературную традицію, сколько на данныя археологій, топографій, діалектологій, а также заключаая—съ большою, конечно, осторожностью—отъ послѣдующаго къ предыдущему.

Остановимся, напр., на послѣднихъ работахъ по древнѣйшей исторіи Лакедемона. Ед. Мейер сдѣлалъ самое обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ традицій о законодательствѣ Ликурга ⁴⁾). Исходя изъ

und Ilias, Münch. 1890, полагаетъ, что Иліада возникла изъ одной Ахиллеиды (въ 2000 ст.), постепенно расширенной разными поэтами, дополнявшими поэму въ духъ своего учителя. Brandt находитъ возможнымъ указать разницу между 1-й и 2-й редакціей „гѣны Ахилла“, *N. Jahrb. f. Ph.*, CXLI (1890), 81—103. Reicher, Ueb. d. zweiten Theil d. Odyssee, Berl. 1889, признаетъ лишь 2 составныхъ части Одиссеи.

¹⁾ Ср. Schmidt, D. subiect. Element bei Homer, Wien 1889.—Schuchter, die gegens. Abhäng. d. relig. u. eth. Vorstell. in den Epen Homers. Brixen 1889. (Ср. также E. Rohde „Psyche“, Freib. i. B., 1890, S. 37 ff). Относительно трагедіи ср., напр., F. B[uecheler], Aeschylus u. d. Parthenon, *Rh. Mus.*, XL, 627 ff; Tucker, Notes on Thuc. VIII a. Aesch. S.C.T. *Class. Review*, III (1889), 436—6; Giles, Political allusions in the „Supplices“ of Euripides, *Class. Rev.* IV (1890), 96—98; *Berlage*, Comm. de Euripide philosopho, Leyd. 1888.

²⁾ Ср. Erdmannsdorfer, D. Zeitalter d. Novelle in Hellas. B. 1870.

³⁾ Последнее мнѣніе было высказано, когда нашлись обломки аеинскаго постановленія VI в. о саламинскихъ клирухахъ (Köhler, *Mith. d. arch. Inst.* IX, 117 ff; *CJA* IV, 2, 1 a; Foucart въ *Bull. d. c. h.*, XII, 1888, p. 1 et suiv.; Gomperz въ *Mith.*, XIII, 1888, S. 137 ff; Lipsius въ *Leipz. Stud.*, XII, 1890, 221 ff).

⁴⁾ Ed. Meyer, Die Entwicklung der Ueberlieferung üb. die lykurg. Verfassung, *Rhein. Mus.* XLI (1886), 560—591, u XLII (1887), 81—101. Уже Wilamowitz-Möllendorff, Philol. Unters., VII (1884), 267—286, далъ нѣсколько важныхъ замѣчаній по исторіи ликурговской легенды. Mayr, Die Tradition üb. die Heimatstätten d., lykurg. Verfassung, Marb. a. D., 1888, примыкаетъ къ Мейеру. Новыя точки зрѣнія находитъ также въ статьяхъ Fustel de Coulanges, Etude sur la propriété à Sparte, въ *Séances et travaux de l'académie des sciences*

Стравона, онъ прежде всего старается установить традицію Ефора. Ефоръ зналъ мѣстное, сообщаемое Иродотомъ, преданіе о критскомъ происхожденіи спартанскаго устройства; но, кромѣ того, онъ пользовался сочиненіемъ царя Павсанія, написаннымъ противъ Лисандра, гдѣ было выдвинуто дельфійское происхожденіе законодательства Ликурга, и подтверждено тогда только составленными стихотворными изреченіями оракула; тогда же сложилось и преданіе о послѣднеликурговскомъ (вопреки Иродоту) происхожденіи ефората и о ликурговскомъ раздѣлѣ земли. Аристотель не удовольствовался комбинаціей Ефора (изъ Иродота и Павсанія), и призналъ болѣе, чѣмъ оракулы Павсанія, надежными ликурговскія ритры (сохраненныя намъ Плутархомъ); а эти ритры—по Мейеру—были просто самыя общія формулировки спартанскаго государственнаго права—не обосновавшія его, а имъ обоснованныя. Павсанію же Мейеръ приписываетъ и рассказъ о клятвѣ, взятой Ликургомъ со спартанцевъ, и о его добровольной смерти. Уже та прямолинейность, съ какою излагаетъ Мейеръ исторію ликурговской легенды, возбуждаетъ недовѣріе къ его гипотезѣ: вѣдь уже Иродотъ знаетъ и о дельфійской традиціи; точно также нѣтъ никакихъ основаній утверждать, будто стихи и оракулы, относящіеся къ Ликургу, возникли не раньше времени Павсанія; трудно допустить, чтобы Ефоръ такъ тѣсно примыкалъ къ Павсанію, а Аристотель къ Ефору; а главное—слишкомъ мало вѣроятно ¹⁾, чтобы политическое тенденціозное сочиненіе могло имѣть такое рѣшающее вліяніе на все дальнѣйшее развитіе ликурговской легенды. Зато нельзя не признать полной основательности весьма многихъ частныхъ замѣчаній Мейера, также какъ и того общаго положенія, что историческія воспоминанія Спарты начинались собственно Теопомпомъ (о немъ говорили стихи Тиртѣя), что Ликургъ лишь произвольно вводится въ искусственную ²⁾ генеалогію спартанскихъ царей, что онъ былъ богъ, или герой, имѣвшій въ Спартѣ святыню и ежегодныя празднества. Примыкая къ послѣднему мнѣнію, В. Niese беретъ предметомъ своего изслѣдованія ³⁾ приписываемое Ликургу спар-

morales et politiques. 1880. XIII—XIV, и Houssaye, *La loi agraire à Sparte*, въ *Annuaire de l'assoc. des études Grecques*, 1884, XVIII; ср. также Duncker, G. d. A., V, 268 ff, и въ *Abhandl. aus. d. griech. Gesch.* Lpz. 1887 ст. „Die Hufen der Spartiaten.“ Cantarilli, I *μόραες* spartani, въ *Rivista di filologia*, XVIII (1889), 465—483.

¹⁾ Даже если принять предлагаемую Мейеромъ (*Rh. M.*, XLI, 575 ff) реконструкцію Стравона VIII, 5, 5.

²⁾ Ср. Anhang: Die Stammbäume der lakon. Königshäuser, *Rh. M.*, XLII, 98—101 (Ср. I. Dum. Die spart. Königslisten. Innsbruck. 1879. Unger въ *Philol.* XL, 96 ff.; Busolt въ *Rhein. Mus.* XXXIX, 478 ff.).

³⁾ В. Niese, *Z. Verfassungsgeschichte Lakēdāmon's*, *Histor. Zeitschr.* LXII (1889) 58—84.

танское государственное устройство: онъ дѣлаетъ попытку изъ знакомства съ существовавшимъ строемъ представить его значеніе и возникновеніе (пользуясь притомъ и другими античными извѣстіями— для сравненія и объясненія). Отвергая въ античной традиціи возведеніе всего устройства Спарты къ Ликургу, онъ однако удерживаетъ „все что въ ней отиѣчено какъ существенное и характеристичное для спарт. устройства, а слѣдовательно и его возникновенія“ ¹⁾.

¹⁾ Разсматривая государственное управление Лакедэмона, ниже указываетъ на противоположность между наследственной и пожизненной царской властью и выборнымъ, на годъ, ефоратомъ. Царская власть сохранила древній, патріархальный, знакомый изъ Гомера, характеръ (царь—вождь, жрецъ и судья); напротивъ, ефоратъ не заключаетъ въ себѣ ничего патріархальнаго: это орудіе крѣпкой общинной власти; очевидно, ефоратъ возникъ позднѣе царской власти. О постепенномъ усиленіи столь могущественнаго потомъ ефората не знаетъ ни одинъ изъ античныхъ авторовъ: по нимъ онъ возникъ какъ верховная общинная должность; характеристическія свойства этой должности представляютъ полное единство. Что цари, вслѣдствіе установленія ефората, утратили первенствующее значеніе— это было тѣмъ болѣе возможно, что царской власти доряне не приписывали божественнаго происхожденія: спартанцы считали царское право основаннымъ на вѣковомъ договорѣ, обновлявшемся ежемѣсячно (причемъ отъ лица гражданъ присягали ефоры). Какъ въ другихъ государствахъ, такъ и въ Спартѣ договоръ между царями и народомъ былъ вызванъ внутренними смутами, причемъ царямъ пришлось подчиниться законамъ, т.-е. народу, благодаря чему они удержали значительныя права. Такъ ефоратъ сталъ основаніемъ спартанскаго устройства. Особенно ясенъ его демократическій характеръ. Спарта была первая *демократія* на греческой почвѣ. Своеобразная черта спартанскаго устройства заключается въ отношеніи города Спарты къ области Лакедэмону. Лакедэмонъ болѣе древнее и, вѣсть, болѣе широкое понятіе, и Спарта только часть его; оттого государство официально носитъ всегда имя Лакедэмонянъ; но эти Лакедэмоняне заступаются исключительно Спартой. Спарта болѣе, нежели какой-либо другой городъ, воплощала въ себѣ понятіе города, особенно въ политическомъ отношеніи. Ни одинъ гражданинъ не могъ жить внѣ города; оттого имя: спартіатъ указывало и на мѣсто жительства, и на право гражданства. Всѣ эти граждане жили не работой рукъ своихъ, а военной и мирной службой общинѣ. Земля спартіатовъ была лучшая часть Лакедэмона, почти вся долина Еврота, населенная и обрабатываемая т. наз. илотами. Остальной частью Лаконіи владѣли періеки; они жили вокругъ области спартіатовъ, въ своихъ городахъ, которые не были связаны между собою, но состояли въ зависимости отъ Спарты. Своеобразность спартанскихъ отношеній состоитъ не столько въ существованіи періековъ и илотовъ, сколько въ той строгости, съ какой развивалась илотія. Соединеніе всѣхъ гражданъ въ городѣ (сिनویклизмъ) имѣло рѣшающее значеніе для спарт. госуд. устройства; но какъ оно произошло— не извѣстно; исконнымъ однако синویклизмъ не былъ. При соединеніи граждане оставляли мѣстечки, обращавшіяся въ села. Описаніе Лаконіи въ гомер. каталогѣ кораблей изображаетъ состояніе до синویклизма, такъ какъ рядомъ со Спартой являются Фарисъ, Амиклы, Врисія. Синویклизмъ принадлежитъ, слѣдовательно, дорійской Спартѣ. Это полное соединеніе всѣхъ

III.

Мы видѣли, какъ ярко освѣтили жизнь античной Еллады новыя археологическія находки, особенно надписи; мы видѣли, какъ благотворно оживилось изученіе ея исторіи болѣе жизненнымъ отношеніемъ къ античной традиціи (заставившимъ насъ, напр., вспомнить, что и античные писатели были люди, которымъ не было чуждо ничто человѣческое). Прибавлю еще, что большое оживленіе внесено было въ нашу дисциплину и новыми открытіями и изслѣдованіями въ области исторіи древняго Востока ¹⁾. Все это дало намъ возможность

гражданъ въ городѣ стоять также въ необходимой связи съ воспитаніемъ и дисциплиной, т. наз. ἀγωγή. Ἀγωγή, при всей строгости, задумана совершенно въ демократическомъ духѣ. Эта совмѣстная жизнь, дисциплина и воспитаніе возникли, когда Спарта находилась на военномъ положеніи и должна была собирать свои силы. Это указываетъ на время нѣзванныхъ войнъ и внутреннихъ волненій, какъ ихъ изображаетъ Тиртэй во 2-й полов. VII стол. Эти стихотворенія относятся ко времени развитія спартаискаго устройства; эфорта Тиртэй еще не знаетъ. Учрежденіемъ его закончились междуусобія и установилось единство. — Изъ послѣднихъ работъ по древнѣйшей греческой исторіи укажу еще *Gröger*, De Argonaut. fabulae historia. Bresl. 1889 (исторія традиціи—до Аполлонія *Pod.*; Гг. показываетъ м. пр., S. 41 ff., какъ отразилось на судьбѣ сказанія постепенное расширеніе географ. познаній); *Thraemer* Pergamos. Unters. üb. d. Frühgesch. Kleinasien u. Griechenlands. Lpz. 1888 (авторъ даетъ исторію и пытается доказать автохтонію мнѣозъ о Тантагѣ и Танталіадахъ; дѣлаетъ замѣчанія о Гомерѣ и киклич. эпосахъ; излагаетъ древнѣйшую исторію Теверавіи и Пергама; затѣмъ, изслѣдуя „положеніе теверавійцевъ между народами М. Азии“, Thr. обстоятельно разбираетъ этнограф. вопросы); *Innmisch*, Klaros, Forsch. üb. gr. Stiftungssagen in *Jahrb. f. d. PA.-VII S.-B.* (1889), S. 125 ff. (выводы—на S. 210); *Studniczka*, Kyrene, eine altgriech. Göttin, Arhaeol. u. mythol. Unters., Lpz. 1890 (изслѣдуетъ мнѣнч. исторію Спарты, Фиры и Киринъ); *Heisterbergk*, Fragen d. ält. Gesch. Siziliens. Berl. 1889 (о Сиканіи, р. Сикантѣ, Сиканнахъ и Сикулахъ). Е. Meyer. Die Pelasger in Attika und auf Lemnos, *Philologus*, XLVIII, 1889, 466—486 (пытается выдѣлить, что внесено въ традицію, съ Елланіка, путемъ ошибочныхъ комбинацій); Е. Meyer, Herodot. üb. die Jonier, *Philol.* LXVII, 268—274 (объясняетъ Herod. IV, 96 и I, 29; ассирияне слыли за іонійцевъ; но „чистые“ и „настоящіе“ іоване—въ М. Азии); Curtius, Wie die Athener Jonier wurden, *Hermes* XXV (1890) 141—151 (указываетъ на постепенное переселеніе іонійскихъ родовъ изъ М. Азии на аттич. берегъ, отчего Аѳ. и стали потомъ полит. центромъ, съ особымъ племенн. характеромъ).

¹⁾ Кромѣ извѣстныхъ трудовъ *E. Meyer'a* (Gesch. d. Alterthums. I. Gesch. d. Orients b. z. Begründ. d. Perserreiches. Stuttg. 1884), *Wiedemann'a* (Aeg. Gesch. 2 Bde. Gotha. 1884. S.-B. 1888; еро же: Die ält. Bez. zwischen Griech. u. Aeg. Lpz. 1883), *Ermann'a* (Aegypten u. aegypt. Leben im Alterhum. 2 Bde. Tub. 1886),

ближе подойти къ еллинамъ, разсматривать ихъ безъ благоговѣйнаго трепета, видѣть въ нихъ не одинъ только духъ, но и плоть.

Какъ извѣстно, филологи, а съ ними самые вліятельные историки Греціи (Гротъ и Курціусъ) идеализировали и опостыливали древнихъ еллиновъ и особенно аѳинянъ ¹⁾. Такъ возникла отвлеченная точка зрѣнія на судьбы еллиновъ, отъ которой только недавно начала отрѣшаться наука. Теперь интересуются не исключительно аѳинянами; на основаніи новыхъ находокъ разрабатывается понемногу и исторія отдѣльных областей и городов ²⁾: это подготовительныя работы для общей исторіи еллинскаго міра; виѣтъ съ географическимъ, наша дисциплина получаетъ и хронологическое распространѣніе: полное право на существованіе имѣетъ теперь и исторія Греціи въ эпоху діадховъ и епигоновъ и въ римскую эпоху.

Новая наука старается освободиться отъ старыхъ предразсудковъ. Примѣръ тому мы уже видѣли на отношеніи новѣйшей критики жъ Оукидиду. Въ противоположность прежнимъ осужденіямъ аѳинской демократіи (исходившимъ изъ аристократической теоріи государства), Гротъ дошелъ до преувеличенія ея культурно-историческаго значенія, виѣсто того, чтобы быть безпристрастнымъ историкомъ—сталъ „адвокатомъ демоса“; его точку зрѣнія усвоили и послѣдующіе

Tiele (Babyl.-assyrg. Geschichte. 2 Bde. Gotha. 1886—88),—особенно важны: Aufsätze zur persischen Geschichte. Von Th. Nöldeke, Lpz. 1887, и Geschichte Jrans und seiner Nachbarländer von Alexander d. Gr. bis z. Unterg. d. Arsaciden, v. A. v. Gutschmid. Tübing. 1888. Изъ послѣднихъ работъ укажу *Hoffmann*, Ueb. einige phön. Inschr. Gött. 1889; *Weissbach*, Die Achämenideninschriften zweiter Art. Lpz. 1890; *Strassmayer*, Babyl. Texte, 1—9; Imbert, Stela of Xanthus, *Babylonian Record*, IV (1890), p. 153 sqq.; *Iensen*, Die Kosmologie der Babylonier, Strassb. 1890; *Praëck*, Medien u. d. Haus d. Kyaxares, Berl. 1890; *Judeich*, Persien u. Aegypten im IV Jathr. v. Chr. Marb. 1889; *Levi*, Quid de Graecis veterum Indorum monumenta tradiderint. Paris. 1890. Недавно найдены анналистическія записи клинообразнаго письма изъ временъ Селевкидовъ (пока еще не изданы).

¹⁾ Въ тому же Гротъ не засталъ еще строгой методической критики источниковъ, а Курціусъ слишкомъ пренебрегаетъ ею; филологи же въ этомъ отношеніи удались въ сухія и излишнія (для историка) подробности. Какою любовью пользуются Гротъ и Курціусъ—это показываютъ многочисленныя ихъ изданія (недавно вышло 6-е изданіе Курціуса); любопытно появленіе такой книги, какъ *Jacoby*, Geist d. griech. Geschichte, Auszug aus Grotes Gesch., her. v. F. Rühl, Berl. 1884. О Гротѣ ср. статью Pöhlmann'a въ *Deutsche Ztschr. f. Geschichtswiss.*, III (1890), 1.

²⁾ Изъ болѣе новыхъ работъ укажу *Haubold*, De rebus Iliensium, Lpz. 1888; *Schöffner*, De Deli insulae rebus, Berl. 1889; *Lenschau*, De rebus Priennensium, *Leips. Sbug.* XII (1890), 1 ff. (ср. ст. г. Селиванова въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, № 11); Szanto, z. Gesch. v. Thasos, въ *Mith. d. athen. Inst.* XV, 1890, 72 ff; *Judeisch*, Iasos, ib. 137 ff (ср. Hicks въ *Journ. of. hell. St.*, VII, 83—118).

историки и филологи. Противъ этого „предразсудка“ съ крайнею рѣзкостью и страстностью возсталъ Ю. Шварцъ ¹⁾, ставящій вопросъ; насколько аѳинская демократія содѣйствовала интеллектуальному, моральному и матеріальному развитію человѣчества или—какъ онъ выражается—человѣческаго капитала. Отвѣтъ получается самый безотрадный. Вся книга Шварца представляетъ собой нескончаемый рядъ самыхъ ѣдкихъ и злыхъ нападокъ на аѳинянь; написанная съ большимъ одушевленіемъ и остроуміемъ, она полна ироніи и сарказма ²⁾. „Величіе Аѳинъ состоитъ (по словамъ Шварца) исключительно въ рѣдкой способности аѳинянь—или части ихъ—къ пластику, зодчеству, драмѣ и краснорѣчію“; но „человѣчество никогда не достигло бы своей настоящей высоты, если бы всѣ государства подражали аѳинской демократіи“. Тутъ господствовала полная нетерпимость ко всякой свободѣ мысли и изслѣдованія (стоитъ вспомнить *φύσις* Діопсеа); знанія получали здѣсь мало развитія и еще меньше распространенія въ массѣ; старинныя знатныя фамиліи постоянно сохраняли свое преобладающее значеніе, особенно при общей политической незрѣлости; продажность, самыя свободныя сдѣлки съ совѣстью, измѣна родинѣ были обычными явленіями; презрѣніе къ ра-

¹⁾ Die Demokratie. Von I. Schwarz. I. B. Die Demokratie von Athen. Lpz. 1882. (2-te Titelauf. 1884).

²⁾ Шварцъ глубокій знатокъ источниковъ,—хотя и пользуется ими тенденціозно, читая въ нихъ иногда больше, чѣмъ можно, или принимая на вѣру всякое злословіе комедіи и анекдота, безусловно вѣря явному ненавистнику демократіи—автору *Ἀθηναίων πολιτεία*, но считая Иродота подкупленнымъ свидѣтелемъ, а Фукидида—ограниченнымъ умомъ, съ не чистой, вдобавокъ, совѣстью. Шварцъ судитъ все и всѣхъ съ своей предвзятой точки зрѣнія, совершенно забывая, что древніе аѳиняне жили не въ XIX в. Солоновская реформа, съ ея принципомъ государственнаго вмѣшательства, выдвинула богатыхъ; на духовное развитіе народа не было обращено никакого вниманія. Въ противоположность „жалкому“ Солону, Писпстратъ рисуется глубокимъ и яснымъ умомъ, сильнымъ характеромъ; но за его тиранніей Шварцъ не признаетъ демократическаго характера; заговоръ Армодія и Аристогитона—дѣло неестественной любви, а не политики; свой конецъ тираннія нашла лишь благодаря чужому оружію, благодаря деньгамъ „юнаковъ“, надъ коими таготѣло проклятіе, да интригамъ „поповъ“. Демократія Клисеена не дала ни равенства, ни свободы совѣсти; демократіи Аристиды и Ефіальта тоже не создали никакого ощутительнаго прогресса въ политической жизни: культъ аристократіи еще процвѣталъ и уровень общаго просвѣщенія въ Аѳинахъ все еще былъ слишкомъ низокъ. Впрочемъ нашъ авторъ называетъ позорными даже „мечтанія“ Платона, разглагольствованія Аристотеля пустыми, умъ Ксенофонта ограниченнымъ, а Демосеена стоявшимъ не на высотѣ современной интеллектуальной жизни; зато его героемъ является Димитрій Фалиреецъ, этотъ ученый и мыслитель, оказавшій такія услуги свободѣ мысли.

ботѣ, рабство, униженіе женщинъ, пытки еще сгущали мрачный колоритъ картины. Персидскія войны не имѣли, по Шварцу, всемірно-историческаго значенія, и не Аѣины спасли цивилизацію бѣлыхъ расъ, а побѣдитель при Имерѣ. Въ ущербъ культурному значенію Аѣинъ, Шварцъ слишкомъ высоко оцѣниваетъ восточныя цивилизаціи. Словомъ, если въ Гротѣ и филологахъ аѣинская демократія нашла себѣ адвоката,—въ Шварцѣ она обрѣла безпощаднаго прокурора: одна крайность неизбѣжно вызвала другую. И въ этомъ—не говоря уже объ отдѣльных вѣрныхъ замѣчаніяхъ—существенное значеніе труда Шварца: это, по-истинѣ, „гроза, очищающая воздухъ во время лѣтнаго удушливаго зноя“. Съ легкой руки Шварца, повторилось и отрицательное отношеніе къ Периклу и его эпохѣ ¹⁾. Одинъ изъ противниковъ Перикла, Белохъ, считаетъ также Димосеена „вульгарнымъ демагогомъ“, а въ его защитѣ „свободы и независимости еллиновъ“ видитъ только фанатизмъ, фразерство, пустую болтовню, „адвокатское завиранье“; напротивъ, Эскинъ—благородная натура, чистый характеръ, государственный мужъ не принадлежащій къ числу тѣхъ, патриотизмъ которыхъ оканчивается на границахъ Аттики; къ Димаду также очень расположенъ Белохъ, и удивляется его „ясному политическому взгляду“; Оераменъ—одинъ изъ величайшихъ аѣ. государственныхъ мужей, а Еввулъ принадлежитъ къ первымъ финансовымъ гениямъ исторіи ²⁾. Припомнишь еще, что Вилановицъ-Меллендорфъ пытается очернить Димохара, а Фокке „спасти“ даже Алкивиада ³⁾. Эти новые взгляды опять-таки слѣдуетъ разсматривать

¹⁾ По Шварцу, вліяніе Перикла на внутреннюю жизнь аѣинской демократіи было слишкомъ ничтожно и ему приходилось унижаться до трусливой лести предъ демосомъ, потворствовать его предразсудкамъ; эпоха Перикла вовсе не была періодомъ процвѣтанія и благоденствія. Оцѣнивая военную дѣятельность Перикла, *Pflugk-Hartung* (Perikles als Feldherr, Stuttg. 1884), пришелъ къ убѣжденію, что Периклъ былъ хорошій военный министръ, но никуда негодный полководецъ, не умѣвшій пользоваться ни средствами, ни обстоятельствами; все значеніе его сводится, въ сущности, къ тому, что онъ былъ великій *Bürgermeister* въ собственномъ смыслѣ этого слова; сильное государство онъ направилъ на путь упадка. Подобный же взглядъ высказалъ *Beloch* (*Die attische Politik seit Perikles*. Lpz. 1884). Но особенно порицаетъ Перикла *M. Dümcker* (G. d. A., N. F., I и II, Lpg. 1884 — 86), осуждающій его за недостатокъ прозорливости и энергіи. Очень обстоятельный разборъ этихъ мнѣній въ диссертациі г. *Бузескула*: Периклъ, Харьк. 1889. Ср. также *Nedwed*, Perikles. Ein Lebensbild. Iglau. 1889, и Н. *Delbrück*, D. Strategie d. Perikles, Berl. 1890.

²⁾ *Beloch*, Die att. Politik seit Perikles. Lpz. 1884.

³⁾ *Wilamowitz-Moellendorff*, Philol. Unters., IV, 189 ff. (ср. *Шукаревъ*, Исслѣдов., 146—147); *Fokke*, Rettungen d. Alkibiades. I. Emden. 1883. II. Emd. 1886. Боже основаній имѣетъ попытка защитити Клеона, сморгнуть на него

какъ реакцію противъ старыхъ предразсудковъ,—реакцію зашедшую, конечно, нѣсколько далеко (какъ и всякая реакція); „они будятъ сомнѣнія и вызываютъ новый пересмотръ вопроса (въ результатъ чего явится болѣе безпристрастное и болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу); они служатъ крайнимъ выраженіемъ того духа критики, который такъ характеризуетъ современную науку“¹⁾; они—прибавимъ—являются результатомъ, или, вѣрнѣе, симптомомъ, болѣе живаго отношенія къ еллинской исторіи...

Тщательная критика традиціи, особенно строго-критическое отношеніе къ Гомеру, новыя археологическія и топографическія изысканія, отчасти и діалектологическія изслѣдованія²⁾, указываютъ возможность представить, современемъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ культурныхъ картинахъ, древнѣйшую исторію Еллады³⁾; вообще новыя изслѣдованія отрѣшаютъ отъ прежняго схематизма и прямолинейности⁴⁾. Широта взгляда сказала уже въ трудѣ Дункера; но

не съ еукидидовской точки зрѣнія. *Lange*, Kleon bei Thuk., Burgst. 1886 (ср. *Emminger*, D. Athen. Kleon, Eichst.; 1881, *Couat*, Aristophane, Paris. 1889, p. 156 et suiv.; *Delbrück*, Strategie d. Perikles, Berl. 1890, S. 189 ff.).

¹⁾ *Бузескулъ* по поводу новыхъ взглядовъ на Перикла, „Периклъ“, 399—400

²⁾ Здѣсь отмѣчу труды *R. Meister'a*, Die griech. Dialekte (auf Grundlage von Ahrens Werk). II. Gött. 1890; ero же Zum eleisch., arkad. u. kypr. Dialekte. Lpz. 1890. (См. также *Schrader*, Sprachvergl. u. Urgeschichte, Iena 1889, и *Bradke*, Ueb. Meth. u. Ergebn. d. arisch. Altertumswiss., Giessen. 1890).

³⁾ Такъ, теперь выясняется понемногу вопросъ о восточныхъ вліяніяхъ на Елладу; дѣлаются попытки опредѣлить, чѣмъ Еллада одолжена Востоку, чѣмъ Востокъ Елладѣ. См., напр., замѣчательную по ерудиціи книгу *O. Gruppe*, Die griech. Kulte u. Mythen in ihr. Bezieh. z. d. orientalischen, I, Lpz. 1887. Изъ новыхъ работъ заслуживаетъ особеннаго вниманія ст. *A. Weber'a*, Die Griechen in Indien, въ *Sitz-Ber. d. Berl. Ak.*, 1890, S. 901—952.

⁴⁾ Спускаясь въ глубь вѣковъ, считаются и съ сохранившимися въ историческое время порядкомъ вещей,—какъ это мы видѣли въ статьѣ *Niese* по исторіи Лакедемона. Съ той же точки зрѣнія ведется замѣчательное по широтѣ взгляда сочиненіе *E. Kuhn'a* Ueber die Entstehung der Städte der Alten. Kommenverfassung und Synoikismos, Lpz. 1879; дополненіемъ къ нему могутъ служить труды *Feldmann'a* (Analecta epigr. ad. hist. synoecismorum et sympolitiarum Graec. Str. 1885) и *Hirschfeld'a* (z. Typologie griech. Ansiedelungen въ *Hist. u. phil. Aufs. E. Curtius gewidm.*, S. 355 ff, и Entwicklung d. Stadtbildes, въ *Ztschr. d. Berl. Ges. f. Erdk.* 1890, S. 295 ff.). Выясняется и сущность колонизація (ср. статья *Curtius'a*, особ. Die Griechen in der Diaspora, въ *Sitzb. d. Berl. Ak.* 1887, 943 ff; много важныхъ замѣчаній въ кн. *Roscher-Jannasch*, Kolonien, Kolonialpolitik u. Auswanderung), періода царской власти (ср. *Curtius*, D. Königtum bei den Alten, въ *Allertum u. Gegenwart*, III, Berl. 1889), тираниіи (*Zeller*, Ueb. d. Begriff d. Tyrannis, въ *Sitz.-b. d. Berl. Ak.*, 1887, s. 1137 ff) и т. п. Ставится на очередь и вопросъ о пеласгахъ (ср. *Hesselmeyer*, die Pelasgerfrage u. ihre Lösbarkeit, Tüb. 1890). *Valeton* (Ελλάς, II, 1890, 27—

особенно живое изложеніе основныхъ чертъ политической исторіи Греціи мы находимъ въ краткомъ очеркѣ Пельманна ¹⁾. Изъ послѣднихъ изслѣдованій съ этимъ направленіемъ, я укажу на работы F. Saueg'a и Whibley ²⁾. Первый изслѣдуетъ вопросъ о партіяхъ и политикахъ въ Мегарахъ и Аѣннахъ въ эпоху тиранніи. Можно, вонечно, не соглашаться со многими частными замѣчаніями Кауера; но изслѣдованіе его замѣчательно по живому отношенію къ вопросу: подобно Landwehr'u ³⁾, Кауеръ выдвигаетъ экономическіе вопросы и отношенія ⁴⁾.

48) и Kothe (*N. Jahrb. f. Ph.*, CXLI. 1890, 184 ff) изслѣдуютъ вопросъ о древнѣйшихъ торговыхъ сношеніяхъ грековъ съ сѣверомъ и западомъ (торговля янтареиъ). Beloch изслѣдуетъ вопросъ о дорійскомъ переселеніи (*Rhein. Mus.*, 1890, XLV, 555—598). Саги о дорійскомъ и ѳессалійскомъ переселеніи возникли, по его мнѣнію, не раньше конца VIII стол.; мнѣн о племенномъ передвиженіи возникли подѣ влияніемъ эпоса и не имѣютъ никакого значенія для реконструкціи древнѣйшей греческой исторіи; нѣтъ необходимости для объясненія исчезновенія миѣнской культуры (современной гомеровской культурѣ) принимать переворотъ, произведенный дорійскими вторженіемъ. Дѣйствительно, пора отрѣшиться отъ „племенной теоріи“, противъ которой справедливо возражаетъ и O. Gruppe (I. 1.); что эта теорія доселѣ продолжаетъ господствовать, это видно изъ (замѣчательнаго во всякомъ случаѣ) изслѣдованія *Studniczka* Kylene, Lpz. 1890.

¹⁾ R. Pöhlmann, Grundzüge d. polit. Gesch. Griechenlands, въ Handb. d. cl. Alterthumsw., III, 355 ff. Nördl. 1888; русскій переводъ г. Шамонова, Кр. оч. греч. ист., М. 1890. (къ сожалѣнію, безъ всякихъ дополненій и поясненій). Цельманъ превосходный знатокъ новѣйшей литературы предмета, но пользуется новыми гипотезами безъ всякой мѣры и осторожности; его Grundzüge—своего рода реакція противъ полнаго преклоненія предъ старинными авторитетами, отъ котораго не свободны не только руководства, но даже такой превосходный трудъ, какъ Griechische Geschichte, v. A. Holm (I-й т. вышелъ въ 1886 г., III-й, доведенный до смерти Александра М.,—въ декабрѣ 1890 г.), гдѣ выдвигается и культурная исторія. Въ другой новѣйшей Griechische Geschichte, Busolt'a (I-й т.—1885, II-й—1888), преобладаетъ детальная сторона. Живое отношеніе къ исторіи замѣчается особенно въ изслѣдованіяхъ Vischer'a, Hug'a, Beloch'a, Landwehr'a.

²⁾ F. Cauer. Parteien u. Politiker in Megara u. Athen. Stud. z. Gesch. Griech. im Zeit. d. Tyrannis. Stuttg. 1890. Whibley, Political parties in Athen during the peloponn. war. Cambr. 1889.

³⁾ H Landwehr, Forsch. z. ält. att. Gesch., *Philologus*, V. S.—B., 1884 S. 97—196.

⁴⁾ Экономическій кризисъ, въ в. VII и в. VI стол. (вызванный переходомъ отъ натурального хозяйства къ денежному), оказался роковымъ для Мегаръ; здѣсь произошла революція; въ Аѣннахъ тоже сначала происходили волненія, вызванныя экономическимъ угнетеніемъ крестьянства; но Писистратиды употребили аттичскій капиталъ на внѣшнюю торговлю, что способствовало процвѣтанію аттич. крестьянства. Касаясь исторіи атт. знати, Cauer не пользовался къ сожалѣнію, трудомъ Töpffer'a, Attische Genealogie, Lpz. 1889. (Ср. его же Nachlesen, въ *Rhein Mus.*, 1890, XLV, 371 ff).

Whibley болѣе точно и ясно устанавливаетъ отношенія партій въ Аѣнахъ во время пелопоннесской войны ¹⁾.

Болѣе живому отношенію къ античной исторіи способствуетъ и техническая критика традиціи. Такъ, Н. Delbrück разбираетъ традицію о персидскихъ войнахъ съ военно-исторической точки зрѣнія, и приходитъ къ новымъ, чрезвычайно-важнымъ результатамъ ²⁾. Въ послѣднемъ трудѣ своемъ Delbrück подвергаетъ обстоятельной экспертизѣ стратегію Перикла, и прекрасно защищаетъ его отъ нападокъ Pflugk-Harttung'a и Дункера ³⁾. Kobert превосходно выяснилъ медицинскій характеръ аѣнской чумы 430 и слѣд. годовъ ⁴⁾.

Новыя эпиграфическія находки познакомили насъ и съ тѣми сторонами еллинской жизни, какія остались почти не отмѣченными античными историками. Теперь, напр., мы имѣемъ рядъ изслѣдованій объ аѣнскомъ государственномъ хозяйствѣ ⁵⁾. Изслѣдованіе Swoboda'мъ знакомитъ насъ съ устройствомъ греческихъ банковъ, или—лучше сказать—сокровищницъ ⁶⁾. Изъ литературныхъ источниковъ мы знали

¹⁾ Особенно обстоятельно излагаетъ Wh. исторію „средней (какъ онъ называетъ) партіи“,—„средняго крестьянства“. *Stern*, Gesch. d. spart. u. theb. Hegemonie, Dorp. 1884, и *Beloch*, l. l., тоже указываютъ болѣе широкія точки зрѣнія; *Dubois* (ученикъ Fustel de Coulanges) даетъ живое изслѣдованіе аѣйскаго и этолійскаго союзовъ (*Les ligues Étol. et Ach.* Paris. 1885, ср. *Мищенко въ Ж. М. Н. Пр.* 1890, № 5, 154—163, и Елл. союзы и Полиій, М. 1890). Nissen (*Hist. Ztschr.*, LXIII, 388—418) чрезвычайно живо рисуетъ возникновеніе пелопоннесской войны, не сговывая себя Оудикидомъ, ясно изображая всѣ сложныя отношенія эпохи.

²⁾ *H. Delbrück*, Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Zwei combinierte kriegsgesch. Stud., Berl. 1887.

³⁾ *H. Delbrück*, D. Strategie d. Perikles erläut. d. d. Strat. Friedr. d. Gr. Berl. 1890.—Д. исходитъ изъ той мысли, что наряду съ „Niederwerfungs-Strategie“ имѣетъ полное право на существованіе и «Ermattungs-Strategie», и Аѣны, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ ихъ застала пелопоннесская война, могли примѣнять лишь послѣднюю стратегію.

⁴⁾ Оказывается, это было отравленіе хлѣбомъ, зараженнымъ, въ зернѣ, особымъ наѣкомымъ (*Claviceps purpurea*). См. *Zur Geschichte des Mutterkorns*, въ *Hist. Stud. a. d. pharmak. Inst. d. Univ. Dorpat*, I. (Halle 1889). S. 1—47.

⁵⁾ Не случайно, конечно, то обстоятельство, что начало этимъ работамъ положили знаменитый издатель Corp. inscr. graec., А. Boeckh. Его классическое сочиненіе *Die Staatshaushaltung der Athener* вышло, въ 1886 г., 3-мъ изд. подъ ред. Fränkel'я; тому же Fränkel'ю, Busolt'у, Beloch'у принадлежитъ большинство новыхъ работъ въ этой области; изъ послѣднихъ изслѣдованій укажу старательную диссерт. *Lehner*, Ueb. d. athen. Schatzverzeichnisse d. IV Jahrh. Strassb. 1890.

⁶⁾ Swoboda, Üb. griech. Schatzverwaltung, въ *Wiener Studien*, XI (1889), 65—87. Первоначально храмовыя сокровища находились въ вѣдѣніи

о сильной задолженности еллинических городских общинъ въ I стол. до Р. X.; Wachsmuth ¹⁾ и Szanto ²⁾; на основаніи надписей, пытаются прослѣдить отдѣльныя черты экономическаго развитія, приведшаго къ такому результату. Haussoullier—превосходно рисуетъ жизнь аттическихъ димовъ (преимущ. въ IV ст.) ³⁾. Beloch пытается установить статистику населенія въ античномъ мірѣ ⁴⁾.

Исслѣдованіе духовной жизни еллиновъ также нѣсколько оживилось. Мы видѣли, что археологическія (особенно эпиграфическія) находки ближе знакомятъ насъ съ религіей еллиновъ; вопросъ о происхожденіи мифологіи далекъ еще конечно отъ разрѣшенія ⁵⁾; но отдѣльныя явленія въ этой области понемногу проясняются ⁶⁾. Полнаго вниманія заслуживаетъ превосходный трудъ E. Rohde, изслѣ-

жрецовъ; постепенно, съ возрастаніемъ богатствъ, ихъ стали употреблять и на государственныя надобности: въ Афинахъ эта реформа имѣла мѣсто еще до персидскихъ войнъ; такъ или иначе, но во всѣхъ общинахъ сокровищницы святили поступили подъ контроль государства. Государство брало деньги въ случаѣ нужды; частнымъ лицамъ деньги давались въ долгъ на всѣмъ святилищамъ (и если давались, то по большей части подъ залогъ); часть храмовыхъ суммъ обращалась и на покупку земель, которыя отдавались потомъ въ аренду.

¹⁾ C. Wachsmuth, Oeffentl. Credit in d. hell. Welt währ. der Diadochenzeit, въ *Rhein. Mus.*, XL, 283—303. Изъ объясняемыхъ Ваксмутомъ аркесивскихъ надписей оказывается, на какихъ необычайно-жестокихъ условіяхъ давались деньги въ долгъ городамъ частными капиталистами.

²⁾ E. Szanto, Anleihen griech. Staaten, въ *Wien. Stud.* VII, 232—252; VIII, 1—36.

³⁾ Haussoullier, La vie municipale en Attique. Paris. 1884. Исторія димовъ еще выясняется благодаря археологическимъ изысканіямъ; изъ новыхъ публикацій—укажу на американскія раскопки въ мѣстности Икарійскаго дима (Merriam, въ *Arch. Inst. of America*, VI, 1889, p. 39—101; *Americ. Journ. of Arch.*, IV, 1888, p. 421—6; V, 1889, p. 9—33).

⁴⁾ Beloch, Die Bevölk. d. griech.—röm. Welt, Lpz, 1886. (Здѣсь не рѣшается окончательно вопросъ, но собирается, по крайней мѣрѣ, матеріалъ, и указывается, какъ нужно имъ пользоваться). Ср. Pöhlmann, Ueberbevölkerung d. ant. Grossstädte (im Zusammenh. m. d. Gesamtentwicklung d. städt. Civilisation) Lpz. 1884.

⁵⁾ Новыя работы (напр. Görres, Stud. z. griech. Mythol. I. Berl. 1889; Laistner, Räthsel der Sphinx, 2 Bde, Berl. 1839; Wendorff, Erklär. aller Mythol. Berl. 1889) только увеличиваютъ собою число болѣе или менѣе произвольныхъ гипотезъ.

⁶⁾ Roscher, Ausf. Lexicon d. griech. u. r. Mythologie (20 вып. доведенъ до буквы J влюч.). Hoffmann, Hermes u. Kerykeion, Marb. 1890; Kern, die boiot. Kabiren, *Hermes*, XXV, (1890), 1—16; Studniczka, Kyrene, eine altgriech. Göttin, Lpz. 1890; много статей мифол. содержанія—въ Festschrift f. C. Robert, B. 1890.—*Hermenjat*, Les dieux et l'homme chez Thucydide, Laus. 1888, даетъ „взглядъ о религіозной мысли въ Греціи V стол.“ Götsching, Apollonius v. Tyana, Berl. 1889,—очень обстоятельная, критическая работа.

дующій культъ усопшихъ и вѣру въ безсмертіе у грековъ ¹⁾). Ученикъ Роде, Марксъ дѣлаетъ критическое изслѣдованіе греческихъ сказокъ о благодарныхъ животныхъ ²⁾). Couat далъ живо-написанное сочиненіе объ Аристофанѣ и о томъ обществѣ, среди котораго ему пришлось жить ³⁾). Scala задается цѣлю объяснить, какъ составилъ весь умственный капиталъ Поливія, изъ какихъ элементовъ и подъ какими вліяніями сложилось его міровоззрѣніе; „этими путемъ мы получаемъ картину литературно-научнаго вкуса, или даже всей духовной жизни той эпохи“, узнаемъ, поскольку „въ умахъ ея отражались созданія того времени, когда еллины жили полной жизнью“ ⁴⁾). Исторія греч. философской мысли также обогатилась за послѣднее время нѣкоторыми обстоятельными изслѣдованіями ⁵⁾). Превосходна *Geschichte der wissensch. Erdkunde der Griechen*, 2-й томъ которой вышелъ въ этомъ году. P. Girard даетъ увлекательно-написанную, обстоятельную исторію афинскаго воспитанія въ V—IV ст.; онъ поль-

¹⁾ E. Rohde, *Psyche*. I. Hälfte. Freiburg i. B. 1890. (Роде обладаетъ рѣдкою способностью соединять обстоятельность содержанія съ живостью изложенія; всѣмъ извѣстна его книга о греческомъ романѣ). Cp. Meuss, *Vorstell. üb. Gotth. u. Schicksal* (*N. Jahrbf. Ph.*, CXXXIX. 1889, S. 445 ff) u. vom Dasein nach dem Tode (*ibid.*, 601 ff) bei d. att. Rednern. Ein Beitr. z. Gesch. d. gr. Volksreligion. Daniel, *A future life as repr. bey the Greek traged.* (развитіе трансцендентализма у трагиковъ), *Claes. Rev.* IV, 1890, 81—95.

²⁾ A. Marx, *griech. Märchen v. dankbar. Tieren u. Verwandtes*. Stuttgart. 1889. „Все античное знаніе, поскольку оно не спекулятивно, (говоритъ Marx) проникнуто легендами и сказками; то же слѣдуетъ сказать относительно естеств. исторіи, въ частности зоологіи“. Martin. *Stud. auf d. Geb. d. griech. Sprüchwortes*, Pl. 1889; о греч. загадкахъ—ст. Дестуниса въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1890, № 7, с. 66 сл.

³⁾ Couat, *Aristophane et l'ancienne comédie*. Paris. 1889. Любопытны здѣсь главы о современныхъ государственнхъ людяхъ, философахъ и поэтахъ (pp. 128—186; 267—355) дополненіемъ къ труду Couat можетъ служить ст. Haley, *The social a. domestic posit. of women in Aristoph.*, въ *Harvard Stud. of class. Phil.* I, 1890, p. 159—186, такъ какъ Couat не касается этого вопроса. Любопытна лисс. Steiger, *Die Eigennamen in d. att. Komödie*, Erl. 1888. Здѣсь, встать уважемъ еще Dürrbach, *L'orateur Lycurge*, Et. hist. et litt. Paris. 1890.

⁴⁾ R. v. Scala, *Die Studien des Polybios*. I. Stuttgart. 1890. Въ этомъ I томѣ Scala слѣдитъ вліяніе родины на Поливія и разбираетъ отношеніе его къ поэзіи и философіи.

⁵⁾ Сочиненіе Dümmler'a, *Akademika*, Giessen. 1889, указываетъ отношенія Платона къ Сократу (любопытны также Anh. II u. III); интересны статьи Chiappelli, *Per la storia della sofistica greca*, въ *Arch. f. Gesch. d. Philosophie*, 1890, III, 1—21 u. 240—274. Замѣчательна по широтѣ и жизненности взгляда книга P. Tannery, *Pour l'histoire de la science hellène. De Thalès à Empédocle* Paris. 1887. Windelband, *Gesch. d. Philos.* I. Freib. 1890, дѣлаетъ новую попытку построенія исторіи гр. философій.

зается не только литературными и эпиграфическими данными, но и художественными изображеніями ¹⁾...

Моей задачей не было изображеніе всего роста дисциплины древне-греческой исторіи; я отиѣтилъ лишь самое существенное, ограничиваясь по возможности двумя послѣдними годами (1889—90). Но уже изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ надѣюсь, видно, какъ благотворно оживилось изученіе древне-еллинской исторіи, благодаря открытію новыхъ данныхъ, благодаря отрѣшенію отъ механической и ходульной точки зрѣнія. Новая наука низвела античныхъ грековъ съ ихъ пьедестала, и классическія статуи стали живыми людьми, знакомство съ жизнью которыхъ дать, конечно, не одно только эстетическое удовольствіе...

•

¹⁾ *P. Girard*, *L' éducation Athén. au V et au IV s.* Paris. 1889.

Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи.

А. И. Павлинского.

Лѣтомъ нынѣшняго (1890) года, въ іюлѣ мѣсяцѣ, происходитъ во Львовѣ съѣздъ польскихъ историковъ. Съѣздъ этотъ былъ организованъ львовскимъ Историческимъ Обществомъ, которое учреждено недавно, года четыре тому назадъ, и которое издаетъ специальный историческій журналъ, посвященный по преимуществу критикѣ трудовъ, являющихся въ области польскаго дѣянія. Два эти явленія—съѣздъ историковъ, а также существованіе научнаго органа Историческаго Общества составляютъ весьма удобную точку отправленія для референта, цѣль котораго представить бѣглый очеркъ движенія, господствующаго въ современной польской исторіографіи. Въ специальномъ журналѣ отражаются какъ нельзя лучше научныя требованія по отношенію къ являющимся въ данной области сочиненіямъ, на съѣздахъ же подводятся итоги всему сдѣланному за послѣднее время и подвергаются совмѣстному обсужденію общіе вопросы, касающіеся дальнѣйшей разработки необсѣдovanýchъ еще предметовъ, нерѣшенныхъ еще задачъ, поставленныхъ на очередь вслѣдствіе замѣченныхъ въ литературѣ пробѣловъ или недостатковъ. Въ виду такихъ двухъ явленій и представляется возможность охарактеризовать направленіе пройденнаго уже пути, опредѣлить результаты достигнутыя въ данный моментъ времени, а также познакомиться съ тѣми цѣлями, которыя намѣчены для трудовъ и изслѣдованій въ ближайшемъ будущемъ.

Фактъ существованія критическаго журнала свидѣтельствуетъ о живой научной дѣятельности, равно какъ объ укоренившемся уже сознаніи въ необходимости контролировать и оцѣнивать происходящее въ данной области движеніе. *Kwartalnik historyczny*, издаваемый львовскимъ Историческимъ Обществомъ каждые три мѣсяца (четыре

книги въ годъ) пустилъ уже глубокіе корни и получилъ твердое и прочное основаніе. Онъ вступилъ въ четвертый годъ своего существованія, снискалъ себѣ много сотрудниковъ, не мало подписчиковъ и сдѣлался авторитетнымъ органомъ исторической критики. Отъ французскихъ *Revue historique* или *Revue des Questions Historiques*, отъ зибелевой *Historische Zeitschrift* и отъ другихъ нѣмецкихъ, англійскихъ или вообще западно-европейскихъ журналовъ *Kwartalnik* отличается тѣмъ, что въ немъ отводится немного мѣста статьямъ и изслѣдованіямъ, а помѣщаются главнымъ образомъ критическіе разборы и рецензіи всѣхъ сочиненій и трудовъ, являющихся по польской исторіи въ польской, русской или вообще въ мѣстной и заграничной литературѣ. Программа его довольно обширна, ибо онъ обнимаетъ не одну только исторію въ тѣсномъ значеніи этого слова, а вообще все прошлое: доисторическую археологию, исторію права, исторію литературы, искусства, равно какъ нумизматику, сфрагистику и пр. Этою централизаціе объясняется отчасти успѣхъ журнала, существованіе котораго обезпечено вслѣдствіе достаточнаго числа подписчиковъ. Но не въ одномъ этомъ заключается польза, происходящая отъ подобнаго рода расширенной программы. Такая централизація имѣетъ еще ту хорошую сторону, что она постоянно напоминаетъ читателямъ журнала о тѣсной связи всѣхъ историческихъ явленій, а также о необходимости соединять узкую спеціальность съ всестороннимъ знаніемъ въ области извѣстнаго историческаго цѣлаго. Львовскій историческій журналъ хотя и помѣщаетъ небольшія статьи въ родѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, но не считаетъ этого (по моему, совершенно справедливо) своею настоящею и главною задачею. Онъ слѣдитъ преимущественно за современнымъ движеніемъ въ литературѣ и подвергаетъ критическому разбору всѣ явленія, входящія въ его широкую программу. Число сотрудниковъ довольно значительно и разнообразно. Они набираются не изъ однихъ лишь членовъ Историческаго Общества, а изъ разныхъ группъ, изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ научныхъ центровъ, такъ что нельзя упрекнуть редакцію въ какой-либо односторонней исключительности направленія взглядовъ или идей. Много сотрудничаютъ, конечно, члены львовскаго Историческаго Общества, мѣстныя, такъ сказать, силы, выработавшіяся и воспитавшіяся подъ руководствомъ профессора Лиске, въ теченіе его 20-ти-лѣтней дѣятельности въ качествѣ университетскаго преподавателя и руководителя историческаго, семинарія при Львовскомъ университетѣ: журналъ и издается по почину и подъ редакціею самого же профессора. Критическія статьи, которыя въ немъ помѣщаются, отличаются по большей части безпристрастіемъ и основательностью анализа. Многіе разборы, по добросовѣстному и глубокому изученію предмета, могутъ быть признаны

настоящими и самостоятельными изслѣдованіями. Вообще въ критикахъ *Kwartalnik'a* обнаруживается ясное сознаніе требованій строго-научнаго историческаго метода, особенно относительно технической, такъ сказать, стороны дѣятельности работъ. Но иногда встрѣчаются, вмѣсто основательныхъ разборовъ, только обыкновенныя рецензіи, въ которыхъ передается содержаніе сочиненія и указывается на главныя въ немъ положенія или на достигнутыя авторомъ результаты. Конечно, это можно объяснить себѣ недостаткомъ наличныхъ силъ по специальному предмету, къ которому относится то или другое вновь появившееся сочиненіе.

Эта случайная неравномѣрность, отражающаяся въ отчетахъ, рецензіяхъ и критикахъ, почти неизбѣжна. Однако же, и на счетъ рецензій существуютъ извѣстныя требованія. Между тѣмъ бывають въ *Kwartalnik'ѣ* такіе единичные случаи, что просто приводятъ читателя въ недоумѣніе. Такое, напр., смутное и спутанное поверхностное фразерство, которое обнаруживается въ рецензіи на 10 страницахъ послѣдняго выпуска журнала въ нынѣшнемъ году (*Kwart.* IV, стр. 790—801) можетъ сбить съ толку неопытнаго адепта исторической науки и послужить поощреніемъ опаснаго всегда диллетантизма у молодыхъ писателей ¹⁾. Въ общемъ, журналъ старается, однако же, и при томъ не безъ успѣха, оберегать интересы науки, содѣйствовать порядку научнаго уровня и высоко держать знамя критики добросовѣстной, истинной и безпристрастной. Рецензіи и разборы печатаются обо всѣхъ книгахъ, которыя касаются польской исторіи, написанныхъ на томъ или другомъ языкѣ. О русскихъ сочиненіяхъ имѣются въ *Kwartalnik'ѣ* всегда болѣе или менѣе обстоятельныя оцѣнки. Книгамъ профессоровъ Карѣева и Любвича посвящаются иногда весьма подробныя, обширныя разборы.

Львовское Историческое Общество, оказавшее несомнѣнно значительныя услуги польской образованности, создавъ въ своемъ научномъ органѣ центръ исторической критики, взяло на себя въ нынѣшнемъ году новый трудъ, именно по устройству сѣзда польскихъ историковъ. Усилія Общества были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ: сѣздъ состоялся во Львовѣ, въ іюль мѣсяцѣ 1890 года. Предварительный комитетъ по устройству сѣзда состоялъ исключительно изъ мѣстныхъ членовъ Историческаго Общества. Чтобы заручиться успѣхомъ, избѣгнуть на сѣздѣ поверхностнаго многословія, были приняты нѣкоторыя своеобразныя мѣры. Члены сѣзда, изъявившіе желаніе принять въ немъ участіе, должны были заранѣе, за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія сѣзда, прислать ученому комитету свои письменные рефераты, ко-

¹⁾ Рецензія J. B. Antoniewicz'a на сочиненіе Лозинскаго. См. ниже.

торые, по одобреніи ихъ, печатались въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Напечатанные рефераты были посылаемы всѣмъ членамъ предполагаемаго сѣзда, чтобы дать имъ возможность подготовиться къ основательнымъ, обдуманнѣмъ возраженіямъ, или, по крайней мѣрѣ, слѣдить болѣе сознательно за ходомъ преній, которыя должны были быть возбуждены официальнымъ оппонентомъ или по-референтомъ, назначеннымъ для каждаго письменнаго реферата. Такъ какъ словесныя предложенія или сообщенія были совершенно исключены изъ программы предполагавшагося сѣзда, всѣ же письменные рефераты должны были быть заранее напечатаны, то при такомъ устройствѣ не могло быть никакихъ неожиданностей, никакихъ импровизированныхъ предложеній. По напечатаніи всѣхъ рефератовъ, ученому комитету, организовавшему сѣздъ, равно какъ членамъ, получившимъ заранее напечатанныя статьи, было уже напередъ извѣстно, въ какомъ направленіи и по какимъ предметамъ будутъ на сѣздѣ происходить пренія. Подобнаго рода устройство сѣзда, съ необходимою при этомъ, довольно сложною процедурою, можетъ иногда повліять охлаждающимъ образомъ на такихъ членовъ, у которыхъ такая mise en scène отниметъ охоту отправиться на словесное состязаніе, на ученый диспутъ; но оно имѣетъ тоже и хорошія стороны. Главное удобство такой организаціи состоитъ въ томъ, что заранее можно заручиться извѣстнымъ успѣхомъ сѣзда и предохранить пренія и бесѣды на немъ отъ желчности, фразерства и дилеттантизма. Предварительный комитетъ по устройству сѣзда, повидимому, предпочелъ рассчитывать болѣе на скромный, но вѣрный и положительный успѣхъ, чѣмъ на блестящій эффектъ ораторовъ, сочиняющихъ свои рѣчи и сообщенія exromptu.

Предварительный комитетъ не выработалъ, къ сожалѣнію, для сѣзда болѣе обстоятельной программы. Онъ не указалъ на такіе вопросы, по которымъ было бы желательно получить обстоятельные рефераты. Онъ самъ не подвелъ общихъ итоговъ и не намѣтилъ спеціально тѣхъ цѣлей, которыя должна себѣ ставить современная польская историографія. Программа предполагавшагося сѣзда не остановилась на какихъ-либо главныхъ предметахъ: она въ общихъ чертахъ только намекала на то, что сѣздъ обратитъ вниманіе на синтезъ польской исторіи, въ которомъ должны будутъ отразиться результаты изслѣдованій за послѣднее время оживленія польской историографіи. Кромѣ того, на очередь былъ поставленъ вопросъ о способахъ изданія историографическихъ матеріаловъ, необходимыхъ для дальнѣйшей разработки польской исторіи.

Въ предварительный комитетъ поступили разныя письменные рефераты въ числѣ 29, изъ которыхъ бѣльшая часть касалась чисто историческихъ предметовъ. Они и были напечатаны и опубликованы

еще до открытія сѣзда въ отдѣльномъ сборникѣ п. 3. *Pamiętnik drugiego zjazdu historyków polskich we Lwowie* (Lwów. 1890). О ходѣ преній на сѣздѣ пока еще не имѣется официальныхъ отчетовъ. Они будутъ напечатаны въ скоромъ времени. Нынѣ у насъ подъ руками лишь два отчета, составленные частнымъ образомъ лицами, принимавшими участіе въ сѣздѣ. На основаніи этихъ матеріаловъ, мы имѣемъ возможность охарактеризовать родъ вопросовъ, которые подвергались на сѣздѣ совмѣстному обсужденію ¹⁾.

Выдающаяся черта научнаго движенія въ польской историографіи за послѣднее время, именно за 20 лѣтъ—это издательская дѣятельность на поприщѣ публикаціи историческихъ матеріаловъ. Она не прекращается еще въ настоящую минуту; напротивъ, она усиливается изъ года въ годъ, поглощая почти всѣ наличныя научныя силы. Эта особенность и отразилась естественнымъ образомъ на рефератахъ, которые были присланы на сѣздъ, она и обусловила собою характеръ сообщеній, которыя въ большинствѣ случаевъ были посвящены вопросамъ по приведенію въ извѣстность историческаго матеріала, хранящагося еще въ мѣстныхъ и заграничныхъ библіотекахъ и архивахъ. Многое сдѣлано уже въ этомъ отношеніи за послѣднее время, но тѣмъ не менѣе всѣми ощущается крайняя необходимость выводить на свѣтъ какъ можно больше источниковъ всякаго рода. Въ этомъ вполне справедливомъ желаніи ясно сказывается сознаніе потребности воспроизводить прошлое на твердомъ, неизбѣжномъ основаніи. Почти у всѣхъ современныхъ польскихъ историковъ замѣчается отсутствіе наклонности къ обобщеніямъ, къ разработкѣ болѣе широкихъ вопросовъ, правильное рѣшеніе которыхъ поставлено въ зависимость отъ приведенія въ извѣстность разнообразнаго, пока еще неизслѣдованнаго матеріала. Въ одномъ изъ рефератовъ высказано по этому поводу замѣчаніе профессоромъ Кубалемъ, что источники, что историческій матеріалъ творятъ и создаютъ историковъ, или говоря иначе, что наличностью извѣстнаго матеріала вызывается дѣятельность ученыхъ. Если недостаетъ матеріала, то и задумки быть не могутъ. Но съ другой стороны, раздавались и голоса членовъ сѣзда, настаивавшихъ на томъ, что слѣдовало бы уже историкамъ заняться синтетическими работами, по воспроизведенію отдѣльныхъ эпохъ, отдѣльныхъ періодовъ или извѣстныхъ группъ явленій въ области политики, внутренняго устройства, общественнаго развитія и пр.

И эти послѣднія требованія тоже небезосновательны, но осу-

¹⁾ Отчетъ Корзона въ *Ateneum*. Варшава. Сентябрьская книжка. Отчетъ Е. Г. въ *Biblioteka Warszawska*. Ноябрьская книжка. Только первая часть отчета.

шествіе ихъ обусловливается многими обстоятельствами, тормозящими успѣшное развитіе исторической литературы, устраненіе которыхъ зависитъ далеко не отъ одного лишь рѣшенія или постановленія сѣзда. *Wo die Könige bauen*, говоритъ Гётте, *da haben die Kägner zu thun*. Для царей, для великихъ зодчихъ нужны чернорабочіе, но чернорабочихъ прискать гораздо легче, чѣмъ найти способныхъ архитекторовъ. Историческіе семинаріи, существующіе при университетахъ въ Краковѣ и во Львовѣ, руководимые опытными профессорами, готовятъ молодыхъ историковъ, даютъ ихъ занятіямъ направленіе, знакомятъ ихъ вообще съ требованіями историческаго метода. Молодые историки получаютъ извѣстную дрессировку, они пріобрѣтаютъ умѣнье обращаться съ источниками. Но школа, практическія упражненія въ историческихъ семинаріяхъ, хотя бы образцовыхъ, какіе имѣются въ Германіи, не въ состояніи создать таланты или, по крайней мѣрѣ, не въ состояніи снабдить членовъ семинаріевъ тѣми обширными и глубокими познаніями, которыя необходимы при рѣшеніи высшихъ задачъ исторической науки. Умственные силы созрѣваютъ медленно. Ихъ ростъ подчиняется общему закону развитія. Таланты сами преодолеваютъ трудности. Способные писатели являются въ одно и то же время зодчими и каменщиками, особенно въ области новой исторіи, чему лучший примѣръ—Леопольдъ Ранке, не выжидавшій того момента, когда наконецъ будутъ опубликованы всѣ матеріалы, хранящіеся во всѣхъ европейскихъ архивахъ.

Такъ и вышло, что на львовскомъ сѣздѣ нынѣшняго года, по примѣру перваго сѣзда, состоявшагося въ Краковѣ въ 1880 году занимались почти исключительно вопросами объ организаціи издательской дѣятельности въ ближайшемъ будущемъ. Были подведены итоги всему уже сдѣланному въ этомъ отношеніи, а также были указаны тѣ пробѣлы, которые слѣдовало бы восполнить приведеніемъ въ извѣстность заключающагося въ архивахъ историческаго матеріала. По исторіи средневѣковой Польши, дѣйствительно, опубликовано очень много источниковъ, документовъ, грамотъ, особенно за первый ея періодъ—пястовскій—по 1386 г. Едва ли можно ожидать, чтобы новыми открытіями историческаго матеріала обогатилась эта область. Значитъ, поле расчищено, камни обдѣланы, а между тѣмъ пока еще никто не взялся написать полную картину и освѣтить ее свѣтомъ новѣйшихъ результатовъ, изслѣдованій по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, никто не счелъ себя настолько подготовленнымъ, чтобы сдѣлать то, что сдѣлалъ лѣтъ 50 тому назадъ Roepell, изложившій въ своей *Geschichte Polens* исторію Польши до конца XIII ст. Сочиненіе нѣмецкаго историка можно, конечно, считать устарѣвшимъ по многимъ

вопросамъ. За послѣднее время подверглись переработкѣ основные предметы политическаго и общественнаго устройства Польши, а между тѣмъ когда приходится указать на какой-либо общій научный опытъ по первоначальной исторіи Польши, то всегда ставится на первый планъ сочиненіе нѣмецкое 40-хъ годовъ. Въ подобномъ положеніи находится и вопросъ относительно исторической литературы по XIV столѣтію и по началу XV вѣка (по 1430). И за этотъ періодъ богатство матеріала, если не исчерпано, то по меньшей мѣрѣ довольно уже значительно. А между тѣмъ континуаторъ Репелля проф. Саго, издавшій въ 1888 году пятый томъ своего нѣмецкаго труда по исторіи Польши, доведенной имъ до 1506 г., остается пока единственнымъ авторомъ, изложившимъ полную, научную картину историческаго развитія Польши въ XIV и XV вѣкахъ. Изъ польскихъ историковъ никто еще не взялся оспаривать пальму первенства у профессора бреславльскаго университета. Въ одномъ изъ рефератовъ, читанныхъ на сѣздѣ, настаивалъ проф. крак. унив. Левицкій на необходимости собрать матеріалы и изслѣдовать обстоятельно отдѣльные вопросы за періодъ времени отъ 1430 по 1506 г. И это было кстати, такъ какъ внутреннее развитіе Польши, вступающей въ фазисъ сеймоваго и сеймиковаго устройства, нуждается въ подробномъ анализѣ элементовъ и обстоятельствъ, при которыхъ такъ быстро совершилась одна изъ самыхъ важныхъ эволюцій государственнаго и общественнаго организма въ Польшѣ. На недостатокъ опубликованныхъ по XVI столѣтію матеріаловъ менѣ жаловались члены сѣзда, но за то заявляли (проф. Кубаля) желаніе, чтобы Академія Наукъ въ Краковѣ, въ которой сосредоточивается главнымъ образомъ издательская дѣятельность, обратила вниманіе на пополненіе источниковъ по XVII вѣку, почти заброшенному, крайне мало обслѣдованному. О XVIII столѣтіи почти не говорилось. Цѣлые клады хранятся въ архивахъ, свойство же этого матеріала,—дипломатическаго въ заграничныхъ, административнаго въ мѣстныхъ—по обширности и по другимъ причинамъ тормазитъ свободное развитіе дѣла публікаціи. Такъ и выходитъ, что современная дѣятельность, зародившаяся лѣтъ какихъ-нибудь двадцать тому назадъ или собственно со времени учрежденія Академіи Наукъ въ Краковѣ въ 1873 году, и будетъ сосредоточиваться все еще на трудахъ, направленныхъ къ созданію самаго широкаго операціоннаго базиса. Центроостремительная сила издательской дѣятельности исчерпалась далеко еще не вся: она, на сколько можно предвидѣть, на долго сохранить свое прежнее напряженіе. Указывая на этотъ выдающійся признакъ современной научной дѣятельности въ польской исторіографіи, нельзя не отмѣтить и то, что на внутреннее развитіе въ прошломъ обращается теперь особенное вниманіе, что ему дается предпочтеніе передъ внѣшнею исторією дипло-

матических сношений и пр. Въ глубоко обдуманномъ рефератѣ Виндакевича намѣчена необходимость разработки исторіи образованія въ средневѣковой Польшѣ ¹⁾, въ рефератѣ проф. Соколовскаго указана важность исторіи торговли въ Польшѣ ²⁾, Семковичъ затронулъ вопросъ объ исторіи городовъ, особенно же исторіи города Львова на основаніи имѣющихся въ городскомъ архивѣ актовъ. Вообще, насколько можно оріентироваться по даннымъ, которыя заключаются въ печатномъ сборникѣ рефератовъ съѣзда, пунктъ тяжести преній, замѣчаній и дезидератовъ находился въ области организаціи будущей дѣятельности по изданію матеріаловъ.

При такомъ направленіи умовъ, при такомъ предрасположеніи наличныхъ силъ съѣзда, рефераты болѣе общаго содержанія, затрогивавшіе существенные, принципиальные вопросы исторической науки, не находили для себя благодарной почвы и отзывчивости. Только Корзонъ предложилъ на обсужденіе съѣзда интересную тему п. з. „Ошибки или недостатки нашей исторіографіи въ воспроизведеніи исторіи Польши.“ ³⁾

Предметомъ его критическихъ замѣчаній сдѣлались именно сочиненія нѣкоторыхъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ еще недавно въ Краковѣ или нынѣ еще дѣйствующихъ (Валевскій † 1872, Шуйскій † 1883, Калинка † 1887, Бобржинскій и др.), образовавшихъ якобы такъ называемую „краковскую школу“. Референтъ упрекаетъ эту группу писателей въ томъ, что они извращаютъ смыслъ исторической науки, не понимая ея настоящаго значенія. Они обращаютъ-де исторію въ прислужницу морали, религіи, политики, они-де вносятъ въ нее много субъективизма, и все прошлое Польши излагается-де съ ихъ узкой точки зрѣнія, приурочивается къ требованіямъ мѣстныхъ, провинціальныхъ или временныхъ, мѣняющихся интересовъ. Личными симпатіями или антипатіями автора обуславливаются-де его взгляды на политическіе, общественные и религіозные вопросы далекаго прошлаго. Референтъ настаивалъ на томъ, чтобы съѣздъ осудилъ подобнаго рода насиліе надъ исторіей... Съѣздъ уклонился отъ произнесенія приговора, не признавъ себя компетентнымъ высказывать по этому поводу какое-либо собирательное мнѣніе на основаніи голосованія, именно въ виду того, что таковое постановленіе никакой обязательной силы имѣть не можетъ. Что касается такъ называемой „краковской школы“, то

¹⁾ Windakiewicz. Znaczenie szkół i uniwersytetów dla oświaty i literatury łacinskiej w Polsce.

²⁾ Maryan Sokołowski. Oznaczeniu i potrzebie badań nad historią handlu w Polsce.

³⁾ T. Korzon. Błędy historyografii naszej w budowaniu dziejów polskich.

по обязанности референта, желающего дать краткій очеркъ современнаго польскаго дѣписанія, намъ слѣдовало бы познакомить читателей съ направлениемъ ея, съ ея особенностями и признаками. Но на сѣздѣ же проф. Бальцеръ взялся доказать, что вообще краковской школы не существуетъ, что не имѣется никакого основанія приводить къ одному знаменателю авторовъ, изъ которыхъ каждый отличался своею индивидуальностью, и что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ случая стать во главѣ извѣстнаго числа учениковъ, воспитанниковъ и подражателей. Въ засѣданіи, въ которомъ филиппика Корзона встрѣтила возраженіе, присутствовалъ, на сколько намъ извѣстно, также проф. Бобржинскій, одинъ изъ предполагаемыхъ гегемоновъ названной школы. Въ виду заявленія, сдѣланнаго оппонентомъ отъ имени краковскихъ ученыхъ, что они не образовали и не образуютъ особой группы съ извѣстными признаками, т. е. какой-либо самостоятельной отдѣльной школы, можно не останавливаться на этомъ предметѣ. *Volenti non fit injuria*. Но если филиппика Корзона дѣйствительно лишена фактическаго основанія, если тѣ, противъ которыхъ она была направлена, сами не признаютъ за собою чести, что они составили и образовали якобы школу, если они отпираются отъ этого, то фактъ, однакоже, остается фактомъ, давшимъ поводъ высказаться на счетъ замѣченныхъ Корзономъ недостатковъ и погрѣшностей въ реконструкціи прошлаго Польши. Между прочимъ, указывается на такіе недостатки, которые—будь они вѣрно подмѣчены—могли бы дѣйствительно служить иллюстраціею современнаго состоянія польской исторіографіи. Въ нашей бѣглой характеристикѣ не упомянуть о нихъ нельзя. Въ чемъ же, спрашивается, состоятъ, по мнѣнію Корзона, эти промахи и недостатки? Во-первыхъ, въ томъ, что въ польской исторіографіи почти не разрабатываются существенные, основные вопросы по теоріи исторіи, по исторіографіи, по методологіи или вообще вопросы изъ той области, которая проливаетъ свѣтъ на суть и конечныя цѣли историческаго творчества. Во-вторыхъ, дурно отзывается на трудахъ по общей исторіи Польши слабое знаніе всеобщей исторіи. И тотъ, и другой упрекъ, кажется, не лишены основанія. Теоретическими вопросами занимаются польскіе историки, дѣйствительно очень немного. Изрѣдка лишь являются, не то что сочиненія, а просто статьи по теоріи исторіи. На этомъ поприщѣ почти не существуетъ движенія, это совершенно заброшенное, запустѣвшее поле. Что касается до всеобщей исторіи, то незнаніе ея, если въ чемъ-то можно иногда обличить того или другого автора, не настолько обще, чтобы эта черта дѣйствительно составляла такой ужасающій недостатокъ, на который приходится обращать даже вниманіе цѣлаго сѣзда ученыхъ историковъ. Вообще никто не станетъ возражать противъ требова-

ніа, чтобы историки} вездѣ, чѣмъ бы они ни занимались, польскіе историки, равно какъ французскіе, русскіе наравнѣ съ нѣмецкими, соединили бы свою узкую спеціальность съ основательнымъ теоретическимъ знаніемъ и съ тѣми обширными по всеобщей исторіи познаніями, которыя составляютъ существенный элементъ историческаго образованія. Но это вопросъ, касающійся уже организаціи учебнаго плана въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ. Спеціализація, вызывающая подобнаго рода недостатки, есть впрочемъ явленіе не мѣстное, а общее, которое можно наблюдать во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Наставленіе, данное историкамъ Корзономъ о необходимости воспроизводить прошлое Польши *sine ira et studio*, безъ заднихъ мыслей, безъ примѣненія къ господствующему направленію и къ политическимъ условіямъ, безъ приурочиванія ея къ интересамъ извѣстной партіи, *ad usum Delphini*, хотя и вызвало, на сколько извѣстно, весьма оживленныя пренія, но тѣмъ не менѣе, какъ выраженіе неоспоримыхъ и основательныхъ требованій, сознаваемыхъ всѣми, оно осталось въ области благочестивыхъ желаній. Оно не совпадало съ настроеніемъ мысли большинства „спеціалистовъ“. Спеціалисты, которыхъ было довольно много на съѣздѣ, такими общими вопросами не задаются. Великихъ же зодчихъ, мастеровъ, которые пишутъ широкія картины изъ исторіи Польши за цѣлое время ея существованія или за отдѣльныя эпохи, не оказалось. Въ засѣданіяхъ съѣзда участвовалъ, впрочемъ, одинъ историкъ, котораго могла непосредственно коснуться филиппика Корзона—это проф. Бобржинскій, извѣстный авторъ руководства по исторіи Польши, оставившій нынѣ ученую дѣятельность профессора при краковскомъ университетѣ и перешедшій во Львовъ на высокій постъ вице-предсѣдателя Училищнаго Совѣта въ Галиціи. Его сочиненіе по польской исторіи, хорошо извѣстное русскому читателю въ переводѣ, явившемся подъ редакцію проф. Н. И. Карѣва, есть единственное почти руководство, которое составлено на основаніи результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій. Третьимъ изданіемъ оно появилось въ 1887 году и притомъ лишь первая его часть, доведенная до конца XV столѣтія. Второй половины своего труда авторъ не успѣлъ еще передѣлать, ибо, по видимому, онъ призналъ нужнымъ многое прибавить и измѣнить противъ прежняго, т.-е. второго изданія, напечатаннаго лѣтъ десять тому назадъ. Вторымъ тоже изданіемъ явился учебникъ польской исторіи Шуйскаго (въ Варшавѣ въ 1889 г.), конечно, за смертью автора (1883) въ неизмѣненномъ прежнемъ видѣ.

На съѣздѣ было обращено вниманіе на то, что оба руководства при всѣхъ ихъ достоинствахъ не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ. Были даже предложены мѣры съ цѣлью облегчить работу по общей исторіи Польши, составленіемъ особаго рода обзоровъ по от-

дѣльнымъ эпохамъ или царствованіямъ. Но фактъ остается фактомъ. Ощущается крайняя необходимость имѣть подъ рукою полный, строго научный учебникъ по польской исторіи, который превышалъ бы своими достоинствами книги Шуйскаго и Вобжвинскаго, а между тѣмъ въ средѣ наличныхъ „спеціалистовъ“, кажется, нѣтъ писателя, который рѣшился бы вступить на это благодарное поле, не смотря на то, что вѣдь постоянно и ежегодно читаются профессорами общіе университетскіе курсы въ Краковѣ и во Львовѣ. Видно, что легче быть спеціалистомъ, чѣмъ универсалистомъ. Спеціалисты—это труженики, чернорабочіе и въ нихъ нигдѣ не ощущается недостатка. Мастеровъ же вообще мало и не въ одной лишь польской литературѣ. Не богаты ими и другія литературы. Какъ-то рѣдко звѣзды первой величины являются въ наше время на блѣдномъ фонѣ европейской историографіи.

Пора, однакоже, оставить область деизидератовъ и недостатковъ. Обратимся къ характеристикѣ положительныхъ результатовъ, того, что имѣется нынѣ на лицо, въ чемъ обнаруживается современная дѣятельность и производительность польскихъ ученыхъ. На очереди поставлены вопросы изъ области политической и общественной организаціи. Исторію внѣшнихъ сношеній, какъ это было замѣчено выше, исторію военныхъ походовъ и завоеваній мало интересуются теперешніе историки. Научныя стремленія, которыми воодушевлено новѣйшее поколѣніе, направлены на поприще внутренней исторіи съ цѣлью разъясненія фазисовъ общественной эволюціи. Ежегодно являются болѣе или менѣе обширныя монографіи, въ которыхъ изслѣдуются частные вопросы. Многие изъ вопросовъ являются изолированными. Взаимной связи между ними еще не замѣчается. Они не примыкаютъ прямо и непосредственно другъ къ другу. Пока они сосредоточиваются на средне-вѣковой исторіи Польши. Изслѣдованія въ видѣ монографій получаютъ нынѣ глубокое обоснованіе, благодаря цѣлому ряду сборниковъ средне-вѣковыхъ грамотъ, опубликованныхъ за послѣднее время Краковскою Академіею Наукъ. Съ глубиною обоснованія соединяется тонкость и мѣткость критическаго анализа. Одною изъ первыхъ работъ, которая дала толчекъ къ разработкѣ вопросовъ по внутренней исторіи Польши въ періодъ Пястовъ, явилось сочиненіе проф. крак. университета Станислава Смольки, въ которомъ обнаружились блестящимъ образомъ его обширныя познанія, правильное толкованіе источниковъ, мѣткость взгляда, а также первоклассный писательскій талантъ. Книга явилась въ 1881 году подъ заглавіемъ „Mieszko Stary i jego wiek“. Это собственно исторія Польши и ея внутреннихъ отношеній въ исходѣ XII столѣтія. Она прошла весьма яркій свѣтъ на предметъ, тогда еще мало обслѣдованный въ той совокуп-

ности явленій, въ какой онъ изложенъ Смолькою. Вслѣдъ за тѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о первоначальномъ составѣ и развитіи государственнаго и общественнаго строя Польши, рѣшить который попытались проф. Бобржинскій, Пѣкосинскій и, конечно, самъ Смолька. Разногласія, обнаружившіяся по этому поводу между тремя названными учеными, высказанныя въ засѣданіяхъ Краковской Академіи Наукъ, заставили диспутантовъ письменно изложить свои взгляды и привести доказательства ¹⁾. Главною осью, около которой вращались споры, сдѣлался вопросъ о возникновеніи благороднаго или рыцарскаго сословія, т. е. такъ называемой шляхты. Пѣкосинскій, отличающійся необыкновенною проницательностью ума, далъ совершенно новое и неожиданное освѣщеніе возбужденному вопросу о происхожденіи польской шляхты. Два его противника вращались въ заколдованномъ кругѣ грамотъ и лѣтописныхъ данныхъ XI и XII столѣтій, тогда какъ Пѣкосинскій вооружился другимъ еще матеріаломъ, который онъ употребилъ въ дѣло въ спорѣ съ своими оппонентами. Онъ перенесъ вопросъ на такое поле, на которомъ, за незнакомствомъ съ почвою, не могли дѣйствовать его противники. Онъ запаса свѣдѣніями изъ геральдики и сфрагистики, которыми, впрочемъ, онъ давно уже до того обладалъ, какъ авторитетный спеціалистъ, и высказалъ смѣлую гипотезу о скандинавско-руническихъ элементахъ въ польскихъ гербахъ, занесенныхъ въ Польшу въ IX ст. переселившимися сюда династами полабскихъ Славянъ. Эти отпрыски княжескихъ родовъ соплеменнаго народа сдѣлались якобы родоначальниками польскаго рыцарскаго сословія, или такъ называемой шляхты. Противники Пѣкосинскаго должны были, конечно, признать себя некомпетентными по вопросу о рунологіи. Они возражали, но у нихъ не было твердой почвы подъ ногами. Такъ и прекратился споръ изъ-за „генезиса польскаго общества“ Смолька и Бобржинскій считали предметъ исчерпаннымъ, Пѣкосинскій же рѣшился продолжать свои изслѣдованія, чтобы глубже обосновать свою гипотезу. И вотъ въ 1888 г. явилось его сочиненіе п. з. „О династическомъ происхожденіи польской шляхты“, въ которомъ авторъ развилъ свою первоначальную мысль, обставилъ гипотезу новыми данными, поддержалъ ее широкими рунологическими доводами и съ помощью графическихъ знаковъ старался наглядно показать, какое сходство существуетъ между руническимъ алфавитомъ и знаками, встрѣчаемыми на древнѣйшихъ печатяхъ польской шляхты въ XIII и XIV столѣ-

¹⁾ Rozprawy i Sprawozdania z posiedzeń wydziału hist.-fil. Akad. um. T. XIV, 1881. (Разсужденія и протоколы засѣданій ист.-фил. отдѣленія Акад. Наукъ). Цѣлый томъ посвященъ этому вопросу. Въ немъ помѣщены три статьи названныхъ членовъ Академіи.

тіяхъ. Пользуясь этими указаніями, Пѣкосинскій сталъ доискиваться связи гербовъ съ рунами и, чтобы объяснить, какимъ образомъ попали руны въ польскую геральдику, онъ придумалъ свою гипотезу о переселеніи въ Польшу въ началѣ ея существованія извѣстнаго числа династовъ полабско-поморскихъ князей, образовавшихъ 15 династій, изъ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій развилось главное ядро рыцарскаго или шляхтскаго сословія въ Польшѣ¹⁾. Какъ ни смѣло и невѣроятно предположеніе Пѣкосинскаго относительно этой связи между полабско-поморскими князьями и шляхтою, однакоже оно остроумно обосновано, ибо кстати надо замѣтить, что авторъ принадлежитъ къ лучшимъ знатокамъ польскаго средневѣковья. Онъ составилъ себѣ вполне заслуженную репутацію какъ образцовый издатель многихъ сборниковъ грамотъ.—Съ вопросомъ о происхожденіи польской шляхты тѣсно связаны самые капитальные вопросы по исторіи первоначальной общественной организаціи, особенно военной, составляющей, какъ извѣстно, душу средневѣковаго строя. Благодаря этому обстоятельству сочиненіе Пѣкосинскаго и приобрѣло въ научной литературѣ такую необыкновенную важность. Оно выдвинуло на первый планъ совершенно новый матеріалъ, заключающійся въ гербахъ, объяснить который и осмыслить эти разныя узорчатыя линіи никто пока еще не рѣшился. Пѣкосинскій впервые заставилъ молчаливаго сфинкса проговорить. Насколько вѣрно рѣшилъ онъ загадку, удалось ли ему сыграть роль Эдипа по отношенію къ польской геральдикѣ—это другой вопросъ, на который отвѣчать здѣсь не станемъ. Прибавимъ только то, что критика была поставлена втупикъ и долго хранила глубокое молчаніе. Первый обстоятельный разборъ явился въ *Kwartalnik* только годъ спустя послѣ изданія книги. Авторъ этой критики г. Лагуна, обладающій весьма тонкимъ аналитическимъ умомъ, указавъ на нѣкоторыя слабыя стороны гипотезы, отнесся къ ней довольно сочувственно, хотя въ общемъ осторожно и со многими оговорками. Другихъ критическихъ разборовъ не вызвало сочиненіе Пѣкосинскаго, но за то оно побудило маститаго ученаго, проф. Малѣцкаго, сосредоточиться въ изслѣдованіяхъ по первоначальной исторіи Польши на вопросѣ о возникновеніи шляхты и опубликовать свои «Геральдическія штудіи».

Этотъ двухтомный трудъ хотя и направленъ прямо противъ Пѣкосинскаго, однакоже посвященъ разработкѣ того же вопроса. Малѣцкій подходитъ къ задачѣ съ другой стороны: разбирая значеніе названій гербовъ, онъ указываетъ на связь ихъ съ топографическими

¹⁾ F. Piekosinski. O dynastycznym szlachty polskiej pochodzeniu Krak. 1888.

²⁾ Małeckie. Studya heraldyczne. 2 тома. Львовъ. 1890.

названіями, сопоставляетъ силезскую и чешскую геральдику съ польскою. Вообще солидными своими изслѣдованіями, опирающимися на твердую почву научныхъ данныхъ, онъ внесъ много вѣрнаго свѣта въ область этого темнаго вопроса. Пѣкосинскій успѣлъ уже написать на сочиненіе Малаэцкаго критику, въ которой онъ, главнымъ образомъ, отмѣчаетъ противоположность ихъ взглядовъ¹⁾. Другихъ обстоятельныхъ разборовъ пока еще не знаемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что придуманная Малаэцкимъ система объясненія явленій изъ области геральдики и сфрагистики встрѣтитъ возраженія и со стороны другихъ ученыхъ; быть можетъ, явятся вскорѣ новые самостоятельные труды, ибо случается нерѣдко въ исторіи литературы, что извѣстный предметъ, поставленный на очередь, поглощаетъ долгое время вниманіе ученыхъ: сосредоточенному и всестороннему дѣйствию удастся иногда окончательно преодолѣть всѣ трудности и развязать гордіевъ узелъ. Случится ли такъ съ вопросомъ о происхожденіи польской шляхты—этого предрѣшать не беремъ, но несомнѣнно то, что на этотъ путь направятся изслѣдованія въ ближайшемъ будущемъ.

Съ вопросомъ о возникновеніи рыцарскаго сословія тѣсно связаны вопросы о другихъ общественныхъ элементахъ. Нынѣ обращено вниманіе на низшій рыцарскій классъ, такъ наз. владыкъ (włodyki), а также на первоначальный строй польскаго политическаго организма. За послѣднее время оживилось движеніе въ области древне-польскаго права. Послѣ капитальныхъ трудовъ сенатора Губе, безвременно скончавшагося въ нынѣшнемъ году, трудовъ, которыми положено незыблемое основаніе для изслѣдованія правового быта Польши въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, являются по этому же предмету частныя работы, конечно, не на такую широкую ногу, какъ это дѣлалъ Губе, но подвигающія науку впередъ. Ими наполнены по большей части ежегодно печатающіеся труды и отчеты Крак. Акад. Наукъ по историко-философскому отдѣленію, въ которыхъ помѣщаются свои труды Бобржинскій, Уляновскій, Даргунъ, Потканскій и пр. Исторія церкви въ Польшѣ, особенно же исторія отношенія духовенства къ государству и къ церкви сдѣлались нынѣ предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, благодаря наличности двухъ свѣжихъ научныхъ силъ на каеедрахъ каноническаго права въ Краковѣ и Львовѣ. Выдающійся своими критическими способностями проф. Абрагамъ направилъ свои штудіи тоже на первоначальную эпоху и нынѣ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе п. з. „Организация церкви въ Польшѣ до половины XII в.“²⁾, въ которомъ удачно

¹⁾ Kwartalnik histor. 1890 III-я книжка.

²⁾ Wł. Abraham. Organizacya kościoła w Polsce do połowy wieku XII Lwów. 1890. XII + 259.

рѣшается вопросъ о постепенномъ ходѣ церковной организаціи въ Польшѣ, объ учрежденіи епархій, ясно и систематически излагается привилегированное положеніе церкви и духовенства. Насколько можно предполагать, это только начало труда, задуманнаго въ широкихъ размѣрахъ. За этимъ первымъ опытомъ послѣдуетъ, по всей вѣроятности, исторія церкви въ эпоху удѣловъ въ Польшѣ и расширенія церковнаго иммунитета. Вообще можно сказать, что средне-вѣковыя польское получаетъ все болѣе правильное и всестороннее освѣщеніе. Обиліе опубликованныхъ матеріаловъ отзывается на успѣхахъ систематической работы, изслѣдованія мало по малу примыкаютъ ближе другъ къ другу и даютъ возможность подниматься все выше и выше по лѣстницѣ отдѣльныхъ монографій до синтетическаго взгляда на известное цѣлое—первой эпохи.

Новая исторія, начиная съ XVI столѣтія, разрабатывается далеко не такъ послѣдовательно, что объясняется отчасти широкою ареною политической жизни Польши, разнообразіемъ составныхъ ея частей, богатствомъ многоразличныхъ явленій, а также относительною трудностью въ отыскиваніи необходимаго для историка матеріала. Это послѣднее обстоятельство такъ легко оцѣнить, когда читатель разсматриваетъ прекрасное сочиненіе проф. Любовича по исторіи реформации въ Польшѣ. Сколько труда пришлось положить на то, чтобы выяснить «Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ Польшѣ», какъ это сдѣлалъ проф. Любовичъ для приведеннаго только-что своего сочиненія, явившагося въ печати нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ¹⁾. Авторъ долженъ былъ изучать предметъ и не только въ мѣстныхъ, но и въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Швейцаріи, въ Голландіи, въ Италіи, особенно же въ Ватиканѣ. На основаніи весьма тщательно собраннаго матеріала представлена исторія возникновенія католической реакціи въ Польшѣ, начиная съ 1564 г., и постепенное ея усиленіе до 1577 г., когда вслѣдствіе принятія на петроковскомъ синодѣ тридентскихъ постановленій, сила реформаціоннаго движенія была сломлена. Трудъ проф. Любовича можно считать весьма важнымъ вкладомъ въ сокровищницу исторической литературы. Богатство новыхъ результатовъ, правильное освѣщеніе предмета, всестороннее его изслѣдованіе составляютъ достоинства замѣчательнаго изслѣдованія, о которомъ польская критика въ лицѣ самаго компетентнаго спеціалиста, проф. Закржевскаго высказалась съ заслуженною вполне похвалою ²⁾. При затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются на по-

¹⁾ Варшава. 1890, стр. 400. VIII.

²⁾ Kwartalnik histor. IV выш. 1890, стр. 779—790.

пришѣ изслѣдованій по новой исторіи вслѣдствіе разбросанности матеріала находящагося въ заграничныхъ архивахъ, подвергается тщательной разработкѣ мѣстный матеріалъ. На XVI столѣтіе проливаетъ яркій свѣтъ изслѣдованіе Яблоновскаго, касающееся двухъ русскихъ воеводствъ, Волынскаго и Подольскаго. Оно напечатано въ видѣ введенія, предпосланнаго опубликованному имъ же матеріалу географическо-статистическому ¹⁾). На основаніи этого матеріала сдѣланы измѣренія поверхности воеводствъ и входящихъ въ нихъ составъ уѣздовъ, представленъ опытъ вычисленія народонаселенія и наконецъ изображены группы земельныхъ владѣній. Съ этой точки зрѣнія получается картина внутреннего быта въ совершенно новомъ видѣ. Эти географическо-статистическія изслѣдованія, примѣненныя уже прежде къ другимъ землямъ и воеводствамъ Рѣчи Посполитой, составляютъ между прочимъ признакъ того стремленія къ научной полнотѣ, которое господствуетъ въ исторіографіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Наконецъ еще другая вѣтвь внутренней исторіи зазеленѣла подъ вліяніемъ талантливаго пера Владислава Лозинскаго, который въ двухтомномъ сочиненіи представилъ историческія судьбы города Львова за XVI и XVII столѣтіе, его культурное состояніе, его городской богатый и просвѣщенный патриціатъ ²⁾). На разнообразномъ, пестромъ фонѣ нѣсколькихъ народностей, жившихъ въ древнемъ Львовѣ, изображена мастерски картина культурнаго быта. На ней рельефно рисуются фигуры львовскихъ патриціевъ. Ихъ богатая обстановка, окружающіе ихъ предметы художества, ихъ утонченныя формы общежитія освѣщаютъ тѣмъ ярче эти мѣщанскіе типы, которые впервые выведены на свѣтъ талантливымъ писателемъ изъ заключенія городского архива, изъ разныхъ документовъ, покрытыхъ пылью забвенія. Книга Лозинскаго, вводящая читателя въ область не рыцарской, а городской жизни, пользуется нынѣ, насколько намъ извѣстно, большимъ успѣхомъ. Это—*signum temporis*,—это тоже черта современной польской исторіографіи, о которой, быть можетъ, мы слишкомъ 'долго здѣсь распространились.

Варшава. 20 ноября 1890.

¹⁾ *Zródła Dziejowe. Warszawa. Tom. XIX. 1889 г.*

²⁾ *Wł. Łozinski. Lwów starożytny. Kartki z historyi sztuki i obyczajów. 1889. 1890. 2 тома.*

Новые труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ.

С. Л. Степанова.

Fustel de Coulanges. L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne
(Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, III vol.), 1889.—*Glasson,*
Les communaux et le domaine rural à l'époque franque, 1890.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ посмертный трудъ Фюстеля де-Куланжа „L'alleu et le domaine rural“. Это четвертый томъ его замѣчательной «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France»; въ настоящее время только-что вышелъ пятый томъ этого изслѣдованія «Les origines du système féodal», въ значительной мѣрѣ, состоящій изъ статей, появившихся ранѣе въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Третій томъ «Исторіи политическихъ учрежденій», «La monarchie franque», изданъ въ 1888 году; первыхъ двухъ томовъ, въ которыхъ будутъ подробно разработаны два отдѣла (La Gaule romaine и L'invasion germanique) его первоначальнаго труда по «Исторіи учреждений древней Франціи»¹⁾, до сихъ поръ еще не появлялось. За исключеніемъ пятого, всѣ томы „Исторіи“ Ф. де-Куланжа весьма тщательно обработаны самимъ авторомъ; блестящій языкъ, стройный планъ, остроумные выводы—отличительныя черты его работы. Однако, критика всегда находила въ нихъ одинъ существенный недостатокъ: тенденціозность, если можно такъ назвать, послѣдовательное проведеніе теоріи о римскомъ характерѣ учреждений франкскаго государства.

Широко понятая Ф. де-Куланжемъ задача заставила его искать объясненія политическихъ учреждений въ социальныхъ условіяхъ вре-

¹⁾ Вышелъ въ свѣтъ въ 1876 г.

мени, а такъ какъ среди послѣднихъ самымъ важнымъ факторомъ является экономическій строй, то на него - то пришлось знаменитому историку обратить особое вниманіе. Экономическій строй земельческаго государства, какимъ было франкское, больше всего зависитъ отъ способовъ владѣнія и обработки земли; вотъ разъясненію этихъ вопросовъ и посвященъ томъ „объ аллодѣ и сельскомъ помѣстьѣ“. Кажется, никогда талантъ Ф. де-Куланжа не проявлялся болѣе могущественно: никогда онъ такъ убѣдительно не рѣшалъ самые крупные и наиболѣе спорные вопросы. Защищая мысль о существованіи у франковъ того же типа землевладѣнія, какой мы наблюдаемъ въ римской имперіи, т. е. крупнаго помѣстья, онъ такъ искусно строитъ картину этого хозяйства изъ массы деталей, представляемыхъ текстами, что не оставляетъ почти сомнѣній въ ея вѣрности. Тексты, въ которыхъ встрѣчаются выраженія въ родѣ *marca*, *alodis*, *sors*, *portio*, *communis*, *communia*, *communio*, *vicini* и др., которые раньше истолковывались почти обязательно въ пользу теоріи общиннаго владѣнія землей во франкскомъ королевствѣ, онъ прекрасно разъясняетъ съ своей точки зрѣнія. Такъ, онъ цѣлымъ рядомъ цитатъ и соображеній установилъ первоначальное значеніе *marca* въ смыслѣ *finis*, *terminus*, т. е. граница, и позднѣйшее въ смыслѣ *villa*—имѣніе; *alodis*—въ собственномъ смыслѣ *hereditas*, т. е. наслѣдство, и въ переносномъ — *villa* — вотчина; съ *alodis* по значенію сблизилъ *sors*; *portio* понималъ какъ часть имѣнья. *Communia*, по его мнѣнію, то, что находится въ общемъ пользованіи арендаторовъ (держальцевъ), живущихъ на землѣ помѣщика; *communio*—совладѣніе двухъ лицъ однимъ предметомъ и т. д. Блестяще проводя свою мысль, Ф. де-Куланжъ пересмотрѣлъ и основанія сторонниковъ общинной теоріи и буквально потрясъ всѣ основы ея: ни одного текста онъ не призналъ годнымъ для доказательства ея положеній. Большую смуту произвелъ онъ этимъ въ умахъ колеблющихся и вызвалъ, вѣроятно, страшный переполохъ у твердыхъ защитниковъ общиннаго землевладѣнія во франкскую эпоху.

До сихъ поръ, впрочемъ, въ печати появился только одинъ обстоятельный критическій разборъ интересующей насъ книги. Такія статьи, какъ Dareste's¹⁾, Kurth's²⁾, Monod³⁾, скорѣе излагаютъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе, чѣмъ даютъ критическую оцѣнку работы Ф. де

¹⁾ Journal des savants, 1890, pp. 74—77.

²⁾ Revue d. questions historiques, 1890, Juillet, pp. 194—201.

³⁾ Revue historique, 1890, Novembre—Decembre, pp. 345—352. Въ своей статьѣ Monod, главнымъ образомъ, излагаетъ содержаніе и оцѣниваетъ значеніе послѣдняго (V) тома труда Ф. де-Куланжа.

Куланжа, и только Глассонъ предлагаетъ подробный отвѣтъ на трудъ знаменитаго историка. Имъ написанъ цѣлый томикъ ¹⁾ противъ L'alleu et le domaine rural, и если бы въ немъ было разлито поменьше желчи, то онъ читался бы съ большимъ удовольствіемъ и пользой для дѣла. Хотя поводъ къ такой сердитой отповѣди подалъ самъ Ф. де-Куланжъ. Считая Глассона типичнымъ представителемъ защитниковъ теоріи общины у франковъ, Ф. де-Куланжъ посвятилъ разборъ его взглядовъ цѣлую главу въ своемъ четвертомъ томѣ ²⁾.

И что же оказалось: всѣ тѣ извлеченія изъ источниковъ, которыя приводилъ Глассонъ въ подтвержденіе своей теоріи, оказались противъ него. „Изъ 45 текстовъ“ говоритъ Ф. де-Куланжъ, „13 ничего не имѣютъ общаго съ защищаемымъ положеніемъ, а 32 доказываютъ противоположное. Ни одинъ изъ нихъ не содержитъ даже намека на общинный порядокъ. И такъ, изъ 45 цитатъ нѣтъ ни одной точной. Исторія—не искусство; она — наука, и ея первый законъ, какъ во всѣхъ наукахъ, точность. Трудъ г. Глассона, стремясь доказать общинный порядокъ, даетъ самое вѣрное свидѣтельство того, что этого порядка не было. (Онъ есть пробный камень нашихъ изысканій и подтверждаетъ ихъ“. И Глассонъ въ своемъ отвѣтѣ ясно показалъ, какъ глубоко онъ обиженъ такимъ резюме Фюстеля, и придумалъ съ своей стороны какъ нибудь чувствительно отплатить, къ сожалѣнію, умершему писателю. Но намъ кажется, что Глассону, автору двухъ большихъ трудовъ по исторіи учреждений Англіи и Франціи, не слѣдовало бы давать слишкомъ много свободы проявленію оскорбленнаго самолюбія, такъ какъ фразы, въ родѣ слѣдующихъ, портать только его же дѣло.

„Ф. де-Куланжъ“, напримѣръ, говоритъ Глассонъ, „истолковываетъ тексты хуже нашихъ студентовъ-юристовъ. Онъ не знаетъ науки права, и въ этомъ его несчастье“ ³⁾. Или „благодаря такому приему, достойному Трибониана, легко заставить текстъ говорить противоположное тому, что онъ содержитъ“ ⁴⁾. Наконецъ, Глассонъ до того опечаленъ незнакомствомъ Ф. де-Куланжа съ юридическимъ языкомъ что для предупрежденія повторенія такихъ случаевъ съ выдающимися талантами совѣтуетъ ввести преподаваніе права въ École normale, гдѣ получилъ образованіе Ф. де-Куланжъ ⁵⁾. Приведенныхъ выдер-

¹⁾ Les communaux et le domaine rural.

²⁾ p.p. 171—198. Глассонъ изложилъ свои взгляды по этому предмету въ III томѣ „Histoire du droit et des institutions de la France, 1889“.

³⁾ Les communaux et le domaine rural, p. 49.

⁴⁾ Ibidem, p. 82.

⁵⁾ Ibidem, pp. 153—4.

жесть, намъ думается, вполне достаточно, чтобы замѣтить, въ какомъ неспокойномъ состояніи духа писалъ свой отвѣтъ Глассонъ.

Но, очевидно, появленіе книги-отвѣта не можетъ быть объяснено однимъ желаніемъ автора польстить своему самолюбію. Нѣтъ, здѣсь есть нѣчто большее. Глассонъ съ текстами въ рукахъ доказываетъ правоту своихъ историческихъ убѣжденій.

Чтобы самостоятельно отнестись къ воззрѣніямъ Ф. де-Куланжа и Глассона представителей различныхъ школъ, намъ необходимо будетъ познакомиться *in extenso* съ важнѣйшими текстами, вновь пересмотрѣнными названными писателями.

Впрочемъ, Глассонъ кромѣ текстовъ старается обосновать свои взгляды на томъ общемъ соображеніи, что допускать общину въ феодальную эпоху и не находить ее въ предшествующую пору значить дѣлать грубую историческую и логическую ошибку. Наблюдается, продолжаетъ онъ, что общинное землевладѣніе всегда предшествовало частной земельной собственности, или, что тоже, болѣе высокая форма культуры смѣняла низшую; утверждая противоположное, погрѣшаютъ противъ выставленныхъ обобщеній. Приведенное соображеніе, намъ кажется, имѣло бы значеніе, если бы можно было найти въ трудѣ Ф. де-Куланжа признаніе общины для феодальнаго времени въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Глассонъ. Но какъ разъ въ этомъ заключается трудность!

Тексты, относящіеся къ вопросу, Глассонъ раздѣляетъ на двѣ категоріи. Въ первой—онъ ищетъ данныхъ для утвержденія мысли о существованіи земельной общины во франкскую пору со всѣми ея характерными атрибутами: правомъ наслѣдованія сосѣдей, коллективной отвѣтственности за преступленія и участіемъ общины въ юрисдикціи. Во второй—только указаній на остатки общинныхъ порядковъ, въ видѣ такъ называемыхъ *communia*, т. е. общего пользованія лѣсами, выгонами, рѣками и др.

Въ числѣ текстовъ первой категоріи, несомнѣнно, важнѣйшее мѣсто занимаетъ XLV титулъ Салическаго закона: *De migrantibus* ¹⁾).

¹⁾ 1) *Lex Salica*, ed. Behrend, pp. 59—60. 1. Si quis super alterum in villa migrare voluerit, si unus vel aliqui de ipsis qui in villa consistunt eum suscipere voluerit, si vel unus exteterit qui contradicat migranti ibidem, licentiam non habebit.

2) Si vero contra interdicto unius vel duorum in villa ipsa adsedere praesumpserit, tunc ei testare debet et si noluerit inde exire ille qui testat cum testibus sic ei debet testare: Hic tibi testo in hac nocte proxima in hoc quod lex Saliga habet sedeas et testo tibi ut in X noctes de villa ipsa egredere debeas. Postea adhuc post decem noctes iterum veniat ad ipsum et ei testet ut iterum in decem noctes exeat. Si adhuc noluerit exire, item tertio decem noctis ad placitum suum addatur, ut sic XXX noctes impleatur. Si nee tunc voluerit exire,

Онъ долго служилъ самой прочной опорой для доказательства существованія общины во франкскомъ королевствѣ. Всѣ выдающіеся защитники этой теоріи прежде всего обращали вниманіе на § XLV Салич. закона и, съ небольшими варіаціями, его истолковывали въ желательномъ для своей теоріи смыслѣ. Ейхорнъ въ своемъ сочиненіи *Deutsche Staats—und Rechtsgeschichte*, основываясь на немъ, говоритъ ¹⁾, что у франковъ было два сорта *villae*: одни—крупныя помѣстья—принадлежали отдѣльнымъ лицамъ, другія—свободныя деревни—были населены мелкими собственниками, составлявшими общину. Чтобы попасть въ одну изъ такихъ общинъ, необходимо было заручиться или формальнымъ, или, по крайней мѣрѣ, молчаливымъ согласіемъ со стороны ассоціированныхъ, безъ всякаго противодѣйствія втеченіе года. Гераръ, въ пролегоменахъ къ *Polypitique de l'abbé Irminon*, ссылаясь на тотъ же текстъ, пишетъ ²⁾: „Кромѣ *villae*, принадлежавшихъ государству, королю, церкви и сеньорамъ, были еще *villae*, находившіяся во владѣніи свободныхъ людей, соединенныхъ въ свободныя общины (*des communautés libres*). Это былъ родъ коммунъ, въ которыхъ пришелецъ не могъ поселиться безъ согласія ихъ членовъ“. Пардессю, въ своихъ комментаріяхъ къ Салическому закону ³⁾, высказываетъ тоже мнѣніе: *villa* XLV титула онъ понимаетъ въ смыслѣ сельской общины и заявляетъ, что „обитатели такой деревни имѣли право противиться утвержденію на землѣ новаго челоуѣка“. Вайцъ думаетъ то же самое. *Villae*, о которыхъ идетъ рѣчь въ § XLV, по его мнѣнію, „деревни, гдѣ свободные люди живутъ въ ассоціаціи“ ⁴⁾. Немного далѣе, онъ говоритъ: „Доказательствомъ существованія земельной общины (*weiteres Gemeinland*) является одно мѣсто, изъ котораго видно, что жители деревни находятся въ такомъ соединеніи (*Genossenschaft*), что никто не можетъ основаться въ ней безъ

tunc maniat cum ad mallum et testes super singula placita qui fuerunt ibi praestos habeat. Si ipse cui testatum est noluerit inde exire et eum aliqua sunnis (подлинная нужда) non tenuerit et ista omnia quae superius diximus secundum legem est testatus, tunc ipse qui testavit super fortuna sua ponat et roget grafionem ut accedat ad locum ut eum inde expellat. Et quia legem noluit audire, quod ibi laboravit demittat et insuper Malb. vij drisittolo hoc est MCC dinarios qui faciunt solidos XXX culpabilis judicetur.

3) Si vero quis migraverit et infra XII menses nullus testatus fuerit, securus sicut et alii vicini maneat.

¹⁾ pp. 465—7, 4 Aufl.

²⁾ p. 47.

³⁾ Loi Salique, pp. 389—90.

⁴⁾ Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, 3 Aufl., Bd. II, p. 90.

согласія всѣхъ ея обитателей ¹⁾. И этимъ единственнымъ документомъ служить титулъ *De migrantibus*. Зомъ, опираясь на тотъ же текстъ, заявляетъ: „Право поселиться на какой нибудь землѣ зависѣло отъ единодушнаго согласія всѣхъ членовъ ассоціаціи: пришелецъ, селясь въ округѣ общины противъ воли хотя бы одного изъ ея членовъ, подвергался опасности быть изгнаннымъ, въ силу права, присущаго общинникамъ“ ²⁾. Тоже самое думаютъ и выражаютъ Тониссенъ ³⁾, Гарсонне ⁴⁾, Біолле ⁵⁾ и нѣкоторые другіе.

Разбору титула *De migrantibus* посвятилъ статью и Ф. де-Куланжъ еще въ 1886 году ⁶⁾. Сущность его толкованія сводилась къ тому предположенію, что XLV титулъ предвидитъ захватъ узурпаторомъ чужого участка земли въ отсутствіе его хозяина. Не соглашаясь съ такимъ объясненіемъ, Глассонъ въ своей статьѣ ⁷⁾ настаивалъ на общепринятомъ значеніи этого титула и основательно доказалъ невозможность понимать *homo migrans* въ смыслѣ узурпатора. Въ сочиненіи Ф. де-Куланжа *L'alleu et le domaine rural* мы встрѣчамъ уже нѣсколько видоизмѣненное пониманіе знаменитаго параграфа сравнительно съ предложеннымъ имъ въ журнальной статьѣ; мы приводимъ его цѣликомъ ⁸⁾: „Если кто-нибудь хочетъ поселиться въ villa на землѣ другого и если, не смотря на согласіе одного или нѣсколькихъ лицъ, живущихъ въ villa, принять его, найдется одинъ противящійся его водворенію, пришелецъ не будетъ имѣть права въ ней основаться. Но если пришелецъ, не обращая вниманія на оппозицію одного или двухъ, возмѣтитъ смѣлость остаться въ villa, то противящійся его утвержденію долженъ при свидѣтеляхъ пригласить его удалиться. По прошествіи трехъ сроковъ, въ 10 дней каждый, онъ призываетъ пришельца въ судъ... и проситъ графа явиться затѣмъ, чтобы выгнать его. Изгнанный теряетъ не только плоды своего труда, произведеннаго въ villa, но и уплачиваетъ еще штрафъ въ 30 солидовъ за нарушеніе закона“. „Здѣсь нѣтъ никакой деревенской общины“, продолжаетъ Ф. де-Куланжъ. „Развѣ она собиралась? Принимала какое-нибудь рѣшеніе? Развѣ она дѣйствовала, когда слѣдовало воспользоваться закономъ, касавшимся ея интересовъ, согласно гипотезѣ“.

¹⁾ Ibidem, p. 92.

²⁾ Der Process der Lex Salica, 1867, pp. 9—10.

³⁾ Organisation judiciaire de la loi salique, 2 ed., p. 362.

⁴⁾ Histoire des locations perpetuelles, p. 204.

⁵⁾ Bibliothèque de l'école des Chartes, 1872, p. 490.

⁶⁾ Revue générale du droit, t. X, pp. 5—37.

⁷⁾ Revue critique de législation, 1887, t. XVI, pp. 18—40.

⁸⁾ Histoire d. institutions politiques, t. IV pp. 189—90.

тезѣ. Инициативу взяло на себя единичное лицо, и графъ, королевскій чиновникъ, явился исполнителемъ. Это полное бездѣйствіе цѣлой общины должно бы было быть замѣченнымъ и должно было бы помѣшать построению ложной системы“. Далѣе Ф. де-Куланжъ указываетъ на неправильность, допускаемую въ переводѣ villa „деревней“, когда для обозначенія послѣдняго понятія въ языкѣ IV, V и VI вѣковъ существуетъ единственный терминъ—*vicus*. Villa же, по его мнѣнію, въ томъ же языкѣ постоянно обозначаетъ помѣстье, сельское хозяйство, чаще всего, принадлежащее одному лицу. Это видно, говоритъ онъ, и изъ заглавія титула, встрѣчающагося въ 47 рукописяхъ: *qui villam alterius occupaverit*, что не можетъ значить „захватывающій деревню (общину) другого“, а „занимающій помѣстье (земельный участокъ) другого“.

Совершенно иначе объясняетъ тотъ же титулъ Глассонъ ¹⁾. Всѣ, обыкновенно, здѣсь видятъ, говоритъ онъ, тотъ случай, когда пришелецъ хочетъ поселиться *in villa*, т.-е. въ общинѣ. Для этого ему нужно согласіе всѣхъ ея членовъ, такъ какъ достаточно противо-дѣйствія одного, чтобы заставить его удалиться. Впрочемъ, согласіе сосѣдей (*vicini*) можетъ быть молчаливымъ, т.-е. вытекать изъ спокойнаго владѣнія втеченіе года—обычнаго срока для узаконенія любого пріобрѣтенія во франкскую пору. Какъ иначе объяснить этотъ текстъ, спрашиваетъ Глассонъ, а равно и право противо-дѣйствія сосѣдей, если не признавать верховной собственности общины? Существовало, въ дѣйствительности, два сорта земель въ каждой общинѣ: однѣ—несомнѣнно и прямо общинныя, каковы необработанныя земли, пастбища, лѣсъ и др.; другія были объектомъ частной собственности; но надъ ними общинѣ принадлежала верховная собственность, родъ высшаго владѣнія (*de domaine éminent*), ограничивавшаго индивидуальную собственность и устанавливавшая иногда извѣстныя правила общаго пользованія (*droits d'usage réciproques*). Новый человекъ, продолжаетъ Глассонъ, утверждаясь въ общинѣ, не становился только собственникомъ земли, которую онъ пріобрѣталъ; за нимъ еще признавалась извѣстная доля въ имуществѣ, оставшемся въ общемъ владѣніи, т.-е. въ лѣсахъ, выгонахъ, источникахъ, рѣкахъ и т. п. Естественно, что чужому человеку, резюмируетъ Глассонъ, необходимо было заручиться согласіемъ обитателей общины для мирнаго водворенія въ ней.

Сопоставивъ эти два объясненія XLV параграфа, мы видимъ только, что они оба возможны; но убѣдительно не можемъ признать ни за тѣмъ, ни за другимъ. Дѣйствительно, одинъ произвольно переводитъ villa—общиной, другой, основываясь опять-таки на субъективномъ впечатлѣніи, утверждаетъ, что это слово никакого другого

¹⁾ Les communaux etc., pp. 28—44.

значенія кромѣ помѣстья имѣть не можетъ. Одинъ обращаетъ свое вниманіе на возможность вмѣшательства хотя бы одного изъ обитателей villa въ вопросъ о поселеніи въ ней новаго человѣка и изъ этого выводитъ заключеніе о необходимости единодушнаго согласія общинниковъ на водвореніе пришельца на землѣ общины; другой въ этомъ противодѣйстви „одного“ видитъ какъ разъ доказательство несуществованія общины, ибо что это за община, гдѣ ея интересы защищаются однимъ, а другіе равнодушно взираютъ на нарушеніе своихъ правъ.

Но Глассонъ въ подтвержденіе своего взгляда приводитъ еще нѣсколько текстовъ, касающихся также вопроса о *homines migrantes*, и между ними придаетъ большое значеніе слѣдующему добавленію въ XLV титулу ¹⁾: *Si vero (quis) alium in villa aliena migrare rogavit antequam conventum fuerit MDCCC denarios qui faciunt solidos XLV culpabibis judicetur*. Это распоряженіе предусматриваетъ, по его мнѣнію, случай призыва въ общину новаго человѣка однимъ изъ ея членовъ, когда еще остальные общинники не выразили на это своего согласія. Дѣйствительно, съ перваго взгляда кажется, что лучшаго текста и не нужно для доказательства существованія общинныхъ сходовъ, гдѣ рѣшаются всѣ дѣла, имѣющія значеніе для общины. Впечатлѣніе отъ него усиливается еще больше послѣ заявленія Глассона, что Ф. де-Куланжъ его не объясняетъ, не говоритъ о немъ ни одного слова (*il le supprime*). Правда, въ IV томѣ труда Ф. де-Куланжа о немъ нѣтъ рѣчи, но зато достаточно сказано знаменитымъ историкомъ въ объясненіе спорнаго текста въ его статьѣ о титулѣ *De migrantibus*.

Вотъ подлинныя слова Ф. де-Куланжа ²⁾: „Этотъ параграфъ, рассматриваемый какъ позднѣйшее добавленіе, не находится въ лучшихъ рукописяхъ (Парижскихъ 4404 и 9653, Волфенбюттельской и Мюнхенской), Меркель и Берендъ (издатели Салич. зак.) помѣщаютъ его въ разрядъ *novellae*. Пардессю переводитъ его: „l'habitant qui accueille l'étranger avant que le consentement de tous l'ait admis serait passible de l'amende de 45 sous d'or“ (также, мы видѣли, понимаетъ его и Глассонъ). Это объясненіе возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія. Оно находится въ противорѣчій съ § 1 XLV тит., который разрѣшаетъ *unum vel aliquos suscipere migrantem*. Затѣмъ, почему налагается большій штрафъ на принимающаго или даже призывающаго пришельца (45 солид.), чѣмъ на виновнаго *homo migrans* (30 солид.)? Далѣе, сомнительно, чтобы *antequam conventum fuerit* можно было

¹⁾ Lex salica, Behrend, p. 60.

²⁾ Revue générale du droit, t. X, p. 29, note 4.

перевести: „пока не соберутся, чтобы выразить свое согласие“. Глаголъ *convenire* встрѣчается 18 разъ въ Салическомъ законѣ и ни разу для обозначенія собранія людей въ формѣ *conventus*. Замѣтьте, кромѣ того, что весь XLV титулъ исключаетъ мысль о *conventus* деревни. *Convenire* имѣетъ два значенія въ Салич. законѣ: или это безличннй глаголъ, синонимъ *oportet* (II, 6, IV; 3; VIII, 2 и др.), или означаетъ соглашеніе двухъ лицъ (XL, 2 и 11; LIII, 1; LV, 2)... Ни Вайцъ, ни Зомъ не пытаются объяснить этотъ параграфъ. Слѣдуетъ ли его отбросить, какъ то, кажется, дѣлаютъ всѣ комментаторы? или попытаться его объяснить? Замѣчу, что въ двухъ лучшихъ рукописяхъ („лучшихъ“ послѣ тѣхъ, въ которыхъ его вовсе нѣтъ), именно, въ 4403b и 18237 читается *si alium*, а не *si quis alium*, а такъ какъ разбираемая фраза помѣщается непосредственно за *migrans 30 solidos culpabilis judicetur*, то, слѣдовательно, она относится къ этому *migrans*, а не къ жителю деревни. И такъ, законъ могъ постановлять, что *migrans*, занявшій землю, *contra interdictum*, платитъ только 30 солид., но въ томъ случаѣ, если онъ, усиливая свою вину приглашеніемъ другого поселиться вмѣстѣ съ нимъ или занять его мѣсто (что являлось бы уловкою съ цѣлью устранить послѣдствіе двухъ призывовъ въ судъ), онъ долженъ заплатить 45 солидовъ.

Вотъ остроумное, но нѣсколько сложное объясненіе текста. Ф. де-Куланжъ, впрочемъ, совсѣмъ не выдаетъ его за единственно возможное... Мы попробуемъ предложить, съ нашей точки зрѣнія, болѣе простое толкованіе. Именно, отчего не представить себѣ, что въ этомъ параграфѣ закона рѣчь идетъ о наказаніи человѣка, призывающаго на землю своего сосѣда по деревнѣ—*такого же собственника, какъ и приглашающій*—*hominem migrantem*, до испрошенія на то согласія сосѣда, владѣльца земельного участка. Болѣе высокая денежная пеня, падающая на того *quis alium rogaverit*, чѣмъ на виновнаго *homo migrans*, удобно можетъ быть объяснена тѣмъ, что такой человѣкъ причинялъ непріятности обоимъ: и владѣльцу земли, заставляя его возиться съ пришельцемъ, и послѣднему, подвергая его излишнимъ расходамъ и хлопотамъ по переселенію.

Какъ видно изъ этого объясненія, мы предлагаемъ въ данномъ текстѣ понимать *villa* въ смыслѣ деревни, составленной изъ мелкихъ собственниковъ.

Конечно, такое пониманіе слова *villa* было бы невозможно, если бы не могло быть оправдано другими текстами и, прежде всего, титуломъ *De migrantibus*. Выше мы уже высказали свою неудовлетворенность толкованіями этого титула, какъ Глассона, такъ и Ф. де-Куланжа. Что особенно мѣшаетъ намъ принять послѣднее, такъ это именно пониманіе *villa* въ смыслѣ помѣстья. Ибо, принимая его, при-

ходится предполагать, что съ земли помѣщика *homo migrans* можетъ быть согнанъ не самимъ собственникомъ ея, но какимъ-то *unus qui contradicat*, несмотря на то, что этому *contradicens* противопоставляются *unus vel aliqui suscipere volentes*. Почему же во всемъ текстѣ ни разу не упомянуть помѣщика (*possessor*)? отчего не назвать его управляющій (*villicus*)? откуда же это право всякаго изъ живущихъ въ *villa* противодействовать водворенію въ ней пришельца? Въ томъ только случаѣ, если бы мы имѣли свѣдѣнія о правѣ арендаторовъ помѣщичьей земли—вольноотпущенниковъ либо колоновъ—распоряжаться арендуемой землей въ извѣстныхъ предѣлахъ безконтрольно, мы могли бы допустить вышеприведенное толкованіе Ф. де-Куланжа. Но ни о какомъ такомъ правѣ не говоритъ и самъ авторъ прекраснаго изслѣдованія о земельныхъ классахъ франкскаго общества, т.-е. тотъ же Ф. де Куланжъ ¹⁾.

Замѣняя же въ комментаріи Ф. де-Куланжа къ XLV титулу выраженіе помѣстье „свободной деревней“, мы предложимъ слѣдующее объясненіи всего параграфа закона.

Въ деревню, населенную свободными собственниками (*in villa*), пришельчеловекъ, ищущій удобной земли для поселенія (*qui migrare voluerit*). На эту деревню *homini migranti* указалъ кто-либо изъ живущихъ въ ней; человекъ, указавшій на деревню, въ которой самъ живетъ, конечно, ничего не имѣлъ противъ переселенія въ нее пришельца, иными словами, хотѣлъ принять его (*si unus vel aliqui de ipsis qui in villa consistunt eum suscipere voluerit*). Но въ деревнѣ вся земля принадлежала собственникамъ и потому не всегда это переселеніе на чужую землю (*super alterum*) могло совершиться безпрепятственно. Дѣйствительно, бывало, что собственникъ, на землѣ котораго садился пришелецъ, не противился его водворенію. Тогда, не получая въ теченіе 12 мѣсяцевъ никакого приглашенія со стороны хозяина земли удалиться съ нея (*infra XII menses nullus testatus fuerit*), *homo migrans* могъ считать себя устроившимся (собств. въ безопасности, какъ и другіе сосѣди—*securus sicut et alii vicini*, иногда такіе же переселенцы). Происходило совсѣмъ другое, какъ мы знаемъ, если землевладѣлецъ, по какимъ-либо причинамъ, не желалъ допустить поселенія пришельца на своей землѣ. Законъ ясно говоритъ о возможности противодействія одного или двухъ собственниковъ деревни (*contra interdicto unius vel duorum*), но не только не всѣхъ обитающихъ *in villa*, а даже и не нѣсколькихъ. Это мѣсто титула, намъ представляется, наиболѣе убѣдительно ратуетъ противъ теоріи общины у франковъ. Дѣйствительно, если за-

¹⁾ См. главы IX, X, XI и XII 4 тома. *Histoire d'institutions politiques.*

конъ допускаетъ, самое большее, противодѣйствіе двухъ, т.-е. сосѣдей-собственниковъ, часть земли которыхъ одновременно могъ занять homo migrans, то онъ этимъ устраняетъ предположеніе объ общинномъ порядкѣ, при которомъ протестъ одного или двухъ не имѣлъ бы смысла въ случаѣ согласія большинства. Но наше толкованіе было бы неполно, если бы мы не отвѣтили на вопросъ: на какомъ правѣ селился на чужой землѣ homo migrans: на правѣ ли собственника, пріобрѣтшаго ее за деньги, или на правѣ арендатора? Еслибы законъ имѣлъ въ виду первое, то, прежде всего, странно было бы устанавливать годичный срокъ для узаконенія торговой сдѣлки, во-вторыхъ, законъ врядъ ли называлъ бы *interdictum* (т.-е. запрещеніемъ *adsedere*) право собственника, въ случаѣ неуплаты за землю, согнать похитителя собственности, въ-третьихъ, вѣроятно, законодатель, хотъ разъ бы, во всемъ текстѣ, обмолвился словомъ *vendere*, *venundare*, либо *venditio*. Но онъ постоянно для обозначенія занятія земли употребляетъ терминъ *migrare*. Въ виду этого, намъ думается, что здѣсь идетъ рѣчь не о поселеніи на землѣ, отчуждаемой въ полную собственность, а лишь на землѣ, отдаваемой въ долгосрочную аренду свободнымъ людямъ.

Не дѣлая изъ этого дальнѣйшихъ выводовъ, ограничимся указаниемъ на то, что наше объясненіе XLV титула разнится отъ предложеннаго Ф. де-Куланжемъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что говоритъ объ условіяхъ поселенія на землѣ свободного собственника деревни, а не въ помѣстьяхъ крупнаго землевладѣльца.

Теперь намъ остается посмотрѣть, насколько наше объясненіе двухъ вышеприведенныхъ текстовъ можетъ быть согласено съ остальными, касающимися вопроса о пришельцахъ-поселенцахъ.

Начнемъ съ 9 параграфа капитулярія 819 года ¹⁾, разъясняющаго нѣкоторыя главы Салическаго закона. Этотъ параграфъ гласитъ слѣдующее: *De eo qui villam alterius occupaverit. De hoc capitulo judicaverunt, ut nullus villam aut res alterius migrandi gratia per annos tenere vel possidere possit; sed in quacunque die invasor illarum rerum interpellatus fuerit, aut easdem res quaerenti reddat aut eas si potest juxta legem se defendendo sibi vindicet.* По мнѣнію Глассона, въ немъ устанавливается необходимость согласія двухъ родовъ (*deux consentements*) для водворенія пришельца въ общинѣ, иными словами, недостаточность согласія *vicini* безъ такового со стороны собственника. Текстъ этотъ, продолжаетъ историкъ-юристъ, доказываетъ ясно, что обитатели деревни, соглашаясь или препятствуя поселенію новаго челоуѣка, дѣйствуютъ всегда въ силу имъ присущаго права, а не въ качествѣ представителей отсутствующаго собственника ²⁾.

¹⁾ Lex Salica, Behrend, p. 115.

²⁾ Les communaux etc., p. 43.

Въ объясненіи Глассона представляется произвольнымъ предположеніе, что этотъ текстъ, относящійся ко всему XLV титулу Салическаго закона, какъ показываетъ заглавіе, имѣетъ въ виду случай согласія на водвореніе пришельца, даннаго общинниками въ *отсутствіи* собственника земли. Затѣмъ, не противорѣчитъ ли уже теоріи общиннаго землевладѣнія допущеніе частной собственности на землю, при какомъ-то непонятномъ надзорѣ за этой собственностью сосѣдей, т.-е. сообщинниковъ, тѣмъ болѣе непонятномъ, что, по словамъ того же историка, право сосѣдей распоряжаться землей, на дѣлѣ, является не болѣе какъ фикціей, которую можетъ разрушить каждый собственникъ.

Толкованію того же текста посвящена 4 глава статьи Ф. де-Куланжа о титулѣ *De migrantibus* ¹⁾. Глассонъ, повидимому, забылъ о ней, такъ какъ въ своей книгѣ, *Les communaux etc.*, говоритъ, будто Ф. де-Куланжъ совсѣмъ „вычеркиваетъ изъ разсужденія интересующій насъ текстъ“ (*il le supprime de la discussion*). Сущность комментарія Ф. де-Куланжа на него сводится къ слѣдующему. Новый законъ, думаетъ онъ, охранялъ интересы собственника противъ узурпатора въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній, воспользовавшись § 3 титула XLV, утверждался на чужой землѣ въ отсутствіе ея владѣльца: законъ предоставлялъ хозяину право, даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, требовать возврата захваченной собственности.

Наше объясненіе параграфа, и на этотъ разъ, отличается отъ только что изложенныхъ мнѣній Ф. де-Куланжа и Глассона. Невозможно допустить, чтобы здѣсь рѣчь шла объ узурпаторѣ (*invasor gentis*), какъ полагаетъ Ф. де-Куланжъ: во-первыхъ, потому, что самъ авторъ такого предположенія въ новомъ своемъ трудѣ отъ него отказался, по крайней мѣрѣ, для аналогичныхъ текстовъ; во-вторыхъ, homo migrans, покровительствуемый закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не можетъ быть правонарушителемъ въ силу только того, что онъ *migrando invadit res alicujus*. Намъ представляется, что здѣсь дѣло идетъ объ арендаторѣ, которому законъ напоминаетъ, что онъ, несмотря на долгосрочную аренду, все-таки, не можетъ считать себя владѣльцемъ земли (*tenere vel possidere*) въ силу только того, что пользовался ею, на правѣ *hominis migrantis*, одинъ годъ. Законъ подчеркиваетъ недостаточность такого владѣнія *migrandi gratia* и предоставляетъ собственнику земли во всякое время требовать ея возвращенія. Впрочемъ, тотъ же капиулярій предусматриваетъ возможность такого положенія вещей, что арендаторъ счумѣетъ доказать въ судѣ свое право на оспариваемую у него землю (*si potest sibi juxta legem vindicet*).

¹⁾ *Revue générale du droit*, t. X, pp. 30—37.

Насчетъ послѣдней возможности можно постронть цѣлый рядъ предположеній, изъ которыхъ простѣйшимъ будетъ случай уплаты арендной платы за значительное время впередъ.

Какъ видно, наше толкованіе § 9 капиулярія 819 года сходится, въ основныхъ чертахъ, съ предложеннымъ нами объясненіемъ двухъ раньше разобранныхъ текстовъ. Теперь остается еще разобрать имѣющій сюда отношеніе 4-й параграфъ XIV титула Салическаго закона. Вотъ онъ: *Si quis hominem qui migrare voluerit et de rege habuerit praescriptum et abundivit in malum publico, et aliquis contra ordinationem regis testare praesumpserit VIII M. dinarios qui faciunt solidos CC culpabilis judicetur.*

О немъ ничего не говоритъ Глассонъ ни въ послѣднемъ своемъ трудѣ, ни въ *Histoire du droit et des institutions de la France* (III т.). Слѣдовательно, онъ не имѣетъ никакого значенія для теоріи, защищаемой этимъ ученымъ. Ф. де-Куланжъ, въ своей статьѣ ¹⁾, уже цитированной нами не разъ, посвящаетъ ему нѣсколько строкъ. На основаніи изученія рукописей и общаго смысла всего XIV титула *De supervenientibus vel expropriatis*, онъ приходитъ въ выводъ, что *testare* § 4-го удобнѣе замѣнить или выраженіемъ *vise laciniam facere* или словомъ *stare*, встрѣчающимся въ другихъ рукописяхъ; тогда смыслъ этого параграфа будетъ таковъ же, какъ и § 5-го того же титула: *Si quis hominem migrantem adsalierit, 62 1/2 solidos culpabilis judicetur*, т.-е. виновный въ нападеніи на пришельца подвергнется денежному штрафу. Штрафъ въ 200 солидовъ въ первомъ случаѣ объясняется тѣмъ, продолжаетъ Ф. де-Куланжъ, что онъ налагается на обидчика челоуѣка, имѣвшаго королевскую бумагу, т.-е. состоявшаго подъ *mundebour regis* (подъ охраной государя).

Не считая пониманіе данного текста, предложенное Ф. де-Куланжемъ, единственно возможнымъ, мы попробуемъ дать другое, сохраняя всѣ выраженія въ томъ видѣ, въ какомъ они даны большинствомъ издателей. Въ такомъ случаѣ, мы получимъ слѣдующее. Переселенецъ, желавшій поселиться въ какой-нибудь *villa*, заручился королевскимъ согласіемъ на это. Король могъ дать разрѣшеніе на поселеніе не только въ своихъ имѣніяхъ, но и въ свободныхъ деревняхъ, въ силу верховнаго права распоряжаться имуществомъ своихъ подданныхъ. Разъ офиціальная бумага съ такимъ распоряженіемъ была получена переселенцемъ, онъ могъ быть спокоенъ, что его не сгонять съ земли, на которую онъ сѣлъ. Для этого нужно было только заявить на судебной сходѣ о полученіи королевскаго разрѣшенія (*abundire in malum publico*), тогда собственникъ не могъ от-

¹⁾ *Revue générale du droit*, t. X, pp. 9—10.

казаться принять *hominem migrantem* въ виду очень высокаго штрафа¹⁾ грозившаго за оппозицію королевскому разрѣшенію.

Но у сторонниковъ теоріи общины во франкскомъ государствѣ не мало еще орудія—текстовъ для доказательства своихъ мнѣній. За разсмотрѣнными нами цитатами слѣдующее мѣсто, по важности для ихъ взглядовъ, занимаетъ 3-й титулъ эдикта Хильперика. Въ немъ видить самый умѣренный изъ нихъ—Глассонъ *признаки* права сосѣдей наследовать имущество сообщинника. Обратимся къ тексту ¹⁾: *Simili modo placuit atque convenit, ut si quicumque vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitus fuerit, quamdiu filii advixerint, terra habeant, sicut et lex Salica habet. Et si subito filios defuncti fuerint, filia simili modo accipiant terras ipsas, sicut et filii si sui fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitus fuerit, frater terras accipiant, non vicini. Et subito frater moriens frater non derelinquerit superstitem, tunc soror ad terra ipsa accedat possidenda.* Это распоряженіе, думаетъ Глассонъ ²⁾, предоставляетъ право наследованія земли и женщинамъ съ предпочтеніемъ, впрочемъ, соотвѣствующихъ степеней мужскаго родства; но оно касается только тѣхъ, которые имѣютъ сосѣдей (*qui vicinos habent*), т. е. принадлежать къ земельной общинѣ. До Хильперика, продолжаетъ историкъ-юристъ, въ томъ случаѣ, если умиравшій не оставлялъ сыновей, наследовали члены общины. Хильперикъ измѣнилъ этотъ порядокъ: послѣ сыновей получили право наследовать дочери, за ними братья, затѣмъ сестры покойнаго. Но, если не оказывалось близкихъ родственниковъ, то, вѣроятно, призывались къ наследованію сосѣди—оканчиваетъ свое разсужденіе Глассонъ.

Нѣкоторая смѣлость подобнаго толкованія текста бросается въ глаза. Дѣйствительно, на какомъ основаніи Глассонъ отождествляетъ выраженія „имѣющіе сосѣдей“ съ „принадлежащіе къ земельной общинѣ“? Далѣе, развѣ позволительно прибавлять увѣреніе, будто за отсутствіемъ близкихъ родственниковъ наследовали сосѣди, не имѣя на то никакихъ данныхъ! Наконецъ, все разсужденіе на тему, что Хильпериковъ эдиктъ отнимаетъ право сосѣдей, принадлежавшее имъ до его изданія, наследовать землю въ извѣстныхъ случаяхъ, построено на выраженіи „*non vicini*“. Зачѣмъ обязательно предполагать, что здѣсь уже отнимается какой-то порядокъ, когда, съ большимъ основаніемъ, можно думать, что онъ только создается. А „*non vicini*“, какъ замѣтилъ Ф. де-Куланжъ, указываетъ лишь на возможное злоупотребленіе со стороны сосѣдей, а не на ихъ право. Въ такомъ слу-

¹⁾ Capitularia, ed. Boretius, p. 8.

²⁾ Les communaux etc., pp. 46—47.

чаѣ, на этотъ законъ-эдиктъ остается смотрѣть какъ на попытку правительства внести порядокъ въ имущественно-наслѣдственные отношенія, въ которыхъ наблюдался полный хаосъ, приводившій къ тому, что сосѣди, не справляясь съ правомъ, захватывали землю, вѣроятно особенно часто, въ малолѣтство дѣтей-наслѣдниковъ и во время отсутствія братьевъ и сестеръ умершаго. Неудивительно, что этотъ беспорядокъ господствовалъ въ то время, когда франкское государство не успѣло еще прочно сложиться, такъ какъ самый эдиктъ Хильперика относится къ промежутку времени отъ 561 до 584 года.

Но пойдѣмъ дальше за Глассономъ въ отыскиваніи общины во франкскомъ королевствѣ. Пока мы разобрали тексты, долженствовавшіе, съ точки зрѣнія защитниковъ общины у франковъ, установить несомнѣнное право общинниковъ на распоряженіе всей землею, на которой жила община. Теперь придется говорить о такихъ, въ которыхъ находятся лишь слѣды этой системы (*des traces du système de la communauté*).

Къ этимъ „слѣдамъ“, въ извѣстныхъ случаяхъ, можно было бы отнести коллективную отвѣтственность за преступленія. Мы намѣренно оговариваемся, что не всегда таковая отвѣтственность свидѣтельствуетъ о тѣсной экономической связи лицъ, основанной на общемъ владѣніи землей; иногда такая связь можетъ быть продуктомъ искусственно созданныхъ отношеній между жителями извѣстной мѣстности, а не результатомъ естественнаго положенія вещей. Имѣя въ виду сказанное, обратимся къ текстамъ, въ которыхъ Глассонъ видитъ указанія на коллективную отвѣтственность—слѣды общинныхъ отношеній. Это—9 глава перваго капитуларія къ Салическому закону и три параграфа декрета Хильдеберта II.

Займемся первымъ текстомъ ¹⁾. Вотъ онъ: *Sicut adsolet, homo juxta villa aut inter duas villas proximas sibi vicinas fuerit interfectus, ut homicida illa non appareat, sic debet judex hoc est comis aut grafio ad locum accedere et ibi cornu sonare debet. Et si venerit qui corpus cognoscit occisi, sic parentibus in noticia ponatur. Si vero non venerit qui corpus cognoscat, tunc vicini illi in quorum campe vel exitum corpus inventum est, debet facere bargo quinos pedes in altum et praesentia judicis levare corpus. Et debet judex nuntiare et dicere: „homo iste in vestro agro ved in vestibulo est occisus; contestor ut usque in septem noctes non reponatis et de homicidium istud vos admallo, ut in mallo proximo veniatis et vobis de lege dicatur quod observare debeatis“. Tunc vicini illi, quibus nuntiatur a judice ante*

¹⁾ Lex Salica, Behrend, p. 91.

XL noctes qui meliores sunt cum sexaginos quinos se exuant quod nec eccidissent nec sciant qui occidissent; minoflidis vero quinos denos juratores donent. Quod ut superius diximus, id est qui jurant, si istud ante XL noctes non fecerint, noverint se persona mortui requirenti legibus satisfacere. Si vero jurant quod superius diximus et se per sacramentum idoneiaverint, nulla eis compositio requiratur. Глассонъ объясняетъ его слѣдующимъ образомъ ¹⁾: Найдя подлѣ villa или между двухъ villae тѣло убитого и не зная убійцы, обращаются къ judeх'у, т.-е. графу, который долженъ явиться туда, гдѣ найденъ трупъ, и извѣстить трубою о своемъ прибытіи. Если убитый узванъ, то извѣщаютъ родныхъ; если же нѣтъ, то vicini должны насыпать bargum, родъ холмика, въ 5 футовъ вышиною, и положить на него трупъ въ присутствіи графа. Тогда этотъ послѣдній произноситъ формулу, приведенную въ текстѣ Онъ запрещаетъ vicini погребать тѣло въ продолженіе 7 ночей и приглашаетъ ихъ на ближайшую судебную сходку (mall), давая 40 дней сроку для явки. Въ установленный день они могутъ клятвой оправдаться (отъ подозрѣнія)—ясный слѣдъ коллективной отвѣтственности. Каждый изъ meliores („лучшіе“ люди) долженъ выставить въ подкрѣпленіе своей клятвы 65 сопращажниковъ, minofledi („меньшіе“ люди) только 15. Мы знаемъ, продолжаетъ Глассонъ, что произойдетъ если не будетъ дана клятва или, по крайней мѣрѣ, мы можемъ предполагать, заключая отъ противоположнаго. Ясно, что сосѣди подвергнутся осужденію и должны будутъ заплатить семейству убитого виру за убійцу. Въ самомъ текстѣ указанъ случай, кончаетъ свое толкованіе историкъ-юристъ, когда vicini должны принять на себя отвѣтственность; это именно, когда они ничего не предпримутъ въ свое оправданіе въ теченіе 40 ночей; капитулярій постановляетъ: si istud non fecerint, noverint se personam mortui requirenti satisfacere. Вотъ какой смыслъ придаетъ Глассонъ этому тексту, а Ф. де-Куланжъ ограничивается такимъ объясненіемъ ²⁾: Если убійство произошло между двухъ villae и убійца неизвѣстенъ, графъ долженъ созвать трубою обитателей двухъ villae и заявить имъ: я васъ приглашаю явиться на судебное разбирательство въ такой-то день и вы поклянетесь что невиновны въ преступленіи; если вы дадите такую клятву, то съ васъ не будетъ требуема никакая вира. Гдѣ же здѣсь, спрашиваетъ знаменитый историкъ, солидарность сосѣдей? Откуда видно, что они могутъ подвергнуться наказанію вѣсто виновнаго? Текстъ говоритъ какъ разъ противоположное. Такая краткость комментарія Ф. де-Куланжа дала поводъ Глассону обвинить

¹⁾ Les communaux etc., p. 57.

²⁾ L'alleu et le domaine rural, p. 183.

его въ намѣренномъ игнорированіи того мѣста, которое возлагаетъ, въ опредѣленномъ случаѣ, отвѣтственность на сосѣдей за убійство.

Намъ представляются оба толкованія нѣсколько искусственными, хотя мы всетаки ближе склоняемся къ послѣднему. Стараясь найти въ текстѣ только то, что въ немъ есть, мы не отвергаемъ ясно выраженной отвѣтственности сосѣдей въ томъ случаѣ, если они не оправдываютъ себя клятвой въ теченіе 40 дней; но эта отвѣтственность, по нашему, не есть результатъ тѣсной экономической связи между обитателями villa, какъ сообщинниками, а есть угроза со стороны правительства, имѣющая цѣлью скорѣйшее раскрытіе преступленія при тогдашнихъ крайне несовершенныхъ приемахъ судебного слѣдствія. Дѣйствительно, убійство совершенное между двумя деревнями, по большей части, должно было быть дѣломъ рукъ кого-либо изъ населявшихъ эти двѣ villae; и вотъ, чтобы преступленіе не прошло безнаказанно, установленъ былъ срокъ для его раскрытія, казавшійся законодателю достаточнымъ въ интересахъ правосудія. Такъ что, если мы здѣсь и видимъ родъ коллективной отвѣтственности, она является внесенной со стороны, созданіемъ центральной власти, а не слѣдствіемъ общинной солидарности жителей villa.

Въ декретѣ Хильдеберта II важны для занимающихъ насъ вопросовъ §§ 5, 11 и 12 ¹⁾. Параграфъ 5-й гласитъ слѣдующее: *De homicidiis vero ita iussimus observare, ut quicumque ausu temerario alium sine causa occiderit vitae periculum feriat: nam non de pretio redemptionis se redimat aut componat. Forsitan convenit ut ad solutionem quisque discendat, nullus de parentibus aut amicis ei quicquam adjuvet; nisi qui praesumpserit ei aliquid adjuvare, suum weregildum omnino componat, quia justum est, ut qui novit occidere, discat morire.*

Глассонъ убѣжденъ, что здѣсь есть слѣдъ коллективной отвѣтственности, такъ какъ законъ этотъ, по его мнѣнію, отмѣняетъ порядокъ отвѣтственности общины существовавшій до его изданія ²⁾. Ф. де-Куланжъ понимаетъ его такъ: „этотъ титулъ объявляетъ, что всякій убійца будетъ наказанъ смертью, въ виду запрещенія родственникамъ и друзьямъ помогать ему выпутаться. Это—нѣчто противоположное коллективной отвѣтственности“ ³⁾. Дѣйствительно, откуда взялъ Глассонъ, что этотъ законъ можно разсматривать, какъ отмѣняющій прежнюю отвѣтственность сообщинниковъ? Вѣдь, въ немъ нѣтъ и слова *vicini*, а рѣчь идетъ лишь о запрещеніи *parentibus aut amicis*—роднымъ и друзьямъ—помогать преступнику въ уплатѣ виры. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ текстъ нисколько не поможетъ защитникамъ теоріи общины.

¹⁾ Capitularia, Boretius, pp. 15—16.

²⁾ Les communales etc., pp. 60—61.

³⁾ L'allen et le domaine rural, p. 183.

Изъ двухъ другихъ параграфовъ, мы остановимся только на 11-мъ, такъ какъ 12-й аналогиченъ съ нимъ по содержанію. Вотъ онъ: *Similiter convenit, ut si furtus factus fuerit, capitale de praesente centena restituat, et causa centenarius cum centenas requirat.*

Ф. де-Куланжъ въ немъ, какъ и въ 12-мъ, видитъ лишь указаніе на полицейскую ассоціацію для преслѣдованія воровства; подъ *centena* онъ понимаетъ искусственное соединеніе гражданъ, поставленное подъ руководство *centenarius*'а съ цѣлью охранять общіе интересы собственниковъ ¹⁾). Послѣ такого объясненія, кажется, Глассонъ напрасно настаиваетъ на томъ, что въ этомъ текстѣ устанавливается коллективная, общая отвѣтственность (*une collectivité, une communauté*), свидѣтельствующая противъ взглядовъ Ф. де-Куланжа. Если бы Глассонъ не готовъ былъ считать всякій коллективизмъ за свидѣтельство о земельной общинѣ, то онъ оставилъ бы въ сторонѣ этотъ текстъ. Въ немъ, вѣдь, рѣчь идетъ объ отвѣтственности *centenae*, созданной или по инициативѣ мѣстной администраціи или по добровольному соглашенію самихъ собственниковъ. Тотъ же смыслъ имѣетъ и § 9 декрета Хлотаря II ²⁾), приводимый Глассономъ въ подтвержденіе отвѣтственности *centenae*. Пониманіе *centenae*, предложенное Ф. де-Куланжемъ и принятое нами, конечно, не исключаетъ факта ея отвѣтственности, напротивъ, скорѣе считаетъ его необходимымъ. Какъ ни шатки были, до сихъ поръ, рассмотрѣнные нами основанія теоріи общины у франковъ, но намъ далеко еще до итоговъ.

Нужно смотрѣть также, какъ на слѣды общиннаго порядка, продолжаетъ Глассонъ, на различнаго рода участіе *vicini* въ отправленіи правосудія. Самымъ важнымъ, въ этомъ смыслѣ, текстомъ, т.-е. обнаруживающимъ такое участіе въ судѣ общинниковъ, нужно считать, по мнѣнію Глассона, третій параграфъ Саксонскаго капитулярія 797 года ³⁾): *Item placuit omnibus Saxonibus, ut ubicumque Franci secundum legem solidos XV solvere debent, ibi nobiliores Saxones solidos XII, ingenui V, liti III, conponant.* Къ сожалѣнію, Глассонъ ничего не прибавляетъ къ своему заявленію о важности приведеннаго текста. Ф. де-Куланжъ, въ свою очередь, замѣчаетъ только, что это *capitulare Saxonicum*, т.-е. документъ неподходящій для рѣшенія поднятаго вопроса. Дѣйствительно саксонцы далеко отставали отъ франковъ въ своемъ культурномъ развитіи и, понятно, сохраняли тѣ формы быта, которыя давно стали анахронизмомъ для этихъ послѣднихъ. Ф. де-Куланжу было важно показать, что франки утратили подѣ

¹⁾ Histoire d. institutions politiques, t. III, p. 193.

²⁾ Capitularia, Boretius., p. 5.

³⁾ Ibidem, p. 71.

вліяніємъ римской цивилизаціи свое древнее устройство; и, конечно, онъ былъ правъ, не придавая, въ данномъ случаѣ, никакого значенія капитулярію для саксовъ. Далѣе, внимательно разсматривая этотъ памятникъ, мы замѣчаемъ, что онъ совсѣмъ не касается того предмета, о которомъ говоритъ Глассонъ: онъ вовсе не обнаруживаетъ участія народа въ отправленіи правосудія. Въ немъ перечисляется цѣлый рядъ постановленій для саксовъ принятыхъ собраніемъ франкскихъ нобилей, при участіи саксовъ, созданныхъ, вѣроятно, для выслушанія рѣшеній этого совѣта (*convenientibus in unum in ejus Caroli M. obsequio venerabilibus episcopis et abbatibus seu inlustris viris comitibus..., simulque congregatis Saxonibus de diversis pagis...*). Каждому постановленію капитулярія предпосылается выраженіе: или *omnes statuerunt* (§ 2) или *hoc etiam statuerunt* (§ 4) или *placuit omnibus* (§ 10) и т. п.; параграфъ же третій начинается словами „*placuit omnibus Saxonibus*“. Какъ мы должны, однако, понять это послѣднее выраженіе? Въ томъ ли смыслѣ, что оно обнаруживаетъ политическую самостоятельность саксовъ, право постановлять законы или, на ряду съ вышеприведенными выраженіями—*placuit omnibus* и т. п., оно обозначаетъ только единогласное согласіе представителей этого народа на довольно выгодную для него цифру штрафа за преступленія сравнительно съ величиною пени, налагаемой на франковъ? Намъ кажется второе предположеніе наиболѣе вѣроятнымъ, а первое совсѣмъ невозможнымъ. Впрочемъ, если бы мы согласились признать даже невозможное, то и тогда текстъ оказался бы неподходящимъ для доказательства интересующаго насъ положенія Глассона.

Всѣ остальные тексты, указанные Глассономъ въ качествѣ подтверждающихъ мнѣніе объ участіи народа въ судопроизводствѣ, настолько однообразны, что разборъ двухъ изъ нихъ дастъ достаточно матеріала для опредѣленія ихъ характера и значенія. Вотъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ: это—§ 3 XLIX титула закона Бургундовъ ¹⁾: *Ceterum de jumentis et animalibus longius, ut solet fieri, pervagantibus, quod prius statutum est, universitatem conveniet observare, id est, ut caballos alienos per regionem vagantes nemo corripit. Sane si eos in re sua damnum sibi facientes invenerit clausuritque, vicinis suis et consortibus contestetur: et si dominus eorum non venerit, tertio die eos praesentibus testibus extra fines suos expellat. Quod si quisquam aliter fecerit, et convictus fuerit, triplici rehibitione teneatur obnoxius*. Глассонъ думаетъ, что этотъ законъ, различая два сорта земель—непринадлежащую частному лицу и находящуюся въ частномъ владѣніи—выѣняетъ въ обязанность владѣльцу послѣдней, въ случаѣ поимки животнаго на своей

¹⁾ Lex Burgundionum, ed. Bluhme, Monumenta Germaniae, Leges, t. III.

землѣ, обращаться съ жалобой къ сосѣдямъ и *consortes*, т.-е. сочленамъ по общинѣ, которые должны разобрать дѣло въ качествѣ судей-рахимбурговъ ¹⁾. Ф. де-Куланжъ, опуская первую половину текста, передаетъ вторую такъ: „Если кто-нибудь найдетъ на своей землѣ чужихъ лошадей, производящихъ траву, то онъ долженъ сперва обратиться къ своимъ сосѣдямъ для засвидѣтельствованія и оцѣнки попорченного, затѣмъ обязанъ выгнать лошадей“ ²⁾. Соглашаясь съ объясненіемъ Ф. де-Куланжа второй части постановленія, добавимъ толкованіе къ первой: она повторяетъ только общее правило (*universitatem*) относительно бродячихъ животныхъ, изданное раньше: именно, что никто не долженъ ихъ уродовать (*neuo corrumpat*). Но гдѣ же здѣсь указаніе на общинную землю? Неужели такъ понимается *regio*? Или выраженіе *consorts* принимается Глассономъ въ смыслѣ сообщинники? Но, кажется, нѣтъ основаній придавать этому слову какой-либо иной смыслъ, кромѣ трехъ значеній его, указанныхъ Ф. де-Куланжемъ ³⁾, на основаніи цѣлаго ряда текстовъ: именно, или сосѣдъ, или сонаслѣдникъ, или одинъ изъ двухъ совладѣльцевъ. Наконецъ, ни содержаніе даннаго параграфа, ни отдѣльныя выраженія его не позволяютъ думать о томъ, будто здѣсь дѣло идетъ о судебномъ разбирательствѣ, и сосѣди играютъ роль судей. Ничего не можетъ быть произвольнѣе подобнаго предположенія.

Посмотримъ, каковъ еще текстъ, на который ссылается Глассонъ. Это § 2-й XI титула Баварскаго закона ⁴⁾: *Si quis dum arat, vel plantat vineam, terminos casu non voluntate evellerit vicinis praesentibus restituat terminum, et nullum damnum inde patiatur*. Въ виду отсутствія толкованія на него какъ у Глассона, такъ и у Ф. де-Куланжа, попробуемъ, прежде всего, перевести его буквально: „Если кто, распахивая землю или сажая виноградникъ, нечаянно выроетъ межевые знаки, то онъ долженъ въ присутствіи сосѣдей возстановить границу и тогда отъ этого не произойдетъ для него никакого ущерба“. Текстъ совершенно ясно говоритъ только о необходимости призывать сосѣдей въ томъ случаѣ, когда они или прямо заинтересованы въ дѣлѣ или могутъ дать нужныя указанія для возстановленія нарушенной межи. Смыслъ этого параграфа далекъ отъ того, чтобы въ немъ видѣть даже намекъ на судебскія функціи *vicini*. Слѣдовательно, и этотъ текстъ, какъ всѣ проанализированныя нами извлеченія Глассона изъ первоисточниковъ, оказывается несоотвѣтствующимъ тезису, въ поддержа-

¹⁾ *Les communaux etc.*, pp. 69—70.

²⁾ *L'alleu et le domaine rural*, p. 185.

³⁾ *Ibidem*, p. 170.

⁴⁾ *Lex Baiuvariorum*, Pertz, *Leges*, t. III.

ніе котораго онъ приведенъ. Мы видѣли, что ни право распоряженія землей общинниковъ, ни ихъ коллективная отвѣтственность, ни право сосѣдей на наслѣдованіе земли умершаго сосѣда, ни наконецъ, участіе ихъ въ отправленіи правосудія, не могутъ быть выведены изъ памятниковъ эпохи. Всѣ эти мысли суть ничто иное, какъ болѣе или менѣе остроумныя гипотезы, основанныя на неточномъ, а иногда и произвольномъ толкованіи документовъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что всегда и безусловно правъ Ф. де-Куланжъ, отвергающій не только общинное землевладѣніе, но и ограничивающій до minimum'a мелкую земельную собственность. Нѣтъ, мы старались показать, гдѣ могли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ кромѣ крупнаго помѣстья Ф. де-Куланжъ не видитъ ничего, тексты какъ разъ говорятъ о свободныхъ деревняхъ, т.-е. о мелкихъ собственностяхъ. Но наше противорѣчіе знаменитому автору *L'alleu et le domaine rural* никогда не заходило такъ далеко, чтобы не признавать его заслуги въ дѣлѣ разрушенія ученыхъ иллюзій на счетъ общины у франковъ. Напротивъ, въ этомъ онъ сто разъ правъ и наши возраженія имѣютъ лишь смыслъ ничтожной поправки въ труду грандіозной важности. Мы, какъ будто, готовы произнести окончательное сужденіе и о трудѣ Глассона, но это пока преждевременно. Историкъ юристъ намъ указываетъ еще на цѣлую серію текстовъ, въ которыхъ находятся слѣды общинныхъ порядковъ. Чтобы не быть слишкомъ долгимъ, остановимся на тѣхъ текстахъ, которыми Глассонъ придаетъ наибольшее значеніе. Это, прежде всего, первый титулъ закона Бургундовъ ¹⁾, гласящій слѣдующее: *Quia nihil de praestita patribus donandi licentia vel munificentia, dominantium legibus fuerat constitutum, praesenti constitutione omnium uno voto et voluntate decrevimus ut patri etiam antequam dividat, de communi facultate et de labore suo cuilibet donare liceat, absque terra sortis titulo acquisita, de qua prioris legis ordo servabitur.* Понимая выраженіе *terra sortis titulo acquisita* въ смыслѣ „земля, полученная по жребію“ (при земельныхъ передѣлахъ), Глассонъ полагаетъ, что именно ее то и нельзя было отчуждать *de communi facultate*, т.-е. изъ общиннаго имущества. Ф. де-Куланжъ переводитъ существенную часть текста такъ: „Мы повелѣли, чтобы каждый отецъ, до раздѣла имущества между сыновьями, могъ давать въ даръ, изъ неподѣленного добра и изъ своихъ приобрѣтеній, кому что пожелаетъ“. *De communi facultate* обозначаетъ, продолжаетъ онъ, общее семейное имущество; если бы земля принадлежала цѣлой деревнѣ, отецъ не имѣлъ бы права дѣлить ее между сыновьями... Непереведенная Ф. де-Куланжемъ фраза *absque terra sortis titulo acquisita* даетъ поводъ Глассону обвинять своего

¹⁾ Lex Burgundionum, Bluhme.

оппонента въ намѣренномъ пропускѣ этихъ словъ, хотя совсѣмъ напрасно. Ничего нѣтъ легче, понимая *sors* въ смыслѣ, предложенномъ Ф. де-Куланжемъ, передать цѣлое выраженіе согласно съ общимъ содержаниемъ титула, по переводу знаменитаго историка, именно: кромѣ земли, приобретенной по наслѣдству (*sortis titulo*), остальная фамиліальная собственность можетъ подлежать раздѣлу. Или, вспоминая, что между римлянами и бургундами былъ совершенъ раздѣлъ земли, эту фразу можно передать слѣд. образ.: кромѣ земли полученной при раздѣлѣ (разъ навсегда произведенномъ). Въ такомъ случаѣ, гдѣ же здѣсь общинное имущество?

Далѣе, Глассонъ разсматриваетъ XXXI-ый титулъ того же закона ¹⁾. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ параграфовъ: 1. *Inter Burgundiones et Romanos id censuimus observandum, ut quicumque in communi campo nullo contradicente vineam fortasse plantaverit, similem campum illi restituat, in cujus campo vineam posuit.* 2. *Si vero post interdictum quicumque in campo alterius vineam plantare praesumpserit, laborem suum perdat et vineam cujus est campus accipiat.* Ф. де-Куланжъ полагаетъ, что этотъ законъ говоритъ о полѣ, находящемся во владѣніи двухъ лицъ (т.-е. о „*sorpropiété*“) и передаетъ его содержаніе такъ: „Если кто-либо въ полѣ, которымъ онъ владѣетъ нераздѣльно съ другимъ, посадить виноградъ, то будетъ обязанъ отдать за это равную часть земли тому, кому принадлежитъ поле“. Законъ указываетъ ясно, продолжаетъ Фюстель, тотъ случай, когда одинъ изъ двухъ совладѣльцевъ производитъ измѣненіе въ общей собственности. Глассонъ, возражая противъ приведеннаго толкованія, замѣчаетъ, что, еслибы рѣчь шла только о двухъ владѣльцахъ, въ законѣ не встрѣчались бы выраженія: *quicumque, nullo contradicente* или, тѣмъ болѣе, *inter Burgundiones et Romanos*. Этотъ текстъ, заявляетъ Глассонъ, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ общиной, заключавшей въ себѣ одновременно и бургундовъ и римлянъ; въ ней было только произведено раздѣленіе нѣкоторыхъ земель для частнаго пользованія, съ тѣмъ, чтобы никто изъ общинниковъ не измѣнялъ результатовъ этого раздѣла безъ согласія остальныхъ членовъ общины.

Выраженія, эксплуатируемыя Глассономъ въ пользу своей теоріи, намъ представляется возможнымъ объяснить согласно съ толкованіемъ Ф. де-Куланжа, лишь добавивъ къ нему кое-что. Именно, Ф. де-Куланжъ, совсѣмъ безъ необходимости для защищаемого имъ положенія, отвергаетъ фактъ раздѣла земель между римлянами, съ одной стороны, и бургундами и готами, съ другой. Мы же, соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ, полагаемъ, что въ разсматриваемомъ текстѣ

¹⁾ Ibidem.

рѣчь идетъ о землѣ, находящейся въ совладѣніи между бургундами и римлянами. Въ виду того, что параграфъ закона говоритъ вообще о нарушеніяхъ права собственности на поле, ставшее общимъ достояніемъ римлянина и бургунда, въ каждомъ данномъ помѣстьѣ, онъ употребляетъ выраженія: *inter Burgundiones et Romanos, quicumque*; это же обстоятельство, т.-е. всеобщій характеръ законодательной формулы, должно быть, заставилъ законодателя поставить выраженіе *nullo contradicente*, хотя возможно и другое предположеніе: можетъ быть, здѣсь разумѣются случаи противорѣчія (*contradicendi, interdicti*) не только со стороны хозяина участка, но и всѣхъ его домохозяевъ.

Тотъ же смыслъ, но болѣе ясный, благодаря такому выраженію какъ *hospes*, указывающему на взаимныя отношенія между римляниномъ-хозяиномъ и бургундомъ-поселенцемъ, имѣетъ и XIII-й титулъ бургундскаго закона ¹⁾: *Si quis tam Burgundio quam Romanus in silva communi exartum fecerit, aliud tantum spatii de silva hospiti suo consignet, et exartum, quem fecit, remota hospitis communione possideat*. Мы переведемъ его такъ: Если бургундъ или римлянинъ вырубилъ часть лѣса, находящагося въ совладѣніи ихъ обоимъ, то будетъ обязанъ такое пространство лѣса, какое вырубилъ, отдать совладѣльцу, а самъ — владѣть вырубленнымъ участкомъ, отказавшись отъ права совмѣстнаго пользованія остальной частью лѣса.

Въ этомъ титулѣ бургундскаго закона мы можемъ наблюдать особый случай общаго пользованія (*communio*) извѣстной частью земли, которое имѣло мѣсто между совладѣльцами какого-нибудь помѣстья. Часть cadaго изъ совладѣльцевъ, въ такихъ случаяхъ, называлась *portio*. Обычай дробленія помѣстья на *portiones* Ф. де-Куланжъ ведетъ отъ римскаго времени: онъ указываетъ рядъ примѣровъ изъ актовъ купли-продажи и духовныхъ завѣщаній, откуда видно что можно было уступать то одну, то пять, то десять *unciae* (двѣнадцати) одного *fundus* (имѣнья) ²⁾. То же самое наблюдается и въ мервингской Галліи. Нужно замѣтить однако, что это дробленіе помѣстья не уничтожало связи между его частями: она выражалась въ томъ, что всѣ части объединялись однимъ общимъ наименованіемъ; очень рѣдко, въ дѣйствительности, происходило размежеваніе. По большей части, дѣлились только доходы съ имѣнья; а иногда оно раздѣлялось по числу *mansi* — участковъ, обрабатываемыхъ рабами, такъ какъ каждый участокъ давалъ обыкновенно опредѣленный доходъ. Неудобно было только, полагаетъ Фюстель, дѣлить такимъ способомъ

¹⁾ *Lex Burgundionum*, Bluhme.

²⁾ *L'alleu et le domaine rural*, p. 21—22.

лѣсъ, и потому онъ оставался матеріально нераздѣленнымъ, вслѣдствіе чего возникало *communio silvae*, т.-е. общее пользованіе лѣсомъ между совладѣльцами ¹⁾).

Объяснивъ съ точки зрѣнія Ф. де-Куланжа послѣдній текстъ, посмотримъ, выдерживаетъ ли критику утвержденіе Глассона о томъ, что между многими другими предметами, и мельницы были въ общемъ владѣніи общинниковъ ²⁾. Онъ ссылается на § 2-й VIII титула Баварскаго закона: *Et si ecclesia, vel infra curtem ducis, vel in fabrica, vel in molino aliquid furaverit, thrimniungeldo componat, hoc est ter novem reddat: quia istae quattuor domus casae publicae sunt, et semper patentes* ³⁾. Эту цитату намъ кажется трудно растолковать въ желаемомъ для Глассона смыслѣ, такъ какъ для этого нужно перевести слово *publicus* выраженіемъ „принадлежащій общинѣ“. Но, соглашаясь на такой переводъ, мы должны были бы и дворецъ герцога и церковь считать собственностью общины, въ виду того, что тотъ же терминъ *publicus* прилагается и къ нимъ. Естественнѣе всего передать спорное мѣсто такъ: „эти четыре дома—общественныя зданія“. Если бы мы, въ настоящее время, существованіе общественныхъ зданій стали считать признакомъ общиннаго владѣнія землей, или хотъ даже остатками подобнаго порядка вещей, то могли бы, Богъ знаетъ, какія сдѣлать откритія!

До сихъ поръ всѣ тексты, выставляемые Глассономъ въ качествѣ фундамента его теоріи, удавалось истолковывать согласно съ мнѣніями Ф. де-Куланжа. Теперь остается узнать, возможно ли то же самое по отношенію къ *communio*, довольно часто упоминаемому въ формулахъ меровингской поры. Но прежде всего, что такое *communio*? Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, впрочемъ, предполагаетъ уже его рѣшеніе, но за то, выражаясь не вполне опредѣленно, мы не предпрѣшимъ его, если скажемъ, что подъ этимъ нужно разумѣть лѣса и вытоны—*silvae*, расцѣпа—находившіеся въ общемъ пользованіи нѣкоторой группы лицъ. Глассонъ и его единомышленники подъ этой группой разумѣютъ свободныхъ поселянъ, живущихъ въ общинномъ соединеніи, Ф. де-Куланжъ—зависимыхъ отъ помѣщика людей, его вѣрностныхъ и колоновъ. Глассонъ не приводитъ никакихъ доказательствъ спеціальнаго характера въ защиту своего мнѣнія, Ф. де-Куланжъ, напротивъ, указываетъ цѣлый рядъ фактовъ и соображеній въ подтвержденіе своего. Помѣстье, говоритъ онъ ⁴⁾, всегда дѣлилось на

¹⁾ Ibidem, p.p. 238—252.

²⁾ Les communaux etc., p. 25.

³⁾ Lex Baiuvariorum, Pertz, Leges, t. III.

⁴⁾ L'alleu et le domaine rural, pp. 424—437.

двѣ части, изъ которыхъ одна отдавалась въ аренду, а другая—*dominicum*—оставалась за господиномъ и обрабатывалась его рабами. Непрактично было дѣлить лѣсъ и выгоны на небольшіе участки; да и неудобно это было для самихъ крестьянъ. Въ былое время римскій крупный помѣщикъ любилъ охоту; смѣнившій его франкскій землевладѣлецъ имѣлъ ту же страсть; поэтому лѣсъ оставался въ господской части имѣнія, а выгоны не дѣлились. Съ другой стороны, хотя каждый манръ состоялъ чаще всего изъ земель различнаго сорта: именпо, у каждого держальца, обыкновенно, была и пахатная земля, и небольшой виноградникъ, и лужокъ, но всего этого было недостаточно для его хозяйственныхъ нуждъ. Для содержанія нѣсколькихъ барановъ и свиней, ради дровъ и строеваго лѣса—на починку хижины и сараевъ—ему необходимо было воспользоваться помѣщичьимъ лѣсомъ и выгономъ. За право пользованія ими, въ опредѣленномъ размѣрѣ, крестьяне обязывались нести извѣстныя повинности въ пользу помѣщика. Такъ, въ Сен-Жерменскомъ регистрѣ (хозяйственной книгѣ) можно найти указаніе, что въ имѣніяхъ *Palaiseau*, *Verrières* и нѣкоторыхъ другихъ всѣ арендаторы платятъ, каждый по 4 денарія, *pro ligneritia* и *pro pastione* ¹⁾ *Ligneritia*—ничто иное какъ право пользоваться лѣсомъ господина, а *pastio* право пасты стадо на его землѣ. Изъ регистра аббатства Прумъ ²⁾ видно, что не весь лѣсъ отдавался въ пользованіе арендаторамъ; часть оставалась за господиномъ (*foreste*), а другая становилась „общей“ (*communis*). Нельзя думать, впрочемъ, чтобы эта часть лѣса была коллективной собственностью деревни, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о свободныхъ деревняхъ, но объ имѣніяхъ, въ которыхъ живутъ крѣпостные или отпущенники. Лѣсъ считается общимъ потому, что собственникъ уступаетъ держальцамъ общее пользованіе имъ въ количествѣ строго обозначенномъ за опредѣленное вознагражденіе. То же самое раздѣленіе лѣса на „собственный“ (*forêt réservée*) и общій (*communie*) встрѣчается въ Сен-Галльскихъ формулахъ: „Отдаю“, говорится въ одной, „помѣстье такого-то наименованія, въ томъ видѣ, въ какомъ владѣли имъ на правѣ полной собственности мои предки и я, т.е. съ домами, плодовымъ садомъ, мельницами, полями, лугами, общимъ лѣсомъ и собственнымъ (*silvis communis et propriis*), выгонами, рабами, скотомъ“ ³⁾. Часть *dominicum*’а, предоставлявшаяся держальцамъ въ пользованіе, называется *communis* во многихъ грама-

¹⁾ *Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 153—155, 158; XVIII, 3 и слѣд., XXV, 3 и слѣд., ed. Guérard.

²⁾ Beyer, *Urkundenbuch zur Geschichte der mittelhheinischen Territorien*, p. 175

³⁾ *Formulae merovingici aevi*, ed. Zeumer, p. 385.

тахъ сѣвера Галліи и области Рейна. Актомъ 687 г. Амальфридъ и его жена Хильдеберта дарятъ имѣніе Nonulfocurtis монастырю Sithiu; обычнымъ слогомъ хартій сказано, что это помѣстье „во всей полнотѣ (cum omni integritate), съ землями, манзами, сооруже́ніями, рабами, полями, лѣсами, лугами, выгонами, мельницами, communia и всѣмъ, безъ всякаго исключенія, отдается монастырю“¹⁾. Затѣмъ, восемь формулъ, т.-е. образцовъ актовъ меровингскаго времени упоминаютъ о communia, какъ о частяхъ помѣстья, принадлежащихъ въ качествѣ собственности продавцу или дарителю²⁾. Во всѣхъ этихъ актахъ весьма энергично выражено, что communia—собственность частнаго лица, mea est possessio vel dominatio. Тѣ же документы говорятъ, что эти communia передаются изъ рукъ продавца или дарителя въ собственность покупателя или одаряемаго—de meo jure et dominatione in vestrum jus et dominationem transfundo. Нѣтъ ни одного памятника, гдѣ бы communia имѣло другой смыслъ; оно всегда заключено внутри помѣстья и продается, завѣщается, дарится вмѣстѣ съ нимъ. Продажа и дареніе совершаются не отъ имени общины, а всегда отъ одного лица. Помѣстье, резюмируетъ и дополняетъ сказанное Ф. де-Куланжъ, обыкновенно распадалось на три части. Одну собственникъ сохранялъ для себя и эксплуатировалъ исключительно въ свою пользу; это манзъ господскій (le manse dominical). Вторая часть распредѣлялась между мелкими арендаторами, крѣпостными или колонами (manses serviles et ingenuiles). Оставалась третья часть, заключавшая въ себѣ необработанныя земли или участки трудной культуры; эта земля, неудобная для раздѣленія на аренды (tenures) оставалась хозяиномъ въ общее пользованіе державцевъ. Таковы communia съ IV по IX столѣтіе. Они измѣняются современемъ и принимаютъ другой видъ, но здѣсь указано ихъ происхожденіе. Они не ведутъ своего начала отъ коллективной собственности, которой не видно никакого слѣда, они происходятъ отъ предоставленія землевладѣльцемъ извѣстныхъ угодій въ пользованіе своимъ арендаторамъ. Кажется достаточно изложеннаго, чтобы вполне принять взглядъ Ф. де-Куланжа на communia. Разсмотрѣніемъ вопроса о нихъ кончается, собственно, наша задача.

Мы поставили себѣ цѣлью провѣрить при свѣтѣ замѣчательнаго

¹⁾ Diplomata. Pertz, n. 56.

²⁾ Formulae, ed. Rozière, №№ 118, 172, 200, 202, 242, 251, 331, 346. Извлечение изъ 118 ф.: ...id est mansos cum aedificiis super positis, cum terris, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis et mancipiis ibidem commanentibus, vel quantumcunque in ipso loco mea videtur esse possessio vel dominatio, totum et ad integrum per hanc cartolam cessionis ...de nostro jure in jure et dominatione tua perpetualiter adfirmo...

труда Ф. де-Куланжа тѣ мысли и положенія, которыя высказываетъ Глассонъ въ своихъ возраженіяхъ на этотъ трудъ. Защищаемая имъ точка зрѣнія—существованіе земельной общины въ франкскомъ государствѣ, какъ намъ извѣстно, подкрѣпляется цѣлой серіей текстовъ, которые мы старались расположить въ послѣдовательности, принятой Глассономъ. Важнѣйшіе изъ этихъ текстовъ приведены нами всѣ, изъ второстепенныхъ мы выбрали типичнѣйшіе. Построеніе нашей статьи оправдывается тѣмъ же желаніемъ, какое было у Глассона, остановить вниманіе читателя на мысли, что въ такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о существованіи или несуществованіи общиннаго землевладѣнія, все дѣло сводится къ анализу, главнымъ образомъ, юридическихъ памятниковъ эпохи. Не всѣ изъ нихъ, конечно, могутъ дать матеріалъ для рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону, и потому, понятно, расположеніе документовъ въ опредѣленномъ порядкѣ зависитъ отъ степени важности ихъ. Глассонъ, напримѣръ, видитъ въ титулѣ *De migratibus* самое яркое свидѣтельство существованія земельной общины, потому съ него и начинается разсмотрѣніе документовъ; затѣмъ уже приводитъ тексты, могущіе дать косвенное указаніе на существованіе той же общины, каковы—свидѣтельствующіе о коллективной отвѣтственности, о юрисдикціи общины и т. п.; и, наконецъ тѣ, въ которыхъ сохранился лишь намекъ на прежній порядокъ: именно, говорящіе только объ общинномъ пользованіи лѣсами, выгонами и нѣкоторыми сооружениями. Въ виду того, что своей статьей мы исчерпали почти все содержаніе книги Глассона, намъ кажется, что о ней сказано довольно. Но отрицательный выводъ, къ которому мы пришли въ опѣнкѣ защиты Глассономъ популярной теоріи, могли бы получиться, если бы не было книги Ф. де-Куланжа? Для насъ, по крайней мѣрѣ, безусловно нѣтъ. Значить, всѣ возраженія Глассону въ нашей статьѣ состоятъ или изъ соображеній, высказанныхъ Ф. де-Куланжемъ или изъ положеній, построенныхъ на основаніи данныхъ, добытыхъ его изслѣдованіемъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что и значительная часть труда Ф. де-Куланжа пересказана нами. Намъ не пришлось до сихъ поръ упомянуть даже о прекрасномъ очеркѣ галло-римскаго помѣстья, занимающемъ около четверти сочиненія Ф. де-Куланжа; но ясно, что пересказъ этого отдѣла не входилъ въ нашу задачу. Мы только упомянули мимоходомъ объ изслѣдованіи положенія земледѣльческихъ классовъ меровингской поры, заключающемся въ томъ же трудѣ Ф. де-Куланжа; впрочемъ, заговоривъ объ этой части работы, необходимо было бы передать ея содержаніе почти въ полномъ видѣ. Мы также не сказали о попыткѣ Ф. де-Куланжа на основаніи названій *villae*, опредѣлять, которую изъ нихъ нужно считать помѣстьемъ, а которую деревней: но мы это сдѣлали созна-

тельно, въ виду оспоримости его утверждений (насколько намъ извѣстно, уже Arbois de Jubainville довольно основательно возражалъ противъ его теоріи) ¹⁾. Но какъ ни неполно передано нами содержаніе труда Ф. де-Куланжа, мы надѣемся однако, что его значеніе, насколько было въ нашихъ силахъ, указано правильно. Если мы и ошибались, увлекаясь взглядами и разсужденіями Ф. де-Куланжа, то въ этомъ виновать только его талантъ. Если появится когда-нибудь трудъ, написанный съ такимъ же знаніемъ дѣла и такъ убѣдительно, какъ это мы утверждаемъ относительно *L'alleu et le domaine rural*, то мы не сочтемъ для себя неудобнымъ переимѣнить и наше мнѣніе о землевладѣніи во франкскомъ государствѣ; но пока мы за взгляды Ф. де-Куланжа.

¹⁾ Recherches sur l'origine de la propriété foncière et des noms de lieux habités en France. 1890.

Иностранные историческіе журналы.

Н. Б. и Г. Ф.

Въ этой краткой заміткѣ мы намѣрены познакомить русскихъ читателей съ главнѣйшими изъ историческихъ журналовъ, издающихся за границей. Помимо общаго интереса, какой они представляютъ для специалистовъ и любителей исторической науки, они могутъ служить образцами для подобнаго же изданія и въ Россіи, вопросъ о которомъ долженъ быть только дѣломъ времени, такъ какъ наше Историческое Общество рано или поздно намѣрено приступить къ изданію періодическаго органа исторической науки. У насъ нѣтъ журнала, который одною изъ главнѣйшихъ задачъ поставилъ бы слѣдить за движеніемъ исторической науки въ Россіи и за важнѣйшими трудами по исторіи, появляющимися въ западной Европѣ и въ славянскихъ странахъ, и въ этомъ отношеніи мы лишены того, что представляетъ изъ себя, наприм., польскій *Kwartalnik historyczny*. Давая періодическіе отчеты о русскихъ историческихъ работахъ, мы доставили бы возможность и иностраннымъ историческимъ журналамъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ нашей наукѣ. Къ великому своему прискорбію, мы должны отмѣтить то общее явленіе, что для заграничныхъ историческихъ журналовъ русская научная литература, за немногими исключеніями, какъ бы вовсе не существуетъ, въ чемъ читатель убѣдится изъ нижеслѣдующаго обзора. И это по нашей винѣ: историки другихъ націй сами знакомятъ иностранцевъ съ современнымъ состояніемъ родной исторіографіи, дѣлаясь корреспондентами чужихъ историческихъ журналовъ, но всѣ попытки послѣднихъ привлечь къ подобному дѣлу русскія ученыя силы ованчивались почти только одними обѣщаніями съ нашей стороны. Исключеніе представляютъ изъ себя только два журнала: одинъ польскій и одинъ французскій, первый

потому, что поляки должны слѣдить за извѣстной частью русской исторической литературы, касающейся и старо-польскихъ отношеній, а французскій—имѣя въ составѣ своей редакціи одного русскаго, давно поселившагося во Франціи¹⁾. Мы надѣемся, однако, что и наше Общество, и частная инициатива положить конецъ такому положенію вещей.

Помимо всего этого, въ своемъ обзорѣ мы должны отмѣтить, что иностранные историческіе журналы касаются иногда русской исторіи, но преимущественно, конечно, внѣшней, т.-е. дипломатической и военной. Понятное дѣло, что такіе работы появляются главнымъ образомъ у нашихъ сосѣдей, наприм. въ журналахъ скандинавскихъ. Такъ какъ польскій историческій журналъ разрабатываетъ исторію всѣхъ земель, входившихъ въ составъ прежней Рѣчи Посполитой, то понятно, что въ немъ встрѣчаются статьи, важныя также для южно- и западно-русской исторіи.

Дѣлая здѣсь общій обзоръ иностранныхъ историческихъ журналовъ, мы въ будущемъ предполагаемъ знакомить русскихъ читателей и болѣе подробнымъ образомъ съ ихъ содержаніемъ.

Начнемъ этотъ обзоръ съ Франціи. Самымъ старымъ общенсторическимъ журналомъ во Франціи является *Revue des questions historiques*, основанный Бокуромъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Выпускается эта revue четыре раза въ годъ книжками въ 20—22 листа каждая (цѣна годоваго изданія въ Россіи 25 франковъ). Направленіе журнала клерикальное, и въ числѣ его постоянныхъ сотрудниковъ находится одинъ русскій, о. Мартыновъ, принадлежащій къ ордену іезуитовъ, благодаря чему журналъ слѣдитъ за русской исторической литературой. Кромѣ нѣсколькихъ историческихъ статей и замѣтокъ, каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отдѣлы, въ коихъ обозрѣвается текущая историографія: во-первыхъ, это такъ-называемые *courriers* англійскій, бельгійскій, нѣмецкій, русскій и т. д.; во-вторыхъ, хроника, содержащая въ себѣ разнаго рода извѣстія, касающіяся исторической науки; далѣе, обзоръ періодическихъ изданій, въ коемъ излагается вкратцѣ содержаніе историческихъ статей въ журналахъ; наконецъ, библіографическій бюллетень, т.-е. замѣтки о вновь вышедшихъ книгахъ.

Revue historique существуетъ уже 15 лѣтъ, въ теченіе коихъ подъ этимъ заглавіемъ издано уже сорокъ пять томовъ въ 500 страницъ каждый. Журналъ этотъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ книжками въ 15—16 листовъ (двѣ книжки составляютъ томъ), заклю-

¹⁾ Въ чешскомъ „Атенеумѣ“ довольно старательно слѣдятъ за русской научной литературой.

чая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) историческія статьи и документы, 2) историческій бюллетень и критическіе отчеты о книгахъ, 3) обзоръ содержанія періодическихъ изданій и трудовъ ученыхъ обществъ и 4) хроника съ библіографіей. Историческіе бюллетени состоятъ изъ связанныхъ обзоровъ работъ по исторіи во Франціи и въ другихъ государствахъ, для чего редація имѣетъ иностранныхъ корреспондентовъ, присылающихъ ей такіе обзоры (къ сожалѣнію, обзоры русской литературы—величайшая рѣдкость). Обзоръ содержанія періодическихъ изданій весьма полный: приводятся названія всѣхъ историческихъ статей (иногда съ краткими замѣчаніями), помѣщенныхъ въ десятиахъ изданій французскихъ и иностранныхъ (русскія опять отсутствуютъ). Хроника содержитъ въ себѣ отрывочныя извѣстія и замѣтки о разныхъ научныхъ предпріятіяхъ, изданіяхъ документовъ, новыхъ книгахъ. Редактируется журналъ этотъ извѣстнымъ историкомъ Моно (Monod). Подписная цѣна въ Россіи 33 франка въ годъ.

Къ числу французскихъ историческихъ журналовъ можно отнести еженедѣльную *Revue critique d'histoire et de littérature*, которая въ 1891 году вступаетъ въ 25-й годъ существованія. Критическое обозрѣніе выходитъ тетрадками въ два листа и стоитъ въ Россіи 25 фр. Въ каждомъ номерѣ рецензируется около десятка или дюжины книгъ, имѣется коротенькая хроника и печатаются краткіе отчеты объ академическихъ засѣданіяхъ. Перечень статей въ періодическихъ изданіяхъ также занимаетъ нѣкоторое мѣсто въ этомъ изданіи. (По его образцу у насъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ было предпринято въ Москвѣ изданіе „Критическаго обозрѣнія“ М. М. Ковалевскимъ и Вс. Ѳ. Миллеромъ).

Къ специальнымъ историческимъ журналамъ, издающимся во Франціи, кромѣ академическихъ изданій ¹⁾ и нѣсколькихъ провинціальныхъ историческихъ обозрѣній, относятся между прочимъ: „Азіатское обозрѣніе“, „Обозрѣніе греческихъ изученій“, „Анналы свободной школы политическихъ наукъ“, „Архивъ исторіи, искусства и литературы“, „Библиотека археографической школы“ (école des chartes), „Бюллетень афинской корреспонденціи“, „Бюллетень церковной исторіи“, „Новое историко-юридическое обозрѣніе“, „Средніе вѣка“, „Французская революція“ ²⁾, „Критическое обозрѣніе исторіи и литературы“, „Историко-дипломатическое обозрѣніе“, „Обозрѣніе исторіи религій“, изданія Общества исторіи Франціи, Общества исторіи Парижа, Общества исторіи французскаго протестантизма и т. д. ³⁾.

¹⁾ „Académie des inscriptions et des belles lettres“ и „Académie des sciences morales et politiques“.

²⁾ Объ этомъ изданіи см. выше, стр. 41 и слѣд. перваго отдѣла.

³⁾ Подробности въ интересной статьѣ Monod: „Die geschichtlichen Stu-“

Въ Германіи мы должны отмѣтить также нѣсколько подобныхъ изданій и прежде всего *Историческій временникъ* (*Historische Zeitschrift*) Зибеля, который является однимъ изъ старѣйшихъ историческихъ изданій, существующихъ въ наше время, такъ какъ основаніе ему было положено въ 1859 году. Выпускаются книжки этого журнала четыре раза въ годъ по 12 листовъ въ каждой книжкѣ, причемъ два выпуска составляютъ одинъ томъ (такихъ томовъ вышло до настоящаго времени 65). Журналъ наполняется историческими статьями и рецензіями новыхъ книгъ, но систематическихъ обзоровъ исторической литературы въ Германіи и въ другихъ странахъ въ немъ нѣтъ. Самыя статьи въ немъ имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ, что, впрочемъ, можно сказать и обо всѣхъ подобныхъ изданіяхъ, и попадаются иногда статьи исторіологическаго характера. Важную часть каждаго выпуска *Historische Zeitschrift* составляетъ обзоръ исторической литературы, состоящій изъ небольшихъ рецензій историческихъ трудовъ. Въ каждомъ выпускѣ въ такомъ „*Literaturbericht*’ѣ“ дается отчетъ о нѣсколькихъ десяткахъ книгъ, списокъ коихъ занимаетъ раздѣленную на два столбца четвертую страницу обложки, причемъ часто для этого списка здѣсь не хватаетъ мѣста и окончаніе списка перепосытается на страницу 3. Изъ двѣнадцати печатныхъ листовъ, изъ коихъ состоитъ каждый выпускъ, большая половина бываетъ занята этими рецензіями. Отмѣчаются, главнымъ образомъ, книги на нѣмецкомъ языкѣ или касающіяся нѣмецкой исторіи, и вообще журналъ не имѣетъ такого общенсторическаго характера, съ какими являются позднѣе его возникшія французскія историческія обзорѣнія.

Mittheilungen aus der historischen Literatur издаются берлинскимъ Историческимъ обществомъ (подъ редакціей д-ра Фердинанда Гирша) уже 18 лѣтъ, тетрадками въ 6 листовъ, выходящими четыре раза въ годъ. Цѣль изданія—давать отчеты о новыхъ историческихъ трудахъ, причемъ по возможности дѣлаются указанія вообще на состояніе отдѣльныхъ вопросовъ въ исторической наукѣ. Въ каждой тетрадкѣ разсматривается около трехъ десятковъ историческихъ работъ, и отчеты даются чисто объективные. Къ изданію этому на отдѣльныхъ листкахъ прилагаются протоколы засѣданій берлинскаго Историческаго общества. Годовая цѣна 6 марокъ въ годъ.

Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, журналъ, издаваемый Квидде, сталъ выходить съ 1-го января 1889 года и выпускается четыре раза въ годъ книжками отъ 18 до 20 листовъ; редактированіе его—въ вѣдѣніи доктора Л. Квидде, ученика Вейцсак-

dien in Frankreich. *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*“. 1889, III, 171.

кера, участвующаго, между прочимъ, и въ изданіи нѣмецкихъ рейхстагсактовъ. Журналъ сосредоточивается главнымъ образомъ на политической исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени; цѣли, которыми онъ задался, строго научныя, т.-е. журналъ свободенъ отъ всякой религіозно-политической тенденціи; онъ не принимаетъ исключительно ни къ какой школѣ, ни къ какому предвзятому научному направленію. Журналъ Квидде распадается на слѣдующіе отдѣлы: статьи и изслѣдованія, мелкія сообщенія, обзоры историографіи по различнымъ государствамъ Европы (Англіи, Франціи и др.), извѣстія и хроника и, наконецъ, библіографія Германіи. Крупныя статьи и изслѣдованія, стоящія въ этомъ журналѣ на первомъ мѣстѣ, исключительно политическаго характера. Исходною точкою новаго предпріятія было замѣнить и восполнить предпринятое еще Вайтцемъ изданіе „Forschungen zur deutschen Geschichte“, съ тою, однако, разницею, что въ виду имѣется не одна исторія Германіи, а всеобщая, всемірная исторія со времени паденія древне-римской культуры. Кромѣ статей политическаго характера, въ журналѣ помѣщаются изрѣдка и статьи по вопросамъ объ исторической наукѣ, ея развитіи, методахъ и задачахъ. Въ отдѣлѣ „Nachrichten und Notizen“ впервые помѣщаются систематическіе отчеты о дѣятельности различныхъ историческихъ обществъ и комиссій, какъ-то: мюнхенской, берлинской, саксонской, рейнской, баденской и др., какъ нѣмецкихъ, такъ и иностранныхъ.

Рецензіи помѣщаются въ журналѣ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ имъ отведено большое мѣсто въ другихъ нѣмецкихъ историческихъ журналахъ. Систематическая библіографія нѣмецкой исторіи имѣетъ наибольшую цѣну въ разбираемомъ журналѣ. Въ этой систематической библіографіи отведено и мѣсто для всемірной исторіи, что весьма важно, такъ какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журналовъ такого отдѣла не имѣется. Библіографія распадается на слѣдующія группы: I. Всеобщая исторія: 1) философія и методика исторіи и исторія историографіи; 2) изданія источниковъ; 3) всемірныя исторіи. II. Средніе вѣка: 1) общія сочиненія; 2) переселеніе народовъ до 500 года; 3) Франкское государство до 918 г.; 4) время Саксонской и Салической династіи до 1125; 5) Гогенштауфены; 6) отъ междоударствія до раскола; 7) отъ раскола до реформации. III. Новое время: 1) общія сочиненія; 2) реформации; 3) католическая реакція и 30-ти-лѣтняя война; 4) отъ Вестфальскаго мира до смерти Карла VI и Фридриха Вильгельма I (1648—1740); 5) время Фридриха Великаго; 6) время французской революціи и Наполеона до 1815 г.; 7) новѣйшая исторія съ Вѣнскаго конгресса. IV. Культурная исторія: 1) общіе труды; 2) исторія права, учреждений и хозяйства; 3) церкви и религія; 4) образованіе, литература и искусство;

5) домашняя и общественная жизнь, нравы и обычаи. V. Территориальная и местная история (Подразделения по различным провинциям Германии). VI. Вспомогательные науки: 1) палеография, дипломатика и хронология; 2) нумизматика, геральдика, гемалогия, сфрагистика. VII. Прибавление: полные собрания сочинений и журналы — немецкие и иностранные (русских нет). Цена журнала Квидде в год 18 марок. Журнал имеет своих корреспондентов во всех европейских государствах; в России ее представителем состоит А. Бранда, в Польшу — Павинский.

Zeitschrift Westpreussischen Geschichtsvereins. Этот журнал, издаваемый в Данциг Историческим обществом, во главе которого стоят архидиакон Бертлинг-секретарь, Крузе, Пантен и Тэппен, выходит неопределенным числом книжек в год, размером в 10—15 листов. Возник этот журнал в 1879 году. Стоимость отдельных книжек от 2 марок и дороже.

В этом, отчасти специальном журнале, встречаются весьма любопытные исследования и по польской истории, почему он и представляет интерес и для нас. Нередко издаются и архивные данные, так в 1885 году помещены акты и документы для истории города Диршау; в 1889 году появились акты для истории Польши в 1668 и 69 годах, по прекращении в ней династии Вазы; в них есть и данные для характеристики Алексея Михайловича (стр. 1, 3, 16, 96, 141, 192). Библиографии в этом журнале нет, нет также рецензий и хроники.

Издающийся в Мюнхене *Historisches Jahrbuch* (от имени Общества Гёрреса, под редакцией проф. истории в мюнхенском университете Г. Грауерта) выходит в свет четыре раза в год, причем четыре выпуска составляют том больше, чем в 600 страниц (за этот год XI). Каждый выпуск состоит из исторических статей, рецензий и отчетов об исторических книгах, обзора исторических журналов, извещения о новых трудах по истории (*Novitätenschau*) и разных известий. Журнал имеет католический характер с церковным оттенком.

В Австрии для истории стран, входящих в состав Габсбургской монархии, издаются *Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung*, являющиеся, как показывает самое их название, органом особого ученого учреждения. Журнал этот издается с 1879 г., выходит четыре раза в год и заключая в себя следующие отделы: 1) исследования и монографии; 2) небольшие сообщения и заметки; 3) критику и библиографию; 4) личный состав. Значение он имеет и для славистов, так как в нем помещаются

щаются и отчеты о состояніи исторической науки у славянъ, живущихъ въ Австро-Венгріи.

На нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ общенсторическихъ журналовъ существуютъ мѣстные (для отдѣльныхъ земель) и спеціальныя, каковы „Архивъ для церковной исторіи въ средніе вѣка“, „Исслѣдованія по исторіи государства и права“, „Временникъ церковной исторіи“ и т. п.

Съ 1880 г. въ Германіи стали выходить въ свѣтъ громадныя томы *Годиныхъ отчетовъ объ исторической наукѣ* ¹⁾, изъ коихъ первый былъ посвященъ обзору исторической литературы въ 1878 году, а второй, появившійся въ 1881 г.—литературы 1879 года. Въ 1882 г. такого отчета не появилось и 1880 г. былъ рассмотрѣнъ только въ 1883 г., какъ 1881 г. лишь въ 1885 г., такъ что появленіе отчетовъ стало запаздывать ²⁾. Зато изданіе это отличается большою полнотою. Состоитъ оно изъ отдѣльныхъ статей, заключающихъ въ себѣ общіе обзоры того, что сдѣлано въ той или другой области за извѣстный годъ. Къ сожалѣнію, отдѣловъ о русской исторіографіи совсѣмъ почти не существуетъ въ этомъ изданіи. Въ I томѣ Россіи—да и то въ ср. вв.—посвятилъ 2½ страницы Пречекъ (на 635 стр. текста), а со II тома Россія совершенно отсутствуетъ въ спискѣ странъ, объ исторіи коихъ даются отчеты, хотя въ этомъ спискѣ являются и второстепенныя европейскія страны (Венгрія, Румынія и пр.), и страны внѣевропейскія (Сѣв.-Амер. Штаты, Мексика), равно какъ наши остзейскія провинціи.

Въ Англіи съ характеромъ общенсторическаго журнала является *Англійское историческое обозрѣніе* (The English Historical Review), издаваемое кэмбриджскимъ профессоромъ церковной исторіи Крейттономъ (Creighton) и выходящее въ свѣтъ четыре раза въ годъ выпусками, изъ коихъ каждый заключаетъ въ себѣ около 200 страницъ. Кромѣ нѣсколькихъ историческихъ статей (articles) и замѣтокъ или документовъ (notes and documents), каждый выпускъ содержитъ въ себѣ рецензіи нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ книгъ (reviews of books), простой списокъ неразобранныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ сочиненій (list of historical books recently published) и указанія на содержаніе періодическихъ изданій (contents of periodical publications). Списки новыхъ книгъ ведутся по отдѣльнымъ странамъ, причемъ называются кое-какія сочиненія и по исторіи славянъ вмѣстѣ съ литовцами (slavonian and lithuanian history), а въ „содержаніи журна-

¹⁾ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft im Auftrage der historischen Gesellschaft zu Berlin herausgegeben von Hermann, Jastrow und Edm. Meyer.

²⁾ 1882 г. рассмотрѣнъ въ 1886 г., 1883 и 84 гг. въ 1888 г., 1885 и 1886 гг. въ 1889 г. Въ нынѣшнемъ году появился X томъ (отчетъ о литературѣ 1887 г.).

ловъ" извѣстный Морфиль сообщает названія статей въ „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“ и „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Журналъ этотъ издается только пять лѣтъ. Характеръ историческихъ журналовъ имѣютъ и извѣстные *The Athenaeum* и *The Academy*.

Въ Италіи, кромѣ мѣстныхъ изданій въ родѣ „Историческихъ архивовъ“ венеціанскаго, ломбардскаго или для неаполитанскихъ провинцій и т. п., издаются два общенсторическіе журнала: *Итальянское историческое обозрѣніе* (*Rivista storica Italiana*) и *Итальянскій историческій архивъ* (*Archivio storico italiano*). Въ первомъ изъ этихъ журналовъ, существующемъ седьмой годъ, даются главнымъ образомъ отчеты о вновь вышедшихъ историческихъ книгахъ, а въ другомъ библіографія развита менѣе, но за то болѣе бываетъ историческихъ статей.

Изъ всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствъ Данія раньше другихъ сознала всю важность и необходимость имѣть свой историческій журналъ, и уже съ 1840 года датскій ученый Мольтбекъ сталъ издавать *Historisk Tidsskrift*. Съ этихъ поръ онъ непрерывно издается до настоящаго времени. Съ 1854 года журналъ редактировался Вестергордомъ, съ 1869 — Е. Гольмомъ, а съ 1879 года его издаетъ ученый архиварій С. Ф. Вricka (Копенгагенъ, Bülowsvej, № 44). Датскій историческій журналъ выходитъ два раза въ годъ книжками въ 20 листовъ и болѣе. Онъ распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) научныя изслѣдованія; 2) литература и критика; 3) мелкія замѣтки. Въ первомъ отдѣлѣ нерѣдко встрѣчаются и изслѣдованія по всеобщей исторіи и, что весьма важно для насъ, изслѣдованія по русской исторіи; достаточно указать на интересныя изслѣдованія Гольма по исторіи великой сѣверной войны, основанныя на данныхъ копенгагенскаго архива. Политическія отношенія Петра В. и Фридриха IV въ послѣднюю стадію войны въ первый разъ подвергнуты были здѣсь тщательному изученію, и теперь уже дальнѣйшія изслѣдованія этой области значительно облегчены. Во второмъ отдѣлѣ помѣщаются обыкновенно отъ двухъ до трехъ критическихъ этюдовъ, а затѣмъ очень обстоятельная библіографія по датской исторіи какъ въ самой Даніи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Цѣна датскаго историческаго журнала 4 кроны въ годъ.

Историческій журналъ Норвегіи — *Norsk Historisk Tidsskrift* — редактируется Лундомъ (Christiania, Toldbodgaden, № 25, В.), выходитъ три раза въ годъ; его цѣна 4 кроны. По характеру своему онъ существенно отличается отъ датскаго и шведскаго историческихъ журналовъ; онъ является болѣе спеціально норвежскимъ, и для всеобщаго историка интереса не представляетъ.

Въ Швеціи съ 1874 года сталъ издаваться историческій журналъ *Historiskt Bibliotek*, выходившій три раза въ годъ книжками въ 15 и болѣе листовъ. Журналъ редактировался Карломъ Сильверстоппе. Онъ представлялъ большой интересъ для ученыхъ, такъ какъ въ немъ печатались и архивныя данныя, помѣщались историко-библиографическіе этюды, напр. Xaver Liske—обозрѣніе польской исторической литературы, и ученые изслѣдованія въ области всеобщей исторіи. Изъ изслѣдованій, имѣющихъ значеніе и для русской исторіи, останавливаемъ вниманіе русскихъ историковъ на отношенія Швеціи къ Россіи въ малолѣтство Густава IV Адольфа, Берендса, на изслѣдованіи Шёгрена о Паткулѣ, Тегнера—о вѣншней политикѣ Швеціи послѣ 1772 года; любопытно отмѣтити и печатавшіяся въ исторической библиотекѣ извлеченія изъ русскихъ лѣтописей, переписку Іоанна III съ Иваномъ Грознымъ, изданную ученымъ Нјäгпе, и др. ¹⁾. Съ 1881 года возникшее въ Швеціи Историческое общество стало издавать свой Историческій журналъ, являющійся такъ сказать продолженіемъ изданія Сильверстоппе, но уже по новой программѣ и съ характеромъ періодическаго изданія.

Historisk Åidskrift, издаваемый шведскимъ Историческимъ обществомъ подъ редакціей Э. Гильдебранда, выходитъ четыре раза въ годъ, въ январѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ, книжками въ 8 листовъ; основанный на строго научныхъ данныхъ, онъ можетъ стать на ряду съ лучшими европейскими историческими журналами. По своему содержанию онъ богаче и всестороннѣе дешеваго Историческаго журнала и распадается на слѣдующіе 4 отдѣла: 1) научныя изслѣдованія и статьи, какъ по политической, такъ и по культурной исторіи и по философіи исторіи; 2) историческія сообщенія и архивный матеріалъ; 3) обозрѣніе и критика; 4) библиографія.

Въ первомъ отдѣлѣ иногда попадаются переводныя вещи: такъ въ 1883 году стали переводить Костомарова, его Мазепу и Карла XII; цѣлый рядъ статей прямо касается русской исторіи и никакъ не должны оставаться неизвѣстными русскимъ историкамъ. Указываемъ для примѣра на слѣд. статьи: Карлсона—Швеція на Вѣнскомъ конгрессѣ (1883), Нјäгпе—Объ отношеніяхъ Сигизмунда III и Габсбурговъ (1883), Нёјер — Къ варяжскому вопросу, Гильдебранда — къ исторіи Верельскаго мира (1882), Нјäгпе — Русскій эмигрантъ въ Швеціи за 200 лѣтъ назадъ (1881), Однера—О планѣ Густава III образовать „сѣверный алліансъ“ (1881), Спрингорна—къ исторіи вооруженнаго нейтралитета (1881) и др., и др.

По всеобщей исторіи достаточно указать на классическое изслѣ-

¹⁾ Цѣна отдѣльныхъ книжекъ Истор. библиотеки отъ 3 кронъ.

дованіе о Валленштейнѣ ученаго Гильдебранда, сдѣлавшее переворотъ въ такъ-наз. валленштейновскомъ вопросѣ. Среди печатаемыхъ во второмъ отдѣлѣ актовъ встрѣчается опять-таки много любопытныхъ и для русской исторіи, напр., письма Іоанна III, посольскія сообщенія изъ Москвы и т. д. Библіографія обнимаетъ всѣ труды по шведской и сѣверной исторіи не только въ Швеціи, но и за границей; въ Швеціи внимательно слѣдятъ и за русской исторической литературой, за нашими журналами (Истор. Вѣстникъ, Журналъ Министерства Н. Пр. и др.), диссертациями и т. д. Подписная цѣна на шведскій историческій журналъ 5 кронъ въ годъ. Отдѣльныя книжки продаются по 2 кроны. Адресъ редактора Э. Гильдебранда — Стокгольмъ, Королевскій архивъ (Riksarkivet). Подписавшіеся на всѣ три скандинавскихъ историческихъ журнала — платятъ въ годъ всего 9 кронъ, за всѣ три журнала.

Польскій *Историческій трехмѣсячникъ* (Kwartalnik historyczny), органъ Историческаго Общества, издаваемый подъ редакціей проф. Ксаверія Лиске, существуетъ уже четыре года. Выходитъ онъ четыре раза въ годъ книжками листовъ въ 12 (цѣна въ Россіи 5 р.) и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) историческія статьи, 2) краткіе критическіе отзывы объ историческихъ работахъ, касающихся Польши на разныхъ языкахъ, 3) списки критикъ и рецензій на историческія книги и историческихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ и даже ежедневныхъ,¹⁾ 4) краткая бібліографія иностранной литературы, 5) отчеты о засѣданіяхъ Историческаго Общества. Сотрудниками журнала состоятъ лучшія ученые силы Польши, и ведется онъ превосходно: главная его задача — слѣдить за всѣмъ, что пишется по польской исторіи самими поляками и иностранными учеными, — достигается вполне, такъ что не пропускается ничего существеннаго, что только появляется по польской исторіи (и отчасти по русской, именно южной и западной) и въ русской литературѣ¹⁾.

¹⁾ Ср. выше, стр. 200 и слѣд. перваго отдѣла.

Историческая хроника.

Историческое преподаваніе въ русскихъ университетахъ. — Конкурсныя темы по исторіи и „оставленные при университетахъ“. — Новыя ученыя общества. — Харьковское Историко-филологическое Общество. — 8-й археологическій съездъ. — Историческое преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. — Публичныя лекціи по исторіи въ Москвѣ. — Публичныя лекціи по исторіи въ Петербургѣ. — Историческіе диспуты въ 1890 г. — Исторія въ гимназіяхъ по новому учебному плану. — Новыя историческіе труды. — Изъ историко-философской литературы за послѣднее время. — Разныя извѣстія.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Организація историческаго преподаванія на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ въ настоящее время опредѣляется утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія въ концѣ 1889 г. правилами о зачетѣ полугодій и полукурсовыхъ испытаній и указаніями на экзаменныя требованія, кои студенты историко-филологическаго факультета должны удовлетворять на испытаніяхъ. Эти правила дѣлятъ прежде всего предметы, преподающіеся на факультетѣ, на двѣ группы: группу предметовъ общеобязательныхъ и группу предметовъ, которыми преимущественно занимался испытуемый въ продолженіе четырехъ послѣднихъ семестровъ, причемъ послѣдняя подраздѣляется на группы классическую, славяно-русскую, историческую и романо-германскую (послѣдняя существуетъ только въ Петербургѣ). Къ предметамъ общеобязательнымъ, входящимъ въ составъ полукурсоваго испытанія, относятся, кромѣ древнихъ языковъ, церковно-славянской грамматики въ связи съ русской и древней философій, древняя исторія и русская исторія. По древней исторіи на полукурсовомъ испытаніи требуется знаніе главныхъ событій греческой и римской исторіи, опирающееся на точныхъ хронологическихъ и географическихъ данныхъ, а также главнѣйшія свѣдѣнія по древней исторіографіи и литературѣ предмета, а по русской исторіи требуется

знаніе всего ея хода, отъ начала русскаго государства до вступленія на престолъ Императора Александра III, въ главнѣйшихъ ея событіяхъ, явленіяхъ и дѣятеляхъ, соединенное со знакомствомъ и съ исторіографіей. Кромѣ того, въ составъ полукурсоваго испытанія входятъ два предмета по избранію факультета съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Что касается до спеціально исторической группы, то въ составъ испытанія для студентовъ, избравшихъ эту группу входятъ, кромѣ языковъ а) греческаго и б) латинскаго, с) древняя исторія Востока, d) всеобщая исторія (древняя, средняя и новая), e) исторія церкви, f) исторія славянскихъ народовъ, g) исторія новой философіи и h) русская исторія, причемъ въ основу испытанія, вмѣсто классическихъ авторовъ могутъ входить греческіе и латинскіе и средне-вѣковые историки и лѣтописцы.

Экзаменныя требованія представляются въ слѣдующемъ видѣ: по древней исторіи Востока знакомство съ историческими судьбами древнихъ Египтянъ, Халдеевъ, Ассиріянъ, Финикіянъ и Персовъ; по исторіи древней, средней и новой—знаніе главныхъ фактовъ во взаимной ихъ связи и, сверхъ сего, спеціальное изученіе какого-либо періода или отдѣла древней, средней или новой исторіи на основаніи главнѣйшихъ источниковъ и важнѣйшихъ пособій; по исторіи русской требуется сверхъ указаннаго выше и общее знакомство съ главными видами источниковъ русской исторіи; по исторіи церкви общей и русской, кромѣ знанія общаго хода событій,—болѣе близкое знакомство съ одною изъ эпохъ исторіи церкви и общія свѣдѣнія по церковной исторіографіи и литературѣ предмета; по исторіи славянскихъ народовъ—общее знакомство съ судьбами юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянъ и болѣе близкое изученіе одного изъ періодовъ ихъ исторіи.

Приводимъ на основаніи печатныхъ обзорнѣй преподаванія наукъ въ нашихъ университетахъ свѣдѣнія о читающихся въ 18^{90/91} г. историческихъ курсахъ.

С-Петербургскій университетъ (1890—91 уч. годъ). Древняя исторія—общій курсъ по исторіи Греціи и Рима (4 ч.) и спеціальнѣй по исторіи римской имперіи (2 ч.) проф. Соколова. Средняя исторія—общій курсъ для студентовъ младшихъ семестровъ (2 ч.) проф. Карѣева, спеціальныя курсы проф. Васильевскаго по исторіи Франціи при Капетингахъ и Валуа (2 ч.), по исторіи Византіи (2 ч.) и семинарій по Льву Діакону (2 ч.); спеціальнѣй курсъ о папствѣ и имперіи (2 ч.) прив.-доц. Регеля. Новая исторія—общій курсъ для спеціалистовъ (4 ч.) проф. Карѣева; спеціальнѣй курсъ объ источникахъ и историческихъ трудахъ по эпохѣ реформаціи (2 ч.) прив.-доц. Форстена (общіе курсы по средней и новой исторіи для спеціа-

листовъ будутъ читаться черезъ годъ). Русская исторія—общій курсъ (4 ч.) прив.-доц. Платонова, спец. курсъ его же по русской археогрaфiи (2 ч. въ вес. сем.) и семинарій по законодательнымъ памятникамъ Московской Руси (2 ч. въ ос. с.); спец. курсы по основнымъ понятiямъ русской исторiи (2 ч. въ ос. с.) и по карамзинскому періоду (2 ч. въ вес. сем.) прив.-доц. Шмурло, по древнѣйшему быту рус. слав. (1 ч.) и внутрен. полит. моск. госуд. (1 ч.) прив.-доц. Сенигова, по общественному строю моск. госуд. (2 ч.) прив.-доц. Лаппо-Данилевскаго. По исторiи церкви проф. Троицкій читаетъ въ ос. сем. исторiю древней церкви (2 ч.) и исторiю вост. церкви (2 ч.), въ вес. сем. ист. рус. церкви (2 ч.) и ист. зап. церкви (2 ч.), и кромѣ того въ оба семестра специальный курсъ по обзору источниковъ и пособiй по церковной исторiи.

Въ петербургскомъ университетѣ историческія лекціи (по среднимъ вѣкамъ) читаются еще прив.-доц. И. М. Гревсомъ, находящимся въ настоящее время въ заграничной командировкѣ. Кромѣ того, съ весенняго семестра въ качествѣ прив.-доц. выступаютъ б. проф. Новороссійскаго унив. А. С. Трачевскій (по новой исторiи), магистръ рус. ист. Н. Д. Чечулинъ и магистрантъ Н. А. Щукаревъ (по древней греч. исторiи). Въ весеннемъ семестрѣ 1891 г. прив.-доц. Шмурло предполагаетъ читать курсъ по исторiи отношеній между Московскимъ государствомъ и З. Европой въ XVI вѣкѣ.

Московский университетъ (1890—91 уч. годъ). Древняя исторія: Востокъ (2 ч.) для специалистовъ—прив.-доц. Корелина, общій курсъ по исторiи Греціи (4 ч.) въ осеннее полугодіе—проф. Виноградова, общій курсъ по исторiи Рима (4 ч.) въ весеннее полугодіе—проф. Герье, римская исторія (2 ч. общ.), въ весеннее полугодіе—проф. Виноградова, семинарій по политикѣ Аристотеля (2 ч.) проф. Виноградова и по римской исторiи (2 ч.) у проф. Герье (оба въ весенній семестръ). Средняя исторія; о средневѣк. монашествѣ (2 ч.) въ осен. сем.—проф. Герье, семинарій по источникамъ исторiи Карла Великаго (2 ч.) въ осен. сем. у проф. Виноградова, исторія англійскихъ госуд. учреждений (2 ч., для желающихъ) въ вес. сем. проф. Виноградова, Византія и южные славяне (2 ч.) прив.-доц. Безобразова, семинарій по исторiи патріарха Никифора (2 ч.)—у него же, исторія Польши и Чехiи (2 ч.)—прив.-доц. Линниченка. Новая исторія: общій курсъ реформаціоннаго періода (2 ч.) въ осен. сем.—проф. Герье, семинарій по эпохѣ Карла V (2 ч.) въ ос. сем.—у него же, ист. Соед. Штатовъ прив.-доц. Фортунатова. Русская исторія: общій курсъ (4 ч.) проф. Ключевскаго и его же обзоръ главныхъ видовъ источниковъ (1 ч.), царствованіе Александра I (2 ч.) прив.-доц. Якушкина, обзоръ источниковъ русской исторiи XVI и XVII в. (1 ч.)

прив.-доц. Милюкова. Исторія церкви—курсы проф. Иванцова-Платонова по исторіи христіанства до раздѣленія церквей (4 ч.) въ осенній семестръ, а въ вес.—по исторіи раздѣленія церквей (2 ч.) и по исторіи западнаго христіанства (2 ч.). Кроме того, въ распредѣленіи лекцій на ос. сем. значатся: географія Европы (1 ч.) пр.-доц. Михайловскаго, греческія и римскія древности (по 3 ч.) пр.-доц. Шеффера, слав. этнографія (2 ч.) пр.-доц. Линниченко и полит. экономія (2 ч.) проф. Чупрова.

Казанскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 г.). Исторія Востока для спеціалистовъ (3 ч.) проф. Смирнова. Исторія древней Греціи—общій курсъ (4 ч.) проф. Осокина. Средн. ист.—исторія южныхъ славянъ для спеціалистовъ (3 ч.) проф. Смирнова. Новѣйшая исторія отъ 1830 по 1848 г. (1 ч.) проф. Осокина. Кроме того, по всеобщей исторіи у проф. Осокина историко-географическій семинарій (1 ч.). Русская исторія: общій курсъ (3 ч.) проф. Корсакова съ исторіографическимъ и географически-этнографическимъ введеніемъ, причемъ въ осеннемъ полугодіи предположено прочесть исторію удѣльно-вѣчевого періода; спеціальныя курсы: исторія возвышенія Москвы до Іоанна III включительно (2 ч.) и источники для исторіи этой эпохи—проф. Корсакова; внутреннее состояніе Россіи въ XVII столѣтіи (4 ч.) и семинарій для изученія источниковъ XVI и XVII вв. (2 ч.)—проф. Ойрсова. Исторія церкви—общій курсъ до середины VIII в. (4 ч. для спеціалистовъ) и спеціальныя по исторіи вселенскихъ соборовъ (2 ч.)—проф. Курганова. Въ весеннемъ полугодіи 1891 г. предполагается продолженіе указанныхъ курсовъ.

Харьковскій университетъ. Осенній семестръ 1890 г. Востокъ (2 ч.)—пр.-доц. Лапина съ практическими занятіями (2 ч.), общій курсъ исторіи Греціи (4 ч.)—проф. Бузескула, средніе вѣка (6 ч.)—проф. Надлера, древняя русская исторія (4 ч.)—проф. Багалъя, новая русская исторія (5 ч.)—проф. Будиискаго, южные славяне (2 ч.)—проф. Дринова, церковная исторія (6 ч.)—проф. Лебедева, практ. занятія по ист. XVIII вѣка у проф. Бузескула (2 ч.), по русской исторіи у проф. Багалъя (2 ч.) и у проф. Будиискаго (1 ч.). Весенній семестръ 1891 г. Общій курсъ исторіи Рима (4 ч.) и спеціальныя курсы по исторіи римской имперіи (2 ч.)—пр. доц. Лапина съ практическими занятіями (1 ч.) по чтенію надписей, практич. занятія по чтенію греческихъ надписей у проф. Бузескула (1 ч.), средніе вѣка (6 ч.)—проф. Надлера, исторія XVIII столѣтія (3 ч.)—проф. Бузескула съ практическими занятіями (2 ч.), курсы проф. Багалъя по русской исторіи: а) исторіографія (2 ч.), в) литовская Русь (2 ч.) с) практическія занятія (2 ч.); курсъ проф. Будиискаго по новой рус-

ской исторіи (5 ч.) и практическія занятія (1 ч.), западныя славяне (2 ч.)—проф. Дринова, церковная исторія (6 ч.)—проф. Лебедева.

Въ *университетъ св. Владиміра* на 1890—91 г. объявлены слѣдующіе курсы: по древней исторіи—исторія Греціи (2 ч.) проф. І. А. Лепіуса, по средней исторіи общій курсъ (4 ч.) проф. Ѳ. Я. Фортинскаго и у него же практическія занятія (2 ч.), исторія славянъ (3 ч.) проф. Т. О. Флоринскаго; по новой исторіи три курса проф. И. В. Лучицкаго, а именно: а) обзоръ и разборъ источниковъ по исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ (по 2 ч. оба полугодія), б) исторія Европы съ середины XVIII в. (4 ч. въ осеннемъ семестрѣ) и в) исторія Испаніи (4 ч. въ весеннемъ семестрѣ); по русской исторіи—ио-сковскій и новый періоды (3 ч.) проф. В. С. Иконникова и его же русская историографія (2 ч. въ осеннемъ полугодіи) и исторія царствованія Александра I и Николая I (3 ч. въ весеннемъ семестрѣ), а въ осеннемъ полугодіи, кромѣ того, чтеніе и разборъ памятниковъ (1 ч.); древняя русская исторія (2 ч.) проф. В. Б. Антоновича и его же русскія древности (3 ч. въ ос. семестрѣ), источники западно-русской исторіи (2 ч. въ вес. сем.) и практическія занятія (1 ч. въ осеннемъ сем. и 2 ч. въ весеннемъ); наконецъ два курса прив. доц. И. В. Голубовскаго: о русскихъ лѣтописяхъ (2 ч. въ осен. сем.) и историко-этнографическій очеркъ урало-алтайскихъ народовъ восточной Европы (2 ч. въ вес. сем.); по исторіи церкви общій курсъ (4 ч. въ осен. сем. и 2 ч. въ вес.) прив.-доц. С. Т. Голубева и его же курсъ по исторіи русской церкви (2 ч. въ вес. сем.).

Новороссійскій университетъ (осеннее полугодіе 1890 г.). Древняя исторія: курсы по исторіи Греціи (2 ч.) проф. Успенскаго и по римской исторіи въ императорскій періодъ (2 ч.) пр. доц. Режабека. Средніе вѣка: исторія X—XIV вв. (2 ч.) проф. Успенскаго. Кромѣ того, у проф. Успенскаго семинарій (2 ч.): чтеніе источниковъ по древней и средней исторіи и разборъ рефератовъ. Русская исторія: курсы исторіи Россіи до вступленія на престолъ дома Романовыхъ (3 ч.) проф. Перетятковича и отъ 1613 г. до настоящаго времени (3 ч.) проф. Маркевича; спец. курсы по источниковѣдѣнію и историографіи (2 ч.) проф. Перетятковича и по исторіи внутренняго быта Московскаго государства въ XVII в. (2 ч.) проф. Маркевича (который въ весеннемъ семестрѣ 1891 г. будетъ читать курсъ по внутреннему быту западной Руси въ XVII в.); семинарій у проф. Перетятковича (1 ч.) по чтенію и объясненію источниковъ и у проф. Маркевича по изученію Катошикина (1 ч.). Исторія церкви—общій курсъ (4 ч.) и курсъ спеціальнѣйшій по историографіи и исторіи церковной литературы (2 ч.) проф. Красносельцева.

Кромѣ того, отмѣчаетъ историческіе курсы, читаемые въ двухъ

университетахъ, на которые уставъ 1884 г. не былъ распростра-
ненъ.

Дерптскій университетъ (осенній семестръ 1890 г.). Римская исторія (4 ч.) проф. Людвигъ Мендельсона, исторія Востока въ сред-
нія вѣка (2 ч.) и исторія среднихъ вѣковъ послѣ междоусобицъ
(2 ч.) проф. Рихарда Гаусмана, исторія французской революціи и
первой имперіи (4 ч.) проф. Отто Вальца, источники по эпохѣ Петра
Великаго (3 ч.) и исторія царствованія Екатерины II (2 ч.) проф.
А. Брикнера. Кромѣ того, объявлены практическія занятія по исторіи
у проф. Гаусмана (2 ч.), Вальца (2 ч.) и Брикнера (1 ч.). Церковная
исторія читается на богословскомъ факультетѣ.

• Въ *Варшавскомъ университетѣ* историческіе курсы раздѣля-
ются на общіе для всѣхъ студентовъ первыхъ двухъ курсовъ, причемъ
слушаются эти курсы не только филологами, но и юристами, и на спе-
ціальныя, предназначенныя для студентовъ историческаго отдѣленія.
Общіе курсы читаются въ 1890—91 гг. слѣдующіе: новая исторія
(2 ч.) проф. Любвицемъ для филологовъ 1 и 2 к. и для юристовъ
2 к., кievскій періодъ русской исторіи проф. Филевичемъ для фило-
логовъ и юристовъ 1 к., московскій періодъ русской исторіи для фил.
и юр. 2 курса проф. Цвѣтаевымъ. Специальныя курсы: римская исторія
(2 ч.) проф. Павинскаго (курсы этотъ слушаютъ и юристы 1 к.);
исторія Фридриха Великаго (1 ч.) проф. Любвича; обзоръ западно-
русской исторіографіи (2 ч.) проф. Филевича (для 3 к.), новѣйшая
русская исторія (2 ч. для 4 к.) проф. Цвѣтаева. Кромѣ того, сту-
денты-историки слушаютъ дипломатику и хронологию (съ практ. упражн.)
у проф. Павинскаго (2 ч.), участвуютъ въ практич. упражненіяхъ у
проф. Любвича (1 ч.) а также слушаютъ греческія государственныя
древности у проф. Новосадскаго (2 ч.), римскія государственныя древ-
ности у проф. Зенгера (2 ч.), славянскія древности у проф. Пер-
вольфа (2 ч.), исторію польской литературы у проф. Вержбовскаго
(2 ч.) и исторію западно-славянскихъ литературъ у проф. Грота (2 ч.).
Церковной исторіи нѣтъ по уставу.

Конкурсныя (медальныя) темы въ русскихъ университетахъ.

Къ числу средствъ, коими пользуются университеты для разви-
тія въ студентахъ научныхъ занятій, относятся конкурсныя, или ме-
дальныя темы. Въ старыя времена обыкновенно каждый годъ задава-
лась только одна тема, причемъ соблюдалась извѣстная очередь между
отдѣльными предметами факультетскаго преподаванія, но со времени
раздѣленія факультета на секціи (въ семидесятыхъ годахъ) стали пред-
лагаться въ нѣкоторыхъ университетахъ ежегодно темы, относящіяся

къ каждому изъ трехъ отдѣленій факультета, а въ петербургскомъ университетѣ уже нѣсколько лѣтъ предлагается на выборъ студентовъ довольно значительное количество темъ. Пользуясь отчетами петербургскаго университета за послѣдніе годы, приводимъ названія историческихъ темъ за семь лѣтъ (1884—1890 гг.). Темами 1884 г. были вопросы: 1) объ „Африкѣ подъ римскимъ владычествомъ на основаніи матеріаловъ, сообщаемыхъ VIII томомъ „*Corpus inscriptionum latinarum*“ и 2) объ „исторіи и организаціи мизенскаго флота по надписямъ X т. *Corp. insc. lat.*“, а также 3) „риторы и риторическія школы первыхъ двухъ вѣковъ Римской имперіи“. На два года были предложены темы: 4) „Анна Комнина“ и 5) „Обозрѣніе вѣншей исторіи Угріи, Чехіи, Польши и Руси до исхода XI в.“. На юридическомъ факультетѣ въ томъ же году заданы были темы: 1) „ученіе Гуго Гроція о правѣ и государствахъ“ и 2) „церковное право по новелламъ Юстиніана“. На 1885 г. объявлены были темы: 1) „Азиній Полліонъ, какъ государственный дѣятель и литераторъ“, 2) „Делось до времени Августа“ и 3) „Зосимъ, преимущественно какъ источникъ для времени Константина и Юліана Отступника“. Въ 1886 г. историческими темами были „*Anecdota Прокопія*“ на фак. ист.-фил. и „Тимуръ и его время“ на фак. вост. аз. На 1887 г. были предложены двѣ темы по средней исторіи: 1) „воинская повинность и судебное устройство франкскаго государства по капитуляріямъ Карла Великаго“ и 2) „осада и взятіе Константинополя Турками“, а кромѣ того на два года 3) „разборъ основаній теоріи Фальмерайера о происхожденіи современныхъ грековъ съ переводомъ и объясненіемъ монемвасійской хроники“. На 1888 г. темы были предложены слѣдующія: 1) „объ оракулахъ Аскліпія и Амфіарая“, 2) „критическое и прагматическое изложеніе политической дѣятельности Клодія“, 3) „правительственная дѣятельность имп. Конст. Хлора“, 4) „вопросъ о происхожденіи лжеисидоровыхъ декреталій въ современной ученой литературѣ“, 5) „отношеніе крестоносцевъ франковъ въ Іерусалимскомъ королевствѣ къ мѣстному населенію по ассизамъ и хроникамъ“, 6) „крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ“, 7) „личность Іосифа II на основаніи его переписки“. Кромѣ того, въ этомъ году были, между прочимъ, предложены темы: „органическая теорія общества“ на факультетѣ юридическомъ и „о христіанствѣ въ средней Азій“ на факультетѣ восточныхъ языковъ. Историческія темы 1889 г.: 1) „Польша съ конца 1370 г. по начало 1386 г.“ и 2) „вліяніе французской политической литературы въ Польшѣ въ эпоху паденія“. Наконецъ, на 1890 г. были назначены темы: 1) „разборъ мнѣнія Пѣвосинскаго о происхожденіи польской шляхты“, 2) „Равеннскій экзархатъ“ и 3) „исторія восточнаго Турке-

стана съ XVII столѣтія“ (послѣдняя тема на факультетѣ восточныхъ языковъ).

Въ московскомъ университетѣ назначались слѣдующія историческія темы на медаль: въ 1887 г. „церковь и общество въ эпоху Комненовъ“, въ 1888 г. „переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Цезаря“, въ 1889 г. „писцовыя книги, какъ историческій источникъ“, въ 1890 г. „Карлъ V и нѣмецкій протестантизмъ“.

Въ казанскомъ университетѣ были предлагаемы слѣдующія темы: въ 1886—7 г. по всеобщей исторіи—„Римская имперія при Северахъ. Очеркъ политической, общественной и духовной жизни имперіи въ періодъ 197—235 гг.“; въ 1887—8 г. по русской исторіи—„Сильвестръ и Адашевъ и вліяніе ихъ на Іоанна Грознаго по сказаніямъ Курбскаго и другимъ современнымъ сказаніямъ“, по церковной исторіи—„Присцилліанъ и его послѣдователи“; въ 1888—9 г. по всеобщей исторіи—„четвертый крестовый походъ и судьба латинской колонизаціи на Балканскомъ полуостровѣ въ XIII в.“; въ 1890—1 г. по русской исторіи—„участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ въ связи съ значеніемъ вообще Фридриха II и его войнъ“.

Для соисканія медалей въ 1890 г. въ харьковскомъ университетѣ предложена была одна тема по русской исторіи: „историко-географическое направленіе въ русской историографіи“, другая по классической филологіи, но съ историческихъ характеромъ: „первый періодъ греческаго культурнаго вліянія въ Римѣ“.—Въ новороссійскомъ университетѣ тема, объявленная на этотъ годъ, была: „Бонапартъ, первый консулъ“.

Въ дерптскомъ университетѣ на 1890 г. объявлены слѣдующія Preisaufgaben: 1) Радищевъ. Вліяніе западно-европейской литературы, науки и жизни на Россію. 2) Заслуги А. Фр. Бюшинга въ изученіи русской исторіи. 3) Историко-статистическое описаніе пользованія землею въ одной изъ остзейскихъ губерній (на медаль Брадке).

Свѣдѣнія о сочиненіяхъ, награжденныхъ медалями, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя напечатаны, будутъ сообщены въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ нашего изданія.

ОСТАВЛЕННЫЕ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ МАГИСТЕРСКОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО ИСТОРИИ.

Приводимъ тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать относительно молодыхъ людей, оставленныхъ при разныхъ университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію по исторіи русской и всеобщей.

Въ петербургскомъ университетѣ, кромѣ лицъ, сроки оставленія конхъ окончились ранѣе 1890 года, въ этомъ послѣднемъ году оставленными при университетѣ по кафедрамъ исторіи русской и всеобщей состояли слѣдующія лица:

1) Въ 1890 году окончили срокъ оставленія при университетѣ С. Д. Степанова, занимающагося всеобщей (главнымъ образомъ, средне-вѣковой) исторіей. Г. Степановъ, окончивъ курсъ въ 1886 году, уже выдержалъ магистерскій экзаменъ и занялъ въ настоящее время своей диссертацией изъ исторіи IV в. по Р. Х. Кромѣ кандидатскаго (не-напечатаннаго) сочиненія объ исторіи Зосима, какъ источника для исторіи имп. Константина, г. Степановъ написалъ и напечаталъ: 1) нѣсколько словъ о западно-европейской исторической журналистикѣ („Библиографъ“, 1888, № 5—6), 2) рецензію на „Исторію среднихъ вѣковъ“ проф. Осокина (тамъ же, № 12), и 3) двѣ рецензіи на 2-е изданіе Учебника по древней исторіи, проф. Трачевскаго (тамъ же, 1890, № 5—6 и „Воспитаніе и обученіе“, 1890, № 9). Въ настоящемъ сборникѣ напечатана также статья г. Степанова о поземельной собственности во франкскомъ государствѣ.

2) Въ 1889 г. былъ оставленъ при университетѣ по кафедрѣ русской исторіи В. А. Мясотинъ, кончившій курсъ въ 1888 году. Г. Мясотинъ получилъ золотую медаль за свое сочиненіе на тему, предложенную проф. Н. И. Карѣвымъ: „Крестыянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ“ (трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ 1889 г.). Кромѣ того, имъ написано нѣсколько рецензій въ разныхъ журналахъ.

3) По кафедрѣ всеобщей исторіи въ 1889 году былъ оставленъ А. И. Покровский, выпуска 1889 г., занимающійся преимущественно древней исторіей. Въ университетѣ онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе на тему, предложенную проф. Θ. Θ. Соколовымъ: „Объ оракулахъ Аскліпія и Амфіарая“. Кромѣ того, въ первомъ отдѣлѣ настоящаго сборника печатается его статья о новыхъ явленіяхъ въ области разработки древне-греческой исторіи.

4) Въ 1890 году оставленъ при университетѣ по кафедрѣ всеобщей исторіи Е. А. Соловьевъ, кандидатъ 1887 г., занимающійся преимущественно новой исторіей.

5) Въ этомъ же году и равнымъ образомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи оставленъ П. Д. Погодинъ (выпуска 1889 года), получившій золотую медаль за сочиненіе на тему, предложенную проф. В. Г. Васильевскимъ: „Осада и взятіе Константинополя турками въ 1453 г.“ (часть этой работы, въ три слишкомъ печатныхъ листа, была напечатана въ Журн. Мин. Нар. Просв., за авг. 1889 г., подъ заглавіемъ „Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ

1453 г.“). Г. Погодинъ предполагаетъ посвятить себя занятіямъ по новой исторіи. Въ настоящемъ сборникѣ ему принадлежитъ этюдъ о Маколей.

При московскомъ университетѣ состоятъ гг.: Барсковъ (вып. 1888 года), Кизеветтеръ, Сторожевъ и Гутьяръ (вып. 1889 г.), всѣ четверо по русской исторіи, а по всеобщей—гг. Ардашевъ и Моравскій (вып. 1889 г.). Изъ нихъ печатныя работы имѣются у гг. Кизеветтера, Сторожева и Ардашева. Медальная работа г. Ардашева о перепискѣ Цицерона была напечатана въ Запискахъ Московскаго Университета.

Въ личномъ составѣ казанскаго университета въ 1890 г. (см. „Ученныя записки“ этого университета за 1890 г.) въ числѣ трехъ лицъ, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по факультету историко-филологическому, значится только одинъ историкъ, а именно кандидатъ Н. Н. Өирсовъ. Г. Өирсовъ кончилъ курсъ въ 1888 году. Труды его, напечатанные въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“: 1) Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны (1887) и 2) Изъ области народныхъ картинокъ (1890). Кромѣ того, недавно оставленъ при университетѣ А. В. Фроловъ, кончившій курсъ въ 1889 г.; специальность его—всеобщая исторія.

Въ настоящемъ году при университетѣ св. Владиміра оставлены: г. Грушецкій, авторъ „Южно-русскихъ замковъ въ XVI в.“ (Кіевъ, 1890), по кафедрѣ русской исторіи, и г. Пискорскій, печатающій въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ работу о Франческо Феруччи, по кафедрѣ всеобщей исторіи.

Мы не помѣстили въ этотъ обзоръ: а) молодыхъ историковъ, срокъ оставленія коихъ истекъ ранѣе 1890 г., и б) тѣхъ, которые готовятся къ магистерскому экзамену или пишутъ диссертациі, не бывши оставлены при университетахъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ свѣдѣнія имѣются ниже въ отдѣлѣ о новыхъ историческихъ трудахъ.

Новыя ученые общества.

Одновременно съ Историческимъ Обществомъ организовалось при петербургскомъ университетѣ Общество Неофилологическое. Уставомъ этого Общества, въ существенныхъ чертахъ сходномъ съ нашимъ уставомъ, цѣлью новаго учрежденія ставится: 1) изслѣдованіе вопросовъ, относящихся до изученія литературы и пародной поэзіи новыхъ европейскихъ, преимущественно романскихъ и германскихъ народовъ, а также ихъ быта, искусства, исторіи и міеологіи, насколько они служатъ къ объясненію произведеній поэтическаго творчества, соби-

рательнаго (folklore) и личнаго; 2) изслѣдованіе вопросовъ, относящихся до изученія романскихъ и германскихъ языковъ въ ихъ исторіи, фонетикѣ, морфологій, синтаксисѣ и стилистикѣ; 3) изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ преподаванію новыхъ иностранныхъ языковъ. Общество это возникло, собственно говоря, ранѣе (въ 1885 г.), но до прошлаго года оно существовало, какъ отдѣленіе Филологическаго Общества. Протоколы его засѣданій печатаются въ *Пантеонъ литературы*, и кромѣ того оно издало нѣсколько лѣтъ тому назадъ свои „Записки“. Въ составѣ комитета Общества въ 1890 году были слѣдующія лица: предсѣдатель проф. А. Н. Веселовскій, товарищъ предсѣдателя А. Н. Пыпинъ, секретарь Ѳ. Д. Батюшковъ, казначей Р. О. Ланге, бібліотекаръ прив.-доц. Ѳ. А. Браунъ и два члена безъ должностей, Л. Н. Майковъ и гр. А. А. Бобринскій. Собранія Общества происходятъ два раза въ мѣсяцъ.

— При Новороссійскомъ университетѣ недавно образовалось Историко-филологическое Общество, уставъ коего былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія 21 декабря 1888 г. „Цѣль Общества—способствовать учеными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній“ (§ 1 устава). Дѣятельность свою въ числѣ 10 членовъ-учредителей оно открыло 24 февраля 1889 г., а 27 апрѣля избрало свое правленіе: предсѣдатель проф. Ѳ. И. Успенскій, товарищъ предсѣдателя проф. А. И. Кирпичниковъ, казначей А. Д. Путята, секретарь прив.-доц. А. В. Никитскій, члены правленія: проф. А. А. Кочубинскій и проф. А. И. Маркевичъ. Въ 1889—90 г. Общество, число членовъ коего возрасло до 64, имѣло 13 засѣданій. Общество имѣетъ небольшую бібліотеку, заключающую въ себѣ нѣсколько славянскихъ рукописей. Въ числѣ доходовъ Общества значатся 400 р., составляющіе половину сбора съ публичныхъ лекцій, читанныхъ профессорами Ѳ. И. Успенскимъ, А. И. Кирпичниковымъ, О. Ѳ. Базинеромъ и В. М. Нечаевымъ. Въ 1890 г. оно издало первый выпускъ своей „Лѣтописи“, посвященный двадцатипятилѣтію Императорскаго новороссійскаго университета. Кромѣ устава, отчета и списка членовъ, этотъ выпускъ содержитъ „Воспоминанія о В. П. Григоровичѣ“ проф. Ѳ. И. Успенскаго (съ портретомъ Григоровича) и „Описаніе рукописей В. И. Григоровича“, составленное В. Н. Мочульскимъ.

— Еще весною 1890 года въ совѣтъ московскаго Общества любителей естествознанія была внесена записка, подписанная 18 членами Общества, съ предложеніемъ основать при Обществѣ географическое отдѣленіе. Мотивы для основанія такого отдѣленія были выставлены слѣдующіе: 1) важность изученія географіи, особенно Россіи, и тѣсная связь ея съ естествовѣдѣніемъ, составляющимъ предметъ заяв-

тій Общества; 2) польза, которую может принести новое отдѣленіе наукъ, какъ собираніемъ и разработкой географическаго матеріала, такъ и распространеніемъ географическихъ свѣдѣній; 3) давно сознаваемая потребность въ основаніи въ Москвѣ географическаго кружка; 4) умѣстность подобнаго кружка въ такомъ промышленномъ и торговомъ центрѣ, какъ Москва, имѣющемъ обширныя сношенія съ различными раіонами Европейской Россіи, съ Кавказомъ, Сибирью, Средней Азіей, Персіей и Китаемъ; 5) возможность привлечь къ участию въ занятіяхъ отдѣленія преподавателей географіи и любителей землевѣдѣнія и содѣйствовать при ихъ помощи общему взгляду по улучшенію элементарнаго преподаванія науки и ея популяризаціи; 6) содѣйствіе, которое может оказывать отдѣленіе тѣмъ молодымъ людямъ, которые готовятся быть изслѣдователями или преподавателями географіи, и 7) вѣроятность, что при наличныхъ силахъ Общества и организуемыхъ имъ ежегодно экспедиціяхъ и экскурсіяхъ, отдѣленіе не останется безъ сотрудниковъ, число которыхъ можетъ еще возрасти отъ присоединенія къ отдѣленію новыхъ членовъ. Записка эта была внесена въ Общество, которое, въ засѣданіи 30-го апрѣля, признало открытіе географическаго отдѣленія желательнымъ и поручило вице-президенту общества, Д. Н. Анучину, совмѣстно съ прочими членами, подписавшими заявленіе, и при участіи другихъ лицъ, содѣйствіе которыхъ въ данномъ случаѣ можетъ быть желательнымъ и полезнымъ, намѣтить общій планъ дѣятельности и выработать руководящія правила для новаго отдѣленія, которое имѣетъ затѣмъ организовать свое бюро и доложить чрезъ его посредство о результатахъ своихъ предварительныхъ совѣщаній Обществу. На основаніи указаннаго постановленія, 22-го сентября, въ Политехническомъ музеѣ состоялось предварительное засѣданіе, въ которомъ обсуждались задачи дѣятельности вновь открываемаго отдѣленія и происходилъ выборъ его предсѣдателя. Въ члены отдѣленія избраны: А. Л. Линбергъ, А. А. Толстопятовъ, В. И. Сизовъ, П. Н. Милуковъ, Н. В. Баснинъ, А. И. Чупровъ, С. П. Мечъ, А. Е. Носъ. Предсѣдателемъ отдѣленія избранъ проф. Д. Н. Анучинъ; въ товарищи предсѣдателя приглашены: А. Л. Линбергъ и Н. Л. Гондатти, исправляющимъ должность секретаря—А. А. Ивановскій. Предметы занятій географическаго отдѣленія формулированы въ слѣдующихъ пунктахъ: а) собираніе матеріаловъ по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія, преимущественно Россіи и странъ, съ нею сопредѣльныхъ, матеріаловъ по картографіи, гипсометріи, по изученію морей, озеръ, рѣкъ, горъ, почвъ, по климатологіи, біологической, медицинской, коммерческой, исторической географіи, промышленному землевѣдѣнію и т. д.; б) организация экспедицій и экскурсій для изученія различныхъ мѣстностей,

какъ въ чисто научныхъ, такъ и прикладныхъ цѣляхъ; в) устройство засѣданій для обмѣна взглядовъ и наблюденій по различнымъ вопросамъ землевѣдѣнія, его изученія и элементарнаго преподаванія, для научныхъ сообщеній и отчетовъ по географической литературѣ и для распространенія географическихъ свѣдѣній; г) изданіе трудовъ отдѣленія и тѣхъ сочиненій и картъ, опубликованіе которыхъ будетъ признано полезнымъ, а также и основаніе, если окажется возможнымъ, періодическаго журнала по географіи; д) устройство географическихъ выставокъ для ознакомленія съ произведеніями различныхъ странъ и областей, съ картографическими и географическими изданіями, фотографическими и другими видами мѣстностей, инструментами и приборами по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія и учебными пособиями по географіи, а также, если окажется возможность, устройство постоянного географическаго музея и библіотеки; е) сношенія съ различными учрежденіями и лицами, какъ въ Россіи, такъ и за границей, по предметамъ, касающимся занятій отдѣленія. Членами отдѣленія признаются тѣ члены Общества, которые выразятъ на то свое желаніе предсѣдателю отдѣленія, а также и другія лица, которые будутъ избраны отдѣленіемъ, по предложенію трехъ его членовъ, и которыя, если не состоятъ уже членами Общества, считаются, на основаніи § 13 устава Общества, его членами-сотрудниками. Предсѣдатель отдѣленія избирается на два года, въ засѣданіи отдѣленія, изъ среды его членовъ, закрытой подачей голосовъ. Ежегодно къ 15-му октября отдѣленіе представляетъ въ Общество отчетъ о своей дѣятельности, а также ходатайствуетъ передъ Обществомъ о награжденіи лицъ, оказавшихъ наибольшія услуги отдѣленію, избраніемъ въ дѣйствительные, вѣрменные и почетные члены и медалами. Отдѣленіе вообще руководится по отношенію къ Обществу тѣми же правилами, какъ и другія отдѣленія Общества любителей естествознанія.

— Подъ названіемъ „Библіографическаго кружка“ возникло въ Москвѣ въ 1890 году новое научное общество. 4 октября вечеромъ въ Политехническомъ музеѣ состоялось первое засѣданіе „кружка“, уставъ котораго утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 31-го іюля текущаго года. Въ число задачъ своей дѣятельности кружокъ ставитъ: а) обстоятельное изслѣдованіе и подробное описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и рукописей; б) содѣйствіе правильной разработкѣ отечественной библіографіи, въ отношеніи системы и методовъ этой разработки, а также развитію и распространенію разнообразныхъ техническихъ знаній, имѣющихъ отношеніе къ книжному дѣлу вообще. Для достиженія означенной цѣли кружокъ а) собираетъ матеріалы по русской библіографіи, разрабатываетъ ихъ и издаетъ систематическіе каталоги рукописей, книгъ, періодическихъ изданій,

иностранных книгъ о Россіи и пр.; б) составляетъ библіотеку спеціально библіографическаго характера; в) собираетъ книги, въ особенности рѣдкія, и предметы, которые наглядно знакомятъ съ книжными дѣломъ, типографскимъ, литографскимъ, переплетнымъ и др. производствами, и составляетъ изъ нихъ библіографическій музей; г) устраиваетъ бесплатныя публичныя чтенія по предметамъ библіографіи, книговѣдѣнія и соприкасающихся отраслей, а также и выставки; д) входитъ въ сношенія съ владѣльцами библіотекъ и сообщаетъ требуемыя ими свѣдѣнія на запросы по книжному дѣлу и е) способствуетъ, по возможности, сохраненію частныхъ библіотекъ покупкою ихъ или инымъ путемъ. Дѣлами кружка завѣдуетъ особый комитетъ, который состоитъ изъ предсѣдателя, секретаря, казначея, хранителя музея и библіотеки и трехъ членовъ кружка, приглашаемыхъ предсѣдателемъ. Выборы этихъ должностныхъ лицъ были произведены въ первомъ же засѣданіи кружка. Въ началѣ этого засѣданія руководство имъ было поручено Н. И. Носову. Послѣдній обратилъ ко всѣмъ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой, выиснявъ программу будущей дѣятельности кружка, просилъ о сочувствіи къ нему публики. Послѣ этого А. Н. Соловьевъ прочелъ рефератъ, въ которомъ изложилъ въ общихъ чертахъ исторію библіографическаго дѣла за границей. Затѣмъ произошли выборы дѣйствительныхъ членовъ кружка и членовъ комитета. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ А. Д. Тороповъ, секретаремъ А. Н. Соловьевъ, казначеемъ Д. В. Байковъ, хранителемъ музея и библіотеки В. О. Фрейманъ, кандидатами къ нимъ: Н. И. Носовъ, О. С. Хановъ, В. И. Магнусонъ и Е. И. Аркадьевъ. Въ концѣ засѣданія Н. И. Носовъ предложилъ кружку бесплатное помѣщеніе для музея, библіотеки и для занятій кружка въ собственномъ домѣ (на Красносельской улицѣ). „Рус. Вѣд.“ 1890, №№ 273 и 274.

— При учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ съ весны 1890 года образовалась историческая секція, которая поставила себѣ цѣлью разработку различныхъ вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи въ средней школѣ ¹⁾. Въ секцію вошло большинство преподавателей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Имѣя въ виду прежде всего взаимную помощь при подготовленіи и обработкѣ матеріала для преподаванія и сознавая, что постановка этого дѣла на научной основѣ можетъ быть

¹⁾ Точная формулировка цѣли секціи: 1) составленіе нормальной программы (подробнаго конспекта и объяснительной записки) и на ея основѣ, буде возможно, нормальнаго учебника и исторической хрестоматіи и 2) разработка вопросовъ по методикѣ исторіи въ средней школѣ.

достигнута лишь совмѣстной работой многихъ лицъ, спеціально занимающихся разными отдѣлами исторіи, члены секціи рѣшили прежде всего заняться составленіемъ подробной программы по всему курсу русской и всеобщей исторіи, причѣмъ такая программа должна дать комплексъ фактовъ, подлежащихъ сообщенію, и объяснительную записку къ различнымъ отдѣламъ его. Весною былъ подготовленъ планъ занятій, а осенью секція приступила къ дѣлу. Предположивши начать ознакомленіемъ съ существующими у насъ и на Западѣ программами преподаванія и исходить отъ критической оцѣнки ихъ, секція уже выслушала нѣсколько сообщеній по этому предмету, установила рядъ общихъ положеній, на основѣ которыхъ должна будетъ разрабатываться программа, распредѣлила между отдѣльными членами части программы и уже начала детальное обсужденіе ихъ.

Бюро секціи состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель—Аполлонъ Николаевичъ Поливановъ (преподаватель исторіи въ 3 кадетскомъ корпусѣ); товарищъ предсѣдателя—Владиміръ Николаевичъ Беркутъ; секретари: С. В. Занченко и Робертъ Юльевичъ Випперъ, всѣ трое преподаватели исторіи. Прочитаны были до сихъ поръ (начало ноября 1890 г.) слѣдующія сообщенія: М. К. Любавскаго—о преподаваніи исторіи во французскихъ лицеяхъ и коллежахъ на основаніи программъ 1890 г., Р. Ю. Виппера—о преподаваніи исторіи въ австрійскихъ гимназіяхъ, В. М. Михайловскаго—новая русская гимназическая программа по исторіи сравнительно съ прежней, В. А. Фукса—1) замѣчанія о преподаваніи исторіи, преимущественно изъ среднихъ классахъ и 2) рядъ предложеній, касающихся разныхъ сторонъ предполагаемой программы, г. Щепкина—опытъ обработки отдѣла для нормальной программы съ цѣлью выясненія возникшихъ при ея составленіи вопросовъ и затрудненій. Съ послѣднимъ сообщеніемъ, въ коемъ была разобрана эпоха регентства во Франціи въ изложеніи нѣсколькихъ важнѣйшихъ учебниковъ, сочиненій по всемірной исторіи, по Франціи, монографій и т. п., секція вступила на практическую почву составленія подробной конспективной программы, которая будетъ сопровождаться объяснительной запиской и, можетъ быть, указаніями для бібліотеки учителя и ученика.

Этимъ занятіямъ предшествовала выработка общихъ тезисовъ, которые должны лечь въ основу всего предпріятія новаго историко-педагогическаго общества. Уже въ одномъ изъ первыхъ засѣданій секціи возникъ вопросъ о методѣ при выясненіи главныхъ цѣлей, къ которымъ должно стремиться преподаваніе исторіи въ средней школѣ. Разрѣшая этотъ вопросъ, секція раздѣлилась на двѣ группы: одна предлагала выяснить эти цѣли прямо, т.-е. такъ, чтобы каждый изъ членовъ выска-

заявъ, что онъ считаетъ за главную цѣль преподаванія, и—чтобы со-
бранныя такимъ образомъ мнѣнія послужили матеріаломъ для обсу-
жденія и формулировки, а другая предлагала, какъ лучшее средство,
обзоръ существующихъ мнѣній, высказанныхъ въ объяснительныхъ
запискахъ, приложенныхъ къ программамъ среднихъ школъ въ раз-
личныхъ государствахъ. Рѣшено было принять оба предложенія. Со-
образно съ этимъ, на первомъ же осеннемъ засѣданіи обсуждались и
приняты были 6 тезисовъ, разработанныхъ и представленныхъ Р. Ю.
Вишперомъ, причемъ въ виду важности этихъ общихъ положеній,
долженствующихъ быть руководящими во всѣхъ дальнѣйшихъ заня-
тіяхъ секціи, рѣшено было разослать ихъ и всѣмъ отсутствовавшимъ
членамъ съ предложеніемъ, буде пожелаютъ, высказаться по поводу
ихъ и съ предупрежденіемъ, что если къ установленному сроку не
будетъ представлено никакихъ протестовъ и дополнительныхъ замѣ-
чаній, то тезисы будутъ считаться принятыми единогласно (Такъ же
рѣшено поступать на будущее время и при разработкѣ нормальной
программы по отдѣламъ и частямъ. Принятая присутствующими чле-
нами, она разсылается всѣмъ отсутствовавшимъ съ приглашеніемъ
высказаться къ извѣстному сроку. Если отвѣта ни отъ кого не по-
слѣдуетъ, программа будетъ считаться принятою единогласно). Въ на-
стоящее время общими началами, долженствующими лечь въ основу
при составленіи нормальной программы, являются слѣдующія шесть
положеній:

1) Курсъ исторіи въ средней школѣ, при сохраненіи необходи-
мой для достиженія общаго образованія связи съ другими предме-
тами, предполагается, какъ нѣчто цѣльное, въ себѣ самомъ заклю-
чающее опредѣленные задачи, помимо примѣненія сообщаемого ма-
теріала въ дальнѣйшихъ специальныхъ занятіяхъ.

2) Цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ—развитіе въ
учащихся историческаго отношенія къ жизни, которое должно выра-
зиться въ пониманіи процесса историческаго развитія и значенія
важнѣйшихъ его моментовъ и результатовъ, причемъ не должны быть
упускаемы изъ виду характеристики особенностей эпохъ, отдѣльных
національностей и личностей.

3) Что касается воспитанія моральнаго или политическаго по-
средствомъ историческаго преподаванія, то оно никоимъ образомъ не
можетъ быть поставлено цѣлью, хотя бы и второстепенною, а должно
быть разсматриваемо, лишь какъ естественный результатъ всякаго
разумнаго преподаванія исторіи.

4) Указанная цѣль преподаванія исторіи дѣлаетъ единственно
возможной всемірно-историческую точку зрѣнія при выборѣ и рас-
предѣленіи матеріала. Въ изложеніи отечественной исторіи рядомъ

со всемірно-исторической точкой зрѣнія выступаетъ національная, требующая выдѣленія и такихъ сторонъ исторической жизни, которыя не имѣли культурнаго вліянія на другіе народы, но сказались важными послѣдствіями въ историческомъ развитіи народа русскаго.

5) Всемірно-историческая точка зрѣнія опредѣляетъ въ каждомъ частномъ случаѣ выборъ матеріала и выдѣленіе той или другой группы фактовъ: для одной эпохи или въ жизни одного народа будутъ выдвинуты на первый планъ явленія внѣшней или внутренней политической и соціальной жизни; для другого момента—явленія литературы и искусства; для третьяго—религіозныя движенія и т. д., смотря по тому, какія стороны жизни въ данную эпоху и у даннаго народа имѣли наибольшее значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

6) Въ виду того, что преподаваніе исторіи должно по преимуществу развить въ учащихся пониманіе процесса историческаго развитія (§ 2), наилучшей канвой для группировки матеріала необходимо признать внѣшне-политическую исторію; характеристики религіозныхъ воззрѣній, политическихъ, философскихъ и другихъ ученій, политическаго, соціальнаго и экономическаго устройства и т. п. должны быть по возможности связаны съ выдающимися моментами внѣшней жизни и судьбой замѣчательныхъ личностей.

Отдѣльныя части программы уже разобраны разными членами секціи, и самое назначеніе программы выяснено слѣдующимъ образомъ. 1) Она должна быть составлена такъ, чтобы по ней могъ быть написанъ желательнаго типа учебникъ, болѣе удовлетворительный, чѣмъ существующіе. 2) Если даже и не будетъ написанъ такого рода учебникъ, то самая программа съ различными поясненіями, толкованіями и ссылками на научную литературу можетъ служить руководствомъ для преподавателя, особенно для начинающаго, часто не знающаго, съ чего начать, о чемъ говорить, словомъ, какъ взяться за дѣло. Кромѣ того, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій секціи именно и сдѣлано было предложеніе, чтобы части программы были представляемы не въ видѣ сухихъ конспектовъ, а съ обстоятельной мотивировкой выбора матеріала и его расположенія. Мотивировка, разумѣется, будетъ опираться на два критерія: 1) на приведенные тезисы и 2) на современное состояніе науки и научной литературы (Это сообщеніе прочитано было предсѣдателемъ Историческаго Общества въ XIII засѣданіи, 29 ноября 1890 г.).

Харьковское историко-филологическое общество.

Въ слѣдующихъ выпускахъ сборника мы надѣемся собрать свѣдѣнія и о старыхъ историческихъ обществахъ, ограничиваясь здѣсь

пока однимъ. Историко-филологическое Общество при Харьковскомъ университетѣ основано въ 1876 г. (уставъ утвержденъ министромъ нар. просв. 24 дек. 1876). Предсѣдателемъ его съ сентября 1877 г. до октября 1890 г. былъ проф. А. А. Потебня, теперь же за отказомъ послѣдняго (по случаю разстроеннаго здоровья) отъ предсѣдательства избранъ предсѣдателемъ проф. М. С. Дриновъ; секретаремъ состоитъ проф. Н. Θ. Сумцовъ (съ сент. 1880 г.). Общество занимается разработкой вопросовъ, входящихъ въ область историко-филологическихъ наукъ, преимущественно же изслѣдованіемъ мѣстной старины. Изъ рефератовъ, читанныхъ членами общества въ теченіе 1890 г. (до настоящаго времени), можно назвать слѣдующіе, какъ относящіеся къ исторіи: Д. И. Багалѣя—отчетъ о VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (напеч. въ „Харьк. губ. Вѣдом.“), его же: „Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи XVI—XVIII вв.“; М. М. Плохинскаго о бобровникахъ въ Малороссіи; М. Е. Халанскаго: „Пушкинъ и г-жа Ризницъ“ (напеч. въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“, № 4780); его же: „Къ былинѣ про Дюка-Степановича“; Л. Ю. Шепелевича „Изъ исторіи демонологіи“ (напеч. въ его „Очеркахъ изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры“. Вып. 1-й. Харьковъ. 1890 г.). Обществомъ издается „Сборникъ“, выходящій по мѣрѣ накопленія матеріала. I-й томъ „Сборника“ появился въ 1886 г. и весь состоялъ изъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“, собранныхъ и редактированныхъ Д. И. Багалѣемъ. Весною 1890 г. вышелъ II-й томъ „Сборника“, содержаніе коего слѣдующее: 1) отчетъ о дѣятельности Общества съ янв. 1889 г. по апрѣль 1890 г.; 2) свѣдѣнія объ архивѣ Истор.-филолог. общества (Д. И. Багалѣя); 3) некрологъ Л. З. Колмачевскаго (Н. Θ. Сумцова); 4) матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ., собранные и редактированные Д. И. Багалѣемъ (продолженіе); 5) сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурою; 6) игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ; собралъ П. В. Ивановъ (съ предисловіемъ Н. Θ. Сумцова). Въ настоящее время Общество приступаетъ къ печатанію III-го тома „Сборника“, содержаніе котораго будетъ слѣдующее (кромѣ отчета о дѣятельности общества): 1) В. И. Саввы, „Вопросъ о крещеніи Ольги“; 2) М. М. Плохинскаго, „Матеріалы для внутренней исторіи Малороссіи: бобровники и стрѣльцы. Изслѣдованіе съ приложеніемъ архивнаго матеріала изъ Харьковскаго историческаго архива“; 3) П. В. Иванова, „Народные разказы о вѣдьмахъ“ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда); 4) Н. Θ. Сумцова, „Библиографія вопроса о вѣдьмахъ“; 5) свадебныя

нѣсни, записанныя въ с. Бѣлозерки Херсонской губ. и доставленные Обществу черезъ посредство А. А. Русова; 6) Д. И. Багалѣя, „Библиографическій перечень изслѣдованій, статей и матеріаловъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго края“; 7) рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ мѣстнаго историческаго архива Д. И. Багалѣемъ и М. М. Плохинскимъ ¹⁾. При Историко-филологическомъ обществѣ имѣется Историческій Архивъ, который образовался изъ 1) дѣлъ бывшей Малороссійской коллегіи, доставленныхъ въ Общество изъ Чернигова; 2) изъ дѣлъ той же коллегіи, доставленныхъ изъ Полтавы и относящихся къ Полтавской губ.; 3) изъ дѣлъ харьковскихъ нынѣ упраздненныхъ учреждений (документы эти относятся къ мѣстной, Слободско-украинской исторіи); 4) наконецъ, изъ документовъ, жертвуемыхъ частными лицами. Между прочимъ, въ харьковскомъ архивѣ имѣется часть извѣстной Румянцевской описи Малороссіи. Завѣдующимъ архивомъ состоитъ проф. Д. И. Багалѣй, а архивариусомъ кандидатъ историческихъ наукъ М. М. Плохинскій. При архивѣ есть небольшая бібліотека (Сообщено проф. В. П. Бузескуломъ).

VIII археологическій сѣздъ.

Въ январѣ 1890 года въ Москвѣ состоялся восьмой Археологическій сѣздъ, совпавшій съ празднованіемъ двадцатипятилѣтія существованія Московскаго Археологическаго Общества. Въ предсѣдатели сѣзда избранъ былъ академикъ А. Θ. Бычковъ, почетное же предсѣдательство изволилъ принять е. и. в. Великій Князь Сергій Александровичъ. Дѣятельнымъ организаторомъ, постоянной участницей и „душою“ всѣхъ засѣданій была графиня П. С. Уварова, предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества и энергичная преемница графа А. С. Уварова въ дѣлѣ развитія русской археологіи.

Сравнительно съ предыдущими, нынѣшній сѣздъ можно приписать къ числу наиболѣе многочисленныхъ (381 членъ) и обильныхъ по дѣятельности (136 сообщений въ девяти секціяхъ). *Эпохъ первобытной* посвящены были, между прочимъ, доклады В. Б. Антоновича: „О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи“ и Д. Я. Савоквасова: „Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи“. *Первая страница* исторіи отечественной иллюстрировались рефератами В. Θ. Миллера: „Новое сарматское божество“,

¹⁾ По послѣднимъ извѣстіямъ, Общество постановило расширить въ III томѣ своего сборника библиографическій обзоръ, въ составленіи коего примутъ участіе проф. Д. И. Багалѣй, проф. В. П. Бузескулъ и г. Масловъ.

Д. Я. Самохвасова: „О происхожденіи русскихъ славянъ и причины появленія кладовъ римскихъ монетъ въ области центральной Европы“, Д. А. Хвольсона: „О руссахъ Ибнъ-Хардадбека“, А. С. Будиловича: „Къ вопросу о происхожденіи слова Русь“ и П. Н. Милюкова: „О времени и мѣстѣ дѣйствія въ Запискѣ греческаго топарха“. Всѣ эти доклады вызвали болѣе или менѣе оживленный обмѣнъ мнѣній, мало однако примиривъ несходныя между собою толкованія.

Весьма интересными были сообщенія Д. Н. Анучина: „О древнихъ картахъ Сибири“ и „Сказанія о дивныхъ людяхъ“, равно какъ и „Кавказскія народныя сказанія о циклопахъ“ В. О. Миллера.

Въ отдѣлѣ общей исторіи Россіи стоитъ упомянуть о полномъ научнаго интереса рефератѣ А. С. Павлова: „Къ вопросу о подлинности церковнаго устава св. Владиміра“; А. И. Соболевскій съ И. И. Богданомъ доказывали подложность извѣстной грамоты князя Ивана Берладника 1134 года; „древнѣйшее населеніе Москвы“ обслѣдовано было маститымъ историкомъ нашей великорусской старины И. Е. Забѣлинымъ; вопросъ о коллегіальности приказовъ затронулъ Н. Н. Ардашевымъ, а В. Н. Сторожевъ коснулся „десятенъ, какъ источника для изученія исторіи русскаго провинціального дворянства въ XVI и XVII вѣкахъ“. Последнему же докладчику принадлежать и „Засѣчныя книги, какъ историко-географическій источникъ“.

Историко-литературная сторона занятій Съѣзда выразилась въ цѣломъ рядѣ докладовъ, изъ коихъ назовемъ: „Къ вопросу о зарожденіи церковно-славянскаго языка“—А. С. Будиловича, „Взаимодѣйствіе иконописи и словесности, народной и книжной“—А. И. Кирпичникова, „Первыя рационалистическія секты на Руси“—С. П. Тимофеева, „Неизвѣстный русскій проповѣдникъ временъ Грознаго“ (протоіерей Сильвестръ)—Д. П. Лебедева и „Новый матеріалъ по вопросу о редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго“—М. И. Соколова. Слѣдующіе четыре реферата изслѣдовали область церковной старины: „О задачахъ и приемахъ евангельской иконографіи“—Н. В. Покровскаго, „Дополненія къ лицевому апокалиписису“ и „Стилизація ландшафта въ русскихъ рукописныхъ миниатюрахъ“—О. И. Буслаева и „Церкви большого Кремлевскаго дворца“—Н. В. Султанова. Изъ работъ по Византіи особенно выдѣлились доклады О. И. Успенскаго: „Синодикъ въ недѣлю православія“ и „О военномъ устройствѣ Византіи“; по древнему Востоку—М. В. Никольскаго: „О Вавилонскихъ цилиндрахъ“ А. В. Прахова.

Въ концѣ засѣданій Съѣзда (весь Съѣздъ продолжался съ 9 по 24 января) начали выходить занятія его, нынѣ составившія книжку въ 211 страницъ.

Слѣдующій, девятый, Сѣздъ назначенъ въ гор. Вильнѣ на 1893 годъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ НА ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

3 іюня 1889 г. было утверждено правительствомъ „временное положеніе С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ“, на которые съ осени этого года снова былъ открытъ приѣмъ послѣ перерыва, продолжавшагося четыре года (послѣдній приѣмъ былъ въ 1885 г.). По § 22 этого положенія на историко-филологическомъ отдѣленіи курсовъ преподаются: 1) законъ Божій, 2) психологія, 3) логика, 4) исторія философій, 5) русскій языкъ, 6) старо-церковно-славянскій языкъ, 7) исторія русской литературы древней и новой, 8) теорія словесности, 9) обзоръ славянскихъ нарѣчій и литературъ, 10) всеобщая литература въ главнѣйшихъ явленіяхъ, 11) русская исторія, 12) обзоръ исторіи славянскихъ племенъ, 13) исторія древняя, 14) исторія среднихъ вѣковъ, 15) исторія новаго времени, 16) исторія искусствъ и 17) латинскій языкъ. По примѣрной таблицѣ числа лекцій, приложенной къ „временному положенію“, русская исторія должна читаться всѣ четыре года пребыванія слушательницъ на Курсахъ (по 2 часа въ недѣлю), для славянской исторіи дается по одному часу на двухъ старшихъ курсахъ, для древней исторіи 5 часовъ (3 на I к. и 2 на II), а средняя и новая должны читаться при четырехъ лекціяхъ каждая (на III и IV курсахъ). Въ настоящее время на двухъ первыхъ курсахъ преподаются русская исторія прив.-доц. университета С. Θ. Платоновымъ, а древняя раздѣлена между проф. Н. И. Карѣвымъ и кандидатомъ Н. М. Вубновымъ. Остальные историческіе предметы еще не читаются (Отчетъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1888—89 г. Спб. 1890 г.).

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ ПО ИСТОРИИ ВЪ МОСКВѢ.

Съ прошлаго года въ Москвѣ, въ зданіи политехническаго музея читаются по зимамъ дневныя (отъ 1 ч. до 3 ч.) публичныя лекціи главнымъ образомъ по историческимъ наукамъ, причѣмъ всѣхъ курсовъ читается десять и каждый курсъ состоитъ изъ десяти лекцій. Плата за всѣ десять курсовъ (100 лекцій) 25 р., за каждый курсъ отдѣльно 10 р. Въ 1889—90 г. главнымъ предметомъ лекцій были средніе вѣка, по которымъ читалось шесть курсовъ, а именно К. М. Быковского о

средневѣковомъ искусствѣ, проф. П. Г. Виноградова объ условіяхъ образованія государства въ Западной Европѣ, проф. В. И. Герье о средневѣковомъ міросозерданіи въ его главныхъ представителяхъ, пр.-доц. М. С. Корелина о важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи средневѣкового папства, проф. Н. И. Стороженка по исторіи средневѣковой французской литературы и проф. А. И. Чупрова о народномъ хозяйствѣ и экономическихъ воззрѣніяхъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и при переходѣ къ новому времени. По русской исторіи читалось два курса: проф. В. О. Ключевскій излагалъ подготовку реформы Петра Великаго, а проф. А. Н. Веселовскій исторію русской литературы въ XVIII в. Наконецъ, проф. Н. Я. Гротъ читалъ о важнѣйшихъ вопросахъ современной психологіи, а прив.-доц. Л. М. Лопатинъ—о типическихъ ученіяхъ въ исторіи морали. Тѣми же лекторами (за исключеніемъ М. С. Корелина, котораго замѣнилъ проф. К. А. Темиразевъ) объявлены курсы и на зиму 1890—91 г., и на этотъ разъ всѣ лекціи безъ изыятія относятся къ исторіи XVIII и XIX вв. Г. Выковский читаетъ исторію русской живописи съ Петра Великаго, проф. Веселовскій—русскую литературу въ XIX в., проф. Виноградовъ—обновленіе Германіи въ XIX в., проф. Герье—гуманное и филантропическое движеніе въ XVIII в., проф. Гротъ—основныя проблемы философіи XVII и XVIII вв., проф. Ключевскій—исторію русскаго государства и общества въ XVIII в., г. Лопатинъ—о важнѣйшихъ направленіяхъ философской мысли XIX в., проф. Стороженко—исторію развитія романа въ европейской литературѣ, проф. Темиразевъ—объ историческомъ методѣ въ біологіи и проф. Чупровъ—о господствующихъ направленіяхъ въ экономической литературѣ XIX в. Эти историческіе курсы, организаторомъ коихъ является В. И. Герье, имѣютъ большой успѣхъ въ московской образованной публикѣ.

Публичныя лекціи по исторіи въ Петербургѣ.

Между публичными лекціями, которыя будутъ читаться въ зимній сезонъ 1890—91 г. въ петербургскомъ педагогическомъ музеѣ (въ Соляномъ городкѣ), предполагаются и нѣкоторые историческіе курсы. Первая лекція, назначенная на 26 ноября, была прочтена М. И. Семевскимъ о „Петрѣ Великомъ и его времени“, причемъ, въ своемъ курсѣ г. Семевскій намѣренъ изложить возможно полный обзоръ эпохи Петра Великаго съ характеристикой преобразователя Россіи и главнѣйшихъ его сподвижниковъ. Поводомъ къ этимъ чтеніямъ послужило для г. Семевского появленіе въ свѣтъ изданія академика А. Ѳ. Бычкова „Письма и бумаги Петра Великаго“, „Дѣло Шакло-

витаго" и другіе новѣйшіе сборники матеріаловъ, относящіеся къ эпохѣ Петра Великаго. Читенія сопровождаются портретами и картинами на экранѣ волшебнаго фонаря; оригиналы тѣхъ и другихъ принадлежать собранію Д. А. Ровинскаго. 28 ноября бывшій профессоръ Новороссійскаго университета А. С. Трачевскій началъ курсъ лекцій по исторіи древняго Востока. Судя по характеру нынѣшней разработки этой исторіи, а также и по самой программѣ предстоящаго курса, послѣдній долженъ отличаться по преимуществу бытовымъ характеромъ: ему приходится нѣтъ дѣло съ зачатками общественной и художественной дѣятельности человѣчества. Поэтому лекціи г. Трачевскаго должны сопровождаться, гдѣ это потребуется ихъ содержаніемъ, картинами на экранѣ, для которыхъ представляется богатый выборъ среди недавно открытыхъ памятниковъ искусства, въ особенности ассирио-вавилонскаго. Во главѣ недавно разрѣшенной программы курса поставлены вопросы изъ антропологій, языковѣдѣнія, міеологій и доисторической археологій, безъ которыхъ непонятна первая страница исторіи, при современномъ состояніи этой науки. Далѣе вездѣ проглядываетъ намѣреніе лектора сопоставить древнѣйшіе памятники быта съ современными теоріями о происхожденіи основъ цивилизаціи.

— Кроме того, проф. Н. И. Карѣевъ предполагаетъ прочесть зимною въ январѣ и февралѣ 1891 г. въ залѣ городской думы нѣсколько публичныхъ лекцій на тему: „исторія и философское значеніе идеи прогресса“. Сборъ съ этихъ лекцій предназначается въ пользу Общества пособія нуждающимся писателямъ и ученымъ (литературный фондъ).

Историческіе диспуты въ 1890 г. ¹⁾.

Въ 1890 г. происходилъ въ петербургскомъ университетѣ докторскій диспутъ проф. казанскаго университета по кафедрѣ русской словесности А. С. Архангельскаго.

Докторантъ представилъ въ историко-филологическій факультетъ диссертацию, состоящую изъ двухъ частей: 1) Къ изученію древне-русской литературы. Очерки и изслѣдованія (146 стр.); 2) Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій (203+118+228). Въ своей вступительной рѣчи А. С. Архангельскій прежде всего указалъ

¹⁾ Редакція сборника надѣялась помѣстить отчеты обо всѣхъ историческихкихъ диспутахъ, происходившихъ въ 1890 г., но многіе общія отчеты ей своевременно доставлены не были.

залъ на неправильное отношеніе къ переводной литературѣ, которое весьма часто встрѣчается въ нашей исторіи словесности: ихъ не считаютъ характерными и достаточно важными явленіями въ умственной жизни народа. А между тѣмъ, старыя русскіе переводы были и любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, и самымъ распространеннымъ видомъ словесности. Вліяніе ихъ на читателей и значеніе въ культурной жизни было весьма велико. Особенно примѣнимо это къ переводамъ сочиненій отцовъ церкви и духовныхъ писателей византийскихъ (IV в.—XIV в.) Такое сочиненіе, какъ Шестодневъ Василия Великаго давало удовлетвореніе научнымъ интересамъ читателей: авторъ излагалъ и мнѣнія греческихъ философовъ, и разныя естественно-научныя свѣдѣнія, дѣлая примѣчанія къ тексту библіи. Такимъ же характеромъ отличаются творенія Іоанна Дамаскина, богатые свѣдѣніями о природѣ и психологическими данными, почерпнутыми у Аристотеля. Полезнымъ чтеніемъ являлись и переводы Нила Синайскаго, Геннадія, Ефрема Сиріина. Многіе переводы давали пищу поэтическому чувству читателей; діалектическія, философскія, логическія понятія развивались у читателей на сочиненіяхъ Дамаскина. Но переводы твореній отцовъ церкви интересны и важны и съ точки зрѣнія чисто историко-литературной, по разнообразнымъ связямъ и отношеніямъ, которыя установились между ними и оригинальной литературой.

Возраженія противъ положеній и текста сочиненія были сдѣланы профессорами Соболевскимъ и Незеленовымъ (официальные оппоненты). Проф. Соболевскій, признавая новизну и интересъ работы докторанта, замѣтилъ, что въ трудѣ г. Архангельскаго есть и большіе недостатки; обзорѣніе оныхъ онъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ первой отмѣчалось отсутствіе определенной программы и системы при изученіи памятниковъ, которое отчасти надо, конечно, отнести на счетъ обширности разсматриваемаго матеріала. Данные языка иногда принимались въ расчетъ (напр. въ замѣчаніяхъ о древнѣйшемъ списокѣ труда Іоанна Экзарха XIII в. или о славянскихъ спискахъ Маргарита съ слѣдами средне-болгарскаго языка XIII—XIV в.), иногда же вовсе игнорировались. Отсюда происходили неточности или неправильныя заключенія: напр. въ 10-мъ положеніи авторъ утверждаетъ, что древне-русскіе Измарагды возникли всецѣло на почвѣ русской письменности; между тѣмъ, среди приводимыхъ списковъ Измарагда есть указывающіе на юго-славянское происхожденіе редакціи. Второй общій недостатокъ диссертациі—это неполнота въ матеріалѣ. Работа по цѣли своей библиографическая, а библиографія безусловно требуетъ полноты; рукописный матеріалъ, разсмотрѣнный авторомъ, былъ незначителенъ сравнительно съ рамками, поставленными задачей; много текстовъ осталось автору неизвѣстными.

Вѣроятно, многіе выводы поколебались бы знакомствомъ съ рукописнымъ матеріаломъ публичной бібліотеки и румянцовскаго музея. Изъ русскихъ текстовъ г. Архангельскій не воспользовался макаревскими четыми-минейми, кормчими и указывая на списокъ „Постническихъ словесъ“ Василя Великаго XVI в., не зналъ списка XIV столѣтія. Профессоръ Незеленовъ послѣ общихъ заявленій о достоинствѣ и важности диссертациі г. Архангельскаго указалъ на замѣчаемую мѣстами неполноту изслѣдованія и незаконченность выводовъ: можно бы, напр., въ изслѣдованіи „Вопросовъ и отвѣтовъ“ остановиться на томъ обстоятельствѣ, почему въ одномъ спискѣ недостаетъ такихъ-то трехъ-четырехъ вопросовъ, въ другомъ—другихъ, или почему при одномъ изъ вопросовъ стоитъ больше цитатъ, при другомъ меньше. Полезно бы было также, по мнѣнію г. Незеленова, точно установить тѣ мѣста изъ нашей переводной отеческой литературы, которыя повліяли на нашихъ русскихъ писателей: Серапіона, Нила Сорскаго и другихъ. Оппонентъ указалъ еще на слишкомъ суровое, по его мнѣнію, отношеніе докторанта къ нѣкоторымъ изъ выводовъ г. Мочульскаго. Диспутъ закончился признаніемъ докторанта достойнымъ степени доктора русской словесности.

— 8-го апрѣля 1890 г. въ петербургскомъ университетѣ происходилъ магистерскій диспутъ прив.-доц. по кафедрѣ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ П. В. Безобразова. Изъ curriculum vitae диспутанта, прочитаннаго секретаремъ историко-филологическаго факультета, видно, что г. Безобразовъ кончилъ курсъ гимназіи въ 1879 году; поступивъ на историко-филологическій факультетъ въ томъ же году, онъ успѣлъ написать въ теченіе четырехлѣтняго университетскаго курса три работы, за которыя былъ удостоенъ одной серебряной и двухъ золотыхъ медалей; сдавъ экзаменъ на магистра, онъ сталъ читать лекціи по всеобщей исторіи, въ качествѣ приватъ-доцента, въ московскомъ университетѣ. Напечаталъ г. Б. слѣдующія оригинальныя статьи: „Воэмундъ Тарентскій“, „Матеріалы для исторіи византійской имперіи“, „Черты византійскихъ нравовъ“, а также помѣстилъ нѣсколько рецензій въ Журналѣ М. Н. П. и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Книгу „Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Часть первая“ представилъ для соисканія ученой степени магистра всеобщей исторіи. По разсмотрѣніи книги факультетъ допустилъ г. Безобразова къ публичной защитѣ его сочиненія. Официальными оппонентами были назначены профессора: В. Г. Васильевскій и И. Е. Троицкій.

Передъ началомъ диспута магистрантъ произнесъ рѣчь, которая можетъ быть названа обвинительнымъ актомъ противъ Ми-

халла Пселла ¹⁾). Въ ней диспутантъ старался доказать и справедливость общаго пренебрежительнаго отношенія западныхъ историковъ къ Византіи, разъ одинъ изъ лучшихъ ея сыновъ, какинъ до сихъ поръ считался Пселлъ, въ сущности былъ нигуда негодный человѣкъ. Свой выводъ относительно Пселла г. Безобразовъ подтверждалъ фактическимъ изображеніемъ его жизни. Пселлъ, сынъ бѣдныхъ родителей, съумѣлъ пробить себѣ дорогу; онъ разбогатѣлъ, изъ юноши, искавшаго мѣста и протекціи, сталъ вліятельнѣйшимъ сановникомъ, милости котораго добивались провинціальныя и столичныя чиновники. Порешиска Пселла указываетъ на его высокое положеніе: въ числѣ его корреспондентовъ находимъ четырехъ императоровъ, двухъ императрицъ, трехъ константинопольскихъ патріарховъ, одного антиохійскаго, немало митрополитовъ и епископовъ, начальниковъ многихъ провинцій, важныхъ столичныхъ сановниковъ. Нерѣдко обращаются къ нему провинціальныя чиновники, и онъ устраиваетъ имъ мѣста и повышенія. Пселлъ служилъ при девяти императорахъ и все возвышался въ чинахъ, прибрѣталъ все болѣе вліятельное положеніе. Нужно было обладать особеннымъ искусствомъ, чтобы держаться при самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ режимахъ, чтобы правиться въ одинаковой степени легкомысленному, преданному чувственнымъ наслажденіямъ Константину Мономаху, противнику духовенства, суровому солдату Исааку Комнину и защитнику монаховъ набожному Константину Дукѣ. Нужно было угодить всѣмъ, и Пселлъ обладалъ въ высшей степени талантомъ угождать. Талантъ этотъ заключался въ умѣньи льстить и одинаково убѣдительно говорить противоположное, сегодня утверждать, завтра отрицать собственное утвержденіе. Онъ преклонялся предъ всякимъ вѣнценосцемъ, кто бы онъ ни былъ, какова бы ни была его нравственность; онъ хвалилъ поступки, за которые надо было краснѣть; онъ восхвалялъ малодушіе и трусость, онъ превозносилъ до небесъ царей, разорившихъ народъ, несправедливыхъ и развратныхъ. Монарха считалъ Пселлъ богомъ только за то, что онъ монархъ и облеченъ въ порфиру; не было имени, не было сравненія достаточно высокаго, достаточно изысканнаго, чтобы восхвалять его добродѣтели. Онъ самъ сознавалъ, что говоритъ неправду, но онъ понималъ, что вѣнценосецъ это все, что стоитъ сказать ему слово, и завтра онъ, Пселлъ, будетъ стертъ съ лица земли. А монахъ Михайлъ (т.-е. Пселлъ), отказавшійся отъ всего земнаго, дорожилъ болѣе всего благами земными. Поэтому сегодня онъ хвалилъ военный режимъ, а завтра доказывалъ, что преобладающимъ сословіемъ въ государствѣ должно

¹⁾ Оговариваемся, что не буквально приводимъ рѣчь диспутанта, но составляемъ ее, поскольку позволяла намъ память, на основаніи его книги.

быть гражданское; сегодня онъ увѣрялъ, что верхъ благоразумія—не вести войны и откупаться отъ дикихъ печенѣговъ, а завтра утверждалъ, что это—жалодушіе и хорошій царь долженъ лично вести войска на непріятеля. Чтѣ бы монархъ ни приказалъ сдѣлать, хотя бы самое безправственное дѣло, его не надо ослушиваться—вотъ единственный принципъ нравственности, которому Пселлъ слѣдовалъ всю свою жизнь. По велѣнію царя соглашается онъ быть прокуроромъ явно невиннаго лица, патріарха Михаила Кирулларія, смѣшиваетъ съ грязью достойнаго представителя церкви, обвиняетъ его въ ереси, убійствѣ, гробоконательствѣ. Человѣкъ, преслѣдующій свои личные интересы, не можетъ не быть трусомъ. И дѣйствительно, Пселлъ былъ трусомъ физическимъ и нравственнымъ. Онъ самъ сознается въ своей трусости и говоритъ, что пугался, страшился, боялся лошадей такъ же, какъ другіе боялись слоновъ и львовъ, и можетъ ѣздить только на самомъ кроткомъ конѣ. Когда онъ находился въ лагерѣ Комнина, онъ, безъ всякаго основанія, провелъ отъ страха безсонную ночь, дрожа, что вотъ-вотъ придутъ въ его палатку заговорщики и убьютъ. Онъ вспоминалъ, не сказалъ ли чего лишняго узурпатору Комнину, теперь уже провозглашенному царемъ, тогда какъ игралъ ему въ руку и плохо защищалъ интересы посланнаго его царя Михаила... Пселлъ не признавалъ нравственныхъ принциповъ. Честность и соблюденіе закона онъ считалъ привилегіей апостоловъ и идеальныхъ людей. Дѣйствительно, честность несовмѣстима съ крайнимъ корыстолюбіемъ, а знаменитый философъ бралъ взятки, не гнушался вступать въ компанію съ лихоимцами и дѣлать съ ними неправильно взысканія, добытыя вымогательствомъ, трудовыя деньги народа. Онъ защищалъ лихоимцевъ и совѣтовалъ областнымъ начальникамъ смотрѣть сквозь пальцы на взяточничество сборщиковъ податей. На ряду съ этими мрачными сторонами слѣдуетъ указать на одно большое качество Пселла. Это былъ человѣкъ высокообразованный и много знавшій, хотя и не талантливый. Всѣ его сочиненія представляютъ ничтожныя компіляціи, по большей части, буквально списанныя съ какого-нибудь древняго автора. Въ ораторскихъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ имѣлъ особый успѣхъ, Пселлъ слѣдовалъ правиламъ византійской риторики, которая позволяла ему превозносить не только монарховъ, но даже блоху и вошь (его „Похвала блохѣ“ и т. п.). Михаилъ Пселлъ—типъ преуспѣвающаго византійца, добившагося высокихъ чиновъ лестью, низкопоклонствомъ, потворствомъ животнымъ инстинктамъ монарховъ, достигшаго благосостоянія выпрашиваніемъ и взяточничествомъ, типъ образованнаго сановника, мѣняющаго убѣжденія, жертвующаго правдой въ угоду царю; это человѣкъ безъ принциповъ, безъ идеала, способный хвалить и бранить одно и

тоже, готовый объять преступленія, чернить добродѣтель, настоящій прелебодѣй слова, печальное порожденіе печальнаго времени, развратное дѣтище развратнаго вѣка.

По окончаніи рѣчи, диспутанту первымъ сталъ возражать В. Г. Васильевскій. Его возраженія сводились къ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) въ трудѣ г. Безобразова нѣтъ среды, нѣтъ тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Михаилъ Пселлъ; 2) въ изображеніи личности Пселла не указана преобладающая черта его характера и направленія („господствующая способность“ Тэна). Пселлъ—ученый риторъ, и многіе недостатки его и достоинства объясняются этимъ фактомъ. Если риторизмъ—слабая сторона, то это, во всякомъ случаѣ, не преступленіе. Къ тому же надо помнить, что риторикой жила Византія, это—неотъемлемая часть всей ея исторіи. Поэтому, напрасно г. Безобразовъ перо Пселла называетъ „развратнымъ“ и придаетъ слишкомъ серьезное значеніе его риторическимъ упражненіямъ. Обвинительная рѣчь Пселла противъ Кирулларія, конечно, самое некрасивое изъ такихъ упражненій. Но можно ли сказать, по поводу ея, что „Пселлъ пользуется риторикой для того, чтобы объять злодѣянія“, т.-е. низложеніе патріарха Комненомъ? Развѣ подобный поступокъ со стороны императора, представителя свѣтской власти, боровшагося съ духовной властью въ лицѣ Кирулларія, позволительно именовать „злодѣяніемъ“? Ясно, что Комнену оставалось или самому погибнуть, или низвергнуть врага. Иначе, разсуждая какъ диспутантъ, пришлось бы и борьбу Генриха IV съ Григоріемъ Гильдебрандомъ, и низложеніе патріарха Никона заклеить именемъ „злодѣяній“. Далѣе, слѣдуетъ принять во вниманіе, что рѣчь эта противъ патріарха никогда не была произнесена, и кто знаетъ, можетъ быть, не одни внѣшніе обстоятельства тому причиной, но и самъ авторъ никогда не рѣшился бы ее сказать. Въ другихъ своихъ трудахъ Пселлъ, говоря о Кирулларіи, ни въ чемъ его не винить и въ одномъ изъ своихъ произведеній самъ устанавливаетъ правильную точку зрѣнія на свой поступокъ, возбуждившій такое негодованіе въ диспутантѣ. Онъ прямо ссылается на риторику, говоря, что она учитъ двояко понимать фактъ и съ противоположныхъ точекъ зрѣнія говорить о немъ убѣдительно¹ (καὶ ταῖς ῥητορείαις ἀρχὴ τοῦ πιδανῶς ἐκατέρωθεν λέγειν ἢ ἐπαμφότερος τοῦ γενομένου ὑπόληψις). Затѣмъ, можно ли ставить въ вину Пселлу, что онъ пользовался расположеніемъ девяти императоровъ, или объяснять подобный фактъ его низкопоклонствомъ, лестью? Никогда. Весь секретъ здѣсь въ томъ, что онъ, имѣя значительный ораторскій талантъ, былъ необходимъ каждому государю для разныхъ порученій, гдѣ требовалось произнесеніе рѣчей. Въ качествѣ придворнаго рителя, онъ, въ силу обычая,

долженъ былъ произносить панегирики каждому вступавшему на престолъ государю, независимо отъ его политическихъ взглядовъ. Самъ Пселлъ своей большой добродѣтелью считалъ ораторское искусство и потому особенно хвалилъ государей, отличавшихъ его за эту способность. Потомъ, обращаясь къ обвиненію Пселла во взяточничествѣ, находимъ, что оно построено неосновательно: нѣтъ убѣдительныхъ доказательствъ. Фактъ же его обогащенія можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ получалъ значительные подарки отъ императоровъ, на что есть свидѣтельства. Тяжкое обвиненіе Пселла въ измѣнѣ Михаилу Стратіоту, отъ котораго онъ явился посломъ къ Исааку Комнину, совсѣмъ невѣрно. Оно противорѣчитъ фактамъ, изложеннымъ въ книгѣ самого г. Безобразова. Изъ нихъ ясно, что Михаилъ два раза посылалъ Пселла съ товарищами для переговоровъ съ возмущившимся Комниномъ; во второй разъ, Михаилъ Стратіотикъ предлагалъ Исааку сдѣлаться его соправителемъ и, такимъ образомъ, мирно уладить дѣло; на эту уступку императоръ пошелъ, сознавая шаткость своего положенія въ столицѣ, гдѣ противъ него интриговалъ патріархъ. Далѣе извѣстно, что паденіе Михаила произошло вслѣдствіе возмущенія жителей Константинополя въ отсутствіе Пселла и противъ ожиданія Комнина, уже согласившагося на условія, вторично привезенныя послами. Страхъ, обнаруженный Пселломъ при извѣстіи о сверженіи Михаила (за который ему такъ досталось отъ диспутанта), могъ имѣть мѣсто только потому, что Пселлъ велъ себя честно, не вступалъ съ претендентомъ ни въ какія частныя соглашенія, а потому и не предвидѣлъ переворота. Послѣдній упрекъ диспутанту былъ сдѣланъ В. Г. Васильевскимъ за то, что г. Б. не пользовался однимъ важнымъ источникомъ—Іоанномъ Евхантаскимъ: современникъ Пселла, онъ даетъ любопытныя указанія для біографіи послѣдняго.

Съ правильностью всѣхъ замѣчаній В. Г. Васильевскаго диспутантъ согласился.

Вторымъ возражалъ И. Е. Троицкій: онъ ограничился двумя частными замѣчаніями: во-первыхъ не соглашался съ тѣмъ, что Пселлъ, назвавшій въ одномъ изъ своихъ писемъ Павла Самосатскаго, имѣлъ въ виду извѣстнаго еретика III вѣка, какъ то утверждалъ диспутантъ. (Впрочемъ, В. Г. Васильевскій стоялъ за мнѣніе П. В. Безобразова). Во-вторыхъ, онъ указывалъ на то, что въ книгѣ диспутанта есть существенный пробѣлъ: по поводу дѣла Михаила Кирулларія слѣдовало сказать о состояніи византійской церкви въ XI вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что при названномъ патріархѣ произошло столь извѣстное раздѣленіе церквей.

Въ качествѣ частныхъ оппонентовъ сдѣлали замѣчанія профессоръ В. И. Ламанскій и Х. М. Лопаревъ.

В. И. Ламанскій, упрекая диспутанта въ поспѣшности заключенія о безнравственности византійскаго общества на основаніи прижѣра одного Пселла, заявилъ, что ни придворная, ни чиновничья сферы никогда не могутъ дать яснаго представленія о высотѣ или низменности нравственнаго развитія общества. Не въ нихъ слѣдуетъ искать образцовъ добродѣтели, такъ какъ вся исторія, не исключая и современности, показываетъ, что въ этихъ сферахъ всегда больше лжи, лицемерія, эгоизма и т. п.

Х. М. Лопаревъ поставилъ вопросъ, почему диспутантъ въ началѣ своей книги называетъ Михаила Пселла знаменитымъ, когда изъ его же дальнѣйшаго изложенія онъ оказывается совершенно безнравственнымъ человѣкомъ. На это г. Безобразовъ замѣтилъ, что знаменитымъ Пселла считали всѣ историки, что, конечно, совсѣмъ неравносильно признанію его добродѣтельнымъ; что извѣстность можетъ быть разная, ну, хоть, напр., Геростратова.

— 9 мая 1890 г. въ актовомъ залѣ петербургскаго университета происходилъ магистерскій диспутъ по русской исторіи. Защищалъ диссертацию кандидатъ петербургскаго университета А. С. Лаппо-Данилевскій, представившій въ историко-филологическій факультетъ трудъ свой подъ заглавіемъ „Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій“. По прочтеніи *curriculi vitae* магистрантъ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„Мм. гг. Всякая сознательная, теоретическая дѣятельность должна быть вызвана извѣстными *причинами* и опредѣленнымъ *методомъ* стремиться къ строго намѣченной *цѣли*; лишь при такихъ условіяхъ она достигаетъ болѣе или менѣе устойчивыхъ *результатовъ*, которые получаютъ право гражданства въ наукѣ. Поэтому каждое научное сочиненіе можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: *методологической* и *феноменологической*.

Съ этихъ-то двухъ точекъ зрѣнія мнѣ и хотѣлось бы ознакомить васъ, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, съ главнѣйшими сторонами труда, содержаніе котораго будетъ обсуждаться въ настоящемъ собраніи.

Если обратиться къ *методологической* сторонѣ этого труда, то прежде всего является вопросъ о томъ, *какимъ образомъ историки могъ приняться за изученіе организаціи прямого обложенія въ одинъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ нашей отечественной исторіи?*— Вопросъ этотъ рѣшается при помощи двоякаго рода соображеній: теоретическихъ и практическихъ.

Прошло время, когда исторія была однимъ только искусственнымъ, литературнымъ рассказомъ любопытныхъ, славныхъ или поучи-

тельныхъ происшествій. Какъ наука, которая изучаетъ явленія развитія, обнаруживающіяся во взаимодействіи живыхъ индивидуумовъ, исторія въ настоящее время обнимаетъ довольно опредѣленный, хотя и весьма обширный кругъ вопросовъ: она слѣдитъ, главнымъ образомъ, за развитіемъ того взаимоотношенія, въ какомъ находились между собою явленія духовныя, хозяйственныя и правовыя въ предѣлахъ разнородныхъ социальныхъ группъ (народовъ), а также и на то положительное или отрицательное вліяніе, какое эти группы (народы) оказывали другъ на друга при такомъ развитіи.

Но возможно ли принять на себя изслѣдованіе подобнаго рода вопросовъ, хотя бы относительно какой-либо одной народности уму еще молодому, далеко не зрѣлому, уму, который обладаетъ пока еще небольшимъ запасомъ свѣдѣній, мало производилъ самостоятельныхъ наблюденій? Разумѣется, нѣтъ. Молодому работнику, быть можетъ, полезнѣе на первый разъ ограничить поле своихъ изслѣдованій, самому приняться на изслѣдованіе сырого матеріала и такимъ трудомъ выработать себѣ нѣкоторые приемы историческаго изученія, а потомъ уже, съ теченіемъ времени, перейти и къ болѣе высокимъ ступенямъ историческаго отвлеченія.—Поэтому едвали не цѣлесообразнѣе въ первыхъ ученыхъ трудахъ не задаваться слишкомъ широкими цѣлями, а выбрать предметомъ изслѣдованія одну изъ вышеуказанныхъ группъ явленій духовныхъ, хозяйственныхъ, правовыхъ въ предѣлахъ одной социальной группы или отношеній международныхъ. Разумный выборъ той или другой группы уже зависитъ не столько отъ отвлеченныхъ разсужденій объ исторіи вообще, сколько *отъ особенностей историческаго развитія той национальности, которая служитъ предметомъ изученія.* И на такой выборъ вліяютъ теоретическія и практическія соображенія.

Всеобщая исторія занимается изученіемъ нормъ общественнаго развитія, общихъ всему человѣчеству, или, по крайней мѣрѣ, цивилизованной его части. Специальное изученіе историческаго развитія извѣстной народности, напротивъ, стремится, къ опредѣленію специфическихъ ея признаковъ. Всеобщій историкъ, разумѣется, знакомится съ исторіей отдѣльныхъ народностей, но отвлекаетъ отъ нихъ общія нормы: историкъ, специально изучающій исторію той или другой народности, напротивъ, слѣдитъ за тѣми видоизмѣненіями, какими подвергаются общія нормы подъ вліяніемъ специфическихъ особенностей изучаемаго имъ типа, и, такимъ образомъ, провѣряетъ, исправляетъ и дополняетъ выводы, уже занесенные на страницы всеобщей исторіи. Вотъ почему изученіе національной исторіи должно имѣть особенно цѣнные результаты въ томъ случаѣ, когда обращено будетъ на періоды наиболѣе рѣзкаго развитія специфическихъ особенностей изу-

чаемаго типа. Эти общія разсужденія естественно прилагаются и къ изученію нашей отечественной исторіи. Въ XIV—XV вв. уже видны зародыши будущаго Московскаго государства, въ XVI вѣкѣ обрисовываются важнѣйшія черты государственнаго строя, но лишь въ XVII в. онѣ достигаютъ опредѣленнаго, болѣе или менѣе устойчиваго, взаимоотношенія, которое даетъ возможность довольно ярко представить себѣ извѣстный государственный типъ. Въ XVIII в. національныя черты этого типа сильно блѣднѣютъ подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія исторія XVII вѣка имѣетъ для насъ глубокой теоретическій интересъ. Но за этотъ періодъ времени развитіе великорусской національности было довольно одностороннимъ. Оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функцій, а не въ историческомъ разностороннемъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ. Поэтому, изученіе XVII в. сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственною исторіей. Въ этой исторіи наиболѣе важными вопросами за это время являются: финансы и войско. Причинное соотношеніе, въ какомъ находятся эти явленія, естественно приводитъ къ предварительному изученію перваго изъ нихъ. Хотя военныя потребности и имѣли большое вліяніе на финансовый строй, но и послѣдній, въ свою очередь, дѣлалъ возможною ту или другую военную организацію. Отсюда можно естественно придти къ заключенію, что государственное хозяйство XVII в., съ теоретической точки зрѣнія, можетъ послужить весьма важнымъ предметомъ ученаго изслѣдованія.

Въ своевременности такого рода изслѣдованія насъ убѣждаютъ соображенія болѣе практическаго свойства. Нечего говорить о томъ богатствѣ рукописнаго и печатнаго матеріала, благодаря которому можно иногда до мельчайшихъ подробностей ознакомиться съ тѣмъ или другимъ явленіемъ русской жизни XVII вѣка. Любопытно, что та часть этого матеріала, которая ближе всего касается государственнаго хозяйства въ XVII в., очень мало извѣстна, хотя и отличается замѣчательнымъ богатствомъ содержанія. Многіе важнѣйшіе памятники по этой части, каковы, напримѣръ, писцовыя книги, окладныя росписи и смѣтные списки, доселѣ остаются почти неизданными, а то, что издано, сильно нуждается въ ученой переработкѣ¹⁾. Такимъ

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ сочиненій по исторіи русскихъ финансовъ немного. Таковы, напр., по исторіи прямыхъ налоговъ и прямого обложенія.

Ю. Гагемейстера. Розысканія о финансахъ древней Россіи, Спб. 1833 г.

К. Веселовскаго. Исторія поземельнаго налога въ Россіи въ Жур. Мин. Госуд. Имущ., 1841 г., т. I, стр. 147—179.

образомъ, богатство матеріала ¹⁾ по исторіи государственнаго хозяйства въ Россіи въ XVII в. и довольно слабая ученая разработка этого матеріала утверждали меня въ намѣреніи заняться его изученіемъ.

Трудно, однако, охватить сразу весь обширный кругъ вопросовъ, входящій въ финансовую исторію Московскаго государства въ XVII в. Эти вопросы можно разсматривать съ точки зрѣнія ихъ экономическаго значенія или съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности. Но финансовая политика XVII в. держалась настолько политико-экономическихъ, сколько соціально-политическихъ воззрѣній; она болѣе заботилась о казенныхъ выгодахъ, чѣмъ о поощреніи частной предпріимчивости и развитіи народнаго хозяйства. Поэтому, имѣя отчасти въ виду первую изъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія, авторъ стоялъ преимущественно на второй изъ нихъ, а между тѣмъ, именно со второй изъ этихъ точекъ зрѣнія, несомнѣнно, наиболѣе важ-

Гр. Д. Толстого. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, Спб., 1848 г.
Н. Ямшиескаго. О расходахъ Россіи до конца XVII в. въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1850 г. Кн. 1.

В. Незабитовскаго. О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ со времени установленія единодержавія до введенія подушнаго оклада Петромъ Великимъ.—Написано въ 1852 г., изд. 1884.

В. Кури. О прямыхъ налогахъ въ древней Руси, въ Юрид. Сборникѣ Д. Мейера, Каз. 1855, стр. 106—152.

Е. Осокина. О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. Каз., 1856 г.

В. Гольцева. Государственное хозяйство во Франціи XVII в., М. 1878 г. (Здѣсь на стр. 129—170 помѣщена глава: „Хозяйство Московскаго государства въ XVII в.“).

А. Спицына. Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII в. въ Вятскомъ календарѣ за 1887 г.

Недостатки, свойственные вообще всѣмъ этимъ сочиненіямъ слѣдующіе:

1) Всѣ они написаны исключительно по печатному матеріалу, а такъ какъ въ то время напечатано было очень мало, то естественно отличаются крайней неполнотой, случайностью.

2) Почти всѣ они обнимаютъ весьма значительные промежутки времени, а потому и вопросъ разсматриваютъ въ общихъ чертахъ, довольно неясныхъ, ибо бѣдность изложенія зависитъ не отъ отвлеченія отъ заранее разработанныхъ частностей, а отъ малаго знакомства съ такими частностями.

3) Всѣ они почти совсѣмъ не касаются вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ успѣхъ дѣла. Игнорируется соціальная организація тяглыхъ классовъ, а также дѣятельность мѣстныхъ органовъ управленія въ системѣ финансовыхъ учрежденій Московскаго государства.

¹⁾ Важнѣйшими собраніями рукописныхъ источниковъ являются, конечно, Архивъ Министерства Юстиціи и Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Списки XVIII в. съ писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Арх. Мин. Юстиціи, можно также найти въ Ими. Публ. Библіотекѣ.

вое, общее значеніе и имѣетъ вопросъ объ организаціи прямого обложенія.

Таковъ логическій путь, которымъ я пришелъ къ изученію организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Какъ ни узка можетъ показаться эта тема, однако, матеріалъ для ея изученія громадный. Нечего говорить, какъ *легко* собирать такой матеріалъ. Всякій, кому приходилось вести такого рода работу, знаетъ, какъ онъ разбросанъ по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ, какъ мало существуетъ указателей, да и то неполныхъ, напечатаннымъ грамотамъ и актамъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находятся многіе реестры архивныхъ дѣлъ. Классификація этого матеріала также представляетъ немало затрудненій. Классификація явленій, единообразно повторяющихся, естественно остается неизмѣнной; но порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ разсматривать основные элементы общественнаго развитія данной соціальной группы, не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же: онъ мѣняется, сообразно тому, какой изъ этихъ элементовъ является центромъ ихъ соотношенія въ тотъ или другой промежутокъ времени. Отсюда необходимость во всякомъ историческомъ изслѣдованіи видоизмѣнять статическую схему изслѣдуемыхъ явленій въ динамическомъ смыслѣ, сообразно времени и мѣсту. Этой точки зрѣнія приходилось держаться и при изученіи организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII в. Надлежало разработать вопросы о томъ,

- 1) какъ подати распредѣлялись между различными классами населенія;
- 2) какъ правительство окладывало податями тяглое населеніе и какъ раскладка тѣхъ же податей производилась самимъ населеніемъ;
- 3) какъ эти подати, послѣ правительственнаго оклада и мірской раскладки, взиались органами мѣстнаго самоуправленія и приказной администраціи и
- 4) какъ собранныя подати распредѣлялись и хранились по центральнымъ учрежденіямъ государства.

Съ такими запросами можно обратиться къ исторіи всякаго государства. Но не во всякомъ государствѣ эти вопросы разрѣшаются одинаково. Различное ихъ рѣшеніе состоитъ въ различномъ соотношеніи, какое въ зависимости отъ времени и мѣста принимаютъ явленія, входящія въ составъ этихъ общихъ подраздѣленій. И это замѣчается не только при сравненіи различныхъ государствъ, но и при сопоставленіи разныхъ періодовъ въ жизни одного и того же государства. Такъ, въ Московскомъ государствѣ XVII в. тяглыми людьми

были крестьяне и посадские. Но первоначально изъ этого правила сдѣлано было много исключеній: отношенія этихъ классовъ другъ къ другу и къ остальному населенію оставались неопредѣленными. Лишь въ концѣ XVII в. замѣчается, съ одной стороны, почти полное уничтоженіе податныхъ привилегій (преимущественно жалованныхъ грамотъ монастырямъ), съ другой, болѣе точное подраздѣленіе тяглыхъ людей на посадскихъ и крестьянъ и болѣе рѣзкое разграниченіе тяглаго и служилого класса. Въ раскладѣ и взиманіи податей XVII в. также замѣчается историческое движеніе. Правительство все болѣе и болѣе упрощаетъ систему оклада, все точнѣе опредѣляетъ мѣсто, которое должна занять тяглая община въ административномъ порядкѣ, и окончательно вручая ей мірскую раскладку съ запрещеніемъ воеводѣ въ нее вѣшпываться, зачисляетъ выборныя власти мірскаго самоуправленія въ ряды областныхъ органовъ администраціи. Наконецъ, такое же историческое движеніе замѣчается и въ распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Первоначально основаніемъ такого распредѣленія служилъ главнымъ образомъ территориально-сословный принципъ, въ силу котораго доходы, получаемые съ цѣлой области, поступали въ четверть, завѣдывавшую этою областью, или скорѣе тяглымъ населеніемъ этой области въ финансовомъ отношеніи. Но со второй половины XVII в. замѣчаются попытки правительства систематизировать поступленія, разбить доходы по группамъ смотря по ихъ характеру, и препроводять ихъ въ учрежденія, различающіяся между собой по роду дѣлъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ общихъ рамкахъ, которыя намѣчены были выше, изучаемыя явленія представляются не неподвижно, а напротивъ, въ ихъ историческомъ движеніи, не отвлеченною однообразною схемой, а въ видѣ живой развивающейся ткани соотношеній, опредѣляемыхъ мѣстными условіями древнерусской жизни.

Эта динамическая (если можно такъ выразиться) классификація историческихъ явленій предварааетъ и правильное ихъ разъясненіе, *а результаты послѣднюю прямо вводятъ насъ изъ области методологій въ сферу феноменологій нашего труда.*

Подобно тому, какъ въ органическомъ развитіи наблюдается способность половой клѣтки создавать особь, тождественную съ особою, которой эта клѣтка принадлежала, но не замѣчается полной тождественности этихъ особей въ виду стремленія каждой клѣтки къ индивидуальности, такъ и при смѣнѣ различныхъ періодовъ исторической жизни любой общественной группы не трудно замѣтить борьбу, которая ведется между наслѣдственными и индивидуальными, свойственными именно тому, а не другому періоду, чертами развитія изучаемой народности.

И при изслѣдованіи такого частнаго вопроса, каковымъ является.

вопросъ объ организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка, замѣчается та же борьба стараго съ новымъ. Почти всѣ прежніе виды налоговъ (за исключеніемъ развѣ пищальныхъ денегъ, которыя замѣняются въ большинствѣ случаевъ стрѣлечкини), извѣстныя до смуты, продолжаютъ существовать и въ XVII в., но взаимоотношеніе ихъ все болѣе и болѣе опредѣляется, и главное мѣсто начинаютъ занимать стрѣлечкія деньги. Слѣды прежняго общественнаго порядка, допускавшаго массу отступленій и значительный произволъ, весьма замѣтны въ началѣ XVII в., но съ теченіемъ времени начинаютъ сглаживаться подъ вліяніемъ болѣе строгихъ разграниченій тяглыхъ и служебныхъ обязанностей. Соха (по крайней мѣрѣ, въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ) сменяется живущею четвертью и дворомъ; подати взимаются съ этихъ податныхъ единицъ при помощи новыхъ приказныхъ учреждений (воеводъ), неизвѣстныхъ XVI вѣку, хотя потомъ эти учрежденія и уступаютъ мѣсто снова земскому самоуправленію; наконецъ, въ распредѣленіи доходовъ по центральнымъ учрежденіямъ если еще замѣтно дѣйствуютъ старыя принципы—вотчинный и территоріально-сословный, то видны и новыя, неизвѣстныя до того, попытки систематизировать поступленія.

Но при разъясненіи историческихъ явленій недостаточно опредѣлить составныя ихъ элементы, недостаточно указать на тѣ видоизмѣненія, какія происходятъ въ ихъ взаимоотношеніи подъ вліяніемъ борьбы старыхъ и новыхъ началъ. Необходимо еще опредѣлить, каковы были причины, вызвавшія появленіе этихъ новыхъ началъ.

Причины, вызвавшія перемѣны и нововведенія въ организаціи прямого обложенія Моск. гос. въ XVII в., можно раздѣлить на двѣ группы: на причины внутреннія и внѣшнія. Внутреннія причины сводятся главнымъ образомъ къ одной весьма сложной—къ разоренію Московскаго государства, какое оно потерпѣло въ смутное время. Разореніе это выразилось въ сильномъ пониженіи народнаго благосостоянія, главнымъ образомъ, въ упадкѣ земледѣльческой культуры, и, слѣдовательно, вредно вліяло на положеніе казны. Подъ вліяніемъ разоренія правительство принуждено было прибѣгнуть къ временнымъ льготамъ и привилегіямъ, быть можетъ, замѣнило соху живущею четвертью. Но главное вліяніе на перемѣны и нововведенія въ прямомъ обложеніи вызваны были потребностями внѣшней политики.

Московское правительство XVII вѣка понимало, что разрѣшенію восточнаго и балтійскаго вопросовъ въ XVI вѣкѣ помѣшала Польша, что на очереди стоитъ вопросъ польскій, а не балтійскій или восточный, и нашло законный путь къ его разрѣшенію въ войнахъ изъ-за Малороссіи. Но для войны нужно было имѣть войско, а для содержанія войска требовались денежные средства. Поэтому устройство

войска и добываніе средствъ, предназначавшихся на его содержаніе, и стали главными задачами внутренней политики XVII вѣка. Всѣ общественныя силы привлекались къ удовлетворенію этихъ главныхъ потребностей государства, а поэтому и все населеніе дѣлилось на двѣ группы: на людей тяглыхъ и людей служилыхъ. И тѣ, и другіе служили государству: первые—имуществомъ, вторые—личною службой. Для отправленія послѣдней, однако, необходима была прежде всего болѣе или менѣе удовлетворительная организація податныхъ обязанностей. Но требованія, предъявляемыя войной, не допускали возраженій; въ силу этихъ требованій, надо было заранѣе опредѣлять окладъ налоговъ, сообразуясь не столько съ благосостояніемъ народнаго хозяйства, сколько съ военными нуждами. Эта необходимость въ связи съ самодержавною формою правленія привела къ образованію репартиціонной системы налоговъ. И прямыя, и косвенныя налоги отличались окладнымъ характеромъ, но особенности этой системы, конечно, ярче всего выразились въ организаціи прямого обложенія. Правительство, какъ извѣстно, равномерно окладывало всякаго налогоплательщика, и во всякомъ случаѣ, за весьма немногими исключеніями, не держалось полной пропорціональности обложенія. Въ репартиціонной системѣ оно находило средство къ централизаціи, ибо ею уравнивало обязанности различныхъ областей къ государству, стягивало распредѣленіе этихъ обязанностей въ одинъ главный центръ и ставило въ непосредственную зависимость отъ этого центра возможно большее количество нерѣдко весьма мелкихъ территоріальныхъ единицъ. Но, принимая на себя разрѣшеніе лишь вопросовъ о количествахъ тяглыхъ хозяйствъ, о налогоплательщикахъ и ихъ окладахъ, правительство тѣмъ самымъ было принуждено было предоставить тяглою общинѣ распредѣленіе податей между налогоплательщиками, сообразно хозяйственному благосостоянію каждого изъ нихъ, и, такимъ образомъ, вручило ей одну изъ важныхъ функцій областного управленія. Итакъ, милитаризмъ въ связи съ монархическимъ принципомъ, который самъ въ значительной мѣрѣ обязанъ былъ ему своимъ возникновеніемъ, вызывалъ образованіе репартиціонной системы; она служила отчасти средствомъ для усиленія централизаціи, хотя и принуждала правительство отвести тяглому міру небольшое мѣсто въ административномъ порядкѣ. Тѣ же условія отчасти вліяли и на распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Посольскій, а отчасти и Стрѣлецкій приказы были центрами, къ которымъ нерѣдко приписывались многія учрежденія финансоваго характера.

Но если репартиціонная система складывалась подъ вліяніемъ потребностей внѣшней безопасности и военныхъ нуждъ, то, съ воз-

растаніемъ послѣднихъ, ея особенности должны были обнаруживаться все рѣзче и рѣзче. Быстрый ростъ военныхъ потребностей, съ одной стороны, вызывалъ привлеченіе всѣхъ свободныхъ, незанятыхъ военною или гражданскою государственною службой, общественныхъ силъ къ обложенію, съ другой—при маломъ запасѣ административныхъ силъ и настоятельности этихъ потребностей, побуждалъ правительство къ упрощенію системы обложенія. Правительство отказалось отъ поземельнаго налога, который требовалъ значительныхъ и долговременныхъ измѣреній. Оно замѣнило соку живущею четвертью, а живущая четверть, съ теченіемъ времени, въ послѣдней трети XVII в., уступила мѣсто двору. Въ равномерномъ окладѣ послѣдняго гораздо рѣзче выразился репартиціонный характеръ организаціи прямого обложенія. То же постепенно усиливавшееся вліяніе, какое оказывалъ ростъ военныхъ потребностей на эту систему, обнаружился и въ третьей попыткѣ правительства упростить систему прямыхъ налоговъ путемъ сліянія нѣсколькихъ податей съ главною податью того времени—стрѣлцкою, которая должна была поступать прямо въ Стрѣлцкій приказъ.

Такимъ образомъ, не только въ характерѣ, но и въ главнѣйшихъ моментахъ развитія организаціи прямого обложенія не трудно замѣтить то вліяніе, какое въ этомъ процессѣ имѣли все болѣе и болѣе разраставшіяся военныя потребности.

Разъяснивъ главнѣйшія причины того, а не другого характера организаціи прямого обложенія, остается сказать нѣсколько словъ о значеніи этой организаціи для XVII вѣка и для послѣдующаго времени.

Въ самыхъ общихъ чертахъ значеніе это выразится въ слѣдующемъ:

во-1-хъ, благодаря этой организаціи все населеніе Московскаго государства, не находившееся на военной или гражданской государственной службѣ, привлечено было къ обложенію; въ такомъ процессѣ правительство мало обращало вниманія на частные интересы, которые такимъ образомъ поглощены были государственными;

во-2-хъ, та же организація въ значительной мѣрѣ способствовала развитію централизаціи, и

въ-3-хъ, при такой организаціи государство привыкло удовлетворять свои потребности собственнымъ равномернымъ, хотя и тяжелымъ, народнымъ трудомъ, а это въ значительной мѣрѣ дало возможность населенію безъ слишкомъ губительныхъ послѣдствій выдержать то страшное напряженіе народныхъ силъ, которое наступило въ эпоху преобразованій.

Таковы, м. г. и м. г-ни, тѣ точки зрѣнія, которыхъ я держался

при изученіи вопроса объ организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій, и тѣ результаты, которыхъ я достигъ помощью такого изученія“.

Первый оффиціальныи оппонентъ, проф. Н. И. Карѣвъ, началъ съ указанія достоинствъ представленнаго на соисканіе степени магистра труда г. Лаппо-Данилевскаго. Помимо весьма значительнаго, чтобы не сказать громаднаго количества архивнаго матеріала, положеннаго въ основаніе книги, достоинства эти, по словамъ оппонента, заключаются въ богатой эрудиціи ея автора, въ основательномъ знакомствѣ его съ общей исторической литературой и съ теоріей финансоваго права, въ строго-систематическомъ и выработанномъ планѣ всего сочиненія, наконецъ, въ постоянномъ сопоставленіи авторомъ своихъ частныхъ и спеціальныхъ выводовъ съ общими положеніями русской исторіи. Всѣ указанныя качества книги, давая возможность г. Лаппо-Данилевскому придти къ весьма любопытнымъ и важнымъ выводамъ, дѣлають ее цѣннымъ вкладомъ въ литературу русской исторіи. Переходя затѣмъ къ возраженіямъ, проф. Карѣвъ предупредилъ, что, какъ не-спеціалистъ, онъ будетъ касаться въ нихъ только общей части книги. Первый недостатокъ книги, заслуживающій указанія, заключается, по его мнѣнію, въ тѣхъ сравненіяхъ русскихъ порядковъ съ западно-европейскими, какія дѣлають авторъ. Сравненія эти слишкомъ частны и отрывочны, самыя ссылки на западно-европейскія государства заимствованы иногда изъ устарѣвшихъ книгъ и подчасъ не соотвѣтствуютъ своей цѣли, какъ напр., на стр. 170 относительно слиянія на Западѣ слободъ съ городомъ, сопоставляемаго авторомъ со слияніемъ города и уѣзда въ Московскомъ государствѣ, въ иныхъ же случаяхъ и невѣрны, какъ напр., на стр. 45. Другимъ, болѣе важнымъ недостаткомъ является неточность языка автора, на которую приходится особенно обратить вниманіе въ виду его заявленія о разсматриваніи имъ явленій финансовой исторіи Московскаго государства съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности, причемъ необходима уже строгая точность выраженій. Подтвердивъ примѣрами это возраженіе, оппонентъ отиѣтилъ далѣе противорѣчіе между мнѣніемъ диспутанта относительно достиженія Московскимъ государствомъ къ XVII в. опредѣленнаго взаимоотношенія важнѣйшихъ чертъ своего государственнаго строя и тою неопредѣленностью, путанностью и неясностью отношеній, какую ему приходится характеризовать при изложеніи исторіи финансовыхъ учреждений (стр. 442, 455 и др.). Наконецъ, проф. Карѣвъ указалъ на невыясненность, господствующую въ представленіяхъ автора относительно возникновенія общины и отношенія ея къ государству. Признавая, напр., на стр. 78, что болѣе сложные мѣстные общественные союзы сложились

скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, „подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой ихъ зависимости отъ государства“, г. Лаппо-Данилевскій на стр. 83 и 85 называетъ волость „древнимъ общиннымъ дѣленіемъ“, „самостоятельнымъ явленіемъ народной жизни“. Самая характеристика общинныхъ отношеній по мѣстностямъ въ книгѣ диспутанта представляетъ скорѣе характеристику населенія этихъ мѣстностей.

Отвѣчая на эти возраженія, диспутантъ замѣтилъ, что дѣлавшимся имъ ссылкамъ на примѣры Западной Европы онъ самъ не придавалъ большого значенія, не приводилъ ихъ систематически, а потому и отнесъ ихъ не въ текстъ, а въ подстрочныя примѣчанія. Что касается до указаннаго проф. Карѣвымъ противорѣчія между его тезисомъ объ опредѣленности типа Московскаго государства въ XVII в. и неопредѣленности центрального управленія въ тотъ же періодъ времени, на которую г. Лаппо-Данилевскій указываетъ въ V-й главѣ, то оно, по мнѣнію диспутанта, не существуетъ; въ первомъ случаѣ Московское государство XVII в. названо опредѣленнымъ типомъ по отношенію къ предшествовавшимъ періодамъ нашего развитія; во второмъ строй центральныхъ учрежденій считается неопредѣленнымъ съ современной точки зрѣнія. Отмѣченное же противорѣчіе въ своихъ мнѣніяхъ объ общинѣ г. Лаппо-Данилевскій объясняетъ тѣмъ, что приводимыя проф. Карѣвымъ мѣста относятся къ различнымъ моментамъ и мѣстностямъ. Послѣ обмѣна возраженій, законченнаго проф. Карѣвымъ повтореніемъ своего общаго мнѣнія о трудѣ диспутанта, слово перешло ко второму официальному оппоненту, привдоценту русской исторіи С. О. Платонову. Указавъ на важное значеніе книги г. Лаппо-Данилевскаго для русской исторіи, г. Платоновъ характеризовалъ взгляды ея автора, какъ строгаго и чистаго государственника, примыкающаго въ этомъ отношеніи къ Соловьеву, Чичерину и другимъ недавнимъ корифеямъ русской исторической науки. Въ этомъ онъ усматривалъ нѣкоторую узкость и односторонность взгляда, повліявшую и на весь характеръ труда диспутанта, видящаго значеніе XVII вѣка исключительно въ правительственной исторіи. По мнѣнію г. Платонова, не менѣе заслуживаетъ изученія и не менѣе важныхъ выводовъ можетъ дать и исторія народнаго хозяйства въ XVII столѣтіи. На это замѣчаніе г. Платонова г. Лаппо-Данилевскій замѣтилъ, что онъ не отрицаетъ значенія, какое имѣетъ исторія народнаго хозяйства. Но, по его мнѣнію, историческое движеніе за это время преимущественно сказывалось въ исторіи правительства; государственные интересы выступали на первый планъ; имъ подчинялись и иногда не безъ вредныхъ послѣдствій интересы народнаго хозяйства. Второе существенное возраженіе г. Платонова каса-

лось опредѣленія оброка, который онъ признаетъ результатомъ государственной дѣятельности, промысловымъ налогомъ, тогда какъ г. Лаппо-Данилевскій считаетъ, что онъ проникъ въ финансовую систему изъ сферы частно-договорныхъ отношеній, хотя и признаетъ за нимъ впослѣдствіи и характеръ промысловаго налога. Въ возникшемъ по этому поводу спорѣ прив.-доцентъ политической экономіи В. Г. Яроцкій замѣтилъ, что и теперь оброку придается и то, и другое значеніе. Указаніями нѣсколькихъ частныхъ пробѣловъ г. Платоновъ и закончилъ свои возраженія.

Вслѣдъ за тѣмъ проф. Лебедевъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ то значеніе, какое имѣетъ трудъ г. Лаппо-Данилевскаго въ исторіи финансоваго права.

Другихъ частныхъ оппонентовъ не оказалось, и г. Лаппо-Данилевскій былъ признанъ факультетомъ магистромъ русской исторіи.

— 21 мая происходилъ въ петербургскомъ университетѣ магистерскій диспутъ И. П. Филевича (нынѣ э. о. проф. варшавскаго университета).

Въ рѣчи своей диспутантъ заявилъ, что до сихъ поръ въ ученой литературѣ не было работы, специально посвященной избранной имъ темѣ („Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе“), и перешелъ къ развитію слѣдующихъ положеній:

1) Къ началу XIV вѣка положеніе Польши, въ виду усиленія нѣмецкаго элемента внутри государства и враждебнаго отношенія сосѣднихъ нѣмецкихъ государствъ на западѣ и сѣверѣ, стало весьма критическимъ.

2) Планъ соединенія польско-литовско-русскихъ силъ для борьбы съ тевтонизмомъ, задуманный Локеткомъ, былъ оставленъ Казиміромъ, который рѣшилъ возмѣстить потери на западѣ приобрѣтеніями на востокѣ.

3) Движеніе Казимира на Русь составляетъ поворотный моментъ польской исторіи, сообщивъ ей характеръ культурно-религіозной пропаганды.

4) Не менѣе рѣшительное значеніе имѣетъ оно и въ исторіи западной Руси, нарушивъ гармоническое сліяніе ея съ Литвой въ одно цѣлое и совершенно измѣнивъ дальнѣйшій ходъ ея жизни.

5) Указанными двумя причинами объясняется необыкновенное ожесточеніе, упорство и продолжительность перваго періода русско-польской борьбы, не прекратившейся даже въ 1387 году.

6) Этотъ періодъ представляетъ отдѣльный моментъ русско-польскихъ отношеній, но находится въ прямой связи съ ихъ ходомъ во все послѣдующее время.

7) Утвердившееся въ исторической наукѣ мнѣніе о присоединеніи

галицкой Руси къ Польшѣ въ 1340 году, а равно сообщенія объ успѣхахъ Казимира въ 1366 году, не выдерживаютъ строгой исторической критики.

8) Столь же неосновательны утверждения польскихъ историковъ о быстрыхъ и мирныхъ успѣхахъ колонизма въ галицкой землѣ.

9) Благодаря тѣсной связи Галичины съ остальнымъ русскимъ міромъ, польское господство встрѣтило здѣсь самый рѣшительный отпоръ и утвердилось постепенно лишь при содѣйствіи ничѣмъ не стѣснявшагося насилія.

Первымъ возражалъ проф. В. Г. Васильевскій. Его замѣчанія направлены были, главнымъ образомъ, противъ утвержденія г. Филевича, что 1340 годъ прошелъ для галицкой земли, не приведя съ собой никакихъ существенныхъ измѣненій въ ея положеніи. Оппонентъ, указывая на неправильный анализъ и толкованіе источниковъ г. Филевичемъ,—источниковъ, касающихся событій 1340 года,—въ значительной мѣрѣ поколебалъ и твердость остальныхъ утверждений диспутанта, построенныхъ на почвѣ отрицательнаго отношенія къ событіямъ 1340 года. Среди немногочисленныхъ источниковъ, могущихъ разъяснить вопросъ о томъ, произошло или нѣтъ въ 1340 году подчиненіе Галичины Польшѣ, конечно, первое мѣсто занимаетъ officialный документъ—грамота папы Бенедикта XII отъ 29 іюля 1341 года. Именно, этотъ документъ не удалось г. Филевичу оцѣнить надлежащимъ образомъ. Онъ считаетъ его недостовернымъ на томъ основаніи, что въ немъ есть пропускъ, обозначенный четырьмя точками. Но лакуна настолько незначительна, что совсѣмъ не мѣшаетъ пониманію смысла всей грамоты. Эта лакуна—ничто иное, какъ пропускъ имени *Detko* (воеводы галичанъ), пропускъ совершенно обычный въ копіяхъ съ документовъ папской канцеляріи, къ разряду которыхъ принадлежитъ и данная грамота. Въ ней папа приказываетъ краковскому епископу разрѣшить короля Казимира отъ неодуманно данной имъ русскому народу клятвы „сохранять его обычаи, законы и обряды“ (*ipsosque in locum ritibus, juribus et consuetudinibus conservare*). Особенно важно то, что грамота вполне ясно говоритъ и о известной степени подчиненія русскихъ (*certa conventiones et pacta cum certis serviciis et subjectionibus eidem Regi exhibentes*). Выставляя же причиной обращенія Казимира къ папѣ страхъ предъ татарскими набѣгомъ, какъ то дѣлаетъ г. Филевичъ, нѣтъ никакихъ данныхъ ни въ содержаніи самого документа, ни въ извѣстіяхъ другихъ источниковъ. Напротивъ, наиболее достоверные—хроники Яна и Траски (польскія), монаха Леобенскаго и Витодурава (нѣмецкія) подтверждаютъ сообщенія папской грамоты. Авторы этихъ лѣтописей—современники событій 1340 года. Указанія диспутанта на недо-

вѣрность польскихъ извѣстій сами по себѣ не солидны, такъ какъ не вытекаютъ изъ общей критической оцѣнки сообщеній названныхъ историковъ, а кромѣ того, опровергаются существованіемъ отголосковъ о галицкихъ событіяхъ 1340 года въ странахъ значительно удаленныхъ отъ мѣста ихъ совершенія (монахъ Леобенскій — въ Штиріи, Витодуранъ — въ Швейцаріи). Последнее могло случиться только потому, что событія были немаловажныя. Косвенное подтвержденіе факта подчиненія Галичины Казимиру можно найти и въ грамотѣ силезскаго герцога отъ марта 1348 года, подтверждающей привилегіи города Штейнау. Причиной своей милости къ горожанамъ Штейнау герцогъ выставляетъ желаніе утѣшить ихъ за опустошеніе и разореніе, причиненное имъ русскими (*per infidelium Ruthenorum devastationem et incendia*). Надо думать, что здѣсь рѣчь идетъ о галицкихъ русскихъ, находившихся въ войскѣ короля Казимира въ качествѣ новыхъ подданныхъ его во время похода на Силезію 1343 года. Затѣмъ, утвержденіе г. Филевича, что Дѣтко остается независимымъ правителемъ галицкой земли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1340 г., основывается на шаткомъ фундаментѣ: на отождествленіи Dechek (Дажко?) грамоты венгерскаго короля Людовика съ упомянутымъ выше воеводой. Далѣе, что касается вопроса о времени выдѣленія галицкой епархіи въ особую митрополию, то г. Филевичъ, во-первыхъ, не воспользовался важными источниками *ad hoc*; во-вторыхъ, изъ тѣхъ фактовъ, которые ему были извѣстны, не сдѣлалъ правильныхъ выводовъ. До насъ дошли византійскія царскія и патріаршія грамоты отъ 1347 года, касающіяся интересующаго насъ вопроса. Въ одной изъ нихъ Іоаннъ Кантакузинъ говоритъ, что въ недавнее время смуть его предшественники ввели новшество (*καινοτομίαν*): отторгли отъ свѣтѣйшей кіевской митрополіи епископіи Малой Россіи (т. е. галицкую, владимірскую, холмскую, перемышльскую, луцкую и туровскую) и подчинили ихъ галицкому митрополиту, возведя его изъ епископовъ въ санъ митрополита. Тоже извѣстіе мы встрѣчаемъ и въ постановленіи патріарха Исидора, гдѣ прямо говорится о недавно состоявшемся раздѣленіи „во время смуть при бывшемъ передъ нами патріархѣ, когда состоялось и соборное дѣяніе о галицкой митрополіи“. Въ виду того, что упоминаемыя въ обѣихъ грамотахъ смуты происходили въ промежутокъ времени отъ 1341 года по 1347-й, слѣдуетъ, что и „новшество“, т. е. созданіе особой митрополіи относится къ этому же времени. Такимъ образомъ, мы въ состояніи точно опредѣлить время учрежденія галицкой митрополіи. Но и на основаніи того матеріала, который былъ подъ руками диспутанта, никакъ нельзя было отрицать существованія у Юрія-Болеслава плановъ относительно созданія особой митрополіи для Галичины, даже больше — необходимо

было признать удачу попытокъ въ этомъ родѣ еще до него, такъ какъ есть несомнѣнное свидѣтельство о повышеніи галицкой епископіи въ митрополию отъ 1303 года (при визант. имп. Андроникѣ Палеологѣ и патріархѣ Аванасіи). Последнее извѣстіе подтверждается общими указаніями хрисовула Кантакузина на то, что „въ прежнія времена, когда было замышляемо такое новшество (выдѣленіе галицкой митрополіи) оно падало и разрушалось въ самомъ началѣ“ (καὶ ἐν ἄλλοις καιροῖς ἐνεχειρήθη μὲν ἡ τοιαύτη καινοτομία κατελύθη δὲ καὶ ἀντεράπη ἄμα τῷ γεγονέναι).

Этимъ закончилъ свои замѣчанія В. Г. Васильевскій, прибавивъ, что недостатки труда г. Филевича вытекаютъ, въ значительной степени, изъ особой ревности къ дѣлу, за которое онъ взялся. Съ правильностью замѣчаній В. Г. Васильевского диспутанту пришлось согласиться.

Вторымъ возражалъ приватъ-доцентъ С. Θ. Платоновъ. Онъ выразилъ удивленіе, почему г. Филевичъ въ своемъ трудѣ по исторіи борьбы за галицкую землю ея сосѣдей не даетъ характеристики жертвы—объекта борьбы, не преминувъ дать характеристику Польши, Литвы и татаръ; тогда какъ подобная характеристика должна была показать: 1) внутреннее состояніе страны, какъ источникъ ея слабости или силы; 2) отношенія страны къ сосѣдямъ, какъ почву, на которой выросли притязанія сосѣдей. Оппонентъ предугадываетъ отвѣтъ на это замѣчаніе со стороны г. Филевича: именно, что „Галичъ ничѣмъ не выдѣлялся въ кругу другихъ русскихъ земель, но что ходъ его внутренней жизни представляетъ замѣчательную аналогію съ ходомъ историческаго развитія земли, ставшей впоследствии ядромъ объединенія Руси“ (стр. VII диссертациі диспутанта). Но дальнѣйшее изложеніе само говоритъ противъ этого положенія г. Филевича. Именно, на 174 стр. у диспутанта явилась необходимость заговорить о внутреннемъ строѣ Галичины и дать своеобразный наметъ на особенности этого строя: „сила была народъ, мѣстное населеніе, роль котораго совершенно игнорируется, особенно—понятно—въ польскихъ сочиненіяхъ“. Но вмѣсто того, чтобы самому г. Филевичу заговорить о народѣ, онъ на 175 стр. переходитъ къ очерку отношеній Галичины къ Волини и Кіеву. И, конечно, изъ разсмотрѣнія этихъ отношеній приходитъ къ выводу политическаго свойства: настаиваетъ на крѣпости состава русскаго государства, на тѣсной государственной связи Галича и Волини съ Кіевомъ; но странно, въ то же время говорить о племенномъ самоопредѣленіи. На 182 стр. диспутантъ опять возвращается къ своему утвержденію, что „Галичъ ничѣмъ не выдѣлялся среди другихъ русскихъ земель“, но тутъ же прибавляетъ: „указываютъ на боярство“, хотя и опять не изслѣдуетъ этого важнаго соціальнаго фактора. Отъ общаго замѣчанія по существу С. Θ. Пла-

тоновъ перешелъ къ указанію частныхъ промаховъ во внѣшнемъ исполненіи. Они кроются въ языкѣ. Богатый лиризмомъ языкъ нерѣдко ведетъ г. Филевича къ ошибкамъ, странностямъ (напр. характеристика боярина Ходко), даже къ неисторическому объясненію человѣческихъ дѣлъ посредствомъ внѣшательства судьбы, злого рока (стр. 60, 68, 115). Впрочемъ, онъ же иногда служитъ къ украшенію труда диспутанта (напр. на стр. 38—39 характеристика Локетка).

— 11 марта 1890 г. кандидатъ Н. Д. Чечулинъ защищалъ въ петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра русской исторіи подъ заглавіемъ: „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“ (Спб., 1889 г.). Официальными оппонентами были: проф. В. Г. Васильевскій и прив.-доц. С. Θ. Платоновъ. Диспутантъ во вступительной рѣчи замѣтилъ, что въ русской исторической литературѣ еще много вопросовъ ожидаютъ разработки и изученія. Въ послѣднее время все большее и большее вниманіе историковъ привлекаютъ социально-экономическія отношенія прошлаго. Разработка социально-экономической исторіи переноситъ изученіе прошлаго съ изслѣдованія явленій хотя и очень важныхъ, но исключительныхъ, единичныхъ, на разсмотрѣніе тѣхъ явленій, которыя имѣли ближайшее отношеніе ко всей массѣ населенія. Поэтому изученіе социально-экономическихъ отношеній должно полнѣе и яснѣе изобразить намъ общество на разныхъ ступеняхъ его развитія. Въ нашей исторической литературѣ есть уже нѣсколько специальныхъ изслѣдованій по этимъ вопросамъ. Но они стали появляться еще очень недавно, и сдѣлать тутъ остается несравненно болѣе, чѣмъ сдѣлано доселѣ. Притомъ въ этихъ трудахъ изучалось главнымъ образомъ, что и какъ должно было быть и чего и какъ не должно было быть, но мало обращали вниманіе на то, что и какъ именно было. На эту сторону дѣла г. Чечулинъ и обратилъ вниманіе въ своей работѣ о городахъ Московскаго государства въ XVI в. Диспутантъ размыслилъ тѣ причины, которыя заставили его остановиться именно на этой темѣ. Избралъ онъ XVI в. потому что для времени болѣе ранняго совершенно нѣтъ матеріаловъ, которые давали бы возможность произвести подобное изслѣдованіе съ достаточною полнотою и обстоятельностью. Н. Д. Чечулинъ не заходилъ въ XVII в., потому что событія на рубежѣ XVI и XVII вв. произвели громадныя измѣненія въ Московскомъ государствѣ вообще и особенно потрясли экономическое его благосостояніе, наконецъ, изученіемъ городовъ занялся потому, что такъ было всего удобнѣе ограничить свой матеріалъ, да и самыя вопросы о количествѣ и составѣ населенія, о промыслѣ и торговлѣ городовъ Московскаго государства XVI в. мало изслѣдованы. Остановившись нѣсколько на затрудненіяхъ, какія встрѣчаются при изученіи писцовыхъ книгъ, т.-е.

главнаго источника по вышесказаннымъ вопросамъ, г. Чечулинъ закончилъ свою вступительную рѣчь пожеланіемъ, чтобы ошибки его сочиненія исправлены были въ скорѣйшемъ времени и чтобы новыя работы восполнили пробѣлы и недосмотры его изслѣдованія.

Проф. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній на трудъ г. Чечулина, указалъ на то, что списокъ древне-русскихъ городовъ на стр. 15—21 составленъ г. Чечулинымъ главнымъ образомъ на основаніи разысканій К. Неволіна, тогда какъ желательно было бы въ специальномъ изслѣдованіи, посвященномъ городамъ Московскаго государства, видѣть и самостоятельную разработку данныхъ, касающихся этого вопроса. Впрочемъ, въ общемъ проф. Васильевскій съ похвалою отозвался о работѣ г. Чечулина, работѣ, которая, несомнѣнно, должна была стоить ему большаго труда, и заявилъ, что, какъ не специалистъ по русской исторіи, предоставляетъ С. Θ. Платонову сдѣлать болѣе существенныя возраженія. С. Θ. Платоновъ прежде всего указалъ на достоинства труда г. Чечулина. Г. Чечулинъ впервые ввелъ въ научный оборотъ богатый фактический матеріалъ, выработалъ приемы ученой эксплуатаціи этого матеріала, собралъ и систематизировалъ рядъ любопытныхъ и цѣнныхъ историко-статистическихъ данныхъ, наконецъ, частью разрѣшилъ, частью далъ новую постановку нѣкоторымъ вопросамъ по исторіи городского хозяйства и права. Главный недостатокъ труда г. Чечулина, по мнѣнію г. Платонова методологическій. Авторъ изслѣдуетъ, въ сущности одинъ, главнѣйшій источникъ по исторіи городовъ XVI в., а между тѣмъ стремится изучить историческое явленіе. Отсюда отсутствіе ясно и правильно поставленной темы въ трудѣ г. Чечулина. Г. Чечулинъ изучалъ съ культурно-экономической точки зрѣнія военно-административныя пункты, называемые городами. Естественно, что при такой постановкѣ темы, онъ не далъ полного опредѣленія города, ибо не изслѣдовалъ его военного и административнаго значенія, не представилъ и полного очерка жизни торгово-промышленныхъ общинъ, ибо занялся изслѣдованіемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя находились при крѣпостяхъ, имѣли гарнизонъ и служили административными центрами. Благодаря неясной постановкѣ темы, г. Чечулинъ не далъ въ концѣ своего труда точнаго опредѣленія города въ XVI вѣкѣ, какое, однако, общалъ читателю въ началѣ книги, нерѣдко колебался, чѣмъ руководствоваться въ изслѣдованіи: идти ли за отвлеченными требованіями, вытекающими изъ темы, или оставаться строго въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія заключалъ основной его источникъ, писцовыя книги. Такимъ образомъ г. Чечулинъ оставилъ нерѣшенными вопросы о значеніи земцевъ въ Новгородской и Псковской областяхъ, объ общественномъ положеніи дворниковъ и

сябровъ, о сельскихъ владѣніяхъ городского класса, о причинахъ запустѣнія городовъ въ концѣ XVI в.; наконецъ, вопросъ о правахъ тяглоѣ общины на землю, которой она пользовалась, не рѣшенъ г. Чечулинымъ, да и поставленъ имъ неудовлетворительно отчасти благодаря тому, что диспутантъ не обратилъ вниманія на труды гг. Чичерина, Владимірскаго-Буданова и Ключевскаго по этой части. На замѣчанія С. Ѳ. Платонова г. Чечулинъ отвѣчалъ, что ограничился изученіемъ писцовыхъ книгъ, такъ какъ онѣ являются главнѣйшимъ, почти единственнымъ источникомъ по исторіи городовъ Московскаго государства въ XVI в., хотя быть можетъ дѣйствительно напрасно пренебрегъ другими источниками по тѣмъ же вопросамъ. Затрудненія, какія встрѣчаются при изученіи писцовыхъ книгъ, по мнѣнію г. Чечулина, отчасти извиняють этотъ пробѣлъ и нѣкоторые изъ недостатковъ, указанныхъ г. Платоновымъ.

— 7-го мая 1890 г. въ библиотечномъ залѣ Московскаго университета состоялся магистерскій диспутъ прив.-доцента В. Е. Якушеина. Диссертация, представленная г. Якушеинымъ для полученія степени магистра русской исторіи, носитъ заглавіе: „Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкѣ. Выпускъ первый. XVIII вѣкѣ“. Диспутантъ, взоидя на кафедру, произнесъ вступительную рѣчь, въ которой указалъ, что его трудъ главнѣйшимъ образомъ посвященъ вопросу о поземельномъ крестьянскомъ надѣлѣ и если диссертация носитъ иное заглавіе, то потому, что изслѣдованія по сказанному вопросу совершенно неотдѣлимы отъ изученія общей аграрной политики. При созданіи поземельнаго надѣла, крестьянъ правительство примѣнило тѣ же самыя начала, которыя были выработаны раньше для поземельнаго обезпеченія служилыхъ людей. Правительство, преслѣдуя государственные интересы, отводило помѣстья служилымъ людямъ, но взамѣнъ этого требовало съ нихъ обязательной службы. Земля служила ему фондомъ, которымъ обезпечивались существенныя потребности государства. У Московскаго государства не могло быть достаточно финансовыхъ источниковъ, и оно необходимо пришло къ утвержденію помѣстной системы. Но послѣдняя имѣла существенныя недостатки, заставившіе правительство прибѣгнуть къ денежному вознагражденію. Система денежнаго вознагражденія сначала является, какъ дополненіе къ раздачѣ земель за обязательную службу, а потомъ приобретаетъ большую силу и большее значеніе, пока, наконецъ, не дѣлается господствующей, пока помѣстная система не падаетъ окончательно. Но земля оставалась по-прежнему фондомъ, изъ котораго покрывались всѣ государственные расходы. Въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій такъ формулировалъ основы русской аграрной политики: „съ земель служилые люди служатъ службы,

а крестьяне пахут пашни и платят оброки, а даромъ землями никто не владѣетъ". Такимъ образомъ, заботы нашего правительства о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ вызывались фискальными интересами. Фискальные интересы опредѣлили, какъ общее направленіе нашей поземельной политики въ вопросѣ о крестьянскомъ надѣлѣ, такъ и самый размѣръ послѣдняго. Они приводили наше правительство къ заботамъ о надѣлѣ не только казенныхъ, но и помѣщичьихъ крестьянъ, хотя относительно послѣднихъ не могла, понятнo, развиться такая полная система, какъ по отношенію къ казеннымъ крестьянамъ. Официальными оппонентами были проф. В. О. Ключевскій и П. Н. Миллюковъ. Первый не соглашался съ диспутантомъ въ опредѣленіи термина „поземельная политика“, находилъ, что г. Якушкинъ сдѣлалъ пропускъ, не представивъ въ диссертациі картины землевладѣнія въ XVII вѣка, высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу толкованія диспутантомъ указа Петра Великаго о единонаслѣдіи, изданнаго 23 марта 1714 г., затѣмъ упрекалъ диспутанта въ недостаточномъ вниманіи къ прошлому, указывалъ на невозможность изученія историческаго явленія на основаніи одного Полнаго Собранія законовъ. Г. Миллюковъ доказывалъ, что отношенія правительства къ казеннымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ имѣютъ характеръ, отличный отъ того, какой имъ приданъ въ диссертациі. Оппонентъ указалъ также, что г. Якушкинъ не обратилъ вниманія на то, что поземельная политика въ прошломъ вѣкѣ была направлена къ ограниченію свободной земельной собственности у черносошныхъ крестьянъ. Послѣ продолжительныхъ преній по поводу сдѣланныхъ диспутантомъ разъясненій, въ качествѣ частнаго оппонента выступилъ бывшій профессоръ одесскаго университета А. С. Посниковъ. Указавъ на правильность постановки вопроса въ диссертациі и на аналогичныя работы въ иностранной литературѣ, г. Посниковъ замѣтилъ, что въ изслѣдованіяхъ этого рода весьма важно строгое обращеніе съ юридическими понятіями, въ подтвержденіе чего привелъ примѣры изъ диссертациі и изъ возраженій, сдѣланныхъ во время диспута. По заключеніи преній факультетъ призналъ прив.-доцента Якушкина достойнымъ искомой степени. Опредѣленіе факультета было встрѣчено рукоплесканіями собравшейся публики. Диспутъ окончился въ 7 часу вечера (Русскія Вѣдомости 1890 г., № 124).

— Ниже, среди новыхъ книгъ, относящихся къ теоріи исторіи, отмѣчено сочиненіе прив.-доц. политической экономіи въ Демидовскомъ юридическомъ лицей В. Ф. Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“. Въ виду интереса этой книги для исторической науки, приводимъ здѣсь краткій отчетъ, заимствованный изъ

Рус. Вѣд. (№ 296), о диспутѣ г. Левицкаго въ московскомъ университетѣ.

„25-го октября 1890 г. въ актовомъ залѣ московскаго университета приватъ-доцентъ Дежидовскаго юридическаго лица В. Ф. Левитскій защищалъ диссертацию „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“, представленную имъ для получения степени магистра политической экономіи. Взойдя на кафедру, диспутантъ произнесъ рѣчь о значеніи методологіи политической экономіи. Въ современной политической экономіи, по словамъ г. Левитскаго, наблюдается параллельное господство цѣлаго ряда экономическихъ школъ, изъ которыхъ главныя—англійская классическая, историческая и социалистическая. Такъ какъ содержаніе политической экономіи складывается изъ элементовъ званія, составляющихъ достояніе отдѣльныхъ экономическихъ школъ, то при построеніи системы естественно долженъ возникнуть вопросъ о томъ, что въ содержаніи ученій каждой школы вѣрно и что ошибочно. Указавъ на то, что объединенія научныхъ результатовъ изслѣдованій разныхъ школъ надо искать на почвѣ экономической методологіи, диспутантъ высказалъ, что по вопросамъ методологіи существуетъ коренное разногласіе въ воззрѣніяхъ двухъ школъ—исторической и классической. Характеризуя методологическія воззрѣнія исторической школы, г. Левитскій замѣтилъ, что эта школа проводитъ неправильныя воззрѣнія на задачи теоретической экономіи, смѣшивая послѣднюю съ хозяйственной политикой, исторіей и даже социологіей. Официальными оппонентами выступили профессора А. И. Чупровъ и И. Т. Тарасовъ. По мнѣнію перваго оппонента, диспутантъ неточно передалъ воззрѣнія исторической школы, утверждая, что она смѣшиваетъ теоретическую экономію съ хозяйственной исторіей; главные представители исторической школы, Рошеръ и Кнись, признавали необходимымъ отдѣльное существованіе экономической теоріи и занимались ею въ своей писательской и преподавательской практикѣ. Возражая затѣмъ противъ взгляда диспутанта на политическую экономію, какъ на систему формулъ, относящихся къ явленіямъ лишь извѣстнаго историческаго періода, А. И. Чупровъ высказалъ убѣжденіе, что существуютъ экономическіе законы, применимыя ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ, а не только къ извѣстной исторической эпохѣ. Наконецъ, оппонентъ оспаривалъ мнѣніе г. Левитскаго о неправильности ученія Д. С. Милля относительно провѣрки дедуктивныхъ заключеній путемъ сличенія ихъ съ фактами дѣйствительности или эмпирическими законами. Въ отвѣтъ на эти возраженія диспутантъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, привелъ соображенія, говорящія, по его мнѣнію, въ пользу высказанныхъ имъ положеній. Затѣмъ проф. Тарасовъ, упрекнувъ г. Левитскаго въ томъ,

что онъ не принялъ во вниманіе въ своемъ изслѣдованіи русской литературы по предмету методологіи, особенно же литературы 60-тыхъ годовъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, на которыя диспутантъ представилъ свои возраженія. Изъ посторонней публики говорилъ Н. А. Каблуковъ, указавшій на значеніе труда г. Левитскаго, какъ изслѣдованія, привлекающаго вниманіе русскаго общества къ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи какъ разъ въ то время, когда въ виду массы накопившагося фактическаго матеріала изученіе теорій особенно важно и необходимо для правильной разработки собранныхъ данныхъ. По прочтеніи деканомъ факультетскаго отзыва о диссертаци, г. Левитскій, среди продолжительныхъ рукоплесканій многочисленной публики, былъ признанъ магистромъ политической экономіи*.

— 23-го сентября, съ 12-ти часовъ дня, въ актовомъ залѣ харьковскаго университета, въ присутствіи профессоровъ, студентовъ и многочисленной публики, происходилъ диспутъ на степень доктора русской исторіи. Докторантъ—экстраординарный профессоръ варшавскаго университета, магистръ богословія Дм. В. Цвѣтаевъ, представившій въ качествѣ диссертации сочиненіе „Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“ (М. 1890, VIII + 782 + II стран.). Изъ curriculum vitae видно, что онъ высшее научное образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи, педагогическое на с.-петербургскихъ педагогическихъ курсахъ и до поступленія въ варшавскій университетъ состоялъ преподавателемъ исторіи и русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства императрицы Маріи и военнаго вѣдомства и приватъ-доцентомъ московскаго университета и свою ученую дѣятельность, кромѣ магистерской диссертаци, заявилъ нѣсколькими статьями и изслѣдованіями по русской исторіи и литературѣ. Что касается до докторской диссертаци г. Цвѣтаева, то въ нее вошло цѣликомъ (за исключеніемъ отдѣла о католикахъ) болѣе раннее его сочиненіе „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“, за которое онъ получилъ степень магистра богословія въ петербургской духовной академіи и отъ академіи наукъ неполную премію митрополита Макарія (см. въ „Отчетѣ о второмъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго“ отзывъ о этомъ трудѣ, составленный проф. Н. И. Карѣвымъ). Докторскій диспутъ г. Цвѣтаева былъ очень оживленный и продолжался ровно 5 часовъ (съ 12-ти до 5-ти). Официальными оппонентами выступили проф. Д. И. Багалъй и А. С. Лебедевъ. Предъ защитой диссертаци произнесена была диспутантомъ рѣчь, въ которой онъ сдѣлалъ характеристику политики московскихъ людей по отношенію къ западно-европейцамъ и западно-европейской культурѣ и подготовленія ихъ къ гражданской реформѣ путемъ сбли-

женія съ иноземцами и усвоенія чужого культурнаго достоянія, чѣмъ обусловливался у насъ бытъ иностранцевъ. Послѣ этой рѣчи выступилъ со своими замѣчаніями проф. Д. И. Багалѣй. Онъ подвергъ разсмотрѣнію диссертацию проф. Цвѣтаева, какъ научное изслѣдованіе, съ методологической стороны. Въ началѣ онъ указалъ на достоинства книги, къ числу коихъ относится обиліе печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ, по большей части почерпнутыхъ авторомъ изъ первыхъ рукъ, полнота пособій и, какъ результатъ того и другого, полнота содержанія; однимъ словомъ, по его мнѣнію это не простое описаніе или повѣствованіе, а изслѣдованіе, хотя и обилующее сырымъ, необработаннымъ матеріаломъ. Важнѣйшими недостатками книги оппонентъ призналъ слѣдующіе. Въ одномъ случаѣ г. Цвѣтаевъ съузилъ свою задачу, въ другомъ излишне расширилъ: онъ ничего не говоритъ о протестантахъ въ юго-западной Россіи, а между тѣмъ часто рассказываетъ о католикахъ, что къ темъ не относится. Отдѣльныя части сочиненія не отличаются должною соразмѣрностью: обращено сравнительно мало вниманія на культурный, экономическій и социальныя вопросы. Въ книгѣ слишкомъ много непереработаннаго сырья и общезвѣстныхъ фактовъ и подробностей; въ особенности это нужно сказать о главахъ, касающихся браковъ, литературной полемики и положенія купцовъ. Г. Цвѣтаевъ очень строгъ къ другимъ, но самъ не свободенъ отъ промаховъ и ошибокъ. Книгу своего предшественника по работѣ, г. Соколова онъ оцѣнилъ несправедливо, умолчавъ о ея достоинствахъ, а между тѣмъ самъ не указалъ ясно, что внесъ въ свое нынѣшнее сочиненіе почти половину магистерской диссертаци; его ссылки на источники не всегда точны и не всегда свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его съ памятникомъ. Наиболѣе крупный недостатокъ въ сужденіяхъ г. Цвѣтаева заключается въ частныхъ противорѣчіяхъ; яремъ примѣромъ такихъ противорѣчивыхъ сужденій могутъ служить мнѣнія г. Цвѣтаева о протестантской пропагандѣ: въ одномъ случаѣ онъ отрицаетъ эту пропаганду, а въ другомъ—видитъ ее тамъ, гдѣ была вѣра въ „порчу“ и буйное помѣшательство. Въ заключеніе проф. Багалѣй сдѣлалъ одну поправку къ мнѣнію г. Цвѣтаева (о судѣ) и сообщилъ свѣдѣніе изъ документа московскаго архива мин. юстиціи о дворѣ нѣмецкаго пастора въ Бѣлгородѣ ¹⁾). Корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 5248) о диспутѣ г. Цвѣтаева говоритъ, что „рельефнѣе указаны были положительныя стороны диссертаци“ докторанта. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, другой оппонентъ проф. А. С. Лебедевъ сильнѣе отмѣтилъ слабыя

¹⁾ См. „Харьковскія Вѣдомости“, № 247. Проф. Багалѣй помѣстилъ статью о трудѣ г. Цвѣтаева въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1890, ноябрь).

стороны труда г. Цвѣтаева. Онъ сдѣлалъ именно цѣлый рядъ замѣчаний, изъ коихъ наиболѣе важными были его возраженія относительно точности въ пользованіи и пониманіи источниковъ; указалъ на невѣрное чтеніе Герберштейна, расширенно-тенденціозное пониманіе одного мѣста у Олеарія, на противорѣчія въ сужденіяхъ, на общій субъективный тонъ сочиненія указалъ на неудовлетворительное рѣшеніе вопросовъ о пропагандѣ въ шведскихъ областяхъ и перекрещиваніи иноземцевъ, отмѣтилъ несправедливое отношеніе къ г. Соколову, у котораго г. Цвѣтаевъ взялъ характеристики нѣкоторыхъ противолотеранскихъ сочиненій, оказавшіяся, впрочемъ, какъ и его собственныя характеристики, совсѣмъ не соотвѣтствующими содержанію этихъ сочиненій и пр. Въ заключеніе и проф. Лебедевъ заявилъ, что въ книгѣ много сырого, переработаннаго матеріала.

Затѣмъ выступили два неофіціальныя оппонента—проф. П. А. Безсоновъ и проф. гражданскаго права А. И. Загоровскій. Первый сдѣлалъ нѣсколько дополненій и разъясненій объ извѣстномъ Крижаничѣ, а второй указалъ на нѣкоторыя неточности г. Цвѣтаева въ вопросѣ о юридическомъ положеніи протестантовъ. Въ первую половину диспута докторантъ давалъ необходимыя разъясненія и отстаивалъ свои мнѣнія, но возраженія второго оппонента по своей документальности были до такой степени вѣски, что г. Цвѣтаевъ не всегда могъ ихъ отпарировать.

— Въ воскресенье 4 ноября 1890 г. въ петербургской духовной академіи происходилъ магистерскій диспутъ по вопросу, интересному для историковъ, занимающихся переходной эпохой отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Защищалъ диссертацию доц. по кафедрѣ натристики Т. А. Налимовъ, представившій въ совѣтъ академіи обширный трудъ (XXVII+308 стр.) подъ заглавіемъ: „Вопросъ о папской власти на констанцкомъ соборѣ“ (Спб. 1890). Въ предисловіи къ этому труду г. Налимовъ говоритъ, что его цѣлью было опредѣлить, въ чемъ заключался вопросъ о папской власти на констанцкомъ соборѣ, что составляло предметъ разногласія въ этомъ отношеніи между католиками и требовало соборнаго рѣшенія. „Естественнымъ путемъ для выполненія этой задачи, продолжаетъ онъ, являлось ознакомленіе съ различными воззрѣніями на папскую власть, существовавшими въ средѣ католиковъ въ предшествующее констанцкому собору время, и установленіе—на основѣ ихъ—истиннаго смысла соборныхъ опредѣленій; а въ виду зависимости мнѣній о власти собственно папы отъ общихъ представленій о церкви и ея союзѣ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, о папствѣ, его возникновеніи, цѣли существованія и значеніи для церкви оказалось необходимымъ ознакомиться съ мнѣніями и по этимъ пунктамъ и, такимъ образомъ, предметомъ изслѣ-

дованія стало вообще ученіе о папствѣ въ эпоху великаго раскола въ католической церкви". Авторъ, впрочемъ, ограничилъ матеріалъ изслѣдованія исключительно первоисточниками и воздерживался — за единичными исключеніями — отъ пользованія данными изъ вторыхъ рукъ. Общій планъ изслѣдованія былъ опредѣленъ содержаніемъ изучаемыхъ памятниковъ. Соответственно распаденію католиковъ во время великаго раскола на сторонниковъ существующей папской системы церковнаго устройства и проповѣдниковъ необходимости исправить ея недостатки, преобразовать церковь чрезъ возстановленіе древняго строя ея жизни, и памятники этой эпохи представляютъ два, очень опредѣленно въ большинствѣ случаевъ различающіяся, направленія въ ученіи о папствѣ, вслѣдствіе чего все изслѣдованіе естественно раздѣлилось на двѣ части — изложеніе ученія папистовъ и — ученія реформаторовъ. Затѣмъ, въ той и другой половинѣ можно было различить мнѣнія теоретическаго, преимущественно, содержанія, разъясняющія общіе вопросы о сущности папства, его исторіи, о положеніи папы въ церкви, значеніи для нея и т. под., и мнѣнія, поставляющія вопросъ о папствѣ на болѣе практическую почву, разсуждающія о власти папы въ церкви вообще и въ частныхъ ея проявленіяхъ, и каждая половина подраздѣлилась еще на двѣ части. Сопоставленіе основныхъ положеній, разъясненныхъ въ этихъ четырехъ отдѣлахъ, разрѣшившее вопросъ, поставленный темою сочиненія, составляетъ, вмѣстѣ съ разъясненіемъ внутренняго характера дѣятельности констанцкаго собора, насколько она затрогивала вопросъ о папствѣ, естественное заключеніе всего изслѣдованія, хотя — за недостаткомъ времени — здѣсь и пришлось замѣнить предположенное сначала специальное изученіе дѣятельности собора по его актамъ самымъ краткимъ очеркомъ ея на основаніи лишь того ознакомленія съ актами, которое предназначалось собственно для изложенія ученія. Существенное содержаніе тезисовъ, извлеченныхъ изъ диссертации, сводится къ слѣдующему. Указавъ на существованіе во время великаго раскола въ католицизмѣ двухъ совершенно различныхъ воззрѣній на папство и власть папы въ церкви, г. Налимовъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что памятники этой эпохи представляютъ для характеристики реформаторскаго ученія значительно большее количество матеріала, чѣмъ для ученія папистовъ, хотя по качеству матеріалъ приблизительно одинаковъ, т.-е. это не были систематическія изложенія въ полномъ видѣ ученія о сущности папства и папской власти. Ни паписты, ни реформаторы не сознавали еще (въ большинствѣ) вполне ясно дѣйствительныхъ основоположеній защищаемаго ими ученія о папствѣ и въ частныхъ мнѣніяхъ не всегда были послѣдовательны. Выраженіе основной идеи папской въ ученіи о власти

папѣ онъ видитъ въ усвоеніи папѣ единолично и безконтрольно всей возможной на землѣ власти и въ уничтоженіи самостоятельности всѣхъ остальныхъ органовъ законной власти на землѣ, въ превращеніи ихъ въ простыя орудія примѣненія власти папы въ различныхъ сферахъ дѣятельности. Наоборотъ, сущность реформаторскаго воззрѣнія—всецѣлое отрицаніе папства въ томъ смыслѣ, какъ оно понималось папистами, и усвоеніе ему значенія только условно полезнаго для церкви административнаго учрежденія, признаніе папы первымъ изъ епископовъ, получающимъ особую власть во всей церкви только отъ самой церкви, для служенія ей, въ опредѣляемыхъ церковью—примѣнительно къ обстоятельствамъ—размѣрахъ. Теоретическое выраженіе реформаторскаго ученія сводится г. Налимовымъ къ слѣдующему: союзъ Іисуса Христа съ церковью настолько тѣсенъ, что предполагаетъ постоянное непосредственное воздѣйствіе на церковь Главы ея, которое всецѣло обеспечиваетъ существованіе церкви, нормальное развитіе ея жизни и дѣятельности и сохраненіе за нею свойствъ истинной церкви независимо отъ папы, главенство котораго въ церкви (въ значеніи, усвояемомъ этому термину папистами) не имѣетъ для себя разумной цѣли и является излишнимъ и вреднымъ для благоустройства церкви. Практически это вело къ признанію того, что одна только вселенская церковь, представителемъ которой является общецерковный соборъ, обладаетъ всею духовною властью на землѣ, какъ своею собственностію, и представляетъ источникъ ея для людей; папа, какъ и всякій епископъ, дѣйствуетъ властью, получаемую чрезъ церковь, и хотя и превосходитъ каждаго отдѣльнаго епископа количествомъ авѣряемой ему отъ церкви власти, но въ пользованіи ею всецѣло подчиненъ церкви и общецерковному собору. Наконецъ, по воззрѣнію автора книги, констанцій соборъ совершилъ реформу западной церкви во главѣ ея: узаконилъ для католиковъ реформаторское воззрѣніе на папство и возстановилъ—въ лицѣ Мартина V-го—папство только въ реформаторскомъ смыслѣ этого слова. Въ своей вступительной рѣчи г. Налимовъ главнымъ образомъ и подчеркнул этотъ выводъ, сказавъ, что въ эпоху Констанцкаго собора прекратилось старое папство и началось нѣчто новое, въ родѣ восточнаго патріархата. Правда позднѣйшіе папы затемнили и исказили постановленіе констанцкаго собора, но оно не было никогда отиѣнено.—Первымъ оппонентомъ выступилъ проф. И. Е. Троицкій, указавшій прежде всего на то, что изучая огромную коллекцію трактатовъ о папской власти и оставляя въ сторонѣ фактическую исторію, диспутантъ даетъ поводъ подумать, будто вопросъ о папской власти возникъ впервые въ эпоху констанцкаго собора. Затѣмъ оппонентъ указалъ на то, что у магистранта не отиѣнены два воззрѣнія въ реформаторскомъ лагерѣ, изъ коихъ

одно было консервативно-клерикальное (французское), а другое—прогрессивно-либеральное (нѣмецкое). Напр. (стр. 223), Жерсонъ и Congradus de Geilenhusen не одинаково понимали церковь, ибо для одного это—іерархія, для другого—совокупность вѣрующихъ, что г. Налимовъ не отрицено. Или еще: одно направление признавало посредничество папы между Богомъ и людьми только совокупно съ іерархіей, тогда какъ другое отрицало такое посредничество и при этомъ послѣднемъ условіи. Однимъ словомъ, по словамъ проф. Троицкаго, магистрантъ долженъ бы былъ вести параллельно характеристику воззрѣній двухъ партій реформаторскаго лагеря, съ коими оппонентъ сопоставилъ разьединеніе, происшедшее вполнѣ въ слѣдствіи на базельскомъ соборѣ. Съ другой стороны, онъ поставилъ ему въ упрекъ, что онъ не сумѣлъ провести разграничительную черту между либеральнымъ ученіемъ и тѣмъ, которое было осуждено (гуситство) церковью, какъ еретическое, а потому не былъ бы въ состояніи отвѣтить на вопросъ, какъ могло совершиться осужденіе Гуса. Въ заключеніе проф. Троицкій указалъ на большую научную цѣну труда г. Налимова. Онъ предпринялъ тяжелый трудъ изученія цѣлаго ряда трактатовъ по вопросу, теоретическая сторона котораго казалась всѣмъ ясной: теперь дѣйствительно извѣстно, что представляютъ изъ себя эти трактаты. Кромѣ того, это—трудъ вполнѣ самостоятельный, въ чемъ, впрочемъ, причина и одного изъ недочетовъ—невнимательное отношеніе къ трудамъ предшественниковъ. Вторымъ оппонентомъ возражалъ проф. В. В. Болотовъ, который указалъ на другія упущенія. Нельзя ли было оцѣнивать обѣ партіи, т.-е. и папистовъ, и реформаторовъ съ точки зрѣнія ихъ научныхъ средствъ, т.-е. рѣшая вопросъ, насколько обѣ партіи были знакомы съ дѣйствительнымъ состояніемъ древняго папства? Исторія послѣдняго не была извѣстна его защитникамъ, и слѣдовало рѣшить вопросъ, могла ли реформаторская партія помѣриться съ папистами на этой почвѣ. Оппонентъ иллюстрировалъ свою мысль частными примѣрами, указавъ на то, что теоріи обѣихъ партій по отдѣльнымъ вопросамъ составились ad hoc, а не на основаніи историческаго разслѣдованія. Въ заключеніе проф. Болотовъ присоединился къ похваламъ перваго оппонента. Третьимъ оппонентомъ былъ проф. М. О. Кояловичъ, указавшій на то, что г. Налимовъ сдѣлалъ хорошо, не заявивъ въ своей рѣчи, что въ русской наукѣ по этому вопросу ничего-де не сдѣлано, хотя такого заявленія можно было опасаться, такъ какъ въ книгѣ магистрата не сдѣлано ссылокъ ни на одну русскую книгу. Да и въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о папской власти разсматривался и въ русскихъ книгахъ, въ коихъ есть и опредѣленные воззрѣнія на папскую власть. Указавъ на содержаніе первыхъ главъ труда г. Налимова, проф. Кояловичъ назвалъ папистическое ученіе ересью и поставилъ вопросъ: „неужели

не правы были тѣ, которые въ папѣ видѣли антихриста"? Между тѣмъ, по этому пункту магистрантъ не высказалъ своего мнѣнія. А вѣдь у насъ есть и такое воззрѣніе, что папизмъ не ересь. Поэтому, проф. Бояловичъ выразилъ желаніе, чтобы въ будущемъ своемъ трудѣ г. Налимовъ отвѣтилъ на вопросъ о томъ, что такое папство? Кромѣ того, онъ поставилъ на видъ, что констанційскій соборъ усилилъ папизмъ, а тридентскій далъ господство папистической теоріи.

(Настоящій отчетъ о диспутѣ былъ уже составленъ и отданъ въ наборъ, когда мы прочли весьма подробное изложеніе этого диспута въ № 45 „Церковнаго Вѣстника“, къ которому и отсылаемъ интересующихся. См. также сокращенное изложеніе указаннаго отчета въ № 47 „Церковныхъ Вѣдомостей“).

— 2-го декабря 1890 г. въ петербургскомъ университетѣ кандидатъ А. Н. Шукаревъ защищалъ представленную имъ для полученія степени магистра всеобщей исторіи весьма спеціальную по своему содержанию (хронологическую) диссертацию: „Исслѣдованія въ области каталога аеинскихъ архонтовъ III в. (300—265 г.) до Р. Х.“. Диссертация эта имѣла цѣлю снова разобрать, на основаніи обогатившагося за послѣднее время аппарата источниковъ, вопросъ о преемствѣ архонтовъ аеинскихъ III в. до Р. Х.; авторъ ограничился первыми 35-ю годами этого вѣка въ виду того, что за это время несравненно болѣе сохранилось документовъ, и существуетъ болѣе большая возможность провѣрять показанія эпиграфическихъ памятниковъ показаніями памятниковъ литературныхъ“. „Классифицируя имена архонтовъ, говоритъ г. Шукаревъ, мы, вѣстѣ съ тѣмъ, классифицируемъ цѣлый рядъ единственныхъ современныхъ событіямъ документовъ и рѣшаемъ, кромѣ того, рядъ разнообразныхъ вопросовъ. Если мы примемъ во вниманіе, что количество документовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ, и что примѣръ недавнихъ важныхъ находокъ позволяетъ надѣяться на подобныя же находки въ будущемъ, то мы не преувеличимъ, если скажемъ, что, составляя списокъ архонтовъ, мы подбираемъ кость къ кости самый скелетъ будущей аттической, а можетъ быть, и всеобщей эллинской исторіи того времени“. Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ заявилъ, что за тѣ почти 1½ года, которые прошли со времени напечатанія диссертации до ея защиты, онъ самъ не всѣмъ уже удовлетворенъ въ ней. Первый officialный оппонентъ, проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ („на вечернихъ бесѣдахъ котораго родилась первая мысль работы“) отзывался о диссертации очень лестно. Соглашаясь съ отнесеніемъ „четырехлѣтной войны“ ко второму промежутку власти Димитрія въ Аеинахъ, проф. Соколовъ не считалъ, однако, возможнымъ, чтобы четырехлѣтняя война продолжалась всего 2½ года, какъ это выходитъ у г. Шукарева; по его мнѣнію, нѣтъ необходи-

мости видѣть въ Писіяхъ, справленнхъ Димитріємъ въ Аѳинахъ, непремѣнно великія Писіи; слѣдовательно, ихъ незачѣмъ относить непремѣнно къ 290/89 г. Признавая „удавшееся“ г. Шукареву соединеніе двухъ обломковъ надписи Зинона, проф. Соколовъ не соглашался съ толкованіемъ ея текста; изъ вычисленій времени царствованія Димитрія и упоминанія въ надписи царя Птолемея, онъ доказывалъ, что Діокла (и примыкающихъ къ нему архонтовъ) слѣдуетъ понизить на годъ; онъ указалъ также на неточное пониманіе надписи въ честь Филиппида. Другой официальный оппонентъ, проф. П. В. Никитинъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, воспользовавшись тѣми „жалкими костями, которыя бросилъ авторъ диссертации, чтобы было что погрызть и филологамъ“. Онъ указалъ на неудобство въ изслѣдованіи по греческой исторіи такихъ выраженій: „рѣчь Димосеена противъ Мидіи была сказана (или держана)“ (стр. 17 и 84). На стр. 44 г. Шукаревъ говоритъ: „сосчитаемъ архонтовъ отъ Анаксикрата до Филиппа, разумѣется, включая ихъ обоихъ — такъ какъ иначе древніе не считали“; проф. Никитинъ многочисленными цитатами изъ аристоф. схолій доказывалъ противное, да и у самого диспутанта на стр. 45 говорится, что „Аполлодоръ то всчитывалъ одинъ изъ терминовъ, то не всчитывалъ“. Другія замѣчанія проф. Никитина касались болѣе мелкихъ неточностей. Кромѣ того, возражалъ одинъ частный оппонентъ, не соглашавшійся съ транскрипціей греческихъ именъ по произношенію Рейхлина. Защита признана была факультетомъ удовлетворительной.

ПРЕПОДАВАНІЕ ИСТОРІИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ ПО ПОСЛѢДНЕМУ УЧЕБНОМУ ПЛАНУ.

— 20-го іюля 1890 г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ новые „учебный планъ и примѣрныя программы предметовъ преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. На основаніи этихъ плановъ, уроки исторіи увеличены на одинъ часъ, именно въ V классѣ. Прежнее дѣленіе курса на эпизодическій и систематическій измѣнено въ томъ смыслѣ, что вмѣсто V класса послѣдній начинается нынѣ съ IV-го; въ III-мъ же проходится курсъ элементарный, и не всеобщей, а отечественной исторіи. Передвиженіе систематическаго курса древней исторіи съ V-го въ IV-й даетъ возможность въ VII классѣ довести „курсъ новой исторіи съ 1715 г. до послѣдняго времени и отечественной со смерти Петра I до нашихъ дней“; послѣдній же годъ (VIII классъ) отданъ на „повтореніе исторіи Греціи и Рима съ до-

полненіями". Остальное время употребляется на повтореніе преимущественно отечественной исторіи.

НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ.

— Академія наукъ готовитъ къ изданію словарь русскаго литературнаго языка съ Ломоносова до нашихъ дней.

— Академія Наукъ приступила къ изданію сочиненій М. В. Ломоносова, подъ редакціею М. И. Сухомлинова. Форматъ изданія предположенъ такой, какъ въ сочиненіяхъ Державина, изданныхъ Академіею.

— Въ одномъ изъ номеровъ „Journal officiel de la République Française“ за 1890 г. помѣщенъ отчетъ о засѣданіи академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, отъ 26 іюля этого года, въ которомъ былъ доложенъ мемуаръ бывшаго приватъ-доцента новороссійскаго университета Г. Е. Аванасьева о „Pacte de Famine“ („Общество голодовки“). Вотъ часть отчета, касающаяся этого мемуара.

„Г. Левассеръ читаетъ отрывки изъ очень обширнаго мемуара г. Аванасьева, профессора одесскаго университета, командированнаго во Францію для изученія исторіи хлѣбной торговли въ XVIII столѣтіи. Мимоходомъ г. Аванасьевъ сдѣлалъ работу, касающуюся pacte de famine и проливающую нѣкоторый свѣтъ на это событіе даже послѣ цѣнныхъ изслѣдованій Биолля (Biollai) и Бора (Bord). Известно, что Лепрею де-Бомонъ, секретарь собраній французскаго духовенства, познакомился въ 1767 г. съ договоромъ, известнымъ подъ именемъ pacte de famine, и что онъ донесъ объ немъ руанскому парламенту, который въ это время энергично жаловался на скупку хлѣба. Министръ Сартинъ заключилъ Бомона въ Бастилію, откуда его перевели въ Венсенъ, потомъ въ Шарантонъ, въ Бисетръ и, наконецъ, въ Берси; тамъ онъ находился еще въ сентябрѣ 1789 года, два мѣсяца послѣ взятія Бастиліи. Онъ сначала писалъ безъ всякаго результата С. Присту (министру); но однажды ему удалось кинуть свое письмо одному прохожему и три дня послѣ того, 5 сентября, его освободили. Онъ просидѣлъ въ заточеніи 22 года, и немудрено, что его разсудокъ пострадалъ отъ такого долгаго и тяжкаго заключенія. На самомъ дѣлѣ, существовалъ договоръ между государствомъ и нѣкоторыми частными лицами, — имена коихъ исторія сохранила, — цѣль котораго была не въ томъ, чтобы скупать хлѣбъ, а въ томъ, чтобы обезпечить продовольствіе Парижа. Это контрактъ Малиссэ. Къ несчастію, эта монополія повлекла за собою обычныя послѣдствія всякой монополіи. Между прочимъ, она затормазила парижскій рынокъ, стѣснила тор-

говья сдѣлки и открыла возможность интриганамъ спекулировать на жизненномъ продуктѣ первой необходимости. Г. Афанасьевъ, послѣ многихъ изысканій и исключительно занятый стремленіемъ выполнить свою работу, въ качествѣ безпристрастнаго историка, освѣтилъ этотъ моментъ нашей исторіи, и его работа представляетъ большой интересъ. Объ этой своей работѣ г. Афанасьевъ и сдѣлалъ докладъ въ XIII засѣданіи Историческаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ (29 ноября 1890 г.).

— Г. Е. Афанасьевъ приготовилъ къ печати докторскую диссертацию подъ заглавіемъ „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII столѣтіи“. Работа составлена на основаніи неизданнаго матеріала, находящагося въ парижскихъ національномъ архивѣ и національной библіотекѣ, не считая всей литературы XVIII в. по хлѣбной торговлѣ. Сочиненіе будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе главные предметы: отношеніе рынка къ земледѣльцу, рыночная полиція, хлѣбо-торговцы, внутренняя циркуляція хлѣба, ввозъ и вывозъ хлѣба, реформы къ области хлѣбной торговли и реакція противъ нихъ.

— Проф. русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ Д. И. Багалъйи подготовилъ къ печати „Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи XVI—XVIII вв.“ (отрывокъ изъ изслѣдованія о городахъ).

— И. д. экстра-ордин. профессора всеобщей исторіи въ томъ же университетѣ, В. П. Бузескулъ готовитъ къ печати докторскую диссертацию объ отношеніяхъ Франціи и Пруссіи къ Россіи въ срединѣ XVIII в.

— Проф. С. А. Бершадскій печатаетъ въ настоящее время матеріалы литовской метрики, служащіе для внутренней исторіи Великаго Княжества Литовскаго вообще, а въ частности для исторіи литовскаго статута первой редакціи. Матеріалы эти войдутъ въ составъ „Исторической библіотеки“, издаваемой археографическою комиссією. По окончаніи этой работы проф. Бершадскій намѣренъ издать и самый литовскій статутъ по разнымъ спискамъ и съ приложеніемъ объяснительнаго словаря.

— Проф. П. Н. Будиинскій собралъ матеріалы для второго тома своего изслѣдованія „Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ“.

— Проф. дерптскаго университета А. Г. Брикнеръ, недавно выпустившій въ свѣтъ третій томъ издаваемыхъ имъ „Матеріаловъ для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина“, предполагаетъ окончить это изданіе въ теченіе 1891 г., причемъ оно будетъ состоять изъ семи томовъ.

— „Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“

проф. П. Г. Виноградова (Спб. 1887) въ скоромъ времени появятся по-англійски. Къ автору обратилась вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этой книги издательская коммисія при оксфордскомъ университетѣ (Clarendon Press) съ предложеніемъ издать въ англійскомъ переводѣ этотъ научный трудъ. Хотя постановка темы, внѣшнее распредѣленіе матеріала и главные выводы останутся тѣже, что и въ русской книгѣ, разработка всѣхъ частей настолько расширилась, что англійское изданіе будетъ заключать въ себѣ два тома, страницъ по 400 въ каждомъ. Первый въ настоящее время оканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1891 года. Онъ будетъ содержать въ себѣ характеристику землевладѣнія и земледѣльческихъ классовъ Англіи въ XIII вѣкѣ. Второй томъ будетъ посвященъ норманскому завоеванію и саксонскому землевладѣнію. Но автору здѣсь предстоитъ еще много работы, такъ какъ онъ предполагаетъ, между прочимъ, заняться отношеніями въ нормандскомъ герцогствѣ, которыхъ онъ не затронулъ въ русскомъ изданіи. Трудъ проф. Виноградова былъ его докторской диссертацией.

— Подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова сдѣланъ переводъ „Основъ государственнаго права Англіи“ Дайси, который въ настоящее время уже печатается. Англійскій подлинникъ озаглавленъ: *Introduction to the study of the Law of the constitution*.

— Преподаватель исторіи въ Москвѣ, Р. Ю. Випперъ, магистрантъ всеобщей исторіи, готовитъ къ печати диссертацию подъ заглавіемъ „Политическое ученіе Кальвина въ связи съ установленіемъ его церковной системы въ Женевѣ и съ политическимъ развитіемъ Женевы“. Авторомъ имѣется въ виду главнымъ образомъ выяснить развитіе у Кальвина ученія объ отношеніи церкви и государства, подъ влияніемъ борьбы за проведеніе его системы въ Женевѣ, и обратно, влияніе его политической теоріи и дѣятельности на государственную жизнь Женевы. Большая часть изслѣдователей по исторіи ранняго кальвинизма (изъ которыхъ только двое: Веберъ въ 1836 и Кампшulte въ 1869 занимались спеціально вопросомъ объ отношеніи Кальвина къ женевскому государству), исходя отъ представленія о строгой послѣдовательности всей системы ученія Кальвина, склонны разсматривать политическую теорію его, какъ нѣчто неизмѣнное, сразу вылившееся и логически вытекающее изъ его богословскихъ положеній. Съ другой стороны, впечатлѣніе, которое производятъ грандіозные успѣхи церковной дѣятельности Кальвина, особенно внѣ предѣловъ Женевы, заставляетъ тѣхъ же изслѣдователей (не исключая и здѣсь католика Кампшulte) допускать почти неограниченное воздѣйствіе Кальвина и на политическую жизнь въ томъ городѣ, гдѣ онъ стремился создать образцовую церковь (одно изъ наиболѣе распростра-

ненных мнѣній утверждаетъ, будто Кальвинъ закрѣпилъ развитіе аристократическаго строя въ Женевѣ). Въ послѣднее время, впрочемъ, работы Роже (*Histoire du peuple de Genève* и др.) показали преувеличенность представленій о политическомъ авторитетѣ Кальвина и его любимаго церковнаго учрежденія, консисторіи. Новый взглядъ этотъ подтверждается издаваемыми въ послѣднее время документами по церковной и политической исторіи Женевы, которые даютъ возможность точнѣе опредѣлять дѣйствительные размѣры вліянія Кальвина. Помимо архивныхъ изданій и сборниковъ, много интереснаго въ этомъ отношеніи (протоколы правительственныхъ совѣтовъ въ Женевѣ, протоколы знаменитыхъ процессовъ, записи консисторіи и т. д.) заключаетъ въ себѣ замѣчательный трудъ страсбургскихъ ученыхъ Baum'a, Cunitz'a и Reuss'a (*Opera Calvini* въ *Corpus Reformatorum*). Огромный и въ значительной части новый матеріалъ для біографіи, ученія и дѣятельности Кальвина, который даетъ это изданіе, куда, помимо его сочиненій и вышеназванныхъ документовъ, вошла его переписка (и притомъ письма къ Кальвину и о Кальвинѣ современниковъ), въ связи съ данными, которыя представляетъ не менѣе обширное собраніе *Hermijard—Correspondance des réformateurs*, даетъ возможность разобрать, какъ постепенно складывалась политическая теорія Кальвина, какія колебанія испытала она, какъ Кальвинъ долженъ былъ приспособлять ее къ условіямъ времени и поворотамъ въ борьбѣ, откуда получаетъ объясненіе и тотъ фактъ, что его ученіе истолковывалось и развивалось въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, хотя бы, напримеръ, въ ближайшую къ нему эпоху религиозныхъ войнъ во Франціи. Таково содержаніе будущей диссертациі г. Вишера, имѣющее несомнѣнную важность при изученіи такой крупной эпохи въ жизни европейскаго запада, какою является время религиозной реформациі XVI вѣка.

— Прив.-доц. харьковскаго университета по кафедрѣ греческой словесности А. Н. Деревницкій приступаетъ къ печатанію своей докторской диссертациі (по классической филологіи) подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ историко-литературныхъ занятіяхъ въ древней Греціи“, гдѣ касается исторіи александрійскаго музея и бібліотеки и дѣятельности Каллимаха.

— Сочиненія проф. Н. И. Карѣва по польской исторіи переводятся на польскій языкъ. Кромѣ статьи о новѣйшей польской исторіографіи, которая отдѣльной брошюрой на польскомъ языкѣ вышла въ свѣтъ три года тому назадъ, только-что отпечатанъ въ Краковѣ переводъ большаго труда проф. Карѣва о „Паденіи Польши въ исторической литературѣ“ (*Upadek Polski w literaturze historycznej*. Kraków. 1891). Кромѣ того, два лица просили у автора его согласія на

переводъ „Историческаго очерка польскаго сейма“ и „Очерка исторіи реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ“. Самъ проф. Карѣвъ составилъ общее résumé изъ своихъ работъ по польской исторіи въ эпоху раздѣловъ (кромѣ „Паденія Польши“ и „Польскаго сейма“, еще „Польскія реформы XVIII в.“) для *Revue historique*. Статья эта появится въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ названнаго журнала за 1891 г.

— Проф. Н. И. Карѣвъ помѣстилъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ (№№ 11 и 12 за 1889 г. и №№ 1 и 9 за 1890) возраженія нѣкоторымъ критикамъ его „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“ и „Сущности историческаго процесса“. Эти замѣтки имѣютъ выйти въ свѣтъ отдѣльной брошюрой.

— М. С. Корелинъ, прив.-доц. моск. унив. по кафедрѣ всеобщей исторіи, печатаетъ диссертацию по „Источникамъ и литературѣ итальянскаго Ренессанса до середины XV в.“ Цѣль ея выяснитъ современное состояніе нашихъ свѣдѣній о гуманизмѣ, изложить ихъ историческое развитіе, а также подвести итоги взглядамъ на сущность Возрожденія и на его историческое значеніе, провѣрить по источникамъ существующія воззрѣнія, формулировать нѣкоторыя къ нимъ дополненія и поставить рядъ новыхъ вопросовъ, научное рѣшеніе которыхъ пока невозможно при современныхъ свѣдѣніяхъ объ эпохѣ. Въ 1-й главѣ идетъ рѣчь о томъ, что сдѣлали для изученія гуманизма представители различныхъ областей историческаго знанія; въ послѣдней даются критика спеціальной литературы и общіе выводы. Въ промежуточныхъ главахъ критически приводятся къ извѣстности наличная литература о Петраркѣ, Боккачіо и другихъ гуманистахъ, причемъ въ книгу входитъ много новаго рукописнаго матеріала изъ ватиканской и другихъ библиотекъ.

— Прив.-доц. харьковскаго университета В. В. Лапинъ, читающій древнюю исторію (Востокъ), готовитъ къ печати магистерскую диссертацию о Тацитѣ.

— Проф. И. В. Лучицкій занятъ въ настоящее время печатаніемъ перваго тома Исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, въ который войдетъ переработка и статей его объ этомъ предметѣ, напечатанныхъ въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (1879 г.). Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены слѣдующія главы: 1) крестьянскій вопросъ въ литературѣ; 2) крестьяне и крестьянская реформа въ с.-з. Европѣ (въ Лифляндіи, Пруссіи и Даніи), 3) въ Австріи, 4) въ Неаполѣ и Тосканѣ, 5) во Франціи (до революціи), 6) въ Испаніи, 7) въ Баденѣ, 8) вопросъ объ общинныхъ земляхъ и о раздѣлѣ общинныхъ земель¹⁾.

¹⁾ Отдѣлъ о крестьянахъ и крестьянской реформѣ въ Даніи былъ только-что помѣщенъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (1890, декабрь).

По окончаніи этого труда проф. Лучицкій выпустилъ въ свѣтъ свой курсъ по исторіи XIV и XV вѣковъ на западѣ, состоящій изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) экономическіе факторы, 2) политическія и экономическія идеи XIV и XV вв., 3) сословный строй, 4) сословная монархія и представительныя учрежденія, 5) церковь и государство.

— Проф. варшавскаго университета Н. Н. Любвицъ, авторъ „Исторіи реформации въ Польшѣ“ (Варшава. 1883) и „Начало католической реакціи и упадка реформации въ Польшѣ“ (Варшава. 1890), написанныхъ на основаніи неизданныхъ источниковъ, готовитъ къ печати новый трудъ подъ заглавіемъ „Очерковъ изъ умственной и религіозной жизни въ Польшѣ въ эпоху Стефана Баторія“.

— Проф. О. О. Мартенсъ печатаетъ девятый томъ своего „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“. Этотъ томъ будетъ содержать документы по дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Англіей до 1800 года и, какъ предыдущіе томы изданія, будетъ заключать въ себѣ, кромѣ документовъ, вступительную статью и примѣчанія самого проф. Мартенса.

— Прив.-доц. московскаго университета П. Н. Милюковъ печатаетъ свое изслѣдованіе о „Государственномъ хозяйствѣ Россіи въ связи съ реформой Петра В.“.

— Въ скоромъ времени появится русскій переводъ книги Брайса „The Holy Roman Empire“ (Священная римская имперія). Редакція перевода принадлежитъ Д. М. Петрушевскому.

— Предпринять русскій переводъ извѣстнаго труда Сореля „L'Europe et la révolution française“. Изданъ будетъ этотъ переводъ Л. О. Пантелѣевымъ.

— Кандидатъ петербургскаго университета С. М. Середонинъ печатаетъ свой трудъ „Извѣстія Флетчера о Россіи, какъ историческій источникъ“.

— Проф. А. С. Трачевскій печатаетъ второй томъ своего учебника новой исторіи, который будетъ охватывать время съ 1750 по 1830 г., такъ что для окончанія всего труда потребуются еще томъ. Для культурной исторіи, выдвигаемой авторомъ на первый планъ, вторая половина XVIII вѣка и XIX столѣтіе даютъ громадный матеріалъ. Такимъ образомъ, все историческое руководство проф. Трачевскаго будетъ состоять изъ шести томовъ. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ.

— Въ 1890 г. вышелъ въ свѣтъ 70-й томъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, отдѣльное заглавіе котораго — „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Томъ I (1880—1802)“. Этотъ томъ редактированъ проф. А. С. Трачевскимъ, который въ настоящее время занятъ печатаніемъ

сразу двухъ новыхъ томовъ этого изданія, имѣющихъ заключать въ себѣ документы 1803—1807 гг.

— Г. В. Форстенъ притовляетъ къ печати изслѣдованіе о балтійскомъ вопросѣ и европейской дипломатіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648) на основаніи неизданныхъ источниковъ, найденныхъ имъ въ иностранныхъ архивахъ.

— Приватъ-доцентъ петербургскаго университета И. А. Шляпкинъ оканчиваетъ печатаніемъ свое изслѣдованіе о св. Димитріи Ростовскомъ.

— С. Н. Южакъ перепечатываетъ отдѣльною книгою свои „Соціологическіе этюды“, которые были помѣщены въ журналѣ „Знаніе“ за 1872 и 1873 гг. Въ книгѣ будутъ прибавлены къ прежнимъ главамъ двѣ новыя: одна о наслѣдственности и измѣчивости, другая о роли физической среды. Последняя глава только-что была напечатана въ „Русскомъ Богатствѣ“ (1890, ноябрь).

Изъ историко-философской литературы за последнее время.

Отмѣчаемъ здѣсь нѣкоторыя историко-философскія (въ самомъ широкомъ смыслѣ и соціологическія) книги, появившіяся въ 1889 и 1890 гг., откладывая до другого раза систематическій обзоръ вообще всей новѣйшей историко-философской литературы.

— *Ernst Bernheim*. Lehrbuch der historischen Methode. Mit Nachweis der wichtigsten Quellen und Hilfsmittel zum Studium der Geschichte. Leipzig. 1889. Весьма обстоятельное сочиненіе по „исторіи“. Авторъ разсматриваетъ въ немъ сущность исторической науки и ея отношеніе къ другимъ наукамъ, даетъ историческую методологію и эвристику (источниковѣдѣніе) съ обзоромъ вспомогательныхъ наукъ, особенно подробно останавливается на правилахъ исторической критики, на приемахъ историческаго воспроизведенія и отчасти историческаго изображенія, а также затрогиваетъ слегка вопросъ объ исторической философіи. Указаній на литературу предмета очень много. Кромѣ того, авторъ помѣстилъ въ „Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“ за 1889 г. статью о хронологическомъ раздѣленіи историческаго матеріала.

— *N. Colajani*. La Sociologia criminale. Volume primo. VIII e 505 p. Volume secondo. VIII e 704 p. Catonia, 1889. Содержаніе I-го тома: Опредѣленіе криминальной соціологіи. — Преступленіе. — Преступникъ. — Научныя предпосылки криминальной антропологіи. — Характеръ преступниковъ. — Противорѣчіе криминальной антропологіи. — Типы и классификація преступниковъ. — Преступленіе и атавизмъ. Содержаніе 2-го

тома. Антропологическіе факторы преступленія: характеръ, возрастъ, полъ, наслѣдственность, раса.—Факторы физическіе: климатъ, температура.—Факторы социальныя: экономическіе, политическіе, религіозныя.—Обузданіе преступленія. Рецидивъ. Функціи и органы производительныя, научныя, (вѣрованія), нравственныя, судебныя, политическія.—Классификаціи функцій и родовъ дѣятельности (*métiers*).—Естественное формированіе социального разумія (*de l'intelligence sociale*).

— *Сергій Георіевскій*. Важность изученія Китая. Спб. 1890 г. Авторъ этой книги, профессоръ китайской словесности въ петербургскомъ университетѣ, недавно выпустившій въ свѣтъ книгу подъ заглавіемъ „Принципы жизни Китая“, старается доказать въ новомъ своемъ сочиненіи, что „китаизмъ“ и „застой“ вовсе не синонимы. Онъ полемизируетъ съ утвердившимися въ Европѣ воззрѣніями на Китай и его исторію, причемъ, отрицая неуставленность понятія о прогрессѣ, онъ тѣмъ не менѣе подводитъ факты китайской исторіи подъ одну изъ существующихъ въ литературѣ формулъ прогресса и доказываетъ, что изученіе исторіи китайскаго прогресса важно для оцѣнки результатовъ и предрѣшенія судебъ западнаго прогресса. По его мнѣнію, Китай, продолжающій прогрессировать, постепенно приобрѣтаетъ мировое политическое значеніе. Кромѣ того, онъ высказываетъ убѣжденіе, что изученіе китайской исторіи и вообще важно для социальной исторіи, отвлеченно понимаемой.

— *Eberhard Gothein*. Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Leipzig. 1889. Небольшая брошюра, въ которой, между прочимъ, разбираются взгляды *Schäfer'a* высказанные въ брошюрѣ *Das eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte* (Iena, 1888). Вопросъ относится къ старой тяжбѣ между политической и культурной исторіями, причемъ дѣлается обзоръ разныхъ направленій въ историографіи и обращается большое вниманіе на школу Ранке. Авторъ проникнутъ сознаніемъ важности культурнаго направленія.

— *Guillaume de Greef*. Introduction à la sociologie. (Première partie *Eléments*. Bruxelles-Paris. 1886. VII et 233 p. (Deuxième partie). *Fonctions et organes*. 1889. 457 p. Содержаніе I тома: Предисловіе.—Соціологическая проблема.—Соціологическій методъ.—Общія установительныя элеметы или первичныя факторы соціологии. (*Eléments constitutifs généraux ou facteurs primaires de la sociologie*): территория и населеніе.—Перечень социальныхъ явленій.—Естественное формированіе соціологии биологією и психологією.—Отличительныя черты соціологии.—Положительное доказательство возможности опыта въ социальной наукѣ.—Иерархическая классификація социальныхъ явленій.—Эмпиризмъ, утопія и научный социализмъ. Содержаніе II-го тома: Социальная

твѣнь и коллективныя силы. — Соціальныя функціи и органы. — Функціи и органы космическіе: циркуляція. — Ф. и орг. экономическіе: потребление и производство.

— *Н. Картезъ*. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890. Большой томъ, представляющій изъ себя продолженіе изданныхъ авторомъ раньше „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, но имѣющій значеніе и отдѣльнаго сочиненія. Въ двухъ главныхъ частяхъ, изъ коихъ состоитъ „Сущность историческаго процесса“, авторъ разсматриваетъ роль личности въ процессахъ прагматическомъ и культурномъ, разбирая относящіяся къ вопросу этому взгляды, какіе только высказывались въ литературѣ. Особенное вниманіе обращено авторомъ на историческую причинность и на личную инициативу. Въ концѣ труда намѣчены тѣ главные вопросы, разрѣшенію коихъ авторъ думаетъ посвятить новый (4-ый) томъ своихъ „Основныхъ вопросовъ“.

— *В. Левитскій*. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Ярославль. 1890. Отмѣчаемъ здѣсь эту книгу въ виду ея интереса, какъ работы, въ которой разсматривается и историческая школа политической экономіи. Указывая на историческій характеръ общественно-хозяйственныхъ явленій, авторъ на этомъ основаніи причисляетъ политическую экономію къ наукамъ историческимъ и съ особою обстоятельностью останавливается на воззрѣніяхъ исторической школы экономистовъ, критикуя какъ самыя эти воззрѣнія, такъ и другія на- правленія съ точки зрѣнія взглядовъ исторической школы. При той роли, какую экономическія явленія начинаютъ играть въ самой исторической наукѣ, такія методологическія работы, какова книга г. Левитскаго, не могутъ не представлять интереса для историковъ.

— *Léon Maury*. Essai sur les origines de l'idée du progrès. P. 1890. Авторъ этого небольшого труда (около 180 стр.), „пасторъ и лиценціатъ ès lettres et en théologie“, поставилъ себѣ задачей изслѣдовать исторію идеи прогресса. Тема не новая, но Мори удалось освѣтить ее съ новыхъ точекъ зрѣнія. Сочиненіе распадается на три части: идея прогресса въ язычествѣ, идея прогресса въ христіанскомъ мірѣ и идея прогресса въ новыя времена.

— *Léon Metchnikoff*. La civilisation et les grands fleuves historiques. Paris. 1889. Авторъ, умершій въ 1888 г., былъ послѣднее въ время профессоромъ статистики и сравнительной географіи въ Лозаннѣ, и этотъ его посмертный трудъ явился въ свѣтъ, благодаря Элизе Реклю. Самъ Мечниковъ сдѣлалъ резюме своихъ главныхъ взглядовъ въ русской статьѣ „Географическая теорія развитія историческихъ народовъ“, помѣщенной въ „Вѣстн. Евр.“ за мартъ 1889 г. Вотъ названія отдѣльныхъ главъ этого труда: 1) прогрессъ, 2) прогрессъ въ исто-

рин, 3) географическій синтезъ исторіи, 4) расы, 5) среда, 6) великія раздѣленія исторіи, 7) территория рѣчныхъ цивилизацій, 8) Нилъ, 9) Тигръ и Евфратъ, 10) Индъ и Гангъ, 11) Гоанго и Янтцекіангъ. Первые шесть главъ относятся къ теоріи исторіи, остальные представляютъ изъ себя философскій обзоръ исторіи восточныхъ цивилизацій. См. рец. въ В. Е. и Рус. М.

— Историческая философія Гегеля продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ. Въ 1888 г. вышла въ свѣтъ работа *Morris'a*, посвященная гегелевой философіи государства и исторіи (*Hegel's philosophy of the state and of history*), за которой въ нынѣшнемъ году послѣдовала книга *Barth'a* подъ заглавіемъ „*Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer*“.

— *Pflug-Hartung*. *Geschichtsbetrachtungen*. Gotha. 1890. Небольшая брошюра (47 стр.), изображающая общій характеръ новой историографіи, начиная съ Петрарки.

— *Томасъ Ралей*. Элементарная политика. Спб. 1889 (изд. журнала „Русское Богатство“). Эта небольшая книжка (104 стр.), переведенная съ 3 изданія подлинника, вышедшаго въ свѣтъ четыре года тому назадъ, представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ историко-соціологической пропедевтики. Авторъ разсматриваетъ въ ней происхожденіе и первоначальное развитіе общества, европейскую цивилизацію, устройство современныхъ государствъ, политическіе идеалы, сущность политическихъ партій, основныя явленія экономической жизни, функціи государства. Цѣль автора самая скромная, а именно опредѣлить тѣ термины, которые употребляются въ политической аргументаціи.

— *Л. Слонимскій*. Основные вопросы политики. Спб. 1889 г. Собраніе статей, приведенныхъ между собою въ нѣкоторую общую связь. Для теоріи исторіи представляютъ интересъ первыя для статьи, озаглавленные „Законы исторіи“ и „Политическія метаморфозы“.

— *Tarde*. *Les lois de l'imitation*. P. 1890. Книга Тарда составила изъ цѣлаго ряда его статей, отчетъ о которыхъ далъ русской публикѣ проф. Козловъ въ брошюрѣ „Тардъ и его ученіе объ обществѣ“ (Кіевъ. 1887 г.). Въ этомъ трудѣ французскаго соціолога, имѣющемъ большой интересъ съ точки зрѣнія на историческую теорію, есть глава, специально посвященная вопросу о томъ, чѣмъ должна быть исторія: въ ней авторъ высказываетъ воззрѣнія, довольно близкія къ взглядамъ, изложеннымъ въ книгѣ *Bourdeau* *L'histoire et les historiens* (Paris. 1888). О книгѣ этой см. рецензію г. Слонимскаго въ „Вѣстн. Евр.“ и статью проф. Карѣева въ „Сѣверн. Вѣстн.“ (ноябрь 1890 г.).

— Недавно вышли въ Лейпцигѣ двѣ брошюры, имѣющія инте-

ресъ съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса: это—*Prolegomena der Literar-Evolutionistischen Poetik* и *Das Wesen wissenschaftlicher Literaturbetrachtung*, и обѣ онѣ принадлежать одному и тому же автору (*Eng. Wolff*).

— Историческіе журналы время отъ времени также помѣщаютъ на своихъ страницахъ статьи, имѣющія исторіологическій интересъ. Въ *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* за 1889 помѣщена между прочимъ статья *G Buchholz'a* п. з. *Urpung und Wesen der modernen Geschichtsauffassung*.

— Журнальная полемика между гг. Михайловскимъ и Слонимскимъ, которая велась въ 1889 г. по поводу соціологіи первого изъ названныхъ писателей („Русская Мысль“ и „Вѣстникъ Европы“), вызвала появленіе двухъ брошюръ: *Раишковскій. Н. К. Михайловскій передъ судомъ критики. Одесса. 1889 г. Позитивистъ. Г. Слонимскій и соціологія. Казань. 1889.*

— Книга Данилевскаго „Россія и Европа“, представляющая изъ себя историко-философскій „кодексъ славянофильства“, продолжаетъ служить предметомъ критики и полемики. Послѣ извѣстныхъ статей Вл. С. Соловьева въ „Вѣстникъ Европы“ за 1889 г. и статьи проф. Н. И. Карѣева „Теорія культурно-историческихъ типовъ“ („Русская Мысль“, 1889, IX), а также возраженій Н. Н. Страхова, помѣщавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Новомъ Времени“ и собранныхъ имъ во второмъ томѣ „Борьбы съ Западомъ“, съ точки зрѣнія историко-философской, заслуживаютъ вниманія статьи Вл. С. Соловьева о зависимости теоріи Данилевскаго о культурно-историческихъ типахъ отъ мыслей, высказанныхъ на этотъ счетъ Рюккертомъ (*Lehrbuch der Weltgeschichte*). Статьи эти помѣщены въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Вѣстника Европы“ за 1890 г.

Разныя извѣстія.

— 25-го сентября, въ академіи наукъ состоялось торжественное засѣданіе, въ которомъ были объявлены результаты разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ академіи для конкурснаго присужденія премій имени графа Уварова. Изъ пятнадцати представленныхъ на конкурсъ сочиненій четыре признаны заслуживающими премій по 500 рублей, согласно правиламъ объ уваровскихъ наградахъ. Въ составѣ комиссіи, обсуждавшей достоинства представленныхъ сочиненій, кромѣ непремѣннаго секретаря (какъ предсѣдателя), находились академики: А. Н. Веселовскій, Л. Н. Майковъ, А. А. Куникъ, А. Ө. Бычковъ, Я. К. Гротъ, М. И. Сухомлиновъ и адъюнктъ Н. Ө.

Дубровинъ. Для предварительнаго разсмотрѣнія и, согласно обычному порядку, составленія печатныхъ рецензій о представленныхъ на конкурсъ трудахъ комиссія обратилась къ профессорамъ-специалистамъ и по разсмотрѣнии ихъ рецензій и обсужденіи сравнительнаго достоинства всѣхъ конкурсныхъ трудовъ присудила уваровскія преміи слѣдующимъ четыремъ лицамъ: 1) профессору П. В. Владимірову—за сочиненія: а) „О житіи св. Алексѣя, челоѣка Божія“ и б) „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“, разсмотрѣнныя въ рецензіи профессоромъ варшавскаго университета А. С. Будиловичемъ; 2) Ал. Лазаревскому—за сочиненіе: „Описаніе старой Малороссіи—матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій“, разсмотрѣніе котораго было поручено изслѣдователю исторіи Малороссіи, проф. харьковскаго университета Д. И. Багалъю, который въ обширной рецензіи далъ лестный отзывъ о трудѣ г. Лазаревскаго; 3) приватъ-доценту Н. П. Лихачеву—за изслѣдованіе: „Разрядные дѣлки XVI вѣка“, разсмотрѣнное въ рецензіи профессора казанскаго университета Н. П. Загоскина и, наконецъ, 4) П. Житецкому—за сочиненіе: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.“, разсмотрѣнное по приглашенію комиссіи профессоромъ новороссійскаго университета г. Кочубинскимъ. За оказанное академіи содѣйствіе со стороны профессоръ-рецензентовъ комиссія, кромѣ выраженія благодарности, постановила раздать уваровскія золотыя медали за рецензіи слѣдующимъ лицамъ: профессорамъ — Будиловичу, Багалъю, Кочубинскому, Павлову, Загоскину, Субботину, пр.-д. Вольтеру и и. д. хранителя московской Оружейной палаты Павлинову.

— Въ послѣднее время во всѣхъ углахъ нашего обширнаго отечества замѣчается увеличеніе интереса къ изученію своего прошлаго. Провинціальная исторіографія начинаетъ дѣлать замѣтные успѣхи, и въ разныхъ городахъ возникаютъ историческіе музеи съ цѣлью собиранія остатковъ мѣстной старины. Объ одномъ изъ такихъ музеевъ, устроенныхъ въ этомъ году, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ. Съ 1865 года въ городѣ Каменцѣ Подольскомъ существуетъ историко-статистическій комитетъ, который былъ учрежденъ съ цѣлью описанія подольской епархіи въ историческомъ отношеніи. Этотъ комитетъ выработалъ особую программу для составленія описанія церквей и приходовъ и разослалъ ее священникамъ. Присланныя послѣдними свѣдѣнія редактировались членами комитета и печатались въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, существующихъ съ 1862 года. Кромѣ того, въ архивѣ мѣстной духовной консисторіи оказались цѣнные историческіе матеріалы. Тутъ нашлись такъ-называемыя уніатскія визитаціи прошлаго вѣка или подробныя описанія ревизій цер-

квей, а также книги судебных рѣшеній духовныхъ судовъ и административныхъ распоряженій по дѣламъ церкви. На эти документы было обращено вниманіе членами комитета М. В. Симашкевичемъ и Н. И. Яворовскимъ, по иниціативѣ которыхъ упомянутые историческіе матеріалы начали издаваться подъ заглавіемъ: „Труды комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи“. Первые два выпуска ихъ вышли подъ редакціей М. В. Симашкевича, а третій и четвертый (въ настоящее время печатается уже пятый) подъ редакціей Н. И. Яворовскаго, неизмѣнно посвящающаго въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія комитета все свое свободное отъ официальныхъ обязанностей время занятіямъ подольскою стариною. По иниціативѣ же Н. И. Яворовскаго было устроено церковно-историческое древнехранилище въ Каменцѣ. Предложеніе относительно учрежденія музея было сдѣлано имъ въ засѣданіи комитета въ концѣ 1889 года и встрѣтило общее сочувствіе. Вскорѣ былъ выработанъ и утвержденъ проектъ устройства древнехранилища. Вотъ что говоритъ о назначеніи церковнаго музея этотъ проектъ: „Древнехранилище заключаетъ въ себѣ: 1) бібліотеку историко-статистическаго комитета, 2) архивъ и 3) вещественные памятники церковной древности. 1) Библиотека древнехранилища состоитъ изъ историческихъ сочиненій, необходимыхъ при изученіи исторіи Подолія, на русскомъ, польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ. 2) Архивъ состоитъ изъ рукописей и рукописныхъ актовъ, относящихся къ исторіи Подолія, а также и изъ бумагъ и дѣлъ историко-статистическаго комитета. 3) Вещественные памятники церковной древности составляютъ какъ самые предметы древности, такъ и точные снимки съ нихъ. Сюда относятся: а) памятники языка и письма: старопечатныя и рукописныя церковно-богослужебныя книги, православныя и уніатскія и т. п.; б) памятники церковной архитектуры Подолія въ снимкахъ (рисунки, фотографіи, гравюры), моделяхъ и образцахъ; в) памятники церковной живописи и скульптуры; г) церковно-богослужебные предметы (старые антиминсы, облаченія православныя и уніатскія, церковная утварь); д) не устранимая и древности не-церковныя, имѣющія историческое значеніе, въ особенности уясняющія исторію Подолія“. Древнехранилище ютится въ настоящее время въ верхней галлерей каменецкаго кафедральнаго собора. Не смотря на то, что время его существованія считается лишь мѣсяцами, тѣмъ не менѣе въ немъ уже собрано не мало предметовъ, знакомящихъ съ церковною стариною Подолія. Въ музеѣ находятся древніе антиминсы, церковные сосуды и облаченія, а также фотографическіе снимки съ наиболѣе древнихъ и интересныхъ въ архитектурномъ отношеніи православныхъ церквей Подолія. Есть тамъ много портретовъ бывшихъ подольскихъ архіереевъ. Кромѣ

того, есть уже и не мало интересныхъ рукописей; но особенною полностію отличается отдѣлъ визитаціи церквей и декретовъ времени уніи. За дальнѣйшій успѣшный и быстрый ростъ подольскаго церковнаго древнехранилища ручается энергія комитета. (Сообщено проф. Н. Н. Любовичемъ).

— Рефератъ объ Иванѣ Грозномъ, читанный Е. А. Бѣловымъ въ Историческомъ Обществѣ ¹⁾, вызвалъ со стороны Н. К. Михайловскаго рядъ статей объ Иванѣ Грозномъ въ русской исторической литературѣ, появившихся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1890 годъ (№№ 260, 268, 275, 288, 296, 303, 313 и 341; въ № 341 онѣ, повидному, уже окончены).

— Годовое засѣданіе Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ происходило 12 декабря. Въ члены Комитета выбраны на 1891 г. С. Л. Степановъ и Е. Ф. Шмурло, причемъ первый принялъ на себя должность казначея (адресъ его для высылки членскихъ взносовъ: Петербургъ, Артиллерійская, 6). Членскій взносъ на 1891 г. утвержденъ въ 5 рублей. Очередныя собранія назначены на среды 23 янв., 20 февр., 20 марта, 24 апр., 11 сент., 9 окт., 13 ноября и 11 декабря (годовое). Въ этомъ засѣданіи доложены были рефераты: „Разсказъ итальянца Тедадьди о Россіи время Грознаго“ Е. Ф. Шмурло и „Новыя явленія въ области разработки древне-греческой исторіи“ А. И. Покровскаго. Избрано было семь новыхъ членовъ и предложено десять кандидатовъ.

— *Поправка:* На стр. 268 просимъ исправить три опечатки: слѣдуетъ въ строкѣ 18 св. Зенченко, вм. Занченко, и Юрьевичъ, вм. Юльевичъ, а въ строкѣ 23—В. А., вмѣсто В. М.

¹⁾ См. отд. II, стр. 45.

ОТДѢЛЪ II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ возникло въ 1889 г. Въ мартѣ этого года небольшой кружокъ преподавателей исторіи на историко-филологическомъ факультетѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ выработалъ проектъ устава Историческаго Общества, который и былъ внесенъ въ историко-филологическій факультетъ при особой запискѣ за подписью десяти его членовъ ¹⁾. Необходимость основанія при Петербургскомъ Университетѣ историческаго Общества мотивировалась слѣдующимъ образомъ:

«Среди ученыхъ обществъ, состоящихъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ, нѣтъ ни одного такого, которое, подобно Московскому Обществу исторіи и древностей россійскихъ или Кіевскому Обществу лѣтописца Нестора, было посвящено интересамъ исторической науки во всемъ ея объемѣ. Здѣшнимъ представителямъ послѣдней, какъ въ самомъ Университетѣ, такъ и внѣ его, приходится по этой причинѣ примыкать для своихъ научныхъ цѣлей къ ученымъ обществамъ: Географическому, Археологическому, Филологическому и инымъ, имѣющимъ свои спеціальныя задачи, а потому лишь косвенно могущимъ служить разнообразнымъ интересамъ исторической науки. Во-первыхъ, цѣлыя большіе отдѣлы исторіи, главнымъ образомъ, напр., новая русская исторія и исторія европейскаго Запада въ средніе вѣка и особенно въ новое же время имѣютъ слишкомъ мало точекъ соприкосновенія съ задачами указанныхъ ученыхъ обществъ, и историки, занимающіеся такими отдѣлами, даже не могутъ для своихъ спеціальныхъ работъ примыкать къ этимъ обще-

¹⁾ Подъ запискою подписались: В. Г. Васильевскій, А. Н. Веселовскій, Е. Е. Замысловскій, Н. И. Карѣевъ, В. И. Ламанскій, И. П. Минаевъ, С. Θ. Платоновъ, Θ. Θ. Соколовъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло.

ствамъ. Во-вторыхъ, только въ специально-историческомъ ученѣмъ обществѣ могутъ быть предметомъ разработки силами нѣсколькихъ ученыхъ теоретическіе вопросы исторической критики, методологіи и философіи. Оріентироваться среди новыхъ направленій историографіи и исторической философіи не всегда бываетъ подъ силу одному человѣку, а между тѣмъ здѣшніе историки лишены возможности сообща разрабатывать такіе вопросы и помогать установленію правильнаго историческаго міросозерцанія особенно среди начинающихъ своихъ товарищей по наукѣ. Въ-третьихъ, только при существованіи историческаго Общества возможно было бы болѣе тѣсное сближеніе между университетскою наукою и преподаваніемъ исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, причѣмъ и обсужденіе вопросовъ, относящихся къ историческому преподаванію, удобнѣе всего могло бы происходить въ такомъ ученѣмъ обществѣ, которое объединяло бы представителей исторической науки и историческаго преподаванія въ городѣ, имѣющемъ столько учебныхъ заведеній. Потребность общенія специалистовъ-историковъ, какъ ради указанныхъ цѣлей, такъ ради и общаго мыслей чувствуется давно, несомнѣннымъ доказательствомъ чему служить и возникновеніе время отъ времени небольшихъ частныхъ историческихъ кружковъ съ задачами научными или педагогическими. Университетъ могъ бы содѣйствовать удовлетворенію всѣхъ этихъ интересовъ основаніемъ новаго ученаго общества, которое и состояло бы при немъ подъ названіемъ Историческаго. Въ виду всего вышеизложеннаго мы, подписывающіеся подъ настоящимъ заявленіемъ, заручившись сочувствіемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, равно какъ и стоящихъ внѣ Университета историковъ, составили проектъ устава Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, опредѣливъ цѣлью этого Общества: а) изученіе исторіи какъ русской, такъ и всеобщей во всѣхъ ея отдѣлахъ, б) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки и с) содѣйствіе успѣху историческаго преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ посредствомъ обсуждения относящихся къ нему вопросовъ. Прилагая при семъ самый проектъ устава, мы покорнѣйше просимъ внести его въ Совѣтъ Университета на обсужденіе и для дальнѣйшаго затѣмъ движенія въ порядкѣ, установленномъ для учрежденія новыхъ ученыхъ обществъ при Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ».

Представленный вмѣстѣ съ этою запискою проектъ устава былъ принятъ какъ историко-филологическимъ факультетомъ, такъ и Совѣтомъ Университета, послѣ чего осенью того же года состоялось утвержденіе устава Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. 26 ноября новое Ученое Общество, состоявшее въ это время изъ 29 членовъ-учредителей, открыло свои засѣданія; первыя собранія имѣли чисто организаціонный характеръ, а по вступленіи въ Общество новыхъ членовъ, председателемъ его проф. Н. И. Карѣвымъ была прочитана слѣдующая рѣчь о задачахъ Историческаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ.

«Мм. Гг.! Сегодня собрались мы въ первый разъ для научныхъ сообщеній, и въ первый разъ собраніе наше состоитъ не изъ однихъ членовъ-учредителей, но изъ новыхъ членовъ, пожелавшихъ примкнуть къ Историческому Обществу при Петербургскомъ Университетѣ, какъ только былъ утвержденъ его уставъ. Весьма естественно, что первое сообщеніе посвящается цѣлямъ новаго ученаго общества, вопросу объ организаціи его занятій.

«Мысль объ основаніи нашего общества возникла первоначально въ очень небольшомъ кружкѣ: въ этомъ кружкѣ, конечно, говорилось о томъ, какія именно цѣли поставить новому обществу, разъ на его учрежденіе будетъ дано надлежащее разрѣшеніе, и слѣдъ такихъ разговоровъ сохранился въ запискѣ, которую мы, инициаторы, представили въ историко-филологическій факультетъ при проектѣ устава «Историческаго Общества» ¹⁾... Волѣе кратко эти самыя мысли были сформулированы въ § 2 нашего устава, гласящаго, что «Историческое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ имѣтъ цѣлю: а) изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи, б) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки с) обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ».

«Таковы были идеи небольшого кружка инициаторовъ Общества. Когда къ нему стали примыкать одинъ за другимъ новыя лица, сдѣлавшіяся потомъ, въ силу § 7 устава, членами-учредителями, нѣкоторые изъ нихъ, выражая, вообще, свое сочувствіе цѣли общества, съ особеннымъ интересомъ относились къ той или другой изъ его частныхъ цѣлей. То же самое я могу засвидѣтельствовать и относительно первыхъ избранныхъ нами членовъ, такъ какъ весьма значительная ихъ часть была приглашена мною, и со многими изъ нихъ я имѣлъ случай подробно говорить о цѣляхъ общества. Большое лично мнѣ удовольствіе доставляли заявленія сочувствія въ идеѣ о разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки, такъ какъ мнѣ, по роду моихъ занятій, эта разработка была бы наиболѣе желательна; кромѣ того, многія лица съ особымъ сочувствіемъ отнеслись къ обсужденію въ нашихъ собраніяхъ вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Само собою разумѣется, что всѣ одинаково одобряли возможность въ специально-историческомъ обществѣ заниматься изслѣдованіемъ научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей—какъ русской, такъ и всеобщей исторіи.

«Одно дѣло—постановка цѣлей, другое дѣло—ихъ осуществленіе. Каждый изъ насъ вступалъ въ Историческое Общество съ извѣстными желаніями и требованіями, съ извѣстными относительно его настрѣженіями и планами. Намъ предстоитъ теперь выяснить, чѣмъ же мы должны быть и что мы можемъ сдѣлать въ виду указанныхъ цѣлей? Конечно, вопросы эти лучше

¹⁾ Здѣсь приведены были выдержки изъ записки, поданной въ факультетъ.

всего рѣшится самою дѣятельностью нашего общества, но, вѣдь, и эта практика во многомъ будетъ зависѣть отъ того, какое направленіе съ самаго начала мы придадимъ своему дѣлу. Объ этомъ вопросѣ я думалъ уже очень много. У меня даже есть какъ-бы цѣлая программа дѣятельности нашего Общества: въ будущемъ я познакомя васъ, если позволите, подробнѣе съ отдѣльными частями этой программы, такъ какъ сегодня я нахѣренъ остановиться, такъ сказать, на общихъ ея очертаніяхъ. Подвергая ее на ваше усмотрѣніе, я отнюдь не думаю, чтобы все мною предлагаемое было теперь же осуществимо и чтобы въ программѣ моей не было никакихъ пробѣловъ: отъ состава общества, концы опредѣлятся его стремленія, будетъ зависѣть, въ концѣ-концовъ, суженіе предлагаемой программы или же, наоборотъ, еще большее ея расширеніе. Конечно, я далека отъ всякаго попопзновенія такъ или иначе навязывать свои мысли: я желалъ бы лишь дать поводъ другимъ высказаться по принципиальнымъ вопросамъ нашего существованія, предоставить и вамъ, и себѣ случай выяснить, чѣмъ мы должны и можемъ быть, и въ зависимости отъ этого организовать наши будущія занятія, такъ какъ начинать дѣло безъ болѣе или менѣе выработаннаго и непремѣнно осуществимаго плана значитъ прямо отказать себѣ въ средствахъ обезпечить за собою какой бы то ни было успѣхъ.

«Я не только много думалъ, но и много говорилъ объ Историческомъ Обществѣ, а въ бесѣдахъ, которыя мнѣ приходилось о немъ вести, мнѣ отвѣчали не только словами сочувствія, но и словами сомнѣнія, недовѣрія. Если бы на послѣднія я наталкивался въ разговорахъ съ такими лицами, которыя не выказывали ни малѣйшаго желанія стать нашими сочленами, я не сталъ бы здѣсь объ этомъ говорить; нѣтъ, особенную важность сомнѣнія, который высказывались по поводу основанія Историческаго Общества, получаютъ вслѣдствіе того, что я слышалъ ихъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, присутствующихъ въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи. Съ этимъ фактомъ мы уже должны прямо считаться: въ такихъ заявленіяхъ нашихъ сочленовъ мы имѣемъ, на мой взглядъ, своего рода предостереженія относительно того, чего слѣдуетъ намъ избѣгать.

«Почти никто не выражалъ опасенія, чтобы для занятій въ нашихъ собраніяхъ не было достаточнаго матеріала. Многіе изъ насъ разрабатываютъ тѣ или другіе историческіе вопросы и, время отъ времени, будутъ имѣть возможность дѣлиться съ другими—результатами своихъ изслѣдованій. Всѣ мы читаемъ новыя историческія книги и часто чувствуемъ потребность о нихъ поговорить, чтобы на ту или другую обратить вниманіе, высказать свои взгляды по поводу того или другого предмета, котораго книга касается, или просто разобрать научные приемы и выводы какого-либо автора. Такимъ образомъ, за темами для сообщеній въ нашихъ собраніяхъ дѣло не станетъ. По поводу такихъ темъ высказывалось опасеніе другого рода: говорилось, что рефераты, имѣющіе такое происхожденіе, будутъ часто слишкомъ слу-

тайны; прибавлялось къ этому еще и то, что, при господствующей въ исторических занятіях специализаціи, они могутъ быть и недостаточно общепригодны, даже не общедоступны. Весьма естественно, что каждый изъ насъ, являясь съ какинѣ-либо сообщеніемъ, принесть съ собою то, что его самого въ данную минуту интересуетъ; одни рефераты будутъ слѣдовать за другими необходимо въ совершенно случайномъ порядкѣ, и рядомъ съ темами, представляющими большій или меньшій интересъ для всѣхъ, должны будутъ встрѣчаться темы, способныя занять вниманіе очень немногихъ. Въ такомъ порядкѣ вещей есть, конечно, свои неудобства, но безъ этого обойтись нельзя, и это бываетъ во всѣхъ ученыхъ обществахъ: мы должны съ благодарностью принимать всякую работу, какая только будетъ представлена на наше обсужденіе, хотя и будемъ желать, чтобы референты выбирали изъ своихъ работъ для сообщеній тѣ, которыя не представляютъ слишкомъ узкаго, чисто-спеціального интереса. Регулировать это дѣло какими-либо правилами немислимо, такъ какъ было бы невозможно сочинить подобныя правила и нежелательно стѣснять свободу членовъ общества. Если Комитетъ, въ согласіи съ § 17, и будетъ просить передавать ему программы, *résumés* или тезисы предполагаемыхъ сообщеній, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы облегчать составленіе протоколовъ. Съ другой стороны, Комитетъ также будетъ пользоваться своимъ несомнѣннымъ правомъ, если найдетъ нужнымъ, комбинировать отдѣльныя сообщенія такимъ образомъ, чтобы каждое засѣданіе имѣло по возможности побольше интереса для большинства членовъ Общества. Въ концѣ концовъ, только практика покажетъ, съ какими работами, по условіямъ нашихъ спеціальныхъ занятій, могутъ являться въ наши собранія будущіе референты, и какія темы станутъ привлекать наибольшее количество слушателей, вызывать наиболѣе живой обмѣнъ мыслей. Мы можемъ лишь выразить желаніе, чтобы опасенія, вызываемыя у нѣкоторыхъ нашихъ членовъ необходимыми случайностью и спеціальностью темъ для рефератовъ, разсѣялись какъ можно скорѣе. Предостереженіе, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется недлиннымъ въ виду того, что значительное количество членовъ Историческаго Общества будетъ посѣщать его засѣданія для того, чтобы послушать что-нибудь интересное.

«То, что я сейчасъ говорилъ, относится къ первой задачѣ Историческаго Общества, къ изслѣдованію научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи. Но уставъ предоставляетъ намъ еще право разрабатывать теоретическіе вопросы исторической науки и обсуждать вопросы, имѣющие соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Теоретическіе вопросы исторической науки должны возбуждать большій или меньшій интересъ у всѣхъ историковъ, а по своей, во многихъ отношеніяхъ, спорности могутъ вызывать особенно живой обмѣнъ мнѣній. То же самое можно сказать и о вопросахъ, касающихся историческаго преподаванія: для весьма значительнаго числа нашихъ членовъ они тѣмъ болѣе интересны, что

сами эти члены занимаются историческим преподаванием. Я думаю даже, что занятія наши вопросами исторической теоріи и историческаго преподаванія можно было бы до нѣкоторой степени систематизировать: по крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ засѣданіи на этотъ счетъ вамъ представлены будутъ два реферата. Одинъ изъ нихъ будетъ приготовленъ мною, другой—однимъ изъ нашихъ сочленовъ. За дальнѣйшими сообщеніями по вопросамъ общихъ категорій, надѣюсь, дѣло не станетъ: по предмету исторической теоріи, благодаря своимъ занятіямъ ею, я могъ бы предложить вашему вниманію даже нѣсколько рефератовъ, но, кромѣ меня, и другія лица выражали желаніе работать въ томъ же смыслѣ для нашихъ собраній, да и по вопросамъ преподаванія уже напечатаны нѣкоторые доклады для будущихъ засѣданій. Помимо обработанныхъ рефератовъ, въ общихъ этихъ областяхъ возможны и другіе способы совмѣстныхъ занятій: я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, постановку вопросовъ, по которымъ желательно было-бы имѣть сужденіе, и представленіе отдѣльныхъ тезисовъ, которые, равнымъ образомъ, могли бы обсуждаться въ нашихъ засѣданіяхъ.

«Такъ я понимаю дѣло. Но и тутъ пришлось выслушивать мнѣнія, заключающія въ себѣ нѣкоторыя опасенія. По поводу разработки теоретическихъ вопросовъ исторической науки, какъ одной изъ задачъ Общества, говорилось, что едва-ли она пойдетъ успѣшно и что потому едва-ли слѣдовало включать ее въ уставъ, какъ самостоятельную задачу Общества: указывалось, именно, на то, что серьезно и ея профессо теоретическими вопросами исторіи почти никто не занимается, что занятіе ими придется, пожалуй, создавать искусственно, что въ результатѣ можетъ отъ этого получиться только одна потеря времени безъ всякой пользы для науки. Я не раздѣляю такого взгляда, хотя и считаюсь съ нимъ тоже, какъ съ своего рода предостереженіемъ. Согласенъ съ тѣмъ, что теоретическими вопросами исторіи занимаются мало, но это еще не значитъ, что ими мало интересуются, что мало способны ихъ понимать, что не найдется людей, которые были бы въ состояніи участвовать въ ихъ обсужденіи. Мы будемъ только удовлетворять существующей потребности, а это нельзя называть тратой времени.

«По поводу обсужденія вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, говорилось другое: высказывалось сомнѣніе относительно удобства соединять въ одномъ обществѣ какъ бы два различныя общества, одно—ученое, другое—педагогическое, а такъ какъ въ составѣ же нашего Общества большинствомъ могутъ оказаться преподаватели средне-учебныхъ заведеній, то и дѣлалось такое предположеніе, что Общество наше *de facto* превратится въ педагогическое, хотя *de jure* и должно было бы быть главнымъ образомъ ученымъ. Выводъ отсюда дѣлается тотъ, что изъ занятій нашихъ нужно было исключить вопросы преподаванія. Мнѣ кажется, что, наоборотъ, объединеніе представителей исторической науки и историческаго преподаванія, вытекающее изъ нашего устава, представляетъ

одну изъ хорошихъ особенностей нашего Общества. Не говоря уже о томъ, что есть преподаватели исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вѣсть съ тѣмъ являющіеся научными дѣятелями, было бы странно не признавать никакихъ точекъ соприкосновенія между наукой и преподаваніемъ первыхъ ея элементовъ, точно преподаватели средне-учебныхъ заведеній такъ-таки и неспособны интересоваться вопросами науки, а представителямъ послѣдней совершенно чужды вопросы о томъ, какъ обучать исторіи будущихъ студентовъ, будущихъ гражданъ, будущихъ общественныхъ дѣятелей. Еслибы нашему, конечно, прежде всего ученому, Обществу и грозило превращеніе въ Общество педагогическое, мы всегда могли бы это предотвратить. выдѣливъ изъ себя особую секцію; но пока въ нашемъ составѣ есть научныя силы, пока у насъ будутъ находиться темы для научныхъ сообщеній, наше Общество не утратитъ своего ученаго характера.

«Таковы общія соображенія, которыя я считалъ нужнымъ представить вамъ по вопросу о нашихъ будущихъ собраніяхъ, назначенныхъ по уставу, главнымъ образомъ, для научныхъ сообщеній. Мнѣ остается только прибавить, что широкимъ задачамъ, которыя мы ставимъ Обществу, уже до извѣстной степени соответствуетъ и теперешній его составъ: кромѣ историковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, къ Обществу прикнули уже представители и другихъ, родственныхъ нашей наукѣ, отраслей знанія, каковы: философія, исторія литературы и искусства, государственныя науки, юриспруденція и политическая экономія. Нужно желать, чтобы и впредь составъ нашего Общества дополнялся столь же разнообразными элементами, такъ какъ чѣмъ болѣе будетъ среди насъ представителей этихъ спеціальныхъ изученій духовной, общественной и исторической жизни человѣка, тѣмъ менѣе будетъ намъ грозить опасность впасть въ какую-либо односторонность.

«Кромѣ устройства собраній для научныхъ сообщеній, уставъ предоставляетъ намъ право, при соблюденіи извѣстныхъ условій, устраивать публичныя лекціи и ученые съѣзды, издавать свои труды и предлагать конкурсныя темы (§ 3). Само собою разумѣется, что съ особымъ вниманіемъ мы должны отнестись къ вопросу объ изданіи своихъ трудовъ, и онъ уже подымался какъ въ первомъ общемъ собраніи 26-го ноября, такъ и въ первомъ засѣданіи Комитета, имѣвшемъ мѣсто недѣлю тому назадъ. Докладъ объ этомъ будетъ представленъ на ваше обсужденіе, а теперь я позволю себѣ высказать нѣсколько личныхъ соображеній.

«Въ нашей и безъ того, вообще, бѣдной литературѣ чувствуется одинъ весьма значительный пробѣлъ: у насъ нѣтъ научно-историческаго журнала вродѣ извѣстныхъ всякому историку «Historische Zeitschrift» или «Revue historique». Историческое Общество могло бы современемъ завести такой органъ: это, можно сказать, общее желаніе весьма многихъ его членовъ, которые въ то же время весьма основательно полагаютъ, что сразу осуществить его невозможно при недостаточности нашихъ теперешнихъ средствъ. Лично я не

отказываюсь от надежды, что мы добьемся разрѣшенія и этой задачи, но мы, все таки, будемъ имѣть возможность и при нашихъ малыхъ средствахъ кое-что издавать. Обществу въ скоромъ времени предстоитъ высказаться, что и какъ издавать: печатать-ли только свои протоколы періодическими выпусками, или, вѣсто нихъ, издавать сборники въ родѣ тѣхъ, которыя выпущены въ свѣтъ Московскимъ Психологическимъ Обществомъ, или же соединить то и другое, еслибы даже, напримѣръ, пришлось, за скудостью нашихъ средствъ, пристроить свои протоколы въ какомъ-нибудь постороннемъ изданіи, какъ это дѣлаетъ здѣшнее Общество романо-германской филологіи (нынѣ неофилологическое), печатающее свои протоколы въ *Паптеонъ Литературы*.

Заговоривъ объ изданіяхъ Общества, я имѣю въ виду не одинъ только историческій журналъ, не одни только протоколы засѣданій, не одни сборники историческихъ статей, но и нѣкоторыя коллективные работы, которыя могли бы вестись членами нашего Общества или посторонними лицами по нашему приглашенію. Есть научныя работы, требующія для своего выполненія соединенія болѣе или менѣе значительнаго числа научныхъ дѣятелей, и очень часто онѣ не предпринимаются только вслѣдствіе отсутствія подходящей организаціи или вслѣдствіе недосуга. нежеланія, неумѣнія создать необходимую организацію. Мнѣ кажется, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло стало бы только за этимъ, Историческое Общество могло бы играть роль готовой организаціи для коллективныхъ научныхъ предпріятій. Однимъ изъ полезнѣйшихъ книгъ могла бы быть общая историческая библіографія, въ которой читатель могъ бы найти указанія на литературу наиболѣе важныхъ и крупныхъ отдѣловъ исторіи съ краткими характеристическими выдающихся сочиненій по каждому отдѣлу, съ небольшими историческими обзорами разработки тѣхъ или другихъ главныхъ вопросовъ, съ итогами, подведенными подъ болѣе или менѣе прочно установленными результатами, съ перечисленіемъ самыхъ существенныхъ, пока еще спорныхъ вопросовъ. Каждый, кто только работаетъ въ томъ или другомъ изъ наиболѣе крупныхъ отдѣловъ исторической науки, могъ бы, безъ особаго труда, дать историографическій очеркъ по своему отдѣлу, и мало-по-малу составлялась бы книга, которая впослѣдствіи могла бы дополняться періодическими обзорами текущей исторической литературы. Я высказываю только общую мысль, не пускаясь въ подробности: работа, о которой я говорю, могла бы быть исполнена и въ сравнительно короткій срокъ—въ размѣрахъ, положимъ, 15, 20 и 25 печатныхъ листовъ и затянута на многіе годы и достигнуть нѣсколькихъ томовъ. Еслибы Общество въ принципѣ не имѣло ничего противъ такого предпріятія (для изданія исторической библіографіи средства всегда найдутся), я могъ бы представить впослѣдствіи болѣе подробный планъ этой работы и въ видѣ примѣровъ подвергнуть обсужденію Общества опытъ обзора исторической литературы по двумъ-тремъ отдѣламъ новой исторіи. Укажу еще на одно возможное научно-литературное предпріятіе, для котораго Историческое

Общество могло бы представлять собою готовую организацію. Около десяти лѣтъ тому назадъ въ печать проникъ слухъ о томъ, что нѣкоторые изъ русскихъ профессоровъ исторіи предпринимаютъ изданіе большой всеобщей исторіи по образцу аналогичныхъ заграничныхъ изданій и *Всеобщей исторіи литературы*, начатой покойнымъ В. Ө. Коршемъ. Слухъ этотъ имѣлъ реальное основаніе: были, дѣйствительно, лица, хлопотавшія о такомъ изданіи; къ нему были уже привлечены многія научныя силы; нашелся издатель, развившій готовность принять на себя матеріальную сторону предпріятія, на что требовалась весьма значительная сумма денегъ. Дѣло, однако, не вышло изъ области разговоровъ и переписки, и такой результатъ объясняется чуть не исключительно тѣмъ, что для веденія дѣла не было подходящей организаціи. Еслибы суждено было возродиться тогдашней мысли, наше Историческое Общество, какъ готовая организація, могло бы, повторяю, придти къ ней на помощь. Даже больше того: я думаю, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно могло бы взять на себя инициативу такого изданія, выработать его планъ, привлечь къ нему научныя силы, явиться посредникомъ между сотрудниками и издателемъ, выдѣлить изъ своей среды коллективную редакцію изданія. Чтобы явиться въ такой роли, мы, конечно, должны были бы прежде всего заручиться довѣріемъ представителей русской исторической науки во всей Россіи и сочувствіемъ публики; но мнѣ кажется, что и сочувствіе къ нашимъ задачамъ, и довѣріе къ нашимъ силамъ будутъ нѣсколько зависѣть отъ того, какъ мы поймемъ свои задачи и кого мы будемъ имѣть въ числѣ своихъ членовъ: чѣмъ шире мы поставимъ свои задачи, тѣмъ, я думаю, охотнѣе примкнутъ къ нашему Обществу научныя силы, находящіяся въ другихъ городахъ Россіи, и тѣмъ осуществитѣе сдѣлаются наши планы».

Печатаемые въ настоящемъ сборникѣ протоколы и отчетъ Общества за первый годъ его существованія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, какъ Общество приступило къ исполненію своихъ задачъ. Что касается до коллективныхъ предпріятій, намѣченныхъ для Общества, то настоящій сборникъ является первымъ опытомъ въ этомъ смыслѣ. Общество надѣется со временемъ начать и изданіе журнала, который, кромѣ историческихъ статей, заключалъ бы въ себѣ полный историческій и критическій обзоръ текущей русской исторической литературы, равно какъ обзоры главнѣйшихъ явленій въ иностранныхъ историческихъ литературахъ, но именно вслѣдствіе того, что журналу предположено дать такой характеръ, требуется и предварительная организація научныхъ силъ и, развѣется, большія, матеріальныя средства, нежели тѣ, коими въ настоящее время располагаетъ Общество. Пока поэтому приходится ограничиваться изданіемъ сборниковъ, подобныхъ настоящему. За то уже начата другая коллективная работа. Именно выработаютъ печатаемый ниже планъ систематическаго обзора исторической литературы,

въ осуществленіи котораго общаю принять участіе значительное число нашихъ спеціалистовъ-историковъ, изъ коихъ каждый взялъ на себя обзоръ наиболѣе ему извѣстныхъ отдѣловъ исторической литературы.

Историческое Общество и въ будущемъ предполагаетъ издавать сборники, въ составъ коихъ будутъ входить статьи его членовъ, протоколы его засѣданій, годовые отчеты, библиографія и разныя свѣдѣнія, могущія быть интересными для спеціалистовъ и любителей исторической науки.

Уставъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

І. Цѣль и права Общества.

§ 1. При Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ учреждается ученое Общество подъ названіемъ «Историческаго».

§ 2. Общество имѣетъ цѣлю: а) изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи, б) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки и с) обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 3. Для достиженія предположенной цѣли Общество имѣетъ право: а) устраивать для научныхъ сообщеній публичные собранія, о времени, мѣстѣ и предметѣ коихъ доводится каждый разъ до свѣдѣнія С.-Петербургскаго Градоначальника; б) открывать платныя и бесплатныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ Комитетомъ Общества; с) устраивать съѣзды; д) печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ и періодическихъ изданій, съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній и правительственныхъ распоряженій; е) предлагать задачи и за разрѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи и медали.

Примѣчаніе. Упомянутые подъ литерами б и с чтенія и съѣзды обусловливаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніемъ подлежащихъ властей и соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для того правилъ и распоряженій правительства.

§ 4. Общество имѣетъ печать съ надписью: «Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ», хранимую у секретаря Общества.

§ 5. Оно выдаетъ Членамъ дипломы за подписью Предсѣдателя, Товарища Предсѣдателя, Членовъ Комитета и за скрѣпою Секретаря съ приложеніемъ печати Общества.

§ 6. Общество имѣетъ право ходатайствовать чрезъ Совѣтъ Университета какъ объ измѣненіи цѣлаго устава, такъ и отдѣльныхъ статей его, но не иначе, какъ съ согласія не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ его членовъ.

Примѣчаніе. Если за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ собраніе не состоится, то для рѣшенія вопроса объ измѣненіи устава или частей его созывается новое собраніе, постановленія котораго считаются дѣйствительными уже независимо отъ числа собравшихся.

II. Составъ Общества; права и обязанности Членовъ.

§ 7. Общество состоитъ изъ почетныхъ Членовъ, дѣйствительныхъ Членовъ и Членовъ-соревнователей.

Примѣчаніе. Лица, подписавшія проектъ устава, считаются Членами-учредителями Общества.

§ 8. Въ почетные Члены избираются по предложенію Комитета: а) знаменитые русскіе и иностранные ученые и б) лица, содѣйствовавшія развитію и успѣхамъ исторіи въ Россіи или оказавшія значительныя услуги Обществу. Почетные Члены пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ Членовъ и навсегда освобождаются отъ взноса членской платы.

§ 9. Дѣйствительными Членами могутъ быть лица, содѣйствующія своей дѣятельностью развитію историческихъ знаній. Они вносятъ въ кассу Общества ежегодно въ разѣрѣ, устанавливаемомъ на послѣднемъ въ отчетномъ году Общестъ Собраніи, или единовременно сто рублей.

§ 10. Годовая плата вносится вступающимъ Членомъ сполна за текущій годъ, если Членъ поступилъ ранѣе 1-го октября. Члены, не представившіе взноса въ теченіе двухъ лѣтъ, считаются выбывшими.

§ 11. Въ Члены-соревнователи избираются по предложенію Комитета лица, оказавшія матеріальныя услуги Обществу.

§ 12. Всѣ Члены получаютъ бесплатно по одному экземпляру всѣхъ печатаемыхъ Обществомъ изданій, но лишь въ томъ случаѣ, когда членскій взносъ ими уплаченъ.

§ 13. Всѣ Члены имѣютъ право пользоваться библіотекою Общества на основаніи правилъ, утвержденныхъ Комитетомъ Общества и Совѣтомъ Университета.

§ 14. Кандидаты въ Члены дѣйствительные и соревнователи предлагаются не менѣе, какъ двумя Членами, Комитету, который, собравъ справки, съ своимъ заключеніемъ заявляетъ объ этомъ Обществу и въ слѣдующемъ послѣ этого засѣданіи подвергаетъ ихъ баллотировкѣ, причемъ избраніе совершается простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 15. Въ составѣ Общества могутъ по мѣрѣ надобности открываться особыя отдѣленія по спеціальностямъ.

III. О Комитетѣ и должностныхъ лицахъ.

§ 16. Дѣлами Общества управляетъ Комитетъ, состоящій изъ Предсѣдателя и 6-ти Членовъ, изъ числа коихъ избираются Комитетомъ Товарищъ Предсѣдателя, Секретарь, Казначей и Библіотекаръ.

§ 17. Къ обязанностямъ Комитета относятся: а) развитіе дѣятельности Общества по достиженію его цѣли; б) предварительное разсмотрѣніе программъ тѣхъ сообщеній, которыя представляются для доклада Обществу; в) завѣдываніе печатаніемъ трудовъ Общества; г) составленіе сѣтты доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ, а также отчета за минувшій; е) собраніе для сообщенія Обществу справокъ о предлагаемыхъ въ Члены Кандидатахъ до ихъ баллотировки; ф) предварительное разсмотрѣніе для представленія Обществу съ своимъ заключеніемъ всякихъ заявленій Членовъ по всѣмъ касающимся Общества вопросамъ; г) составленіе списковъ изданій, предполагаемыхъ къ приобрѣтенію.

§ 18. Комитетъ собирается по мѣрѣ надобности по приглашенію Предсѣдателя. Для дѣйствительности засѣданія Комитета необходимо присутствіе въ немъ, по крайней мѣрѣ, трехъ Членовъ, считая въ томъ числѣ Предсѣдателя или Товарища Предсѣдателя и Секретаря.

§ 19. Предсѣдатель избирается Обществомъ на 4 года изъ числа двухъ кандидатовъ, предложенныхъ Комитетомъ.

§ 20. Члены Комитета избираются на три года. Каждый годъ изъ 6-ти Членовъ Комитета выбываютъ по очереди два лица и на мѣсто ихъ избираются новые изъ 4 кандидатовъ, предлагаемыхъ Комитетомъ.

Примѣчаніе По истеченіи 1 и 2 года Члены выбываютъ изъ Комитета по жребію. Они могутъ быть избираемы вновь.

§ 21. Въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя или Товарища Предсѣдателя Комитетъ возлагаетъ исполненіе ихъ обязанностей на одного изъ своихъ Членовъ.

§ 22. Секретарь ведетъ журналы засѣданій Комитета, завѣдуетъ корреспонденціею съ русскими и заграничными лицами и учрежденіями, принимаетъ всѣ поступающія въ Общество письма и посылки и докладываетъ о нихъ Обществу или Комитету. Въ концѣ каждаго года онъ составляетъ годовый отчетъ, который представляется въ началѣ года въ Совѣтъ Университета. Въ случаѣ расширенія дѣятельности Общества и по заявленію Секретаря, Комитетъ предлагаетъ ему избрать себѣ помощника изъ Членовъ того же Комитета.

§ 23. Казначей Общества завѣдываетъ денежными дѣлами Общества. Онъ принимаетъ суммы, денежные взносы и пожертвованія какъ отъ Членовъ Общества, такъ и отъ другихъ лицъ, и вноситъ таковыя на храненіе въ Государственные кредитныя учрежденія по указанію Комитета.

§ 24. Расходъ производитъ Казначей по предложеніямъ Предсѣдателя и его Товарища, сверяленнымъ Секретаремъ Общества. На непредвидимые мелкіе расходы, какъ-то: по библіотекѣ, по изданіямъ и проч., Казначей можетъ имѣть у себя до 50 рублей. Деньги эти расходуются по сообщеніямъ Секретаря Общества, который обо всѣхъ таковыхъ издержкахъ доводитъ до свѣдѣнія общаго собранія.

§ 25. На записку прихода и расхода сумм Казначей выдаются шауровы книги за подписаніемъ Предсѣдателя или Товарища, за скрѣпою Секретаря и за печатью Общества.

§ 26. Библіотекарь завѣдываетъ бібліотекою Общества и ведетъ каталоги книгамъ и рукописямъ. Онъ составляетъ ежегодный отчетъ о числѣ поступившихъ книгъ и вообще о состояніи бібліотеки. Онъ выдаетъ по требованію Членовъ и подъ ихъ росписки, книги изъ бібліотеки, наблюдая за возвращеніемъ ихъ.

§ 27. Для провѣрки отчета и для ревизіи кассы и имущества Общество избираетъ ежегодно изъ своей среды комиссію въ составѣ трехъ лицъ.

§ 28. Заключение Ревизіонной Комиссіи сообщается ею Комитету, который и доводитъ его до свѣдѣнія Общества со своими объясненіями.

IV. О собраніяхъ Общества.

§ 29. Собранія Общества происходятъ періодически. Въ началѣ каждого года Комитетъ представляетъ на утвержденіе Общества составленное на предстоящій годъ росписаніе собраній.

§ 30. Собранія Общества посвящаются: а) чтенію научныхъ докладовъ и изустнымъ сообщеніямъ по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; б) выборамъ въ Члены почетные, дѣйствительные и соребнователи кандидатомъ, предложенныхъ въ предыдущее собраніе, и предложенію новыхъ кандидатомъ; в) выборамъ Предсѣдателя, Членовъ Комитета и Ревизіонной Комиссіи; г) слушанію и утвержденію отчетовъ Комитета ревизіонной комиссіи и е) окончательному разрѣшенію всѣхъ внесенныхъ Комитетомъ вопросовъ.

Примѣчаніе. 1) О предметѣ научныхъ докладовъ, приготовленныхъ къ чтенію, сообщается Членамъ въ пригласительныхъ повѣсткахъ.

2) Никакія предложенія не могутъ быть внесены въ собраніе помимо Комитета и безъ его согласія.

§ 31. Предсѣдатель Комитета есть вѣстѣ съ тѣмъ Предсѣдатель Общества. Онъ руководитъ преніями, объявляетъ рѣшенія, принятые Обществомъ, ставитъ вопросы на голосованіе и объявляетъ имена вновь выбранныхъ членовъ.

Примѣчаніе. Если Особа Императорской Фамиліи удостоитъ Общество принятіемъ на себя званія Предсѣдателя, то она именуется Почетнымъ Предсѣдателемъ.

§ 32. Секретарь Комитета есть въ то же время Секретарь Общества и ведетъ журналы его засѣданій.

§ 33. Постороннія лица допускаются въ Собранія Общества лишь съ разрѣшенія Комитета.

V. О денежных средствах Общества.

§ 34. Средства Общества состояются: а) изъ членскихъ взносовъ, б) изъ доходовъ свободныхъ капиталовъ, с) изъ суммъ, поступающихъ отъ продажи изданій, d) изъ входной платы за публичныя чтенія и е) изъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ.

§ 35. Сумма, собираемая изъ членскихъ взносовъ, расходуеться, главнымъ образомъ, на текущія нужды Общества. Всѣ денежные пожертвованія безъ опредѣленнаго назначенія, а также единовременные взносы (§ 9), отчисляются въ неприкосновенный капиталъ, который не можетъ быть расходуеть даже заимообразно. Процентами же съ этого капитала Общество распоряжается по своему усмотрѣнію.

§ 36. Если изъ ассигнованной на годъ суммы получится остатокъ, то онъ идетъ въ запасный капиталъ, предназначенный на экстренные расходы.

§ 37. Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ Общества его бібліотека и движимость поступаютъ въ собственность Университета.

Протоколы засѣданій Историческаго Общества за 1889—90 г.

Протоколъ перваго собранія Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 26 ноября 1889 г.

Въ засѣданіи этомъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, присутствовали слѣдующіе члены-учредители: Н. М. Бубновъ, Е. А. Бѣловъ, И. М. Гревсъ, Я. Г. Гуревичъ, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣвъ, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. А. Мякотинъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Сергѣевичъ, С. Л. Степановъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло.

1. В. И. Ламанскій, прочитавъ приложенный при семъ документъ объ утвержденіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія устава Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, объявилъ Общество открытымъ.

2. Происходили выборы членовъ Комитета, причѣмъ выбранными оказались слѣдующія лица: С. А. Бершадскій, В. Г. Васильевскій, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣвъ, С. Ѳ. Платоновъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло.

3. По предложенію Комитета въ предсѣдатели былъ выбранъ В. Г. Васильевскій.

4. Единогласно было принято, на основаніи § 9 устава, опредѣлить членскій взносъ на 1890 г. въ пять рублей.

5. Разными лицами изъ присутствующихъ предложены были 31 кандидаты въ члены Общества.

6. Выслушано было сообщеніе Н. И. Карѣва о способѣ печатанія протоколовъ засѣданій, предложенномъ редакторомъ «Библиографа» Н. М. Лисовскимъ, но сужденіе объ этомъ было отложено до слѣдующаго раза.

7. По предложенію И. М. Гревса выражена была благодарность Н. И. Карѣву, по инициативѣ котораго возникло Общество и который наиболѣе хлопоталъ объ его устройствѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ протоколу перваго засѣданія.

На подлинной рукой г. Министра Народнаго Просвѣщенія написано: *Соласень, 7-го Октября 1889 года.*

Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 11 сентября 1889 г. (№ 1035).

Въ засѣданіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 11 сентября 1889 года слушали (ст. XII) мнѣніе о проектѣ устава Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Г. Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа отъ 14 мая текущаго года, подъ № 3829, представилъ на благоусмотрѣніе Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія составленный при Историко-Филологическомъ факультетѣ проектъ устава Историческаго Общества съ объяснительною къ нему запискою. Проектъ этотъ, по распоряженію Его Сіятельства, переданъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета. Въ обстоятельной запискѣ къ проекту представляется, что, за отсутствіемъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ Историческаго Общества, профессорамъ сего Университета, также какъ и ученымъ, находящимся внѣ его, приходится для своихъ ученыхъ цѣлей примыкать къ обществамъ: Географическому, Археологическому, Филологическому, имѣющимъ свои спеціальныя задачи и потому лишь косвенно могущимъ служить разнообразнымъ интересамъ исторической науки. Сверхъ того, въ С.-Петербургѣ не существуетъ никакого общества, которое бы сближало между собою представителей университетской науки и преподавателей исторіи въ разнообразныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы.

Въ виду этихъ обстоятельствъ гг. профессора университета и приватъ-доценты, въ числѣ 10 лицъ, внесли въ историко-филологическій факультетъ вышеупомянутый подлежащій разсмотрѣнію Ученаго Комитета проектъ.

Изъ 37 параграфовъ проекта вызываютъ замѣчанія §§ 2, 4, 7.

Въ § 2, опредѣляющемъ цѣли общества, должны бы быть измѣнены пункты *а* и *с*. Въ пунктѣ *а* говорится: «Изученіе исторіи какъ русской, такъ и всеобщей во всѣхъ отдѣлахъ»; это мѣсто цѣлесообразнѣе замѣнить слѣдующимъ: «Изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи». Въ пунктѣ *с* говорится: «Содѣйствіе успѣхамъ историче-

скаго преподаванія въ учебныѣхъ заведеніяхъ посредствомъ обсужденія относящихся къ нему вопросовъ»; вмѣсто этого, удобнѣе сказать: «обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ».

Въ § 4 къ словамъ: «Историческое Общество» необходимо прибавить: «при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ».

Принятіе къ § 7 читается такъ: «Лица, принявшія проектъ устава и заявившія желаніе вступить въ члены Общества при внесеніи сего проекта на утвержденіе Правительства, считаются членами-учредителями Общества»; это мѣсто удобнѣе замѣнить слѣдующимъ: «Лица, подписавшія проектъ устава, считаются членами-учредителями Общества».

Опредѣлено: Согласиться съ изложеннымъ мнѣніемъ и представить о семъ на благоусмотрѣніе Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Подписалъ: Правитель дѣлъ П. Савванитовъ.

Вѣрно: Дѣлопроизводитель А. Бѣликовъ.

Вѣрно: секретарь Совѣта М. Бѣлозеровъ.

№ 706, 23 Сентября 1889 года.

Протоколъ II (экстреннаго) Общаго Собранія членовъ - учредителей Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 6 Денября 1889 г.

Присутствовали: С. А. Бершадскій, Н. М. Бубновъ, Е. А. Бѣловъ, В. Г. Васильевскій, И. М. Гревсъ, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣвъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. А. Меншуткинъ, В. А. Мякотинъ, С. Θ. Ольденбургъ, С. Θ. Платоновъ, С. А. Степановъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмуло.

1. Г. предсѣдатель заявилъ, что, въ виду встрѣтившихся въ Комитетѣ затрудненій при распредѣленіи обязанностей между его членами, онъ слагаетъ съ себя возложенное званіе.

2. Такое же заявленіе сдѣлано было г. Предсѣдателемъ и отъ лица гг. членовъ Комитета.

3. В. Г. Васильевскій заявилъ, что при избраніи новаго предсѣдателя и состава Комитета, въ силу §§ 16 и 20 устава, возможно приступить къ избранію членовъ Комитета, и къ утвержденію Общимъ Собраніемъ одного изъ 2-хъ предложенныхъ Комитетомъ кандидатовъ или же къ избранію Общимъ Собраніемъ первоначально самого предсѣдателя, а затѣмъ 6 членовъ Комитета. Рѣшено: приступить къ избранію по второму изъ предложенныхъ способовъ.

4. Собраніе приступило къ избранію новаго предсѣдателя. Избранъ Н. И. Карѣвъ. Новый предсѣдатель благодарилъ собраніе за избраніе и выразилъ признательность гг. Бѣлову, Васильевскому, Гуревичу, Дружинину, Меншут-

жину, Платонову, Форстену и Шмурло за ихъ дѣятельное участіе въ разработкѣ устава Общества.

5. Произведены выборы въ члены Комитета, причемъ собраніе постановило единогласно безъ закрытой баллотировки избрать въ члены Комитета В. Г. Васильевскаго; затѣмъ приступлено къ выбору остальныхъ 5 членовъ. Избраны: гг. Бершадскій, Меншуткинъ, Платоновъ, Форстенъ и Шмурло.

6. С. Θ. Платоновъ и В. Г. Васильевскій отказались отъ званія членовъ Комитета. Взамѣнъ ихъ избраны гг. Дружининъ и Лаппо-Данилевскій.

7. Произведена баллотировка 31 лица, предложенныхъ въ члены Общества на прошломъ собраніи (гг. Адамовичъ, Андреяновъ, Беренштамъ, Благовѣщенскій, Гацисскій, Гераковъ, Глинскій, Дерюжинскій, Корево, Котляревскій, Лопаревъ, Любовичъ, Мандельштамъ, Мережковскій, Мирошниковъ, Лисовскій, Новодворскій, Павловскій, Радловъ, Пташицкій, Русановъ, Регель, Свѣшниковъ, Судейкинъ, Середонинъ, Соколовскій, Сергѣевскій, Струве, Цвѣтковскій, Чеховъ, Яроцкій). Всѣ оказались избранными.

8. Предложены въ члены Общества гг. Арсеньевъ, Борзаковскій, Грефе, Забѣлло, Камника, Ону, Милуковъ, Моревъ, Сапуновъ, Спасовичъ, Шафрановъ, Щукаревъ, Эвальдъ.

9. Обсуждался вопросъ о днѣ собраній, причемъ наиболѣе удобнымъ оказалась вторая среда каждаго мѣсяца.

10. Г. Предсѣдатель предложилъ слѣдующее общее собраніе сдѣлать открытымъ для публики. Гг. Меншуткинъ, Бершадскій и Бѣловъ заявили, что мѣра эта, быть можетъ, не совсѣмъ удобна, такъ какъ Общество еще окончательно не сложилось и вполне точно еще не опредѣлило характера своей дѣятельности. Рѣшено первое Общее Собраніе оставить закрытымъ.

Протоколъ III Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 26 декабря 1889 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 23 члена.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Н. И. Карѣвъ прочелъ сообщеніе о теоретическихъ, специально-историческихъ и педагогическихъ задачахъ дѣятельности Историческаго Общества (см. прил. I). Одинъ изъ вопросовъ, возбужденныхъ референтомъ, а именно составленіе пространной библіографіи (*bibliographie raisonnée*) по отдѣльнымъ вопросамъ историческихъ знаній, подвергался обсужденію. Для постановки и разработки этого вопроса образована коммиссія, въ которой изъявили желаніе участвовать слѣдующія лица: гг. Васильевскій, Карѣвъ, Гревсъ, Ольденбургъ, Степановъ, Лопаревъ, Андреяновъ, Мякотинъ.

3. С. А. Бершадскій прочелъ сообщеніе о хозяйствѣ Литовскихъ крестьянъ въ началѣ XII вѣка (см. прил. II). А. С. Лаппо-Данилевскій указ-

залъ на нѣкоторыя аналогичныя явленія въ исторіи великорусскихъ крестьянъ. Я. Г. Гуревичъ выразилъ желаніе, чтобы сдѣлано было сравненіе между бытомъ великорусскихъ и литовскихъ крестьянъ въ XVI в. и разъясненъ былъ вопросъ, почему хозяйство великорусскихъ крестьянъ находилось въ (огдѣ) плохомъ состояніи сравнительно съ литовскими. На это А. С. Лапш-Данилевскій замѣтилъ, что самое исходное положеніе г. Гуревича (о плохомъ состояніи крестьянскаго хозяйства въ Великороссіи въ XVI—XVII в.) требуетъ доказательствъ и привелъ нѣсколько данныхъ, обнаруживающихъ сравнительную достаточность крестьянскаго хозяйства въ XVII в.

4. Г. предсѣдатель заявилъ, что для болѣе удобнаго выбора новыхъ членовъ заказаны особые бланки и что самые выборы могутъ производиться по литографированнымъ спискамъ избираемыхъ, на что общее собраніе выразило согласіе:

5. Приступлено къ выборамъ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ общемъ собраніи. Избраны: гг. Арсеньевъ, Борзаконскій, Грефе, Забѣлло, Каминка, Ону, Милуковъ, Моревъ, Сапуновъ, Спасовичъ, Шафрановъ, Щукаревъ, Эвальдъ.

6. Предложены въ члены общества: гг. Андреевскій, Бѣлозерская, Гриневецкій, Дмитріевъ, Докучаевъ, Крейсбергъ, Роговъ, Щенкина, Клейберъ, Покровский, Веселовскій, Латышевъ, Гейслеръ, Трачевскій, Пантелѣевъ, Григоровичъ.

7. Заявлено предложеніе Комитета назначать Общія Собранія по средамъ ежемѣсячно (на третью недѣлю), на что Общее Собраніе выразило согласіе.

8. Приняты для Общихъ Собраній на 1890 годъ слѣд. числа: 24 янв., 21 февр., 21 марта, 21 апр., 12 сент., 10 окт., 7 ноябр. и 12 декабря.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Проф. Н. И. Карѣвъ началъ съ указаніи на необходимость выяснить цѣли Историческаго Общества и способы ихъ осуществленія, особенно для новыхъ членовъ Общества. Съ этою цѣлью онъ привелъ выдержку изъ записки, представленной инициаторами Общества при проектѣ его устава въ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета, и разобралъ нѣкоторыя возраженія, которыя ему пришлось слышать по поводу включенія въ задачи Общества разработки теоретическихъ вопросовъ и вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Вторая половина сообщенія была посвящена вопросу объ изданіи Обществомъ своего органа въ родѣ «Historische Zeitschrift» или «Revue historique», а также предложенію принять нѣкоторыя коллективныя работы, причемъ указано было на необходимость изданія общей исторической библіографіи, которая была бы составлена специалистами, и на возможность изданія коллективной всемірной исторіи по образцу изданій подобнаго рода, существующихъ за границей и у насъ (Всеобщая исторія литературы Корша и Киричничкова).

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Крестьянское хозяйство в Литве в конце XV и начале XVI ст.

Основною единицею крестьянского хозяйства была «служба», т.-е. совокупность земель, съ которыхъ въ государственную казну (собств. въ ближайшій велико-княжескій замокъ или же дворъ) поступало одно дякло (anpona ducalis), т.-е. 4 бочки ржи, 4 бочки овса и возъ сѣна.

Благодаря огромному количеству помѣстныхъ земель и значительному количеству собственныхъ вотчинъ В. князя, на которыхъ податныя обязанности крестьянъ удерживались безъ измѣненія съ незапамятныхъ временъ, вотчинники XV и XVI ст. не рѣшались сами значительно повышать размѣровъ барщины со своихъ крестьянъ. При меньшемъ размѣрѣ земли, крестьянскія податныя обязанности были соотвѣтственно меньшими: крестьяне «служили» не дякольною службою, а какою-либо иною, напр.: «соляницкою», «угольницкою» и проч.

Земли, оставленныя крестьянами, оставались впускъ до тѣхъ поръ, пока какой-либо посторонній челоувѣкъ или же кто-либо изъ односельчанъ предлагалъ взять ее «на особную службу» или же подъ условіемъ болѣе легкаго платежа. Односельчане не обязаны были по отношенію къ брошенной «службѣ» никакими податными отношеніями; съ нея и за нее ничего въ казну не поступало.

Кто не владѣлъ землею въ томъ или иномъ размѣрѣ, тотъ не несъ въ пользу государства никакихъ службъ; онъ былъ «челоувѣкъ вольный, похой»; младшіе члены семьи, не могшіе прокормиться съ земли, входящей въ службу, не обязаны были оставаться на этой землѣ. Долгое время и пожалованіе въ вотчину и помѣстье понималось, какъ пожалованіе только землею, а «люди всхотятъ-ли ему служить—служать, не всхотятъ-ли, вольни; кому хотя служить, землю оставивъ».

Крестьяне въ вотчинахъ В. князя и на помѣстныхъ земляхъ не были поэтому обременены платежами и доходъ средняго литовскаго крестьянина въ концѣ XV вѣка можетъ быть опредѣленъ по крайности въ 400—500 рублей на наши деньги. Крестьянское хозяйство сверхъ лошадей, необходимыхъ для обработки земли, весьма часто содержитъ крупный рогатый скотъ, не говоря о мелкомъ. У крестьянъ имѣется верхняя одежда и 5, 6 переиѣвъ бѣлья, у женъ ихъ по нѣскольку головныхъ уборовъ, нѣкоторые кое-что откладываютъ и на черный день. Есть случаи, когда крестьяне не только обрабатываютъ земли при помощи захребетниковъ, но и владѣютъ холопами. Сообразно этому, крестьяне хотя и зовутся по литовскому обычному праву «простыми мужиками, тяглыми, дякольниками», тѣмъ не менѣе, они передъ закономъ полноправныя личности наравнѣ со всѣми остальными общественными хлопами В. Княжества Литовскаго и показанія ихъ, подтвер-

женныя присягою, по важнѣйшимъ дѣламъ того времени (по дѣламъ о земельныхъ отношеніяхъ) не нуждаются ни въ какомъ иномъ подкрѣпленіи. Равнымъ образомъ и въ отвѣтственности за преступленія еще не видно никакого предпочтенія шляхты землянамъ. «А кто украдетъ выше полуконья, того на шибеницу». Еще въ началѣ XVI в. даже крѣпостные крестьяне вотчинниковъ не нуждались въ содѣйствіи своихъ господъ для осуществленія принадлежащихъ себѣ правъ.

Отношенія крестьянъ къ В. князю, по воззрѣніямъ того времени, опредѣляемъ началомъ взаимной вѣрности. Поэтому-то крестьяне одной мѣстности, выведенные изъ терпѣнія безуспѣшными жалобами В. князю Сигизмунду Казимировичу на своего державцу, заявляютъ В. князю «съ великимъ крикомъ и плачемъ», что они, если просьбы ихъ не будутъ удовлетворены, «присягу съ себе (господарю) складываютъ» и разойдутся прочь.

Переиѣна въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи, происходящая въ концѣ XVI в., есть слѣдствіе обращенія помѣстій въ вотчины на Люблинскомъ сеймѣ и отреченія короля Сигизмунда Августа отъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ Польши и Литвы и обращенія, вслѣдствіе этого, В. Княжества Литовскаго въ Польско-Литовскую Шляхетскую республику, въ которой народомъ, въ государственномъ смыслѣ, становится одна только шляхта.

Протоколъ IV (открытаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 24-го января 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 23 члена.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго общаго собранія.
2. Г. предсѣдатель заявилъ, что г. Вороновъ прислалъ въ Общество свою брошюру: «Основной законъ исторіи» (въ числѣ 15 экземпляровъ) для раздачи гг. членамъ Общества и что С. А. Муромцевъ и М. И. Семеvскій пожертвовали въ бібліотеку Общества: первый — «Юридическій Вѣстникъ» за 1889 г., второй — «Русскую Старину» за прошлые годы. Постановлено: благодарить гг. Воронова, Муромцева и Семеvскаго за ихъ пожертвованія.
3. Н. И. Карѣвъ заявилъ, что въ проектируемой исторической бібліографіи выразили желаніе участвовать слѣдующія лица: В. В. Антоновичъ, Д. Н. Анучинъ, Д. И. Багалъй, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, М. С. Корелинъ, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, В. О. Миллеръ, П. Н. Милуковъ, В. М. Михайловскій, А. И. Павинскій, О. И. Успенскій, Д. Я. Фортинскій и С. О. Фортунатовъ.

4. Секретарь довелъ до свѣдѣнія Общаго Собранія тѣ заключенія, къ которымъ пришелъ Комитетъ относительно вопроса объ изданіи журнала. По иніціи Комитета, желательно было бы получить отъ гг. членовъ Общаго Собранія опредѣленный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) на вопросъ о матеріальныхъ и умственныхъ средствахъ, потребныхъ для изданія журнала; 2) о его размѣрахъ, 3) о срокахъ выхода, 4) объ организаціи редакціи, 5) о наименованіи журнала, 6) о программѣ, которая могла бы состоять изъ протоколовъ, оригинальныхъ статей, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ цѣликомъ или въ извлеченіяхъ, изъ исторической русской и иностранной библіографіи, мелкихъ замѣтокъ и объявленій, и, наконецъ, 7) на вопросъ о подписной цѣнѣ. Г. Мякотинъ замѣтилъ, что Комитетомъ не указано, въ скоромъ-ли времени предполагается такое изданіе?—Большинствомъ 16 голосовъ постановлено: издавать протоколы текущаго года въ «Библіографѣ» и большинствомъ 19 голосовъ рѣшено назначить въ ближайшемъ будущемъ экстренное Общее Собраніе для обсужденія вопроса объ изданіи журнала.

5. Предложены кандидатами въ члены общества: гг. Андреева, Андреевъ, Антоновичъ, Бузескулъ, Виноградовъ, Герасимовъ, Герье, Гольцевъ, Деревницкій, Корелинъ, Кирпичниковъ, Кракау, Куторга, Лакомте, Луицкій, Миллеръ, Милоковъ, Мицловъ, Михайловскій, Муромцевъ, Мусинъ-Пушкинъ, Неслуховскій, Павинскій, Попова, Поповъ, Семеновскій (М. И.), Семеновскій (В. И.), Сырку, Татѣевъ, Успенскій (О. И.), Фашицынъ, г-жа фонъ-Фохтъ, гг. Фортинскій и Эльзенгръ.

6. Приступлено къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ Общемъ Собраніи. Оказались избранными г. Андреевскій, г-жа Вѣловская, гг. Веселовскій, Гейслеръ, Григоровичъ, Гриневецкій, Дмитріевъ, Докучаевъ, Клейберъ, Крейсбергъ, Латышевъ, Пантелѣевъ, Покровскій, Роговъ, Трачевскій и г-жа Щепкина.

7. Н. И. Карѣевъ прочелъ рефератъ «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки» (см. прил. I). По прочтеніи реферата С. А. Бершадскій предложилъ отложить пренія до слѣдующаго Общаго Собранія. Г. Спасовичъ указалъ на неудобства, сопряженныя съ такого рода откладываніемъ, а г. Яроцкій — на то, что, откладывая пренія по настоящему реферату, нельзя считать этотъ случай нормою для послѣдующихъ, какъ то указалъ г. Бершадскій. Н. И. Карѣевъ заявилъ, что онъ въ виду продолжительнаго чтенія слишкомъ усталъ для того, чтобы защищать выставленные имъ тезисы въ настоящемъ же Собраніи. Постановлено: при докладѣ иностранныхъ сообщеній, затрагивающихъ сложные и спорные вопросы, пренія откладывать до слѣдующаго Собранія, а тезисы, выставленные авторомъ, въ литографированномъ видѣ предоставлять въ распоряженіе гг. членовъ Общества.

8. С. Л. Степановъ прочелъ рефератъ объ Аѳинской школѣ въ IV в. по Р. Х. (см. Прилож. II). Е. А. Вѣловъ, возражая противъ обратнаго утверж-

денія референта, указавъ на то, что исторію читали въ греческихъ школахъ, причемъ сослался на существованіе учебниковъ, возникшихъ изъ сокращенія историческихъ сочиненій. Е. А. Вѣловъ замѣтилъ также, что нельзя судить о преподаваніи по публичнымъ рѣчамъ, произносившимся на экзаменахъ. Наконецъ, онъ же обратилъ вниманіе референта на то, что преподаваніе философіи стѣснялось и до извѣстнаго эдикта 529 года. На замѣчанія оппонента референтъ возражалъ, что исторіей въ Аѳинскомъ Университетѣ занимались не какъ наукой, а какъ матеріаломъ, служившимъ темою для рѣчей, что до нашего времени сохранились отрывки только одного историческаго труда Евнапія, не имѣющаго, однако, характера учебника и что докладчику неизвѣстно ни одно законодательное запрещеніе преподавать философію до эдикта Юстиніана, хотя можно привести много законовъ, направленныхъ противъ языческой религіи. Г. Шафрановъ обратился къ референту съ вопросомъ, нельзя-ли по свиткамъ, приносившимся въ Аѳинскую школу, ближе опредѣлить и тѣ предметы, которые въ ней читались. Референтъ отвѣчалъ, что болѣе подробныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которые онъ уже сообщилъ Общому Собранію, не имѣется. Г. Мандельштамъ заявилъ, что Аѳинскій Университетъ едва-ли возможно приравнивать къ высшей школѣ. Г. Лопаревъ возражалъ противъ заключенія, высказаннаго референтомъ о томъ, что ученая и педагогическая дѣятельность Аѳинскаго Университета, особенно въ сферѣ краснорѣчія, перешла съ уничтоженіемъ Университета въ духовныя школы. По мнѣнію г. Лопарева, ту же дѣятельность могъ унаслѣдовать Константинопольскій Университетъ или высшая школа, съ чѣмъ согласился и референтъ. Г. Щукаревъ обратилъ вниманіе Общаго Собранія на вопросъ о существованіи гавани Фалеръ, гавани, которая упоминается однимъ изъ писателей, приведенныхъ референтомъ. Павсанія послѣдній упоминаетъ объ этой гавани; существованіе ея, судя по извѣстію, приведенному г. Степановымъ, подтверждается такимъ образомъ и въ позднѣйшее время.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Тезисы, извлеченные изъ реферата проф. Н. И. Карьева о «разработкѣ» теоретическихъ вопросовъ исторической науки.

1. Теоретическіе вопросы исторической науки можно раздѣлить на три категоріи: а) вопросы историческаго искусства (*artis historicae*) въ старомъ смыслѣ; б) вопросы историческаго изслѣдованія, вопросы критики и метода; в) вопросы историческаго пониманія (теорія историческаго процесса).

2. Въ литературѣ, рассматривающей съ теоретической или философской точки зрѣнія самую исторію, нужно различать два направленія: одно имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, историческій процессъ, отвлеченно взятый, другое — всемірную исторію, какъ она совершалась на самомъ дѣлѣ. Изъ

этих двух направлений преобладающим является второе, т.-е. философія исторіи, которая, однако, не может замѣнить теоріи историческаго процесса.

3. Подобно тому, какъ задача философіи исторіи есть по существу дѣла задача синтетическая, задача теоріи историческаго процесса есть задача аналитическая. Одна немыслима безъ внесенія въ нее субъективныхъ элементовъ, другая не должна сходить съ почвы строго-научнаго объективизма.

4. Историческіе факты могутъ быть предметомъ теоріи. Возраженія, сдѣланныя противъ этого Шеллингомъ и Шопенгауеромъ, основаны на разныхъ недоразумѣніяхъ. Всѣ явленія міра могутъ быть изучаемы конкретно (исторически) и абстрактно (теоретически), и историческіе факты въ этомъ отношеніи не представляютъ никакого исключенія.

5. Мысль о научной теоріи историческаго процесса упрочилась въ литературѣ благодаря Конту, но его социальная динамика есть въ сущности не теорія историческаго процесса, а философія исторіи. Впервые строго разграничили оба понятія основатели *Völkerpsychologie*, Лацарусъ и Штейнталь.

6. До сихъ поръ теорія историческаго процесса играла служебную роль по отношенію къ философіи исторіи, но на дѣлѣ она и можетъ, и должна имѣть самостоятельное значеніе. Къ сожалѣнію, представители исторической науки, которые наиболѣе компетентны въ рѣшеніи теоретическихъ вопросовъ, совершенно игнорировали эти вопросы, и за дѣло болѣею частью брались философы, бывшіе дилеттантами въ области исторической науки.

7. Такое равнодушіе историковъ къ теоретическимъ вопросамъ продолжаться впредь не можетъ, благодаря тому, что съ середины XIX вѣка историковъ прямо вызываютъ на формулированіе своихъ взглядовъ новыя направленія мысли, касающіяся прямо или косвенно области историческихъ фактовъ, и благодаря тому, что сама историческая наука достигла уже той ступени развитія, на которой чувствуется потребность въ теоріи.

8. Для такой теоріи уже накопился большой матеріалъ въ научной литературѣ XIX вѣка, хотя по многимъ возникавшимъ въ ней вопросамъ историки сами по себѣ не могутъ считаться компетентными для ихъ рѣшенія, а съ другой стороны за рѣшеніе вопросовъ, въ которыхъ компетентны только историки, брались специалисты и дилеттанты естествознанія, не обладавшіе знаніемъ и пониманіемъ исторической жизни. Последнее прямо обязываетъ историковъ не игнорировать теоретическихъ вопросовъ своей науки.

9. Кромѣ индивидуальной психологіи, должна существовать психологія коллективная, многіе вопросы коей съ успѣхомъ могутъ рѣшаться только историками.

10. Историкъ не можетъ быть равнодушенъ къ рѣшенію теоретическихъ вопросовъ исторіи политиками, юристами и экономистами, по необходимости смотрящими на историческую жизнь съ специальныхъ точекъ зрѣнія, а синтезъ ихъ воззрѣній наиболѣе удобно могутъ дѣлать общіе историки, изучающіе жизнь общества во всѣхъ ея проявленіяхъ.

11. Въ интересахъ теоріи историческаго процесса наиболѣе важнымъ нужно признать тѣ спеціальныя изученія, которыя дѣлаются съ эволюціонной точки зрѣнія, сравнительнымъ методомъ и при помощи не только историческаго, но и этнографическаго матеріала.

12. Теоретическіе вопросы объ историческомъ процессѣ раздѣляются на такіе, въ коихъ историкъ зависитъ отъ разныхъ спеціалистовъ, и такіе, занятіе коими можетъ вестись успѣшно только историками. Къ сожалѣнію, вопросы послѣдняго рода являются наименѣе разработанными. Примеры—теорія исторической причинности и вопросъ о роли личности въ исторіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Аѳинская высшая школа въ IV в. по Р. X.

Знать исторію Аѳинской высшей школы (Университета) и правильно оцѣнивать ея значеніе, какъ воспитательно-образовательнаго учрежденія, необходимо всякому, занимающемуся культурной исторіей римской имперіи. Значеніе этой школы по важности можетъ быть сопоставлено только съ значеніемъ александрійской школы для того же времени.

Начало Университету положили ученики Сократа. Раздѣляясь на академическую, перипатетическую, стоическую и эпикурейскую школы. Аѳинскій Университетъ долго былъ, почти исключительно, школой философіи. Ударъ, нанесенный Аѳинамъ въ 86 г. до Р. X. Судлой, отразился не только на политическомъ и торговомъ значеніи города, но и на значеніи его, какъ умственнаго центра. Съ этихъ поръ настоящее города дѣлается настолько сѣрымъ, будничнымъ, что не даетъ нищѣ для оригинальныхъ теоретическихъ построеній ни въ области политики, ни въ области философіи. Славное прошлое города во всѣхъ отношеніяхъ служитъ предметомъ изученія и теоретизированія.

Официальное положеніе приобретаетъ Аѳинская школа въ эпоху Антониновъ: профессора, кромѣ освобожденія отъ общественныхъ повинностей, начинаютъ получать жалованье изъ императорской казны. Въ эту пору (II в. по Р. X.) извѣстно о существованіи въ Аѳинахъ, на ряду съ философскими кафедрами, и кафедръ риторики и политики. Послѣдняя въ это время становится только вѣтвью риторики; «великій политическій ораторъ» того времени — Аристидъ разсуждаетъ на темы: «о необходимости послать подкрѣпленія въ Сицилію полководцу Никію» или, противъ Овиванъ, желающихъ разрушить Аѳины, взятыя Лизандромъ и т. п. Къ тому же, къ той же риторикѣ стремится и философія: философъ III вѣка Лонгинъ видитъ задачу философіи въ повтореніи въ иныхъ выраженіяхъ или комментированіи того, что сдѣлано предками.

III вѣкъ — періодъ упадка школы, что объясняется тревожнымъ состояніемъ римскаго государства въ это время. Съ возвращеніемъ же вѣшняго

и внутреннего порядка въ государствѣ (со времени Діоклетіана), продолжающагося большую часть IV вѣка, начинается усиленная дѣятельность школъ Радоса, Александрін, Рима и Аѳинъ. Риторическій характеръ образованія въ Аѳинахъ болѣе отвѣчалъ тѣмъ требованіямъ (внѣшній лоскъ, умственная и душевная гибкость), какія представляла жизнь къ людямъ, желавшимъ извлечь практическую пользу изъ своего образованія.

Послѣ общихъ замѣчаній о судьбѣ, значеніи и характерѣ Аѳинской высшей школы остановимся подробнѣе на жизни и дѣятельности профессоръ и студентовъ названной школы въ IV в.

Дѣломъ обученія занимаются профессора отъ правительства и частные преподаватели. Выборъ первыхъ зависитъ отъ городского совѣта и попечителя—проконсула Азіи; императору принадлежитъ утвержденіе на кафедрѣ. Жалованье профессорамъ, съ Константина Вел., уплачивалось натурой (отъ одной *δραχμα*—аппона въ мѣсяцъ = 5 *modii* = 4—5 *Solidi* = 24—39 р.) и было различной величины (Тенистій получалъ 1200 модіевъ въ годъ). Приводимыя здѣсь цифры касаются, собственно, профессоровъ Константинопольской школы; по аналогіи можно заключать, однако, что и аѳинскіе профессора были на такомъ же положеніи со времени Константина, хотя раньше они получали денежное жалованье въ разнѣхъ отъ одного таланта до 10,000 драхмъ въ годъ, что составить приблизительно отъ 1,740 р. до 2,900 р. Къ 1-му января профессора получали гонораръ со своихъ слушателей (Діоклетіанъ установилъ максимумъ его въ 3,000 динаріевъ = около 510 руб.). Славу аѳинской школы составляли Юліанъ—каппадокіецъ, Прозерзій—армянинъ и Гимерій—вионіецъ. Замѣчательно, что среди профессоровъ въ Аѳинахъ въ это время мы встрѣчаемъ даже араба (Діофантъ), но ни одного Аѳинянина. Главный контингентъ учащихся давали пріѣзжіе съ разныхъ концовъ римскаго государства. Возрастъ поступавшихъ въ школу колебался очень значительно: поступали 14—15-лѣтніе подростки и 30-лѣтніе мужи, хотя считалось уже позднимъ начинать ученіе въ 20 лѣтъ. Ученики поселялись на частныхъ квартирахъ; родители рѣдко сопровождали дѣтей: по большей части—мѣсто родителей заступали рабы-педагоги. Профессорамъ принадлежалъ высшій надзоръ за поведеніемъ учащихся; въ этомъ смыслѣ они были ихъ воспитателями. Существовалъ обычай подвергать странному испытанію новичковъ, поступавшихъ въ число студентовъ: ихъ водили, окруженные большой толпой, въ баню, гдѣ имъ приходилось выслушивать насмѣшки со стороны будущихъ товарищей, а иногда и страдать физически. Обыкновенно только послѣ этого искуса новичокъ могъ отправиться для переговоровъ къ профессору, лекція котораго намѣренъ былъ слушать.

Лекціи читались или на дому у профессоровъ (софистовъ, раторовъ), или въ общественныхъ зданіяхъ. Ученіе продолжалось, обыкновенно, только зиму и весну. Занимались древними писателями и комментаріемъ къ нимъ новѣйшихъ. Ученики иногда упражнялись въ сочиненіи рѣчей по хриамъ.

Лѣтомъ риторы-профессора произносили торжественныя рѣчи въ честь путешествующихъ императоровъ или сановниковъ, а также устраивали состязанія съ заѣзжими риторами. Публичныя рѣчи, впрочемъ, говорились и зимой. Одобрѣніе выражалось рукоплесканіемъ и вызываніемъ автора рѣчи. Искусныя рѣчи производили магическое дѣйствіе на слушателей, заставляя ихъ забывать обо всемъ въ мірѣ, кромя удовольствія, доставленнаго рѣчью.

Студенты дѣлились на землячества, группировавшіяся обыкновенно около профессора-земляка; въ рукахъ послѣдняго студенты служили нерѣдко орудіемъ для достиженія имъ своекорыстныхъ цѣлей: оскорбляли словами или дѣйствіемъ его соперника и вербовали учениковъ для него. Факты для иллюстраціи: 1) ученики Аписинеса побиваютъ ритора Юліана съ учениками; 2) ученики Діофанта принуждаютъ Ливанія слушать своего учителя, вѣсто Епифанія, ради котораго тотъ прїѣхалъ въ Аенны. Совѣстная жизнь молодежи въ Аеннахъ способствовала, во многихъ случаяхъ, тѣсному сближенію между отдѣльными лицами; примѣръ—Григорій Назіанзинъ и Василій Великій.

Факты, доказывающіе, что характеръ образованія въ Аеннахъ былъ риторическій:

1) Рѣчи Гимерія:

а) Демосѣенъ за Эсхина. Требуешь возвратити Эсхина изъ изгнанія добровольнымъ актомъ, чтобы не быть принужденнымъ сдѣлать то же самое по приказанію Александра.

б) Обвиненіе Эпикура въ безбожіи. Отрывокъ изъ этой рѣчи:

«Провидѣніе управляетъ міромъ; если этого не зналъ Эпикуръ, то пусть сегодня узнаетъ не путемъ разсужденія, а путемъ судебного приговора. Злыхъ приводятъ въ судъ, осуждаютъ, наказываютъ. Не есть ли это ясное доказательство того, что вселенная не подчиняется случаю, но въ ней существуетъ порядокъ, законъ и управленіе, наконецъ и вообще, что существуетъ провидѣніе!»

«Парнасъ дрожалъ, чтобы напугать персовъ; они падали подъ кучами камней, сдѣлавшихся ихъ могилой. Сегодня Эпикуръ оскорбляетъ боговъ, и горы не дрожатъ. Гиметъ не поколебался: пламя и молнія не пожрали его Академін. Я угадываю мысль боговъ: судьи! боги сохраняютъ Эпикура для того, чтобы вы его наказали».

Обѣ рѣчи противорѣчатъ не только исторіи, но и здравому смыслу ¹⁾.

2) Прозрезій говоритъ рѣчь на предложенную ему *ex improviso* тему; по окончаніи ея, сейчасъ же произноситъ рѣчь на тему, противоположную первой ²⁾, и, наконецъ, дословно повторяетъ свои импровизаціи, чѣмъ вызываетъ неподдѣльный восторгъ въ своихъ слушателяхъ. Этотъ фактъ показываетъ, какъ велика была погоня за формой, за внѣшностью и какъ мало цѣнилось содержаніе.

¹⁾ Другія рѣчи его въ томъ же родѣ.

²⁾ Къ сожалѣнію, до насъ не дошла ни одна изъ его рѣчей.

3) Образцомъ риторическаго упражненія на хрію можно считать похвалу числу сто и смоковницѣ, приписываемую имп. Юліану (занимаетъ около 9 печатныхъ страницъ въ Hertlein'овскомъ издан. трудовъ Юліана, письмо 24-е).

IV вѣкъ—послѣдній блестящій періодъ въ исторіи афинской школы, хотя она продолжаетъ свое существованіе до 529 года, т.-е. до эдикта имп. Юстиніана, запретившаго преподаваніе философіи въ Афинахъ. Послѣдніе 130 лѣтъ Афины были центромъ неоплатоновской философіи; риторика же перешла въ хрістіанскія духовныя школы и въ тѣсно съ ними связанный константинопольскій университетъ.

Протоколъ V, экстреннаго (закрытаго) Общаго Собранія Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 14-го февраля 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 25 членовъ.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что предметомъ занятій въ настоящемъ Обществѣ Собраніи назначенъ вопросъ объ изданіи протоколовъ Общества и журнала въ будущемъ 1891 году и указалъ на тѣ стороны этого вопроса, которыя представлены были на усмотрѣніе гг. членовъ въ прошломъ Обществѣ Собраніи (см. протоколъ отъ 21 января, ст. 6).

3. Г. предсѣдатель замѣтилъ, что желательно прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, намѣрено-ли Общество имѣть свой постоянный органъ или первоначально будетъ довольствоваться изданіемъ сборниковъ въ родѣ тѣхъ, которые, напримѣръ, издавало Московское Психологическое Общество до основанія своего постояннаго органа. Н. А. Меншуткинъ возразилъ, что поставленный предсѣдателемъ вопросъ объ изданіи журнала или сборника, вопросъ частный; болѣе общимъ является вопросъ о томъ, намѣрено-ли Общество издавать свои труды въ той или иной формѣ? Гг. Роговъ и Мякотинъ заявили, что они принципиально стоятъ за изданіе, а Н. И. Карѣевъ заявилъ, что статьи въ такомъ изданіи на первое время пришлось бы во всякомъ случаѣ помѣщать даромъ. Возраженій противъ мысли объ изданіи трудовъ Общества не сдѣлано.

4. Приступлено къ обсужденію вопроса о томъ, будетъ-ли предполагаемое изданіе сборникомъ или журналомъ. Г-жа Бѣлозерская высказалась въ пользу сборника, замѣтивъ, что и «Вѣстникъ Европы» начался съ такого же изданія. Г. Шмурло замѣтилъ, что проектируемый журналъ можетъ быть подобенъ сборнику. Г. Бѣловъ обратился съ вопросомъ, можно-ли будетъ ожидать подписки при такомъ изданіи, на что г. предсѣдатель замѣтилъ, что этого ожидать трудно на первое время, такъ какъ, въ противномъ слу-

чаѣ, пришлось бы платить за помѣщаемыя статьи. Г. Меншуткинъ высказался въ пользу небольшого журнала, на изданіе котораго, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, можно было бы ходатайствовать о субсидіи. Г. Карѣвъ возразилъ, что маленькое изданіе дискредитируетъ Общество и что желательно было бы начать съ болѣе обширнаго изданія, листовъ въ 60 въ годъ, хотя бы и не въ ближайшемъ будущемъ. Г. Шмурло выразилъ мнѣніе, что на маломъ журналѣ можно испробовать свои силы и подготовить ихъ, такимъ образомъ, къ болѣе широкому научному предпріятію. Г. Карѣвъ возразилъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута при изданіи предполагаемаго систематическаго обзора исторической библіографіи, а на сомнѣніе въ скоромъ ея появленіи, выраженное г. Ольденбургомъ, напротивъ, выразилъ увѣренность въ возможности скораго осуществленія этого плана. При этомъ, въ видѣ дополненій къ систематическому обзору, будутъ издаваться дополненія по текущей библіографіи. Г. Меншуткинъ выразилъ надежду, что эти дополненія будутъ издаваться въ предполагаемомъ журналѣ, а по мнѣнію г. Рогова возможно было бы и самый систематическій обзоръ помѣстить въ журналѣ. Г. Мякотинъ выразилъ мнѣніе, что каждый журналъ долженъ имѣть опредѣленное направленіе, что трудно ожидать отъ предполагаемаго журнала опредѣленнаго направленія, пока еще не сложилось Общество. Поэтому г. Мякотинъ высказался въ пользу сборника. Г. Роговъ замѣтилъ, что предполагаемый журналъ будетъ отражать жизнь историческаго общества и въ этомъ смыслѣ будетъ обладать достаточною жизненностью. Г. Пташицкій находилъ, что до разрѣшенія вопроса объ изданіи журнала необходимо разсмотрѣть финансовую сторону предпріятія. Въ виду заявленія г. предсѣдателя, что Общество можетъ располагать средствами лишь на типографскіе расходы, г. Пташицкій предлагалъ искать средства на изданіе внѣ Общества и въ примѣръ привелъ журналы: «Kwartalnik historyczny» и «Журналъ Гражд. и Уголов. Права», изъ которыхъ одинъ печатается по удешевленной цѣнѣ, другой — даромъ. Г. Пташицкій считалъ также необходимымъ немедленно приступить къ изданію журнала и для этого полагалъ нужнымъ приступить къ исходатайствованію надлежащаго разрѣшенія на 1891 г., а въ теченіе текущаго года издать сборникъ по программѣ предполагаемаго журнала; первый выпускъ такого сборника, по мнѣнію г. Пташицкаго, можно было бы приготовить къ 1-му іюля 1890 г., второй — къ 1-му января 1891 г. и дать въ каждомъ изъ нихъ обзоръ текущей исторической литературы. — Гг. Шмурло и Мякотинъ высказались противъ по преимуществу библіографическаго характера журнала, а г. Гревсъ, напротивъ, считалъ болѣе цѣлесообразнымъ задаваться на первое время скромными цѣлями и придавалъ значеніе журналу лишь въ последнемъ смыслѣ. — Г. Гераковъ замѣтилъ, что такой сборникъ едва-ли пойдетъ успѣшно въ продажу.

По обсужденіи, вопросъ объ изданіи трудовъ Общества рѣшенъ слѣдующимъ образомъ: постановлено приступить къ изданію журнала съ 1891 г.

большинствомъ 16 голосовъ, а большинствомъ 18 голосовъ въ текущемъ 1890 году издать сборникъ по программѣ журнала.

5. Обсуждался вопросъ о наименованіи предполагаемаго къ изданію журнала, причѣмъ г. председателемъ заявлено предложеніе Комитета назвать это изданіе «Журналомъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ». Г. Гревсъ предложилъ назвать тоже изданіе «Историческимъ журналомъ», органомъ Историческаго Общества. Г. Роговъ замѣтилъ, что это заглавіе слишкомъ широко и много общаетъ. Принято предложеніе Комитета и постановлено назвать будущій журналъ «Журналомъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ».

6. Обсуждался вопросъ о срокахъ выхода журнала и его размѣрахъ. Г. Вѣловъ выразилъ мнѣніе, что удобно было бы третное изданіе (1 янв., 1 марта и 1 сент.). Г. Гревсъ считалъ назначеніе опредѣленныхъ сроковъ не вполне удобнымъ и въ примѣръ приводилъ «Revue historique», но гг. Бершадскій, Ольденбургъ, Шмурло, Пташицкій высказались въ пользу опредѣленныхъ сроковъ. Постановлено по предложенію Комитета издавать журналъ четыре раза въ годъ, размѣромъ не менѣе 20 листовъ во всѣхъ четырехъ выпускахъ.

7. Г. председатель заявилъ, что предстоитъ еще рѣшить вопросъ о программѣ журнала Общества. Г. Меншуткинъ считалъ наиболѣе удобнымъ помѣщать въ журналѣ лишь тѣ труды, которые въ цѣломъ или сокращенномъ видѣ будутъ докладываться на Общихъ Собраніяхъ гг. членовъ. Г. Карѣевъ высказался противъ обсужденія каждой статьи до помѣщенія въ журналѣ, а г. Роговъ указывалъ на то, что непрежнній докладъ всѣхъ статей въ Общихъ Собраніяхъ повлечетъ и цензуру этихъ статей Обществомъ. Принято: не читать всѣхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ, въ Общихъ Собраніяхъ, и утверждена слѣдующая программа журнала: 1) протоколы (которые, однако, рѣшено помѣщать въ концѣ каждого выпуска), 2) оригинальныя статьи, 3) критика и библіографія, 4) обзоръ періодическихъ изданій, 5) мелкія замѣтки, 6) хроника, 7) объявленія.

8. Поставленъ вопросъ о редакціи журнала. Г. Роговъ предложилъ избрать редакторомъ журнала г. председателя. Н. И. Карѣевъ отказался, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что въ настоящее время не считаетъ возможнымъ предпринимать повременное изданіе, такъ какъ силы Общества уже привлечены къ составленію систематическаго библіографическаго обзора. Постановлено: поручить Комитету выборъ кандидатовъ въ единоличныя редакторы и предложить этихъ кандидатовъ на баллотировку въ Общемъ Собраніи.

9. Утверждена подписная цѣна на журналъ въ размѣрѣ 3-хъ рублей.

10. Редакцію предполагаемаго къ изданію сборника съ программой, соотвѣтствующей уже утвержденной Общимъ Собраніемъ программѣ журнала, поручено организовать Комитету.

Протоколъ VI (открытаго) Общаго Собранія Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 21 февраля 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 27 членовъ.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что чтеніе положеній г. Гуревича, извлеченныхъ изъ реферата: «Исторія, какъ предметъ науки и преподаванія» отлагается до слѣдующаго Общаго Собранія по причинѣ болѣзни референта.

3. Приступлено къ баллотировкѣ гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ члены Общества на прошломъ Общемъ Собраніи. Большинствомъ голосовъ избраны М. И. Семеновскій и П. А. Сырку, остальные избраны единогласно.

4. Предложены новые кандидаты въ члены Общества: гг. Шумигорскій, Браудо, Венгеровъ, Винаверъ, Ефимовъ, Лесевичъ, Марковинъ, Менжинскій, Острогорскій, Пальменъ, Утинъ, Фразеръ, Чулицкій, Шеллеръ, Шибберсонъ.

5. Н. И. Карѣвъ вкратцѣ изложилъ содержаніе реферата, читаннаго имъ въ прошлое Общее Собраніе, и прочелъ тезисы, извлеченные изъ этого реферата. Е. А. Бѣловъ сдѣлалъ замѣчанія на тезисы 5 и 12. По его мнѣнію, вопросъ о теоріи историческаго процесса занималъ уже древнихъ философовъ. Яснѣе всего онъ выступилъ у Аристотеля въ его «Политикѣ». Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ о развитіи и разложеніи формъ правленія, основываясь на примѣрахъ исторіи извѣстнѣйшихъ въ его время государствъ. Вслѣдъ за тѣмъ оппонентъ перешелъ къ вопросу о роли личности въ исторіи и указалъ на затрудненія, какія встрѣчаются при опредѣленіи размѣровъ этой роли. Возможно-ли, напримѣръ, отрицать, что Мирабо, при довѣріи Людовика XVI, могъ дать иное направленіе событіямъ? Или могъ бы Германикъ возстановить Римскую республику, еслибы хотѣлъ? На первое замѣчаніе референтъ отвѣтилъ, что до Вико древніе и новыя писатели давали теорію переменъ лишь одной изъ сторонъ исторіи и что въ этомъ смыслѣ онъ вполнѣ признаетъ значеніе Аристотеля, о чемъ уже высказывался въ своихъ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи». На второе замѣчаніе референтъ замѣтилъ, что признаетъ затрудненія при рѣшеніи вопроса о роли личности въ исторіи и сослался на печатаемый имъ трудъ «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», гдѣ подробно изложены будутъ его взгляды по этому вопросу. Во время обѣда мыслей съ Е. А. Бѣловымъ, Н. И. Карѣвъ указывалъ на пригодность новѣйшей исторіи для изученія теоріи историческаго процесса, съ чѣмъ не соглашался Е. А. Бѣловъ, въ виду неизвѣстности всѣхъ причинъ совершившихся и совершающихся событій. По мнѣнію Н. И. Карѣва эти неудобства, однако, вознаграждаются обиліемъ матеріала, а изученіе новѣйшей исторіи не исклю-

часть, конечно, возможности обращаться по отдельным вопросам и к более отдаленным временам.

Вслед за Е. А. Бёловым несколько замечаний высказал С. А. Бершадский. По философским воззрениям древних и новых писателей до начала XIX века, мир — вечно единое, неизменяемое целое; нет и не может быть ничего нового: все — повторение. Со времени Конта построение мирозерцания на априорных основаниях, как думала догматическая философия, стало признаваться невозможным. Задачей науки поставлено расширение эмпирического сознания. Представители исторической школы в науках права, Савиньи и его ученики, внесли идею закономерного развития права, хотя теоретически и не обосновали своего взгляда. Вместе с тем, Гегель, раньше О. Конта, стал указывать в своей философии основную мысль исторического развития, предполагая, что мир есть развитие абсолютного духа. На возражение оппонента Н. И. Каръевъ отвѣчалъ, что вместе с нимъ отрицаетъ однообразную закономерность исторической жизни, постоянно повторяющиеся законы, что у юристовъ искалъ, но не нашелъ общихъ взглядовъ на теорію историческаго процесса, о чемъ написалъ даже особую статью въ «Юридич. Вѣстникѣ», и вообще до Конта не встрѣчался въ ученой литературѣ съ мыслью о необходимости создать социальную динамику по образу точныхъ наукъ.

І. А. Клейберъ замѣтилъ, что въ дѣлѣ изученія роли личности въ исторіи могутъ участвовать біологи, антропологи, фізіологи, психологи и даже математики, изучающіе теорію случая, слѣдовательно и личныхъ уклоненій отъ массовыхъ явленій. Н. И. Каръевъ вполне признавалъ необходимость для историковъ обращаться за помощью къ разнаго рода специалистамъ: по мнѣнію референта, есть вопросы теоріи историческаго процесса, какъ, наприимѣръ, вопросы о расѣ, наслѣдственности и т. п., въ которыхъ не компетентенъ историкъ; но наоборотъ, есть и другого рода задачи, какова, наприимѣръ, роль личности въ исторіи, разрѣшеніе которыхъ можетъ взять на себя только историкъ.

М. П. Массоніусъ считалъ болѣе правильнымъ называть философіей исторіи то, что Н. И. Каръевъ называлъ теоріей историческаго процесса, а также не признавалъ значенія коллективной психологіи, какъ науки, хотя и не дѣлалъ ея необходимости для теоріи историческаго процесса. Н. И. Каръевъ, отвѣчая г. Массоніусу, указалъ на то, что слово «философія» употребляется въ довольно различныхъ смыслахъ, вслѣдствіе чего ничто его не обязываетъ называть философіей исторіи теорію историческаго процесса, а не обобщеніе всемірной исторіи съ точки зрѣнія нѣкоторой высшей объединяющей идеи съ субъективною оцѣнкою моментовъ исторической жизни. Что же касается до коллективной психологіи, то нужно еще доказать, почему она невозможна.

На вопросы В. В. Новодворскаго о томъ, какое различіе существуетъ между теоріей историческаго процесса и философіей исторіи, Н. И. Каръевъ отвѣчалъ

ссылками и поясненіями, взятыми изъ его же «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи».

6. Въ виду продолжительныхъ преній, вызванныхъ тезисами, извлеченными изъ реферата Н. И. Карѣева, чтеніе сообщенія г. Форстена отложено было до слѣдующаго Общаго Собранія.

Протоколь VII (закрытаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 21-го марта 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Ланно-Данилевскомъ присутствовало 24 члена.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколь прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что библиографическая коммиссія составила планъ систематическаго обзора по всеобщей исторіи и русской. Планъ этотъ предполагается отлитографировать и разослать лицамъ, пожелавшимъ принимать участіе въ составленіи этой библиографіи, а также остальнымъ членамъ Общества, выразившимъ желаніе получить этотъ планъ или высказать на него критическія замѣчанія. Къ плану будутъ присоединены, въ видѣ прилѣга, пробныя страницы, т.-е. отзывы проф. П. Г. Виноградова о нѣсколькихъ сочиненіяхъ по исторіографіи среднихъ вѣковъ и проф. Н. И. Карѣева по исторіи паденія Польши.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что Комитетъ 14 марта обсуждалъ вопросъ о редакціи предполагаемаго журнала, но до окончательной выработки предложеній, съ которыми обратится въ экстренномъ Общемъ Собраніи къ гг. членамъ, рѣшилъ навести нѣкоторыя справки. По этому дѣлу Н. И. Карѣевъ обращался въ редакціи журналовъ «Вопросы философіи и психологіи» и «Юридическаго Вѣстника» и получилъ отвѣты отъ гг. редакторовъ.

4. Предложены слѣдующіе кандидаты въ члены Общества: гг. Балобанова, Кедровъ, Петерсъ, Флексеръ, Ѳедоровъ.

5. Приступлено къ баллотировкѣ гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ Общемъ Собраніи. Единогласно избранными оказались: гг. Лесевичъ, Менжинскій, Острогорскій, Пальменъ, Шиберсонъ. Большинствомъ голосовъ избраны: гг. Браудо, Венгеровъ, Винаверъ, Ефиновъ, Марковинъ, Утинъ, Фрасеръ, Чулицкій, Шеллеръ и Шумигорскій.

6. Г. предсѣдатель заявилъ, что г. Форстенъ извѣщаетъ гг. членовъ Общаго Собранія о невозможности, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, читать обѣщанный имъ рефератъ.

7. Г. Лопаревъ прочелъ сообщеніе о дорожникѣ Вильгельмѣ фонъ-Кабрита, который лично участвовалъ въ шведской кампаніи 1788 и слѣдующихъ годовъ и на нѣмецкомъ языкѣ сообщаетъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній

объ этой войнѣ. По поводу нѣкоторыхъ сомнѣній, высказанныхъ г. Лопаревымъ относительно хронологическихъ датъ разобраннаго имъ дневника, Е. А. Вѣловъ замѣтилъ, что противорѣчіе ихъ съ доселѣ извѣстными устранится, если считать дни по старому календарю.

8. Г. Гуревичъ прочелъ рефератъ «Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія» (см. прилож.).

9. Пренія по поводу реферата г. Гуревича рѣшено отложить до слѣдующаго Общаго Собранія 25 апрѣля.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тезисы къ сообщенію Я. Г. Гуревича «Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія».

1. Неправильная постановка курса исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ невыработанности методики исторіи.

2. Невыработанность методики исторіи находится въ прямой зависимости отъ неустановленности исторіи, какъ науки.

3. Неправильная постановка преподаванія исторіи зависитъ въ значительной степени также и отъ невыясненности различія между исторіею, какъ наукою отъ какъ предметомъ преподаванія.

4. Исторія какъ наука и по цѣли, и по выбору матеріала, и по критической оцѣнкѣ его представляетъ существенныя различія отъ исторіи, какъ предмета преподаванія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

5. Исторія какъ наука имѣетъ цѣлю, по мнѣнію однихъ, изслѣдованіе законовъ, по которымъ совершаются явленія исторической жизни, по мнѣнію другихъ—изслѣдованіе и раскрытіе историческаго процесса. Исторія же какъ предметъ преподаванія не можетъ задаваться такими широкими цѣлями. Преподаваніе ея въ средне-учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ цѣлю лишь сообщить и выяснить доступныя учащимся главнѣйшія событія и явленія историческаго прошлаго для достиженія посильнаго пониманія государственныхъ и общественныхъ явленій современной жизни и посредствомъ сообщенія историческаго матеріала и способа передачи его вліять на умственное и нравственное развитіе учащихся.

6. Исторія, какъ наука, имѣетъ постоянно одну цѣль, вытекающую изъ сущности предмета; исторія же, какъ предметъ преподаванія, преслѣдуя воспитательныя задачи, видоизмѣняетъ свою цѣль, прииѣняясь къ различному возрасту учащихся, къ степени ихъ умственнаго развитія, выдвигая то одну, то другую сторону предмета, сообразно съ данными условіями преподаванія.

7. Исторія, какъ наука, представляетъ критическое изслѣдованіе матеріала, почерпаемаго при томъ изъ первоисточниковъ. Исторія же, какъ предметъ

преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (и то въ высшихъ классахъ) знакомить лишь учащихъ съ результатами исторической науки относительно историческихъ явленій, входящихъ въ кругъ преподаванія, не входя при этомъ въ самую критику. На низшей же степени преподаванія и это представляется невозможнымъ.

8. Съ научной точки зрѣнія историческая жизнь есть проявленіе или раскрытіе народнаго самосознанія, и съ этой точки зрѣнія исторія, какъ наука, должна обнимать жизнь всего человѣчества, всѣхъ народовъ, въ жизни которыхъ проявилось какое-либо культурное движеніе. Исторія же, какъ предметъ преподаванія, не опуская изъ виду общаго хода развитія человѣчества и взаимнаго вліянія исторической жизни различныхъ народовъ, ставитъ себя цѣлью въ средне-учебныхъ заведеніяхъ ознакомленіе учениковъ съ исторіею лишь главныхъ историческихъ народовъ и то только въ ея главнѣйшихъ моментахъ; на низшей же ступени преподаванія исторіи имѣется въ виду ознакомленіе учениковъ лишь съ исторіею отечества.

9. Исторія, какъ наука, изслѣдуетъ всѣ стороны жизни и культуры каждаго народа въ ихъ взаимодѣйствіи, не исключая и высшихъ областей культуры, какъ наука, литература и искусство. Исторія, какъ предметъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, должна ограничиться ознакомленіемъ учениковъ лишь съ доступными имъ возрасту и развитію областями жизни.

10. Исторія имѣетъ важное значеніе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ не какъ наука, а главнымъ образомъ какъ средство для умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ.

11. При несомнѣнномъ различіи между исторіею, какъ наукою и какъ предметомъ преподаванія, всѣ данныя и взгляды, сообщаемые въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ историческою наукою, а, напротивъ, должны совпадать съ ними.

12. Для болѣе успѣшнаго преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ желательно учрежденіе при историко-филологическихъ факультетахъ, именно на историческомъ отдѣленіи, педагогическаго семинарія.

Протоколъ VIII экстреннаго (закрытаго) Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 18 апрѣля 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 18 членовъ.

1. Прочитанъ, утвержденъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. председатель заявилъ, что отъ Н. А. Попова (управляющаго Архивомъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ) прибылъ туюкъ книгъ его изданія, пожертвованныхъ имъ въ бібліотеку Общества.

3. Г. председатель заявилъ, что Комитетъ обсуждалъ вопросъ о редакціи предполагаемаго журнала, но что не могъ остановиться на выборѣ кандидата, котораго можно было бы предложить баллотировать Общему Собранію. Поэтому Комитетъ предлагаетъ Общему Собранію вновь обсудить этотъ вопросъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что при единоличной редакціи, редактору можетъ быть предоставлено право самому выбрать себѣ сотрудниковъ по дѣламъ редакціи и вообще дать ему довольно широкія права или, напротивъ, самому Общему Собранію выбрать членовъ редакціоннаго комитета. Н. И. Карѣевъ высказался въ пользу перваго предложенія, хотя и замѣтилъ, что въ случаѣ, если коллективно редакціей будетъ завѣдывать Комитетъ, то единоличнаго редактора можетъ и вовсе не быть. В. И. Семевскій выражалъ мнѣніе, что слишкомъ рано начинать изданіе журнала: вопросъ этотъ не назрѣлъ; это, по его мнѣнію, достаточно ясно доказывается неудачей Комитета въ рѣшеніи вопроса о томъ, кого выбрать въ редакторы и малочисленностью настоящаго собранія. Н. И. Карѣевъ согласился съ справедливостью этого мнѣнія и замѣтилъ, что въ настоящее время дѣятельность Общества достаточно ярко можетъ сказаться въ изданіи систематической бібліографіи и историческаго сборника, для котораго, между прочимъ, кромѣ гг. Карѣева, Шмурло и Форстена, обѣщали дать статью проф. Виноградовъ. Г. Марковинъ высказался въ пользу изданія журнала при отвѣтственности редакторѣ; къ журналу, по мнѣнію г. Марковина, не трудно было бы привлечь молодыя силы. Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что при отсутствіи единоличнаго редактора редакцію возможно было бы поручить Комитету. В. А. Мякотинъ заявилъ, что это не рѣшаетъ вопроса о самомъ характерѣ изданія, а также и содержаніи журнала. По мнѣнію г. Семевского, трудно будетъ авторамъ считаться съ коллективной редакціей въ 6 членовъ; Н. А. Меншуткинъ, напротивъ, считалъ такую коллективную редакцію болѣе удобной; при этомъ Комитетъ, по его словамъ, долженъ былъ бы докладывать Общему Собранію цѣликомъ или въ извлеченіи статьи, достойныя попасть въ изданіе. С. Θ. Ольденбургъ примкнулъ къ мнѣнію г. Меншуткина. Н. И. Карѣевъ и В. И. Семевскій выразили обратное мнѣніе въ пользу большей независимости редакціи отъ Общаго Собранія. Е. Н. Щепкина замѣтила, что постановленія объ изданіи журнала въ Общемъ Собраніи не было, а только высказывалась его желательность. Г. председатель сослался на протоколъ одного изъ предшествовавшихъ (экстренныхъ) Общихъ Собраній, въ которыхъ сдѣлано было такое постановленіе. С. Θ. Платоновъ обратился къ г. председателю съ вопросомъ, указаны-ли опредѣленные кандидаты въ редакторы журнала, на что получилъ отрицательный отвѣтъ отъ г. председателя. Г. Браудо выразилъ мысль, что деньги, назначенныя на сборникъ,

можно было бы употребить на издание журнала. По окончаніи преній г. предсѣдатель заявилъ, что неудача Комитета, въ выборѣ редакціи будущаго журнала и самый характеръ только-что законченныхъ преній показываютъ затруднительность изданія журнала въ ближайшемъ, 1891 году. Постановлено, въ виду малочисленности Общаго Собранія, предложить еще разъ на обсужденіе будущаго Общаго Собранія 25 апрѣля о необходимости отложить изданіе журнала Общества.

4. Предложены кандидатами въ члены Общества: гг. Анненскій, Аванасьевъ, Сиповскій, Сомовъ и Ткачевъ.

5. Въ виду того, что г. Форстенъ въ будущемъ Общемъ Собраніи не можетъ читать своего сообщенія, г. предсѣдатель предложилъ гг. членамъ Общаго Собранія, не желаетъ-ли кто-либо представить сообщеніе взамѣнъ г. Форстена. Е. А. Вѣловъ обѣщалъ прочесть сообщеніе по вопросу объ Иванѣ Грозномъ въ русской исторической литературѣ.

Протоколъ IX (открытаго) Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 25 апрѣля 1890 г.

Присутствовало подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ 29 членовъ.

1. Прочитанъ, утвержденъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Обсуждая вопросъ объ изданіи журнала, г. предсѣдатель наметилъ въ общихъ чертахъ положеніе вопроса, насколько оно выяснилось изъ преній на предшествующихъ засѣданіяхъ, указалъ на то, что Комитетъ, въ настоящее время, затрудняется представить Обществу кандидата въ редакторы и поставилъ вопросъ, приступить-ли тѣмъ не менѣе къ изданію журнала или отложить таковое до ближайшаго будущаго? Гг. Меншуткинъ и Гуревичъ замѣтили, что нѣтъ нужды спѣшить съ изданіемъ. Г. Вѣловъ указалъ на то, что направление журнала остается невыясненнымъ, хотя быть можетъ спеціальнѣйшій характеръ такого изданія въ немъ и не особенно нуждается. Г. Браудо заявилъ, что не видитъ разницы между сборникомъ и журналомъ; г. предсѣдатель указалъ на то, что журналъ требуетъ предварительнаго разрѣшенія на изданіе и долженъ имѣть редактора.

Постановлено: отложить изданіе журнала и ограничиться изданіемъ сборника.

3. Обсуждались тезисы, извлеченные изъ реферата Я. Г. Гуревича «Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія». Г. Гуревичу возражали Ю. Ю. Цвѣтковскій (на тезисы 1 и 12), С. Л. Степановъ (на тезисы 2, 4 и 5), Е. А. Вѣловъ (на тезисъ 10), В. А. Мякотинъ (на тезисы 2, 5, 6 и 10) и В. А. Браудо.

По мнѣнію г. Цвѣтковскаго, неправильная постановка курса исторіи зависитъ отъ невыработанности школьной методики, еще менѣе отъ неустановленности и невыработанности исторіи, какъ науки, сколько отъ стремленія представить въ среднѣмъ учебномъ заведеніи весь систематическій курсъ исторіи, только въ сокращенномъ его видѣ. Исторія, какъ наука, разумѣется не вполне выработалась; тѣмъ не менѣе, она уже даетъ много образовательнаго матеріала для школы, и весь вопросъ въ выборѣ этого матеріала. Г. Цвѣтковскій, кромѣ того, рядомъ съ значеніемъ преподавателя и его устнымъ изложеніемъ, указывалъ на важное значеніе книги, разумѣется, классической по своимъ достоинствамъ и пригодной для чтенія и изученія съ учениками. Такого рода пособіе, написанное человѣкомъ талантливымъ и вооруженнымъ знаніемъ, было бы весьма желательно. Съ этими замѣчаніями Ю. Ю. Цвѣтковскаго референтъ отчасти согласился. Г. Гуревичъ настаивалъ, однако, на томъ, что неудовлетворительная постановка курса исторіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ неустановленности исторіи, какъ науки и невыработанности методики исторіи. Стремленіе представить въ среднѣмъ учебномъ заведеніи весь систематическій курсъ исторіи только въ сокращенномъ его видѣ, по мнѣнію референта, вытекаетъ именно изъ невыработанности методики исторіи, а не является самостоятельной причиною. Съ замѣчаніемъ г. Цвѣтковскаго относительно важнаго значенія, какое можетъ и должна имѣть при преподаваніи исторіи книга, пригодная для чтенія и изученія ея учениками, референтъ также согласился, но указывалъ на первенствующее въ дѣлѣ преподаванія исторіи значеніе, какое имѣетъ личное вліяніе преподавателя на учащихся, вліяніе, возбуждающее въ нихъ интересъ къ изученію предмета, а также объясненія и дополненія преподающаго.

Г. Вѣловъ возражалъ противъ нѣкоторой неопредѣленности, какая называется въ 10-мъ тезисѣ г. Гуревича. Выраженіе «нравственное развитіе учащихся» (средствомъ для котораго, между прочимъ, служить, по мнѣнію г. Гуревича, исторія) имѣетъ здѣсь слишкомъ широкое, растяжимое значеніе. Имѣя цѣлью въ преподаваніи исторіи нравственное развитіе, легко обратить исторію въ проповѣдь узкой морали, тогда какъ изъ уроковъ исторіи ученикъ долженъ вынести безъ всякой натяжки со стороны преподавателя убѣжденіе въ необходимости подчинить частный интересъ интересу общему; нравственное развитіе въ болѣе узкомъ смыслѣ достигается преподавателемъ Закона Божія и эстетическимъ образованіемъ. По поводу же чрезмѣрнаго сокращенія объема всеобщей исторіи въ курсахъ гимназій и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, г. Вѣловъ замѣтилъ, что гимназій не только средне-учебныхъ, но и обще-образовательныхъ заведеній, что многіе гимназій заканчиваютъ свое образованіе, другіе еще въ большемъ числѣ поступаютъ въ спеціальныя заведенія или на факультеты, гдѣ исторія не читается. Полезно-ли будетъ для такихъ лицъ все большее сокращеніе объема историческаго курса? На возраженія г. Вѣлова г. Гуревичъ замѣтилъ, что оппо-

нентъ, повидимому, понялъ 10-й тезисъ не вполне правильно. Г. Бѣловъ придаетъ слишкомъ узкое и несомнѣнно далеко нежелательное значеніе выраженію «нравственное развитіе», встрѣчающемуся въ 10-мъ тезисѣ. Референтъ безусловно отвергалъ такое неправильное пониманіе 10-го тезиса, и ссылаясь при этомъ на одиннадцатый тезисъ, въ которомъ говорится, что всѣ данныя и взгляды, сообщаемые въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ историческою наукою, а, напротивъ, должны совпадать съ ними.

Г. Степановъ возражалъ противъ заглавія, данного г. референтомъ своему сообщенію. По мнѣнію г. Степанова слѣдовало для ясности заглавіе реферата измѣнить такъ: «исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія въ средней школѣ», чтобы отличить способы преподаванія въ средней школѣ отъ преподаванія исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кроме того, г. Степановъ замѣтилъ, что попытка раздѣлить исторію на двѣ дисциплины (тезисы 4, 5, 6, 7 и 8) едва-ли удачна: во-первыхъ, потому, что матеріалъ качественно одинаковъ въ нихъ обѣихъ; во-вторыхъ, потому, что и дѣли, и методы разработки историческаго матеріала въ исторіи-наукѣ и исторіи-учебномъ предметѣ средней школы въ существенныхъ чертахъ сходны. Если допустить различіе въ дѣлахъ и методахъ исторіи въ зависимости отъ вышеуказаннаго дѣленія, то это значило бы раздѣлять исторію на научную и ненаучную. Преподаваніе же въ средней школѣ чего-либо, основаннаго на ненаучномъ методѣ и приѣмахъ, направлено было бы ко вреду учащихся. Единственно правильнымъ принципомъ дѣленія исторіи въ вышеуказанномъ смыслѣ нужно признать количество историческаго матеріала, подвергающагося обработкѣ въ томъ и другомъ случаѣ, причемъ оно можетъ колебаться въ значительныхъ для предѣлахъ средней школы въ зависимости отъ дѣлаго ряда случайныхъ явленій. Напр., не только очерки науки, литературы и искусства могутъ быть предполагаемы ученикамъ средней школы, но даже критика мнѣній по какому-нибудь основному вопросу исторіи, при благоприятномъ составѣ класса. На возраженія г. Степанова г. Гуревичъ замѣтилъ слѣдующее: съ предлагаемой г. Степановымъ редакціей заглавія онъ не согласиться не можетъ, такъ какъ въ своемъ рефератѣ имѣлъ въ виду не только средне-учебныя заведенія, но и городскія начальныя школы. Научная разработка или преподаваніе исторіи въ Университетѣ основана, главнымъ образомъ, на критическомъ изученіи матеріала, что совершенно немыслимо при преподаваніи исторіи въ средней и низшей школѣ. По мнѣнію г. Степанова, ученикамъ средне-учебныхъ заведеній, при благоприятномъ составѣ [класса, можетъ быть предлагаема и критика мнѣній ученыхъ по какому-нибудь основному вопросу исторіи. Референтъ, не отвергая этой возможности относительно самыхъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній при особенно удачномъ составѣ класса, полагалъ однакоже, что такія случайныя явленія, встрѣчающіяся при преподаваніи, не даютъ права утверждать, что различіе между научнымъ препода-

даваніємъ исторіи въ университетахъ и преподаваніємъ ея въ средне-учебныхъ заведеніяхъ только количественное, а не качественное. Университетское преподаваніе держится научныхъ требованій, но не принимаетъ во вниманіе личныхъ умственныхъ средствъ каждаго изъ слушателей; преподаваніе въ средней школѣ при выборѣ матеріала постоянно считается съ возрастомъ и умственнымъ развитіемъ учащихся, стремится къ переработкѣ самаго матеріала въ классѣ, примѣняясь не только къ составу цѣлаго класса, но нерѣдко къ индивидуальности отдѣльныхъ учениковъ; наконецъ, очерки литературы и искусства, особенно древнихъ, по мнѣнію г. Гуревича, возможно предлагать ученикамъ старшихъ классовъ. Впрочемъ, такіе очерки для учениковъ, незнакомыхъ съ книгами, о которыхъ трактуется въ такихъ очеркахъ, остаются большею частью пустымъ звукомъ. Мнѣніе свое о непригодности очерковъ литературы и искусства въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, референтъ доказывалъ прочитанными имъ примѣрами изъ руководства Д. И. Иловайскаго.

Пренія по реферату г. Гуревича резюмировалъ г. предсѣдатель. Главная причина разногласія референта съ оппонентами состояла въ томъ, что вопросъ поставленъ Я. Г. Гуревичемъ на абстрактную почву. Изъ всего сказаннаго по поводу реферата ясно только одно, а именно: необходимость прочно установить матеріалъ историческаго преподаванія въ средней школѣ. Въ этомъ отношеніи хорошимъ примѣромъ для Историческаго Общества, по мнѣнію г. предсѣдателя, могла бы служить дѣятельность особой секціи преподавателей исторіи при учебномъ отдѣлѣ Московскаго Общества распространія техническихъ знаній. Члены этой секціи поставили своей задачей выработку общей нормальной программы исторіи и составленіе учебника, который соотвѣтствовалъ бы такой программѣ.

4. Приступлено къ баллотировкѣ гг. кандидатовъ въ члены Общества, предложеннымъ на прошлыхъ общихъ собраніяхъ 21 марта и 18 апрѣля. Г-жа Валобанова и г. Флексеръ оказались избранными большинствомъ голосовъ, гг. Анненскій, Аванасьевъ, Кедровъ, Петерсъ, Сиповскій, Сомовъ, Ткачевъ, Федоровъ — единогласно.

5. Предложены новые кандидаты въ члены Общества: гг. Мищенко и Погодинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ протоколу IX засѣданія ¹⁾).

Прошу позволенія, сказать нѣсколько словъ въ защиту того метода, по какому составленъ учебникъ исторіи Иловайскаго. Г. референтъ прочелъ нѣ-

¹⁾ Печатаемая здѣсь записка, составленная б. профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи Н. И. Барсовымъ, прислана была при письмѣ на имя предсѣдателя Общества. Г. Барсовъ присутствовалъ въ засѣданіи

сколько выдержекъ изъ него и замѣтилъ, что лучше вовсе не упоминать въ учебникѣ о Гёте и Кантѣ, нежели говорить о нихъ такъ, какъ сказано у Иловайскаго. Я думаю, что о Гете и Кантѣ, равно какъ и о другихъ подобныхъ историческихъ личностяхъ, не упоминать въ гимназическихъ курсахъ исторіи невозможно, и говорить объ нихъ слѣдуетъ именно такъ, какъ сказано у Иловайскаго,—не въ болѣешихъ разиѣрахъ. Такъ думаю я по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Средній или гимназическій курсъ *исторіи* долженъ представлять *полный обзоръ* исторіи; въ немъ должно найти себѣ мѣсто все *историческое*, всѣ лица и событія, имѣющія историческое значеніе. Учебникъ исторіи долженъ имѣть характеръ компендіума, т.-е. сжатого, компактнаго изложенія фактовъ въ ихъ прагматической связи. Онъ не можетъ *специализировать* учащихся, но долженъ ихъ *ориентировать* въ исторіи, во всемъ ея объемѣ, дать первоначальныя *свѣдѣнія* о каждомъ лицѣ и событіи, имѣющимъ всемірно-историческое значеніе. А сдѣлать это возможно не иначе, какъ слѣдуя тому методу, какого держится, между прочимъ, Иловайскій. Съ точки зрѣнія интересовъ общаго (средняго) образованія достаточно *знать*, что тамъ-то, тогда-то жилъ поэтъ и мыслитель Гёте, написавшій такіа-то сочиненія, изъ которыхъ въ главномъ развивается такая-то идея и т. д. И знать это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ ничего не знать о Гёте: услышавъ въ разговорѣ или прочитавъ въ книгѣ имена Гёте, Фауста—окончившій курсъ гимназіи не будетъ невѣжественно недоумѣвать: кто былъ Гете? Кто такой Фаустъ? Ознакомленіе съ Фаустомъ специальное, съ цѣлью эстетическаго впечатлѣнія, относится къ внѣкласснымъ занятіямъ гимназиста, т.-е. къ самостоятельному чтенію (для чего при гимназіяхъ существуютъ ученическія библіотеки), а при компендіумахъ исторіи прилагаются списки историческихъ сочиненій, вообще къ области самообразованія или же къ области спеціальнаго университетскаго курса по исторіи всеобщей литературы.

2. Замѣчанія Якова Григорьевича даютъ основаніе предполагать, что онъ склоняется въ пользу эпизодическаго метода изложенія исторіи въ гимназическомъ курсѣ. Мнѣ кажется, что споръ о томъ, какой методъ лучше и цѣлесообразнѣе—эпизодическій или прагматическій, старинный споръ педагоговъ, уже взвѣшенный судьбою. Я лично стоялъ за методъ систематическій еще въ то время, къ которому относится первый рефератъ достопочтеннаго референта по этому предмету—въ бытность мою членомъ Спб. Педагогическаго Собранія при 2-й Спб. Гимназіи (въ 1864—1865 годахъ), гдѣ я развивалъ тѣ же воззрѣнія по этому предмету, какія высказываю теперь. Я

25 апрѣля и изложилъ въ этой запискѣ нѣкоторые свои взгляды по поводу реферата г. Гуревича. Комитетъ, въ засѣданіи своемъ 5 мая, постановилъ приобщить ее къ протоколамъ и вмѣстѣ съ ними напечатать, если авторъ дастъ на это свое согласіе. Записка печатается въ настоящее время съ согласія Н. И. Барсова.

думаю, что прагматическій или систематическій методъ изложенія исторіи въ гимназическомъ курсѣ составляетъ одинъ изъ тѣхъ элементовъ *научности*, которые сколько возможны, столько же необходимы въ гимназическомъ преподаваніи. Прагматическій методъ изложенія исторіи способствуетъ приученію учениковъ къ стройному логическому мышленію, составляющему одну изъ цѣлей средняго (какъ и высшаго) образованія, наименѣе, къ сожалѣнію, достигаемую. Въ интересахъ этой цѣли, я въ томъ же Педагогическомъ Собраніи стоялъ за систематическое изложеніе *теоріи* словесности, расходясь во взглядахъ на этотъ предметъ съ такими уважаемыми педагогами, какъ покойные В. И. Водовозовъ и В. Я. Стоюнинъ, и настаивая, чтобы за изученіемъ образцовъ словесности и одновременно съ нимъ дѣлался синтезъ теоретическихъ понятій о родахъ и видахъ словесности. Это, впрочемъ, я проросъ.

3. Другой элементъ научности гимназическаго курса исторіи предполагается самъ собою: это—безусловная истинность фактовъ, въ немъ излагаемыхъ. Конечно, никто не станетъ въ настоящее время, послѣ изслѣдованій Нибура и Моизена, излагать исторію Рима, довольствуясь Титомъ-Ливіемъ, или, послѣ сочиненій Соловьева и Костомарова, излагать исторію Россіи на основаніи одной «Степенной книги».

4. Что касается высшихъ элементовъ научности въ исторіи, каково философское толкованіе общихъ законовъ историческаго развитія человѣчества или опредѣленія культурно-историческихъ типовъ, то изъ нихъ нѣчто можетъ имѣть мѣсто въ общеобразовательномъ или среднемъ курсѣ исторіи, именно все то, что можетъ быть изложено въ догматической формѣ, въ видѣ синтетическихъ положеній: во всякомъ случаѣ, и среднему курсу должна быть присуща общая основная идея историческаго развитія человѣчества, будетъ ли то идея предестинаціи и Вожеественнаго Промысла, какъ у Боссюэта (причемъ такая идея можетъ быть научно обоснована,—у Боссюэта она—предвзятая идея), или какая-либо иная, боклевская и т. д. Необходимо въ этомъ случаѣ лишь одно — чтобы всѣ, вносимыя въ средній курсъ исторіи теоретическія обобщенія составляли *общепризнанныя въ наукѣ и неоспоримыя истины*, а не личные и субъективныя гипотезы, которыя могутъ имѣть мѣсто лишь въ академическомъ или факультетскомъ преподаваніи, гдѣ по праву господствуетъ методъ аналитическихъ изысканій и проблемъ. Такія вышеупомянутыя теоретическія обобщенія, ученія объ основныхъ законахъ исторіи, въ среднемъ курсѣ уместны настолько, насколько уместны и возможны въ гимназическомъ курсѣ всякаго рода теоретическія ученія—напримѣръ, ученіе о законахъ и формахъ мышленія (логика) или ученіе о законахъ челоѣческаго духа (психологія).

5. Я согласенъ съ тѣмъ, что въ учебникѣ Иловайскаго, при классныхъ занятіяхъ, какъ и во всякомъ учебникѣ, возможны и купюры, и амплификаціи. Первые возможны и законны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда та или иная часть исторіи всеобщей или русской совпадаетъ съ содержаніемъ другого

какого-либо курса исторіи или теоріи словесности. Можно говорить въ классѣ всеобщей или русской исторіи о Гёте, Клопштокѣ и т. д., но если эти писатели трактуются и въ классѣ литературы, преподаватель исторіи можетъ умолчать о нихъ, хотя въ учебникѣ исторіи и о нихъ должно быть сказано кратко, ради полноты историческаго курса. Въ этомъ случаѣ все зависить отъ строгого согласованія одного курса съ другими. Программы всеобщей и русской исторіи должны быть составляемы не независимо одна отъ другой, а одновременно, по взаимному соглашенію преподавателей того и другого предмета, именно съ цѣлью избѣжать повторенія одного и того же обоеими. Что касается анплификацій, то отъ преподавателя исторіи зависить отъ времени до времени пополнять новыми подробностями содержаніе учебника.

Затѣмъ, возвращаясь къ оцѣнкѣ учебника исторіи Иловайскаго, по поводу сказаннаго о немъ референтомъ, нельзя не замѣтить, что при своихъ достоинствахъ системы и прагматическаго построенія (хорошій компендіумъ, вполне прагматически построенный) и изложенія (ясность и строгая пропорціональность въ распредѣленіи предметовъ), онъ далекъ отъ совершенства со стороны должной полноты матеріала. Особенно это слѣдуетъ сказать объ учебникахъ (и другихъ авторовъ) по русской исторіи. Какая громадная масса новаго историческаго матеріала, изданнаго въ послѣдніе лѣтъ тридцать—сорокъ, не эксплуатирована не только для средняго, но и для высшаго курса исторіи! Какая масса монографій, давшихъ новыя цѣнныя приобрѣтенія въ области историческихъ обобщеній, не утилизирована для прагматическихъ курсовъ исторіи! Исторія *учрежденій* крайне скудна и не обработана почти во всѣхъ нашихъ курсахъ. Въ этомъ случаѣ, программа курса «Исторіи Франціи» Рамбо можетъ быть поставлена въ образецъ и должна служить упрекомъ какъ составителямъ учебниковъ по русской исторіи, такъ и авторамъ университетскихъ компендіумовъ; съ этой точки зрѣнія, даже учебникъ Трачевскаго, несмотря на всѣ его недостатки, стоитъ выше учебниковъ Иловайскаго.

Протоколъ X (открытаго) Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 12 сентября 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 17 членовъ.

1. Прочитанъ, утвержденъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.
2. По предложенію г. предсѣдателя, Собраніе почтило память покойнаго члена-учредителя Общества И. П. Минаева вставаніемъ.
3. Приступлено къ баллотировкѣ предложенныхъ на прошломъ Общемъ Собраніи 25 апр. гг. Мищенка и Погодина: и тотъ, и другой оказались избранными единогласно.

4. Е. А. Бѣловъ прочелъ рефератъ объ историческомъ значеніи царствованія Ивана Грознаго (см. прил.). По прочтеніи реферата г. референту возражали гг. Шмурло и Гуревичъ. По мнѣнію Е. Ф. Шмурло, личность Грознаго нельзя объяснять преимущественно какою-либо *одною* стороною его дѣятельности, хотя бы это и была борьба со стремленіями боярства. Личность Грознаго болѣе чѣмъ какую иную необходимо изучать въ тѣсной зависимости отъ времени. А тогдашнее время предъявляло цѣлый рядъ сложныхъ требованій. Выработывались новыя понятія о верховной власти, сознавалась потребность въ торговыхъ сношеніяхъ, политическихъ союзахъ; да и изъ самой церкви, помощницы, сторонницы верховной власти, стараются сдѣлать сознательно служебный органъ. Насколько же отвѣчалъ этимъ сложнымъ задачамъ Иванъ Грозный? По мнѣнію г. Шмурло, его нельзя считать неспособнымъ, но и не слѣдуетъ производить въ геніи. Будь царь Иванъ вполнѣ на высотѣ своей задачи, онъ не внесъ бы личнаго раздраженія въ борьбу съ боярствомъ. Отрицательное отношеніе къ Грозному нѣкоторыхъ изъ представителей нашей исторіографіи, по словамъ оппонента, объясняется тѣмъ, что въ царѣ Иванѣ Васильевичѣ видѣли человѣка, оказавшагося ниже своего положенія, къ тому же богатаго личными недостатками; наоборотъ, сочувствіе къ Ивану вытекало изъ взгляда на него, какъ на историческаго дѣятеля, на долю котораго выпала тяжелая и почетная роль рѣшать насущныя и серьезныя задачи своего времени. Между тѣмъ, русскій царь не виноватъ, что таковыя во всемъ ихъ объемѣ оказались ему не по плечу, но и заслугу въ посильномъ ихъ выполненіи онъ долженъ раздѣлить. На замѣчанія г. Шмурло, Е. А. Бѣловъ отвѣчалъ, что всѣ событія царствованія Грознаго или истекаютъ прямо изъ его столкновеній съ боярствомъ, или группируются около этихъ столкновеній и отъ нихъ получаютъ свою окраску; поэтому пониманіе значенія царствованія Грознаго во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ уясненія означенныхъ столкновеній.

Я. Г. Гуревичъ замѣтилъ, что въ рефератѣ г. Бѣлова остаются невыясненными отношенія боярства къ земщинѣ, хотя, судя по третьему тезису, и можно было бы ожидать отъ г. Бѣлова разработки этого вопроса. Кромѣ того, по мнѣнію г. оппонента, г. Бѣловъ выяснилъ не столько вопросъ о значеніи царствованія Грознаго, сколько вопросъ о его характерѣ въ нашей исторической литературѣ. Наконецъ, подробный критическій разборъ нѣсколькихъ мелочныхъ показаній кн. Курбскаго занялъ слишкомъ большое мѣсто въ прочитанномъ рефератѣ. На замѣчанія г. Гуревича Е. А. Бѣловъ отвѣчалъ, что по недостатку времени не успѣлъ коснуться вопроса объ отношеніяхъ боярства къ защитѣ, хотя онъ и разобралъ въ рукописномъ изложеніи его реферата. Что же касается до Курбскаго, то его сочиненія—чрезвычайно важный источникъ по исторіи царствованія Ивана Грознаго и заслуживаютъ подробнаго разбора.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Тезисы къ реферату Е. А. Бълова.

1. Отсутствие въ литературѣ опредѣленнаго, т.-е. прочно установившагося мнѣнія о значеніи царствованія Грознаго зависитъ болѣе всего отъ того, что не выяснены стремленія боярства, съ которыми у него шла борьба.

2. Приписываніе боярству защиты земскихъ началъ никакими существенными доказательствами не подтверждается.

3. Одна безпристрастная оцѣнка отношеній удѣльныхъ князей и дружинниковъ къ городскимъ общинамъ и къ народу можетъ дать твердую точку опоры къ выясненію событій царствованія Грознаго.

4. Замѣчаніе Кавелина, что событія царствованія Грознаго иллюстрируются событіями смутнаго времени, глубоко вѣрно.

5. При оцѣнкѣ личности Грознаго, смѣшеніе элементовъ этического и политическаго только запутываетъ объясненіе событій царствованія Грознаго, не принося ни малѣйшей пользы нравственности.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Замѣчаніе Е. А. Бълова по поводу § 4 протокола.

По прочтеніи протокола засѣданія 12 сентября въ засѣданіи 10 октября, Е. А. Бъловъ выразилъ желаніе сказать нѣсколько словъ по поводу 4 пункта этого протокола, послѣ чего имъ доставлена было для приложенія къ протоколу слѣдующая записка: «Если я говорилъ болѣе о личности Грознаго, чѣмъ о значеніи его царствованія, то это обстоятельство обуславливалось содержаніемъ реферата, озаглавленнаго: «Вопросъ о значеніи царствованія Грознаго въ *русской исторической литературѣ*». Самые объективные историки, говорившіе о Грозномъ, значенія царствованія не опредѣляли. Такъ Соловьевъ и Веструевъ-Рюминъ, въ концѣ концовъ, заняты болѣе опредѣленіемъ личности Грознаго, чѣмъ значеніемъ его царствованія, столь обильнаго послѣдствіями. У меня приведены были мнѣнія Нибура, Ренана и Бокля о томъ, какъ ошибочно судить историческія личности по ихъ нравственности. Что касается до вопроса объ отношеніяхъ московскаго боярства къ земству, то объ этихъ отношеніяхъ у меня не только есть въ рукописи, какъ сказано въ протоколѣ, но этихъ отношеніяхъ посвящена вся третья глава моего труда *Объ историческомъ значеніи русскаго боярства* (Ж. М. Н. Пр. за 1886 г., мартъ и III гл. въ отдѣльномъ изданіи)».

Протоколъ XI (открытаго) Общаго Собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 10 октября 1890 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 14 членовъ.

1. Прочитанъ и подписанъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что Маковская Академія предлагаетъ Историческому Обществу принять участіе въ празднованіи юбилея Ламартина и что Комитетъ рѣшилъ послать Академіи поздравительную телеграмму по этому поводу.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что по случаю пятидесятилѣтняго юбилея академика А. Ѳ. Бычкова юбиляру принесено словесное поздравленіе и отъ Историческаго Общества.

4. Заявлено предложеніе г. Мищенко высылать ученыя записки Казанскаго Университета въ бібліотеку Общества взаимнъ изданій Общества; сдѣланы также пожертвованія въ бібліотеку г. Сапуновымъ 10 сочиненій, М. И. Семеновымъ, г. Столыпинымъ, В. Г. Дружининымъ и Х. М. Лопаревымъ ихъ послѣднихъ изданій и сочиненій. Постановлено: принять предложеніе г. Мищенко и благодарить его, а также выразить благодарность гг. Семенову, Столыпину, Дружинину и Лопареву.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что на расходы по изданію Сборника сдѣланы пожертвованія: Ек. Сем. Котляревской — 100 рублей, Я. Г. Гуревичемъ — 100 рублей, Л. Ѳ. Пантелѣевымъ — 15 рублей. Печатаніе сборника уже началось: отпечатано 6 листовъ.

6. Г. Вѣловъ выразилъ желаніе сдѣлать добавленіе къ протоколу прошлаго собранія, причѣмъ указалъ, что вопросы, которые, по мнѣнію г. Гуревича, пропущены были въ его изустномъ сообщеніи, не только помѣщены были въ его рукописи, но и обсуждались имъ печатно.

7. Приступлено было къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе. П. В. Голубовскій, В. С. Иконниковъ, Е. А. Соловьевъ и В. Е. Якушкинъ оказались избранными единогласно, А. С. Хахановъ — большинствомъ голосовъ.

8. Предложены слѣдующіе кандидаты въ члены Историческаго Общества: С. Д. Ахшаруновъ, Г. В. Бартольдъ, С. М. Георгіевскій, Е. І. Лизачева, О. М. Петерсонъ, Г. И. Перетятковичъ, А. А. Чебышевъ, въ члены соребнователи — Е. С. Котляревская.

9. Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ сообщеніе о послѣднихъ трудахъ по исторіи Франціи въ XVIII вѣкѣ, а П. Д. Погодинъ сообщилъ свои замѣчанія на книгу Ласпати объ осадѣ и взятіи Константинополя турками въ 1453 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ сообщеніе о послѣднихъ трудахъ по исторіи Франціи къ XVIII в., которые посвящены, главнымъ образомъ, исторіи революціи и изслѣдованіямъ въ области «старого порядка». Референтъ предположилъ своему сообщенію нѣсколько словъ о томъ, что по принятому Обществомъ плану занятій время-отъ-времени въ собраніяхъ членовъ Общества будутъ читаться рефераты о современномъ состояніи отдѣльныхъ областей исторической науки, и что уже намѣчены еще подобныя сообщенія для ближайшаго будущаго. Самый рефератъ Н. И. Карѣва заключался въ краткомъ изложеніи статьи его, предназначенной для напечатанія въ сборникѣ, причемъ цѣликомъ были прочитаны нѣкоторые отрывки.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

По поводу новой книги г. Паспати «Объ осадѣ и взятіи Константинополя турками въ 1453 г.».

Приступая къ разбору книги г. Паспати объ «Осадѣ и взятіи Константинополя турками», референтъ указалъ на всемірное значеніе этого событія и на глубину впечатлѣнія, произведеннаго имъ на современниковъ, какъ на причины обилія, разнородности и разноязычности источниковъ, существующихъ по этому предмету. Въ общей характеристикѣ сочиненій, посвященныхъ обработкѣ этихъ источниковъ, были обозначены границы, до какихъ дошли изслѣдователи, и намѣчена область, или совершенно незатронутая учеными, или недостаточно ими обслѣдованная. На основаніи этого были указаны недостатки работы г. Паспати, выражавшіеся въ допущенныхъ имъ пробѣлахъ, а затѣмъ приступлено къ оцѣнкѣ содержимаго книги. Самой сильной стороной признана разработка вопросовъ археологическихъ и топографическихъ, въ остальномъ же сочиненіе представляетъ самый обыкновенный сводъ источниковъ, ни по полнотѣ, ни по тщательности исторической критики, ни по характеру изложенія не могущій занять перваго мѣста между разсказами, существовавшими раньше. Не вдаваясь въ мелочную оцѣнку и опроверженіе подробностей, какъ, напр., неправильное исчисленіе г. Паспати византійскаго народонаселенія, оставляя въ сторонѣ пробѣлы и недочеты въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, какъ, напр., дѣла Луки Нотары, для чего г. Паспати не было привлечено даже надгробное слово Іоанна Мосха, референтъ обратилъ вниманіе на то, кто былъ истинными зачинщиками въ послѣдней борьбѣ, турки или греки. По мнѣнію референта, обвиненіе въ этомъ грековъ неспра-

ведливо, такъ какъ основаніемъ ему служитъ единственно показаніе Дуки. Показаніе это должно быть отвергнуто, 1) потому что оно исходитъ отъ лица, враждебно настроеннаго противъ Византіи и окрасившаго своею неприязнью къ ней все свое сочиненіе о послѣднихъ дняхъ Восточной Имперіи, 2) потому что оно стоитъ одиноко между остальными источниками, изъ которыхъ одни прямо, другіе косвенно его опровергаютъ, наконецъ 3) потому что оно не соответствуетъ наличности тогдашнихъ историческихъ условій.

Примѣчаніе. Протоколы ноябрьскихъ и декабрьскаго засѣданій Историческаго Общества будутъ напечатаны вѣстѣ съ протоколами 1891 г.

Систематическій указатель исторической литературы.

Коллективная работа надъ составленіемъ исторической библіографіи, предложенная Историческому Обществу проф. Н. И. Карѣвымъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій ¹⁾, должна въ настоящее время считаться имѣющею шансы быть доведенною до конца. Уже въ томъ засѣданіи, въ которомъ поднятъ былъ вопросъ объ этой работѣ, образовалась для веденія дѣла особая «библіографическая коммиссія», имѣвшая въ 1890 г. четыре засѣданія (14 февр., 18 апр., 5 мая и 3 окт.) для выработки общаго плана изданія и опредѣленія состава сотрудниковъ. Независимо отъ этого, во время пребыванія своего на VIII археологическомъ сѣздѣ въ Москвѣ въ январѣ 1890 г. проф. Карѣвъ заручился общаніемъ сотрудничества со стороны многихъ иногородныхъ ученыхъ, причѣмъ тогда же происходили совѣщанія о планѣ изданія, въ конѣхъ принимали дѣятельное участіе профессора всеобщей исторіи П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, Н. И. Карѣвъ, И. В. Лучицкій и Н. Н. Любавичъ. Результатомъ этихъ совѣщаній является общій планъ изданія, который былъ рассмотрѣнъ и дополненъ въ первомъ-же засѣданіи библіографической коммиссіи и затѣмъ въ гектографированномъ видѣ разосланъ всѣмъ какъ раньше давшимъ свое общаніе, такъ и вновь приглашеннымъ сотрудникамъ. Нѣкоторые замѣчанія, присланные сотрудниками (особенно замѣчанія прив.-доц. русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ П. Н. Милюкова), заставили библіографическую коммиссію произвести въ первоначальной редакціи плана кое-какія измѣненія, съ каковыми мы его здѣсь и приводимъ.

1. Историческое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ издаетъ въ видѣ книги разнѣрами около 25 листовъ историческую библіографію подъ названіемъ «Систематическаго Обзора Исторической Литературы».

2. Книга эта будетъ составлена совокупными трудами специалистовъ отдѣльныхъ областей исторіи.

¹⁾ См. выше, отд. II, стр. 10 и 19.

3. При составленіи книги будутъ имѣться въ виду вообще потребности образованной публики, въ томъ числѣ преподавателей исторіи и студентовъ.

4. Поэтому въ библіографію эту должны попасть только такіа сочиненія, которыя могутъ считаться въ каждомъ отдѣлѣ наиболѣе важными и общими.

5. Указанія дѣлаются только на книги, написанныя или переведенныя по русски, по французски, по нѣмецки, по англійски, по итальянски, по польски и по латыни, а также книги на другихъ славянскихъ языкахъ по соотвѣтственнымъ національнымъ исторіямъ. Историческія книги, переведенныя съ одного изъ иностранныхъ языковъ на русскій, должны быть необходимо отиѣчены въ библіографіи

6. Желательно, чтобы въ каждомъ (особенно въ крупномъ) отдѣлѣ библіографическимъ указаніямъ была предпослана маленькая исторіографическая зашѣтка. Кроме того, необходимо отиѣчать изданія, въ коихъ можно находить болѣе подробныя указанія на литературу предмета.

7. Библіографическія указанія будутъ сопровождаться краткими характеристиками, въ коихъ на первомъ мѣстѣ должны стоять содержаніе книги и особенности ея отношенія къ предмету. Размѣры такихъ отиѣтокъ предполагаются отъ трехъ-четырехъ строкъ до цѣлой страницы въ 2—2¹/₂ тысячи буквъ. (Принимая въ книгѣ 400 стр. и 3—4 указанія среднимъ числомъ на каждой страницѣ, получимъ около 1500 библіографическихъ отиѣтокъ во всей книгѣ).

8. Указанія эти дѣлаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

А. Сочиненія по теоріи и философіи исторіи.

В. Историческая географія.

С. Первобытная культура.

Д. Всеобщія исторіи.

Е. Исторія Востока:

а) Общія исторіи Востока.

б) Исторіи отдѣльных странъ (Китай и Японія, Индія, Египетъ, Вавилоно-Ассирія, Иранъ, Семины, Аравія и Исламъ, Средняя Азія, Турція).

Ф. Европейская исторія:

а) Исторія классическаго міра вообще.

б) Исторіи Греціи и исторіи Рима.

с) Христіанство.

д) Средніе вѣка вообще и отдѣльныя эпохи среднихъ вѣковъ для всѣхъ странъ (напр., переселеніе народовъ, крестовые походы, католическая культура и т. п.)

е) Новая исторія вообще и отдѣльныя ея эпохи по всѣмъ странамъ (Возрожденіе, реформація и католическая реакція, просвѣщеніе XVIII в. и т. д.)

f) Исторіи отдѣльныхъ странъ (Византія и Юго-славяне, Скандинавія, Польша, Чехія, Венгрія, Германія съ Австріей, Швейцарія, Нидерланды, Франція, Италія, Пиренейскій полуостровъ, Великобританія).

G. Америка и Австралія.

Отдѣлъ, посвященный русской исторіи, долженъ занимать около одной трети всей книги. Отдѣлъ этотъ располагается въ слѣдующемъ порядкѣ:

A. Источниковѣдѣніе и исторіографія.

B. Историческая географія и этнографія.

B. Общія исторіи Россіи.

Г. Востокъ Европы до IX в. по Р. X.

Д. Специальныя сочиненія по исторіи Россіи:

I. Политическая исторія: 1) Кіевской Руси, 2) Новгородской Руси, 3) Литовской Руси, 4) Суздальской и Московской Руси и 5) Петербургскаго періода.

II. Внутренняя исторія: 1) хозяйственный бытъ, 2) юридическій бытъ, 3) духовная культура (съ подраздѣленіемъ на общія и специальныя сочиненія).

E. Исторія областей со времени ихъ присоединенія: 1) Финляндія, 2) Прибалтійскій край, 3) Западный край, 4) Царство Польское, 5) Малороссія, 6) Новороссія и Крымъ, 7) Донская область, 8) Кавказъ, 9) Среднеазиатскія владѣнія, 10) Сибирь.

9. Настоящій планъ разсылается всѣмъ лицамъ, выразившимъ согласіе на участіе въ составленіи библіографіи или еще только могущимъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Сотрудники приглашаются сдѣлать свои замѣчанія по поводу отдѣльныхъ статей плана и прислать въ Историческое Общество точное заглавіе о томъ отдѣлѣ, который на себя берутъ, съ простымъ спискомъ книгъ, предполагаемыхъ быть включенными въ библіографію. (Адресъ предсѣдателя Общества профессора Н. И. Карѣева: С.-Петербургъ, Ждановская ул., д. № 7).

10. Редактированіемъ библіографіи занимается составившаяся уже коммиссія при постоянномъ участіи всѣхъ сотрудниковъ и при ближайшемъ завѣдываніи всѣмъ дѣломъ со стороны коллективной редакціи, состоящей по меньшей мѣрѣ изъ трехъ лицъ. Въ составъ редакціи долженъ входить специалистъ по русской исторіи.

11. Списки книгъ, составленные сотрудниками, будутъ разсланы имъ, по приведеніи этихъ списковъ въ порядокъ, дабы редакція могла воспользоваться новыми, со стороны сотрудниковъ, замѣчаніями.

12. Въ случаѣ надобности, редакція дѣлаетъ измѣненія въ доставленныхъ ей рукописяхъ только по соглашенію съ сотрудниками.

13. Всѣ вопросы, касающіеся изданія библіографіи, рѣшаются Общимъ Собраніемъ, до свѣдѣнія котораго доводятся и всѣ дѣйствія какъ библіогра-

фической комиссіи, такъ и редакціи. Печатаіе книги должно происходить подъ ближайшимъ надзоромъ комитета и при участіи библіографической комиссіи.

14. Сотрудникамъ доставляется послѣдняя корректура ихъ отдѣловъ. Число безплатныхъ экземпляровъ, на которые нужно предоставить право каждому сотруднику, должно быть опредѣлено Общимъ Собраніемъ Общества по предложенію комитета Общества и библіографической комиссіи.

15. На библіографическую комиссію возлагается обязанность привлеченія новыхъ сотрудниковъ, списокъ книгъ долженъ быть окончательно опредѣленъ какъ можно скорѣе, съ обозначеніемъ взятыхъ ими на себя отдѣловъ.

Въ видѣ прилѣга къ этому плану были приложены, при его разсылкѣ сотрудникамъ, «пробныя страницы», составленныя проф. П. Г. Виноградовымъ и проф. Н. И. Карѣвымъ, изъ книгъ первый разобралъ нѣсколько сочиненій по начальной исторіи среднихъ вѣковъ, а второй — главнѣйшіе и наиболѣе общіе труды по исторіи Польши въ эпоху раздѣловъ.

Такъ какъ отдѣлъ всеобщей исторіи былъ организованъ съ самаго же начала во время московскихъ совѣщаній, то главною задачею библіографической комиссіи въ 1890 г. было организовать отдѣлъ русской исторіи, а это прежде всего требовало выработки схемы, въ которой могъ бы быть уложенъ весь матеріалъ по русской исторіи. Редакція пока не образовалась, такъ какъ организационныя работы еще не окончены. Тѣмъ не менѣе, въ библіографическую комиссію стали постулатъ списки книгъ, требуемые § 9 плана, чѣмъ и положено начало самому дѣлу составленія систематическаго обзора. Списокъ сотрудниковъ тоже окончательно еще не установился, но вообще можно сказать, что всѣ научныя силы, книгъ по количеству работы будутъ принадлежать главнымъ мѣстамъ во всемъ предпріятіи, въ настоящее время уже въ сборѣ. Само собою разумѣется, что такое сложное дѣло, въ коемъ участіе должны принять лица, живущія въ разныхъ городахъ, не можетъ идти очень быстро, но библіографическая комиссія, а также, надѣмся, и будущая редакція указателя употребятъ всѣ усилія, чтобы Историческое Общество могло поскорѣе приступить къ печатанію этой книги. Приводимъ имена лицъ, уже обѣщавшихъ свое участіе въ составленіи библіографіи (по исторіи всеобщей) и взявшихъ на себя разные крупныя и мелкія ея отдѣлы, полагающіеся по плану: проф. Анучинъ (Д. Н.), проф. Бузескулъ (В. П.), Вѣловъ (Е. А.), проф. Васильевскій (В. Г.), проф. Виноградовъ (П. Г.), проф. Герье (В. И.), прив.-доц. Гревсъ (И. М.), Гуревичъ (Я. Г.), проф. Карѣвъ (Н. И.), прив.-доц. Корелинъ (М. С.), магистрантъ Лопаревъ (Х. М.), прив.-доц. Лемъ (О. Э.), проф. Любовичъ (Н. Н.), проф. Луицкій (И. В.), проф. Миллеръ (В. Ѳ.), прив.-доц. Михайловскій (В. М.), проф. Мищенко (Ѳ. Г.), прив.-доц. Ольденбургъ (С. Ѳ.), проф. Павинскій (А. И.), проф. бар. Розень (В. Р.), магистрантъ Степановъ (С. Л.), проф. Трачевскій (А. С.), проф. Троицкій (И. Е.), проф. Успенскій (Ѳ. И.), прив.-доц. Форстенъ (Г. В.),

проф. Фортинскій (Θ. Я.), прив.-доц. Фортунатовъ (С. Θ.), магистрантъ Щукаревъ (А. Н.).

Что касается до сотрудниковъ по обзору русской исторіографіи, то списокъ ихъ окончательно еще не установленъ, такъ какъ съ нѣкоторыми лицами, къ коимъ обратилась библиографическая коммиссія съ приглашеніемъ принять участіе въ работѣ, переговоры еще продолжались въ моментъ печатанія настоящей замѣтки. До сихъ поръ положительно общано сотрудничество проф. Бершадскій (С. А.), акад. Вестужевымъ-Рюминымъ (К. Н.), Бѣловымъ (Е. А.), прив.-доц. Голубовскимъ (П. В.), проф. Иконниковымъ (В. С.), прив.-доц. Лаппо-Данилевскимъ (А. С.), прив.-доц. Милюковымъ (П. Н.), Мякотинымъ (В. А.), проф. Перетятковичемъ (Г. И.), прив.-доц. Платоновымъ (С. Θ.), прив.-доц. Шмурло (Е. Ф.).

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1890 году.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ основано было въ самомъ концѣ 1889 года и вступило въ 1890 г. въ составъ 60 членовъ, изъ числа которыхъ для управленія его дѣлами на этотъ годъ были избраны слѣдующія лица на первомъ Общемъ Собраніи членовъ учредителей 26 ноября 1889 года: въ председатели Общества В. Г. Васильевскій, въ члены Комитета—С. А. Бершадскій, В. Г. Дружининъ, Н. И. Карѣвъ, С. Θ. Платоновъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло. Г. председатель и гг. члены Комитета на Общемъ Собраніи 6 декабря 1889 г. заявили, что слагаютъ съ себя возложенныя на нихъ званія. Послѣ происходившихъ по этому поводу новыхъ выборовъ, оказались избранными: въ званіе председателя Н. И. Карѣвъ, въ члены Комитета—С. А. Бершадскій, В. Г. Дружининъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. А. Меншуткинъ, Г. В. Форстенъ и Е. Ф. Шмурло. При распредѣленіи обязанностей между членами Комитета, въ засѣданіи Комитета того же 6-го декабря приняли на себя обязанности: товарища председателя—С. А. Бершадскій, секретаря—А. С. Лаппо-Данилевскій, казначея—В. Г. Дружининъ и библіотекаря—Е. Ф. Шмурло. Въ силу § 20 устава Общества по жребію выбываютъ изъ Комитета въ концѣ 1890 г.: В. Г. Дружининъ и Е. Ф. Шмурло. Къ концу отчетнаго года въ Обществѣ числилось 162 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ-сореферентъ. Кромя трехъ засѣданій, происходившихъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1889 года, Общество имѣло въ отчетномъ году (до конца ноября) 10 собраний, посвященныхъ съ одной стороны научнымъ сообщеніямъ и преніямъ по поводу ихъ, съ другой—обсужденію текущихъ дѣлъ.

Научныя сообщенія были сдѣланы слѣдующими членами Общества: Н. И. Карѣвымъ «О задачахъ Историческаго Общества» и «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки», С. А. Бершадскимъ «О крестьянскомъ хозяйствѣ въ Литвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка», С. Л. Степановымъ—«Объ Афинской высшей школѣ въ IV в. по Р. Хр.», Я. Г. Гуревичемъ—«Объ исторіи, какъ наукѣ и какъ предметѣ преподаванія», Х. М. Лопаревымъ—«О дневникѣ Ф. Кабрита 1788 г.», Е. А. Вѣловымъ «По вопросу о значеніи царствованія Грознаго въ русской исторической литературѣ», Н. И. Карѣвымъ—«О новѣйшихъ трудахъ по исторіи французской революціи», П. Д. Погодинымъ—«По поводу книги Паспати о взятіи Константинополя турками», Е. Н. Щенкиной—«О Тульскомъ уѣздѣ въ XVI—XVII вѣкахъ», А. М. Ону—«Объ историческомъ значеніи царствованія Іосифа II», Г. Е. Аванасьевымъ—«О pacte de famine» и Н. И. Карѣвымъ—«О новомъ предпріятіи въ области преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ». На сообщеніяхъ или преніяхъ по поводу ихъ, происходившихъ на четвертомъ, шестомъ, девятомъ, десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ Общихъ Собраніяхъ, присутствовала публика.

Кромѣ научныхъ сообщеній и преній по ихъ поводу, Общество занято было обсужденіемъ вопросовъ объ изданіи своихъ трудовъ и о составленіи систематическаго указателя исторической литературы. Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то рѣшено было ограничиться пока изданіемъ сборника, редакція котораго поручена была Комитету. Комитетъ рѣшилъ печатать сборникъ (въ количествѣ 800 экземпляровъ) въ кредитъ съ уплатою типографіи стоимости того количества экземпляровъ, которое предназначается на раздѣлу членамъ, и съ окончательною расплатою по счету типографіи въ іюлѣ 1892 г. Кромѣ того, была открыта подписка на покрытіе расходовъ по изданію сборника на случай дефицита или для послѣдующихъ изданій, если такового не окажется по сборнику 1890 г. По подпискѣ пожертвовали: Я. Г. Гуревичъ—100 р., Н. И. Карѣвъ—100 р., Е. С. Котляревская—100 руб., И. Е. Троицкій—50 руб., Л. Θ. Пантелѣевъ—15 руб., Г. Е. Аванасьевъ—15 руб., В. А. Майковъ—5 руб. Осенью 1890 г. Комитетъ приступилъ къ печатанію сборника, который долженъ будетъ выйти въ декабрѣ того же года. Рядомъ съ вопросомъ объ изданіи сборника, Общество обсуждало и вопросъ о составленіи систематическаго указателя исторической литературы. Для этихъ цѣлей составлена была особая коммиссія, которая въ отчетномъ году собиралась 4 раза (о ея дѣятельности см. выше особую записку).

Общество занято было также составленіемъ библіотеки. Она стала складываться въ отчетномъ году изъ 96 сочиненій въ числѣ 115 книгъ, пожертвованныхъ г. Вороновымъ, А. И. Сапуновымъ, С. А. Муромцевымъ, М. И. Семеновскимъ, Н. А. Поповымъ, Архивомъ Министерства Юстиціи, В. Г. Дружининымъ и М. А. Дьяконовымъ, г. Столыпинымъ, Таврическою Архивною Коммиссіей, Александровской публ. библіотекой въ Самарѣ, Н. И. Карѣвымъ,

Е. Ф. Шмурло, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, В. П. Бузескуломъ, С. А. Бершадскимъ, О. Г. Мищенкою, В. И. Адамовичемъ и Х. М. Лопаревымъ.

Средства Общества составлялись изъ членскихъ взносов и чрезвычайныхъ поступлений.

Приходъ Общества слѣдующій:

Годовыхъ взносовъ отъ членовъ Общества	550 р.	— к.
Пожертвованій на покрытіе расходовъ по изданіямъ Общества	385 »	— »
Итого	935 р.	— к.

Расходъ:

Печатаніе Устава	6 р.	— к.
Обзаведеніе канцеляріи	24 »	— »
Секретарю на расходы	15 »	— »
Почтовые расходы	23 »	89 »
Казначей по должности	— »	95 »
Вознагражденіе А. А. Кириллову за веденіе письменныхъ работъ	50 »	— »
Итого	119 р.	84 к.

Остатокъ на 1891 годъ 815 р. 16 к.

Протоколъ заведенія ревизіонной комиссіи 28 ноября 1890 г.

Ревизіонная комиссія, рассмотрѣвъ состояніе книгъ и провѣривъ счета казначея, а также и отчетъ секретаря Общества, нашла ихъ совершенно правильными и въ надлежащемъ порядкѣ. Библіотека же Общества не могла быть провѣрена за отсутствіемъ для нея отдѣльныхъ шкафовъ.

Евгеній Бьловъ.

С. Степановъ.

А. Покровский.

Примѣчаніе. Многія пожертвованныя книги въ моментъ ревизіи находились еще у жертвователей, такъ какъ помѣщеніе для библіотеки въ Университетѣ не было еще устроено, вслѣдствіе чего библіотека и не могла быть представлена ревизіонной комиссіи.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ВЪ 1890 Г.

1. *Предсѣдатель* — Николай Ивановичъ *Карпезъ*, проф. Петерб. Унив., чл.-учред. Ждановская, д. № 7.
2. *Товарищъ предсѣдателя* — Сергѣй Александровичъ *Бериадскій*, проф. Петерб. Унив., чл.-учред. В. О., Больш. пр., д. № 19/26.
3. *Секретарь* — Александръ Сергѣевичъ *Лапто-Данилевскій*, прив.-доц. Петерб. Унив., чл.-учр. Мытнинская набер., д. № 13.
4. *Казначей* — Василій Григорьевичъ *Дружининъ*, магистръ русской исторіи, чл.-учред. Сергѣевская, д. № 45.
5. *Библіотекаръ* — Евгеній Францевичъ *Шмурло*, прив.-доц. Петерб. Унив., чл.-учред. Знаменская, д. № 34.
6. Николай Александровичъ *Менишуткинъ*, проф. Петерб. Унив., чл.-учред. В. О., Кадетск. лин., д. № 25.
7. Георгій Васильевичъ *Форстенъ*, прив.-доц. Петерб. Унив., чл.-учред. Сергѣевская, д. № 81.

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ.

8. *Бестужевъ-Рюминъ*, Константинъ Николаевичъ, академикъ. В. О., 5 лин., д. № 62.
9. *Бубновъ*, Николай Михайловичъ, кандидатъ ист.-фил. фак. Сергѣевская, д. № 23.
10. *Бѣловъ*, Евгеній Александровичъ, преподаватель исторіи въ Имп. Алекс. Лицеѣ. В. О., Малый пр., д. № 15.

11. *Васильевскій*, Василій Григорьевичъ, акад. и проф. Петерб. Унив. Троицкая ул., д. № 27.
12. *Веселовскій*, Александръ Николаевичъ, акад. и проф. Петерб. Унив. В. О., 2 лин., д. № 37.
13. *Гревсъ*, Иванъ Михайловичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. В. О., 6 лин., д. № 15.
14. *Гуревичъ*, Яковъ Григорьевичъ, директоръ частной гимназiи въ Петербургѣ. Надеждинская, д. № 40.
15. *Дьяконовъ*, Михаилъ Александровичъ, проф. Дерптск. Унив.
16. *Замысловскій*, Егоръ Егоровичъ, б. проф. рус. ист. Петерб. Унив. В. О., 14 лин., д. № 31.
17. *Козеко*, Иванъ Алексѣевичъ, преподаватель исторiи. Царское Село, Магазинная, д. Кокорева.
18. *Ламанскій*, Владимiръ Ивановичъ, проф. Петерб. Унив. Коломенская ул., д. № 33.
19. *Мартенсъ*, Федоръ Федоровичъ, проф. Петерб. Унив. Пантелеймоновская, д. № 12.
20. *Минаевъ*, Иванъ Павловичъ († 1 iюня 1890 г.).
21. *Модестовъ*, Василій Ивановичъ, проф. Новорос. Унив.
22. *Мякотинъ*, Венедиктъ Александровичъ, канд. ист.-филол. фак. Коломенская, д. № 15.
23. *Ольденбургъ*, Сергѣй Федоровичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. В. О., 6 л., д. № 15.
24. *Платоновъ*, Сергѣй Федоровичъ, проф. Петерб. Унив. Уголь Ивановской и Ямской, д. № 18—29.
25. *Сертневичъ*, Василій Ивановичъ, проф. Петерб. Унив. Стремянная ул., д. № 19.
26. *Соколовъ*, Федоръ Федоровичъ, проф. Петерб. Унив. Историко-Филолог. Институтъ.
27. *Степановъ*, Сергѣй Лаврентьевичъ, магистрантъ всеобщ. ист. Артиллерійская, д. № 6.
28. *Троицкiй*, Иванъ Егоровичъ, проф. Петерб. Унив. Уголь 7-й улицы и Слоновой, д. № 16/22.
29. *Чечуминъ*, Николай Димитрiевичъ, магистръ рус. ист. Фурштатская, д. № 38.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

30. *Адамовичъ*, Василій Ивановичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Садовая ул., д. № 71, кв. 11.
31. *Андреева*, Александра Алексѣевна. Москва, Тверская, Брюсовъ пер., собств. домъ.

32. *Андреевскій*, Иванъ Ефимовичъ, директоръ Археолог. Инст. Большая Мастерская, д. № 10.
33. *Андреевъ*, Василій Алексѣевичъ, дѣйств. студ. Москов. Унив. Москва, Тверская, противъ дома Генералъ-Губернатора.
34. *Андреевъ*, Михаилъ Александровичъ, преподав. исторіи. Вас. Остр., 8 линія, д. № 47.
35. *Анненскій*, Иннокентій Ѳеодоровичъ, препод. рус. слов. Малая Итальянская. д. № 27.
36. *Антоновичъ*, Владиміръ Бонифатьевичъ, проф. унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
37. *Арсеньевъ*, Константинъ Константиновичъ, прис. пов. Вас. Островъ, 14 линія, д. № 23.
38. *Афанасьевъ*, Георгій Емельяновичъ, магистръ всеобщ. ист. Одесса, Общество взаимнаго кредита.
39. *Ахшарумовъ*, Семенъ Дмитріевичъ, бывш. преподаватель. Литейный, д. Удѣльн. Вѣд., кв. Тургольдъ.
40. *Балобанова*, Екатерина Вячеславовна. Торговая ул., д. № 25, кв. 2.
41. *Бартольдъ*, Георгій Владиміровичъ, канд. ист. фил. фак. Вас. Остр., 1 л., д. № 24.
42. *Беренштамъ*, Вильямъ Людвиговичъ, препод. рус. слов. Уголъ Вознесенскаго пер. и Екатерининскаго канала, д. № 12, кв. 23.
43. *Благовѣщенскій*, Николай Михайловичъ, б. проф. римской словесности. Ивановская ул., д. № 14, кв. 14.
44. *Борзаковскій*, Владиміръ Степановичъ. Захарьевская ул., д. № 33, кв. 3.
45. *Браудо*, Александръ Исаевичъ. библиот. публ. библ. Импер. публичная библіотека.
46. *Бузескулъ*, Владиславъ Петровичъ, проф. Харьк. Унив. Харьковъ, Университетъ.
47. *Бѣлозерская*, Надежда Александровна. Вас. Остр., 9 лин., д. № 20/22, кв. 38.
48. *Венеровъ*, Семенъ Афанасьевичъ, писатель. Лиговка, д. № 47.
49. *Веселовскій*, Николай Ивановичъ, проф. Петерб. Унив. Забалканскій пр., д. № 29, кв. 15.
50. *Винаверъ*, Максимъ Моисеевичъ, канд. правъ. Владимірская ул., д. № 2.
51. *Виноградоу*, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. Унив. Москва, Левшинскій пер., д. Ловцова.
52. *Гацисскій*, Александръ Серафимовичъ, чл. Стат. Комит. Нижн.-Новгородъ.
53. *Гейслеръ*, Александръ Ивановичъ, препод. Г. Кѣльцы.
54. *Георгіевскій*, Сергѣй Михайловичъ, проф. Петерб. Унив. Пушкинская, 22 (Пале-Рояль).
55. *Герасовъ*, Николай Николаевичъ, препод. русск. слов. Петерб. Сто-рова, Большой пр., д. № 86.

56. *Герасимовъ*, Осипъ Петровичъ, препод. исторіи. Москва, Арбатъ, уголь Спасопеск. пер., д. Львовой.
57. *Герье*, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. Унив. Москва, Гагаринскій пер., собственный домъ.
58. *Глинскій*, Борисъ Борисовичъ, редакторъ-изд. «Сѣвернаго Вѣстника», Троицкая ул., д. № 9.
59. *Голубовскій*, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
60. *Гольцевъ*, Викторъ Александровичъ, магистръ госуд. права. Москва, близъ Успенія на Могильцахъ, собственный домъ.
61. *Грефе*, Василій Германовичъ, преп. ист. Большая Конюшенная, д. № 13, кв. 42.
62. *Григоровичъ*, Иванъ Ивановичъ, препод. ист. Площадь Александринскаго театра, д. № 7.
63. *Гриневецкій*, Антонъ Мечиславовичъ, канд. ист. фил. фак. Вас. Остр., 10 л., д. № 43, кв. 38.
64. *Деревницкій*, Алексій Николаевичъ, прив. доц. Харьк. Унив. Харьковъ, Университетъ.
65. *Державинскій*, Николай Ѳеодоровичъ, препод. Военно-Юрид. Акад. Моховая ул., д. № 6.
66. *Дмитріевъ*, Николай Всеволодовичъ. Зданіе Главнаго Почтамта.
67. *Докучаевъ*, Тимѳей Васильевичъ, инспект. училища Св. Елены. Петерб. сторона, Церковная ул., д. № 13.
68. *Ефимовъ*, Василій Владиміровичъ, проф. Петерб. Унив. Невскій пр., д. № 158, кв. 3.
69. *Забѣлло*, Левъ Парменовичъ, канд. ист. фил. фак. Мойка, Крестьянскій банкъ.
70. *Иконниковъ*, Владиміръ Степановичъ, проф. Унив. Св. Владиміа. Кіевъ, Университетъ.
71. *Каминка*, Августъ Исааковичъ, канд. Унив.
72. *Кедровъ*, Алексій Константиновичъ, препод. исторіи. Вас. Островъ, Историко-Филологическій Институтъ.
73. *Кирпичниковъ*, Александръ Ивановичъ, проф. Новорос. Унив. Одесса, Университетъ.
74. *Клейбергъ*, Іосифъ Андреевичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Вас. Островъ, Средній пр., д. № 49, кв. 23.
75. *Коревъ*, Николай Николаевичъ, преп. ист. Почтамтская ул., д. № 12.
76. *Корелингъ*, Михаилъ Сергѣевичъ, прив.-доц. Моск. Унив. Москва, Скартертный пер., д. Спосниковой.
77. *Котляревскій*, Несторъ Александровичъ, магистрантъ всеобщей литературы. Малая Итальянская, д. № 2.
78. *Кракау*, Василій Александровичъ, дир. частн. гимн. В. О., 10 л., д. № 13.

79. *Крейсбергъ*, Александръ Романовичъ, пом. библ. Петерб. Унив. Вас. Островъ, Большой пр., д. № 11, кв. 6.
80. *Кутора*, Михайлъ Степановичъ, библ. Публич. библ. Имп. Публичная библіотека.
81. *Лакомте*, Михайлъ Алексѣевичъ. Иваново-Вознесенскъ, Владимирской губ.
82. *Латышевъ*, Василій Васильевичъ, пом. попечителя казанскаго учебнаго округа.
83. *Лесевичъ*, Владиміръ Викторовичъ, писатель. Потемкинская ул., д. № 13.
84. *Лисовскій*, Николай Михайловичъ, редакторъ «Библиографа». Забалканскій пр., д. № 7, кв. 13.
85. *Лихачева*, Елена Іосифовна. Фурштатская, собств. домъ.
86. *Лопаревъ*, Хрисанъ Меоодіевичъ, магистрантъ всеобщей исторіи. Вас. Островъ, уголъ 5 линіи и Академическаго пер., д. № 6—1, кв. 30.
87. *Лучицкій*, Иванъ Васильевичъ, проф. Унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
88. *Любовичъ*, Николай Николаевичъ, проф. Варш. Унив. Г. Варшава, Долгая, 28.
89. *Мандельштамъ*, Іосифъ Емельяновичъ, препод. рус. слов. Пажескій Корпусъ, кв. 33.
90. *Марковинъ*, Николай Ивановичъ. Малая Московская ул., д. № 2, кв. 20.
91. *Менжинскій*, Рудольфъ Игнатъевичъ, препод. исторіи. По 12-й ротѣ Измайловскаго полка, д. № 36.
92. *Мережко-скій*, Дмитрій Сергѣевичъ, канд. ист. фил. фак. Литейная ул., д. Мурузи.
93. *Миллеръ*, Всеволодъ Ѳеодоровичъ, проф. Моск. Унив. Москва, Покровка, Мошковъ пер., собственный домъ.
94. *Милюковъ*, Павелъ Николаевичъ, прив.-доц. Моск. Унив. Москва, Университетъ.
95. *Милюковъ*, Николай Кононовичъ, канд. Унив. Малая Московская ул., д. № 5.
96. *Минцловъ*, Рудольфъ Рудольфовичъ, прис. повѣр. Москва, Ново-Басманная, д. Крестовоздвиженскаго.
97. *Мирошниковъ*, Сергій Васильевичъ. Вас. Остр., 1 линія, д. № 56.
98. *Михайло-скій*, Викторъ Михайловичъ, прив. доц. Моск. унив. Москва, 2 прогимназія.
99. *Мищенко*, Ѳеодоръ Герасимовичъ, проф. Казанск. унив. Казань, Университетъ.
100. *Моревъ*, Дмитрій Дмитріевичъ, препод. полит. экономіи. Фонтанка, д. № 62. Петровское Коммерческое училище.
101. *Муромцевъ*, Сергій Андреевичъ, б. проф. римскаго права. Москва, Скатертный пер., собств. д.

102. *Мусинъ-Пушкинъ*, графъ Александръ Алексѣевичъ, пом. попеч. кiev-скаго учебнаго округа.
103. *Неслуховскій*, Францъ Карловичъ, препод. ист. Каменноостровскій пр., Лицей.
104. *Новодворскій*, Витольдъ Владиславовичъ, препод. ист. Петерб. сторона, Введенская, д. № 16, кв. 1.
105. *Ону*, Александръ Михайловичъ, канд. ист.-фил. фак. Адмиралтейскій каналъ, д. № 17, кв. 4.
106. *Острогорскій*, Викторъ Петровичъ, препод. рус. слов. Канонерская ул., уголъ Могилевской, д. № 7/2.
107. *Павинскій*, Адольфъ Ивановичъ, проф. Варш. Унив.
108. *Павловскій*, Алексѣй Андреевичъ, прив. доц. Петерб. Унив. Коломенская ул., д. № 7, кв. 8.
109. *Пальменъ*, проф. Гельсингфорскаго унив. Гельсингфорсъ, Университетъ.
110. *Пантелеевъ*, Лонгинъ Федоровичъ. Ямская, д. № 21, кв. 5.
111. *Перетятковичъ*, Георгій Ивановичъ, проф. Новороссійскаго Универс. Одесса, Университетъ.
112. *Петерсонъ*, Ольга Михайловна. Торговая, д. № 25/34, кв. 2.
113. *Петерсъ*, Александръ Александровичъ. Манежный пер., д. № 17, кв. 21.
114. *Поподинъ*, Петръ Дмитриевичъ, канд. ист.-фил. фак. Фонтавка, д. № 40, кв. 25.
115. *Покровский*, Алексѣй Ивановичъ, канд. ист.-фил. фак. Вас. Островъ, 6 линія, д. № 9.
116. *Попова*, Анна Петровна, преподавательница. Вас. Островъ, 2 линія, д. № 55/61, кв. 22.
117. *Поповъ*, Нилъ Александровичъ, директ. арх. мин. юст. Москва, Дѣвичье Поле, архивъ министерства юстиціи.
118. *Пташицкій*, Станиславъ Львовичъ, препод. рус. слов. Надеждинская ул., д. № 9, кв. 20.
119. *Раѣловъ*, Эрнестъ Львовичъ, библиот. Публ. Библ. Эртелевъ пер. д. № 9, кв. 20.
120. *Регель*, Василій Эдуардовичъ, пр.-доц. Петерб. Унив. Кирочная ул., д. № 3, кв. 20.
121. *Роговъ*, Павелъ Игнатовичъ, инсп. 1 кад. корп. Вас. Островъ, 1-й кадетскій корпусъ.
122. *Русановъ*, Николай Алексѣевичъ, упр. отд. крест. банка. Г. Псковъ, Крестьянскій банкъ.
123. *Сануновъ*, Алексѣй Парменовичъ, препод. ист. Витебскъ, Гимназія.
124. *Сепишиковъ*, Митрофанъ Ивановичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Гагаринская ул., д. № 34.
125. *Семевскій*, Михаилъ Ивановичъ, ред.-изд. «Русской Старины». Большая Подъяческая, д. № 7.

126. *Семевскій*, Василій Ивановичъ, докт. русской исторіи. Вас. Островъ, 2 линія, д. № 11.
127. *Сергѣевскій*, Николай Дмитріевичъ, проф. Петерб. Унив. Вас. Островъ, 3 линія, д. № 26.
128. *Середонинъ*, Сергѣй Михайловичъ, препод. ист. Инженерный замокъ, № 62.
129. *Сиповскій*, Василій Дмитріевичъ, директоръ Училища глухонѣмыхъ. Гороховая, д. Училища.
130. *Соколовскій*, Павелъ Александровичъ, библиотеч. Публ. Библиотеч. Артиллерійская ул., д. № 6.
131. *Соловьевъ*, Евгенийъ Андреевичъ, канд. ист.-фил. фак. Невскій пр., д. № 63, кв. 36.
132. *Сомовъ*, Александръ Андреевичъ, канд. ист.-фил. фак. Екатерининскій пр., д. № 97.
133. *Спасовичъ*, Владиміръ Даниловичъ, докторъ правъ. Кабинетская ул., д. № 7.
134. *Струве*, Николай Бернадовичъ, преп. ист. Гончарная ул., д. № 26.
135. *Судейкинъ*, Власій Тимофеевичъ, препод. полит. экон. Воскресенскій пр., д. № 9.
136. *Сырку*, Полихроній Агапѣевичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Вас. Островъ, 2 линія, д. № 15, кв. 4.
137. *Танъевъ*, Владиміръ Ивановичъ, прис. пов. Москва, Обуховъ пер., д. № 9.
138. *Ткачевъ*, Андрей Никитичъ, б. препод. Павловскъ, собственный домъ.
139. *Трачевскій*, Александръ Семеновичъ, б. проф. всеобщей исторіи. Саперный пер., д. № 16, кв. 42.
140. *Успенскій*, Фѳдоръ Ивановичъ, проф. Новорос. Унив. Одесса, Университетъ.
141. *Утинъ*, Евгенийъ Исаковичъ, прис. пов. Литейный пр., д. № 36, кв. 4.
142. *Фаминцинъ*, Александръ Сергѣевичъ. Вас. Островъ, 8 линія, д. № 17.
143. *Флексеръ*, Акимъ Львовичъ, канд. юрид. фак. Пушкинская ул., д. № 15, кв. 9.
144. *Фонъ-Фохтъ*, Ольга Марковна. Малая Итальянская, д. № 5.
145. *Фортинскій*, Фѳдоръ Яковлевичъ, проф. Унив. Св. Владиміра. Кіевъ, Университетъ.
146. *Фрасеръ*, Георгій Фѳдоровичъ. Верейская ул., д. № 12.
147. *Хахановъ*, Александръ Соломоновичъ, препод. Лазар. Инст. вост. языковъ. Москва, Лазаревскій Институтъ.
148. *Цѣтковскій*, Юрій Юрьевичъ, препод. рус. слов. Петерб. Сторона, Мытнинская набережная, д. № 11.
149. *Чебышевъ*, Александръ Александровичъ. Знаменская, 17.
150. *Чеховъ*, Николай Владиміровичъ, канд. ист. фил. фак.

151. *Чумикій*, Владиміръ Михайловичъ, препод. рус. слов. Невскій пр., д. № 108.
152. *Шафрановъ*, Петръ Александровичъ. Вас. Островъ, 10 линія, д. № 37—2, кв. 12.
153. *Шеллеръ*, Александръ Константиновичъ, писатель. Ковенскій пер., д. № 14.
154. *Шибersonъ*, проф. Гельсингфорскаго Унив. Гельсингфорсъ, Университетъ.
155. *Шумигорскій*, Евгеній Севастьяновичъ. Фонтанка, д. № 62, Петровское Училище.
156. *Щепкина*, Екатерина Николаевна. Виленскій пер., д. № 9.
157. *Шукаревъ*, Александръ Николаевичъ, магистрантъ всеобщ. ист. Сергѣевская, д. № 81, кв. 4.
158. *Эвальдъ*, Сергѣй Ивановичъ, препод. ист. Ждановская ул., д. № 5.
159. *Эмзентъ*, Адольфъ Юстиновичъ, препод. франц. яз. Вас. Островъ, уголь Средняго пр. и 1-й линіи, д. № 48—9.
160. *Якушкинъ*, Вячеславъ Евгеньевичъ, прив.-доц. Москов. Унив. Москва, Университетъ.
161. *Яроцкій*, Василій Гавриловичъ, прив.-доц. Петерб. Унив. Литейная, д. Мурузи, кв. 33.
162. *Ододоровъ*, Владиміръ Васильевичъ. Вас. Островъ, 10 линія, Патриотическій Институтъ.

ЧЛЕНЪ-СОРЕВНОВАТЕЛЬ.

163. *Котляревская*, Екатерина Семеновна. М. Итальянская, 2.
-